

Е. ПРИСТЕР

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
АВСТРИИ

9(И)
П77

Е. ПРИСТЕР

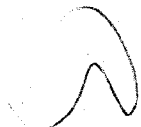
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АВСТРИИ

Сокращенный перевод с немецкого

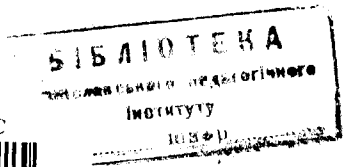
Н. М. СОВОЛЕВОЙ, М. П. СОКОЛОВА
и Л. П. ХВОСТОВОЙ

Редакция и предисловие

М. А. ПОЛТАВСКОГО

30828

НБ ШУС

59888

И*Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—1952

E. PRIESTER

KURZE GESCHICHTE
ÖSTERREICHS

1949

WIEN

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале апреля 1945 г. Советская Армия, громя и преследуя гитлеровские полчища, вступила в пределы Австрии и за короткое время освободила всю восточную часть страны от немецко-фашистских захватчиков. Австрия получила возможность стать свободным, независимым, миролюбивым, подлинно демократическим государством. С первых дней освобождения Австрии советское правительство неизменно оказывает всемерную помощь австрийскому народу в его борьбе за независимость родины, за установление демократических порядков. Советское правительство в своем заявлении от 9 апреля 1945 г. подчеркнуло, что оно «...не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии. Советское Правительство стоит на точке зрения Московской декларации союзников о независимости Австрии. Оно будет проводить в жизнь эту декларацию. Оно будет содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений»¹.

Советское военное командование в Австрии оказало австрийскому народу помощь в воссоздании политических партий, профсоюзных и общественных организаций, в создании Временного правительства и местных органов управления. Оно оказало жителям Вены и других городов восточной Австрии чрезвычайную помощь продовольствием и широкую помощь в восстановлении мостов, дорог, железнодорожного транспорта, школ и т. д.

Сложившиеся в 1945 г. благоприятные возможности для австрийского народа не были, однако, использованы. Вскоре у власти в стране оказались лидеры клерикальной народной партии и правые социалисты. Создав реакционный правительственный блок, они встали на путь предательства интересов народа и национальной независимости страны в угоду американско-английским империалистам. Против сил демократии в ее борьбе за независимость Австрии объединились в один реакционный лагерь католическая «народная» партия (АНП) и «социалистическая» партия Австрии (СПА), являющиеся опорой оккупационных властей США, Англии и Франции.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», Госполитиздат, 1947, т. III, стр. 171.

Вступив на территорию западной Австрии только через месяц после освобождения восточной части Австрии Советской Армией, американские, английские и французские войска установили в оккупированных ими районах страны террористический режим, опирающийся на реакционные силы внутри страны.

Грубо и нагло попирая суверенные права австрийского народа и нарушая взятые ими на себя международные обязательства, империалисты США, Англии и Франции срывают заключение государственного договора с Австрией, стремятся затянуть на неопределенное время оккупацию страны и превращают Австрию в орудие агрессивного Атлантического блока. Американские империалисты ставят своей целью использовать Австрию в качестве плацдарма для своих военных авантюр.

Беспримерной по наглости и цинизму является экономическая экспансия американского империализма. Под видом «экономической помощи» американские хищники захватили в свои руки всю экономику западной Австрии.

В интересах американских монополий Австрия все больше превращается в колониальный придаток США, ее экономика переключается на обслуживание военной промышленности и восстанавливаемой реваншистской армии Западной Германии, которой американские империалисты отводят главную роль в своих планах колонизации Западной Европы и развязывания вооруженной агрессии против СССР и стран народной демократии.

Эту губительную для Австрии и ее независимости политику империалистов США поддерживают реакционные силы самой Австрии, в первую очередь австрийское правительство и лидеры партий правительственного блока. По прямому заданию американских империалистов австрийское правительство приступило к созданию армии в западных зонах страны и расходует огромные средства на расширение и переоборудование крупных военных заводов, построенных в стране еще гитлеровцами.

В целях осуществления агрессивных планов англо-американских империалистов австрийское реакционное правительство проводит политику, лишаящую австрийский народ остатков их демократических прав и ведущую к снижению жизненного уровня трудящихся. Реальная зарплата рабочих и служащих снижается, растет безработица; с другой стороны, растут прибыли капиталистических монополий.

Подлую роль лакеев и агентов американского капитала в Австрии, роль предателей своего народа играют лидеры «социалистической» партии.

Врагами австрийской независимости являются лидеры католической австро-фашистской «народной» партии. В рядах АНП находят прибежище самые закоренелые мракобесы из гитлеровского лагеря.

При содействии лидеров СПА и АНП в 1949 г. была создана неофашистская партия, так называемый «Союз независимых». В том же году при АНП была создана организация «Молодой фронт», объединяющая бывших гитлеровцев и претендующая на участие и влияние в политической жизни страны.

Газеты АНП, Союза независимых, Молодого фронта занимаются систематической пропагандой пангерманизма, восхваляют Гитлера и Муссолини.

Борьбу австрийского народа за мир, свободу и независимость страны, за демократические права возглавляет коммунистическая партия Австрии. Она систематически и повседневно разоблачает агрессивную политику американо-английских империалистов и их лакеев из австрийского правительства и правительственных партий Австрии.

В развертывающейся в Австрии, так же как и во всем мире, ожесточенной борьбе двух лагерей — лагеря поджигателей войны, фашистской реакции, врагов свободы и независимости страны, с одной стороны, и лагеря мира, демократии, прогресса и дружбы народов, с другой, — важную роль играет вопрос о научном освещении истории Австрии.

Стремясь лишить Австрию и австрийский народ свободы и независимости, реакционный лагерь использует в своих целях буржуазную историческую науку. Так же как в отношении истории всех других народов и истории международных отношений, буржуазная историография в своей «обработке» истории Австрии «...преследует цели, не имеющие ничего общего с объективным и добросовестным отношением к исторической правде»¹.

В угоду своим заокеанским хозяевам буржуазные псевдоисторики фальсифицируют историю австрийского народа и австрийского государства, искажают исторические факты. Американские, английские, австрийские и прочие фальсификаторы истории следуют по стопам мракобесов из пангерманского лагеря, которые утверждали, что австрийский народ не имеет самостоятельной истории, изображали историю Австрии не как историю самостоятельной нации, а как историю «восточной марки» Германской империи. Известно, что тем самым пангерманские историки идеологически подготовляли и оправдывали аннексию Австрии Германией.

Пангерманское движение в Австрии конца XIX и начала XX в. отразило страх австрийской буржуазии перед растущим рабочим движением, с одной стороны, и перед национально-освободительным движением народов, находившихся под гнетом Габсбургской монархии, с другой стороны. Австрийская буржуазия стремилась

---

¹ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», М., Госполитиздат, 1948, стр. 3.

опереться на поддержку более сильной германской буржуазии в своей борьбе против австрийского рабочего класса и угнетенных народов монархии. В «идее» аншлюсса (присоединения Австрии к Германии), пронизывавшей все писания буржуазных историков Австрии, отражались, таким образом, не только экспансионистские стремления германской буржуазии, но агрессивность и реакционность австрийской буржуазии, ее ненависть к рабочему классу и к угнетаемым ею славянским и другим народам. В этой «идее» отражалось стремление австрийской буржуазии укрепить свое господство ценой дележа награбленного с германским разбойничьим империализмом.

Лидеры австрийской социал-демократии Реннер, Бауэр и другие, став на путь предательства интересов австрийского народа, с 1918 г. открыто выступали за присоединение Австрии к Германии.

Являясь заядлыми «реакционерами, защитниками худшего оппортунизма и социал-предательства»¹, эти лидеры социал-демократии дошли до такой подлости и низости, что пропагандировали тезис о «нежизнеспособности» Австрии, активно поддерживали выдвинутую пангерманцами точку зрения, будто Австрия — это второе немецкое государство, австрийцы — те же немцы и будто австрийский народ не имеет своей национальной культуры, своей собственной истории.

В 1938 г. лидеры социал-демократии, продавшись гитлеровцам, восторженно приветствовали захват Австрии и ликвидацию ее независимости. К. Реннер выступил с заявлением, что аншлюсс, проведенный Гитлером, был мечтой всей его жизни и является прогрессивным актом. Реннер призывал австрийский народ одобрить разбойничью политику Гитлера.

После второй мировой войны, выполняя заказ американских империалистов, буржуазные и право-социалистические историки связали «идею» аншлюсса с буржуазной идеей создания Соединенных Штатов Европы, стремясь замаскировать свое отрицание национальной самостоятельности австрийского народа и стремление к ликвидации независимости Австрии с помощью космополитизма — этого отравленного идеологического оружия агрессивной американской империалистической буржуазии.

Именно эту цель преследует вышедшая в 1949 г. книга реакционного американского историка Ч. Гулика «От Габсбурга до Гитлера». Книга проникнута духом космополитизма, в ней автор усиленно расхваливает лидеров австрийской социал-демократии как верную опору австрийской буржуазии и призывает своих хозяев с Уолл-стрита шире пользоваться их услугами.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 6.

Примеру американских фальсификаторов истории и проповедников буржуазного космополитизма следуют и австрийские буржуазные историки. Они усиленно «обрабатывают» историю Австрии в угодном для своих хозяев направлении. Характерно, что буржуазные австрийские историки не написали ни одной работы, в которой разоблачалась бы гитлеровская агрессия в отношении Австрии. В том небольшом количестве книг, которое увидело свет за последние годы, нетрудно обнаружить антипатриотические, пангерманские, космополитические, реакционные взгляды их авторов. К числу таких книг относятся «труды» Люкса, Тремеля, Гстой, Литшауэра и правого социалиста Эндреса.

В предисловии к своей книге «История Европы и Востока» Эндрес пишет, что его книга служит определенной цели — «доказать, что европейцы — одна нация, несмотря на различия в языках». Эндрес также утверждает, будто все европейцы происходят от древних германцев, и цинично признает, что его точка зрения совпадает со взглядами гитлеровских «ученых». В другой своей книге «Государство и общество» Эндрес в угоду американским империалистам призывает европейские государства отказаться от своего суверенитета.

Коммунистическая партия Австрии разоблачает растленную космополитическую, антинародную пропаганду американских и австрийских буржуазных фальсификаторов истории и их правосоциалистических подпевал. Руководствуясь великим учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, австрийские коммунисты настойчиво борются за то, чтобы очистить историю австрийского народа и австрийского государства от буржуазного псевдонаучного хлама и теоретически обосновать проблему формирования и самостоятельного развития австрийской нации. Тем самым компартия борется за независимость Австрии и за создание свободного, подлинно демократического государства.

Состоявшийся в 1946 г. XIII съезд коммунистической партии Австрии подчеркнул необходимость решительной борьбы против антинародной «теории» отрицания австрийской нации и указал, что проповедники этой «теории» стремятся духовно разоружить австрийский народ, подорвать его волю к борьбе за независимость и свободу. В Основных принципах программы коммунистической партии Австрии, принятых тем же съездом, записано: «Мы — партия борьбы за национальную свободу и независимость Австрии, мы — австрийские патриоты и непоколебимые интернационалисты»¹.

За последние годы австрийские прогрессивные деятели опубликовали ряд книг и брошюр. Так, Франц Марек в своей брошюре

---

¹ Programmatische Leitsätze der Kommunistischen Partei Österreichs, Wien, S. 4.

«Зигзаги австрийской истории» развенчивает лживую легенду о «восточной марке»; книга Эрнста Фишера знакомит австрийского читателя с подлинной историей революции 1848 г. в Австрии. Ряд статей на исторические темы был помещен в теоретическом органе КПА «Вег унд циль».

Книга Е. Пристер «Краткая история Австрии», охватывающая период от древних времен до 1918 г., является первой попыткой дать в марксистском освещении историю австрийского народа.

Руководствуясь материалистическим пониманием истории, Е. Пристер сумела в основном правильно поставить и решить в своей книге ряд серьезных проблем. Е. Пристер удалось показать самостоятельное историческое развитие Австрии. Указывая, из каких племенных групп складывалось население Австрии в раннем средневековье, автор разоблачает расистские теории о происхождении австрийцев. В противоположность буржуазным историкам, рассматривающим исторический процесс только как деятельность королей, Е. Пристер стремится показать в качестве творцов истории народные массы. На разных этапах исторического развития автор находит замечательные примеры борьбы народных масс против внутренних и внешних угнетателей, приводит факты, разоблачающие антинациональную политику правящих классов.

Е. Пристер пытается поставить и решить в своей книге именно те важные и узловые проблемы истории Австрии, которые буржуазная историография не хотела, да и не могла осветить. Одним из достоинств книги является наличие в ней значительного фактического материала, иллюстрирующего процесс развития производительных сил страны. На этой основе автор стремится дать изложение политической истории, показать борьбу классов.

Правильно освещает автор образование австрийского многонационального государства. Е. Пристер отмечает, что именно угроза турецкого нашествия явилась той причиной, которая ускорила образование австрийского централизованного государства еще до развития капитализма и до образования наций.

«Там, где образование наций в общем и целом, — пишет товарищ Сталин, — совпало по времени с образованием централизованных государств, нации, естественно, облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства. Так происходило дело в Англии (без Ирландии), Франции, Италии. На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше обра-

зования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиваться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчинённых. Таковы: Австрия, Венгрия, Россия»¹.

Показывая, как в результате завоевания франками территории, занятой различными славянскими и другими племенами, образовалась Австрия, Е. Пристер характеризует и те методы порабощения и эксплуатации этих народов, с помощью которых укрепилось австрийское государство.

Следует отметить, что в первой части книги автор кое-где еще не критически воспроизводит созданную буржуазными историками легенду об особой миссии Австрии в спасении Европы от турецкого нашествия. Эту ошибку автор исправляет во второй части книги, разоблачая указанную легенду. В этой связи интересно напомнить, что эту шовинистическую легенду об особой миссии Австрии, имевшую своей целью оправдать захват и порабощение Австрией Венгрии, Чехии и южно-славянских стран, давно уже развенчали русские революционные демократы. Так, А. И. Герцен писал в 1859 г.: «Быть может, в те отдаленные времена, когда турки были опасны, когда весь юго-восток Европы бродил в неустроенном состоянии, открытый нападениям и не имел опоры, может, тогда и была какая-нибудь польза от этого железного обруча, набитого на несколько народов; хотя и тут надобно заметить, что Польша и Венгрия спасли Вену от турок, а не Вена их»².

Уделяя большое внимание вопросу о влиянии французской буржуазной революции конца XVIII в. на Австрию, Е. Пристер осветила историю так называемого якобинского заговора 1795 г. (центрами которого были Вена и Будапешт), движения, которое упорно замалчивалось буржуазными историками. Несомненный интерес представляют страницы, посвященные патриотическому восстанию тирольцев в 1809 г. и революции 1848 г.

Изложив историю заселения военных границ и рассказав, как осуществлялась переселенческая политика австрийских правящих классов, автор сумел показать, как создавались очаги национальной розни и вражды, как создавалась «лоскутность» страны.

Разоблачая агрессивность австрийской буржуазии накануне революции 1848 г., ее стремление укрепить свое господство в Венгрии и других неавстрийских землях монархии, превратить их в

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 15—16. См. также т. 2, стр. 303—304.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, т. X, стр. 7.

свои колонии, в поставщиков сырья для своей промышленности, автор раскрыл причины реакционности австрийской буржуазии, ее страха перед революцией, а также показал, почему не смог существовать единый фронт австрийской и венгерской буржуазии против абсолютизма. Тем самым автор облегчил читателю понимание вопроса о причинах поражения буржуазных революций 1848 г. в Австрии и Венгрии.

Впервые в книге по истории Австрии, охватывающей такой большой период, сделана попытка дать более или менее систематическое изложение истории рабочего движения. Автор правильно подчеркнул влияние русской революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции на развитие рабочего движения Австрии.

В книге имеются материалы, вскрывающие корни оппортунизма в австрийском рабочем движении.

Автор правильно излагает политику экспансии Габсбургов в начале XX в. и растущую зависимость этой политики от германского империализма.

Книга дает убедительный материал, служащий иллюстрацией к известному положению И. В. Сталина о том, что в условиях буржуазного государства, которое проводит политику подавления и угнетения народов и их взаимного натравливания, опыт создания многонационального государства, каким являлась Габсбургская монархия, обречен на неудачу.

«Противоречия интересов господствующей нации, — говорит товарищ Сталин, — с интересами подчинённых наций являются теми противоречиями, без разрешения которых невозможно устойчивое существование многонационального государства. Трагедия многонационального буржуазного государства состоит в том, что оно не в силах разрешить эти противоречия, что каждая его попытка «уравнять» нации и «оградить» национальные меньшинства, при сохранении частной собственности и классового неравенства, кончается обычно новой неудачей, новым обострением национальных столкновений»¹.

«Краткая история Австрии» Е. Пристер написана популярно, образно.

Вместе с тем книга Е. Пристер не лишена серьезных недостатков. Основной причиной этих недостатков является то, что автор в ряде вопросов отстает от метода исследования, основанного на историческом материализме. В ряде случаев, особенно в освещении отдельных вопросов, изложенных в первой части книги, автор не сумел освободиться от влияния либеральной буржуазной историографии.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 16.

Автор придерживается периодизации истории, установленной буржуазными историками. В первой части книги, которая вышла в Австрии отдельным изданием в 1946 г., дается история Австрии с раннего средневековья до начала XVII в., включая крестьянскую войну 1626 г. под руководством Фадингера и Тридцатилетнюю войну. Автор ошибочно утверждает, будто победой контрреформации завершается этап борьбы за создание централизованного абсолютистского государства, после чего наступает новый этап, изложение которого дается во второй части книги, вышедшей в свет в 1949 г. Таким образом, всю историю средних веков и новую историю автор делит на два периода: период до создания абсолютистского государства и период господства абсолютизма.

Автор неправ, когда утверждает, что с ликвидацией феодальной раздробленности наступает конец феодализма, и противопоставляет феодализму абсолютизм как совершенно новую формацию. Такое толкование абсолютизма и противопоставление его феодализму абсолютно неверно. Основой феодализма является феодальная собственность на землю. Это относится как к периоду феодальной раздробленности, так и к периоду образования и существования абсолютной монархии. Абсолютная монархия возникает в результате развития национального рынка, а также из необходимости создания сильной центральной власти для порабощения эксплуатируемых крестьян. Абсолютная монархия выражает интересы дворянства и является последней государственной формой феодального общества. Частые крестьянские восстания в период абсолютизма подрывают основы феодализма. В ряде стран Европы буржуазия возглавляет на этом этапе революционную борьбу крестьян против феодалов с тем, чтобы захватить власть в свои руки. В этих странах не абсолютные монархии, а буржуазные революции ликвидировали феодальный строй и утвердили господство капитализма.

В трактовке вопроса о развитии феодализма автор допускает и другую серьезную ошибку: Е. Пристер считает, что в большинстве стран феодализм является чем-то привнесенным извне, отступая в данном случае от марксистско-ленинского положения о возникновении производительных сил нового общества в недрах старого. Марксизм-ленинизм учит, что «...возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя...»¹

В книге Е. Пристер имеется ряд других ошибок. Так, например, автор описывает в идиллическом духе эпоху первобытно-об-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 123.

щинного строя, забывая при этом охарактеризовать его как период, особенностью которого является чрезвычайная отсталость техники, слабое разделение труда и т. д.

Автор сбивается на неправильное объяснение ряда явлений в развитии феодализма. Так, например, Е. Пристер идеализирует отношения между феодалом и крестьянином в период раннего средневековья; автор рассматривает их как отношения между патроном и его подзащитным, который в благодарность за оказываемую защиту выполняет определенные, сравнительно легкие повинности. Действительно, в тот период, когда войны между феодалами были почти повседневным явлением, крестьяне иногда отдавали себя под защиту сильного феодала и превращались в подвластных ему крестьян. Но это только одна из форм закрепощения крестьян и образования феодальной крупной собственности. Были и другие формы захвата крестьянских земель феодалами: королевские наместники и чиновники путем обмана и насилия прибирали к рукам земли свободных крестьян и заставляли их признавать свою власть. На раннем этапе феодализма родовые старейшины и военачальники племен отбирали у крестьян завоеванных территорий их земли и раздавали своим дружинникам, которые превращались таким образом в крупных землевладельцев.

Не совсем верным является утверждение о том, что повинности крестьян были точно регламентированы и не могли быть превышены произвольно. Энгельс писал, что «...в X—XII столетиях всемогущество дворянства и церкви тяжелым гнетом лежало на крестьянах, доводя их до положения холопов»¹. В этом отношении австрийские крестьяне в X—XII вв. не составляли исключения.

Некоторое приукрашивание положения крестьян Е. Пристер допускает и при изложении истории крестьянских войн XV—XVII вв. Автор ссылается на историка крестьянских войн Циммермана и цитирует выдержки из его произведения. При этом Е. Пристер не учитывает высказывания Ф. Энгельса по тому же вопросу. Энгельс использовал фактический материал Циммермана, но он проанализировал его с позиций исторического материализма и отметил, что Циммерман не сумел «...представить религиозно-политические спорные вопросы этой эпохи как отражение классовой борьбы того времени» (см. предисловие Энгельса к работе «Крестьянская война в Германии»²). Описывая тяжелый гнет, которому подвергались крестьяне, Энгельс перечисляет сле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 639.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 592.

дующие причины восстания в Вюрцбургском епископстве в 1476 г.: дурное управление, многочисленные налоги, поборы, феодальные распри, войны, пожары, тюрьмы, бесстыдный грабеж их селений епископом, попами и дворянством. Е. Пристер не имела оснований для иных выводов о причинах восстания австрийского крестьянства. Имея в виду восстание в альпийских землях Австрии, Энгельс писал, что эти земли находились в непрерывной оппозиции к правительству и дворянству, вследствие чего реформационные учения нашли себе здесь благоприятную почву, что восстание было вызвано религиозными преследованиями и произволом, царившим в обложении, что новые незаконные налоги и пошлины сильно задели самые кровные интересы народа ¹.

Неудачным следует считать и анализ истории крестьянской войны начала XVI в. Автор делает неправильный вывод о победе восставших крестьян, хотя известно, что положение крестьян после крестьянской войны начало все более ухудшаться. Анализируя историю восстания Фадингера (начало XVII в.), автор как бы становится на позиции сторонников перемирия и компромисса, вместо того, чтобы разоблачить измену зажиточной части восставших и вероломство Фердинанда. Как и в освещении некоторых других вопросов, автор здесь пользуется либеральными формулировками и не вскрывает всей остроты классовой борьбы.

Ошибки имеются и в оценке реформации и контрреформации в Австрии, в анализе Тридцатилетней войны. В контрреформации, которую возглавляли австрийские Габсбурги, автор усматривает прогрессивное движение, так как контрреформация якобы преследовала цель укрепления централизованного государства; в сопротивлении же Чехии в начале Тридцатилетней войны Е. Пристер видит только борьбу чешского дворянства за свои сословные привилегии. Е. Пристер далее считает, что, поскольку феодальная знать в Австрии, борющаяся против централизации государственной власти, примкнула к реформации, последняя является реакционным движением. Е. Пристер подходит к вопросу не диалектически. Процесс централизации государственной власти на том этапе был прогрессивным явлением; однако Габсбурги, стремясь укрепить свою власть, не ограничивались территорией собственно Австрии и перенесли свои династические агрессивные вождедения в Чехию; здесь они столкнулись с возросшим сопротивлением чешского народа. В борьбе за укрепление своего господства в Чехии Австрия играла роль агрессивную, реакционную. В борьбе против чехов Габсбурги опирались на католическую церковь, на

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, тл. VI, Соч., т. VIII.

силы контрреформации и европейской реакции. В Чехии борьба чешского дворянства, буржуазии и крестьянства против чужеземного гнета переплелась с борьбой против ненавистной католической церкви.

В самой Австрии против католической церкви выступало крестьянство и бюргерство под лозунгом реформации — это было прогрессивное движение; к нему примкнуло феодальное, удельное дворянство, стремившееся использовать лозунги реформации для сохранения своих привилегий.

Вторая часть книги выгодно отличается от первой, однако и в ней имеется ряд недостатков. В частности Е. Пристер подчеркивает гуманизм Марии Терезии и Иосифа II как причину, побудившую их провести соответствующие реформы. При этом автор не раскрывает классового содержания реформ, не показывает усиления эксплуатации трудящихся именно в те годы. Недостаточно резко показано усиление национального гнета при «просветителе» Иосифе II. Автор не подчеркнул с достаточной ясностью, что реформы Марии Терезии и Иосифа II были проведены прежде всего в интересах сохранения и укрепления абсолютизма, диктовались необходимостью дальнейшего развития промышленности. Следует также иметь в виду, что реформы Иосифа II были после его смерти фактически сведены к нулю.

Излагая историю Австрии в период «просвещенного» абсолютизма, автор нередко идеализирует личные качества того или иного государственного деятеля. Особенно это заметно в характеристиках, данных автором Евгению Савойскому, Кауницу и другим.

Е. Пристер в ряде мест подчеркивает более высокий уровень развития Австрии накануне революции 1848 г. по сравнению с Германией и грешит при этом против исторической правды. Маркс и Энгельс не раз указывали, что Австрия накануне революции 1848 г. являлась страной чрезвычайно отсталой.

В январе 1848 г. в работе «Начало конца Австрии» Энгельс дал следующую характеристику Австрии: «Пестрая, по кусочкам унаследованная и наворованная австрийская монархия, эта организованная путаница из десяти языков и наций, эта бессистемная смесь самых противоречивых обычаев и законов, — начинает, наконец, распадаться... Несомненно одно: ни для одной страны бурный поток революции и трехкратное нашествие Наполеона не прошли так бесследно, как для Австрии. Несомненно также, что ни в одной стране феодализм, патриархальность и рабское мещанство, охраняемые отеческой дубинкой, не сохранились в столь неприкосновенном и полном виде, как в Австрии»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 250.

Энгельс анализирует далее вопрос о причинах прочности австрийской монархии до самого начала XIX в. Он пишет: «Когда в Западной Европе прогресс буржуазной цивилизации [Энгельс имеет в виду начальный этап развития капитализма в недрах феодализма. — М. П.] привел к образованию крупных монархий, внутренние страны верхнего Дуная также вынуждены были объединиться в большое монархическое государство. Этого требовали уже интересы обороны. Здесь, в самом центре Европы, отсталые народы всех наречий и племен соединялись под скипетром Габсбургского дома»¹. Австрийская монархия была сильна до тех пор, пока сохранялась экономическая отсталость страны. Но приостановить развитие экономики невозможно. Введение машин повсюду подрывало основы отсталости и почву, на которой покоилась династия Габсбургов. Австрия, пишет Энгельс, «...выдержала даже французскую революцию, Наполеона и июльские бури. Но пара она выдержать не может»².

Серьезным упущением при изложении истории революции 1848 г. является то, что Е. Пристер ничего не сказала о роли Маркса и Энгельса в революции, не использовала имеющийся в Австрии материал о приезде Маркса в Вену в 1848 г. и его выступлениях на собраниях. Следует отметить, что и позже, в связи с изложением истории австрийского рабочего движения в 80—90-х гг., Е. Пристер не сообщает читателю о деятельности Ф. Энгельса и помощи, оказанной им австрийскому рабочему движению.

Заканчивая главу о революции 1848 г., автор не дает анализа причин поражения революции.

Е. Пристер дает интересный материал по истории образования дуалистического австро-венгерского государства. Однако изложение этого вопроса выглядит несколько односторонне; автор не дает анализа причин образования такого государства с точки зрения классовой борьбы, не связывает решение конституционного вопроса в 1867 г. с причинами поражения революции 1848 г.

В. И. Ленин в сентябре 1911 г. дал классический анализ этого вопроса в статье «Реформизм в русской социал-демократии»:

«Слабость пролетариата в Пруссии и Австрии была причиной того, что он не мог помешать аграриям и буржуазии совершить преобразование *вопреки* интересам рабочих, в самой невыгодной для рабочих форме, с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья...

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 251.

² Там же, стр. 255.

В самом деле, если Австрия восстанавливала упраздненную после поражения революции 1848 г. конституцию, если в Пруссии наступила «эра кризиса» в 60-х годах, то что это доказывает? Прежде всего, что буржуазное преобразование этих стран не было завершено...

Почему «кризисы» в Австрии и в Пруссии в 60-х гг. *оказались* «конституционными», а не революционными кризисами? Потому, что ряд особых обстоятельств облегчил трудное положение монархии («революция сверху» в Германии, объединение ее «железом и кровью»), потому, что пролетариат названных стран был тогда еще крайне, крайне слаб и неразвит, а либеральная буржуазия отличалась такой же подлой трусостью и изменами, как и русские кадеты»¹.

Недостатком второй части книги является то, что автор не дает ответа на вопрос, почему национальное движение в Австро-Венгрии после революции 1848 г. и до первой мировой войны не привело к образованию национальных государств. Е. Пристер не использовала тот замечательный анализ национального движения в Австро-Венгрии, который дали В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Разбирая сущность национального вопроса в Австрии после революции 1848 г., В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение», написанной в феврале — мае 1914 г., писал:

«Во-1-х, ставим основной вопрос о завершении буржуазно-демократической революции. В Австрии она началась 1848-м годом и закончилась 1867-ым. С тех пор почти полвека там господствует установившаяся, в общем и целом, буржуазная конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия.

Поэтому в внутренних условиях развития Австрии (т. е. с точки зрения развития капитализма в Австрии вообще и в отдельных ее нациях в частности) *нет* факторов, порождающих скачки, одним из спутников каковых может быть образование национально-самостоятельных государств»².

Второй причиной, тормозившей размах широкого национального движения в эти годы, являлся страх перед опасностью быть поглощенными соседними великими державами, являвшимися не менее реакционными, чем Австрия. В. И. Ленин писал об этом следующее:

«Таким образом создалось чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 204—205.

² Там же, т. 20, стр. 378.

совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями!»¹

Этим и объясняется, почему Австрия сложилась в «...двухцентровое (дуалистическое) государство...»²

Сущность национальной политики австрийской монархии раскрыта в следующем замечательном определении, данном И. В. Сталиным:

«Есть старая специальная система управления нациями, когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, даёт им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возиться с ними. Таким образом, приближая одну национальность, она давит через неё на остальные. Так управляли, например, в Австрии. Всем памятно заявление австрийского министра Бейста, когда он позвал венгерского министра и сказал: «ты управляй своими ордами, а я со своими справлюсь». То есть, ты, мол, жми и дави свои национальности в Венгрии, а я буду давить свои в Австрии. Ты и я — привилегированные нации, а остальных дави»³.

И. В. Сталин далее указывает, что такую же политику австрийцы проводили в Галиции и что эта система есть «...особая, чисто австрийская система — выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными»⁴.

Е. Пристер недостаточно остро критикует известную Брюнскую программу, ограничиваясь лишь указаниями, что она «неопределенна и туманно сформулирована» (стр. 463), что в ней «была неясность и в другом важном пункте» (стр. 464) и т. д.

Показывая на примерах, как лидеры австрийской социал-демократии скатывались на путь предательства и измены делу рабочего класса, автор неполно и не до конца разоблачает враждебную интересам рабочего класса политику В. Адлера, К. Реннера, О. Бауэра и других, подменивших вопрос о праве наций на самоопределение требованием культурно-национальной автономии.

В. И. Ленин дал гневную и резкую оценку культурно-национальной автономии в одноименной статье в декабре 1913 г.:

«На деле «культурно-национальная автономия», т. е. абсолютно чистое и последовательное разделение школьного дела по национальностям, выдумана не капиталистами (они пока погрубее приемы употребляют для разделения рабочих), а оппортунистической, мещанской интеллигенцией Австрии... Только на

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 379.

² Там же.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 254—255.

⁴ Там же, стр. 255.

востоке Европы, в отсталой, феодальной, клерикальной, чиновничьей Австрии, где *всякая* общественная и политическая жизнь застопорена мизерно-мелкой дракой (даже хуже: сварой, потасовкой) из-за языков, возникла эта идея отчаявшегося мелкого буржуа. Хоть бы разгородить раз навсегда все нации с абсолютной чистотой и последовательностью на «национальные курии» в школьном деле, если нельзя помирить кошку с собакой! — вот психология, породившая глупенькую «культурно-национальную автономию»¹.

В произведении «Марксизм и национальный вопрос», являющемся ценнейшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, И. В. Сталин писал: «Культурно-национальная автономия Шпрингера и Бауэра есть утончённый вид национализма»².

В спокойно-повествовательном тоне Е. Пристер сообщает, что «после партийного съезда 1897 г., на котором произошел раскол социал-демократической партии на шесть независимых, связанных лишь общим партийным руководством национальных групп, начался все возрастающий отход их друг от друга, вплоть до того, что они превратились фактически в совершенно самостоятельные партии» (стр. 468—469). Автор не дает резкой оценки этой измене делу рабочего класса со стороны вождей партии и сторонников сепаратизма.

Е. Пристер уделяет несколько страниц истории венского съезда социал-демократической партии в 1901 г. и делает правильный вывод, что именно на этом съезде, который похоронил Гайнфельдскую программу и принял новую программу, проникнутую духом ревизионизма, «австрийская социал-демократия вступила на тот путь, который неизбежно должен был ее привести к августу 1914 г.», т. е. к социал-шовинизму, к защите «своей» империалистической буржуазии.

Серьезным упущением при анализе новой программы социал-демократической партии является то, что автор, критикуя программу, не доводит до читателя замечательные высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина по этому вопросу.

Анализируя программу 1901 г. и сравнивая ее с Гайнфельдской программой, Ленин указал, что социалистическое сознание вносится в классовую борьбу пролетариата извне, подчеркнув, что марксистская партия есть соединение рабочего движения с социализмом. Этому же вопросу посвящен ряд замечательных работ И. В. Сталина³.

Е. Пристер правильно подчеркивает, что русская революция 1905 г. оказала величайшее влияние на революционное движение

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 457.

² И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 329.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 350—358; И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 56—58, 89—130, 160—172.

стран Европы. Автор подтверждает это данными о грандиозных демонстрациях, проходивших под лозунгом введения всеобщего и равного избирательного права. Но Е. Пристер в дальнейшем изложении отходит от вопроса о влиянии русской революции. Она не показывает, что рабочий класс, побуждаемый великим примером русских рабочих, вынудил господствующие классы Австрии приступить в 1905 г. к обсуждению требований о введении всеобщего избирательного права.

В заключительном слове по аграрному вопросу на объединительном съезде РСДРП в апреле 1906 г. В. И. Ленин заявил:

«...достаточно было австрийским рабочим получить телеграмму из Петербурга о преследуемом конституционным манифесте, чтобы заставить их сразу выйти на улицу, чтобы привести к ряду демонстраций и военных столкновений в крупнейших промышленных городах Австрии...»¹

В докладе о революции 1905 года, написанном в январе 1917 г., В. И. Ленин, анализируя международное значение русской революции и ее влияние на рабочее движение различных стран, писал об Австрии: «Не следует забывать, что, как только 30 октября 1905 года в Вену прибыла телеграмма о конституционном манифесте царя, это известие сыграло решающую роль в окончательной победе всеобщего избирательного права в Австрии.

Во время заседания съезда австрийской социал-демократии, когда товарищ Элленбоген — тогда он еще не был социал-патриотом, тогда он был еще товарищем — делал свой доклад о политической стачке, перед ним на стол была положена эта телеграмма. Прения были сейчас же прекращены. Наше место на улице! — вот какой клич прокатился в зале заседаний делегатов австрийской социал-демократии. И ближайшие дни увидали крупнейшие уличные демонстрации в Вене и баррикады в Праге. Победа всеобщего избирательного права в Австрии была решена»².

Е. Пристер чрезмерно подчеркивает зависимость внешней политики Австро-Венгрии от Германии и этим самым затушевывает агрессивность самих Габсбургов и австрийской империалистической буржуазии.

Анализируя историю раздела Польши, Е. Пристер неправильно освещает политику Австрии, которая якобы не хотела присоединять польские земли, и затушевывает тем агрессивность австрийской монархии и австрийской буржуазии.

Совершенно недостаточно показано в книге влияние Великой Октябрьской социалистической революции на рост национального самосознания народов, населявших Австро-Венгрию, недостаточно показано, как эта революция вдохновила народы Австро-Венгрии

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 254—255.

² Там же, т. 23, стр. 244.

на борьбу за свою независимость и ускорила их отпадение от австро-венгерской монархии и образование самостоятельных национальных государств.

Ряд нечетких формулировок автора разъясняется примечаниями в тексте книги.

Книга дается в сокращенном переводе.

Несмотря на имеющиеся в ней недостатки, книга Е. Пристер представляет интерес для советского читателя, так как она систематизирует огромный фактический материал и представляет первую серьезную попытку изложить историю Австрии с марксистско-ленинских позиций. Тем самым работа Е. Пристер наносит удар буржуазным фальсификаторам истории Австрии и является вкладом в дело борьбы за свободную, независимую, демократическую Австрию.

М. Полтавский.

Г л а в а I

ОТ ПОГРАНИЧНОЙ ОБЛАСТИ К ГЕРЦОГСТВУ

Рим и переселение народов

Римские легионы овладели землями на Дунае. Чтобы укрепить завоеванные области в военном отношении, римские завоеватели строили дороги через девственные леса, через горные проходы и вдоль рек и закладывали крепости, из которых постепенно выросли города. Так возникли города: Виндобона (Вена), Петропелль, Карнунт, Мутен (Брук на Лейте), Аланова (Клейн-Швахат). Многие города современной Австрии возникли на развалинах римских поселений. За короткое время римлянами была построена флотилия кораблей, которая несла патрульную службу на Дунае; для кораблей были устроены гавани. Римские поселенцы — солдаты и офицеры, отслужившие свой срок, — обосновывались в этой стране, римские ремесленники выставляли свои товары на улицах новых городов-гарнизонов. Из метрополии в колонию прибывали также римские купцы. Они привозили на север ткани и пряности, все, производившиеся в империи, готовые изделия и увозили на юг меха, рыбу и мед.

Римские поселенцы постепенно смешивались с коренным населением¹. Рядом с примитивно обработанными полями появились

¹ В рамках настоящей книги невозможно дать подробное изложение пред истории Австрии, то есть периода до ее завоевания римлянами. Укажем лишь на некоторые основные моменты: со времени появления в глубокой древности человеческого поселения территория современной Австрии была населена племенами, пришедшими с юга, востока, севера и запада, которые встретились в этой центральной области и смешались друг с другом. Вслед за племенами, явившимися с берегов Средиземного моря, пришли племена с севера и другие — с территории современной Испании; позднее к ним присоединились кельтские народы и племена этрусков — предшественников римлян. Около 2000 г. до н. э. Австрия, повидимому, входила в состав простиравшейся от берегов Адриатического моря до Силезии большой, сказочной Иллирийской империи, значительная часть которой была заселена славянскими племенами. В Тироле и на территории Форарльберга жили главным образом ретийские племена. Приблизительно в 500—400 гг. до н. э. произошло великое нашествие кельтов.

Процесс медленного завоевания областей современной Австрии римлянами начался лет за 200 до начала новой эры — точнее, примерно около 170 г. до н. э. Почти тогда же в Австрию начали просачиваться новые славянские племена. Одновременно явились народы с севера — кимвры, пришедшие,

имения, где хозяйство велось по римскому образцу, и поля, возделывавшиеся по правилам римской агрикультуры. На залитых солнцем склонах холмов появились первые виноградники. Язык римлян постепенно вытеснил местные диалекты. Римские алтари появились рядом со святилищами старых богов; впоследствии в колонии проникла и новая религия — христианство.

Здесь, как и во всех других областях, римское влияние ускорило распад старого племенного строя.

Земля, которой завладели римляне, теперь была далеко не мирным краем, которому неведомы грабительские походы и войны. Наряду с общинной собственностью на поля, пашни и скот существовала уже частная собственность на орудия, жилища, украшения, продукты продовольствия, оружие и даже на рабов. Людям был известен и способ приобретения всего этого: это была война, набеги на соседние племена. В этих войнах, в борьбе с набегами других племен образуется под руководством выборных племенных вождей слой молодых воинов, для которых война являлась основным занятием. Они выполняли — если не считать охоты — лишь незначительную часть общинных работ; их содержало племя, которое они защищали. Разумеется, обязанности воинов не ограничивались отражением нападений врагов. Как только представлялась благоприятная возможность, они и сами совершали набеги. Само собой разумеется, что при этих грабительских походах воины и их семьи получали львиную долю добычи. В то время когда римляне стали продвигаться на север, северо-запад и северо-восток, эти семьи, владевшие рабами и оружием, благодаря своему богатству уже начали выделяться из среды рядовых членов общины.

С первых лет существования империи Рим никогда не упускал возможности вербовать на военную службу «варваров», а поскольку границы территорий, которые надо было защищать, все расширялись и Рим уже не был в состоянии, отчасти и по внутренним причинам, формировать свои легионы из одних римлян, он начал все в большем количестве вербовать на военную службу молодых воинов покоренных племен, а также племен, живших

повидимому, с территории современной Дании. На рубеже новой эры за ними последовали маркоманы, первоначально жившие, вероятно, на землях современного Бранденбурга.

Состав населения областей, которые впоследствии и образовали Австрию, с самого начала отличался исключительной пестротой и разнообразием. Впрочем, римские писатели неоднократно обращали внимание на то, как быстро смешались друг с другом все эти племена и как трудно было уже по прошествии непродолжительного времени отличить пришельцев от коренных жителей страны. Трудно сказать, из каких народов образовалось в основном население современной Австрии. Здесь встретились восток и запад, юг и север, и из этого смешения кельтов и этрусков, иберийцев, славян и германцев возникло нечто своеобразное, нечто совершенно новое.

за линией римских пограничных укреплений. У римских воинов «варвары» обучились военному искусству, через них же они познакомились с жизнью и хозяйством Рима. Конечно, они не могли научиться всему. Высокоразвитое, в значительной степени городское хозяйство Рима, крайне сложная система управления и самый жизненный уклад римского общества — все это было слишком далеко от их мира. Однако они уже узнали, что существует иная, более богатая и легкая жизнь, чем та, к какой они привыкли, жизнь, которая невозможна в условиях сельской общины.

Рим завоевывал новые земли и обогащался, и римские солдаты также получали часть захваченных богатств. Молодые воины, служившие в римской армии, возвращались из походов богатыми — во всяком случае, в представлении своих соплеменников. Вместо двух-трех домашних рабов их семьи имели теперь по 40 или 50 рабов; эти воины являлись уже не только избранными вождями одного своего племени, но господствовали в качестве римских уполномоченных и над другими, покоренными племенами. Их могущество настолько возросло, что в конце концов древняя сельская община стала распадаться даже в областях, не подчиненных непосредственно римскому колониальному господству.

Распад сельской общины, длившийся несколько столетий, переход к обществу, в котором господствовали племенные вожди и воины, причем вожди вскоре завладели и основным средством производства того времени — землей, вызвали в Европе огромные изменения. Этот процесс был усложнен и замедлен тем обстоятельством, что распад сельской общины и переход к новому общественному строю происходил не везде одновременно и равномерно. В то время как в некоторых областях этот переход был уже завершен, в Европе появились новые племена, у которых он лишь начинался. Примерами, иллюстрирующими этот процесс, называемый великим переселением народов, являются продвижения гуннов, мадьяр, болгар, набеги датчан на территорию современной Англии, готов — на Италию и Испанию и т. д.

В различных частях Европы начинаются выступления отрядов воинов, объединенных под началом своих племенных вождей. Эти отряды устремлялись в соседние, более богатые области. Они были невелики — некоторые состояли всего из нескольких сот человек, другие — из нескольких тысяч. Гуннский король Аттила начал свой поход с двумя тысячами воинов. Основные же массы племени оставались на прежних местах своего жительства.

Многие воины, вторгавшиеся в соседние области с целью грабежа, оседали там и смешивались с коренным населением; другие отправлялись дальше и увлекали за собой воинов из новых областей или гнали их перед собой, подобно тому как одна волна гонит другую. Отдельные ручейки сливались в один поток, затопивший всю Европу. Переселение народов не следует, конечно,

представлять себе как быстрый, бурный натиск, как нечто вроде внезапного налета саранчи. Оно продолжалось несколько столетий, и когда оно закончилось, весь облик и вся хозяйственная структура нашего континента в корне изменились.

Под натиском переселения народов была сломлена та сила, которая невольно ускорила их нашествие, — Рим¹. Сначала произошло разделение Римской империи на Западную и Восточную. Но если Византия была в состоянии собственными силами отражать или подчинять наступавшие «варварские» племена, защищать свою территорию и впоследствии даже значительно расширить ее, то Западная Римская империя, задыхавшаяся в тисках хозяйственной системы, основанной на рабском труде, уже не имела сил для осуществления таких мероприятий. Господство перешло к армиям воинов-чужеземцев, находившимся на римской территории в качестве наемников или преторианской гвардии бесчисленных императоров и антиимператоров. Рим сделался добычей, а вскоре и ареной борьбы новых военачальников наемных войск.

Большинство «варварских» князей стремилось к захвату земель, как единственного источника богатств, единственного средства производства, которое было им известно. В сельских местностях их господство не повлекло за собой особенно глубоких изменений, не вызвало большой нужды или голода, если не считать опустошений, являвшихся следствием войн. Положение рабов, составлявших в то время в Риме большинство сельского населения, не ухудшилось — оно даже облегчилось в связи с начавшимся вскоре после этого переходом к феодальным отношениям. Кто действительно сильно пострадал, так это жители городов.

Воины-«варвары» грабили дома и дворцы, поджигали церкви и убивали тех, кто оказывал им сопротивление.

Города разрушались. Результатом разорения, упадка производства и нарушения торговых связей был голод в городах.

¹ В этой формулировке автор дал только частичное, одностороннее объяснение причин падения Римской империи. Марксистско-ленинская наука, исторический материализм, рассматривает падение Рима как гибель рабовладельческой формации, на смену которой пришла феодально-крепостническая формация. Этот процесс смены одной общественной формации другою явился результатом закономерного внутреннего упадка и кризиса рабовладения. Переход от рабовладельческой формации к феодальной сопровождался восстаниями рабов и колонов, расшатывавшими рабовладельческое общество, и нашествием «варваров», которые, как указывает товарищ Сталин, «...с громом опрокинули Рим» (И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 296).

Следует обратить внимание на тот факт, что первые сокрушительные удары Риму нанесли после известных крупных восстаний рабов не «варвары», не переселение народов, а восставшие в пределах Римской империи вестготы — федераты, к которым присоединялись рабы, колоны, солдаты римской армии. Этими восстаниями открыт был новый период революционных выступлений во всей Римской империи; вторжение «варварских» племен в пределы империи, а также восстания рабов и колонов и привели к крушению Римской империи. — *Прим. ред.*

То, что происходило в Риме, происходило и в римских колониях с той лишь разницей, что здесь переворот был более глубоким, разрушение старых порядков более полным. Римские легионы в течение долгого времени отражали нападения соседних племен на границы указанной территории, но они уже не могли воспрепятствовать непрерывному продвижению этих племен из земель, еще не охваченных колонизацией. Пришло время, когда приток пополнения из метрополии стал систематически уменьшаться, когда все чаще приходилось обращаться к местным и соседним вождям и воинам, для того чтобы обеспечить крепости гарнизонами и организовать их оборону. Затем провинцию пришлось оставить, и она была покинута легионами. Романизированная область, оставшаяся беззащитной, ожидала нападения «варваров». Они появились очень скоро. За гуннами Аттилы последовали готы, лангобарды, наконец авары, явившиеся с Востока и основавшие империю, простиравшуюся от Эннса до Южных Альп и от Адриатического моря до Карпат. Об этом времени известно очень мало. Мы знаем лишь, что пришельцы разрушили общественный строй, созданный римлянами в своих колониях, что производство пришло в упадок и города были разорены. Местами еще жили римские поселенцы, обрабатывавшие свои поля по римским методам ведения сельского хозяйства, кое-где еще зеленели виноградники. Однако постепенно леса начали наступать на поселения людей и вскоре вновь покрыли некогда отвоеванные у них земли.

Эпоха феодализма

В V—IX вв. большая часть Европы была подобна бурлящей массе раскаленного металла, которая еще не остыла и не приняла определенных форм. Ни одна область не была способна противостоять нашествию военных отрядов, рыскавших в поисках добычи и земель. Авары, гунны и венгры на востоке, норманны на севере и северо-западе, сарацины на юге и юго-западе боролись за установление своего господства вначале над Римом, а затем над его прежними владениями. Единственными границами были те, которые были установлены рукой военного вождя, единственным средством обеспечения безопасности были кинжал и стрела.

Характерной особенностью того времени является возникновение, и быстрое падение больших империй — государства остготов, Восточно-германской державы, империи Карла Великого. Эти империи, скроенные еще по римскому образцу и объединенные под властью сильного князя, могли существовать в таком виде лишь недолгое время. Ни один из новых князей не имел в своем распоряжении такой армии, аппарата управления и сети дорог, которые могли бы сравниться с римскими и позволили бы ему действительно осуществлять верховную власть в своей империи и защи-

щать ее от нападения врагов. Только Византийская империя, перенявшая почти без изменений и затем развившая многие элементы государственной системы и городского производства Рима, была уже в то время довольно сильной монархией; правда, она опиралась на новое феодальное дворянство, но верховная власть в ней все же принадлежала императору¹. В остальных крупных империях происходило следующее.

В условиях того времени было возможно управлять только небольшими территориями — в сущности, лишь такими, границы которых можно было объехать на коне за один день. Короли и князья, имевшие более обширные владения, должны были передавать управление отдаленными территориями другим лицам — своим родственникам, военачальникам, располагавшим сильной частной армией, состоящей из членов их племени, или даже местным правителям, чьи земли — в результате военного завоевания или в связи с распространением на них влияния церкви (христианизации) — попадали в сферу влияния связанных с церковью правителей. Местные князья получали от более крупного и сильного князя право на владение своей территорией — лен, как это называлось на языке того времени. Сильный князь обычно занимал либо территорию, отличавшуюся более высоко развитым хозяйством, чем окружающие земли, либо области, имевшие старое, созданное еще Римом городское производство, которое не было разрушено до конца во время переселения народов, либо, наконец, области, где еще до переселения народов начал развиваться феодализм. Именно поэтому Европа того времени не была равномерно

¹ При объяснении причин, обусловивших сохранение Восточной империи, Византии, следует исходить из особенностей ее развития. Восточная Римская империя, подобно Западной, пережила ряд крупных восстаний рабов и колонов. Эти восстания, соединившиеся с выступлениями «варваров», и положили конец господству рабовладельческого строя. Но если в Западной империи давно расшатывавшийся рабовладельческий строй рухнул в V в., а вместе с ним рухнула и сама империя, то в Византии процесс падения империи затянулся и принял иные формы. Причины этого коренятся в том, что Византия не знала того глубокого экономического кризиса рабовладения, какой ослаблял Рим. Ремесленное производство на Востоке было значительно более развито, чем на Западе. В городах Востока была ключом ремесленная и торговая жизнь. Торговые связи сплачивали империю экономически, а доходы от торговли давали империи возможность организовать сопротивление против нашествий, нередко подкупать вождей племен и принимать их на службу.

Своеобразие развития Византии состоит далее в том, что в сельском хозяйстве рабовладение не достигло здесь таких больших масштабов, как в Западной империи. Здесь рабы по своему положению стояли ближе к зависимым земледельцам — колонам. В крупных земельных владениях пользовались трудом колонов и только отчасти — трудом рабов. В связи с кризисом рабовладения здесь раньше и в большей мере начали сажать рабов на землю, превращать их в колонов. Поэтому и размах революционного движения был меньше и господствующему классу легче было подавить революционные выступления. — *Прим. ред.*

поделена между более или менее сильными королями, но политическая власть сосредоточивалась в определенных центрах: в Византии, на Рейне, в Южной Франции и в некоторых областях Италии.

Местные князья представляли собой светскую часть высшей знати, однако и они были не в состоянии эффективно управлять своими владениями только собственными силами. Они делили свою территорию на еще меньшие владения, раздавая лены войнам, своим любимцам, младшим сыновьям крупных княжеских фамилий или другим, мелким местным князькам. Часто и эти земли вновь дробились между еще более мелкими собственниками земель. Так возникло низшее дворянство (графы и рыцарство).

Считалось, что князья являются подданными короля; эта зависимость выражалась в том, что в благодарность за полученный лен и за оказываемую королем в случае необходимости военную защиту путем предоставления войска они отдавали королю часть дохода, получаемого ими со своих владений, несли военную службу в королевской армии и в спорах с другими князьями обращались к королю как к верховному арбитру. В тех областях, где положение было более или менее устойчивым и где расстояние между резиденцией правителя и владениями князей было не слишком велико — например, на территории современной юго-западной Франции, — положение короля также было иногда довольно прочным. Иначе обстояло дело в других областях, в которых между различными частями «империи» нередко не было никакой связи и которым постоянно угрожали нападения врагов — как, например, в Центральной Европе. Здесь король мог сколько ему было угодно отдавать распоряжения своим «подданным» — князьям; в большинстве случаев он не имел возможности заставить их выполнять эти распоряжения. Чем дальше находились владения князей от королевской резиденции, тем сильнее были эти князья и тем меньшей была их зависимость от своего «сеньора». Поэтому феодальный строй, например, на территории современной Германии или — позднее — на землях современной Польши, уже в очень ранние времена представлял собой скорее свободную федерацию князей, чем прочную «феодальную пирамиду»; в этой федерации центральный правитель играл как бы роль председателя и должен был почитать себя счастливым, если его подданные — князья оставляли его в покое¹.

¹ Автор ограничивается «географическим» объяснением причин феодальной раздробленности и слабости феодального государства в период раннего средневековья. Конечно, расстояние играло определенную роль, но не главную. Главной причиной феодальной раздробленности являлось отсутствие экономической связи между частями феодального государства. При господстве натурального хозяйства, зачаточном развитии городов, торговли и ремесла, этих экономических связей и не могло быть. Поэтому феодальные государ-

Самыми сильными и независимыми были местные князья пограничных областей и тех земель, которые постепенно — область за областью — были отвоеваны у непроходимых лесов или чужих племен; примером могут служить правители Чехии или несколько позднее Бабенберги в Австрии. Чехия со времен Карла Великого неоднократно входила в состав «Священной римской империи» и выходила из нее, но фактически она была совершенно самостоятельной. Бабенберги пришли на земли, которые сегодня являются австрийскими, даже не как вассалы императора, но как вассалы его «подданного» — князя Баварии. Очень скоро их обязанности свелись к чисто символическим актам, а их права сделались почти неограниченными.

Европа раннего средневековья была страной густых, непроходимых лесов и бурных рек, территорией, где целые области являлись еще *terrae incognitae*¹ — незавоеванным пространством. Вооруженный искатель приключений в рыцарских латах мог завладеть любой территорией, какую он был в состоянии удержать под своей властью. Практически каждый молодой человек, имевший лошадь, необходимое снаряжение и меч и способный объединить под своим начальством более или менее крупную дружину, мог отправиться на завоевания. Князь, в чьи владения номинально входила область, которую предполагалось завоевать, получал свою долю дохода от завоеванной территории и потому поддерживал продвижение колонистов — не только рыцарей, но и крестьян.

Но одним лишь мечом в средние века было так же невозможно завоевывать территории, как и в новое время. В средневековой Европе за завоевателем следовал крестьянин-поселенец — часто он шел впереди завоевателя. Обедневшие крестьяне, которые на новых территориях пользовались еще свободой и землей, младшие сыновья многодетных семей, искавшие пропитания и приключений, устремлялись в леса, покрывавшие часть Центральной Европы. На лесных полянах, в почти недоступных гористых районах возникали поселения свободных крестьян. Так были заселены некоторые области современной Австрии; право ношения оружия, принадлежавшее крестьянам многих австрийских областей до XVII в. ведет свое начало от тех времен, когда поселенец шел за плугом с оружием за плечами, чтобы быть в состоянии в случае необходимости отразить нападение аваров, гуннов и других соседних племен.

ства раннего средневековья, являвшиеся непрочными военно-административными объединениями, держались главным образом с помощью насилия и могли продержаться недолго. В этих условиях королю легче всего было держать в повиновении наиболее близко к нему расположенные владения своих вассалов. — *Прим. ред.*

«*Terra incognita*» (лат.) — неизвестная, неведомая земля. — *Прим. ред.*

Но меча крестьянина не везде было достаточно для того, чтобы защитить эти подвергавшиеся нападениям врагов территории. Люди, желавшие мирно пахать свою землю и собирать с нее урожай, нуждались в защитниках, для которых ведение войны было бы профессией. За эту защиту они были готовы отдавать часть своего урожая — иными словами, они согласны были обеспечивать воинам сравнительно высокий жизненный уровень. Так свободные крестьяне постепенно начали платить оброк местному дворянству. В других областях происходило обратное явление: воины-профессионалы завоевывали территории, на которых находились крестьяне-переселенцы или коренные жители и обещали им свою защиту. За это они присваивали основное средство производства того времени — землю. Эти воины-профессионалы устанавливали таким образом господство дворянства над завоеванными территориями.

Это не означает, что такой «договор» заключался крестьянами добровольно. Захват власти дворянством нередко находил свое внешнее проявление в борьбе *против* крестьян. Ведь земля, которую знатные землевладельцы обращали в свои лены, была, по крайней мере в более густо населенных областях Европы, не пустошью. Обычно там жили свободные крестьяне в ранее основанных поселениях; землевладелец прежде всего лишал их земли и свободы, так как без рабочих рук земля не приносила ему никакой пользы. Одной из вероятных причин возникновения княжеских коалиций, именовавшихся «империями», была потребность дворянства, нередко чужеземного, обеспечить себе союзников для подчинения коренного крестьянского населения; нередко, после того как подчинение завершалось, распадался и самый союз.

Очень часто процесс превращения членов прежней свободной сельской общины в крепостных знатного землевладельца совершался медленно и почти незаметно. Он затягивался на десятилетия или даже столетия; иногда он отходил на задний план и как бы стирался в водовороте нашествий и грабительских набегов врагов. Однако случалось и так, что господство устанавливалось огнем и мечом. Примером может служить подчинение Карлом Великим саксов и насильственное обращение их в христианство, что обошлось в тысячи человеческих жизней.

На территории современной Австрии такой ожесточенной борьбы, повидимому, не было. Это объясняется тем, что указанная область была пограничной и испытывала острую нужду в поселениях, так что ради увеличения их числа знать готова была примириться с тем, что многих из них нужно было освободить от повинностей по отношению к дворянству.

Основным населением территории, являвшейся в IX в. франкской маркой, а в X в., после отступления мадьяр, сделавшейся Баварской восточной маркой, были славянские племена, только

что начавшие переселяться с севера и востока и осваивать незанятые земли. В их среде также начал развиваться феодализм. Однако, в конечном счете, люди, ставшие носителями феодализма на территории Австрии — новые господа, упрочившие феодализм и завершившие его развитие, явились и сюда «извне» — прежде всего с территории современной Франции и современной Баварии. В Австрии, как и в других странах, рыцари и колонисты очень скоро смешались с местными крестьянами и князьями и со славянскими поселенцами, образовав новое население, подобно тому, как из слияния норманнов и англо-саксов образовался тот народ, из которого впоследствии развилась английская нация. Из слияния баварских и франкских пришельцев с местным славянским населением и возник народ, который впоследствии превратился в австрийскую нацию.

Основатели Баварской восточной марки явились, без сомнения, с территории, на которой много столетий спустя образовалось Германское государство. Но на основании этого факта нельзя делать вывода о какой-то специфической, особенно тесной связи между австрийцами и немцами, о том, что австрийцы являются «настоящими немцами». С таким же основанием и с таким же успехом можно было бы заявить, что англичане «в действительности» являются французами — так как норманны пришли к ним из районов современной Франции.

Образование Австрии

Около тысячи лет назад впервые появляется в истории название «Остаррихи» (Восточная империя). В 976 г. была основана Баварская восточная марка. Она принадлежала маркграфу Леопольду Бабенбергу, вассалу герцогов баварских; последние, в свою очередь, были подданными императора. В 996 г. вновь отвоеванная от венгров заселенная область простиралась до Венского леса. Тридцатью годами позже она расширилась уже до реки Лейты.

Слова «заселенная область» не надо понимать в их современном значении. Уже появились отдельные города — Вена, Маркт Мёдлинг, — однако в хозяйственной и политической жизни страны они, можно сказать, еще не играли никакой роли. Земля была раздроблена между небольшими, совершенно изолированными друг от друга замками, монастырями, усадьбами и — кое-где — поселениями свободных крестьян.

Типичным поселением эпохи феодализма являлся замок или имение, называемое «фронгоф»¹. Дом дворянина-землевладельца,

¹ Die Fron — по-немецки барщина; слово «фронгоф» может быть переведено как поместье, для которого характерны барщинные отношения. — *Прим. ред.*

представлявший собой одновременно и жилище и крепость, являлся центром деревни с прилегающими к ней полями, пастбищами и лесами. Система «фронгофов» была воплощением неписаного и часто насильственно установленного закона феодализма. Землевладелец должен был защищать от вражеских нападений свое поместье, членов своей семьи и домочадцев, а также обязанных нести военную службу свободных крестьян и в известной мере следить за соблюдением в этом поместье законности. За это крестьянин кормил его и одевал.

Крестьяне делились на «свободных», «зависимых» и «крепостных». «Свободные» крестьяне были обязаны оказывать землевладельцу вооруженную помощь и нести определенные незначительные повинности. «Зависимых» скорее всего можно сравнить с современными арендаторами. За право пользоваться землей (принадлежащей владельцу) они должны были уплачивать определенные, точно установленные подати — натурой или отработкой, но при желании могли и уйти со своей земли. «Крепостной» был прикреплен к земле. Он не имел права покинуть ее, но его нельзя было и согнать с обрабатываемого им участка. Он также нес по отношению к землевладельцу определенные повинности — частично в форме взносов натурой, но преимущественно работой в определенные дни на его полях. Размер повинностей был точно фиксирован, и их нельзя было произвольно увеличивать. На протяжении двух последующих столетий во всей Европе все более стирались различия между «свободными», «зависимыми» и «крепостными» крестьянами, то есть иными словами «свободные» и «зависимые» также постепенно становились «крепостными».

«Фронгоф» был замкнутой, самодовлеющей хозяйственной единицей. Все средства существования — продовольствие, одежда, оружие и предметы обихода — все, в чем нуждались владелец замка и крестьяне, изготовлялось в самом имении. Лишь изредка туда заезжал какой-нибудь странствующий купец и предлагал кое-какие предметы роскоши — шелковые ткани, пряности, украшения; но едва ли эти немногочисленные предметы роскоши играли сколько-нибудь заметную в хозяйственной жизни «фронгофа» роль.

Землевладелец не требовал от крестьян больше, чем сам он мог съесть и износить или, самое большее, отложить про запас или подарить; поэтому он не был особенно заинтересован в повышении производительности труда крестьянина.

Однако если крестьянин желал непременно покинуть свое место жительства, он мог это сделать в Австрии того времени еще сравнительно легко. Австрия была «маркой», отдаленной пограничной областью. В большинстве случаев крестьянин, изъявлявший готовность отправиться в качестве колонизатора в самые отдаленные и опасные области, получал в то время, когда еще не

был окончательно завершен процесс колонизации незанятых земель, свободу и право собственности на обрабатываемую им землю. Как правило, такой крестьянин подчинялся непосредственно местному князю, а не мелкому рыцарю. Поэтому в Австрии, как и в большинстве пограничных земель, существовал довольно высокий процент свободных крестьян, часть которых, например крестьяне Тироля, так и не утратили своей независимости.

Наряду с имениями дворян в Восточной марке находились поместья местного князя, поместья баварских герцогов и домены императора — в то время императору принадлежало в этой марке до 80 доменов. Приблизительно треть земель принадлежала церкви, которая получала землю обычно от местного князя, но иногда и от более мелких землевладельцев.

Первыми крупными поселениями во вновь завоеванной Австрии были монастыри — Эберсбергский, Кремсмюнстерский, Зальцбургский.

Владения церкви в основном имели такую же социальную структуру, как и светские имения, с той лишь разницей, что место землевладельца занимало то или иное духовное лицо или монастырская община в целом, как определенная организация. Эти имения также были замкнутыми хозяйственными единицами, в которых, впрочем, уже с очень раннего времени ремесло было развито в значительно большей степени, чем в обычных дворянских поместьях. Более современные и интенсивные методы ведения хозяйства на церковных землях¹ уже очень рано дали монастырям возможность накапливать большие запасы продовольствия и предметов ремесленного производства. Товары обменивались или продавались странствующим купцам — первые купеческие складочные пункты в Австрии возникли на церковных землях.

Австрия до конца XIII в.

За время с XI по XIV в. маленькая, зависевшая от Баварии Восточная марка превратилась в самостоятельную страну — Австрию. Австрийские вассальные князья сделались герцогами, обязанности которых по отношению к императору с течением времени стали носить уже почти исключительно символический характер. В 1156 г. Австрийская марка превратилась в герцогство, в 1190 г. герцог Леопольд V Бабенберг присоединил к Австрии Штирийскую марку. В середине XIII в. последний Бабенберг завоевал Крайну, в середине XIV в. была завоевана Каринтия. Тироль с XIII в. входил уже в сферу влияния австрийских герцогов, но не являлся еще их владением.

¹ Следует добавить: и более интенсивная эксплуатация крестьян. — *Прим. ред.*

Начиная с XI в. положение в Европе сделалось более устойчивым, жизнь стала более спокойной и упорядоченной¹. Путешествовать по Европе было не вполне безопасно, но уже и не невозможно. Европейская торговля оживилась. Во Франции и на Рейне, в Италии, Византии и Киеве организовываются первые ярмарки. Торговали главным образом сырьем и продуктами питания — мехами, солью, медом и тому подобными товарами. Небольшое количество готовых изделий — ткани, металлические изделия, предметы искусства — поступали сначала из Византии, позднее — из Италии и Франции.

Австрия была расположена на перекрестке торговых путей. После того как морской путь из Византии в Италию и далее, на Запад, сделался опасным в связи с набегами пиратов-сарацин, наиболее удобным путем, связывающим Византию и славянские государства Востока с Западом, сделался путь по Дунаю. После завоевания Штирийской марки все торговые пути, шедшие через Венгрию, проходили и через Австрию. Впоследствии, когда возникли важные торговые центры в России и Польше (Киев в XIII в. имел более многочисленное население, чем Лондон), часть торговых путей между севером и югом проходила также через Австрию или через области, находившиеся под влиянием австрийской династии (из всех альпийских проходов самую важную роль играл проход Бреннер, как наиболее доступный для пешеходов). Уже в

---

¹ В таком изложении читателю непонятно будет, почему «начиная с XI в. положение в Европе сделалось более устойчивым». Феодално-крепостнический строй в Европе существовал в течение более тысячелетия. В период раннего средневековья (V—XI вв.) происходит процесс становления феодализма как господствующего способа производства. Основным содержанием истории этого периода является появление феодального землевладения и постепенное закрепощение крупными землевладельцами свободных крестьян. В эту эпоху племена и союзы племен начинают складываться в народности. Для большей части Европы этот период характеризуется низким уровнем развития производительных сил, господством натурального хозяйства, слабым развитием общественного разделения труда, отсутствием городов. Ввиду этого феодальные государства оформляются в виде мелких политических единиц. Возникшие в процессе развития феодализма крупные объединения, такие, как империя Карла Великого «...не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения» (И. В. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1950, стр. 12). Период раннего средневековья характерен частыми междоусобными войнами феодальных землевладельцев, захватническими походами с целью завоевания новых земель.

В XI в. в Европе начинается вторая стадия развития феодализма, период развитого феодализма. Общий рост производительных сил приводит к развитию общественного разделения труда, к появлению феодальных государств. Рост внутреннего рынка и экономических связей, обострение классовой борьбы приводят к усилению феодальных монархий во многих странах Европы. Число рыцарских набегов, междоусобных войн феодалов, разорявших купцов и крестьян, значительно уменьшается. Только в этом смысле надо понимать ту относительную устойчивость, о которой говорит автор. — *Прим. ред.*

«Песне о Нибелунгах» говорится, что в Вене торгуют товарами из далекого «Хиова» (то есть Киева).

Географическое положение Австрии благоприятствовало быстрому развитию городов, которые первоначально служили перевалочными торговыми пунктами. Вена (римская Виндобона) очень скоро не только сделалась важным торговым центром, но и организовала свое собственное ремесленное производство. Названия некоторых улиц Вены, например Шустерштейг, Биндерштейг, Гольдшмидгассе и т. д.¹, указывают на то, что уже в конце XI в. в Вене имелись ремесленники различных специальностей. На многих площадях уже имелись постоянные рынки — главным местом торговли был в то время так называемый Верхний рынок. Неподалеку от него находились торговые дворы купцов, приезжавших преимущественно из Регенсбурга, Кёльна и Пассау.

В 1002 г. был основан Маркт Мёдлинг. Леопольд Бабенберг построил в 1005 г. город Хейлигенштадт. В 1194 г. был построен Винер-Нейштадт. В конце XIII в. Грац, Юденбург, Винер-Нейштадт и Фрейштадт, к большому неудовольствию Вены, видевшей, что ее монопольное положение поставлено под угрозу, получили право иметь торговые склады. В начале XIV в. Линц, Вельс, Эннс, Фрейштадт, Штейер и Вена получили монополию на транзитную торговлю с Венецией.

Поток людей и товаров, шедший через Вену, увеличился в связи с крестовыми походами. Три раза — в 1096, 1147 и 1190 гг. — двигалась вдоль Дуная огромная лавина рыцарей и пилигримов, воинов и обозов, искателей приключений и торговцев. В пасхальные дни 1096 г. Вена напоминала огромный военный лагерь; город был не в состоянии вместить всех крестоносцев. Этот колоссальный рост транзитной торговли представлял собой исключительное явление. Однако обусловленные войнами приливы и отливы в торговле между Востоком и Западом не прекращались на протяжении всей эпохи крестовых походов. Благодаря крестовым походам европейская торговля сильно оживилась и это благоприятно отразилось на Вене, а также и на всей Австрии.

В Австрии — главным образом в Вене — вскоре накопились сравнительно легко приобретенные богатства. Австрия занимала перекресток торговых путей и, как паук, расставила повсюду свои сети, требуя высокой платы — пошлин и податей — за право проезда и остановку на ее территории. Купцам ничего не оставалось, как платить или же ехать кружным путем; а поскольку пошлины не были чрезмерно высокими, они предпочитали платить.

Выгодное расположение Австрии, находящейся на перекрестке торговых путей, приносило обогащение не только населению Вены

¹ Schustersteig — улица сапожников, Bindersteig — улица бочаров, Goldschmiedgasse — переулок золотых дел мастеров. — *Прим. ред.*

и других австрийских городов, но и ее правителям. Бабенберги очень скоро добились того, что доходы от так называемых регалий — пошлины за провоз и другие сборы, — которые в период основания Восточной марки уплачивались еще германским императорам, перешли к ним. Благодаря этому Бабенберги вскоре оказались одной из самых богатых княжеских фамилий Центральной Европы. Богатство укрепило их положение как по отношению к императору, так и по отношению к австрийскому дворянству.

Австрийские города недолго оставались простыми транзитными пунктами. Оживленная международная торговля способствовала возникновению в Австрии XII в. ремесленного производства, постепенно изменившего лицо страны и сделавшего городское сословие политической силой.

Проходивший через города Австрии поток товаров послужил для жителей этих городов стимулом к тому, чтобы начать изготовление этих товаров на местах. До того времени ремесленники, жившие в австрийских городах работали в основном на нужды самих городов, которые, так же как и поместья, были самодовлеющими хозяйственными единицами. В социальном отношении жители городов делились на исконных горожан и «поселенцев». Горожане были потомками людей, бывших всегда свободными, или людей, свободных до третьего колена. Они владели пашнями и виноградниками, где работали их крепостные, и держали у себя ремесленников — главным образом зависимых или опять-таки крепостных. Горожане обычно подчинялись непосредственно герцогу.

С развитием торговли все изменилось. Наиболее искусные ремесленники-крепостные устремились из деревень в города. Города, а также герцог поощряли эту практику, и бывшие крепостные получали в городах свободу. Вскоре число пришельцев превысило число старых «патрициев». Однако ремесленники все еще считались горожанами «второго разряда». В XII в. в Вене начался уже процесс объединения переселившихся в город ремесленников. Они создали организации взаимной помощи, а позднее ремесленные цехи. В 1152 г. была создана корпорация суконщиков, в 1153 г. — корпорации купцов, занимавшихся мелкой торговлей, а также портных и сапожников. В XV в. в Вене существовало уже более 100 различных цехов. Первоначально цехи создавались не для борьбы против старых «патрициев»; их целью было регулирование условий труда ремесленников, регулирование производства (цех предписывал каждому мастеру — какое количество товаров он имеет право произвести в течение года), забота о вдовах и сиротах умерших коллег, забота о престарелых членах цехов и т. д. Вскоре, однако, крупные, богатые организации начали выступать в роли поборников прав ремесленников¹.

¹ Автор дает одностороннее объяснение причин, вызвавших необходимость образования цехов. Маркс и Энгельс определяют эти причины следую-

Бабенберги сознательно поддерживали ремесленников против «патрициев»: поступая таким образом, они вскоре приобрели сильного союзника, главным образом, против беспокойного австрийского дворянства. Начиная с XII в. возникают уже настоящие союзы взаимопомощи, направленные либо против отдельных представителей знати, либо, как это было впоследствии, в эпоху больших войн между князьями, против враждебных княжеских партий. Генрих II Язомиргот первый предоставил ремесленникам право носить оружие и обязал их принимать участие в защите города. Позднее ремесленники принимали участие и в крупных походах — еще в XVI в. в итальянских войнах Максимилиана I сражались корпорации ремесленников, отличившиеся в битве при Павии. Получив право ношения оружия, ремесленники сделались, по средневековым представлениям, навсегда свободными и были уравнены в правах с «патрициями». Впрочем, прошло еще 200 лет, прежде чем ремесленники получили возможность участвовать в управлении городами на равных правах с «патрициями». Города уже в конце XII в. (Вена в 1198 г.) получили право иметь собственное управление и суд (прежде управление и суд в городах осуществляли чиновники, назначаемые герцогом); однако право иметь собственный суд, право входить в число присяжных и заседать в городском совете, состоявшем из ста горожан, управлявшем всеми внутренними делами городов, являлось до конца XIV в. монополией старых поколений горожан. Лишь в 1396 г. Леопольд III постановил, что ремесленники должны участвовать в городском управлении наравне с «патрициями». В то же время Бабенберги, а впоследствии и Габсбурги поощряли иммиграцию ремесленников из Италии, Франции и Нидерландов.

Все возрастающая сила городов нашла свое отражение в предоставлении в начале XIII в. городского права сначала Вене, а затем и всем прочим крупным городам Австрии. Вена получила городское право в окончательной форме в 1221 г. от Леопольда VI Бабенберга (первые городские привилегии были даны уже в первой трети XII в.). Это право гарантировало неприкосновенность личности и собственности горожанина. «Мы хотим, — говорилось в документе, — чтобы дом каждого горожанина был крепостью и убежищем для него самого, для его домочадцев и для всякого, кто войдет в этот дом или будет в нем искать убежища». Вопросы, касающиеся городского управления, системы наказаний, регламентирования купли-продажи, права наследования, социального

щим образом: «Необходимость объединиться против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города беглых крепостных, феодальный строй всей страны — все это породило *цехи*» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14—15). — *Прим. ред.*

обеспечения, а впоследствии и защиты города решались городским советом, состоявшим из ста выборных «шеффенов»; вначале к совету был приставлен комиссар герцога, но впоследствии совет сделался совершенно самостоятельным. Одновременно города получили первые привилегии по экспортной, импортной и транзитной торговле с Венгрией, Венецией и другими торговыми центрами Европы.

Городское право подтверждало привилегию городов предоставлять убежище всем, кто в городах скрывался. Так, согласно городскому праву, горожанин, который, осуществляя право убежища, убивал человека, преследующего беглеца, освобождался от наказания. Это положение было явно направлено против землевладельцев, которые в то время нередко пытались с помощью оружия воспрепятствовать все усиливавшемуся бегству крепостных ремесленников в города. Признание прав горожан как таковых поколебало фундамент феодального порядка раннего средневековья, покоившегося на землевладении и выражавшегося в формуле: «Нет господина без земли, нет земли без господина».

Символическим выражением союза Вены и герцога явилось перенесение княжеской резиденции в Вену, сначала не в самый город, а в его окрестности. В 1101 г. Бабенберги перенесли свою резиденцию из Тульна на Каленберг (Лысую Гору), представлявшую часть окружавшего Вену пояса укреплений; замок на Каленберге был украшен произведениями византийских художников. Позднее, при Леопольде VI, резиденция была перенесена в самый город (в это время возникла древнейшая часть дворца). Наконец в 1359 г. Рудольф IV сделал Вену столицей.

Переселившись в Вену, представитель дома Габсбургов тем самым продемонстрировал, что он намерен и в будущем рассматривать городское бюргерство как своего союзника и будет обращаться с ним соответствующим образом.

По мере того как страна превращалась из рыхлого и непрочного объединения отдельных самостоятельных правителей в более крупное и прочное объединение, роль «наследственной полиции» начала переходить из рук дворянства в руки герцога. От того, насколько широко использовал он свои полномочия в этом отношении, зависели размеры помощи, которую ему оказывало вооруженное население. В то время, когда для каждого сражения герцог нуждался в более или менее добровольных союзниках, вопрос о вооруженной помощи населения был далеко не маловажен. Выполнение герцогом функций «наследственного жандарма» и законодателя зависело от того, насколько герцог был в состоянии расширить пределы своих владений, упрочить свое положение правителя и в то же время достаточно ловко уклониться от обязанности нести вассальную службу по отношению к императору, чтобы иметь свободу рук для ведения своих собственных дел.

В этом отношении политика как Бабенбергов, так и первых Габсбургов (их политика по этим вопросам едва ли имела существенные отличия) является поистине виртуозной. Ловко маневрируя, умело используя борьбу между отдельными германскими князьями и пользуясь своим собственным прочным положением, они сумели получить одну привилегию за другой, избавиться от одного обязательства за другим, пока, наконец, они не оказались в числе самых сильных правителей Европы.

С начала XII в. «Священная римская империя» не отличалась особой священностью и уж, во всяком случае, особым миролюбием. Две княжеские партии — Штауфены и Вельфы — вели между собой борьбу за первенство. Вокруг руководителей партии императора и его противников группировались фракции их сателлитов — князей и рыцарей, часть которых состояла из действительно преданных им людей, разделявших с ними их судьбу, часть же состояла из случайных союзников, служивших тому, кто больше платил, и усиливавшихся за счет обеих борющихся сторон. Бабенберги принадлежали ко второй категории.

Леопольд IV, который был женат на византийской принцессе, и его брат и преемник Генрих II (Язомиргот) поддерживали партию Штауфенов. Это дало им прежде всего — после падения герцога Баварии и Саксонии Генриха Гордого Вельфа, отца Генриха Льва — господство над герцогством Баварским и Восточной маркой. Бавария была в то время сторонницей Вельфов, и император из дома Штауфенов Фридрих I, пытавшийся примирить оба лагеря, вернул ее Генриху Льву. Однако обе стороны понимали, что необходимо возместить сильным Бабенбергам потерю Баварии (которой они по существу так и не смогли овладеть из-за враждебного отношения к ним дворянства, стоявшего за Вельфов). Австрийская марка с ее тремя графствами и центрами судопроизводства — Тульном, Маутерном и Корнейбургом — была отделена и превращена в герцогство Австрию, отданное Бабенбергам. Одновременно новые герцоги получили еще целый ряд привилегий. Теперь они могли передавать свои владения по наследству непосредственно не только сыновьям, но и дочерям; если у них не было прямых наследников и земля должна была отойти к императору, они имели право сами назначать своих наследников. Теперь доходы с земли полностью поступали в их пользу; им принадлежал верховный суд во всех австрийских областях, а также на церковных землях. Одна из важнейших их привилегий состояла в том, что они должны были поставлять контингенты войск уже не для всех войн, которые вел император, но лишь для тех, которые велись непосредственно вблизи границ Австрии. В обстановке постоянных междоусобных войн, когда сторонники обеих княжеских партий до крайности истощали свои военные силы, это было немалым преимуществом. В то же время положение неограничен-

ных правителей своей страны давало Бабенбергам возможность препятствовать превращению городов в «имперские» (большинство городов Германии было имперскими, то есть непосредственно подчинялись императору, что впоследствии в значительной степени способствовало процессу децентрализации Германии). Духовной и светской знати, обладавшей правом независимого от князя суда, в Австрии не было с самого начала, а Бабенберги были настолько сильны, что ни у духовенства, ни у дворянства не было уже желания вести борьбу за изменение своего положения. Вена предприняла несколько попыток сделаться имперским городом, но вмешательство властей и обещание новых привилегий и монополий помешало этому. В 1192 г. Леопольд V провозгласил себя «правителем страны» и стал называть Австрию «нашей землей», хотя формально это был еще императорский лен.

При Леопольде V Бабенберги приобрели Штирийскую марку в результате довольно сложного договора о наследовании, санкционированного императором, который дал эту марку своему союзнику в качестве лена. Положение сына Леопольда, сделавшегося зятем Генриха VII, императора из дома Штауфенов, было уже настолько прочным, что он смог выступить в роли миротворца-посредника в конфликте между императором и папой.

Его сын Фридрих II попал в более трудное положение. Попытки Фридриха II распространить свое господство на Баварию, Венгрию и Чехию встревожили Штауфенов, опасавшихся, как бы слишком сильный союзник не превратился в соперника. Император из дома Штауфенов Фридрих сделал решительный шаг. Он превратил Вену в имперский город и поднял дворянство на восстание против герцога, обещав дворянам свою поддержку. На протяжении некоторого времени влияние Фридриха II ограничивалось лишь городами Винер-Нейштадтом и Мёдлингом. В ответ на действия Фридриха Бабенберг начал переговоры с новым союзом князей — стоявшим за папу и против Штауфенов, — который образовался как раз в это время в Германии и Италии. В то же время новое обстоятельство натолкнуло Штауфенов и немецких князей на мысль о необходимости создания сильной Австрии. С северо-востока в Европу вторглись монголы, которые достигли Карпат, а на юге Адриатического моря, наводнили Венгрию и угрожали дунайским и альпийским землям. Страх перед монголами оказался сильнее, чем страх перед сильными Бабенбергами. Император и союз князей соперничали друг с другом по части обещаний и соблазнительных предложений. Император обещал даровать Бабенбергам королевское достоинство; было принято решение о включении Крайны в состав Австрии. Но в 1246 г. последний Бабенберг погиб, сражаясь с мадьярами, в битве на Лейте, не оставив после себя наследников. Начался период «австрийского междуцарствия».

Страна, не имевшая правителя, попадала в те времена в опасное положение и сама становилась опасной. Австрийское дворянство и австрийские города были заняты поисками сильного правителя, который мог бы обеспечить им спокойствие и порядок. Среди германских князей такого правителя найти было нельзя. Борьба партий достигла там своего кульминационного пункта. Это было время междоусобия и в Германии, «страшное время без императора», когда вся страна после междоусобных войн находилась в развалинах. Князь, принадлежащий к одной из двух борющихся партий, немедленно вверх бы Австрию в адский котел войны. Часть представителей знати выступала за одну партию, часть за другую, но большинство австрийских дворян, и в особенности города, хотя и были готовы воспользоваться распрями между князьями в целях наживы, не имели желания принимать в них участие. Они избрали сына Венцеля I — короля Чехии и Моравии Оттокара II. Оттокар женился на сестре последнего Бабенберга Маргарите и получил титул «герцога Австрийского и Штирийского».

Политика Оттокара — по крайней мере в Австрии — принципиально не отличалась от политики Бабенбергов. Одним из первых мероприятий, проведенных в его правление, было подтверждение и расширение привилегий городов. В правление Оттокара Вена сильно разрослась. Торговля увеличилась настолько, что пришлось построить новую Торговую площадь, новый рынок, так как Верхний рынок стал уже мал. Оттокар, так же как и князья из дома Бабенбергов до него и некоторые представители Габсбургского дома после него, стремился не допустить, чтобы представители наиболее богатых и знатных фамилий вели самостоятельную политику. Заговор штирийского дворянства при участии партии Штауфенов, существовавший одновременно с заговором при венгерском дворе, был жестоко подавлен, а его руководитель Зейфрид фон Меренберг казнен. В течение некоторого времени знать вынуждена была держаться смирно. В период борьбы между Рудольфом Габсбургским и Оттокаром она снова выступила на стороне Габсбурга.

Штирийская марка, временно захваченная королем Венгрии, в 1260 г. была снова включена в империю Пшемисловичей. В 1268 г. по брачному контракту к землям Оттокара были присоединены Каринтия и Крайна. В то же время Венгрия попыталась захватить Истрию и Фриуль.

Оттокар был самым сильным князем Центральной Европы. Это был единственный правитель, который мог бы в качестве императора Священной римской империи положить конец борьбе между князьями и установить, наконец, мир. Однако враждовавшие между собой немецкие князья были заинтересованы в том, чтобы иметь не сильного, а слабого императора. В 1273 г. они избрали императором почти неизвестного швейцарца графа Рудольфа

Габсбурга, сторонника партии Штауфенов, состоявшего в родстве с нюрнбергскими Гогенцоллернами и сумевшего обеспечить себе поддержку швейцарцев и южно-рейнских городов. Они полагали, что слабый Габсбург окажется в их руках послушной марионеткой. Но, как выяснилось впоследствии, они просчитались.

Рудольф I выступил прежде всего против Оттокара II — своего самого сильного конкурента. Сначала он подготовил для этого почву — заключил союз с австрийской знатью (последняя была готова вступить в союз с самим дьяволом, лишь бы избавиться от господства Оттокара, ослабившего ее могущество) и заставил ее дать согласие на назначение его сыновей правителями австрийских земель. Аналогичные договоры были заключены с епископами Зальцбургским, Пассауским, Регенсбургским, Бамбергским, Фрейзингским и Гуркским. Уполномоченные Рудольфа вели переговоры с архиепископом Зальцбургским, венгерским королем Владиславом IV, герцогом Герца и Тироля, с частью чешской знати, наконец, с баварским герцогом, который остался в то же время союзником Оттокара. Когда таким образом была подготовлена «фронда» явных и тайных противников Оттокара, Рудольф нанес удар. Был найден формальный предлог для обвинения Оттокара в нарушении ленных обязанностей по отношению к императору, и от него потребовали отказа от Австрии, Штирийской марки, Каринтии и Крайны. (Оттокар, не особенно заботившийся о формальностях и о соблюдении правовых норм, весьма облегчил своим противникам достижение их целей.) Все же предъявленное ему требование было, по понятиям того времени, настоящей провокацией, и Оттокар с полным основанием отверг его. Тогда против него была объявлена имперская война. Оба его главных союзника — папа и баварский герцог — открыто перешли на сторону его противников; против него поднялось дворянство Штирийской марки и Каринтии. В 1276 г. Оттокар был вынужден заключить Венский мир, по которому он отказывался от прав на австрийские земли, а Чехию и Моравию получил от Рудольфа в лен. Два года спустя он снова выступил против навязанного ему договора, потерпел поражение на Марховом поле и погиб в бою.

Рудольф сделался имперским управителем завоеванных им австрийских земель. В 1282 г. он передал эту должность своим сыновьям и вскоре добился наделения их ленами — Австрией, Штирийской маркой и Крайной. Правитель Герца и Тироля Мейнгард получил, в благодарность за оказанные услуги, имперское управление Каринтией и владение на правах залога Крайной. Таким образом была положена основа для господства Габсбургского дома. Впрочем, могущество австрийской высшей знати также настолько возросло за эти годы борьбы и тайных договоров, что Габсбургам потребовалось более двухсот лет, чтобы сломить ее влияние и на деле обеспечить свое господство.

Глава II

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ ГАБСБУРГОВ

Княжеские войны

Период с начала XIV до конца XV в. в Австрии, как и во всей Европе, был периодом войн и междоусобиц. Это отражают уже хроники того времени, повествующие о нужде и высокой смертности, о чуме и голодовках, о беззакониях и насилиях и в которых прошедший XIII век описывается как давно минувшее золотое время.

В XIV в. в феодальном обществе начинают происходить глубокие изменения. Феодализм клонится к упадку, начинает развиваться ранний капитализм¹. Натуральное хозяйство вытесняется товарным, замок уступает место городу, замкнутая самодовлеющая небольшая хозяйственная единица феодальной эпохи постепенно сменяется новой системой хозяйства, охватывающей всю страну. Этот процесс, продолжающийся столетиями, сопровождается тяжелым кризисом — так называемым кризисом переходного времени, который, правда, достиг высшей точки своего развития лишь в XVI и XVII вв., но уже и в XIV в. наложил свой отпечаток на жизнь всей Европы.

Изменение экономического базиса нашло свое отражение в изменении политического строя, совершившемся лишь в результате долгой, тяжелой борьбы. Поэтому одним из характерных признаков того времени являются бесконечные войны между князьями, а затем крестьянские войны. Борьба между несколькими крупными княжескими группировками за центральную власть велась

---

¹ Здесь автор несколько переоценивает экономические процессы, происходившие в XIV в. В истории средневековья XI—XV вв. это период развитого феодализма, наступившего вслед за ранним средневековьем. Этот период характеризуется общим ростом производительных сил, ростом общественного разделения труда, отделением ремесла от сельского хозяйства, развитием феодальных городов. В этот период классовая борьба развивается в основном как борьба эксплуатируемого крестьянства против эксплуататоров-феодалов и к концу указанного периода выражается в ряде крупных крестьянских восстаний. Параллельно с ней и переплетаясь с ней идет борьба городов против феодалов и классовая борьба внутри городов. Рост внутреннего рынка и усиление классовой борьбы приводят во многих странах к созданию сильных феодальных государств. Только после этого начинается новый период, период разложения феодализма, или позднее средневековье. К этому периоду позднего средневековья только и можно отнести тезис о начале развития раннего капитализма — *Прим. ред.*

в той или иной форме почти во всех странах Европы. В Австрии, где положение герцога по отношению к высшей знати с самого начала было довольно прочным, нередко случалось, что знать не выступала самостоятельно, а образовывала «партию», возглавляющуюся кем-либо из Габсбургов, боровшимся вместе со своими приверженцами за корону. Поэтому княжеские войны в Австрии на первый взгляд могут произвести впечатление какого-то семейного конфликта — «раздоров между братьями в доме Габсбургов».

В то же время возрастает политическое значение городов, которые, впрочем, выступали в Австрии обычно не самостоятельно, а в качестве союзника той или иной княжеской партии, хотя в большинстве случаев и выдвигали собственные требования.

Сословные представительства духовных и светских князей, рыцарей и городов, а в Тироле и крестьян, были в течение некоторого времени самостоятельной политической силой. Позиция сословий отражала запутанное и неустойчивое положение в этот переходный период, когда различные слои населения с их часто несовместимыми интересами заключали между собой союзы — города с князьями и рыцарями против герцога, герцог с определенными группами дворянства против городов, города, принадлежащие к одной партии, против городов, рыцарей и князей другой партии. То тут, то там возникали даже союзы между рыцарями и крестьянами. Эти союзы были очень недолговечны; часто случалось, что какой-нибудь город, например Вена, за несколько лет трижды изменял свою ориентацию. Поэтому история того времени кажется нередко крайне запутанной и непонятной — ибо принадлежность того или иного слоя населения к той или иной партии очень часто отнюдь не была исторически обусловлена их действительными интересами, но представляла собой лишь вынужденный союз в борьбе за непосредственные преимущества. Однако с течением времени все более четко вырисовываются группы, состав которых более соответствует их подлинным классовым интересам: города, герцог — с одной стороны, высшая знать и рыцарство — с другой.

Именно в это время крестьянство также было подхвачено волной событий и вынесено на политическую арену.

В крестьянстве совершались два процесса, действовавшие одновременно и изменившие всю жизнь крестьян. С одной стороны, беднейший слой населения, располагавший самыми ничтожными средствами и обязанный в то же время своим трудом и на свои скудные доходы с земли содержать еще и дворянство, особенно тяжело пострадал от так называемого кризиса переходного времени, представлявшего собой настоящий кризис с опустошительными войнами и голодовками. С другой стороны, в это же время дворяне попытались не только переложить всю тяжесть

кризиса на крестьян, но в связи с расширением товарного хозяйства, когда земля также сделалась предметом купли-продажи, сначала стали лишать крестьян права пользоваться лесами и пастбищами, а впоследствии стали отнимать у крестьян и их собственную землю; кроме того, они пытались лишить крестьян даже тех ничтожных прав, которые были им гарантированы крепостным правом, и превратить их попросту в рабов. Крестьянин же, между тем, становился более сознательным и независимым; соприкосновение с городом давало ему не только знания, но нередко и союзников; возможность сбывать в город продукты своего труда не только способствовала его экономическому усилению, но нередко давала ему даже возможность выкупа у своего господина. Система крепостного права начинала приходить в упадок. От способности крестьян к сопротивлению, а также от того, окажут ли им поддержку другие слои населения и в первую очередь города, зависело, выйдут ли они из кризиса переходного времени свободными людьми, то есть только экономически зависимыми или арендаторами, или станут как бы рабами землевладельцев.

Эта борьба крестьянина за свои права вылилась в крестьянские войны, которые непрерывно возникали в различных странах Европы начиная с конца XIII в. Первые крестьянские выступления имели место в Греции, Италии и Франции.

Упадок феодализма¹ породил новое явление — образование наций. В целом ряде стран борьба крестьян за свое освобождение явно была одним из элементов национальной консолидации. Одной из таких стран была Чехия, где гуситы боролись в одно и то же время за свои крестьянские и гражданские права и, защищая единство Чехии, явились первыми выразителями нарождавшегося чешского национального самосознания. Гуситские войны были одним из крупнейших событий того времени; влияние, оказанное ими на окружающий мир, можно сравнить с влиянием французской революции конца XVIII в. на Европу. Не случайно, например, в Вене и в Нижней Австрии еще десятки лет спустя после поражения гуситов существовало «нелегальное» гуситское движение, которое не удавалось искоренить ни судебными процессами, ни вынесением смертных приговоров; не случайно также восставшие венгерские крестьяне выдвигали гуситские лозунги и объявляли себя последователями гуситов.

В политическом развитии Австрии наблюдаются две основные тенденции: первая — борьба династии (Габсбургов) за первенство внутри страны и за сосредоточение власти в одних руках, вторая — борьба династии за увеличение территории государства путем присоединения к нему соседних областей — Чехии и Венгрии.

---

¹ См. примечание к стр. 22. — *Прим. ред.*

Борьба за расширение территории велась, в основном, без помощи оружия. До тех пор, пока не было упрочено господство Габсбургов во всей стране, они были не в состоянии вести завоевательные войны. Территориальное расширение Австрии в этот период представляло собой результат осторожного лавирования на протяжении столетий, умелого использования всех противоречий в Европе — борьбы императоров против папы, Венгрии — против Чехии и Польши, одной дворянской партии (в землях, на которые простирали свое влияние Габсбурги) против другой. Договоры о наследовании, об опеке над несовершеннолетними княжескими сыновьями, династические браки были лишь внешними проявлениями этой политики, состоявшей, в сущности, в том, чтобы путем обещаний, подкупов и договоров настолько прочно привязать одну из партий новых земель к сильной Габсбургской династии, чтобы она была готова передать этой династии господство над своими землями. Это было возможно опять-таки потому, что весь процесс развития шел в направлении поглощения небольших земель крупными, и дворянским партиям малых областей приходилось выбирать, кому из сильных соседей подчиниться, так как они не имели возможности сохранить свою самостоятельность. Правителем признавали того, кто больше давал.

Такими путями Габсбурги приобрели в XIV в. Тироль, Истрию, Вендскую марку, Форарльберг, Герц и добились возвращения Крайны, отданной в залог Герцу. Все эти приобретения совершились сравнительно мирно; но создавшееся в результате положение было отнюдь не мирным. В каждой из присоединенных земель имелось несколько княжеских партий — одна прогабсбургская и одна, а иногда и несколько, ориентировавшихся на какую-либо иную династию. Даже если удавалось на короткое время удовлетворить всех противников, их аппетит стихал не надолго — даже прогабсбургски настроенные знатные дворяне были готовы в любой момент потребовать новых уступок, угрожая в противном случае оказать поддержку какому-нибудь другому претенденту. Поэтому за присоединением каждой области следовала длинная цепь заговоров и восстаний знати. Восстания штирийской и каринтийской знати в конце XIII в., борьба между провенецианской и прогабсбургской партиями после присоединения Триеста в 1382 г. могут служить лишь некоторой иллюстрацией этих выступлений. С начала XV в. возникают целые княжеские союзы, «федерации», создававшиеся без всякого учета того, где они территориально расположены; впрочем, в большинстве случаев они очень скоро снова распадались. В то же время появляется нечто новое — союзы между отдельными землями. Эти союзы не всегда были направлены против герцога; в большинстве случаев они представляли собой организации самозащиты. Объединение земель под властью одной династии отнюдь еще не означало централизации.

Каждая земля была в большей или меньшей степени автономна, а потому должна была сама заботиться о своей безопасности. Союзы были средством для защиты интересов страны, гарантирующим ее безопасность в ходе борьбы партий. В это бурное время (с начала XIV в.) представительства земель — сословные собрания — становятся реальной политической силой. Как ни противоречивы были интересы знати и городов, все же они были заинтересованы в установлении мира и нормальном управлении. Габсбурги сумели постепенно укрепить свое господство, разъединить своих противников и затем уничтожить их одного за другим, действуя то собственными силами, то с помощью союзных князей, подавляя восстания и перетягивая на свою сторону колеблющиеся партии. Нередко они одерживали победу лишь в самый последний момент, часто они рисковали буквально всем. В то время нередко можно было видеть князя, спасающегося бегством от своих противников или выдерживающего осаду в замке, окруженном врагами, решившими взять его измором. То, что Габсбургам все-таки удалось добиться победы, было их «заслугой» лишь до некоторой степени. В самом процессе развития общества крепла та сила, которая всегда была союзником Габсбургов, — сначала потенциальным, а позднее, с конца XIV в., реальным: этой силой были города. Городское сословие и крестьяне были заинтересованы в прекращении дворянских усобиц, из-за которых страна находилась в состоянии постоянной гражданской войны, и все реже принимали участие в выступлениях дворянской фронды. Приблизительно с 1400 г. они становятся довольно надежными союзниками Габсбургов.

Во всей этой борьбе Габсбургам удается не только утвердить свою самостоятельность по отношению к германским императорам, но и добиться еще большей независимости от них. При Рудольфе IV (1358—1365) они получили от Карла IV «*Privilegium majus*»¹, которая фактически освобождала их от всех ленных обязанностей по отношению к «императору и империи». Притязания на эту привилегию были подкреплены документами, исходившими якобы от Юлия Цезаря, Нерона, Генриха IV и целого ряда других исторических личностей. Все заинтересованные лица прекрасно понимали, что это были явные и бессовестные фальшивки, и тем не менее все они «вежливо» закрывали глаза на это обстоятельство. «*Privilegium majus*» освобождала Габсбургов от всех налогов и обязанностей по отношению к империи. Для ведения войны они должны были выставлять лишь символическую «армию» из 12 человек, да и то лишь в случае имперской войны против Венгрии. Для наделения Габсбурга леном император должен был являться в Австрию, а не Габсбург к императорскому двору.

¹ «*Privilegium majus*» (лат.) — «высшая привилегия». — *Прим. ред.*

Если же император не приезжал, то пожалование лена считалось совершившимся после трехкратного повторенного письменного запроса. Герцог мог признавать судебные решения императора, но не был обязан это делать. Он имел право присоединять к своим землям новые области — даже если это были имперские или церковные лены, — используя для этого такие приемы, как дарения, передача по наследству, продажа или заклад. В своих наследственных владениях он был неограниченным господином; ему принадлежал верховный суд, князя непосредственно подчинялись ему и даже не имели права апеллировать к императору для пересмотра его судебных решений. К нему перешел также целый ряд регалий, судебных, таможенных и прочих пошлин, доходы от рудников и солеварен, право чеканки монеты, лесные богатства и т. д. Восемьдесят лет спустя на Констанцском соборе Фридриху III Габсбургу за поддержку папы Евгения VI были предоставлены чрезвычайные привилегии в отношении церкви. Ему было даровано право самолично выдвигать кандидатов на важнейшие епископские должности и принимать участие в решении вопроса о замещении важнейших постов в монастырях и кафедральных соборах. За ним было также молчаливо признано право отменять по своему усмотрению привилегию освобождения от налогов, которой пользовались церковные земли.

С 1414 г. Габсбурги стали носить титул эрцгерцогов. В 1438 г. Альбрехт V был избран германским императором. Этот титул сохранялся за фамилией Габсбургов до 1806 г.

Несмотря на то, что титул «германского императора» все более утрачивал свое значение и после Вестфальского мира окончательно превратился в пустую ритуальную формулу, борьба Габсбургов за императорскую корону имела для Австрии далеко не благоприятные результаты. Правда, Габсбурги никогда не чувствовали себя «германскими императорами» в том смысле, что они брали бы на себя какую-либо ответственность за внутреннее развитие государств, составлявших территорию современной Германии. Их мало интересовало, процветает ли Германия или бедствует, их не тревожило, что ее народы враждовали между собой. Титул «германских императоров» означал для них возможность господствовать в качестве австрийских князей над Германией или, вернее, над определенными германскими государствами, а также давал возможность занять более выгодную позицию по отношению к извечной сопернице Австрии — Франции. Те из Габсбургов, которые были более дальновидными политиками, держались в стороне, поскольку это им удавалось, от германских дел, но другие не могли устоять против искушения вмешаться в интриги и усобицы германских князей, в надежде увеличить этим свой политический вес. Военные усилия, которые они при этом совершали, а также разворачиваемая при этом политическая деятельность

были достойны лучшего применения. Средства, постоянно расходовавшиеся на подкупы, для того чтобы удержать за собой германскую корону, были фактически выброшенными деньгами, так как каждый раз, когда дела принимали серьезный оборот, германские князья, разумеется, совершенно не думали о каких бы то ни было обязательствах по отношению к «своему императору» и попросту продавались тому, кто больше платил. Все эти маневры и интриги, неизменно повторявшиеся при каждом выборе императора, имели еще и другой результат. Габсбурги не только переставали при этом заниматься австрийскими делами, но и в процессе «подготовки» к выборам императора способствовали усилению положения некоторых германских князей «своей партии», которые позже доставляли им самим немало неприятностей. Например, маневры Габсбургов во время выборов императора в немалой степени способствовали укреплению той силы, которая затем при первой возможности выступила против них — фридриховской Пруссии.

Начиная с середины XIV в. Габсбурги пытались присоединить к своим владениям Чехию и Венгрию. В 1438 г. Альбрехт V, зять императора из дома Сигизмунда Люксембургского, воспользовавшись тем, что Чехия была обессилена после победы чашников (утраквистов), провозгласил себя чешским королем; он был избран на престол частью чешской знати [чашники (утраквисты) — правое, преимущественно дворянское течение в гуситском движении]. В качестве императора и супруга дочери Сигизмунда он одновременно был избран королем Венгрии. Господство Габсбургов продолжалось недолго. Чехия и Венгрия — это были не Герц или Триест. В обеих указанных странах процесс национального развития зашел уже так далеко, что Габсбургам было не так легко проглотить их. В этих странах борьба князей между собой еще далеко не закончилась, дворянство отнюдь не было разбито — и положение Габсбургов, несмотря на их императорский титул, было отнюдь не более прочным, чем положение других претендентов на королевскую корону.

Борьба за власть в Австрии приняла в это время новую форму — борьбы внутри дома Габсбургов. Различные ветви династии Габсбургов, каждая из которых имела свою собственную дворянскую партию, вели между собой борьбу за власть. Эти междоусобицы достигли своего кульминационного пункта в период правления Фридриха III, сделавшегося опекуном Владислава Постума, несовершеннолетнего сына Альбрехта и дочери Сигизмунда Елизаветы. Противная партия, возглавлявшаяся графом Цилли и братом Фридриха III герцогом Альбрехтом, заставила Фридриха III отдать Владислава под опеку графу Цилли и его партии. Владислав — то есть фактически граф Цилли и его партия — стал, таким образом, правителем Чехии, Австрии и Венгрии. Граф Цилли сделался наместником Венгрии и вскоре погиб от руки одного

из членов венгерской национальной партии, возглавляемой Корвином. Владислав умер в возрасте 17 лет в Праге; возможно, что он был отравлен. После этого в Праге и в Оффене были избраны свои короли — Юрий Подебрад и Матвей Корвин, сын Иоанна Корвина. Антикорвинская партия избрала антикоролем Фридриха III, но это избрание было чисто символическим актом. В Австрии продолжалась борьба между Габсбургами — Фридрихом III, Альбрехтом IV и Сигизмундом Тирольским. Вена восстала против Фридриха и заключила союз с Альбрехтом. Фридрих III был осажден во дворце в Вене (Гофбурге), и только вмешательство его наемной гвардии и посредничество Юрия Подебрада спасли жизнь ему и его малолетнему сыну, будущему императору Максимилиану I. Вслед за тем Вена переменяла ориентацию, заключила союз с Фридрихом — и война началась снова. В довершение всего в 1468 г. вспыхнуло восстание знати в Штирии, а также восстание в Триесте.

Поэтому вся Австрия облегченно вздохнула, когда в 1482 г. Матвей Корвин (Юрий Подебрад умер в 1471 г.) завоевал всю страну до Эннса. На долгое время в Вене, сделавшейся теперь резиденцией Корвина, был вновь установлен мир. Власть Матвея Корвина имела, в сущности, не более прочную опору, чем власть Фридриха III, который находился в это время в изгнании в Граце. В правление Корвина хаос княжеских распрей сменился кратковременным спокойствием, которое можно объяснить лишь личными качествами самого Корвина. Чтобы совсем прекратить этот хаос, требовалось нечто большее, чем приход к власти сильного князя — для этого нужно было одержать окончательную победу над знатью, создать новое единое централизованное государство. Тот, кто смог бы создать такое государство, и оказался бы победителем. Страна, в которой это произошло бы ранее, чем в других, объединила бы все остальные страны под своей властью.

Великий переворот ¹

Время между второй половиной XV и второй половиной XVII в. является великим переходным периодом в Европе. Вместо

¹ Автор ошибочно усматривает в переходе от феодальной раздробленности к абсолютной монархии «великий переворот». На деле образование абсолютной монархии есть процесс, не выходящий за рамки феодально-крепостнической формации, не являющийся следствием революционных классовых преобразований. У власти остался тот же класс — землевладельцы-феодалы, и абсолютная монархия в первую очередь выражала их интересы. Это не противоречит тому, что буржуазия была заинтересована в создании сильного централизованного государства и поддерживала его. На более позднем этапе абсолютная монархия становится тормозом для развития капитализма и окрепшая в недрах феодализма буржуазия, используя борьбу народных масс, свергает ее. — *Прим. ред.*

рыхлой феодальной системы, для которой были характерны отдельные, разобщенные внегосударственные образования, которой было еще чуждо понятие нации, в конце этой эпохи появляется довольно целостное, абсолютистское государство, государство сильных династий, государство, отвечавшее интересам новой крупной силы — буржуазии, которая уже достаточно окрепла, чтобы добиваться политических прав, могущих обеспечить ее дальнейшее развитие, но еще не была достаточно сильна, чтобы взять политическую власть в свои руки.

Возникновение централизованного абсолютистского государства было необходимой переходной ступенью в развитии общества, предпосылкой для возникновения нации. Однако в некоторых странах крупное дворянство было слишком сильно, чтобы его сопротивление можно было окончательно сломить. Сохранение феодальной раздробленности с течением времени стало сковывать в этих странах всякое развитие, задерживать рост буржуазии, что вело к постоянным внутренним войнам, к упадку культуры, а нередко и к утрате государственной независимости или же к превращению этих стран в арену борьбы крупных держав.

В течение переходного периода центральная власть была создана во Франции, Испании, Англии, Португалии, Швеции, Австрии и России. В Италии, Германии, на Балканском полуострове, в Чехии создать центральную власть не удалось, государства Балканского полуострова и Чехия подпали под чужеземное господство; Германия и Италия стали ареной европейских войн. В Польше, правда, временно удалось создать центральную власть, но она не имела достаточно глубоких корней и в конце концов пала под ударами крупного дворянства, силу которого не удалось окончательно сломить. К этому же времени относятся великие революционные движения — крестьянская война в Германии и Австрии, восстание французских и итальянских крестьян и те народные восстания, в которых национальные мотивы играли уже решающую роль — гуситские войны, Нидерландская революция, крестьянское восстание 1626 г. в Верхней Австрии.

В Австрии этот период был не только периодом возникновения и упрочения абсолютизма, который здесь, как и во Франции, смог укрепиться лишь после двухсот лет борьбы за власть. В это время Австрия вела непрерывную войну на два фронта: на востоке — оборонительную войну против турок, на западе — борьбу за господство в Центральной Европе и борьбу в Италии против Франции. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на все развитие Австрии. Постоянная угроза со стороны турок усиливала внутри страны стремление к централизации, потому что такую борьбу могло выдержать только сильное централизованное государство. Эта угроза на некоторое время облегчила включение в состав монархии неавстрийских областей Центральной и Восточной

Европы — например, присоединение к Австрии в 1526 г. Чехии и Западной Венгрии — так как вхождение в состав сильной централизованной Австрийской империи давало жителям этих стран реальное преимущество — защиту от турок. Территориальное расширение Австрийской монархии совершалось, таким образом, сравнительно легко. Однако из факторов, способствовавших в XVI и XVII вв. возникновению сильной Австрийской монархии, впоследствии родились противоречия, которые в конце XVIII в. и в XIX в. сковали дальнейшее развитие Австрии и в конце концов взорвали все здание монархии.

На протяжении 200 лет — от катастрофы на Мохачском поле в 1526 г. до того времени, когда принц Евгений оттеснил турок за Белград, — Австрия находилась в непосредственной близости от фронта, линия которого то отодвигалась, то приближалась, но всегда оставалась фронтом. Вена, столица страны, в любой момент могла быть осаждена турками. В связи с этим война поглощала большую часть сил народа; значительная часть доходов от труда ремесленников, крестьян, значительная часть усилий нового бюрократического аппарата затрачивалась не на производительные цели, а на вооружение армий, на отражение нападения врага. Средства из государственной казны, часть доходов новой буржуазии текли в бездонный котел военных расходов. Само собой разумеется, война и военные расходы не оказывали в ту эпоху такого решающего влияния на всю экономику страны, как в наше время, потому что война велась лишь в какой-то одной, ограниченной области, и сравнительно небольшими силами. И все же эти 200 лет, в течение которых продолжались кровопролитные войны, не прошли бесследно для развивавшейся австрийской буржуазии. В хозяйстве страны, развивавшемся под сильным давлением военных нужд, вначале стало в значительной степени развиваться горное дело и все другие отрасли производства, связанные с войной; однако другим результатом такого развития была более сильная и более длительная, чем в других местах, зависимость мануфактурного производства от короны и ее потребностей, что замедлило самостоятельное экономическое, а впоследствии и политическое развитие австрийской буржуазии. Результаты такого развития сказались в конце XVIII в.: реформы Марии Терезии и Иосифа II были реформами «сверху», а не реформами, проведенными самой буржуазией. Тот факт, что молодая австрийская буржуазия не имела возможности принять участие в борьбе за колонии и заморские владения, также сказался в конце XVIII в. и в начале XIX в. Австрийская буржуазия, не имевшая доступа к заморским источникам сырья, лишенная возможности вести заморскую торговлю, до некоторой степени по этой причине, совершила промышленный переворот позднее, чем буржуазия других стран, причем этот переворот затронул не все отрасли промышленности.

Глава III

УСТАНОВЛЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА

Социально-экономическое развитие

Несмотря на развитие торговли, ремесленного производства и городов, Австрия в начале XVI в. продолжала оставаться преимущественно аграрной страной. Процент городского населения был все еще мал, хотя уже имелся целый ряд богатых и довольно крупных городов — Вена, Инсбрук, Линц, Кремс, Штейн, Штейер, Винер-Нейштадт, Фрейштадт и т. д. В Вене насчитывалось в то время приблизительно 80—100 тыс. человек. В конце XIV в. эта цифра была, вероятно, даже несколько выше; было подсчитано, что во время большой эпидемии чумы погибло 40 тыс. человек, что составляло треть населения Вены (впрочем, эти цифры, как и большая часть цифр того времени, очень сомнительны, так как они основаны либо на приблизительных данных, либо на непроверенном и не поддающемся проверке материале). Но во всяком случае, по представлениям того времени, Вена была уже крупным городом.

Население Австрии состояло из следующих слоев: крестьян и сельскохозяйственных рабочих (сельскохозяйственные рабочие работали иногда в крупных поместьях, но в большинстве случаев — на землях городской буржуазии, например на виноградниках, принадлежавших венским бюргерам. В то время каждый пятый венский бюргер имел виноградник. Кроме того, имелось уже небольшое количество рабочих, занятых в рудниках и солеварнях; впрочем, это были не рабочие в современном значении слова, а скорее ремесленники), городской буржуазии (ремесленники и торговцы), дворянства (бароны, графы, князья и рыцари), церковной знати (прелаты, епископы, настоятели соборов и т. д.) и духовенства в целом.

Остановимся на социальном положении различных слоев населения.

Крестьяне

Хотя землевладелец был попрежнему господином, крестьянин не был уже совершенно бесправен. Крестьяне Тироля и некоторых областей Нижней Австрии имели право ношения оружия. В Тироле уже с XV в. крестьяне имели своих представителей в сословных собраниях. В большинстве областей Австрии они имели право на личную защиту и могли жаловаться на господина.

Крестьяне были силой, с которой остальным слоям общества приходилось считаться. В одном описании положения крестьян в Верхней Австрии говорится: «Нередко случалось, что правительство уступало крестьянам; знать часто обращалась к услугам крестьян и защищала их... иногда императорские чиновники даже поднимали их против владельцев церковных земель...» Во время восстания в Виндишгарстене в 1595 г. крестьяне заявили: «Даже если бы мы получили целый воз императорских грамот, мы бы не покорились».

Историк крестьянской войны в Германии Циммерман так описывает положение австрийских крестьян, весьма существенно отличавшееся от положения крестьян в Германии: «Эти пять австрийских герцогств были все еще достаточно богаты солью, рудами, пастбищами, полями и неистощимыми лесами, которые с избытком могли вознаграждать труд и дать средства к жизни беднейшему жителю. Кроме того, в политическом отношении крестьяне здесь были до первой четверти XVI столетия сравнительно гораздо свободнее, чем в большинстве стран.

...Здесь было еще много крестьян, пользовавшихся личной свободой и владеющих своими наследственными имениями; но даже и несобственники, даже и зависимые крестьяне в продолжение многих столетий находились в весьма сносном положении; они были обеспечены твердыми законами, общество имело право выбирать судей, имело присяжных, оно пользовалось отчасти самоуправлением и несло подати, хотя и значительные, но все-таки гораздо меньшие, чем где-либо. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на некоторые частные стороны быта австрийских крестьян.

Поземельный налог, например, не мог быть возвышаем владельцем, вследствие улучшения имения, но, с другой стороны, пользующийся землей не имел права на уменьшение этой подати, несмотря ни на какой неурожай; неосвобожденный от барщины (Roboten) крестьянин употреблялся помещиком только как помощник в сельских работах.

Только в крайнем случае хозяин имел право требовать от своего крестьянина необычной работы, как, например, охранения своего замка; он никогда не смел мешать крестьянину в его хозяйственных занятиях, и когда вассалу приходилось работать на своего господина, то последний должен был давать ему хлеб и другое необходимое продовольствие, а также корм его лошадям и волам»¹.

Количество действительно крепостных в то время в большинстве австрийских земель было невелико. Широко распространена

¹ Цитируется по русскому изданию: В. Циммерман, Крестьянская война в Германии, Соцэкгиз, 1937, т. II, стр. 180—181. — *Прим. ред.*

была категория зависимых крестьян, то есть таких крестьян, которые все еще были обязаны нести определенные повинности, и за пользование своим участком, попережнему являвшимся собственностью землевладельца, уплачивали оброк в основном натурой, а иногда и деньгами. Зависимые не были лично прикреплены к земле и могли при желании уйти со своего участка. В Тироле и Верхней Австрии было уже довольно много свободных крестьян, да и в других областях имелись крестьяне-ленники и наследственные арендаторы. В XII и XIII вв. число крепостных в Австрии (как и во всей Европе) было значительно выше. Чем объясняется такая перемена? Она была вызвана целым рядом причин.

1. Крепостное право в его классической, чистой форме возможно и рентабельно только в замкнутой системе «фронгофа» при сравнительно примитивном аграрном производстве, когда крестьянин своим трудом должен обеспечить удовлетворение только личных потребностей землевладельца и его окружения. Крепостной крестьянин мало заинтересован в повышении производительности земли.

Однако по мере того как города становятся, в основном, центрами ремесленного производства и оказываются не в состоянии обеспечивать себя продовольствием, по мере того, как появляются рудники, солеварни и тому подобные предприятия, всецело зависящие от подвоза продуктов питания извне, продукты сельского хозяйства превращаются уже из предмета потребления в предмет торговли. Землевладелец, которому прежде было более или менее безразлично, много или мало даст его земля, теперь был заинтересован в повышении урожая — ведь излишки продуктов он мог продавать. Теперь ему было выгодно взвалить тяжесть обработки своей земли на зависимого крестьянина или арендатора, которые также оказались заинтересованными в повышении урожайности.

2. Земля становится в это время предметом купли-продажи. Новое бюргерство и крупные торговцы, первые банкиры и владельцы мануфактуры начинают покупать земли. Прикрепленный к земле крепостной крестьянин с его точно фиксированными обязанностями, но и с точно фиксированными правами, нередко оказывается при этом обременительной обузой. Поэтому новые владельцы земли часто дают своим крепостным возможность выкупиться на волю, получить личную свободу с тем, чтобы затем распорядиться землей ставшего свободным крестьянина по собственному усмотрению. По этой же причине землевладельцы начинают сгонять крестьян с их участков.

3. В Австрии, как и во всех других европейских странах, отмене крепостного права способствовала эпидемия чумы, унесшая огромное количество человеческих жизней, после чего в городах и деревнях стал резко ощущаться недостаток рабочих рук

например, в Вене, в чумный 1348/49 год, виноградники остались необработанными из-за отсутствия рабочей силы). Дело было не только в том, что в связи с недостатком в городах рабочих рук возрастал для крестьян соблазн переселиться в город; в эти годы помещик часто не имел даже возможности препятствовать уходу своих крепостных.

4. После того как было изобретено огнестрельное оружие, приведшее к созданию пехоты и введению других новшеств в военном деле, старые рыцарские методы ведения войны стали отходить в прошлое и война становится занятием не только рыцарей, но и «простого люда». Крестьянин, отправляющийся на войну, получал свободу; нередко случалось, что феодал насильно заставлял своего крепостного поступать на военную службу. Наиболее яркое выражение получил этот процесс в создании наемных армий, состоящих в основном из крестьян, в первую очередь — из младших сыновей крестьянских семей. Привлечение к военной службе простых людей получает уже в XVI в. такой размах, что, например, «благородный рыцарь» Байярд, во время итальянских войн (1499—1559) сражавшийся в четвертом походе на стороне Карла V, отказывается принять участие в битве при Павии на том основании, что от него нельзя-де требовать, чтобы он сражался бок о бок с «сапожниками, портными и мужиками».

5. Во время дворянских усобиц и позднее, в период борьбы уже между отдельными княжескими партиями, борющиеся стороны постоянно опирались на крестьян и старались привлечь их на свою сторону. Положение завербованных таким образом крестьян улучшалось, что способствовало росту их политического самосознания.

Разумеется, это была лишь одна сторона совершавшегося процесса. Одновременно усиливался и нажим дворянства на крестьян, учащались попытки лишить крестьян их прав и обратить их в новое, более тяжелое рабство.

Дворяне попрежнему смотрят на крестьян как на рабочую силу, назначение которой состоит в том, чтобы обеспечивать их пищей, одеждой, деньгами и вообще всем, в чем они нуждаются; их возможности получать все это без помощи крестьян весьма ограничены; они уже перестали играть роль «наследственной жандармерии», и для их дальнейшего существования — во всяком случае как самостоятельной политической силы — уже не остается никакой социальной опоры. Но одновременно возрастают их притязания. Разбогатевшая новая буржуазия начинает вести неслыханно роскошный образ жизни, и дворянство тщетно пытается с ней конкурировать. Жалобы на то, что бюргерские жены носят платья и украшения стоимостью в сотни гульденов, так что рыцарские жены вынуждены смотреть на них завистливыми глазами бедных родственниц, упреки дворян по адресу буржуазии,

строящей себе дворцы, в то время, как бедные дворяне влчат жалкое существование в разрушающихся замках, постоянно повторялись во всех литературных произведениях того времени, в которых описывалось положение дворянства, и являлись постоянным поводом для обвинений, выдвигаемых дворянством на собраниях сословий.

Поэтому дворянство старалось выжимать из крестьян все, что только можно; иными словами, оно начинает произвольно повышать старые, точно фиксированные повинности, измышлять новые, переключать на плечи крестьян довольно высокие налоги, уплаты которых от него требовал местный феодал, начинает вести эксплуатацию земли хищническими методами.

В то время как землевладелец XII в. до известной степени был еще заинтересован в благосостоянии крестьянина, ибо без труда этого крестьянина его земля оставалась мертвым капиталом, дворянину XV—XVI вв. было безразлично, живет ли крестьянин в достатке или умирает с голоду — ведь землю можно было продать. Там, где помещик не мог увеличить повинности, он изобретал «штрафы». Например, в некоторых областях дворяне пытались увеличивать размер дровяной повинности на 100% за каждый день задержки ее выполнения.

С развитием горного дела лес становится важным предметом торговли, и землевладелец начинает покушаться на те леса, которые ранее принадлежали общине. Путем всевозможных махинаций и окольных ходов, а нередко и путем грубого насилия он пытается оспаривать право общины на эту землю, а также и на другие крестьянские угодья. Наконец он пытается или согнать крестьянина с земли или снова закрепить его, чтобы иметь возможность еще более жестоко его эксплуатировать. Вытеснение крестьян с их земель производилось в то время с неслыханной жестокостью.

Поэтому в целом ряде стран, где дворянство было особенно сильно, как, например, в Германии или Чехии, в начале XVI в. происходит процесс обратного закрепощения крестьян. В Западной Австрии дворянам в общем не удалось осуществить это обратное закрепощение. (Иначе обстояло дело в Каринтии и в особенности в Чехии и Венгрии.) Поэтому среди требований австрийских крестьян во время крестьянской войны 1525 г., в отличие от требований германских крестьян, отсутствует пункт «об отмене крепостного права». Австрийские крестьяне требовали прежде всего точной фиксации повинностей, восстановления прежних прав, например права выжигания леса, отмены всех чрезвычайных повинностей и наделения крестьян новыми правами, в частности правом охоты и рыбной ловли.

Таким образом, крестьяне не поддавались угнетению без сопротивления. XV, XVI и XVII вв. являются в Австрии эпохой крупных крестьянских войн, начавшихся с восстаний в Каринтии и Шти-

рийской марке в 1432 г., и восстаний 1503, 1514, 1515 гг., которые нередко были еще настолько тесно связаны с княжескими распрями, что в них довольно трудно выделить самостоятельные крестьянские требования, вплоть до крестьянской войны 1525 г., когда крестьяне, в открытом союзе с городами, впервые уже сознательно боролись за свои собственные интересы, и, наконец, до восстания Фадингера в 1626 г., которое уже переросло рамки чисто крестьянского восстания и представляло собой первую войну за национальное освобождение новой Австрии.

Города и буржуазия

В конце XV в. в Австрии насчитывалось уже определенное количество средних и мелких городов, расположенных более или менее равномерно по всей стране, и имелся один крупный город — Вена. Хотя другие города также являлись центрами торговли и производства (например, через Инсбрук велась торговля с Италией, Штейер был центром новой металлообрабатывающей промышленности), в Вене было сосредоточено самое сильное бюргерство, и этот город по составу своего населения носил наиболее ярко выраженный интернациональный характер.

Одно из описаний Вены, относящееся к началу XVII в. и принадлежащее перу местного автора, заканчивается следующими словами (первые двадцать лет XVII в. были временем тяжелого кризиса): «Бюргерство не только очень многочисленно — оно отличается, кроме того, большим богатством и невероятной алчностью. Трудно поверить, какое множество народа постоянно является сюда из других стран, так как здесь эти люди могут вести выгодную торговлю и находят большой спрос на свои ремесленные изделия. Из страны тевтонов на Дунай привозят железо, инструменты, зерно, сукна и одежду, из Италии — различные драгоценные камни, шелка, бархат и заморские фрукты, из Венгрии — тучных быков и огромные бычьи шкуры, из Чехии и Польши — соленую рыбу и другие товары. Из Вены в далекие чужие страны вывозят золото, серебро, вино, смолу, искусственный жемчуг и иные товары». Это описание свидетельствует, что Австрия в то время вывозила довольно большое количество готовых изделий.

Могущество Вены и других австрийских городов составляли торговые монополии, полученные в результате упорной борьбы городов против герцога или просто конкурентной борьбы. В конце XV в. Австрия довольно отчетливо делилась на пояса, которые сегодня мы назвали бы «торговыми зонами». Почти каждый город вывозил товары в ту или иную определенную страну; в этой экспортной торговле львиная доля принадлежала Вене. Уже в XIII в. Вена захватила монополию на вывоз вина и пива в Венгрию, на импортную и экспортную торговлю тканями с Италией.

В конце XV в. она играла ведущую роль в торговле с Кёльном, Брюсселем, Мехельном, Левеном, Лондоном, Венецией, Польшей и Московским государством. Однако часть этих монополий существовала пока только на бумаге.

Главной политической силой городов были торговые гильдии. В результате вековой борьбы они подорвали монопольное положение городских «патрициев», добились уравнивания в правах с ними и, наконец, оттеснили их на задний план. На первый взгляд казалось, что объединенные в цехи ремесленники, или, точнее, мастера, еще играли господствующую роль. Городское управление почти полностью находилось в их руках, большую часть социальных институтов городов — дома для престарелых, школы, больницы — содержала уже не церковь, а бюргерство. Это бюргерство уже имело собственную полицию, собственное городское законодательство, в случае войны посылало собственные отряды ремесленников, причем каждый отряд выступал под своим знаменем; эти отряды сражались с рыцарями и высшей знатью и одерживали победы. Но сословие ремесленников недолго наслаждалось плодами своей победы. В среде городского населения вырос новый враг, поставивший под угрозу могущество ремесленников и пошатнувший всю воздвигнутую ими систему.

Этот враг обосновался на Вольцейле (шерстяной ряд) и на Верхнем рынке. Это были иностранцы — Фуггеры, Руланды, Бегаймы, а также и местные уроженцы — люди, которых называли «лагерерами» и которые сначала были агентами крупных иностранных купцов, а затем стали самостоятельными предпринимателями («лагереры», или «легереры», превратились позднее в «ферлегеров», «капиталистов» эпохи мануфактур и раннего капитализма).

Иностранные купцы и их агенты сломили монополию ремесленников и нарушили всю их хозяйственную жизнь. Последняя строго регулировалась и ограничивалась цехами. Например, цех шерстяников предписывал своим членам, чтобы они устанавливали только три прялки и обрабатывали в течение года лишь определенное количество сырья. Для мастеров эти ограничения были необходимой гарантией, для новых крупных торговцев — стеснительными препятствиями для дальнейшего развития торговли.

Новые крупные оптовые торговцы уже не довольствовались перевозкой товаров из одной страны в соседнюю, близлежащую. Сфера их деятельности простиралась на весь известный в то время мир. Их корабли пересекали океан, организовывались торговые экспедиции в Китай, в Индию, на побережье и в глубь Африки. Экспедиции были дорогостоящими и опасными предприятиями, но они могли принести быстрое обогащение купцу, которому удавалось быстро продать товары, быстро обработать сырье и затем на вырученные деньги организовать новые экспедиции.

Попирая обычаи и законы корпораций, крупные торговцы и их представители начали по собственному усмотрению насаждать новые формы производства. Вместо того чтобы продавать свое сырье ремесленникам (которым принадлежали как средства производства, например прялки, так и готовые товары), крупный торговец создал слой «своих», зависимых от него ремесленников. Обедневшие мастера, подмастерья, у которых вследствие застойного характера цеховой системы не было надежды сделаться мастерами, получали сырье для обработки, и через голову цехов сдавали готовые изделия опять-таки купцу. Нередко для ускорения производства и для облегчения контроля купец строил большие помещения, где совместно работали десятки таких зависимых ремесленников; например, во Флоренции и Генуе имелись «фабрики», где работало по несколько сот «рабочих». Разумеется, эти «фабрики» еще не были промышленными предприятиями в современном значении этого слова, а «рабочие» еще не были промышленными рабочими. Изделие обычно с начала до конца изготовлялось одним ремесленником, разделения труда не было, и средства производства — инструменты — попрежнему были собственностью работника. Но эти люди были предшественниками современных промышленных рабочих, точно так же, как их работодатели были предшественниками современных предпринимателей.

Развитие раннего капитализма вызвало переворот в области кредитных отношений. В средние века кредит не был органической, составной частью экономической жизни. Как правило, он был лишь вспомогательным средством или привилегией, к которой обращались в исключительных случаях: короли и князья занимали деньги, чтобы организовывать походы или вести завоевательные войны, дворяне время от времени делали займы для каких-либо чрезвычайных затрат на предметы роскоши. Лишь очень редко какой-нибудь купец, отправлявшийся в особенно дальнее или опасное путешествие, занимал деньги, чтобы снарядить корабль или караван и оплатить охрану. И в том и в другом случае речь шла о мероприятиях, которые могли окончиться либо провалом, либо очень крупным успехом. Новые территории были для князя источником новых богатств, а редкостные товары из далеких стран можно было в сущности продавать по любой цене, какую только пожелал установить купец. Таким образом, кредитор, давая деньги займа, сильно рисковал, но имел и большую возможность быстро разбогатеть. Поэтому проценты были очень высоки — проценты от 80 до 100 были обычным явлением; но в сущности уплата таких процентов не представляла большой трудности, если предприятие оканчивалось успехом.

С развитием крупной торговли положение изменилось. Купец, систематически организовывавший торговые поездки, — человек, который сам отдавал для обработки сырье, — нуждался в оборот-

ном капитале, то есть ему нужен был долгосрочный кредит, причем эти деньги он хотел получать под умеренный процент; в противном случае предприятие становилось для него невыгодным. Он был заинтересован также в уменьшении риска и в снижении стоимости экспедиций, по крайней мере поскольку дело касалось охраны и пошлин; в этом и заключается объяснение тесных связей раннего капитала с теми политическими силами, которые были в состоянии навести в стране порядок, положить конец княжеским раздорам, обуздать рыцарство, построить хорошие дороги и отменить установленные знатью местные торговые и прочие пошлины; такими силами и были абсолютистские династии. В частности, это было одной из причин, по которым Фуггеры вплоть до их финансового краха поддерживали Габсбургов. В то же время в руках некоторых крупных торговцев и их агентов сосредоточивались довольно значительные оборотные капиталы, и поэтому они были в состоянии давать деньги взаймы или посылать своим компаниям, действующим в других местах, кредитные письма. Именно поэтому в Австрии «лагереры» начинают играть все большую роль в торговле в кредит и устанавливают значительно более низкие проценты. За короткое время норма взимаемых процентов снизилась от 100 до 10—12. Таким образом, «лагереры» были в Австрии не только предшественниками промышленного капитала, но и предшественниками финансового капитала — первыми банкирами. Само собой разумеется, старые кредиторы — ростовщики — не так легко отказались от своего профессионального занятия. Дело доходило до настоящих сражений между представителями старого ростовщического капитала и новыми кредиторами — сражений, подобных столкновениям, которые происходили в то время между ремесленниками и «лагерерами». Преследования евреев в Вене отчасти были отражением этого конфликта.

С точки зрения ремесленного бюргерства особенно неприятным было одно обстоятельство: его старый союзник, эрцгерцог, начиная с правления Максимилиана, все более сближался с новыми капиталистами, не обращая внимания на их злоупотребления и нарушение ими монополий, и нередко совершенно открыто поддерживал их против своих прежних союзников. Нет ничего удивительного в том, что старое венское бюргерство отчаянно боролось за сохранение каждой привилегии, упорно добивалось от императора издания новых законов против своих конкурентов (например, закона о запрещении въезда в город иностранных купцов; в результате длительной борьбы император несколько раз давал согласие на издание этого закона, но вскоре вновь отменял его).

Впрочем «лагереры» и крупные иностранные купцы и владельцы мануфактур составляли во время контрреформации немалую часть нового, зависимого от короны дворянства, получившего владения изгнанных протестантских дворян. В одном венском

анекдоте двадцатых годов XVII в. живописец-гербовщик жалуется: «Откуда мне знать множество новых гербов? Какие же гербы писать на множестве новых чистых щитов?» Прохожий советует ему: «Это совсем простое дело! Нарисуй купеческие весы, крестьянский башмак или кошелек с деньгами!»

Дворянство

В XVI в. дворянство еще составляло в Австрии значительную часть населения; например, в конце XVI в. в Верхней Австрии имелось четыре графских фамилии (рода), двадцать три — баронских, семнадцать крупных дворянских родов, 66 — рыцарских. Правда, по сравнению с Германией это были скромные цифры, но все же эти дворянские роды, взятые вместе, составляли 1600 семей — для страны с населением в 300 тыс. человек не так уж мало. В течение XV—XVI вв. политический вес независимого дворянства начал постепенно падать и, наконец, в период контрреформации был окончательно уничтожен.

С развитием торговли и установлением спокойствия в стране дворянство лишилось своей экономической базы, своего права на существование. Новое общество уже не нуждалось в «наследственной жандармерии»; как показала история существования дружин ремесленников в городах, они были в состоянии защищаться собственными силами. С изобретением огнестрельного оружия феодальная система военной обороны утратила свое значение. Рыцарские замки и латы не могли служить уже защитой против змеевиков¹ и мушкетов. На полях сражений Франции и Центральной Европы в период революционных гуситских войн новая плебейская пехота обращала в бегство рыцарское войско и истребляла тысячами неповоротливых рыцарей, беспомощных и лишенных возможности маневрировать в своих тяжелых доспехах. Наконец, создание новой, наемной армии нанесло смертельный удар дворянству как военной силе.

В течение XIV и XV вв. происходит быстрое обнищание мелкого дворянства, продолжавшего дробить свои земли между членами семьи или раздававшего их по частям вассалам с целью получения военной помощи и покровительства. Обесценение денег принесло разорение многим дворянам, не имевшим других источников существования, кроме податей, выплачиваемых крестьянами, и слишком невежественных и реакционных, чтобы дойти до понимания необходимости повышения урожайности путем применения новых методов обработки земли. Положение дворян в Австрии было несколько менее тяжелым, чем в Германии, где

¹ Змеевик или кулеврина — старинное длинноствольное орудие XVI в. — *Прим. ред.*

некоторые рыцари жили в землянках и получали 14 марок годового дохода; но и в Австрии часть низшего дворянства вынуждена была перейти к открытому разбою.

Но низшее дворянство — «бедные рыцари», увековеченные Сервантесом в «Дон Кихоте», — составляли лишь часть дворянства, и притом не самую опасную. Действительную опасность представляли крупные независимые княжеские роды. Вражда между ними и борьба за господство на 200 лет ввергли страну в различного рода войны и распри. Максимилиан I положил этому конец. В период реформации, в эпоху, когда австрийская династия была представлена слабыми, нерешительными князьями, готовыми в любой момент идти на компромисс, князья поднялись снова. Лишь в период контрреформации их сила была окончательно сломлена, и их место заняла зависимая от эрцгерцога придворная знать. Борьба императора против знати отвечала интересам буржуазии и крестьян, и народ ее приветствовал. «Нам нужен сильный князь, который сумеет управлять волками-князьями», говорится в одной песенке середины XV в., а в одном стихотворении, сочиненном крестьянами и обращенном к Максимилиану I, говорится следующее:

Великий страх не прекратится
До тех пор, пока власть целиком не будет принадлежать
Тому, кто управляет страной, и только ему.

Экономическое развитие

В конце средневековья Австрия была довольно густо населенной страной — во всяком случае, по тому времени: в 1600 г. население Австрии (вместе с Чехией и Моравией) составляло 5,5 млн. человек. В Испании в это время насчитывалось 8 млн. человек, в Германии — 16 млн., в Англии — 4,5 млн. человек. В отличие от Германии, где, наряду с густонаселенными и высоко развитыми областями на юге и на Рейне, имелись чрезвычайно слабо заселенные, расположенные вдали от путей сообщения, области, где люди вели еще почти натуральное хозяйство, в Австрии население было распределено довольно равномерно и все области были приблизительно одинаково развиты в экономическом отношении. Города были разбросаны по всей стране; более или менее крупных районов, расположенных совершенно в стороне от торговых путей, не было, за исключением некоторых трудно доступных горных долин и лесных областей; особенно резких различий в экономическом развитии отдельных областей не наблюдалось.

Это объясняется прежде всего тем обстоятельством, что австрийские земли почти на всем своем протяжении расположены на перекрестке мировых торговых путей, связывающих восток и

запад, север и юг. Даже после того, как к началу XV в. в связи с начавшимся наступлением турок, а в 1453 г. уже в результате падения Византии, торговое значение путей между востоком и западом падает, сохраняется значение торговых путей между севером и югом. Помимо этого, Австрия в это время была уже не только страной, через которую шел транзит товаров. В XIV, XV и XVI вв. в стране в значительной степени развилось местное производство, и, в первую очередь, начиная с XV в., достигло довольно высокого развития горное дело.

До конца XII в. имелось лишь очень небольшое количество товаров, производившихся в самой Австрии, в таком количестве и такого высокого качества, чтобы их можно было экспортировать; как, например, вино (знаменитые австрийские вина), кожи и т. д. Однако уже в это время начинает играть немалую роль, по крайней мере по представлениям современников, производство в Вене предметов роскоши и модных изделий.

В это же время имелась в Австрии одна статья экспорта, которая в огромной степени способствовала обогащению австрийских князей, чьей монополией она являлась. Этой статьей экспорта являлись деньги. Благодаря выгодному географическому положению и военной мощи Австрии правитель страны смог добиться — еще до того, как Австрия вошла в число стран, добывающих серебро, — чтобы экспортируемые из Венгрии медь и серебро в значительной части обрабатывались в самой Австрии. Уже в то время издаются общеавстрийские законы, которые запрещают ввоз иностранных денег и предписывают, чтобы золото и серебро продавалось только короне. Еще до открытия тирольских серебряных рудников «эстерлинг» считался «одной из самых известных монет христианского мира». «Эстерлинг» экспортировался во все страны, вплоть до Англии; от него ведет свое происхождение монета, являющаяся до настоящего времени основой британской валюты — фунт стерлингов.

В XIII в. в самой Австрии серьезно развивается ремесленное производство — в первую очередь текстильное производство, скорняжное дело и обработка металлов. Князья, отчасти в целях борьбы против цехов, способствуют притоку в Вену иностранных ремесленников. Например, список лиц, прибывших в Вену в 1360 г., выглядит так:

17 портней, 1 суконщик, 6 ткачей, 6 мастеров, изготавливающих сумки, 6 скорняков, 4 седельщика, 8 золотых дел мастеров, 11 мастеров, изготавливающих ножи.

Ассортимент изготавливаемых в ту же эпоху в Австрии и экспортируемых из страны товаров свидетельствует о росте товарного производства. Это — бумазая (австрийская бумазая вытеснила на востоке германскую и нидерландскую), вуаль из Вены и Тульна, изделия из металла, как, например, иглы, цепи, кухонная утварь,

сельскохозяйственный инвентарь, ножи (за один только год из Вены на восток было вывезено 1,5 млн. ножей); из Нижней Австрии экспортировались изделия из кожи, стекло и бумага. Разумеется, экспорт и реэкспорт сельскохозяйственных продуктов и сырья сохранялись, но доля местного ремесленного производства сильно возрастала.

Начиная с XIII в. в Австрии развивается добыча соли, с XIV и XV вв. — производство серебряных и металлических изделий. Соль и металл были первыми «оптовыми товарами» средневековой Европы.

Соль была первым пищевым продуктом, который начали продавать и заготавливать в большом количестве — прежде всего потому, что она была необходима для заготовки продуктов на зиму. До открытия первых солеварен употребляли соль, выпариваемую из морской воды, добывавшуюся главным образом в Италии. Первые австрийские солеварни были открыты уже в конце XIII — начале XIV в. в Гальштатте. Они принадлежали герцогу. Развитие средств производства — изобретение водяного насоса, заимствование системы дистилляции из Каталонии — сделало возможным переход к массовому производству. Первым симптомом этого перехода был закон, запрещавший ввоз морской соли в Австрию. В последующие 150 лет был открыт ряд новых солеварен — в Гмундене, Аусзее, Ишле, Эбензее и т. д. Австрия выдвигается на первое место по экспорту соли. Добыча соли с самого начала была «государственным предприятием»; в 1445 г. все должности, связанные с добычей соли, замещались людьми эрцгерцога.

Еще большее значение, чем добыча соли, получает добыча серебра. Развитие торговли в XV в. породило колоссальный спрос на платежные средства. В период с 1400 по 1500 г. число денежных операций, оплаченных деньгами, возросло с 15 до 40%. В то же время начинает сокращаться продукция серебряных рудников Чехии. Австрия становится крупным поставщиком серебра для всей Европы. Приведем несколько примеров, указывающих на количество серебра, добываемого в Австрии: в 1595 г. добыча серебра в тирольских рудниках (Галль) за год выражалась в сумме 23 тыс. марок (в средневековых марках). В то же время в Иоахимстале добывалось серебра на 4 тыс. марок, в Куттенберге — на 13 тыс. марок. В серебряных рудниках в Шваце (Северный Тироль) добыча серебра производилась в горах на высоте 1200 метров и постепенно глубина шахт достигла 900 метров. 600 рабочих было занято только откачиванием воды. Когда уроженец Зальцбурга Антон Лассер изобрел механическую черпалку, позволившую отказаться от ручного способа откачивания воды, это дало возможность увеличить добычу серебра, и количество рабочих, занятых в самих рудниках, быстро увеличилось и вскоре достигло цифры 10 тыс. человек. За 38 лет здесь было

добыто серебра на 2 млн. марок. Кроме этого рудника имелись еще крупные рудники в Кицбюгеле, Раттенберге и Шладминге. Впрочем, в период крестьянских войн, в 1525 г., Шладминг был почти полностью разрушен войском Дитрихштейна.

Работы производились или имперскими властями, или специальными компаниями средних и крупных купцов капиталистического типа, объединявшихся ради такого крупного предприятия, как эксплуатация рудников. Характерной чертой экономики позднего средневековья и начала нового времени, в отличие от современности, является постоянный недостаток капиталов. За исключением самых крупных «капиталистов» типа Фуггеров, даже наиболее богатые купцы того времени в большинстве случаев были не в состоянии руководить такими большими предприятиями в одиночку. Сама добыча производилась рабочими, в большинстве случаев организованными в так называемые товарищеские группы. Группа рабочих, «смена», добывала металл. Затем она продавала добытый металл через посредника-мастера крупному торговцу или «компанию» и делила выручку по строго определенному принципу между всеми своими членами. На некоторых рудниках — на серебряных, впрочем, реже, чем на остальных — земельные участки также находились в постоянной аренде у горняков, которые должны были перепродавать добытый металл владельцу рудников. Таким образом, наемного труда в современном смысле слова еще не было. К тому же термин «владелец рудника» неточен и может ввести в заблуждение. Рудники оставались собственностью короны и лишь сдавались в аренду крупным купцам и компаниям. Те и другие попрежнему могли продавать серебро только короне. Свободная продажа других металлов нередко была ограничена определенными условиями. Например, с начала XVI в. запрещалось продавать металлы и тис (красное дерево, употреблявшееся для изготовления оружия) туркам. С рабочими обычно расплачивались деньгами и натурой, иногда же только натурой. Из-за размеров оплаты велась постоянная борьба, в особенности в период обесценения денег, когда с рабочими пытались расплачиваться обесцененными деньгами, в то время как крестьяне требовали за свои продукты полноценных денег (которые они часто и получали). Эта борьба нередко выливалась в восстания. Например, большие волнения, связанные с борьбой за повышение заработной платы, и восстания рабочих серебряных рудников происходили в 1555, 1583, 1649 гг.

В конце XVI — начале XVII в. добыча серебра начинает сокращаться. Одной из причин этого было истощение серебряных рудников, эксплуатировавшихся хищническими методами; но основная причина заключалась в притоке нового, более дешевого серебра из Перу. Но в это время начала быстро развиваться другая отрасль горного дела — добыча (и обработка) железа. Развитие

этой отрасли было обусловлено в первую очередь возросшей потребностью в железе для изготовления новых видов оружия. Позднее, в период Тридцатилетней войны, не только владельцы железных рудников, но и мастера, изготавливавшие железное оружие, оказались в Австрии, несмотря на кризис и разорение в остальных странах Центральной Европы, в очень выгодном положении. В этом смысле можно сказать, что Австрия и Швеция нажились на войне; их оружейное производство в то время быстро и энергично развивалось, и в течение некоторого времени в их руках находилось почти все производство пушек и другого огнестрельного оружия в Европе.

Добыча железа достигла особенно высокого развития в XVI и XVII вв. Здесь также происходило усовершенствование методов производства — использование гидравлической силы на рудниках, введение новых насосов, шлифовальных камней и дробильных машин. Важнейшим местом добычи руды был Эрцберг (Рудная гора) в Штирии, где разработки велись еще в римские времена; начиная с XVI в. он стал крупнейшим центром добычи руды в Европе. Разработка этого рудника производилась девятнадцатую компаниями — членами которой сначала были жители Аугсбурга, а затем иностранные и местные капиталисты. С середины XVI в. этот рудник давал в среднем 60 тыс. центнеров руды в год, на нем был установлен 51 большой железный молот. Железо обрабатывалось в основном кузнецами г. Штейера, изготавливавшими листовое железо, косы, молоты и оружие, причем цены на железо устанавливались правительством. Штирийская продукция из железа отправлялась в Северную Германию, Россию, Польшу, Бургундию, Англию и — через Голландию — в Вест-Индию. Эксплуатация недр Рудной горы постоянно осложнялась недостатком средств. Чтобы устранить это препятствие, правительство неоднократно пыталось привлечь к эксплуатации рудника и более мелких купцов. В 1600 г. с этой целью было основано Штирийское общество торговли железом. Когда этого оказалось недостаточно, в 1625 г. по настоянию правительства было организовано самое крупное «товарищество» старой Австрии — «Главное производственное товарищество», представлявшее собой объединение мастеров колесников и молоточников, торговцев железом и императорских чиновников и в течение довольно долгого времени эксплуатировавшее Эрцберг на равных началах. Кроме того, добыча и обработка руды производились в Пиллерзее (Тироль) и в Циллертале (здесь изготавливались главным образом ядра для пушек). В 1580 г. было организовано крупное плавильное предприятие в Санкт-Вите; приблизительно в то же время началась разработка залежей в Ферлахе. В Форарльберге добывалось от 40 до 50 тыс. центнеров руды. Австрийские товары достигали даже Лондона. При королеве Елизавете в Англию были приглашены

забойщики Форарльберга, чтобы наладить добычу руды в английских рудниках.

В Каринтии и в Эйзенэрце добывали медь, Блейберг (Свинцовая гора) ежегодно давал около 8 тыс. центнеров свинца. Медные и оловянные рудники также эксплуатировались товариществами или отдельными крупными капиталистами — Фуггерами, Вейтмозерами, Путцерами, Ленднерами и Цоттами. По тому времени Австрия была страной с высоко развитой промышленностью.

Положение крупных капиталистов, связанных с горной промышленностью, и их агентов было еще более прочным, чем положение всех прочих купцов и «лагереров». В то время как в других отраслях производства городам удавалось, хотя и далеко не всегда, добиваться сохранения на некоторое время своих монополий, горнопромышленники пользовались открытой поддержкой со стороны Максимилиана I, Фердинанда I и даже Фридриха III. Например, в начале XVI в. Вена запретила поселение в городе «лагереров» и въезд в него иностранных купцов, кроме как на ярмарки, но под давлением Максимилиана должна была сделать исключение для тех, кто «служит горному делу». Вскоре запрет был полностью отменен. Когда Фуггеры стали провозить через Винер-Нейштадт медь, нарушив тем самым монополию городов, Максимилиан заявил в ответ на жалобы винер-нейштадтских бюргеров: «пусть делают что хотят; ведь все равно мы не можем им воспрепятствовать». В середине XVI в. крупные купцы совершенно игнорировали монополию Вены на торговлю с Венецией.

С середины XV в. имперское правительство начало все в более широком масштабе раздавать отдельным купцам монополии на экспорт и импорт, ранее принадлежавшие городам. Вот несколько примеров.

Максимилиан I передал Варфоломею Фирмиану и Иоганну Фуксмайеру право разработки всех серебряных и прочих рудников Нижней Австрии, а также право самостоятельно открывать новые рудники и предпринимать все, «что полезно для развития рудников». В результате добыча металла действительно повысилась. Фридрих III передал Гансу Кальтенауэру и сыновьям монополию на торговлю и вывоз меди и купороса из Каринтии в Венецию. Фердинанд I передал трем купцам — одному тирольцу и двум нюрнбергцам — монополию на порубку и экспорт тиса, который сбывали в основном в Англию. Одним из последствий этой политики, вызванной, главным образом постоянной нуждой Габсбургов в деньгах, было возникновение в Австрии раннего капитализма. С конца XV в. в Австрию иммигрирует из-за границы очень большое количество крупных купцов. Среди имен крупных купцов, живших тогда в Вене, встречается много таких, которые указывают на их иностранное происхождение — например, «Ян из

Праги», «Петер из Вюрцбурга» и т. п. Эта новая австрийская крупная буржуазия впоследствии сильно смешалась с дворянством. Примером может служить Пёльгль из Тёрля, оружейник Максимилиана, позднее получивший звучное имя «барона фон Рейфенштейн и Аарберг».

Период с XV по XVII в. был в Австрии бурным периодом перехода от ремесленного производства к ранней мануфактуре, от аграрного хозяйства, удовлетворявшего потребности сравнительно небольшой общины, к производству на рынок. Этот экономический переворот сопровождался тяжелым переходным кризисом, повлекшим за собой, наряду с голодом и безработицей, сильное обесценение денег, происходившее в период между XV и XVII вв.

«Инфляция» возникла не в Австрии; она началась в Италии. Эту лавину привели в движение князья, которые, стремясь поправить свои денежные дела, производили всевозможные манипуляции с валютой и выпускали монету с пониженным содержанием золота и серебра. «Инфляция» распространилась на Германию. Австрийская монета довольно долго держалась на прежнем уровне, но бурное развитие международной торговли сделало невозможным длительную стабилизацию валюты. Например, владельцам штирийских рудников, торговавшим с Венецией, пришлось выбирать одно из двух: либо принимать за свои товары обесцененную венецианскую монету, либо вовсе их не продавать. Владельцы рудников расплачивались обесцененными деньгами с мастерами-забойщиками, а последние навязывали эти деньги рабочим. Однако крестьяне отказывались давать за обесцененные деньги прежнее количество продуктов питания; в результате цены росли, среди рабочих происходили волнения. По прошествии некоторого времени правительство само было вынуждено узаконить обесценение денег и ввести надбавки к заработной плате рабочих.

Но, как это бывает и в наше время в периоды инфляции, заработная плата не могла угнаться за растущими ценами. Например, реальная заработная плата рабочих в Тироле и в Штирии была в течение некоторого времени так низка, что сделалось невозможным нанять рабочих — никто не хотел работать за обесцененные деньги. В городах, в особенности в Вене, люди начинали скупать ценности; более богатые венские бюргеры с лихорадочной поспешностью скупали земельные участки и виноградники. В числе пострадавших от обесценения денег оказалось мелкое дворянство, так как денежные повинности крестьян были точно фиксированы и увеличивать их было попрежнему нельзя. «Инфляция» завершила процесс обнищания мелкого дворянства.

Понятно, что для Австрии «инфляция» была только в самом начале явлением, привнесенным извне¹. Очень скоро начинается

¹ Как известно стоимость золота как товара, как и стоимость всех товаров, изменяется в зависимости от изменения производительности труда. Открытие

обесценение австрийской монеты. С 1619 г. происходит безудержное падение валюты. В 1633 г. правительство само провело девальвацию. Стоимость обесцененных «длинных денег», «медной монеты» была снижена до одной шестой — одной восьмой их номинальной стоимости, гульден в 1633 г. стоил всего 10 крейцеров вместо 75. Население потеряло до 85% своих сбережений. Крупные купцы, владельцы рудников и «лагереры» не очень пострадали от обесценения денег, потому что в большинстве случаев они были достаточно сильны, чтобы добиться оплаты своих товаров «хорошими», то есть не обесцененными деньгами, в то время как сами они расплачивались обесцененными деньгами. Но в процессе первоначального накопления в Австрии «инфляция» сыграла весьма значительную роль.

Начало превращения мелкого хозяйства в крупное и процесс втягивания его в общенациональную экономику, возникновение более сложных форм производства, расширение торговли до международных масштабов вызывают необходимость изменения и политических отношений. Новое хозяйство требует установления порядка и прежде всего безопасности не только в маленьких областях с замкнутым хозяйством, но и во всей стране. Возникает необходимость полного прекращения борьбы между князьями и сосредоточения политической власти в руках одного сильного правителя. Новое хозяйство требует единой или хотя скольконибудь упорядоченной денежной системы, единой системы пошлин и повинностей. Это также может быть создано только сильной династией. Для того чтобы можно было осуществлять политический контроль над отдельными областями, земли, находящиеся под властью династии, или по крайней мере большая часть их, должны были быть объединены в одно целое, а не быть разбросанными по доброй половине территории Европы. Начинается процесс развития единого целостного государства, существование которого является предпосылкой возникновения нации. В борьбе за расширение своей территории каждая сильная династия пытается присоединить к своим владениям наиболее важные в экономическом отношении области и захватить удобные пути сообщения, по которым шел транзит товаров. Несмотря на начинающееся смещение торговых путей в сторону Атлантического океана, в то время еще продолжали играть видную роль, во-первых, западный путь с севера на юг, проходивший через Бранант,

---

Америки с ее богатыми золотыми россыпями и в частности открытие бразильских приисков в XVII в. привело к революции цен. Золото в Америке добывалось с меньшей затратой сил, чем в Европе. Европейские колонизаторы эксплуатировали местное население, часто прибегая к вооруженному насилию и разбою. Наплыв в Европу более дешевого американского золота вызвал падение цен на золото и всеобщее повышение цен. — *Прим. ред.*

Лотарингию и Нидерланды, и, во-вторых, итальянские области. За эти области теперь начинается борьба, которую ведут сильнейшие европейские династии — Валуа, а позднее правители Франции — Бурбоны — против Габсбургов; борьба эта продолжалась до середины XVIII в.

От того, была ли в то время та или иная страна в состоянии создать абсолютистское государство, зависело обычно ее дальнейшее национальное развитие, то есть останется ли она независимой или же это развитие прервется и страна сделается ареной борьбы враждебных сил. Австрия пошла по первому пути — хотя продвижение ее на этом пути было связано с большими трудностями и тяжелой борьбой.

Максимилиан I

Максимилиан создал в Австрии новое государственное управление, наемную армию, заложил основы широкой европейской политики союзов, провел несколько войн и не только был австрийским эрцгерцогом, но и считался германским императором, от которого требовали, чтобы он хотя бы до известной степени навел порядок среди царившего в Германии хаоса. Правда, последняя задача становилась с каждым днем все более безнадежной; но в течение некоторого времени Максимилиан пытался осуществить даже ее.

Отец Максимилиана, Фридрих III, был, повидимому, автором той пентаграммы, составленной из гласных алфавита, которая в довольно высокопарной форме предсказывала будущую роль Австрии как мировой державы; вот эта пентаграмма: AEIOU — «Austria Erit In Orbe Ultima»¹, или «Alles Erdreich Ist Österreich untertan»².

Правление Фридриха было заполнено борьбой с княжескими партиями. Несмотря на то, что Фридриху постоянно грозило поражение, несмотря на то, что значительную часть своей жизни он провел, скрываясь от своих врагов, он упорно добивался своей цели — укрепления династии при помощи выгодных внешнеполитических союзов. Ему удалось устроить брак Максимилиана с Марией, наследницей бургундских земель. Этот брак был крупным дипломатическим успехом, так как вновь приобретенные территории, в состав которых входили французская Бургундия и Нидерланды, не только давали возможность установления контроля над новым важным европейским торговым путем — западным путем, связывавшим Средиземное море с Северным, но и имели большое стратегическое значение. Тот, кто владел этими

¹ Австрия будет в мире главой (лат.). — *Прим. перев.*

² Вся земля подчинена Австрии (нем.). — *Прим. перев.*

землями, владел ключом к северо-западной Италии и занимал позицию, с которой можно было постоянно угрожать как Франции, так и Англии.

Впрочем, расширение территории имело не только положительные, но и отрицательные стороны. Появление Габсбургов в Бургундии было, с точки зрения крупнейшей европейской державы — Франции, почти объявлением войны и рассматривалось ею как постоянная угроза безопасности Франции, попыткой воспрепятствовать ее территориальной экспансии в северном и южном направлениях. Через год после женитьбы Максимилиана началась в Генте первая война между французским королем и Максимилианом, с небольшими перерывами продолжавшаяся на всех полях сражений Европы — сначала в Бургундии, затем в Италии и, наконец, в Германии — до конца XVIII в.

Первая война, в Бургундии, была выиграна Максимилианом. Он совершенно не собирался уступать поле битвы Франции, несмотря на то, что вскоре против него поднялись находившиеся в союзе с Францией горожане Гента и Брюгге, которым даже удалось на короткое время захватить его в плен. Но именно потому, что Максимилиан сознавал неизбежность войны между Габсбургами и Валуа, он сумел верно оценить положение. С одной стороны была Франция, недавно окончательно изгнавшая со своей территории англичан, уже оформившаяся как государство; правда, положение короля было еще не вполне прочным, но он все же был в состоянии удержать в подчинении высшую знать. С другой стороны была Австрия — слабо связанный конгломерат почти независимых земель, значительная часть которых к тому же находилась в то время под властью Матвея Корвина, страна, правитель которой должен был почитать себя счастливым, если ему удавалось иногда отстоять свою власть в борьбе с княжеской фрондой. В один прекрасный день — а это могло случиться очень скоро — мог встать вопрос о самом существовании Австрии. Медленно, но неуклонно с востока надвигался враг, жертвой которого в 1453 г. пала Византия, — враг, угрожавший могущественной Венецианской республике и обращавший в бегство одну армию за другой. Этим врагом были турки. Максимилиан оставил Бургундию и занялся австрийскими делами.

В 1490 г. Максимилиан снова вернулся в ту маленькую область Австрии, которая еще подчинялась Габсбургам. В том же году произошли два события, благоприятствовавшие его планам возвращения своих наследственных земель; одним из них было окончательное присоединение Тироля к Австрии. Герцог Сигизмунд Австрийский попытался с помощью дружественно относившейся к Баварии партии — «злых баварских крыс», как называли эту партию в народе, — передать Тироль герцогу Баварии. Подавляющее большинство населения Тироля было против

присоединения к Баварии. На Меранском ландтаге дело дошло до открытого разрыва между герцогом и сословиями, которые призывали народ бороться — «если потребуется с оружием в руках» — за возвращение Тироля в состав Австрии и решительно отказали герцогу в денежной помощи. Сигизмунду ничего не оставалось, как уступить. Он передал Тироль Максимилиану и удалился в свои владения, получив от сословий пожизненную ренту. Таким образом Максимилиан приобрел прочную базу для действий в Тироле. Вскоре ему на помощь пришло и другое обстоятельство. Король Матвей Корвин умер в Вене. После его смерти княжеские распри в Венгрии возобновились с новой силой. Максимилиан успешно выступил против князей, вновь овладел Венной, Винер-Нейштадтом, Нижней Австрией, Штирийской маркой и Каринтией и перенес войну к границам Западной Венгрии. Двинув свои войска к Штульвейсенбургу, Максимилиан вынудил преемника Корвина — Владислава заключить Пресбургский мир, по которому Венгрия отказывалась от всех притязаний на австрийские территории, а Габсбурги даже становились преемниками Ягеллонов в Венгрии и Чехии.

Максимилиан немедленно приступил к административным реформам, благодаря которым сравнительно слабо объединенная Австрия была за короткое время превращена в довольно прочное абсолютистское государство.

Административная система Максимилиана представляла собой соединение двух форм управления: строго упорядоченного централизованного аппарата Бургундии, укомплектованного почти исключительно чиновниками-профессионалами (последние были нередко выходцами из буржуазии) — советниками и княжескими комиссарами, — и демократического самоуправления Тироля, представители которого избирались или назначались сословиями. Практически все это было сделано так, что в центральные органы входили в основном чиновники-профессионалы и несколько представителей сословий, а в местные органы управления — избиравшиеся или назначавшиеся сословиями чиновники, к которым был приставлен комиссар в качестве, так сказать, высшей местной инстанции.

В 1491 г. — то есть непосредственно после заключения Пресбургского мира — было создано первое центральное ведомство для всех австрийских земель, которые, таким образом, впервые рассматривались как единое государство. Это была так называемая надворная палата, объединявшая функции центрального министерства финансов и высшего апелляционного суда. Три года спустя эти два ведомства были разделены и учреждение, ведавшее финансами, стало называться «казенная и расчетная палата». Вскоре во всех австрийских землях было введено единое уголовное наказание, так называемое «Malefizordnung». В 1513 г.

были установлены для всей страны налоги, поступавшие в казну центрального правительства. С 1490 г. не формально, но фактически существовало нечто вроде единого для всей страны австрийского министерства внутренних дел. В отсутствие императора государством управляли наместник страны и шесть советников. Внешняя политика была единственной сферой, где император действовал самостоятельно, без малейшего участия сословий, представители которых в других сферах государственной жизни либо входили в состав министерств, либо имели право опротестовывать их решения. «Тайные дела», то есть вопросы дипломатии, император разрешал совместно с несколькими советниками; позднее на этой основе возник «тайный совет», представлявший собой чисто бюрократический институт. В конце XV в. было создано также центральное горное ведомство — нечто вроде горного министерства.

До правления Максимилиана сословные собрания различных областей вели свои дела совершенно независимо друг от друга; между ними фактически не было никакого контакта. Только один раз, незадолго до прихода Максимилиана к власти, в момент, когда существовала угроза турецкого нашествия, сословия Верхней и Нижней Австрии собрались для совместных совещаний. Начиная с 1499 г. стали, правда нерегулярно, созываться совещания выборных лиц — представителей ландтагов Штирии, Каринтии, Крайны, Нижней и Верхней Австрии.

В 1518 г. в Инсбруке состоялось собрание, знаменовавшее важнейший этап в развитии Австрии, свидетельствовавшее о том, что разрозненные австрийские земли превратились в государство — собрание австрийских Генеральных штатов. Семьдесят делегатов от всех областей Австрии — представители церкви, дворянства, городов и торговых пунктов, а также крестьян (поскольку присутствовали и представители Тироля) — съехались, чтобы обсудить общеполитическую «правительственную программу» Максимилиана. Как показывают некоторые пункты этой программы, она была весьма широкой. В числе многих других вопросов рассматривались следующие:

1) Изыскание средств для выкупа у Фуггеров заложенных княжеских владений и для содержания придворного штата и правительственных учреждений.

2) Заключение мира с Венецией или, в том случае, если это окажется невозможным, выделение средств для продолжения военных действий.

3) План похода против турок и организация взаимопомощи земель в случае нападения.

4) Создание надворного совета (Hofrat) как верховного государственного учреждения страны (надворный совет был, так сказать, «кабинетом министров» страны — впрочем, кабинетом,

подчиняющимся императору и ответственным только перед императором). Надворный совет состоял наполовину из представителей сословий, наполовину из чиновников, «опытных юристов»; кроме того, в его состав входили гофмейстер, маршал, канцлер и казначей: учреждение это, впрочем, начало функционировать только в 1526 г., при Фердинанде I.

Сословия дали согласие на создание надворного совета и выделили 400 тыс. золотых гульденов для пополнения финансов страны, но поставили условие, чтобы император без их разрешения не вел завоевательных войн. Генеральные штаты заседали всего несколько раз; впоследствии установился обычай, что в каждой земле собирался отдельный ландтаг, а вопросы, касавшиеся всех земель, разрешались с помощью переписки.

В отличие от Англии, где из собрания сословий развился парламент (в котором, впрочем, буржуазия и обуржуазившееся дворянство имели такой большой удельный вес, что это сказалось на всей деятельности парламента), в Австрии сословия не сделались в процессе дальнейшего развития решающим политическим фактором в жизни страны. В сословных собраниях очень рано появились и начали развиваться внутренние противоречия. Эти собрания состояли из представителей двух слоев населения с несовместимыми на более или менее длительный срок интересами — светской и церковной знати, с одной стороны, и населения главным образом буржуазных городов — с другой. К тому же дворянство составляло большинство во всех австрийских ландтагах, за исключением Тироля, где дворяне, города и крестьяне посылали в ландтаг одинаковое количество представителей (поэтому тирольский ландтаг значительно дольше, чем прочие, оставался работоспособной корпорацией, с которой правительству приходилось считаться как с серьезной политической силой). С середины XVI в. сословные собрания были дееспособными, в сущности, лишь тогда, когда создавался один из многочисленных случайных, недолговечных союзов между буржуазией и дворянством; такие союзы заключались с короной в те моменты, когда существовала угроза со стороны внешнего врага, а в более спокойные периоды — нередко против короны. Однако очень часто внутренние противоречия между сословиями делали почти невозможным сотрудничество сословий на этих собраниях. С начала XVII в., когда корона окончательно подорвала влияние старой знати как самостоятельной политической силы, эти собрания постепенно становились центрами дворянской оппозиции, пока, наконец, после того, как придворная знать заменила собой самостоятельное дворянство, они не превратились в лишние почти всякого политического значения корпорации.

Реформы, начатые при Максимилиане, проводились и в правление Фердинанда I. В 1527 г. был создан верховный суд — выс-

шая апелляционная инстанция для всех австрийских земель, за исключением Чехии и Венгрии (эти две страны в течение долгого времени — Чехия до 1627 г., Венгрия до эпохи Иосифа II — не подчинялись центральному австрийскому государственному аппарату; лишь основанный в 1556 г. «постоянный военный совет», представлявший собой нечто вроде военного министерства, распространил свою компетенцию и на обе эти страны). В 1527 г. были созданы, наряду с центральным министерством финансов, еще четыре палаты для отдельных земель — в Вене, Инсбруке, Пресбурге и Бреславле (Вроцлаве). С 1542 г. существовали единые для всей Австрии полицейские законы, в 1559 г. было установлено правило, по которому чеканить монету могло только центральное правительство. В то же время усиливается контроль императорских комиссаров над церквями и монастырями.

Выступая в роли германского императора, Максимилиан попытался провести в Германии такие же реформы, как и в Австрии. Но эта попытка с самого начала была обречена на неудачу; германские сословные собрания поднялись как один человек против его предложений, опасаясь, что реформы укрепят власть императора и ограничат их собственную власть (что, вероятно, и произошло бы в действительности). Попытка объединить Германию едва не привела к войне сплотившейся Германии против Максимилиана. Однако дело кончилось тем, что германские сословия пригрозили Максимилиану отказать ему в денежных субсидиях для борьбы против турок, если он немедленно не отменит свои распоряжения о централизации. Даже имперский и земский мир 1495 г., заключенные по всеобщему желанию, длились лишь несколько месяцев, так как наиболее сильные германские князья видели в этом препятствие к продолжению их междоусобных войн. После такого печального опыта даже неутомимый Максимилиан отказался от дальнейших попыток ликвидировать царивший в Германии хаос.

Второй важной сферой, на которую распространилась реформаторская деятельность Максимилиана, была армия — насколько тогда вообще можно было говорить об «армиях». Несмотря на то, что уже приблизительно в течение пятидесяти лет существовали наемные войска (состоявшие в основном из швейцарцев и чехов), основную часть армии попрежнему составляли вассалы — дворяне с их солдатами — не только в высшей степени ненадежные союзники в эпоху борьбы между дворянством и короной, но и почти вовсе неподготовленные в военном отношении. Со времени Столетней войны тяжело вооруженная, неповоротливая дворянская кавалерия терпела поражения на всех европейских полях сражений; она была разбита французскими отрядами под руководством Жанны д'Арк, затем гуситами, швейцарскими крестьянами и горожанами, и, наконец, варварами-турками.

Но не так легко было заставить этих добровольных донкихотов перейти к более современным методам ведения войны; рыцари попросту отказывались заменить боевого коня и копье огнестрельным оружием, заявляя, что они с давних времен привыкли воевать по-старому, отказываясь брать в руки «вульгарное и смертоносное» огнестрельное оружие.

Вместо рыцарского войска Максимилиан создал армию нового типа — армию ландскнехтов, нанимавшихся эрцгерцогом и зависевших от него. Армии ландскнехтов состояли уже не только из швейцарцев или чешских солдат-профессионалов, но и из местных жителей — крестьянских сыновей, подмастерьев и т. д. Впрочем, и в наемных армиях Максимилиана должности артиллеристов еще в течение долгого времени замещались чешскими ландскнехтами, которые слыли лучшими артиллеристами Европы.

Впоследствии, в эпоху Тридцатилетней войны, в период упадка и разложения наемных армий и возникновения первых национальных армий, когда слово ландскнехт сделалось синонимом понятий «грабитель» и «убийца», эти армии снискали ненависть народов всех стран; но в XVI в. армия ландскнехтов пользовалась большой любовью населения Австрии. Горожане и крестьяне смотрели на ландскнехтов, которые сделали ненужной рыцарскую армию и победили ее, как на неотъемлемую часть крестьянства и городского сословия; у них было такое представление, что именно благодаря этой армии они сами разбили ненавистных дворян. Ландскнехты, как и ремесленники, были объединены в корпорации — гильдии ландскнехтов; нередко случалось, что в разгар сражения они прекращали военные действия, чтобы предъявить военачальнику требование о повышении платы. Это «нерыцарское» и «чисто бюргерское» поведение также увеличивало их популярность. В Австрии в ряды ландскнехтов входило очень большое количество тирольских крестьян, а нередко входили городские и сельские рабочие.

Армии ландскнехтов представляли совершенно новый тип войска и по своей структуре. Они были вооружены пушками — по одной на каждую роту. Рота состояла из 25 стрелков, вооруженных ружьями, 100 алебардистов — алебарда была тяжелым оружием — и, наконец, 100—200 человек легко вооруженных копейщиков. Тяжелый неудобный щит вышел из употребления. Тактический план сражения — также разработанный Максимилианом — в основных чертах обнаруживает поразительное сходство с планом современных сражений: сначала позиции противника в течение некоторого времени обстреливались из тяжелых орудий, что можно сравнить с современной артподготовкой; потом открывался ружейный огонь, вслед за тем следовал штурм с холодным оружием: впереди шли воины, вооруженные тяжелыми алебардами, а за ними — вооруженные копьями. Рыцари, отси-

живавшиеся в своих замках, были беззащитны против этой тактики. Внезапно оказалось, что нет неприступных крепостей. Своей реформой армии «последний рыцарь» выкопал могилу рыцарству как всенной силе.

Сам Максимилиан особенно большое значение придавал заключению испано-австрийского династического брака, в результате которого испанская держава сделалась союзницей австрийской династии. Разумеется, этот брак, как и все династические браки того времени, был внешним проявлением успешного завершения дипломатических переговоров, чем-то вроде современного договора о союзе. Представление, что все другие страны должны были завоевывать свои позиции в борьбе, тогда как «счастливая Австрия получила их в результате удачного брака», является гротескным. Даже для той эпохи имеется достаточно примеров того, что династический брак оказывался бесполезным, если заключавшийся при его помощи союз не отвечал интересам обеих сторон. Основу династического брака должна была составлять трезвая, реалистическая дипломатия. Габсбурги на протяжении столетий были очень ловкими дипломатами; они превосходно понимали соотношение сил и противоречия, существовавшие в Европе, умели с молниеносной быстротой воспользоваться выгодным для себя моментом и были готовы в любой момент, не колеблясь ни минуты, опрокинуть всю созданную ими систему союзов, если это казалось им выгодным. Испано-австрийский союз Максимилиана был образцом дипломатического искусства. Испания была не только поднимающейся великой державой — она была также сильнейшим и опаснейшим противником Франции. К тому же она непосредственно граничила с Францией, а входящие в ее состав итальянские области не были отделены от французских владений в Италии даже горными цепями. Новый союз не только дал австрийской династии сильного и богатого союзника, что было немаловажным обстоятельством ввиду хронической нужды Габсбургов в деньгах, но, главное, избавил Австрию от грозившей ей войны на два фронта — с Францией, с одной стороны, и с Турцией — с другой; это значит, что он поставил Францию перед постоянной угрозой войны на два фронта — с Австрией в Бургундии и позднее в Италии, с одной стороны, и с Испанией, с другой стороны. Кроме того, благодаря этому союзу австрийская династия сделала до известной степени независимой от военной и материальной помощи со стороны германских князей — иными словами, избавилась от необходимости идти на уступки им за каждый полученный гульден и за каждого солдата — и фактически получила перевес над ними. С упадком Испании в середине XVII в. союз с ней сделался обузой для Австрии, и в конце Тридцатилетней войны австрийская династия, ни минуты не колеблясь, заключила сепаратный мир

с Францией и предоставила своим испанским родственникам продолжать борьбу в одиночку. Но в течение 150 лет, прошедших со времени заключения союза и до момента его фактического расторжения, испанская помощь была для Австрии единственным средством спасения. Без этой помощи она не могла бы в течение долгого времени выдерживать войну на два фронта — с французами и турками.

В результате испано-австрийского династического брака (сын Максимилиана женился на дочери испанской королевской четы, а его дочь вступила в брак с сыном испанского короля), у Максимилиана родилось двое внуков — Карл V и Фердинанд I. Карл V был избран германским императором, Фердинанд I, продолжавший дело Максимилиана в области внешней и внутренней политики, сделался правителем австрийских наследственных владений. Последние теперь представляли собою более прочное, целостное государство, которое несколько лет спустя оказалось единственной в Европе силой, способной отразить натиск турок.

Реалистичность внешней политики Максимилиана сказалась между прочим в том, что он первый из европейских монархов осознал значение новой восточной державы — России, которая в то время только что освободилась от монгольского ига. Он держал постоянного посла при русском дворе, в 1513 г. заключил с Россией союз против польского короля Ягеллона и тем самым лишил последнего возможности оказать поддержку его брату — королю чешскому и венгерскому в войне против Австрии. Таким образом он обезопасил себя на севере и на востоке.

Максимилиан умер в 1519 г.

Начало турецких войн

В 1526 г. венгерская армия была разгромлена турецкими войсками в битве при Мохаче. Король пал на поле битвы, большая часть страны была занята турками. Султан, торжествуя, заявил, что через год он возьмет Вену, а через два — будет на Рейне. Казалось, что он в состоянии выполнить эту угрозу. Одна страна за другой были завоеваны турецкими армиями, во всех странах Южной Европы власть находилась в руках турецких правителей или вассалов султана. Население Европы было охвачено ужасом.

Турки переживали тот период развития феодализма, который еще характеризуется наличием ряда признаков военно-племенной демократии, период, который их противники прошли в своем развитии шесть столетиями раньше. Сильный феодализм турецкого государства столкнулся с загнивающим феодализмом государств Юго-Восточной Европы, переживавших тяжелый кризис распада уже пройденной, но еще не изжитой общественной

формы¹. Турки в то время были еще сплочены, тогда как их противники вели в это время борьбу между собой и не доверяли друг другу. К этому присоединялось еще одно обстоятельство: под турецкими знаменами объединилась сильная коалиция переднеазиатских, татарских и даже арабских народов, а также некоторых феодалов Восточной Европы, к числу которых принадлежал, например, князь Трансильвании Ян Заполья. Их противники боролись в большинстве случаев в одиночку, не получая существенной поддержки от своих соседей.

Еще до заключения франко-турецкого союза Франция неофициально сотрудничала с Турцией. После битвы при Мохаче французский король с радостью заявил: «турки для нас — божие благословение; они отвлекают императора и не дают ему возможность стать сильнее». Германские князья чувствовали себя в безопасности до тех пор, пока еще не был завоеван передовой бастион — Австрия. Пока турки еще не стояли у ворот Вены, турецкая опасность, в сущности, не беспокоила их, ибо она давала им постоянную возможность требовать от императора новых уступок за каждый заем и за каждый отряд, который они давали ему для борьбы с турками. Разумеется, им и в голову не приходило оказывать помощь Венгрии или другим, еще более отдаленным областям страны против турок. Примером равнодушия политиков Центральной Европы к этому вопросу может служить воззвание, посланное Лютером незадолго до битвы при Мохаче лютеранам Венгрии и Трансильвании. В этом возвании он требовал, чтобы они не оказывали туркам никакого сопротивления, так как турки являются «бичом Божиим» и было бы грехом «противиться божиему бичу». Впрочем, три года спустя, когда турки стояли под стенами Вены и можно было ожидать, что Германии вскоре придется испытать очистительное действие «бича Божия», Лютер изменил свое мнение и призвал своих единоверцев помочь Вене. Испания послала деньги и небольшое количество войск. Но Испания была преимущественно морской державой. Объединенный флот Испании и Венеции выдержал в Средиземном море основной удар объединенного турецко-арабского флота (позднее к турецким и арабским кораблям присоединились также

---

¹ Автор неточно характеризует причины слабости государств Юго-Восточной Европы по сравнению с Турцией. Феодальный порядок этого периода не был еще изжитой общественной формой, не было еще кризиса и распада феодализма. Основная причина слабости стран Юго-Восточной Европы заключается в том, что эти страны еще не превратились из сословных монархий в централизованные абсолютистские государства. Это был как раз переходный период, период острой борьбы центральной власти с княжеской фрондой. Это был период, когда еще не было сильной армии. Только в борьбе с внешней опасностью укрепилась феодальная государственная система, было создано абсолютистское государство с сильной армией, обеспечившей позднее разгром турок. — *Прим. ред.*

французские). В 1571 г. испанские и венецианские корабли под командованием побочного сына Карла V — Дон Хуана Австрийского и венецианского адмирала Дориа уничтожили в морской битве при Лепанто турецкий флот и положили конец турецкому господству в Средиземном море.

Англия не была заинтересована в войне против турок; папа, занимая профранцузскую позицию, был склонен скорее выступить за турок, чем против них. Россия же была всецело поглощена борьбой с татарами.

Для завоеванных турками земель турецкое владычество означало не только войну, грабежи, нужду и десятки тысяч убитых, но и нарушение всего процесса развития этих земель. И если многие балканские страны в середине XIX в. находились еще почти на стадии феодализма, то в этом в немалой степени повинны 200 лет турецкого владычества, в течение которых покоренным народам был попросту навязан экономический и политический строй их господ. В течение долгих лет эти страны подвергались неслыханным грабегам. Турки длительное время жили в полном смысле слова за счет покоренных народов. В качестве примера можно указать на те репрессии, которым подверглись жители островов Греции после их завоевания: треть жителей была обращена в рабство, вторая треть переселена в Константинополь, чтобы «пополнить» население обезлюдившего города, остальным — наиболее слабым и неспособным — было разрешено остаться на прежних местах и обрабатывать землю. Там, где крестьяне были еще свободными, они становились крепостными турецких правителей или местной знати, подчинившейся туркам. Особенно тяжелы были колоссальные военные контрибуции, которые крестьяне и города должны были выплачивать Константинополю сверх податей, уплачиваемых местным правителям, и «подать детьми». Последняя состояла в том, что жители должны были через определенные промежутки времени отсылать султану в качестве «налога» каждого десятого, а иногда даже каждого седьмого или шестого ребенка, из рождавшихся в данной местности. Эти дети с малых лет воспитывались в Константинополе и готовились для военной службы, поставляя кадры для знаменитой турецкой армии янычар. То обстоятельство, что турки проявляли терпимость в вопросах религии и мировоззрения, что они, например, не мешали ни лютеранам, ни кальвинистам, ни членам греческой православной церкви исповедовать свою религию, было в таких условиях весьма слабым утешением.

Янычары были первой профессиональной армией Европы — притом совершенно своеобразной профессиональной армией. Они воспитывались с детства в своего рода «кадетских корпусах», совершенно изолированные от своей семьи и от окружающего мира. Наряду с военной подготовкой им с самого детства

постоянно внушалось, что они как служители бога и султана составляют избранную часть населения. Все человеческие отношения, все то, что представляло ценность для других людей, для них не должно было иметь никакого значения; друзей, семью им заменяли армия янычар и султан; единственной достойной смертью считалась смерть на поле битвы. Они не имели права жениться и владеть каким-либо имуществом сверх того, что они могли носить при себе. Разумеется, такая армия была гораздо более боеспособной, чем дезорганизованные, раздираемые соперничеством феодалные войска их противников.

23 сентября 1529 г. турки подошли к Вене. Султан заявил, что он хочет провести зиму в этом городе, чтобы следующей весной направиться к Рейну. Турецкая армия состояла из 250 тыс. человек, она имела 300 пушек и сильный флот на Дунае. Фердинанд I был не в состоянии принять бой; он собрал за стенами города все войска, которыми он располагал, — около 20 тыс. человек — и отступил с тем, чтобы собрать армию. Ввиду создавшегося трудного положения германские князья послали наконец вспомогательные отряды, и наспех сформированная армия выступила в конце сентября в направлении на Кремс. Но армия была все еще слишком слаба, чтобы встретиться с турками в открытом бою; она была вынуждена довольствоваться лишь тем, что внезапными набегами не давала туркам покоя.

В эти дни Австрию спасли главным образом гарнизон Вены под командованием графа Сальма и венские горожане, а также вооруженные крестьянские отряды, стихийно создававшиеся в деревнях и постоянно тревожившие турок с тыла. Решающую роль сыграло то, что Вена выдержала осаду.

Плохо укрепленный город в течение тридцати дней выдерживал жестокую бомбардировку. Жителям приходилось без конца тушить пожары, возникавшие в результате действий турецкой артиллерии; защитники города упорно заделывали бреши от турецких снарядов и не давали врагу прорваться в город. Отчет Зигмунда фон Герберштейна, посетившего город через шесть недель после его освобождения, позволяет судить о том, насколько ожесточенной была борьба: «Первого декабря я прибыл в Вену, которая показалась мне сильно изменившейся по сравнению с ее прежним видом. Все предместья, немногим уступавшие по величине самому городу, были разрушены и сожжены, чтобы враг не мог ими воспользоваться, а может быть и для того, чтобы сузить линию обороны. К тому же вся страна вокруг была выжжена врагом; на всем пространстве от Вены до Винер-Нейштадта и в окрестностях этих городов редко можно было пройти на расстояние ружейного выстрела и не натолкнуться на мертвого человека, лошадь, свинью или корову».

Через тридцать дней турки были вынуждены снять осаду. Приближение зимы и действия все более крепнувшей армии Фердинанда сделали положение для них невыносимым. Они отступили в Венгрию, преследуемые по пятам армией Фердинанда.

Двумя годами позже, в 1532 г., султан снова начал наступление; снова была подтянута огромная армия — на этот раз не к стенам большого города с гарнизоном в 20 тыс. человек, а к стенам маленькой крепости с 800 солдатами. Крепость Гюнс (Кёзцег) близ штирийской границы, гарнизоном которой командовал хорватский офицер Николай Юрижиц, держалась более месяца, несмотря на жестокую бомбардировку и бесчисленные атаки. Султан обещал Юрижицу большие суммы, если он сдаст крепость, предлагал ему высокие командные посты в турецкой армии, грозил ему страшными пытками, но ничего не добился — ни обещаниями, ни угрозами. Героическое сопротивление крепости Гюнс позволило Фердинанду и Карлу V использовать передышку, чтобы собрать большую армию, состоявшую на этот раз из солдат почти всех европейских стран — из чехов, немцев, нидерландцев, итальянцев, поляков, даже из английских и шведских добровольцев. Султан уже не решился приблизиться в том же году к Вене; в течение нескольких месяцев армии маневрировали; одновременно испано-венецианский флот под командованием Дориа атаковал Константинополь с моря. В конце концов султан отступил, но его настигли императорские войска и нанесли ему тяжелое поражение.

С тех пор краткие периоды затишья в военных действиях сменялись новыми атаками, на границах фактически никогда не прекращалась малая война. С этого времени и до конца XVII в. Австрия неизменно была полем военных действий. Но гарнизоны Вены и Гюнса, ландскнехты новой армии, венские бюргеры и австрийские крестьяне навсегда развеяли миф о непобедимости турок.

Крестьянские войны

За год до битвы при Мохаче и за четыре года до турецкого нашествия в Австрии началась большая крестьянская война. Эта крестьянская война по времени совпадала с крестьянской войной в Германии, и захватывала смежные территории, так что на первый взгляд может показаться, что обе войны были вызваны теми же причинами и протекали одинаково, то есть что это была фактически одна война. Но при более тщательном исследовании обнаруживаются весьма существенные отличия.

Восстание германского крестьянства имело совершенно своеобразное, трагическое значение в истории Германии. Это была отчаянная и едва ли не последняя попытка сокрушить германский феодализм снизу. В результате поражения крестьян была слом-

лена на несколько столетий единственная боеспособная и прогрессивная сила Германии — крестьянство.

Германские крестьяне имели только одного союзника в своей борьбе, да и то недолгое время. Этим союзником была реакционная с исторической точки зрения сила — рыцарство. В Австрии крестьяне в своей борьбе выступали в союзе с большей частью городов, с рабочими рудников и прогрессивным тирольским ландтагом. И хотя города и тирольский ландтаг в ходе войны являлись иногда тормозящей силой и поддерживали лишь часть крестьянских требований, они все же с начала и до конца восстания выступали на стороне крестьян. Крестьянская война окончилась компромиссом — однако таким компромиссом, в результате которого была удовлетворена значительная часть крестьянских требований.

Крестьянская же война в Германии окончилась страшным поражением крестьян. С этого времени в Германии уже не существовало организованное движение крестьян, лишь кое-где имели место вспышки, вызванные отчаянием. Австрийские же крестьяне три года спустя после окончания крестьянской войны уже принимали активное участие в защите страны; они продолжали отстаивать свои интересы как в годы, следовавшие за крестьянской войной, так и в последующие времена, добиваясь нередко осуществления своих требований мирным путем (в Тироле, например, при помощи собрания сословий), а иногда и с оружием в руках.

В Германии дворянство имело полную свободу рук для расправы с крестьянами. Месть дворян в Германии была ужасна; они подходили к разрешению крестьянского вопроса исключительно с точки зрения своих собственных интересов, то есть с точки зрения сохранения своих привилегий по отношению к крестьянству. В Австрии же господство знати уже было ограничено. Корона вследствие угрозы со стороны турок и необходимости организовать оборону страны была всецело заинтересована в том, чтобы не допустить перехода крестьян в ряды оппозиции; поэтому она отнюдь не собиралась в угоду знати отправлять крестьян тысячами на виселицы, хотя бы по той причине, что экономическое ослабление знати было для нее отнюдь не нежелательно. Поэтому корона заняла в крестьянской войне в Австрии довольно двусмысленную позицию. Правда, Фердинанд, более всего желавший скорейшего окончания войны, выслал против крестьян отряды, впрочем, довольно незначительные; но в то же время он поддерживал и попытки городов достигнуть компромисса.

Разумеется, то, что положение крестьян в Германии и в Австрии было различным, еще не означает, что австрийские крестьяне жили как в раю. Им также пришлось взяться за оружие в силу тяжелой необходимости. Кризис переходного времени и обес-

ценение денег очень тяжело отразилось на положении крестьян и горнорабочих. Жалованье горнорабочих, когда оно выплачивалось деньгами, нередко в течение одной недели обесценивалось на 25 %; между крестьянами, поставлявшими продукты на рудники, с одной стороны, и скупавшими эти продукты императорскими чиновниками и владельцами крупных монастырей типа Зальцбургского — с другой, велась постоянная борьба из-за того, в какой валюте будет производиться оплата товаров. Часто крестьян заставляли принимать обесцененные деньги. Дворянство и в особенности крупные князья церкви постоянно пытались поправить свое положение за счет крестьян. Церковь и дворянство изобретали все новые местные налоги на крестьян — рыцарский налог, брачный налог, вводили чрезвычайные повинности по постройке дорог и даже ввели повинность по доставке преступников в суд, выполнение которой каждый раз отнимало у крестьянина полный рабочий день и было, в сущности, обязанностью самих дворян. Чтобы заставить крестьян выполнять эти повинности, являвшиеся противозаконными и противоречившими всем прежним обычаям, отдельные землевладельцы — среди них особенно отличался епископ Зальцбургский Маттеус Ланг, любимец императора — пытались уничтожить права и самоуправление городов и торговых пунктов. Свое наступление на крестьян и горожан духовенство связывало с борьбой против «веры» — новой реформированной религии, которую города и крестьяне использовали для того, чтобы, например, посредством демократических выборов проповедников из своей среды, совершения богослужения на родном языке и т. д. избавиться и от морального давления со стороны князей церкви. Одним из самых непримиримых противников новой религии был все тот же архиепископ Ланг.

Поэтому борьба началась в Пинцгау и Гаштейне, входивших в состав епископства Ланга. Восстание в Зальцбурге было вызвано введением новых налогов на жителей этого города, тайным убийством одного протестантского проповедника (несмотря на распоряжение архиепископа, палач отказался обезглавить его и проповедник был убит слугами Ланга), новыми высокими поборами, которыми были обложены горнорабочие и владельцы ремесленных предприятий. Весной 1525 г. первыми поднялись горнорабочие; они объявили забастовку и обратились к крестьянам и городам с просьбой о помощи. Крестьяне Гаштейна также сформулировали свои требования и отправили своих посланцев с этими требованиями в другие австрийские области, предлагая им также настаивать на осуществлении крестьянской программы, а в случае необходимости бороться за нее с оружием в руках.

Требования гаштейнцев с незначительными изменениями были поддержаны и большинством крестьян других областей и состояли в следующем:

Свободная проповедь евангелия, без каких-либо искажений.

Свободное избрание своих пастырей, смещать которых без достаточных оснований не имели бы права никакие власти.

Отмена чрезвычайных повинностей — налога на посвящение, рыцарского, брачного, подушного, погребального налогов, налога на корм, на передвижение, малой десятины, сохранение лишь «большой десятины» — уплаты каждого тридцатого снопа землевладельцу. Кроме того, крестьяне требовали, чтобы у них были свои, независимые судьи, которые судили бы без вмешательства землевладельца, отмены существовавшего обычая производить наказания и казнь преступников за счет общины, отмены повинности по содержанию в порядке дорог.

Крестьяне избрали двух предводителей: богатого гаштейнского ремесленника Вейтмозера и бывшего ландскнехта Праслера. Вейтмозер и Праслер представляли «правое крыло» движения; они были готовы в любой момент принять компромиссные предложения тирольского ландтага и других сословных собраний и несколько месяцев спустя после начала восстания очень резко выступили против продолжения борьбы на том основании, что основные требования якобы уже удовлетворены и что продолжать борьбу за удовлетворение оставшихся немногочисленных спорных вопросов бессмысленно. Праслер впоследствии поступил даже на службу к архиепископу.

Во всей Австрии положение было в общем такое же, как в Гаштейне. Правительство уже в 1524 г. издало новые распоряжения, направленные в защиту крестьян и против злоупотреблений дворянства — но большая часть этих распоряжений осталась на бумаге. Восстание охватило всю страну, но протекало оно не везде с одинаковой силой и организованностью. В ходе борьбы к крестьянам повсюду присоединялись сельские рабочие, например рабочие виноградников, а также горнорабочие.

Положение было настолько серьезно, что было созвано общее австрийское совещание сословий. Фердинанд потребовал немедленной организации борьбы против крестьян и отправки военной экспедиции для их усмирения. Представители сословий утверждали, что никакие экспедиции не помогут, если не будут устранены причины недовольства. Дело кончилось компромиссом. Фердинанд согласился на устранение некоторых злоупотреблений, и провинциальным собраниям сословий было поручено ведение переговоров с крестьянами и организация «комиссий по улаживанию конфликта». Сословия дали согласие на посылку экспедиционной армии под командованием Дитрихштейна. Одновременно Фердинанд потребовал наказания руководителей восстания, по крайней мере «принципиального» или символического, связав это требование с обещанием дать полную амнистию всем участникам восстания.

Хотя сословия и дали согласие на посылку армии против крестьян, но когда дело дошло до формирования этой армии, горожане отказались финансировать ее, и в течение нескольких недель изобретали все новые и новые причины, по которым они якобы не могли дать денег. Когда же деньги, наконец, были собраны, не оказалось солдат. Как только завербованные ландскнехты услышали, что их посылают против крестьян, большинство из них отказалось выступить в поход и разошлось по домам. Чтобы хоть как-то организовать поход, Дитрихштейн был вынужден завербовать 300 человек артиллеристов. При первом столкновении с крестьянами оставшиеся в войске Дитрихштейна ландскнехты — на этот раз вместе с чешскими артиллеристами — взбунтовались и разбежались.

Дитрихштейн, оказавшийся в очень тяжелом положении, укрылся с горстью солдат в маленьком укрепленном городке Неймаркте. Вскоре он должен был начать переговоры с осадившими город крестьянами. Таким образом, наступление экспедиционной армии прекратилось, но одновременно прекратились и военные операции крестьян, занятых осадой Неймаркта.

Между тем в других местах восстание продолжалось. Крестьяне и горожане Зальцбурга поднялись и захватили при поддержке горнорабочих часть архиепископского замка. Епископ укрылся в другой части замка и находился там фактически на положении пленника. Здесь также вскоре начались переговоры.

Затем поднялся Тироль, остававшийся спокойным значительно дольше, чем остальные области. Здесь положение было несколько иное, чем в других землях Австрии. Во-первых, крестьяне Тироля пользовались большими правами, чем крестьяне других земель. Повинности в пользу дворян были очень невелики, крестьяне могли покупать у дворян землю. Циммерман пишет: «Здесь не мог проявляться произвол знати; некоторые дворянские роды, попытавшиеся называть крестьян своими «подданными», были привлечены земляками к суду». Крестьяне Тироля были экономически крепче, а также лучше организованы, чем крестьяне других областей. В Тироле имелось еще нечто такое, что в остальных районах Австрии не имело широкого распространения, а именно, раннесоциалистические, или, вернее, раннехристианские социалистические течения, во многом напоминавшие взгляды таборитов в гуситских войнах. Требование установления «царства божия на земле», такого царства, где не было бы ни частной собственности, ни процентов, ни, разумеется, денег и почти не было бы государственного аппарата, довольно часто выдвигалось протестантскими проповедниками Тироля (впрочем, как обнаружилось впоследствии, это течение не было господствующим). Кроме того, Тироль, в особенности после 1525 г., служил в течение некоторого времени, как и Швейцария, убежищем

для всех беглецов Центральной Европы. Беглецы из всех центральноевропейских стран, а после окончания германской крестьянской войны главным образом представители «левой» части германского крестьянства, находили убежище в труднодоступных горных деревнях Тироля.

Тирольские общины выдвинули свои требования — 19 пунктов, довольно сильно отличавшиеся от требований крестьян других районов Австрии; эти требования шли значительно дальше и были более тщательно разработаны. «19 статей» содержали, наряду с требованиями, направленными в защиту евангелистских проповедников, требование свободного избрания проповедников, запрещения вмешательства светских властей в церковные дела, а также требование предоставления крестьянам права охоты и рыбной ловли (одной из немногочисленных привилегий тирольской знати). Кроме того, выдвигался целый ряд требований, направленных против прохождения иностранных войск через тирольские области, против размещения в пограничных крепостях иностранных, нетирольских гарнизонов, против уплаты чрезмерно высоких податей епископу Зальцбургскому, против экспорта триентских вин, против новых налогов и дорожных пошлин, против «печатных» и «письменных денег»¹, против «сговоров судей и судебных писарей по трактирам»², против «господ, которые препятствуют спорящим общинам мириться друг с другом», против «господ, которые во время охоты скачут по пашням», против некоторых землевладельцев, требовавших уплаты десятины два раза в год, против Фуггеров и других господ, обладающих привилегиями, «вызвавшими такое вздорожание, что некоторые товары повысились в цене с 18 крейцеров до 1 гульдена (75 крейцеров)».

Австрийские крестьяне были довольно сильны. Они пользовались поддержкой части городов; император колебался и был к тому же совершенно не в состоянии подавить восстание силой, противники крестьян — светская и церковная знать — были слишком слабы, чтобы справиться с крестьянами. Соотношение сил было таково, что крестьяне могли бы добиться осуществления всех своих требований, но они вели свою борьбу, не установив прочных связей с отрядами восставших крестьян других областей, если не считать те слабые попытки установления связи, которые были предприняты их посланцами. Крестьянство было бы в состоянии выйти за рамки чисто локальных действий. Как правило, события развивались так, что крестьяне каждой области ставили в очень затруднительное положение своих противников и немедленно — независимо от других областей, лишь иногда

¹ То есть гербовых сборов. — *Прим. ред.*

² То есть против взяточничества судей. — *Прим. ред.*

при поддержке городов, находящихся в районе восстания, — начинали вести с ними переговоры. Поэтому восстание, едва достигнув своего кульминационного пункта, уже начинало ослабевать.

Раньше всего борьба закончилась в Каринтии и в Верхней Австрии. Большая часть крестьянских требований была удовлетворена, налоги были значительно снижены, подати, уплачиваемые землевладельцу, доведены до прежнего уровня, за исключением небольшой «надбавки» на снижение стоимости денег. Дворяне, напуганные крестьянским движением, в течение довольно долгого времени действительно соблюдали эти условия. В Тироле Фердинанд тотчас же дал согласие на удовлетворение части требований, например на свободный выбор священников и контроль общины над церковными делами; другая часть требований была передана на рассмотрение ландтага. Некоторые области — северные районы, рудники Шваца, Эренберг — выразили удовлетворение этим решением и послали в ландтаг чрезвычайных делегатов; ландтаг немедленно организовал специальные комиссии для ведения переговоров. На юге, где восстанием руководил Гайсмайер, эти требования были отклонены. Крестьяне потребовали немедленного удовлетворения всех требований. В результате восставшие раскололись на два лагеря. После некоторых колебаний правительство отправило в Триент и Бриксен карательную экспедицию, в районе восстания был установлен режим террора, и восстание было подавлено. Тем не менее решение, принятое в конце концов ландтагом для всего Тироля, было благоприятным для крестьян. За исключением одного-двух требований — в том числе требования, направленного против Фуггеров, — все пункты крестьянской программы были приняты. Кроме того, была объявлена амнистия всем участникам восстания. В Шладминге, Зальцбурге и Эннсе борьба продолжалась еще некоторое время; в Шладминге граф Сальм, которому удалось принудить город к сдаче, установил террористический режим. В Зальцбурге архиепископ заключил с горожанами и крестьянами договор, согласно которому он и его приближенные получали свободу в обмен на принятие всех требований крестьян. Выйдя на свободу, он начал с того, что нарушил договор. Восстание немедленно вспыхнуло снова; дело дошло до ожесточенной борьбы между восставшими и экспедиционным корпусом под командованием графа Сальма. Архиепископу в конце концов удалось добиться компромисса, результатом чего явилось удовлетворение основных требований крестьян; здесь также была объявлена амнистия всем участникам восстания — отчасти потому, что военные советчики Фердинанда вместе с приглашенным из Германии Фрундсбергом сами рекомендовали ему пойти на мировую, мотивируя это тем, что крестьяне очень сильны и длительная борьба не приведет ни

к чему. К тому же в течение всех других переговоров как условия, так и «профессиональные военные» все время ссылались на угрозу со стороны турок, диктующую необходимость скорейшего установления мира в стране. В Эннсе ответом крестьян на установленный Дитрихштейном режим террора было новое восстание — крестьяне поднялись, захватили в плен Дитрихштейна, перебили часть его свиты — около трех тысяч чешских, штирийских и каринтийских дворян. Дитрихштейн остался в живых лишь благодаря посредничеству ландтага. Попытка Сальма освободить его также потерпела неудачу. Дело и здесь закончилось компромиссом.

В результате восстания больше всех выиграла буржуазия. Ее авторитет возрос благодаря ее посреднической деятельности, все посягательства дворянства на ее позиции и права были отражены. Крестьяне получили не все, чего они требовали, да и те требования, в отношении которых было достигнуто соглашение, осуществлялись иногда очень медленно, встречая большое сопротивление со стороны дворян, а в особенности высшей церковной знати, постоянно стремившейся обмануть крестьян и горожан. Самые большие потери в людях понесли крестьяне, хозяйства которых были особенно сильно разорены. Тем не менее и они добились ряда успехов. Им удалось не только повсеместно отразить посягательства дворян на снижение их жизненного уровня, но и защитить те, пусть ограниченные, права, которые они имели, и даже — например, в области церковного самоуправления — завоевать новые. Корона ничего не выиграла и ничего не проиграла; ей удалось сохранить нейтралитет между враждующими сторонами и — как обнаружилось в последующих крестьянских войнах — сохранить свой авторитет среди крестьянства, несмотря на отправку против крестьян армий Дитрихштейна, Сальма и Фрундсберга. Пострадало дворянство, в особенности низшее. Крестьянская война опрокинула его планы предохранить себя от экономического краха за счет крестьян; тяжелые поражения, которые нанесли дворянам крестьяне и города, показали всей стране полную бездарность дворянства в военном искусстве. Многие мелкие дворяне оказались перед серьезной альтернативой — либо остаться «господами» и нищенствовать, либо отказаться от своей независимости и поступить на службу к эрцгерцогу уже не в качестве свободных рыцарей, а в качестве чиновников или военачальников наемных армий.

В конце 1525 г. крестьянская война в Австрии в общем закончилась, хотя то тут, то там еще вспыхивали отдельные восстания; но главные сражения оказались уже позади. Эпилогом войны явилось восстание Гайсмайера в 1526 г.

Гайсмайер, бывший секретарь епископа Бриксенского, был умный, образованный по тому времени, много путешествовавший

человек. Ф. Энгельс называет его «...единственным значительным военным талантом среди всех крестьянских вождей...»¹ Гайсмайер принадлежал к числу тех немногих, кто боролся не только за устранение существующих несправедливостей, но, кроме того, и за нечто новое — за «социальную и христианскую республику», имевшую много общего с таборитским «царством Божиим в Чехии». Гайсмайер принадлежал к левому крылу тайной революционной организации немецких крестьян. В отличие от других крестьянских вождей он не только поддерживал постоянную связь с немецкими и швейцарскими крестьянскими вождями, но и вел переговоры с посланцами Венецианской республики и французской короны. Он намеревался установить свою «социальную и христианскую республику» с помощью Венеции и Франции; однако этот план вызывал сомнение, так как в результате этого сотрудничества страна могла быть стертой в порошок, попав между двумя жерновами — Францией и Австрией.

Недовольство в стране еще не улеглось. В Зальцбурге и Тироле крестьяне были недовольны позицией церкви, неизменно пытавшейся затянуть выполнение взятых на себя обязательств по компромиссным договорам; к тому же там были еще живы воспоминания о преступлениях Дитрихштейна. Гайсмайер решил поднять новое восстание, которое должно было начаться в Зальцбурге, Тироле и Южной Германии (Швабии) и затем перекинуться в Австрию и Германию. Вслед за тем он намеревался создать особое государство — федерацию Тироля, Зальцбурга и альпийских областей — под протекторатом Венеции. Войско, которое должно было составить костяк армии борющегося крестьянства, формировалось из крестьян и горняков тех областей, которые отказались в середине 1525 г. пойти на компромисс (то есть главным образом из Бриксена и Мерана), «левых», присоединившихся к Гайсмайеру из других областей, и, в значительной степени, из нашедших убежище в Тироле немецких эмигрантов — участников крестьянской войны в Германии, отнюдь не считавших проигранным дело немецкого крестьянства.

Восстание окончилось неудачей. Армия выступила, но крестьянское восстание в Тироле, назначенное на 31 марта, не началось. Кое-где имели место небольшие изолированные сражения, но страна в целом осталась спокойной. Армия сражалась одна.

Но даже в таких условиях она доставила немало хлопот отправленным против нее австрийским, баварским и швабским экспедиционным войскам. В военных операциях, поразивших своей гениальностью всех профессиональных военных того времени, армия Гайсмайера, умело маневрируя, постоянно уходила без потерь от своих противников, не давала им возможности со-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 192.

единяться, заманивала их на территории, где они не могли ее атаковать, осадила Радштадт и угрожала Инсбруку. Но даже революционная армия, руководимая таким замечательным стратегом, каким был Гайсмайер, не могла в течение долгого времени сражаться без активной поддержки со стороны населения. Такая борьба была обречена на поражение.

Гайсмайер сделал то, что до него не удавалось ни одному крестьянскому вождю: он отступил без поражения и спас большую часть своей армии. В результате блестящего маневра его отряды обошли противника, пересекли горы — предприятые, которое едва ли сочли бы осуществимым даже военачальники регулярных войск того времени, — и достигли венецианской территории, где синьория приняла их как почетных гостей.

Последние два года своей жизни Гайсмайер занимался уже венецианской политикой. Весной 1528 г. — к тому времени он был уже венецианским и швейцарским гражданином — Гайсмайер явился в Швейцарию, где попытался набрать швейцарских добровольцев для борьбы против императора; в то же время он пытался организовать союз против императора, в который вошли бы Вюртемберг, некоторые швейцарские кантоны, ряд германских князей-евангелистов и Франция.

Гайсмайер был настолько крупной фигурой, его имя было окружено такой неувыдаемой военной славой, что в Австрии перед ним все еще трепетали. Эрцгерцог Тирольский заявил, что он не может спокойно спать, пока Гайсмайер жив, и назначил вознаграждение за его голову. Нашелся человек, который пожелал заработать эти деньги. В августе 1528 г. Гайсмайер был убит одним испанским дворянином; его голова была доставлена в Инсбрук.

Но почему же восстание Гайсмайера окончилось неудачей? Почему крестьяне не вняли призыву человека, за которым они пошли полгода назад? Этот вопрос задавал себе сам Гайсмайер. Единственным ответом, который он на него дал, было его гневное восклицание по адресу крестьян, не явившихся на его призыв: «Они не были объединены! Один хотел туда, другой сюда, а третьему надо было идти причащаться!» Аналогичное объяснение дает историк крестьянской войны Циммерман; он говорит о вошедшей в поговорку расхлябанности и распушенности тирольцев, которые всегда нарушают все сроки. Однако в 1525 г. ни «причащение», ни «расхлябанность» не помешали крестьянам выступить объединенно. Таким образом, приведенные объяснения явно неудовлетворительны.

Одна из причин неудачи восстания заключалась, несомненно, в том, что важнейшие злоупотребления были к тому времени уже устранены. Тем самым для восстания не было благоприятной почвы. Другую причину можно найти в программе Гайсмайера,

которую он предложил в качестве конституции нового государства.

В этом документе содержалось следующее:

Требование истребления безбожников, которые не следуют слову божьему, обременяют бедняков и чинят препятствия общему благу. Требование уничтожения всех городских стен, всех замков и крепостей; впредь в стране должны быть только деревни, «чтобы исчезли и различия между людьми, когда один считается выше и лучше, чем другой, и было установлено полное равенство». Требование отмены мессы, уничтожения икон, закрытия часовен, уничтожения «всех ужасных суеверий». Каждая община должна иметь двух судей, которые должны чинить суд каждую неделю; ни одно дело не должно откладываться более чем на два установленных законом дня. Жалованье судьям, писцам, адвокатам должно выплачиваться страной. В Бриксене должно быть основано духовное училище, финансируемое и руководимое правительством. Далее следуют пункты об отмене несправедливых процентов и пошлин, об употреблении десятины на организацию проповедей и на пользу неимущих, о превращении монастырей в больницы и детские дома, о призвании бедняков и строительстве государственных больниц, требования улучшений в разведении скота, усовершенствования земледелия, осушки болот, требования разведения плодовых деревьев, распространения хороших сортов винограда и зерна, установления общественного контроля над производством товаров с целью выработки товаров лучшего качества и установления низких цен. Предлагались меры против ростовщиков и фальшивомонетчиков, передача рудников во владение государства, открытие новых рудников также на средства государства, постройка и поддержание в надлежащем порядке горных проходов, дорог, мостов, вообще речных и сухопутных путей сообщения с целью снабжения страны и ее военной защиты.

Программа Гайсмайера должна была вызывать воодушевление прежде всего потому, что она была глубоко демократична, проникнута верой в силы народа и в его способность самостоятельно построить новый, лучший мир. Но в этом документе имеются противоречия.

Программа Гайсмайера во многих отношениях далеко опередила его эпоху. Анализ ряда вопросов — например, вопроса о социальном обеспечении, вопросов, связанных с сельским хозяйством, горным делом — показывает, что Гайсмайер предвидел будущее. Но для общества, находившегося на стадии перехода к раннему капитализму, эта программа была преждевременной. Но в то же время эта программа, отрицавшая города и буржуазию, пыталась повернуть развитие общества к первобытно-коммунистической сельской общине, которую общество давно переросло в своем развитии.

Враждебное отношение Гайсмайера к городам еще более ярко проявилось в разработанном им плане похода: здесь он прямо требует захвата и разрушения городов. Но в то время буржуазия была прогрессивной силой; поэтому программа Гайсмайера привела его к противоречию именно с этими прогрессивными силами его страны и изолировала его от большей части крестьян, имевших в этом вопросе гораздо более определенные и реалистические взгляды, чем он. Ведь крестьяне в ходе самого восстания видели, какими важными и ценными союзниками были горожане — союзниками, которые быть может, колебались, предлагали идти на компромиссы, но в то же время своей поддержкой крестьянского восстания способствовали его победе.

Но как же случилось, что такой политик, как Гайсмайер, занял подобную позицию? Во-первых, в самом Тироле существовали одновременно как ранне-социалистические, так и отсталые первобытно-коммунистические течения, и Гайсмайер был их выразителем. О второй причине можно только догадываться; возможно, она заключается в том, что программа Гайсмайера была не специфически австрийской программой, но общей программой центрально-европейской, главным образом германской, крестьянской войны. Как уже упоминалось выше, в крестьянском лагере имелись представители левого крыла немецкого крестьянства, составившие часть армии Гайсмайера. Программа была разработана всеми вождями нелегального левого крыла немецкого крестьянства, к которому примыкал и Гайсмайер; она в точности соответствовала программе этого крыла.

Но положение немецких крестьян после восстания и даже до него в корне отличалось от положения австрийских крестьян. Немецкие крестьяне стояли, по выражению Фридриха Энгельса, «совершенно вне... общества»; этим и объясняется тот «прыжок в будущее», каким является их программа. Немецкому крестьянину, в особенности после поражения крестьянской войны, было в полном смысле слова «ничего терять, кроме своих цепей». Против него выступили города, рыцари, князья — все общество его эпохи; все они были его врагами. Он мог стать свободным человеком только в том случае, если бы он до основания разрушил феодальный строй и построил вместо него нечто совершенно новое. Программа Гайсмайера соответствовала положению и потребностям немецких крестьян¹.

---

¹ Энгельс пишет: «Плебеи в это время были единственным классом, стоявшим совершенно вне официального общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 130). Энгельс считает плебеев носителями той революционной и вместе с тем фантастической программы, которую выдвигали табориты. Е. Пристер приписывает эти особенности плебейской оппозиции всему немецкому крестьянству. Вопрос о том, почему крестьяне не пошли за Гайсмайером, объясняется тем, что программа Гайсмайера, выра-

Но она не соответствовала положению и потребностям австрийских крестьян. Во-первых, у них было что терять: в той или иной степени сносные условия существования; землю, пользование которой было им более или менее обеспечено без особых жертв; их права, завоеванные в борьбе и упорно ими защищавшиеся. Незадолго до того австрийские крестьяне убедились, что они могут добиться уступок, не уничтожая существующего общественного порядка. Города были для них не врагами, а союзниками; даже император был не врагом, а силой, от которой при известном нажиме можно было кое-чего добиться и которая, как они чувствовали, так же враждебно относилась к дворянству, как и они. Австрийский крестьянин и в политическом отношении не был совершенно «вне общества» (то есть бесправен) — в особенности в Тироле, где он принимал участие в политической жизни страны.

Гайсмайер, великий крестьянский вождь, не сумел разобраться в этом противоречии и потерпел поражение. Но даже в своем поражении он более велик, чем другие в успехе. Это был один из бессмертных выразителей великих демократических чаяний народа. Он стоит в первом ряду великих народных вождей Австрии. К нему более, чем к какому-либо другому крестьянскому вождю, применимы слова крестьянской песни: «Мы возвращаемся домой разбитыми — наши внуки лучше нашего доведут борьбу до конца!» Ибо он через столетия передал своим внукам завещание, осуществление которого должно стать их собственным освобождением.

жая чаяния немецкого плебейства, не могла увлечь за собой тирольское крестьянство, положение которого резко отличалось от положения плебейства в Германии. — *Прим. ред.*

Глава IV

БОРЬБА ПРОТИВ ФРОНДЫ

Реформация и контрреформация

Преобразование европейского общества в эпоху с XV по XVII в. совершалось и в обстановке тяжелого кризиса в религиозных вопросах или, вернее, церковных, так как церковь составляла часть государственного аппарата каждой страны и претерпевала с переходом от господства феодальной знати к абсолютизму такие же изменения, как и все прочие институты того времени.

Почти во всех странах Европы шел в то время процесс, известный под названием реформации; это был процесс образования новой формы церкви, подчиненной уже не сверхнациональной власти (папе), а светской власти (в Англии — королю, в Германии — князю, в Швейцарии и Нидерландах — городам). Но лишь часть европейских стран полностью отошла от католицизма. В момент, когда реформация достигла высшей точки, в некоторых странах — Франции, Испании и Австрии — уже началась борьба за создание церкви, которая, правда, оставалась католической, но фактически все же зависела от правящих династий; эта борьба носит название контрреформации. Австрия принадлежала к числу стран, где реформация вначале достигла чрезвычайно крупных успехов — в середине XVI в. более половины населения страны было протестантским, в некоторых областях протестанты составляли до 80% населения. После короткого периода «компромиссного католицизма» — попытки создать новую церковь, представляющую собой смесь лютеранства и католицизма, — начинается период контрреформации. Этот период заканчивается в середине XVII в., когда Австрия снова становится почти исключительно католической страной.

Эти изменения сопровождаются тяжелой борьбой, восстаниями, гражданскими войнами, изгнанием тысяч людей из пределов их родины; наконец, религиозная борьба становится одной из составных частей великого европейского конфликта — Тридцатилетней войны, является одним из элементов этого конфликта.

С того времени, когда в Австрии начинает создаваться национальный, зависимый от того или иного светского правителя бюрократический аппарат, аппарат церкви, не подчиненный князю, зависимый от Рима или от проживающих за пределами Австрии князей церкви, становится обременительным. Самостоятельная, независимая церковь, как и самостоятельное, независимое дворян-

ство, осложняет и замедляет процесс централизации. Подобно дворянству, она становится государством в государстве, следовательно, представляет угрозу для абсолютизма. К тому же глава церкви, папа, уже с давних пор перестал соблюдать даже видимость нейтралитета и, превратившись как бы в итальянского князя, стал проводить то проавстрийскую, то профранцузскую политику. В связи с этим на внутреннюю политику Австрии (или, в противном случае, Франции) постоянно оказывали влияние силы, действовавшие вопреки интересам страны; положение было в равной степени невыносимым для обеих стран.

Экономическая структура церкви, система, при которой часть церковных доходов уходила за границу, вступает в противоречие с возникающим национальным хозяйством. Именно городская буржуазия в начале XVI в. совершенно открыто стала протестовать против того, что «в Рим уплывают большие деньги, на которые папа имеет возможность строить там церкви и дворцы». Не только для мелкой городской буржуазии, но и для крупных торговых капиталистов — в особенности в Испании, Франции и Англии — церковь становилась силой, которая не только не способствовала, но препятствовала их деятельности.

Наконец в церкви, которая как экономическая сила является частью землевладельческой знати, — епископы и прелаты Австрии и других стран фактически принадлежат к крупной знати и проводят ту же политику, что и их светские коллеги — начинается тот же процесс морального разложения, которым был захвачен в то время исторически обреченный дворянский класс. Любовные приключения монахов и монахинь, продажность высшего духовенства становятся темой пословиц и поговорок того времени.

Следует иметь в виду, что страна, где некоторых курфюрстов можно было ежедневно видеть пьяными, валяющимися в канавах своих резиденций, где один из курфюрстов своими брачными скандалами давал пищу для сплетен по всей Европе, где князья совершенно открыто продавали императорский титул тому, кто больше платил, уже должна была более или менее привыкнуть к безнравственности и продажности. В действительности церковная знать была ничуть не более продажной, чем светская, и мораль обитателей монастырей, которые уже не были прогрессивными центрами, была ничуть не ниже, чем мораль обитателей многих рыцарских замков. Но в период всеобщего недовольства церковью, когда люди чувствовали, что этот институт уже нецелесообразен и ненужен в своей прежней форме, это обстоятельство также играло известную роль.

Дух реформации веял еще до 1517 г.¹, когда Лютер прибил свои тезисы на дверях Виттенбергской церкви, после чего начался

¹ У автора в немецком оригинале ошибочно указан 1519 г. — *Прим. ред.*

конфликт из-за требования отмены платежей в пользу папы, превратившийся затем в крупный общеевропейский церковный конфликт. Уже на протяжении ста лет церковь была предметом всеобщего внимания; ее пытались «омолодить» путем частичных реформ, путем основания новых орденов, например францисканского. Гус и его сторонники предприняли первую серьезную попытку дать Чехии, где были сильны национальные чувства, собственную государственную церковь. Австрия также не осталась незатронутой реформационным движением. В эпоху гуситских войн в Вене и в других австрийских городах также происходили выступления гуситов, которые были силой подавлены Габсбургами. Среди венских гуманистов все чаще слышались разговоры о реформе церкви. Наконец, в 1499 г. один проповедник прибил на дверях собора св. Стефана тезисы, почти дословно совпадающие с тезисами, впоследствии провозглашенными Лютером. Реформационное движение, начавшееся в 1517 г., пронеслось, как ураган, по всей Европе.

Это движение сделалось такой непреодолимой силой благодаря тому обстоятельству, что в протестантизме, хотя и по различным причинам, были заинтересованы все слои населения, в том числе и корона. Князья — как территориальные правители, так и высшее и низшее дворянство — ожидали, что переход церковных владений в их руки (то есть секуляризация) и ограничение морального влияния церкви усилит их экономическую и политическую мощь. Буржуазия рассчитывала получить новую церковь, которая более соответствовала бы ее экономическим и культурным потребностям, чем старая церковь. Наконец, крестьяне ожидали, что вместо церкви чуждых им господ они получат *свою* церковь.

В жизни крестьян церковь (богослужение, проповедь) попрежнему являлась важнейшим духовным фактором, единственным возможным для них проявлением интеллектуальной жизни. Но ставшие свободными крестьяне хотели иметь такую церковь, которая принадлежала бы им, где богослужение совершалось бы на их родном языке, а не на латинском, пастырей которой они могли бы избрать, а не принимать по епископскому назначению, такую церковь, которая в их глазах не была бы, как старая, скомпрометирована тесной связью с дворянством. Вот почему протестантизм одержал свои первые победы в Австрии именно среди крестьянского населения.

Поскольку каждый слой населения вкладывал в понятие «церковной реформы» свое собственное содержание, эта реформа протекала в различных странах по-разному, в зависимости от того, какая социальная сила была наиболее сильна в той или иной стране. Церковная реформа совершалась в Европе в трех различных направлениях.

В Швейцарии, Нидерландах и в некоторых северных городах — везде, где буржуазия была особенно сильна или дворянство особенно слабо, развился кальвинизм, а в Англии в эпоху революции XVII в. — аналогичное ему пресвитерианское, пуританское течение. Кальвинизм и родственные ему формы были в основном религией городов — буржуазной религией; управление и структура церкви были тесно связаны с управлением и структурой городской общины; нарочито подчеркнутая простота, резко отрицательное отношение к роскоши в жилищах и одежде, отказ от неумеренного наслаждения жизнью и от чрезмерной интеллектуальной свободы, постоянное напоминание о необходимости трудиться и жить просто соответствовали экономическим потребностям развивавшейся городской буржуазии. Свободное избрание проповедников, демократия в церковных вопросах соответствовали ее политическим потребностям. Пуританская черная одежда с белым воротником была демонстрацией новой буржуазной простоты и экономии, противопоставлявшихся роскоши, в которой жили крупные и мелкие князья — демонстрацией пчел, противопоставляющих себя трутням (впрочем, это была главным образом религия мелкой и средней городской буржуазии; большая часть крупных торговых «капиталистов», по крайней мере на континенте, отнюдь не питала пристрастия к скромности и экономному образу жизни пчел; эти торговцы сколачивали свои состояния значительно быстрее, действуя притом в союзе с сильными монархами, являвшимися в глазах кальвинистов чуть ли не большим еще злом, чем дворянство).

Второй формой был протестантизм, «религия князей». В протестантизме князь был единственным верховным главой церкви, ему принадлежала полная власть не только над жизнью и смертью, но и над совестью его подчиненных. Эта власть заходила так далеко, что в конце концов князь получил право не только контролировать церковь, но и предписывать своим подданным, какую религию они имеют право исповедовать.

В различных странах протестантизм получил совершенно различные формы. Там, где уже имелась опирающаяся на буржуазию центральная власть — например, в Англии Генриха VIII или в Швеции — протестантизм усилил власть короля, ускорил процесс централизации и способствовал национальному развитию. Там, где имелось несколько сильных князей, она усиливала центробежные тенденции, потому что, укрепляя не одного, а нескольких князей, она приводила к тому, что проблема подчинения их центральной власти становилась безнадежным делом (наиболее ярко это проявилось в Германии). В эпоху реформации власть выскользнула из рук трехсот князей, городов и представителей среднего дворянства, управлявших Германией, и перешла в руки десятка князей, которые, однако, были гораздо сильнее и опас-

нее, чем их предшественники. В Германии возникли крупные и довольно сильные княжества: Бранденбург, Саксония, Гессен, Пфальц. Эти княжества были силой, с которой приходилось считаться, силой, с которой уже имело смысл заключать союзы. Возникновение этих княжеств привело к двум последствиям: с этого момента, во-первых, соседи Германии — Франция, Австрия, позднее — Швеция и Дания, еще позднее Англия — пытаются перетянуть германских князей в свой лагерь и использовать их в интересах своей политики. Во-вторых, это еще более способствовало децентрализации Германии, ибо, хотя немецкие князья были достаточно сильны, чтобы их имело смысл вовлекать в различные союзы, они были, однако, не настолько сильны, чтобы сами могли более или менее серьезно оказывать влияние на других правителей в интересах собственно германской политики. Со времени реформации Германия распадается на сферы влияния Австрии, Франции, Дании, Швеции, Англии, Испании. Во Франции и Австрии, где династии одержали победу, но сила дворянства еще не была окончательно сломлена, протестантизм вскоре сделался оружием временно окрепшего в результате секуляризации дворянства в его борьбе против эрцгерцога. Там реформация привела к обострению борьбы княжеской фронды. Начиная с середины XVI в. дворяне-протестанты как Австрии, так и Франции начинают укреплять свои позиции по отношению к центральной власти путем заключения союзов с немецкими протестантскими князьями; в то же время немецкие князья делают попытки ослабить Габсбургов, Валуа и Бурбонов путем объединения с дворянской фрондой или хотя бы добиться от них таким путем уступок. В Австрии положение осложнялось тем обстоятельством, что австрийские и чешские дворяне и германские протестанты имели также союзника в лице крупного противника Габсбургов — Франции, которая в течение некоторого времени играла роль покровительницы протестантов всей Европы, что не мешало ей безжалостно подавлять собственную протестантскую фронду.

В результате такого переплетения всех европейских конфликтов и образовавшихся комбинаций вскоре создалось невыносимое положение. С внутренним конфликтом каждой страны переплетались все европейские конфликты, каждое выступление австрийской короны против своего (или, позднее, чешского) дворянства перерастало в замаскированную европейскую войну. Но был ли вообще неизбежен конфликт — по крайней мере в религиозной области? Не проще ли было бы для правителей Франции, Австрии, Испании самим сделаться протестантами, чтобы укрепить свою власть, как это сделал Генрих VIII, и тем самым лишить протестантскую фронду в стране почвы под ногами? Оказывается, что именно для сильных династий на континенте этот путь был неприемлем.

Франц Меринг отмечает, что реформация была выгодна отнюдь не для всех стран. Германские князья нуждались в реформации, потому что она была для них единственным средством укрепить свою власть и они ничего не теряли от разрыва с Римом, то есть с Италией. Но некоторые династии на континенте находились в ином положении. Они могли многое потерять с реформацией. Экономическое развитие их стран в значительной степени все еще было связано с Италией и Средиземным морем. Разрыв с Италией имел бы роковые последствия для торговли и для всей экономической жизни указанных стран. Характерно, что в период борьбы против реформации представители крупного торгового капитала, например Фуггеры в Германии, поддерживали католиков, то есть императора и баварцев; рассказывают, что когда в самый разгар конфликта между протестантами и католиками Карл V, испытывая нужду в деньгах, пригрозил Фуггеру, что пойдет на уступки протестантам, Фуггер разорвал и бросил в огонь расписки на наиболее крупные суммы, взятые у него займы императором.

Но сказанное относится не ко всем странам Европы. Для Англии, Швеции и Голландии — стран, почти не принимавших участия в средиземноморской торговле, чье экономическое развитие было связано с торговлей, ведущейся на Атлантике, разрыв с Италией не только не представлял никакого ущерба, но был необходимостью. Они провели реформацию быстро и почти без колебаний.

Англия, Швеция и Голландия были совершенно не заинтересованы или почти не заинтересованы в Италии и с политической точки зрения. Иначе обстояло дело с Австрией, Францией и Испанией.

Австрия, Франция и Испания боролись за Италию; это значит, что они боролись по обыкновению того времени за влияние на определенных лиц и на определенные княжеские партии, которые они хотели привлечь на свою сторону; особенно ожесточенно боролись они за союз с крупнейшим князем Италии — папой. Во время каждых папских выборов кардиналы оказывались под «перекрестным огнем» как французских, так и австрийско-испанских политиков, стремившихся привлечь их на свою сторону; нередко при этом пускалась в ход звонкая монета. Официальные и неофициальные представители трех держав, агенты, шпионы наполняли здание, где происходили выборы. Государство, которое порвало бы все связи с церковью и открыто присоединилось к протестантскому лагерю, было бы автоматически исключено из числа этих соперничающих групп — а тем самым, вероятно, и из итальянской политики. Для Австрии положение осложнялось еще постоянной угрозой турецкого вторжения. Разумеется, пап вовсе не интересовали австрийские дела; нередко они даже заключали

непосредственные союзы с турками; но в момент крайней опасности все-таки еще оставалась возможность с помощью общественного мнения Европы оказывать давление на этих пап и добиваться от них хотя бы минимальной помощи — какой-то суммы денег, небольшого количества солдат или по крайней мере обращения к христианскому миру с призывом защитить подвергающуюся угрозе нападения Австрию. А в том положении, в каком находилась Австрия, даже такая ничтожная помощь была ценной.

Таким образом, эти страны должны были пойти каким-то другим путем — путем создания новой, омоложенной и более приемлемой формы церкви, которая не оспаривала бы власть князя, но все же оставалась бы частью католической церкви. Это омоложение церкви, приспособление ее к политической и экономической политике той эпохи было осуществлено в XVI и XVII вв. некоторыми новыми орденами, явившимися одновременно носителями контрреформации. В Австрии и Испании таким орденом был в первую очередь орден иезуитов.

Одним из факторов, которые вообще, повидимому, сделали контрреформацию возможной, было появление так называемого «малого катехизиса» иезуитского священника Петра Канизия, назначенного при Фердинанде II, так сказать, комиссаром ордена в Австрии. «Малый катехизис» был важнейшей уступкой требованию, выражавшемуся в стремлении к демократизации церкви и отражавшему потребность в издании книг религиозного содержания на родном языке. Создание «малого катехизиса» не было, разумеется, таким значительным мероприятием, как перевод библии на немецкий или английский язык, но это было явление того же порядка. Теперь крестьяне и горожане получили возможность — не вопреки католической церкви, а при ее поддержке — самостоятельно читать «слово божие», самостоятельно судить, соответствует ли то, что им говорится в проповеди, заповедям Христа.

Впрочем, иезуиты восстанавливали католицизм в Австрии не только методами убеждения и пропаганды. Они не останавливались и перед применением насилия, когда убеждение не приносило достаточно быстрых успехов, и даже перед пролитием крови — контрреформация в Австрии стоила потоков крови. В этом отношении иезуиты ничем не отличались от швейцарских кальвинистов или английских пуритан.

В начале XVII в., когда контрреформация достигла апогея, иезуиты осуществили самые беспощадные антипротестантские мероприятия в области культуры — изгнание протестантских учителей и студентов из университетов и школ, конфискация и сожжение книг, установление строжайшей цензуры печати, не пропускавшей ничего, что носило хотя бы тень «антикатолической ереси». Цензура была настолько суровой, что даже в начале

XVIII в. библиотеки австрийских горожан и дворян состояли почти исключительно из книг, которые издавались иезуитами. Контрреформация многое задушила, многое уничтожила, она поощряла суеверия и ханжество, она очень часто утверждала несправедливость и осуществляла насилие над совестью.

По отношению к папе иезуиты долгое время занимали независимую позицию сознающей свою силу армии, в которой нуждаются и которой в то же время побаиваются. Формально они во всех вопросах подчинялись папе, но фактически безапелляционно проводили свою собственную политику — политику ордена и тех правителей, которым он служил.

В одном своем ответе горожанам Нижней Австрии, выразившим в 1627 г. протест против принудительной католизации и представившим петицию с просьбой проявить терпимость в вопросах веры, Фердинанд II вкратце выразил всю суть контрреформации с точки зрения короны. Он заявил: «Контрреформация должна быть проведена во всех австрийских землях, потому что иначе в стране никогда не будет ни полного доверия, покоя и мира, ни покорности властям». К этому он добавил: «Подданных нельзя заставить уважать государство, если они не будут обращены в католичество или если не будут уничтожены сословия». Именно в этом, а не в вопросах веры заключалась проблема контрреформации в Австрии.

Борьба за контрреформацию в Австрии с внутривластной точки зрения была в действительности борьбой против сословий, вернее, против самостоятельного дворянства, которое с середины XVI в. сделалось ведущей силой в собрании сословий. С точки зрения внешнеполитической это была борьба против немецких протестантских князей, объединившихся в 1531 г. в Шмалькальденский союз, направленный против Габсбургов, а в 1544 г. заключивших договор о помощи с Францией, за что протестантские руководители, восхваляемые в германской историографии как основоположники германского патриотизма, отдали Франции Мец, Туль и Верден. Оба конфликта переплетались между собой.

Период с 1530 по 1560 г. был в Австрии в основном периодом лавирования и выжидания — в области религии это был период так называемого «компромиссного католицизма», во внутренней политике периодом попытки найти какой-то иной путь, по которому можно было бы идти вместе с дворянством, во внешней политике, несмотря на Шмалькальденскую войну 1547 г., — попытки достигнуть компромисса с протестантскими германскими князьями. Но все это привело лишь к обострению противоречий. Приблизительно в 1560 г. начинается борьба за проведение контрреформации, но и эта борьба ведется нерешительно. Периоды уступок австрийским и чешским сословиям сменяются периодами резких выпадов против них.

Это было смутное время в Австрии. Нередко казалось, что только что созданное австрийское государство вот-вот погибнет в результате борьбы партий и дворянской анархии. Своего апогея эта борьба достигла в начале XVII в. Габсбурги, проводившие свою прежнюю политику, направленную против феодальной знати, не отказались даже от старого феодального обычая дробления наследственных владений между сыновьями — только при Фердинанде было запрещено дробление австрийских земель, что привело в конце концов к концентрации власти в одних руках. Борьба за власть в Австрии на некоторое время снова принимает форму борьбы между различными ветвями династии Габсбургов, борьбы, в которой каждый князь собирал вокруг себя дворянскую и бюргерскую партии, причем сословия на некоторое время усиливаются, процесс централизации приостанавливается и мощь местной знати и ее союзников в других странах так возрастает, что найти выход из создавшегося положения уже оказывается невозможным без кровопролитного конфликта. Эта борьба достигает своей высшей точки во время конфликта между двумя братьями из дома Габсбургов — Рудольфом II и Матвеем, причем к партии Матвея принадлежал человек, который в дальнейшем решительно, хотя и путем кровавой борьбы, установил в Австрии абсолютизм, — племянник Матвея и Рудольфа — Фердинанд Штирийский, будущий император Фердинанд II. Борьба заканчивается низложением Рудольфа в 1609 г., проведенным Матвеем совместно с объединившимися чешскими и австрийскими сословиями; но Матвей продолжал нерешительную и провокационную политику Рудольфа.

Когда Фердинанд II положил конец этой политике колебаний, было уже слишком поздно. Австрийские конфликты и европейская борьба за власть, борьба против чешских сословий и против немецких протестантских князей уже так тесно сплелись в один клубок, что малейшего повода было достаточно, чтобы вызвать общеевропейский конфликт. Фердинанду II удалось лишь с большим трудом добиться того, что внутриполитическое развитие Австрии не было нарушено в результате международного конфликта; но в Чехии и Германии разразилась Тридцатилетняя война.

Период компромиссов

В течение некоторого времени австрийская династия пыталась достигнуть компромисса с протестантами как во внутренней, так и во внешней политике.

До середины XVI в. для такой политики имелись некоторые основания. Династия Габсбургов — Карл V на западе, Фердинанд I в Австрии — вела войну, требовавшую крайнего напряжения всех сил и средств Австрии и Испании. В Италии почти

без перерыва шла война между Габсбургами и Валуа, на востоке — война с турками. Правда, Испания была великой державой, Австрия также становилась великой державой, но потребовалось немало времени, прежде чем сила этих двух государств проявилась и в военной области. Между тем государства Европы, в особенности Австрия, переживали один кризис за другим. Карл V и Фердинанд были равно заинтересованы как в том, чтобы не лишиться финансовой и военной помощи немецких протестантских, а также и католических князей, так и в том, чтобы проведением непримиримой политики не толкнуть немецких протестантов окончательно во французский лагерь.

Аналогичная картина наблюдалась в области внутренней политики. В Австрии совершался процесс централизации, но государство еще не было достаточно мощным, чтобы собственными силами защищать страну. Оно не могло одновременно сокрушить силу сословий, то есть игравшего ведущую роль в собрании сословий высшего дворянства, и вести борьбу против турок. Хотя финансирование войн с турками и формирование армий до начала XVII в. осуществлялись уже не под эгидой сословий, но все же с их помощью. Объявить сословиям в тяжелые 1529—1532 гг. открытую войну было бы опасно, тем более, что дворянство поддерживалось, хотя и по различным мотивам, и другими слоями населения.

Политика компромисса с немецкими князьями была оставлена ранее, чем политика компромиссов внутри Австрии; но если взять даже сферу внешней политики, то прибитые Лютером на дверях Виттенбергской церкви тезисы еще далеко не означали начало войны. Первое время Габсбурги не могли решить, как им отнестись к Лютеру. Особенно большую осторожность проявлял Максимилиан I, в последние два года правления которого начался конфликт между протестантами и католиками. Он напоминал своим приверженцам о необходимости заботиться, чтобы с Лютером ничего не случилось, добавляя, что этот монах, быть может, еще когда-нибудь пригодится. К несчастью для политики Габсбургов ни Лютер, ни покровительствовавшие ему немецкие князья (например, Гессенский и Саксонский) не проявляли особой готовности держаться на заднем плане в ожидании того времени, когда они могут «пригодиться». Для князей появление на сцене Лютера было «милостью божией», единственной возможностью укрепить их моральное и материальное могущество. Они встали на его сторону.

Карл V, в 1519 г. сменивший Максимилиана на престоле германского императора и правителя Испании, Бургундии и Северных Нидерландов, уже более ясно видел, что «использовать» Лютера не придется. Но до окончания итальянской войны его руки были связаны. В 1521 г. собрался Вормский рейхстаг. В не-

мецко-протестантских легендах этот рейхстаг изображается важнейшим событием, так как Лютер якобы объявил Карлу V войну и произошел разрыв между лютеранами и сторонниками императора. В действительности шаг Лютера был гораздо менее героическим. Правда, в Вормском эдикте поведение Лютера подверглось — так сказать, для проформы — строгому осуждению, и он был объявлен изгнанным из государства; но всем присутствующим в рейхстаге было ясно, что распоряжение об изгнании было в высшей степени платоническим. Если вспомнить, как обошлись с Гусом на Констанцском соборе, то станет ясно, что в Вормсе не было предпринято ни малейшей попытки привести в исполнение распоряжение об изгнании Лютера. Лютер был увезен — так сказать, из-под носа у императора — его покровителем, курфюрстом Саксонским, в Вартбург, где он пробыл девять месяцев. Место его пребывания ни для кого не было тайной; девять месяцев спустя он снова вернулся к своей деятельности и преспокойно стал продолжать свои проповеди. Император и на этот раз ничего не предпринял.

Прошло несколько лет, в течение которых император время от времени делал слабые попытки претворить в жизнь Вормский эдикт. В то же время папа и некоторые германские князья пытались, также без особого успеха, выработать решение, которое удовлетворило бы все стороны. Начиная с 1526 г. в ряде немецких княжеств, в первую очередь в Гессене, Саксонии и Бранденбурге, стала проводиться секуляризация — захват князьями церковных владений. Для немецких князей весь реформационный конфликт, начавшийся вскоре и продолжавшийся до конца Тридцатилетней войны, был сосредоточен именно вокруг этого вопроса о церковных владениях.

В течение всего этого времени всем участникам борьбы было известно, что конфликт между Габсбургами и немецкими князьями лишь отсрочен и что мир продлится недолго. Для немецких князей вопрос стоял об их существовании, как самостоятельной политической силы, Габсбургам же нужно было сохранить Германию как своего рода снабженческую базу и предотвратить возможный союз между Францией и немецкими князьями. Уже к 1530 г. начали формироваться два лагеря. В 1530 г. несколько немецких князей опубликовали свою программу, так называемое «Аугсбургское вероисповедание», составленную Меланхтоном и подписанную князьями Саксонским, Бранденбургским, Гессенским, Брауншвейгским, Ангальтским и рядом имперских городов, в том числе Гамбургом, Нюрнбергом, Страсбургом, Ульмом и Аугсбургом. «Аугсбургское вероисповедание» содержало условие, согласно которому каждому князю предоставлялось право определять религию для его подданных. Кроме того, в нем было требование признания секуляризации.

Карл V отклонил это требование и предложил созвать церковный собор с целью проведения церковной реформы и очищения католической церкви. Но это предложение отнюдь не устраивало немецких князей. В 1531 г. был основан Шмалькальденский союз — союз протестантских немецких князей, обязавшихся помогать друг другу против Карла V и Фердинанда I.

В 1546 г. — в год смерти Лютера — началась Шмалькальденская война между Габсбургами и протестантскими князьями. Протестанты потерпели поражение в битве при Мюльберге, руководители союза Иоганн Фридрих Саксонский и Филипп Гессенский были взяты в плен. Заключенное после битвы при Мюльберге перемирие утверждало господство католиков и объявило секуляризацию недействительной.

Но мир продолжался всего полгода. Протестанты заключили с Францией Шамборский договор, согласно которому французский король в качестве «защитника протестантов и немецкой свободы» обязывался оказывать им помощь. За это он получил от своих немецких союзников Мец, Туль и Верден, до того принадлежавшие Германии. К союзу примкнул, хотя и не столь открыто, папа Павел III. Несколько месяцев спустя война возобновилась, немецкие князья вторглись в Верхнюю Австрию, в то время как французский король Генрих II, верный своей роли «защитника немецкой свободы», захватил Лотарингию. У Карла V был в то время лишь один единственный союзник — Альберт Гогенцоллерн, который примерно через равные промежутки времени переходил от протестантов к католикам и обратно. Об этом «союзнике» Карл писал своей сестре Марии: «одному богу известно, какое чувство охватывает меня при мысли, что я так низко пал, что мне приходится вести дела с этим князем, — но нужда доведет до всего». В этой войне Габсбурги потерпели поражение, Карл V спасся от плена только бегством. Был заключен благоприятный для протестантов мир, а несколько лет спустя, в 1555 г., был подписан Аугсбургский религиозный мир, признавший «Аугсбургское вероисповедание» 1530 г. Аугсбургский религиозный мир был победой протестантов; Германия была разделена на две «сферы влияния» — императорскую и протестантскую; был установлен принцип «*Cuius regio, eius religio*»¹, по которому князь определял религию своих подданных; в случае отказа подданных повиноваться князю, последний имел право принудить их эмигрировать. В протестантских книгах это решение именуется «эдиктом терпимости» и изображается как демократическая реформа — не совсем понятно, почему; единственными, кто выиграл от этой «терпимости», были князья; подданным стало еще хуже, чем было раньше.

¹ «*Cuius regio, eius religio*» (лат.) — «чья власть — того и вера». — *Прим. ред.*

Несколькими годами ранее, в 1545 г., собрался Триентский собор, целью которого было осуществление церковной реформы и очищение католической церкви. Собор заседал до 1563 г.; он постановил провести ряд мероприятий, реформировавших церковь в соответствии с духом нового времени и направленных на значительное уменьшение развращенности церковного клира. Тем самым он дал возможность странам, не хотевшим отделяться от Рима, принять католичество и создал предпосылку для проведения контрреформации. Для протестантов, которых интересовали совсем другие вопросы, реформированная церковь была столь же неприемлема, как и нереформированная, и потому они отказались признать решение Триентского собора.

Аугсбургский религиозный мир был лишь передышкой. В действительности он только обострил конфликты, которые привели к войне. Немецкие князья усилились, их союз с Францией упрочился. Медленно, незаметно Германия становилась территорией, на которой развивался конфликт между Габсбургами и Францией. Выражением этого назревающего конфликта было образование группировок. С началом освободительной борьбы Нидерландов, поддержанных Протестантской унией, в свою очередь пользовавшейся поддержкой Голландии и Англии, и с обострением борьбы за господство между Испанией и Англией этот конфликт также начал играть известную роль в германской политике.

С начала XVII в. вся Европа сознавала, что война неизбежна. К 1610 г. определились основные группировки, в частности стала ясной позиция немецких князей. Протестантской унии под руководством Саксонии, Пфальца и Гессена противостояла католическая лига под руководством Габсбургов, в состав которой входила и сильная Бавария. Начиная с 1610 г. вся Европа ожидала большой войны. Вопрос был лишь в том, когда и где произойдет первый выстрел. Большинство предполагало, что конфликт начнется в Нидерландах, где резко сталкивались испанские и французские интересы; предсказывали, что война начнется в 1620 г. Но Сараевом этой первой великой европейской войны явилась Чехия.

Развитие конфликта

В Австрии, как и в Чехии, в течение XVI в. сословные собрания все более открыто становились орудием знати. Крупные князья, боровшиеся за корону, потерпели поражение, но оставалось среднее и мелкое дворянство, отнюдь не собиравшееся отказаться без борьбы от своих политических привилегий. Начиная с середины XVI в. дворянство Нижней Австрии, как в свое время чешское дворянство, пыталось исключить горожан из числа сословий или по крайней мере лишить их права голоса. Но в Австрии, где в отличие от Чехии имелась довольно сильная централизован-

ная монархия, не допускавшая дворянского произвола, этот маневр имел успех лишь на короткое время, а в Нижней и Верхней Австрии вообще не удался (в Тироле, где дворяне составляли в собраниях сословий меньшинство, они вообще не предприняли такой попытки; интересно отметить, что в Тироле, где в начале столетия влияние протестантских проповедников было очень велико, контрреформация была проведена без тяжелых политических потрясений, чему впрочем могла способствовать тесная связь между Тиролем и сохранившей верность католицизму Италией). Борьба сословий за протестантизм все более перерастала в борьбу за дворянские привилегии. Но несмотря на это у сословий в течение долгого времени был один союзник — Вена, крупнейший город страны.

Основанием для этого странного союза было следующее обстоятельство: Вена с некоторых пор переживала тяжелый кризис. Турецкие войны парализовали — если не полностью, то во всяком случае частично — торговлю между Востоком и Западом. Правда, торговые сношения между Ближним Востоком и Европой продолжались, несмотря на турецкие войны. Как турки и их вассалы, так и Австрия выдавали предпринимчивым купцам пропуска на право проезда даже во время военных действий; но никакие власти не могли дать им гарантию, что они не подвергнутся грабежу, и дело было слишком рискованным, чтобы его можно было вести в широком масштабе. Но важнее всего было то, что отпали именно те области — Венгрия, Сербия, Хорватия, обнищавшие под турецким владычеством, — которые имели особенно большое значение для торговли Вены. Между тем от привилегий на экспорт в эти страны и от торговли с ними зависело богатство Вены.

Помимо указанных трудностей имелись и другие. Покоившееся на привилегиях, монополиях и строго регламентированном ремесленном производстве хозяйство Вены особенно сильно пострадало от развития раннего капитализма, опрокинувшего все старые экономические формы. Вызванное ростом торгового капитала экономическое развитие в Австрии того времени выразилось главным образом в подъеме горного дела — добыче железной руды и свинца — и в производстве оружия. Но развитие этих отраслей промышленности не давало Вене почти никаких преимуществ. В то время как такие города, как Штейер, Линц, Виллах процветали и их жители обогащались, горожане Вены, бессильные что-либо сделать, должны были лишь смотреть, как «лагереры» овладевали немногими еще не пришедшими в упадок отраслями хозяйства и бесцеремонно нарушали немногочисленные еще оставшиеся в силе монополии. Венские бюргеры чувствовали себя ограбленными — и к тому же покинутыми короной, оказывавшей предпочтение «лагерерам». Они хотели возврата доброго старого времени — эпохи регламентированного ремесленного производства

и привилегий, — и дворянство обещало осуществить это их желание. Так возник союз между Веной и сословиями.

Борьба в области внутренней политики началась позднее, чем в области внешней политики. До середины XVI в. ничего значительного не произошло. Протестантизм почти беспрепятственно распространился по всей стране; впрочем, это был протестантизм особого рода. Даже сословия австрийских земель опасались полностью порвать с Римом — для этого Австрия была слишком тесно связана с Италией экономическими и, до известной степени, политическими узами. То, чего они требовали, представляло собой своего рода «компромиссный католицизм» — или, если угодно, «компромиссный протестантизм»; это была форма религии, разрешавшая, правда, секуляризацию церковного имущества, вступление в брак духовенству, церковное богослужение на родном языке, но «во всех остальных отношениях остававшаяся католической». До победы контрреформации эта религия — фактически протестантизм, — о которой ее приверженцы с глубочайшим убеждением говорили, что она представляет собой лишь несколько улучшенный католицизм, была наиболее широко распространенной в Австрии религией. Но католическая церковь придерживалась другого мнения относительно «католицизма» этой религии.

Несмотря на значительное распространение протестантизма в Австрии, связи между широкими массами австрийских и немецких протестантов были довольно слабыми. В писаниях и высказываниях австрийских протестантов имя Лютера упоминается чрезвычайно редко; имя Гуса встречается гораздо чаще — не только в XV в., но и в разгар реформации. Крестьяне и часть городов считали своим духовным центром главным образом кальвинистскую Швейцарию; прочие города и в особенности дворянство были связаны гораздо более тесными духовными и политическими узами с чешскими утраквистами, чем с немецкими лютеранами. Впрочем, австрийские протестанты вообще не слишком много говорили о религии. С середины XVI в. обе стороны, император и сословия, все более определенно и более открыто, чем в других местах, признавали, что суть дела не в религии, а в политической власти.

Действительная борьба за контрреформацию и против сословий началась только при Рудольфе II. Серьезно повел ее только Фердинанд II. До того времени Габсбурги пытались избежать открытого конфликта, отсрочить разрешение вопроса, найти компромисс, временно объединиться с сословиями на почве какого-нибудь временного соглашения, короче говоря, — старались «как-нибудь» затянуть дело.

Фердинанд I (1525—1564) весь период своего правления был слишком поглощен войнами с турками и немецкими князьями

и заботами о своем брате Карле I, который вел итальянские войны, чтобы еще затеять конфликт с австрийскими сословиями. В течение всего этого времени не предпринималось серьезных попыток осуществить контрреформацию и не велось, открытой борьбы против сословий. Фердинанд держал себя осторожно и — в тех условиях, — вероятно, наиболее умно.

Вместо того, чтобы вызвать открытый конфликт с дворянскими сословиями и с примыкавшими к ним городами, он спокойно, без лишнего шума проводил политику централизации, начатую его дедом Максимилианом. Бóльшая часть австрийских центральных органов, в особенности финансовое и внутреннее управление, начали действительно плодотворно работать только при Фердинанде I; Максимилиан лишь создал их и привел в движение, Фердинанд развил их и усовершенствовал.

При Фердинанде в Австрии начал создаваться бюрократический аппарат; постепенно, одна за другой функции сословий переходили к этому новому государственному аппарату, хотя официально права сословий оставались неприкосновенными. Впрочем, *одно* право было отменено совершенно открыто — право Вены на полное и независимое самоуправление. С 1526 г. управление Веной было подчинено в конечной инстанции эрцгерцогу, который получил прежде всего право отвергать представлявшиеся ему нежелательными кандидатуры городских советников и выдвигать вместо них другие. Правда, Вена сопротивлялась, но поскольку дворянство именно в это время стремилось лишить Вену представительства в собрании сословий, а новая буржуазия и новые «промышленные города» и подавно не думали о том, чтобы помочь Вене, мероприятие Фердинанда, одним движением пера уничтожившее правовой статут, существовавший на протяжении двухсот лет, прошло в общем незамеченным. Что касается прочих мероприятий, связанных с централизацией, то, повидимому, дворянство тогда вообще еще не понимало того, что разыгрывалось у него на глазах; когда же оно спохватилось, было уже поздно.

Ограничение самостоятельности Вены было не единичным эпизодом; везде в городах, где имелась какая-либо приверженность к контрреформации, такие ограничения происходили сами собой. Фердинанд, повидимому, понял (в этом вопросе аналогичную политику проводили и его преемники), что бюргерская фронда в конечном счете представляет для короны бóльшую опасность, чем дворянская фронда, которая, правда, выступала с большим шумом и даже была в состоянии в течение некоторого времени вести вооруженную борьбу, но для продолжительной борьбы не имела ни материальных средств, ни достаточного количества сторонников. Впрочем, в городах контрреформация также не проводилась открыто. Политика короны заключалась

в том, чтобы замещать посты городских советников преданными ей католиками, побуждать влиятельных горожан путем предоставления им всевозможных льгот переходить в католичество и соответственно удерживать их от перехода в протестантизм и, с другой стороны, путем мелочных придинок, как, например, запрета протестантам совершать богослужение где-либо, кроме указанных короной мест, настолько отравить протестантам существование и сделать для них настолько затруднительным исповедание их религии, насколько это было возможно. Одним из примеров такой политики было запрещение протестантских богослужений, вынуждавшее бюргеров-протестантов Вены «выезжать», то есть отправляться на богослужения в предместья Вены или странствовать по стране. Кроме того, время от времени организовывались с целью «устрашения» процессы, на которых выносились обвинительные приговоры — правда, не рядовым протестантам, а проповедникам идей анабаптистов; все это делалось в назидание протестантам.

Фердинанд подготавливал проведение контрреформации и другим путем: в 1551 г. в Вену были приглашены иезуиты. Вскоре они получили полный контроль над Венским университетом. В непродолжительном времени они завладели и университетом в Граце и основали свою высшую школу в Инсбруке. В Праге иезуиты поселились в 1556 г. и открыли в Клементине свою школу, которая вскоре стала конкурировать с утраквистским Пражским университетом. В Вене и в других городах иезуиты вскоре приобрели большое влияние.

Быть может, если бы политика Фердинанда проводилась более последовательно, она достигла бы успеха и без открытой борьбы или при минимальном применении насильственных методов. Однако в 1564 г. Фердинанд умер, и его умеренная, но проводимая настойчиво нетерпимость сменилась, по выражению искусствоведа Тице, «непоследовательной терпимостью» Максимилиана II.

Максимилиан II сам всю жизнь колебался между католицизмом и протестантизмом. Характерно для него, что он так и не сделал окончательного выбора. Формально он остался католиком, но при этом держал нечто вроде протестантского «побочного придворного штата», а перед смертью отказался от принятия католических таинств. Его политика всецело соответствовала его личному поведению.

Одним из первых мероприятий Максимилиана было введение в Австрии того принципа «Аугсбургского вероисповедания», согласно которому каждый князь имел право определять религию для своих подданных и секуляризировать на своей территории церковные земли; теперь право осуществлять этот принцип в своих владениях предоставлялось каждому австрийскому

дворянину. Тем самым значительная часть работы предшественников Максимилиана в области централизации, была фактически сведена к нулю.

Конечно, централизованный государственный аппарат, новая бюрократия остались. Но что касается дворянства, то в результате этого мероприятия Австрия сразу была отброшена к временам задолго до 1517 г. За несколько лет австрийское дворянство снова стало крупной политической силой. Протестантский дворянин, сделавшийся неограниченным господином на своей территории, спасенный в последнюю минуту благодаря секуляризации церковных земель от разорения и необходимости поступать на государственную службу или становиться профессиональным военным, быстро превратился в покровителя, руководителя, а иногда и мнимого выразителя интересов «своих подданных». Престиж короны, предоставившей свободу дворянству в одном из важнейших вопросов того времени — религии, упал, престиж дворянства, одержавшего эту бескровную победу, увеличился. Даже если крестьянин ненавидел землевладельца, даже если горожанин относился к нему с глубоким недоверием — и крестьянам и горожанам часто ничего больше не оставалось, как примириться с почти навязанным им волей государства дворянским правлением. Корона ясно дала им понять, что они не получат от нее никакой поддержки. В 1609 г., когда дворянская партия Матвея оказалась в состоянии объединить для похода с целью низложения Рудольфа тысячи крестьян, Рудольф пожал то, что посеял Максимилиан. Лишь во время восстания Фадингера в 1626 г. крестьяне разорвали свой естественный союз с дворянством.

Политика Максимилиана по отношению к городам принципиально почти ничем не отличалась от политики Фердинанда; в его правление также не была проявлена веротерпимость в отношении населения городов и не была восстановлена прежняя автономия городов. Правда, Фердинанд восстановил в городах католицизм и сохранил за дворянством относительную свободу в вопросах религии. Но его политика по отношению к дворянству в других вопросах позволяла предполагать, что и религиозный конфликт был только отсрочен, но не разрешен.

Максимилиан жестоко притеснял города и открыто предоставлял дворянству все новые льготы. Фактически в его правление землевладельцы добивались от него всего, чего хотели. Такое поджжение неизбежно привело к двум результатам: наиболее уверенная в своих силах и враждебно настроенная по отношению к дворянству часть буржуазии перешла в оппозицию к короне, которая отказала ей во всем, что она дала ее противникам; представители буржуазии, которые так сильно пострадали от кризиса переходного времени, что готовы были хватиться за любой вы-

ход, начали серьезно подумывать, не будет ли благоразумнее заключить союз с этим привилегированным слоем общества, чтобы по крайней мере получать хоть какие-то крохи с его стола. При всем своем презрении к «городским плебеям» австрийские дворяне воспользовались создавшимся положением. Между городами, в первую очередь Венной, и дворянством был заключен союз.

У Максимилиана не было даже того оправдания, которое было у его предшественников — наличия турецкой опасности. В конце XVI в. турецкая империя переживала кризис, ее восточные границы находились под постоянной угрозой, ее союзники татары были в течение нескольких лет изгнаны русскими с большей части территории России и лишились даже своих опорных пунктов на берегу Каспийского моря. Невзирая на эти трудности, турецкий султан и верховный главнокомандующий Сулейман решил предпринять в 1566 г. поход против Австрии вместе с Иоанном Сигизмундом, князем Трансильвании. Несмотря на помощь Иоанна Сигизмунда и на молчаливую поддержку многих венгерских дворян, ожидавших, что союз с Иоанном окажется для них более выгодным, чем господство Габсбургов, этот поход был со стороны турок отчаянным шагом. Сулейман, блестящий отважный полководец, поставил все на одну карту, чтобы в ответ на угрозу своим северным и восточным границам добиться расширения и укрепления своих западных территорий. О том, как мало иллюзий строил Сулейман относительно своего положения, свидетельствуют его слова, которые он произнес, выступая в поход. Он заявил: «Передо мной только две дороги — либо сокрушить Австрийский дом, либо умереть под стенами Вены».

Армия Максимилиана насчитывала 80 тыс. человек, турецкая армия — приблизительно 100 тыс. В первый раз европейское войско встретилось с турецким, которое не намного превосходило его по численности, а по боеспособности, вероятно, даже стояло ниже, так как процент случайных попутчиков и людей не подготовленных в военном отношении был у турок значительно выше, чем у Максимилиана. К тому же турецкая армия в самом начале похода вынуждена была сильно замедлить свой наступательный темп, что было равносильно поражению. Причиной этой задержки явился маленький гарнизон крепости Сигет. Число защитников гарнизона под командованием венгерского героя Зрини составляло всего 1500 человек. Колоссальная турецкая армия осадила Сигет 34 дня и потеряла при этом 20 тыс. своих лучших солдат. Даже после того, как турки после двадцатого штурма заняли часть крепости, гарнизон, сократившийся к тому времени до 600 человек, продолжал оказывать им сопротивление; когда же, наконец, удерживать крепость сделалось невозможным, Зрини и его солдаты предприняли героическую атаку и погибли смертью храбрых.

Своим сопротивлением и своей героической смертью Зрини не только дал передышку императорским войскам и отбил натиск турок. В турецком лагере произошло нечто худшее: сбылось предсказание Сулеймана. Ему не удалось «сокрушить Австрийский дом», и он погиб — не под стенами Вены, а под стенами крошечного Сигета. Смерть главнокомандующего вызвала в турецком лагере панику. Янычары настойчиво требовали немедленного прекращения похода. Преемник Сулеймана Селим, вскоре прибывший в лагерь, не только не обладал, в отличие от своего предшественника, военными дарованиями, но был человеком слабым; он не нашел иного выхода, кроме немедленного отступления. Деморализованные, ослабленные эпидемиями и голодом турецкие войска отступили далеко за венгерскую границу.

Австрии представился единственный в своем роде случай преследовать турок, вынудить их принять бой и нанести им сокрушительное поражение. Максимилиан имел возможность совершить на суше то, что главнокомандующий объединенного испанско-венедианского флота дон Хуан Австрийский сделал несколько лет спустя в морской битве при Лепанто: сломить господство турок, нанести им поражение, от которого они никогда не смогли бы оправиться. Но Максимилиан не воспользовался этой возможностью. Героическая смерть Зрини была напрасной жертвой.

Императорские войска в составе 80 тыс. человек (вторая армия под командованием Свендиса угрожала на Тиссе войскам трансильванского князя, третья — под командованием эрцгерцога Карла — защищала область современной Далмации) спокойно стояли на протяжении всей осады Сигета близ Рааба и «наблюдали» за турками. Когда турецкая армия в беспорядке отступила, Максимилиану и в голову не пришло ее преследовать. Он заявил, что борьба была бы слишком большим риском, что со смертью Сулеймана и без того устранена всякая опасность, распустил армию и вернулся в Вену. Хотя армия Свендиса, продолжавшая свои операции, поставила Иоанна Сигизмунда перед угрозой полного разгрома, странный «защитник» христианства немедленно после своего возвращения в Вену начал переговоры с султаном. После долгих переговоров в 1567 г. был, наконец, заключен мир, восстановивший статус-кво, то есть положение, существовавшее до войны (вплоть до уплаты Австрией подати туркам): «честный мир», как его называли льстецы Максимилиана, отличался тем, что правитель, имевший возможность уничтожить турецкую армию... «потерял всего только две крепости».

Впрочем, Максимилиан, у которого нехватило решимости для борьбы с турками, нашел ее в достаточной мере для того, чтобы сместить и привлечь к суду по обвинению в заговоре венгерских офицеров и полководцев, протестовавших против этого мира.

Результатом было то, что часть венгерского дворянства, настроенная вначале прогабсбургски, стала теперь очень серьезно задумываться над тем, стоит ли такая защита от турок отказа от самостоятельности Венгрии. Партия, выступавшая за сотрудничество с князем Трансильвании, чрезвычайно усилилась. Плоды этой политики Максимилиана сказались в начале XVII в., когда партия сторонников Трансильвании заключила в Венгрии союз с чешским и австрийским дворянством и всеми другими, недовольными Габсбургами.

Испанский король и все антитурецки настроенные правители Европы негодовали. Испанский король, венецианцы и сторонник испанцев — папа — требовали, чтобы Максимилиан хотя бы с опозданием использовал слабость турок и предпринял против них поход. На эти предложения Максимилиан ответил, что он руководствовался моральными соображениями. «Ни один порядочный человек, — заявил он, — не может нарушить мирный договор, даже если этот договор заключен с неверными». Вообще в турецком вопросе он проявлял исключительное «благородство». Например, после морской победы при Лепанто он запретил в Австрии всякие торжества и проявления радости, чтобы не создалось впечатления будто австрийцы радуются беде турок. Конечно, это было очень благородно и по-рыцарски, но за эти рыцарские жесты расплачивался не сам Максимилиан, а народы, которым пришлось еще в течение 200 лет терпеть турецкое иго и жить под угрозой турецкого вторжения.

Максимилиан умер в 1576 г., после того как ему удалось гарантировать своему сыну Рудольфу — будущему Рудольфу II — титул германского императора и избрание королем Чехии и Венгрии. Лучшей похвалой, которую мог придумать для него его канцлер, были следующие слова: «Если бы он был чиновником или секретарем, он затмил бы всех секретарей!» (Максимилиан был очень усердным и мелочно-аккуратным бюрократом; подобно Францу Иосифу он чрезвычайно много внимания уделял канцелярскому делопроизводству.)

Его преемник Рудольф II был, без сомнения, отнюдь не силен в политике; впрочем, с тем наследием, которое ему досталось, не сумел бы справиться и более энергичный, чем он, человек. Страна находилась в состоянии полной разрухи. Центральной власти почти не существовало, дворянство, игравшее руководящую роль в австрийских сословиях, делало все, что хотело. Каждое требование короны, например, требование средств для строительства и усиления крепостей и гарнизонов против турок, вызывало ответные требования со стороны сословий. Возникавшие в результате торги между эрцгерцогом и дворянством тянулись нередко так долго, что тем временем крепости совсем разрушались. На требования, которые почему-либо были для них непри-

емлемы, сословия нередко отвечали: «наш долг — повиноваться богу, а не людям» или вообще ничего не отвечали. Ни среди сословий, ни в рядах городской буржуазии не было единства.

Как внутри сословий, так и в городах имелось по крайней мере две группы — католическая и протестантская, а несколько позднее они просто состояли из приверженцев различных княжеских групп. Это представляло опасность и для недавно достигнутого единения австрийских земель, так как в тех случаях, когда сословия не вели открытой борьбы с короной, они вели междоусобную борьбу. В городах также велась открытая борьба между католической и протестантской группами. Например, в Вене с 1600 г. уличные бои между протестантами и католиками были обычным явлением. Протестанты — дворяне и горожане демонстративно въезжали на лошадях в католические церкви, в алтари; католики мстили им аналогичными действиями, и нередко случалось, что руководителя той или другой партии находили на улице с кинжалом в груди. Все это напоминало обстановку, существовавшую в некоторых итальянских городах эпохи Возрождения с их соперничавшими партиями, из которых каждая имела свою вооруженную гвардию и свои арсеналы.

К этому следует добавить еще одно, специфически австрийское явление — раздоры в доме Габсбургов. Ни Фердинанд I, ни Максимилиан II не отказались окончательно от политики дробления земель между мужскими представителями династии, хотя оба пытались ее ограничить. В результате создалось такое положение, при котором Рудольф хотя и был императором, королем Чехии и Венгрии и — номинально — правителем Австрии, но отдельные области, например Тироль и Штирийская марка, были в то же время личными владениями младших сыновей дома или их потомков. Практически это давало возможность князьям сколачивать в «своей стране» партию, с помощью которой они могли вести борьбу за престол, так как передача престола по наследству еще не была узаконенным правилом. Поскольку и те члены Габсбургской фамилии, которые не являлись непосредственными владельцами провинций, играли в отдельных странах руководящую роль — например, Матвей, низложивший впоследствии с помощью сословий Рудольфа, был сначала правителем Нидерландов, а позднее верховным правителем Верхней и Нижней Австрии, — они также могли при желании принимать участие в борьбе за корону, создавать свою партию и свою собственную армию в находившихся под их управлением землях. Почти в самом начале правления Рудольфа создалась партия герцога Тирольского, которая являлась в основном католической партией, довольно тесно связанной с католической Баварией; кроме того, имелась партия Матвея, опиравшаяся главным образом на сословия Верхней и Нижней Австрии, партия Фердинанда Штирий-

ского, в которой значительная роль принадлежала бюргерам новых «промышленных» городов — единственная партия, за исключением Тироля, в которой дворянство не играло ведущей роли, — и ряд других групп и группок.

Одного этого уже было бы достаточно, чтобы превратить любую страну в бочку с порохом. А ведь помимо этого имелись еще Чехия и Венгрия, каждая из которых была подобна бочке с порохом.

В Венгрии дела обстояли довольно просто. Полоса земли, входившая с 1526 г. в состав Австрии, постоянно была или фронтовой или непосредственно прифронтовой областью. В этих районах, границы которых непрестанно изменялись, было невозможно создать и сохранить какое-либо подобие центрального государственного аппарата, управляемого из Вены. Даже если бы это было практически осуществимо, ни один князь не был в силах заставить венгерское дворянство, в чьих руках фактически находилась вся власть, а частично и оборона страны, отказаться от своего господствующего положения. Венгерское дворянство, принявшее покровительство Габсбургов и согласившееся в результате этого на некоторые уступки в пользу Габсбургов, как, например, отказ от государственной независимости и отказ от права избирать себе наиболее подходящего короля из числа европейских правителей, располагало очень простым средством нажима на Австрию. С Венгрией граничила Трансильвания, страна, находившаяся, правда, в зависимости от турок, но все же игравшая в качестве их сателлита до некоторой степени и самостоятельную роль. Трансильвания всегда была готова присоединить к себе часть Венгрии, если бы представилась возможность осуществить это без особого сопротивления со стороны Венгрии и если бы это не было сопряжено со слишком большой опасностью. В 1526 г. в Венгрии образовалась группа дворян — сторонников Трансильвании. Если бы Габсбурги попытались навязать Венгрии политику, не отвечающую интересам венгерского дворянства, дворянство всегда имело возможность обеспечить себе покровительство Трансильвании и сменить протекторат Габсбургов на протекторат трансильванских князей.

Габсбурги в то время должны были мириться с существующим положением. До тех пор пока существовала военная опасность со стороны турок, Венгрия пользовалась почти полной автономией. Ее положение и привилегии были положением и привилегиями пограничной страны, которой предоставляют всевозможные льготы, чтобы обеспечить ее добровольное сотрудничество в деле защиты границ; аналогичное положение занимали в Северной Германии области фриз и, если угодно, в свое время в Священной римской империи Восточная марка Бабенбергов. Венгрия была единственной страной австрийской короны, где

в XVII в. не проводилась контрреформация, начавшаяся там только при Леопольде I, когда турки были уже оттеснены в отдаленные районы современной Югославии. Кроме того, это была единственная страна, где не была сломлена сила местной знати.

Независимое дворянство Венгрии вскоре сделалось союзником австрийских дворянских партий, а австрийские дворянские партии — политическим рычагом венгерского дворянства (которое, несмотря на все императорские привилегии, не упускало случая еще более укрепить свои позиции). Венгрия была центром хитро сплетенных политических интриг, нити которых тянулись из Австрии в Трансильванию, а оттуда, в конечном счете, в Турцию. Австрийские внутривполитические конфликты между короной и сословиями вскоре получили характер международных конфликтов. Тем не менее венгерский вопрос отнюдь не играл решающей роли в австрийской политике. Результаты своеобразного положения Венгрии серьезно сказались лишь много позднее; в XVII в. турки были слишком страшным врагом, чтобы закулисная деятельность сословий Австрии, Венгрии и Трансильвании могла принять более или менее серьезный характер.

Иначе обстояло дело в Чехии. В 1526 г. в трудный момент чешские сословия избрали королем Фердинанда I, а после него опять-таки двух Габсбургов — Максимилиана II и Рудольфа. Но Чехия, как и Венгрия, отнюдь не собиралась отказываться от своих автономных прав, от самоуправления и от борьбы за свободу вероисповедания. Габсбурги неоднократно повторяли обещание не посягать ни на самоуправление чешских сословий, ни на реформированную чешскую церковь, и чешское дворянство (города уже не входили в число сословий) зорко следило за тем, чтобы эти обещания соблюдались. Для Чехии, как и для Венгрии, принадлежность к Австрии была не более чем личной унией.

Но Чехия во всех отношениях представляла собой нечто иное, чем Венгрия. Во-первых, это была не узкая, полунезависимая прифронтовая полоса, но большая, цветущая страна, которой в конце XVI в. ни с какой стороны не грозила непосредственная военная опасность. В то время как венгерское дворянство из-за турецкой опасности должно было идти на известные уступки императору, а император в свою очередь должен был идти на уступки венгерскому дворянству, в Чехии и та и другая стороны были избавлены от этой необходимости.

Чехия была во всех отношениях сильнее, чем Венгрия. В то время как города и крестьяне Венгрии ненавидели дворянство и не шевельнули бы пальцем, чтобы защитить его против Габсбургов, для Чехии того времени был характерен временный союз между дворянством, городами и даже крестьянами, аналогичный союзу между этими сословиями в Австрии. Национальное развитие, выражением которого была первая крупная национально-

освободительная война — гуситская война, — началось в Чехии значительно раньше, чем в других странах, — тогда, когда дворянство еще не перестало окончательно играть роль в общественных движениях и еще не сделалось полностью представителем реакции. Хотя утраквистское дворянство в основном составляло правое крыло гуситского движения, хотя позднее Чехия в результате руководства дворянства лишилась той силы, которая была обретена в кровавой борьбе солдатами Прокопа и Жижки, все же отблеск славы великого национального движения достался и на его долю.

Несмотря на то, что Чехия переживала экономический и политический кризис, она все еще была крупной силой — уже недостаточно мощной, чтобы обеспечить свою самостоятельность в Европе, но достаточно серьезной, чтобы играть решающую роль в политике государства, в состав которого она входила. Чешские дворяне не имели ничего общего с обедневшими немецкими рыцарями-разбойниками; Турны и Жеротины были даже по западноевропейским понятиям культурными и сильными господами — настолько крупными, что сравнительно слабое австрийское дворянство благодаря союзу с ними становилось силой, способной по собственному усмотрению заключать союзы и договоры о взаимопомощи с немецкой протестантской партией, а через нее, косвенно, и с Францией.

Вот почему получилось так, что в той Австрии, которую оставил после своей смерти Максимилиан II, императорская власть не могла выступать против австрийского дворянства, не вызывая конфликта с чешскими сословиями. Чешские сословия знали это не хуже, чем Габсбурги. Поэтому они подыскивали себе еще новых союзников. В этих поисках они не могли не обратить внимания на немецких протестантских князей, с которыми их связывали общие дворянские интересы, религия и враждебное отношение к Габсбургам; эти князья были наиболее реакционной силой Европы. В середине XVI в. борьба за господство между короной и австрийско-чешскими сословиями еще могла рассматриваться изолированно. 70 лет спустя это было уже невозможно. В каждый союз вовлекались другие государства Центральной, а вскоре и Западной Европы. Любой серьезный конфликт между короной и сословиями должен был привести в движение всю лавину и превратить внутреннее столкновение в европейскую войну.

Как мы видим, Рудольф, вступив на престол, оказался в весьма незавидном положении. Даже лучший политик, чем он, сломал бы себе шею при попытке разрешить австрийско-чешскую протестантскую проблему — а Рудольф отнюдь не был хорошим политиком.

В отличие от Максимилиана Рудольф попытался положить конец процессу децентрализации, угрожавшему разорвать на

части его владения. Впрочем, при этом он не проявил особого умения.

Он начал с контрреформации в Австрии. Одно распоряжение следовало за другим; исповедание протестантской религии в городах было запрещено, в сельских же местностях дворянам разрешалось совершать протестантские богослужения лишь в собственных домах, в небольшом кругу верующих. Университетские кафедры, должности в государственном и судейском аппарате замещались почти исключительно католиками; очень скоро во всех государственных ведомствах и в городском управлении католики составляли подавляющее большинство. В то же время во всех землях австрийской короны Рудольф поддерживал миссионерскую деятельность иезуитов.

Возмущенные сословия выразили письменный протест; Рудольф вернул им письмо с холодным замечанием, что этот протест и содержащийся в нем отказ признать мероприятия короны фактически означают государственную измену, и продолжал проводить свою политику. Результатом было восстание 1595 г., в котором участвовали крестьяне и горожане под руководством дворянства; впрочем, это восстание было довольно быстро подавлено.

Затем пришла очередь Чехии. Здесь конфликт был более серьезным. Максимилиан II гарантировал Чехии почти неограниченную свободу религии. Рудольф отказался подтвердить это решение, признававшее за чешскими сословиями свободу в религиозных вопросах, и заявил, что он согласен относиться терпимо лишь к католикам и уtrakвистам. Чешские кальвинисты и лютеране были лишены права открыто исповедовать свою религию; Рудольф немедленно обнародовал целый ряд предписаний, в силу которых кальвинисты и лютеране лишались возможности «проскользнуть» в ряды уtrakвистов. Подавляющее большинство чешского дворянства составляли уtrakвисты, причем некоторые уtrakвистские группы совершенно открыто вели игру с возможностью возврата к католицизму.

Судьба кальвинистов сама по себе не интересовала большинство уtrakвистов. Но далеко не безразлична была для них принципиальная сторона вопроса. Своим распоряжением Рудольф фактически уничтожил автономию чешских сословий, хотя он и старался не нарушить букву соглашения 1526 г. В момент, когда было установлено, что вопрос о том, какие религии дозволены и какие нет, решался не сословиями, а императором, возник опасный прецедент — и это, несомненно; входило в намерения Рудольфа. Чешские сословия также заявили протест, и когда это не помогло, они начали переговоры о сотрудничестве с австрийскими сословиями.

Между тем Рудольф, вмешавшись в германский конфликт между протестантами и католиками из-за южногерманского города Данауверта и его насильственного присоединения к Баварии, оказался втянутым в другой открытый конфликт — с немецкой протестантской коалицией. Все это кончилось тем, что своими действиями он вызвал восстание в области, по отношению к которой его благоразумные предшественники всегда предпочитали придерживаться осторожной политики, — в Венгрии.

Событие, послужившее непосредственным поводом для этого конфликта, породившего «раздоры между братьями» в 1608 г., знаменательно тем, что в это время впервые в истории Австрии и Венгрии возникает та проблема, из-за которой 240 лет спустя потерпели поражение венгерская и австрийская революции, — соперничество между венграми и хорватами.

Приблизительно с 1600 г. Рудольф, а позднее его племянник Фердинанд Штирийский, проводил политику, начатую еще Максимилианом I. Рудольф видел, что почти полная самостоятельность венгерского дворянства, являвшаяся неизбежной по военным соображениям, может оказаться опасной для династии, если она будет сохраняться в течение долгого времени; поэтому он попытался создать в качестве противовеса постоянные, всецело зависящие от императора вооруженные силы на венгерско-трансильванской границе. В состав этих вооруженных сил входили хорваты, или, вернее, не сами хорваты, а отряды авантюристов всех национальностей и бедных воинов-дворян, расселенных на хорватской территории (правда, вскоре смешавшихся с хорватским дворянством); за обязательство служить императору и только ему одному эти люди получили земли, деньги и титулы. Новое привилегированное пограничное войско быстро увеличивалось. Уже несколько лет спустя пришельцы, слившиеся с относительно свободными хорватскими крестьянскими поселениями, представляли серьезную военную силу, так как были сформированы в отряды, способные не только вести постоянную пограничную войну с турками, но также строить и защищать крепости. Правитель Трансильвании и венгерское дворянство относились с глубочайшим недоверием к этим людям, впоследствии прославившимся на полях сражений всей Европы своими военными способностями и своей преданностью династии. Турки и трансильванские полководцы боялись их как военной силы, венгры опасались их политического могущества, понимая не хуже, чем Рудольф, чье господствующее положение должны ослабить эти новые отряды.

Если бы Рудольф подождал, пока новое хорватское дворянство еще более окрепнет, он, быть может, действительно смог бы обуздать венгерское дворянство. Но он не стал ждать. Едва лишь он разместил свою частную армию в Хорватии, как тотчас начал проведение мероприятий, направленных против автономии

венгерского дворянства; здесь, как и везде, они были направлены против независимости сословий и против протестантизма.

Венгерские дворяне ответили на это, как обычно, заключением тайного союза с князем Трансильвании и отказом выступить против турок, пока император не подтвердит их политические права. Одним из новых требований венгров было требование переселения или изгнания «хорватов» и гарантии, что венгерские крепости отныне будут защищаться только венгерскими отрядами и ими будут командовать только венгерские генералы.

Рудольф ответил на эти требования венгерского дворянства отказом и послал в Венгрию отряд ландскнехтов, который вел себя там, как в завоеванной стране; в то же время он начал проводить во всех землях чрезвычайно неприятную для протестантского дворянства и протестантских князей проверку проведенной секуляризации церковных владений. В Венгрии, как и во всех других странах, дворяне-протестанты прибрали к рукам гораздо больше церковных земель, чем это было допустимо даже при самом вольном толковании соглашений между католиками и протестантами. В смутное время (а в граничившей с турками Венгрии смутное время никогда не прекращалось) были захвачены «под шумок» тысячи церковных владений. До этого времени Габсбурги закрывали глаза на существовавшие в Венгрии имущественные отношения. Рудольф был менее мудр. В Венгрию были посланы императорские комиссии по проверке, и одно имение за другим начало переходить из рук дворян — не обратно во владение церкви, а в казну короны.

Именно эта акция привела к результату, аналогичному с разорением осинога гнезда. Все протестантское дворянство Австрии и Чехии в тревоге поднялось. То, что сегодня произошло в Венгрии, завтра могло произойти у них. Начались первые переговоры о союзе между Венгрией, Чехией, Моравией, дворянскими партиями Верхней Австрии, Венной и честолюбивым братом Рудольфа — Матвеем, возможным руководителем австрийской Габсбургской антиимператорской партии.

Первое венгерское восстание (1604 г.) было подавлено, но конфликт остался неразрешенным. В 1606—1608 гг., в связи с начавшейся войной против турок, восстание вспыхнуло с новой силой.

В этой войне венгерские дворяне почти открыто выступили против императора. В момент, когда правитель Трансильвании и союзник султана Баскай наступал на Венгрию, Венгрия потребовала отмены всех мероприятий, направленных против протестантов, удаления австрийских войск и отмены всех централистских ограничений венгерского внутреннего управления.

Матвей был верховным главнокомандующим императорских войск. Он немедленно принял все требования и вскоре заключил

мало выгодный для Австрии мир с Трансильванией и Турцией. В число условий мирного договора входила, между прочим, передача Трансильвании всей Венгрии до Тиссы, разрушение важнейших крепостей и уплата султану контрибуции в 200 тыс. талеров.

Это означало капитуляцию и перед Венгрией и перед турками — в чем отнюдь не было необходимости, так как султану постоянно самому грозила опасность с Востока. Что же касается венгерского дворянства и поддерживавших его австрийских сословий, то значительная часть их ультиматума была блефом. Даже если бы венгерские помещики остались во время войны пассивными до конца, австрийские сословия, независимо от позиции императора, отнюдь не собирались допускать — что они неоднократно доказали, — чтобы их страна была занята турками.

Поэтому Рудольф не без основания отказался утвердить условия заключенного мира. Он открыто заявил, что Матвей — изменник родины, что он заключил мир для того, чтобы освободить руки для борьбы против него, Рудольфа, и что за подписанием мира скрывается заговор Матвея и немецких протестантов с целью ослабления и дискредитации короны, — и на этот раз он, повидимому, был прав. Благодаря «счастливой случайности» (XVII век поразительно богат такими счастливыми случайностями) в самый подходящий момент в его руки попало секретное письмо Матвея к участникам немецко-протестантской коалиции, полностью подтвердившее все подозрения Рудольфа.

Для Матвея путь к отступлению был уже отрезан. Точно не установлено, действительно ли он заключил мир с той целью, о которой говорил Рудольф. Возможно, что в начале войны он просто потерял голову и в панике принял первое мирное предложение, которое было ему сделано. Возможно также, что заключением мира и быстрым прекращением венгерского конфликта он хотел повысить свой собственный престиж и показать себя миротворцем и другом венгерских, австрийских и чешских сословий. Как бы то ни было, отказ Рудольфа признать условия мира и его разоблачения отрезали Матвею путь к отступлению: он вынужден был бороться, хотел он того или нет.

В феврале 1608 г. Матвей созвал в Пресбурге собрание сословий Венгрии и заключил с ними и с протестантскими сословиями Австрии официальное соглашение. Сословия обязались финансировать поход против Рудольфа и оказать ему военную поддержку; Матвей в свою очередь взял на себя обязательство восстановить полностью права протестантов, отменить все мероприятия, направленные против секуляризации, и признать господствующее положение сословий как политической силы.

За соглашением между австрийскими и венгерскими сосло-

виями в Пресбурге последовало соглашение с моравским дворянством. Война против Рудольфа началась.

10 мая армия конфедерации достигла Часлава, где было заключено новое соглашение с частью чешской знати. К армии Матвея, выступившей из Праги, присоединились по пути отряды австрийских, моравских и чешских крестьян.

В этот момент величайшей опасности Рудольф бездействовал. Но следует иметь в виду, что Рудольф находился в отчаянном положении. От весьма непрочной немецко-католической федерации нечего было ожидать помощи. Немецкие князья были всецело поглощены в то время «войной всех против всех»; к тому же со дня на день ожидали, что Франция выступит против объединенных сил католиков. Позиция австрийской католической партии была в то время двойственной: несмотря на то, что ей в высшей степени было нежелательно усиление ее протестантских соперников, она не возражала против усиления сословий за счет центральной власти. Новое, зависимое от короны придворное дворянство¹ еще недостаточно окрепло, чтобы играть решающую роль.

В довершение всего племянник и ближайший политический союзник Рудольфа Фердинанд Штирийский, убедившись в безнадёжности положения императора, перешел на сторону Матвея.

Рудольф мог бы сделать то же, что и Матвей, — заключить союз с сословиями. Этот союз он оплатил бы той же ценой — отказом от борьбы против протестантской фронды, отказом от всех попыток проводить централизацию.

Войска противной партии уже приближались к Праге, когда начались переговоры между императором и той частью чешских сословий, которая отказалась подписать соглашение с Матвеем. Достигнутое в конце концов соглашение, признанное впоследствии

¹ Процесс возникновения придворного дворянства будет рассмотрен в разделе, посвященном контрреформации; здесь мы лишь разъясним это понятие. Придворное дворянство (которое решено было создать в Австрии в середине XVI в. и которое в действительности возникло в ходе контрреформации) сменяет во всех абсолютистских странах Европы старую независимую феодальную знать. В его ряды входят «благородные» авантюристы всех наций, представители крупной буржуазии, получившие личное дворянство, и часть старой местной знати. Оно получает владения и материальные льготы, до того принадлежавшие старой знати, поскольку эти привилегии не противоречили интересам раннекапиталистической крупной буржуазии и короны, но не имеет политических прав старого дворянства и становится политическим оружием короны, частью государственного аппарата. Оно живет и действует «при дворе», то есть в непосредственной близости к абсолютистским правителям; отсюда его название — «придворное дворянство» (Hofadel). Это придворное дворянство состоит, с одной стороны, из получивших личное дворянство бюргеров, с другой стороны — из «настоящих (то есть потомственных) дворян», вступивших на «бюргерский», то есть раннекапиталистический путь развития. В конце XVII и в XVIII вв. в Австрии имелось немало крупных купцов-дворян — это были владельцы водочных заводов, торговцы лесом, арендаторы рудников и финансисты.

Матвеем, содержало полное признание веротерпимости, разрешение протестантам строить свои церкви в неограниченном количестве, обещание отстранить от государственных и церковных должностей иностранцев, запрещение духовным лицам вмешиваться в политические дела и запрещение иезуитам приобретать земли без разрешения всех трех сословий.

Но соглашение было заключено слишком поздно. Хотя Прага выставила против Матвея армию в 36 тыс. человек, хотя в нескольких небольших авангардных боях чешские отряды заставили даже отступить отряды Матвея, силы Матвея были слишком велики, и исход борьбы был предreshен заранее. Через четырнадцать дней начались переговоры, закончившиеся отказом Рудольфа в пользу Матвея от престола Австрии, Венгрии и Моравии и назначением Матвея его преемником в Чехии.

С первых же дней своего правления Матвей попытался уклониться от исполнения принятых им на себя обязательств. Этого и следовало ожидать. Каждый эрцгерцог, пытавшийся править на основе соглашения 1608 г., автоматически лишался власти, переставал быть монархом, даже если он еще носил корону. Но Матвей уже не мог нарушить свои обещания — для этого было слишком поздно. Рудольф в течение трех лет, до своего окончательного низложения и коронации Матвея чешским королем в 1611 г., пытался снова захватить власть. В борьбе за корону Матвею пришлось дать многочисленные гарантии сословиям Австрии, Венгрии, Чехии и Моравии за их помощь против бывшего императора, сделавшегося теперь претендентом на корону, и пойти на новые уступки. Он подал дворянству пример того, как можно добиться успеха, подняв восстание, как легко можно заставить королей пойти на уступки или низложить их; теперь дворянство применяло полученный урок против него самого. Начиная с 1609 г. сословно-дворянские конфедерации становятся обычным и почти узаконенным явлением даже в землях австрийской короны.

С 1609 г. на землях австрийской короны велась скрытая гражданская война. Во всей Европе ожидали конфликта между великими державами, который должен был сыграть решающую роль. Расстановка сил была ясна. С 1609 г. сильнейшие католические князья — Максимилиан Баварский, епископы Вюрцбургский, Пассауский, Констанцкий, Аугсбургский и Регенсбургский и австрийские Габсбурги создали официальный оборонительно-наступательный союз, известный под названием «Католической лиги». Протестанты уже создали свою унию. Обе стороны совершенно открыто вооружались. Вторжение французских войск во владения Габсбургов задержалось на короткое время лишь из-за внезапной смерти французского короля Генриха IV (1610 г.). В результате борьбы между Матвеем и Рудольфом, которая теперь велась за чешский престол, особенно окрепло положение Чехии; чешские

сословия заставили Матвея расплатиться за данное ими в конце концов согласие на избрание его чешским королем такими большими уступками, которые сделали Чехию фактически независимым государством. Между прочим чешские сословия получили право собираться, когда и где они пожелают, право самостоятельно вести свои финансовые и военные дела, смещать руководящих государственных чиновников с их постов, заключать союзы с иностранными государствами, вступать для защиты своих прав в конфедерацию с австрийцами и венгерцами и, наконец, иметь свою собственную, только им подчиненную армию.

Эти требования были «в принципе» приняты Матвеем. Он не имел ни малейшего намерения осуществить их в действительности, но по своей слабости и нерешительности оставил «на некоторое время» чешские сословия в уверенности, что «все в порядке». При последующих конфликтах с короной они могли, сколько им было угодно, напоминать об этих льготах.

Правление Матвея было заполнено постоянными мелкими войнами с сословиями всех земель австрийской короны. Матвей беспрестанно делал попытки отвоевать то тут, то там хоть какую-то часть утраченного авторитета; но все эти попытки кончались капитуляцией. Попытки Матвея ограничить суверенитет сословий производили во всех этих странах впечатление мелочной, бессмысленной политики булавочных уколов, лишь все более озлоблявшей противника. Его уступки лишь ухудшали положение. Преемник Матвея Фердинанд II получил государство, находившееся фактически в состоянии полного распада.

Фердинанд II немедленно изменил курс. Он стал проводить политику безоговорочной централизации, безжалостной, проводившейся кровавыми методами контрреформации, открытой борьбы против дворянской фронды и немецких князей-протестантов. Но объединение враждебных сил во всей Европе настолько усилилось и положение настолько усложнилось, что крупный вооруженный конфликт сделался уже неизбежным.

Сараевом Тридцатилетней войны стала Прага; эта роль могла бы выпасть на долю Вены или Гента, Брюсселя или Майнца. По сравнению с жестокой борьбой за власть, стоившей миллионы человеческих жизней, непосредственный повод к войне казался почти ничтожным. Выше упоминалось, что в результате борьбы между Матвеем и Рудольфом особенно усилилось положение чешских сословий; сильнее стали их притязания на большую независимость, поэтому чешские сословия особенно резко выступили против попыток Фердинанда осуществить централизацию в религиозной области и в государственном управлении. Это облегчалось для них тем, что в достигшей высокой ступени развития Чехии борьба против централизации была, с одной стороны, защитой старого, отмирающего — например, привилегий и по-

литической силы дворянства — и, с другой стороны, защитой нового, прогрессивного, отражением начавшегося процесса формирования и развития чешской нации.

Вначале Фердинанд проводил свою политику в Чехии далеко не с такой жестокостью, как в австрийских землях. Не было еще ни эдиктов об изгнании протестантов, ни насильственной католизации, ни иезуитской цензуры. Правда, поощрялось дальнейшее проникновение в Чехию иезуитов, оказывалась открытая поддержка немногочисленной чешской католической дворянской партии. Руководителей католической партии, Мартиница и Славату, осыпали милостями и предоставляли им высокие должности; они были назначены, в конце концов, «имперскими комиссарами» Фердинанда в Чехии. В области религии велась малая война, по сути — «перестрелка», во время которой католики пытались отнять у протестантов то какую-нибудь церковь, то школу, причем протестанты яростно сопротивлялись.

Протестантское дворянство и императорская католическая партия понимали, что дело не ограничится малой войной. Под прикрытием невинной «войны» по поводу какой-либо церкви или школы в провинциальном чешском городке уже формировались крупные группировки сил в Европе, укреплялись прежние оборонительные союзы и заключались новые. Руководитель протестантской дворянской партии в Чехии Турн заключил ряд оборонительных союзов с протестантскими сословиями Австрии, с немецкой протестантской федерацией князей и, главное, с курфюрстом Фридрихом Пфальцским, зятем английского короля. Союз Фердинанда с Баварией и Испанией настолько упрочился, что почти тотчас же после начала конфликта с Чехией туда уже могли быть посланы баварские и испанские солдаты.

Попытка закрыть одну протестантскую церковную школу, предпринятая явно в нарушение договора 1609 г., привела к открытому конфликту. Борьбу начали чешские сословия. Имперские комиссары, представители католической партии, Мартиниц и Славата вместе с секретарем Фабрицем были выброшены из окна Пражского замка — это была так называемая «дефенестрация», представлявшая собой нарочитое повторение того акта, который положил начало гуситским войнам. За этой демонстрацией последовал открытый разрыв с императором. Турн и его сторонники разъезжали по улицам Праги и призывали народ к борьбе. Турн заявил: «Я хочу быть не вашим руководителем, а вашим товарищем в опасности, которая приведет нас или к счастью и свободе или к почетной смерти. Жребий брошен, отступить уже поздно. Ваша безопасность зависит только от вашего единства и от вашего мужества; если вы поколеблетесь теперь в решении сбросить свои цепи, вам останется лишь одно — смерть от руки палача».

Два дня спустя сословия избрали нечто вроде временного правительства — совет из тридцати правителей, который должен был управлять Чехией, мобилизовали войска и назначили Турна верховным главнокомандующим.

Несколько дней спустя в Австрии также началось восстание протестантских сословий. Раздались первые выстрелы. Великая война началась.

Фердинанд II

Фердинанду II досталась страна, охваченная гражданской войной. В таких условиях он вел самую большую и ужасную войну своего времени — первую общеевропейскую войну. К концу его жизни дворянская фронда была подавлена и ликвидирована, Австрия окрепла, было создано новое, подчиняющееся только короне дворянство, были заложены основы новой постоянной армии. Непобедимый вождь шведов пал на поле битвы, сила шведского натиска была сломлена, и даже самая сильная держава Европы — Франция кардинала Ришелье — смогла извлечь из войны кое-какие выгоды лишь ценой напряжения всех своих сил.

Фердинанд Штирийский, племянник Рудольфа и Матвея, и, со времени отречения Рудольфа, законный престолонаследник, до 1618 г. ничем не проявил себя. О нем знали только, что с первого дня своего правления он начал проводить контрреформацию в своих владениях — Штирийской марке и Верхней Австрии. Правда, это было нелегко: именно в Штирийской марке и в Верхней Австрии протестантизм был особенно распространен.

Но прошло каких-нибудь десять лет — и город Линц, где он жил, сделался католическим.

Контрреформация проводилась путем насилия и подкупа. Наряду с изданием герцогских распоряжений об изъятии протестантских книг, изгнании протестантских учителей, принудительном посещении католических богослужений, горожанам были предоставлены привилегии, экономические льготы и дворянские титулы, были построены новые бесплатные иезуитские школы. Крестьянам обещали снижение налогов, финансовую помощь и закрепление их прав, например права ношения оружия. Протестантский блок развалился поразительно быстро. Первыми от него отпали города, в особенности новые «промышленные города», как, например, Штейер и Линц; затем перешли в католичество многие крестьяне. Наконец, остались одни дворяне. Им был нанесен удар — сословия были лишены политических прав. Штирийская марка была первой областью Австрии, где сословия вскоре оказались обладателями лишь символических прав, тогда как вся политическая власть сосредоточилась в руках комиссаров герцога. Успеху этих предварительных мероприятий Фердинанда в 1608—

1618 г. в немалой степени способствовало то обстоятельство, что восстание в Австрии в 1618 г. удалось подавить так легко.

В 1611 г. Матвей был все еще германским императором, правителем Австрии, королем Чехии. Но действительным правителем австрийских наследственных земель был уже его преемник Фердинанд. За пражской дефенестрацией сначала последовала лишь переписка между «временным правительством» в Праге и Матвеем. В заявлении тридцати комиссаров, между прочим, указывалось: «Мы выбросили в окно двух министров, врагов государства, вместе с их креатурой — Фабрицием в соответствии с древним обычаем, господствующим во всей Чехии так же, как и в столице. Этот обычай освящен примером Иезевели из священного писания, которая была выброшена из окна за то, что преследовала избранный богом народ. Этот обычай существовал у римлян и всех других народов древности, у которых было принято сбрасывать со скалы в пропасть нарушителей общественного спокойствия».

На эти исторические экскурсы Вена ответила вначале мягким и довольно нерешительным осуждением. Матвей и его приближенный Клезль пока еще лавировали и выжидали. Фердинанд был иного мнения.

Но вначале Матвей все-таки продолжал колебаться. К тому же Клезль советовал уступить. Урок 1608 г. не прошел для Фердинанда даром. В то время как двор рассуждал — он действовал. 20 июля 1618 г. Клезль был арестован и отвезен в крепость по распоряжению Фердинанда, который обеспечил себе поддержку другого человека, убежденного сторонника решительных действий, — Максимилиана Баварского. Матвей не решился протестовать; он знал, что в таком случае следующим шагом Фердинанда явилось бы низложение его самого. С этого момента Фердинанд был фактически императором, а Матвей — его пленником (год спустя Матвей умер). Первым мероприятием Фердинанда явилась отправка против Чехии двух армий испанских солдат и австрийских ландскнехтов под командованием одного испанского и одного эльзасского полководца — Дамьера и Буккуа. Турн принял вызов и также выслал свои войска. Тогда поднялись Моравия, Силезия и Лаузиц; к восставшим присоединились австрийские протестантские сословия. На востоке выступил князь Трансильвании Бетлен, заключивший незадолго до того союз с частью венгерского дворянства и со сторонниками Турна. В этот момент Турн совершил ту роковую ошибку, которая ввергла и Чехию в хаос, царивший в Германии, и стоила ей тридцати лет войны и разорения: он предложил чешскую корону руководителю немецких протестантов Фридриху Пфальцскому.

После непродолжительного колебания Фридрих Пфальцкий ответил на это предложение согласием. Но прежде чем выехать

в Прагу, он направил в Чехию немецкого командира ландскнехтов — Эрнста фон Мансфельда во главе армии в 8 тыс. человек. Мансфельд, честолюбивый авантюрист, мечтавший о короне или, по крайней мере, о должности военачальника при дворе какой-нибудь великой державы, отправился в Чехию с намерением либо добиться победы для того, кто его послал, и сделаться таким образом необходимым человеком, либо, если это не удастся, оставаться в Чехии до тех пор, пока противная сторона не пожелает купить его услуги за высокую цену.

Это произошло в начале 1619 г. В июне Турн уже стоял под стенами Вены. Венские протестанты поднялись и потребовали низложения Фердинанда. Эрцгерцог был осажден в замке; тысячи людей собирались под его окнами и с громкими криками требовали, чтобы он отказался от престола, стрелки же Турна обстреливали замок. В последнюю минуту Фердинанд каким-то «чудом» спасся: к замку прорвался отряд Дампьера, состоявший всего из 150 всадников, и разогнал осаждавших. Но «чудо» было мнимое. Фактическое положение австрийских протестантов было значительно хуже, чем казалось со стороны. Налет Дампьера произвел полный переворот. Вена — студенты, бюргеры, подмастерья — поднялась с оружием в руках против протестантов, на стороне Фердинанда. Австрийский протестантский фронт рухнул, как карточный домик; повсюду группы протестантов отпадали от восставших и обращались к Фердинанду с заверениями в своей лояльности. 22 июня Турн снял осаду с Вены и отступил в Чехию.

Война

Тридцатилетняя война, в сущности, состоит из четырех войн, следовавших одна за другой, или, вернее, ее можно разделить на четыре различных периода или стадии; в каждой из этих войн имелись различные непосредственные цели борьбы и разные противники. Первая стадия войны охватывает период с 1618 по 1623 г. В это время борьба еще не приняла общеевропейского характера; это была скорее карательная экспедиция армии Габсбургов и их союзников под командованием Тилли против Чехии и ее союзника Фридриха Пфальцского. Вторая стадия продолжалась с 1625 по 1629 г. В этот период на одной стороне находились императорские войска, руководимые Валленштейном и Тилли, на другой — датский король Христиан IV, герцог Брауншвейгский и некоторые незначительные протестантские князья. На третьей стадии, продолжавшейся с 1630 по 1633 г., война уже более явно стала превращаться в общеевропейский конфликт; борьба велась в это время между императором и Баварией, с одной стороны, и шведским королем Густавом Адольфом, пользовавшимся поддержкой весьма непостоянной по своему составу коалиции немец-

ких князей — с другой. Франция в этот период хотя и была в тайном союзе со Швецией и немецкими протестантами, но еще не принимала открытого участия в войне. Испания оказывала поддержку императору, но официально еще не вступала в войну, хотя борьба за власть между Францией, с одной стороны, и Испанией и Австрией — с другой, в конечном счете, лежала в основе всей войны. И, наконец, в период между 1635 и 1648 гг. война за господство в Европе велась уже при совершенно ясной расстановке сил: на одной стороне — австрийско-испанский союз, поддерживаемый Баварией, на другой — французско-шведская коалиция, поддерживаемая немецкими князьями-протестантами.

Война, начавшаяся в 1618 г. как гражданская война, как внутренний конфликт на землях австрийской короны, уже в 1619 г. утратила этот характер. Ответом Турна и правителей на отправку в Чехию и Моравию императорских войск было официальное низложение Фердинанда и избрание чешским королем Фридриха Пфальцского. Этим актом уничтожалась последняя возможность для компромисса. Даже если бы Фердинанд или сторонники Турна были готовы найти какой-то общий язык — альтернатива, представлявшаяся мало вероятной после предшествующих событий, но постоянно выдвигавшаяся как «партия мира» в Праге, так и Венским двором, — то это не изменило бы положения: война была теперь уже не конфликтом между императором и чешским и австрийским дворянством, а борьбой между католическим блоком и чешско-германской протестантской коалицией. Это не означало, однако, что в период с 1618 по 1623 г. коалиция выступала открыто. Немецкие князья, правда, всегда были готовы играть с огнем, но они вовсе не собирались отстаивать свою политику с оружием в руках. То, что сказал Густав Адольф о немецких протестантских князьях, было справедливо уже в 1619 г.: «Они не знают, лютеране они или паписты, сторонники императора или немцы, рабы или свободные».

Партия Турна, избирая королем Фридриха III, рассчитывала, что вслед за тем вся немецкая протестантская коалиция перейдет в их лагерь и будет оказывать им помощь. Но жалкие немецкие князья ограничились благими пожеланиями и платоническим осуждением «превышения власти императором». Им было выгодно заставить Чехию таскать для них каштаны из огня, и они не оказали партии Турна ни политической, ни военной поддержки.

Фридрих Пфальцкий не привез в Прагу ничего, кроме своей собственной персоны, своей супруги (дочери английского короля), отрядов своего кондотьера Эрнста фон Мансфельда и благих пожеланий немецких протестантов. Вместо поддержки Англии, на которую рассчитывала Прага, он привез с собой английский орден Подвязки — и даже этот символ дружбы с Англией он

потерял во дворе Градчина во время бегства из Праги после битвы при Белой горе.

Коронация Фридриха III явилась кульминационным пунктом чешского восстания; за нею последовал спад. Сразу же после прибытия Фридриха в Прагу иезуитские политики при дворе Фердинанда прозвали его «зимним королем», так как, по их мнению, он сможет править только одну зиму. Их предсказание сбылось.

После прибытия Фридриха единый фронт чешского народа, образовавшийся в период пражской дефенестрации, начал медленно распадаться. Сначала отошли крестьяне. Со времени окончания гуситских войн им приходилось выносить весь гнет утравкистского дворянства; они были лишены свободы не чужеземными угнетателями, а своими собственными помещиками и в начале восстания были охвачены таким патриотическим энтузиазмом и такой готовностью к самопожертвованию, что собирались под знаменами Турна на защиту дела, имея лишь смутные надежды, что оно будет впоследствии их делом. Избрание Фридриха показало им, что перед ними был не Жижка, восставший из гроба, чтобы возглавить войну всего чешского народа, но представитель чуждых им интересов, не более близкий к ним, чем император в Вене. Но решающую роль в происходящих событиях сыграло поведение Мансфельда и его солдат. Войско Мансфельда являлось личной армией Фридриха, которую он обязался содержать. Но очень скоро у Фридриха нехватило денег. Немецкие князья-протестанты не могли или не хотели оказать ему денежную помощь; не были получены и субсидии из Англии, на которые он рассчитывал. Таким образом, армия Мансфельда, не получающая жалованья, стала существовать «за счет страны», то есть добывать все необходимое за счет ограбления жителей, в первую очередь — горожан и крестьян тех областей, где она находилась на постое. Но население, подвергавшееся ограблению, не являлось населением завоеванной вражеской территории; это были крестьяне и горожане Чехии и Моравии, союзники, без чьей помощи Прага не могла держаться.

В течение 1619 г. произошел ряд мелких крестьянских восстаний, направленных против Мансфельда. Сами по себе эти восстания не представляли опасности для Праги, но они были грозным симптомом распада непрочного союза 1618 г.

Однако и в Праге существовали разногласия и трения. Фридрих III вовсе не собирался стать конституционным монархом милостью чешских сословий. Он хотел господствовать. Сословия, в свою очередь, не собирались передавать только что завоеванную власть в руки своего пфальцкого союзника. Конфликты между Фридрихом Пфальцским и его придворными, с одной стороны, и Турном и его партией — с другой, сделались обычным явлением. Когда Фридрих, для которого принципы, выраженные

в «Аугсбургском вероисповедании», были последним словом политической мудрости, не ведая, что творит, попытался навязать Праге кальвинистскую религию, дело дошло почти до уличных боев. Открытого разрыва не произошло только потому, что в последний момент Фридрих отступил; но взаимное недоверие осталось. Вскоре в Праге начали распевать насмешливые песенки о «чужеземном короле», который умеет пить, танцевать и соблазнять жен пражских горожан лучше, чем сражаться, и который, вместо того чтобы организовать оборону города, устраивает маскарады на Молдаве. Пражские бюргеры все более убеждались в том, что чешское дворянство совершило ошибку, заключив совершенно бесполезную и обошедшуюся слишком дорого в политическом и военном отношении сделку с Фридрихом — с этим полным ничтожеством в политике и в военном деле; вся польза, полученная в результате избрания Фридриха, заключалась в сомнительном союзе со столь же сомнительной немецкой княжеской коалицией.

В это же время произошел распад еще одного, некогда единого лагеря — союза австрийских и чешских сословий. Приход к власти в Праге Фридриха III оказался и для них поворотным пунктом. С точки зрения австрийских сословий, с этого момента дело начало становиться слишком опасным. Австрийское протестантское дворянство, никогда не отличавшееся большой последовательностью в своих поступках, было, правда, готово играть с огнем и вымогать у императора уступки, угрожая ему гражданской войной. Но оно отнюдь не собиралось обжигать себе при этом пальцы, то есть серьезно вести войну, а поведение Фердинанда ясно показывало, что он будет рассматривать выступление австрийских сословий на стороне Фридриха и чешских дворян как объявление войны. Изменение позиций австрийской буржуазии и большей части крестьян было еще более резким. Открытая гражданская война им была еще более нежелательна, чем дворянству — а тем более гражданская война, которая велась бы, вероятно, ради возведения на престол главы немецких протестантских князей и под его руководством; к немецким князьям, как к союзникам, они относились терпимо, но в то же время совершенно им не доверяли.

Дворянство колебалось, буржуазия же открыто выступала за примирение с императором. К тому же Фердинанд делал в это время все, что было в его власти, чтобы привлечь на свою сторону именно буржуазные элементы сословий.

Результатом была полная капитуляция австрийских сословий. Одна область за другой отпадали от чешских союзников, а в Вене представители этих областей приносили императору одно выражение лояльности за другим. В 1619 г. был официально заключен мир между императором и сословиями. Фердинанд обязался «в дальнейшем» не проводить никаких радикальных изменений в политических и религиозных делах (до окончания войны в

Чехии он действительно выполнял это обязательство). За это условия обещали даже предоставить ему деньги для уплаты жалования отрядам, которые должны были выступить против своих вчерашних союзников.

Чехия, покинутая своими союзниками на произвол судьбы, раздираемая внутренними противоречиями, не могла долго держаться против наступающих австрийских, баварских и испанских войск. В 1620 г. все было кончено. В сражении при Белой горе, продолжавшемся всего несколько часов, чешское войско, к которому присоединился отряд Мансфельда, потерпело полное поражение. Это было скорее всеобщим крахом, чем военным поражением. Наступающая испанская пехота гнала перед собой разбежавшиеся в беспорядке протестантские отряды. Сильно укрепленная Прага, получив известие о катастрофе при Белой горе, капитулировала без единого выстрела. Во всей стране также не было оказано никакого сопротивления. Часть крестьянских добровольцев еще задолго до битвы при Белой горе попросту разошлась по домам, остальные в одиночку или небольшими группами также стали возвращаться в свои деревни.

Фридрих Пфальцский еще до капитуляции Праги бежал из Чехии. Этот рыцарь, руководитель немецкой протестантской коалиции, даже не принимал участия в сражении. В то время как чешское дворянство проливало свою кровь на поле битвы, «зимний король» давал бал при дворе. Когда прибыли первые гонцы с вестью о поражении, Фридрих даже не попытался организовать в Праге сопротивление. Единственное, что его интересовало — спасение своего имущества. В то время как авангард императорских войск приближался к Праге, в пражском замке в лихорадочной спешке упаковывали драгоценности и движимое имущество. Когда же по улицам Праги проскакали первые всадники императорской армии, роскошная карета «зимнего короля» уже приближалась к чешской границе.

По счетам Фридриха пришлось платить Чехии. Победа Фердинанда явилась началом жестокого преследования протестантской партии в Чехии. Вскоре после капитуляции были обезглавлены у Альтштадта двадцать шесть руководителей протестантского дворянства. Они умерли, не изменив своим взглядам, с именем своей родины на устах. У сотен дворян-протестантов были конфискованы имения, а сами они приговорены к тюремному заключению или изгнанию; тысячи дворян эмигрировали тотчас же после поражения, в том числе Турн, который долгое время жил в качестве эмигранта при Дрезденском дворе и неоднократно пытался собрать армию для освобождения Чехии.

В течение нескольких лет положение чешского дворянства резко изменилось. Турн, его сторонники и тысячи других чешско-утраквистских дворян были изгнаны. Их опустевшие имения, пе-

решедшие во владение короны, скупались иностранцами, военными и авантюристами, испанцами, итальянцами, католиками-эмигрантами из Шотландии и Ирландии, а иной раз и богатыми бюргерами. Финансовое положение короны было очень тяжелым; обесценение денег достигло невероятных размеров, внезапный избыток земли, которая тогда впервые сделалась объектом торговли *в широком масштабе*, привел к резкому падению цен на нее. Каждый, кто имел или мог занять немного денег, мог за несколько недель сделаться крупным землевладельцем. Продажа этих земель была скорее политической, а не экономической акцией. Путь к обогащению и титулам был открыт перед всеми, кто изъявлял готовность жить в качестве солдат и служителей короны и только короны, выразил согласие полностью подчиниться ей во всех политических вопросах и был готов стать представителем исполнительных органов нового абсолютистского правительства, стать чиновником государственного аппарата. Новое придворное дворянство призвано было поставлять императору офицеров и чиновников. Оно уже не имело права проводить самостоятельную политику.

Такой же, как и в Чехии, процесс образования нового придворного дворянства происходил несколько позднее, в период контрреформации, в самой Австрии. Но в Австрии, где во многих областях было изгнано почти четыре пятых всего числа дворян, роль чужеземного дворянства была гораздо меньше, чем в Чехии, а удельный вес новой, «буржуазной» знати, буржуазных «нуворишей» — гораздо большим, особенно в горном деле и металлургической промышленности. Это новое придворное дворянство являлось затем в течение почти двухсот лет костяком австрийского государства. Лишь через двести лет, в связи с политическим ростом буржуазии, сделался ненужным этот слой, из представителей которого формировался государственный аппарат абсолютистской власти. В Австрии так же, как во Франции и во многих других странах, исчезновение дворянства как политически привилегированного слоя общества, отделено от его упадка, как политически зависимой, но привилегированной в финансовом отношении группы, периодом в двести лет.

Но экономические привилегии нового дворянства сначала уменьшились, а возросли по сравнению с прошлым временем. В Чехии — в отличие от Австрии, где крестьяне и горожане были гораздо сильнее в экономическом отношении — это увеличение привилегий нового дворянства произошло не только за счет старого дворянства, но и за счет горожан и крестьян. Обратное закрепощение чешских и моравских крестьян, фактически осуществленное еще до битвы при Белой горе, было теперь окончательно узаконено. До сих пор в австрийских наследственных владениях обязанности крестьян по отношению к своим помещикам

заклучались, в основном, в несении своего рода барщины или, как в Тироле и некоторых районах Верхней Австрии, — крестьяне оставались свободными; теперь же, после того как в Чехии было восстановлено крепостное право, во владениях австрийской короны начинает постепенно увеличиваться число крепостных крестьян. Этому процессу закрепощения способствовало также завоевание новых областей, которые до XVII—XVIII вв. были заняты турками, областей, где новые помещики, сменившие турок и их вассалов, просто застали уже узаконенную еще до их появления крепостную зависимость крестьян. Именно таким путем происходило закрепощение крестьян в Австрии, и к моменту освобождения крестьян при Иосифе Австрийская империя была уже в основном страной крепостного права.

К нечешскому дворянству, сменившему утраквистскую чешскую знать, присоединилась небольшая группа местного дворянства, также выигравшая от войны 1620 г. Это были чешские дворяне-католики, люди типа Славаты и Мартиница, которые теперь, в связи с обесценением денег, очень быстро приобрели колоссальные земельные владения за счет своих изгнанных соотечественников. Наиболее известным представителем этого слоя был воспитанный иезуитами выходец из протестантской семьи Вальдштейн, или Валленштейн, который в 1618 г. не принимал участия в восстании, но выехал в Вену, прихватив с собой казну отряда, состоявшего под его командованием. После 1620 г. Валленштейн за несколько месяцев превратился из бедного мелкопоместного дворянина-офицера в крупнейшего помещика Чехии. В противоположность многим другим новым землевладельцам, совершенно не заботившимся о своих владениях, Валленштейн усовершенствовал и развил сельскохозяйственное производство на своих землях и построил там своеобразные «фабрики» — ранние мануфактуры, на которых обрабатывалось получаемое в имении сырье. Это позволило ему вскоре сформировать и затем содержать собственную армию, которая в отличие от прочих наемных армий того времени жила не исключительно «за счет страны»: источником для ее содержания, по крайней мере в первых походах, были специально созданные продовольственные базы и склады. Такая, частично сама себя обеспечивающая, армия, была по тому времени революционным нововведением, и такую армию жаждали привлечь на свою сторону все воюющие партии. Наличие такой армии, находящейся в распоряжении Валленштейна, естественно привело к тому, что он стал одной из крупнейших политических фигур.

За ликвидацией чешского дворянства как политической силы последовало проведение централизации в области религии — контрреформация. Католицизм сделался официальной, государственной религией Чехии; просвещение, цензура над книгами,

контроль над всей культурной жизнью были переданы иезуитам. В Чехии контрреформация привела к задержке национального развития чешского народа. Богослужение на родном языке было в Чехии наследием гуситского движения, неотъемлемой частью чешской национальной религии. Борясь с этим наследием, иезуиты снова ввели латынь (немецкий язык начал вводиться значительно позднее) в богослужение и в школьное обучение. Постепенно чешский язык был вытеснен в городах из школы, а вскоре и вообще был изгнан из употребления в городах и превратился в «крестьянский диалект». В результате сожжения или конфискации всей «еретической литературы» (слова «еретическая литература» и «литература на чешском языке» сделались в то время синонимами) не только была уничтожена фактически вся чешская литература того времени, но и безвозвратно погибли ценные древние источники по истории чешского народа. Не только большая часть чешского дворянства, но и новая чешская буржуазная интеллигенция перешла в ряды воинствующих протестантов, или «чешских братьев». Эмиграция тысяч бюргеров и интеллигентов, наиболее крупным и известным представителем которых был Комениус, создала в экономической и национальной жизни страны лагуну, долго остававшуюся незаполненной.

Для Австрии контрреформация, беспощадная централизация и подавление Фердинандом самостоятельности дворянства были шагом вперед. Одним ударом страна была освобождена от ее самого реакционного класса — фрондировавшего и отживавшего свой век как в политическом, так и в экономическом отношении феодального дворянства, создано было новое прочное государство, в рамках которого могла расти и развиваться нация, устранены были препятствия для дальнейшего развития и укрепления буржуазии. Эти мероприятия предохранили Австрию от вовлечения в водоворот хаоса и разложения, царивших в Германии, предотвратили превращение ее в страну, терзаемую внутренними войнами, страну, которая в конце концов, обескровленная, сделалась бы, вероятно, жертвой чужеземных завоевателей — вернее всего, турок. Абсолютизм той эпохи был в Австрии, с социальной точки зрения, прогрессивной силой, контрреформация со всеми ее последствиями также была жизненно необходимой операцией, спасшей государство от внутреннего разложения, операцией, аналогичной подавлению дворянской фронды Людовиком XIV во Франции. То, что она проводилась жестокими, варварскими методами, не меняет ее характера.

В Чехии дело обстояло иначе. Навязанная извне централизация привела к прекращению в стране национального развития, которое в Чехии зашло значительно дальше, чем в Австрии.

Фридрих Пфальцский проиграл свою корону, потерял ее. Оказавшись в безопасности по ту сторону границы, «зимний король»

снова стал прилагать усилия, чтобы вернуть себе «свое» королевство. Эти протестантско-немецкие переговоры, от которых было еще очень далеко до дела, не помешали бы несчастной Чехии обрести мир, хотя бы и после поражения. Но был еще один немецкий князь, не заинтересованный в установлении мира, — Эрнст фон Мансфельд. Этот «фюрер» ландскнехтов, оставленный Чехии в наследство «зимним королем», стремился во что бы то ни стало продолжать войну. Только война дала бы возможность Мансфельду использовать свой «капитал» — армию ландскнехтов. Он мог пригодиться в случае, если бы Фердинанд или баварский герцог решились купить мир, взяв его к себе на службу, либо в случае вступления в войну какого-нибудь нового протестантского князя, если бы последний, разумеется, нуждался в его армии.

За исключением Фридриха Пфальцкого, у которого было желание продолжать войну, но не было денег, Франции, у которой были деньги, но в тот момент не было желания воевать, и Христиана Брауншвейгского, нового самозванного сторонника Фридриха, никто, казалось, не был склонен воспользоваться услугами Мансфельда. Таким образом Мансфельд остался в Чехии, а когда его оттуда выгнали, отправился в соседнюю область — нынешний баварский Пфальц, — принадлежавшую «зимнему королю», опустошил ее реквизициями, пытал крестьян и горожан, чтобы выжать из них деньги, вел непрерывные переговоры с Бетленом Габором и в общем был уверен, что если он будет достаточно терпелив, то для него найдется занятие. С другой стороны, герцог Баварский заявил притязания на баварский Пфальц, принадлежавший Фридриху, требуя его в качестве вознаграждения за помощь, оказанную им Фердинанду. Фердинанд был не слишком заинтересован в выкупе Пфальца, усилении Баварии и, в особенности, в продолжении войны. В тот момент для него был гораздо важнее мир, необходимый ему, чтобы завершить в Австрии контрреформацию и ликвидировать дворянскую фронду. Но должнику не приходится выбирать. Фердинанд уже отдал в залог Верхнюю Австрию герцогу Баварскому, чтоб оплатить походы 1619 и 1620 гг.; денег у него не было. Единственной возможностью вернуть Верхнюю Австрию было возместить Баварии потерю этой области оказанием ей помощи в завоевании Пфальца.

Война тянулась — ее вели не очень энергично — до 1623 г.

Немецкие протестантские князья все время находились «в боевой готовности»; это означает, что они составляли резолюции протеста, собирали кое-какие средства для содержания наемных армий, но в остальном воздерживались от активного вмешательства в войну. У постороннего наблюдателя должно было, однако, создаться впечатление, что здесь концентрируется уже готовая

к борьбе протестантская армия и что каждый сильный князь, который выступит под знаменами протестантизма для завоеваний в Центральной Европе, найдет бесчисленных союзников среди немецких протестантов.

Первым негерманским князем, который пошел на эту сомнительную спекуляцию, был датский король Христиан. В 1624 г. он начал с побережья Северной Германии поход во внутренние области страны. Гражданская война в Чехии и Австрии, карательная экспедиция против Фридриха и Мансфельда превратились в серьезную международную войну.

Христиан был противником несколько иного рода, чем Фридрих или Мансфельд. Он был правителем страны, где имелась сравнительно упорядоченная система управления одной из новых держав, выросших на доходах от атлантической торговли, которые в политическом и экономическом отношении стояли ближе к Англии, чем к странам континента, и в которых создание реформированной государственной церкви привело, как и в Англии, к усилению королевской власти. В течение первых недель войны, шедшей главным образом на берегах Вислы, католическая армия под командованием баварского полководца Тилли сумела удержать свои позиции — но не более. Было очевидно, что одной этой армии было бы недостаточно для ведения продолжительной войны, тем более, что в тот момент нельзя было рассчитывать на помощь со стороны испанской армии, которая была занята в Нидерландах и в Вельтлине.

Для создания новой крупной армии имелись, с точки зрения Фердинанда, не только военные, но и политические основания. В последние годы война велась в основном баварскими войсками под командованием Тилли. Само собой разумеется, Бавария объявила высокую цену за свое активное участие в борьбе; ее претензии были так велики, что она даже потребовала в качестве залога Верхнюю Австрию или Пфальц. Чем большее участие в борьбе принимала баварская армия, чем большее количество ландскнехтов приходилось нанимать герцогу Баварскому, тем выше становились требования Баварии. К тому же Тилли получал инструкции о ведении военных действий в первую очередь из Мюнхена, а к указаниям Вены он прислушивался или не принимал их во внимание в зависимости от того, насколько это устраивало его или баварского правителя.

Фердинанд хотел иметь и теперь имел свою собственную, зависящую только от него армию. Ее командиром был человек, который несколько лет назад был еще бедным офицером одного из моравских гарнизонов и которому теперь император был уже должен полмиллиона гульденов; это был перебежчик и крупнейший землевладелец Чехии, Альберт Вацлав Валленштейн. Валленштейн и его армия, которую он сам содержал, явились выходом

из тупика для Фердинанда. Назначив Валленштейна главнокомандующим австрийскими силами, Фердинанд одним выстрелом убил двух зайцев: это был его ответ на угрозу со стороны Дании и в то же время он избавился от зависимости со стороны Баварии, с ее превосходящими военными силами. При таких обстоятельствах нет ничего удивительного, что баварский двор, понимавший мотивы, которыми руководствовался Фердинанд, с самого начала поднял бурю по поводу назначения Валленштейна, постоянно требовал его смещения и в течение некоторого времени едва ли не больше усилий приложил к тому, чтобы добиться удаления Валленштейна, чем к тому, чтобы изгнать датчан.

Валленштейн предложил выставить и вооружить для Фердинанда армию в 50 тыс. человек — цифра исключительно высокая по тому времени. За это он потребовал неограниченного права командования своим войском, права самостоятельно назначать своих офицеров, герцогский титул и в качестве военной субсидии — доходы от пошлин с определенной части Чехии. Цифра в 50 тыс. человек показалась при дворе настолько фантастической, что министры Фердинанда советовали ему отказаться от услуг этого безумного хвастуна. Но Фердинанд умел распознавать политические и военные таланты и привлекать их обладателей к себе на службу. Он выполнил поставленные Валленштейном условия, сделал его герцогом Фридландским и двинул его войско против датского короля Христиана. Уже очень скоро армия Валленштейна насчитывала 22 тыс. человек, затем — 30 тыс. и, наконец, численность ее превысила 50 тыс. Она была так блестяще организована, так хорошо обеспечена провиантом, служба в ее рядах обещала такую богатую добычу, что авантюристы и люди без определенных занятий стекались под ее знамена из всех стран. К тому же и время было благоприятным для организации наемной армии. Экономический кризис и изменение социальных условий привели к обнищанию тысячи людей, которые видели единственный выход из своего положения во вступлении в ряды наемной армии. Уже в это время начало сказываться обстоятельство, которое впоследствии сделалось проклятием и основной проблемой Тридцатилетней войны и так затруднило ее окончание. Тысячи людей, пострадавшие от кризиса переходного времени, не могли найти средств к существованию, тысячи других пополняли эту армию из опустошенных войной областей. Этим жертвам войны, ведущейся ландскнехтами, приходилось выбирать одно из двух: либо самим сделаться ландскнехтами, либо умереть с голоду. Неуклонный рост армии ландскнехтов давал каждому жаждавшему земель князю, каждому авантюристу возможность вести войну в личных целях — для этого надо было только пригласить к себе на службу такую армию. К тому же это становилось теперь все более дешевым удовольствием, ибо вскоре руко-

водители ландскнехтов начали предлагать свои услуги со всех сторон. Армии, которые не были «заняты» (войной), самостоятельно выступали в роли разбойничьих шаек в тех областях, где они находились, и тем самым увеличивали число ограбленных крестьян — потенциальных ландскнехтов. В середине и в конце 30-х годов уже имелись области, где численность солдат равнялась численности гражданского населения или даже превосходила ее. В то же время воюющие стороны постепенно начали утрачивать контроль над этой быстро растущей лавиной армий, и наконец ни одна держава не была уже в состоянии одна закончить войну. Великим державам, уже в 1642 г. принявшим решение заключить мир и в том же году начавшим переговоры о перемирии, лишь шесть лет спустя удалось объединенными усилиями настолько обуздать свои армии, что они смогли прекратить, наконец, военные действия; потребовалось еще четыре года, прежде чем можно было полностью демобилизовать эти армии.

Предоставленная Валленштейну привилегия самостоятельно назначать своих офицеров была с военной точки зрения преимуществом потому, что он мог выбирать этих офицеров в соответствии с их военными дарованиями, а не в зависимости от их связей в аристократических кругах и их политических взглядов. Однако эта привилегия имела и отрицательную сторону (с точки зрения императора, но не Валленштейна) — создавалась возможность для очень быстрого возникновения «преторианской» гвардии, преданной лишь своему полководцу, гвардии, которая могла сделаться опасным оружием в руках Валленштейна.

Валленштейн и Тилли выступили на север и вскоре заняли области Мандебурга и Гальберштадта. Курфюрсты Саксонский и Бранденбургский сначала попытались посредничать между императором и Христианом, но вскоре присоединились к Христиану, как «невоюющие сторонники». Датский король вместе с Мансфельдом и герцогом Брауншвейгским выступил во главе шестидесятитысячной армии против Валленштейна и Тилли. После нескольких небольших стычек его армия была наголову разбита войском Тилли при Люттере. Король потерял 8 тыс. человек, половину офицерского состава, весь обоз, всю артиллерию и вынужден был отступить на свою территорию. С этого момента Христиан фактически вышел из войны; его военные операции ограничивались теперь лишь защитой своей территории против случайных набегов императорских войск на пограничные области.

Мансфельд, потерпевший тем временем поражение от Валленштейна при Дессау, отступил в Бранденбург, где собрал новые войска и объединился с одной из датских армий под руководством герцога Веймарского. Затем он внезапно напал на Силезию, прошел через Моравию и, наконец, соединился у Пресбурга с отрядом венгерских повстанцев и с Бетленом Габором, пользовавшимся

поддержкой турецких вспомогательных войск. С военной точки зрения этот поход был немалым достижением; к тому же, поскольку война по прошествии долгого времени снова приблизилась к коронным владениям Габсбургов, он представлял реальную опасность для Фердинанда. Но Валленштейн не уступал в быстроте Мансфельду. Он преследовал его с тридцатитысячным войском и так стеснил объединенную вражескую армию, поставив ее в совершенно безвыходное положение, что Бетлен предпочел без сражения заключить мир; венгерские отряды также капитулировали, и Мансфельд вместе с небольшой группой офицеров был вынужден бежать в Венецию. В дороге он умер — точно не известно — от лихорадки или от яда. В том же месяце в Вольфенбюттеле, при таких же таинственных обстоятельствах, умер второй немецкий кондотьер, Христиан Брауншвейгский.

Активные участники войны, члены протестантской коалиции потерпели поражение, но сама коалиция не была еще уничтожена. Сила тех протестантских князей, которые не принимали участия в войне, еще не была сломлена. В значительной части Германии и на берегах Балтийского моря чувствовалось влияние человека, который в ожидании благоприятной ситуации спокойно сидел в своей столице, но который (и это знала вся Европа) в будущем должен был сделаться главой сверхмощной протестантской коалиции; это был шведский король Густав Адольф.

То, что было сказано о Дании, с еще большими основаниями можно отнести к Швеции. Страна, которой правил Густав Адольф, имела все шансы сделаться великой европейской державой. Густав Адольф усмирил дворянство, централизовал и усовершенствовал управление. Швеция воспользовалась своими богатыми залежами железной руды для развития самого крупного в Европе — более крупного, чем австрийское — производства новейших видов оружия; ее флот не уступал ни английскому, ни французскому.

В 1627 и 1628 гг. Густав Адольф еще не вступал в войну. Но все участники войны понимали, что он лишь выжидает благоприятного момента. Целью австрийской политики того времени было укрепление позиций императора в политическом и военном отношении. Ради достижения этой цели были предприняты поход Валленштейна к Балтийскому морю и попытка Фердинанда окончательно уничтожить немецких протестантов. К несчастью, при этом возник конфликт между полководцем и политиком.

Фердинанд проводил политику завершения контрреформации, полного политического ослабления Чехии и превращения ее из полуавтономной провинции в землю Габсбургской короны. Статут Чехии был узаконен эдиктом 1627 г. В то же время Фердинанд вынес решение, которое должно было сделать невозможным дробление австрийских земель между различными ветвями фамилии

Габсбургов и тем самым предотвратить возможность возобновления «раздоров между братьями». Он принял постановление, по которому все австрийские земли вместе с Чехией и Венгрией в будущем должны как единое целое передаваться по наследству Габсбургам — только для Тироля было сделано исключение. Так обстояло дело в Австрии.

В Германии Фердинанд попытался изменить соотношение сил между католиками и протестантами в пользу католиков. Это было достигнуто путем низложения ряда протестантских князей, главным образом участников войны 1619—1626 гг., в первую очередь Фридриха Пфальцского и Христиана Брауншвейгского, и раздела их земель между членами католической конфедерации. Разумеется, протестантские князья отчаянно сопротивлялись этому мероприятию. Их сопротивление усилилось и перешло в открытую борьбу — поскольку вообще можно говорить о способности немецких протестантских князей к борьбе, — когда эта политика Фердинанда завершилась изданием эдикта о реституции (1629 г.).

Согласно эдикту о реституции все земли, перешедшие со времен Аугсбургского договора от церкви или католических князей к протестантам, должны были быть возвращены католической церкви или императору. Это мероприятие произвело полный переворот в соотношении сил в Германии: если раньше большинство земель принадлежало протестантам, то теперь в руках у последних оказалось меньше всего земли. Десятки протестантских правителей, сделавшихся в результате секуляризации владельцами довольно крупных территорий, за одну ночь снова превратились в князьков, владеющих каким-нибудь маленьким городком с окружающими его тремя-четырьмя деревнями.

Но Фердинанд переоценил свои силы. Быть может, он не учел того, что в эдикте имелся один пункт, из-за которого немецкие князья готовы были сопротивляться; быть может, он рассчитывал на более быстрое окончание похода к Балтийскому морю, который должен был подготовить военную базу для этих политических мероприятий. Быть может, он, по своему обыкновению, поставил все на одну карту и сделал то, что считал необходимым с политической точки зрения в надежде, что все «как-нибудь» сойдет. Не следует забывать, что Фердинанд был благочестивым католиком, и потому в трудную минуту выполнял с почти фанатическим порывом, не знаящим преград, то, что считал своим религиозным долгом, даже если он при этом рисковал проиграть войну и лишиться короны. А проведение реституции должно было казаться ему, как представителю великой державы и как защитнику «веры», абсолютной необходимостью.

Объявление эдикта о реституции и начало его осуществления произвели на немецких протестантских князей такое же впечатление, как появление лисы — на обитателей курятника. Правла, дво-

ряне не объявили Фердинанду войны; как показали дальнейшие события, они не имели ни малейшего желания сами вести свои войны и скорее придерживались того мнения, что эту неприятную операцию должны выполнять за них другие народы. Но из всех столиц немецких протестантских княжеств в Швецию поскакали гонцы, заверявшие Густава Адольфа, что протестантизм подвергается смертельной опасности и что пришел самый подходящий момент выступить на его защиту. Попутно, по старой привычке, они предлагали шведскому королю союзы и договоры о помощи, которые они впоследствии, также по старой привычке, нарушили.

Густав Адольф, будучи протестантом, был убежден в том, что именно на него возложена миссия «защитника веры» (Фердинанд точно так же считал себя защитником католиков) и связывал с этой миссией представление о политической власти; он не заставил себя долго упрашивать. В 1630 г. он высадился со своей армией в Северной Германии.

Между тем возникли первые глубокие расхождения между Валленштейном и Фердинандом; причиной их послужил эдикт о реституции. Военные операции Валленштейна преследовали ту же цель, что и политические действия Фердинанда: путем умиротворения и изоляции Германии сделать невозможной высадку Густава Адольфа и ведение войны в Центральной Европе. Валленштейн ставил своей задачей занять побережье Балтийского моря и путем создания сильного австрийского или связанного союзом с Австрией пограничного княжества — Фридландского княжества — под его собственным управлением — обеспечить военную защиту этого побережья. То, что Валленштейн между прочим лелеял фантастический план создания единой немецкой империи под властью Фердинанда («властью, мягкой по отношению к населению своей страны и суровой по отношению к другим странам»), империи, в которой Фердинанд играл бы нечто вроде роли французского короля, а сам он — роли Ришелье, не противоречит его плану укрепления побережья Балтийского моря. Этот план был смелым и оригинальным, но неосуществимым, в особенности в то время, когда армии в течение ряда месяцев вели свои операции на расстоянии сотен миль от своей территории и становились совершенно самостоятельными в своих действиях.

План Валленштейна разбился о военное сопротивление некоторых крепостей на побережье Балтийского моря, в особенности Штральзунда, выдержавших все атаки войск Валленштейна. В то время крепости брали измором — длительной осадой, в ожидании того, когда у осажденных выйдут все запасы продовольствия и снаряжения. Поэтому под стенами крепости, расположенной на берегу моря и, следовательно, имевшей возможность получать подкрепление с моря, осаждающие, если они не осуществляли одновременно морской блокады, могли стоять вплоть до «страци-

ного суда». Для испанских генералов, обладавших одинаковым опытом в ведении как морских, так и сухопутных войн, проблема взятия Штральзунда не представляла бы никаких трудностей; но Валленштейн, при всех своих способностях, оказался беспомощным в ведении морской войны. Поход к Балтийскому морю потерпел фиаско.

Естественно, что Валленштейн попытался свалить ответственность за провал своих планов на других. Он с негодованием заявил Фердинанду, что главной причиной неудачи был эдикт о реституции и что протестантские города на побережье Балтийского моря и князья пограничных областей были спровоцированы на фанатическое сопротивление, которое и послужило причиной того, что крепости выдержали осаду. В заключение он потребовал немедленной отмены эдикта.

Фердинанд ответил Валленштейну посланием, которое, если отбросить игру в вежливость, характерную для корреспонденции того времени, граничило с вызовом; Фердинанд заявил, что Валленштейн должен заниматься ведением войны, а политику предоставить ему, Фердинанду. Но это послание не разрешило вопроса и не удовлетворило ни полководца, ни императора.

Не вполне ясно, что произошло в последующие месяцы. Трудно сказать определенно, начал ли Валленштейн уже тогда переговоры с немецкой протестантской коалицией и получил ли от нее какие-нибудь гарантии на тот случай, если он сам осуществит отмену эдикта о реституции, или же эти сведения были просто выдуманы баварским двором и сообщены Фердинанду с целью устранить таким путем ненавистного военачальника.

Как бы то ни было, Валленштейн был не такой человек, чтобы изменить свое решение из-за отказа императора выполнить его требования. Он продолжал метать громы и молнии против эдикта о реституции и все более открыто требовал компромисса с немецкими протестантами. Фердинанд, со своей стороны, тоже не мог долго терпеть такое поведение. Если существовало на свете что-нибудь, что действовало бы на него как красный лоскут на быка, то это были советы вмешивающихся в политику командиров армий, особенно, если они рекомендовали примириться с протестантами. То обстоятельство, что Валленштейн только что потерпел неудачу в важном походе, отнюдь не способствовало смягчению императора. В 1630 г. Валленштейн был смещен, и ему было предложено удалиться в свои владения. Несколько месяцев спустя в Померании высадился Густав Адольф.

Высадка шведской армии резко изменила соотношение военных сил. Впервые за все время войны в Германии происходило нечто вроде широкого и более или менее единого движения за военное и политическое объединение всех немецких протестантов под руководством Густава Адольфа. Протестантские города, видевшие в

Густаве Адольфе своего вождя, первыми призвали князей заключить с шведским королем союз против императора и освободить немецкие земли от чужеземного господства Габсбургов. Впервые после 1525 г. крестьяне начинают, вначале робко, проявлять интерес к политическим вопросам; в первые два года шведского похода среди добровольцев, вступавших в шведскую армию, имелись и небольшие крестьянские отряды. Но ни давление общественного мнения, ни тот факт, что немецким княжествам в первый и последний раз представлялась возможность хотя бы с помощью иностранной державы объединиться в целостное государство, не внесли существенных изменений в характер немецких князей и в их политику. Они как были, так и остались интриганами, ненадежными союзниками; они упустили эту единственную в своем роде возможность, не использовав ее. Но все-таки в начале похода шведов через Германию стало устанавливаться некое подобие контакта в политике правителей Швеции и протестантских земель, и протестантские князья сделались немного активнее, чем в предшествующие годы. Через несколько месяцев после высадки шведов протестантские князья выпустили манифест, в котором они призывали к созданию протестантской конвенции. Вскоре эта конвенция была создана; от ее имени императору было послано требование отмены эдикта о реституции и вывода его войск из Германии. Это требование, подписанное Саксонией, Бранденбургом, Ангальтом, Баденом, Гессеном, Брауншвейгом, Лüneбургом, Вюртембергом, Мекленбургом и многими свободными городами, фактически было объявлением войны Фердинанду. Наконец в 1633 г., уже после смерти Густава Адольфа, был заключен Гейльбронский союз между Швецией, Францией и протестантскими князьями.

Но и являясь участниками этого соглашения, немецкие князья продолжали оставаться лишь временными попутчиками, присоединившимися к соглашению и отказывавшимися от него, когда им вздумается. Они запрашивали слишком большую цену за каждую политическую и военную услугу, которой от них требовали. Коалиция была настолько непрочной, что два года спустя, по Пражскому миру, большая часть немецких князей перешла на сторону Фердинанда. Письма, которыми обменивались в период между 1630 и 1632 гг. Густав Адольф и его канцлер Оксеншерн, содержат немало недружелюбных характеристик немецких союзников Швеции.

Но и это весьма непрочное объединение, не способное радикально изменить положение в Германии, своим существованием уже делало ситуацию крайне опасной для Фердинанда. Сравнительно невинная война, целью которой было нейтрализовать или обезвредить немецких протестантов, своего рода карательная экспедиция, которая могла привести к колоссальному увеличению

территории, внезапно превратилась в войну за самое существование австрийского государства, за сохранение династии Габсбургов. Если Фердинанд когда-то серьезно помышлял о завоевании Германии и о присоединении немецких земель к землям габсбургской короны, то теперь ему пришлось выбросить из головы эти мечты. Густав Адольф «перечеркнул» план создания Габсбургского государства, простирающегося на юге до Средиземного моря, на севере — до Балтийского, — государства, которое явилось бы игрушкой в руках, если не Фердинанда, то, во всяком случае, Валленштейна. Теперь борьба велась не на жизнь, а на смерть. Густав Адольф открыто объявил о своем намерении взять Вену и низложить Габсбургов. Впервые после 1620 г. война снова была перенесена на императорские земли, так что даже собственно австрийские земли, до того почти не пострадавшие от войны, оказались в непосредственной близости к фронту. В 1631 г. курфюрст саксонский Иоганн Георг атаковал Лаузиц, в то время как войска Густава Адольфа осадили Прагу. В завоеванных шведами и протестантами чешских и моравских землях изгнанным чешским дворянам были частично возвращены их прежние владения.

Высадка Густава Адольфа имела еще один результат. Она побудила вступить в войну Францию, которая до того времени играла роль подстрекателя, подталкивая немецких протестантов к борьбе, но сама предпочитала оставаться в тени. В 1631 г. был заключен тайный договор о взаимной помощи между Францией и Швецией. Присоединиться к этому договору было предложено и протестантским князьям. Но несмотря на договор, Франция объявила войну Фердинанду только в 1635 г.; до того времени франко-шведский союз фактически не был осуществлен из-за соперничества между Францией и Швецией за приоритет в союзе. Густав Адольф, а после его смерти Оксеншерна пытались поставить Францию в такое положение, чтобы, получив от нее максимум военной помощи, свести ее политическое влияние к минимуму. Франция пыталась проводить ту же политику по отношению к Швеции. Лишь через некоторое время после смерти Густава Адольфа и последовавшего затем ослабления Швеции, Ришелье удалось в конце концов сделаться фактическим руководителем коалиции.

Выступление Франции и связанной с ней Голландии почти автоматически повлекло за собой вступление в 1635 г. в войну и Испании. Таким образом, участие в войне Швеции превратило Тридцатилетнюю войну в открытую общеевропейскую войну. В этой войне великих держав малые государства оказались как бы между двумя мельничными жерновами. С 1631 г. и тем более с 1635 г. у них почти совсем не было возможности выйти из войны и сохранить нейтралитет. Воюющие стороны без всякого стеснения переносили борьбу на территорию нейтральных государств,

если они находили это нужным, или размещали там свои войска— эту страшную саранчу (с 1632 г. наемные армии вели войну все более самочинно и контролировать действия этих армий было почти невозможно). Поэтому для каждого нейтрального государства было все же лучше включиться в войну; в этом случае оно могло, по крайней мере, препятствовать с помощью оружия наиболее злостным бесчинствам войск на своей территории и время от времени предъявлять своим союзникам требования о возмещении убытков, в то время как если бы оно занимало нейтральную позицию, обе воюющие стороны не обращали бы на его жалобы никакого внимания.

С 1630 г. стало ясно, что локализовать войну было уже невозможно. Ее нужно было теперь вести или до поражения одной из великих держав или до полного истощения всех противников.

Шведская армия, пройдя через всю Германию, вступила в бой с войсками Австрии и Баварии, которыми командовали Тилли и Паппенгейм. Верховному командованию, находившемуся теперь преимущественно в руках Баварии, не удалось оказать серьезного сопротивления натиску шведов. Баварско-императорские войска лишь несколько приостановили продвижение врага, понеся при этом колоссальные потери, но шведы все более теснили их и изматывали в тяжелых битвах.

После того как императорские войска потерпели тяжелое поражение при Брейтенфельде, Фердинанду поневоле пришлось снова обратиться за помощью к смещенному Валленштейну. Каковы бы ни были его политические разногласия с Валленштейном, это был все же единственный человек, способный вести борьбу со шведами. Бавария, которая ненавидела и боялась Валленштейна как чумы — не столько потому, что она не доверяла ему в политическом отношении, сколько потому, что с его назначением политическое и военное руководство войной переходило в руки Австрии, — вынуждена была сделать хорошую мину при плохой игре. Время соперничества и маневрирования с целью захвата более выгодных позиций миновало, борьба велась за самое существование.

Валленштейн помедлил некоторое время с ответом, заставив себя упрашивать. Затем он предъявил такие тяжелые условия, что Фердинанд вначале их отклонил. Среди других условий он предъявил требование предоставить ему право полного и неограниченного контроля над армией, которая должна была подчиняться ему фактически, а императору только формально, предоставления ему права самостоятельно вести переговоры о мире и отстранения Испании от участия в решении политических и военных вопросов (Испания, так же как и Фердинанд, наиболее резко выступила против всяких компромиссов с протестантами и всегда поддерживала политику Фердинанда, девизом которого было «все или ни-

чего»). Кроме того Валленштейн потребовал, чтобы на содержание армии в его распоряжение были переданы все доходы Чехии.

Принятие политических условий Валленштейна означало образование в государстве Габсбургов двоевластия, причем положение Валленштейна, которому принадлежал неограниченный контроль над армией, было гораздо прочнее, чем положение императора. Но Густав Адольф уже перешел Лех и двигался к Вене. Фердинанду пришлось уступить. Требования Валленштейна были удовлетворены, он принял верховное командование армией и сразу же на доходы от своего Фридландского герцогства набрал новую армию.

В военном отношении Валленштейн выполнил свои обязательства, и сделал даже больше того. В день, когда он принял командование и начал поход со своими армиями, продолжающееся отступление императорских войск, которое, казалось, нельзя было приостановить, прекратилось. Войска Валленштейна наступали на Германию с севера (из Фридланда) и с юго-востока. Полгода спустя произошло одно из крупнейших сражений этой войны — сражение при Лютцене. Само по себе сражение при Лютцене, в котором обе стороны понесли огромные потери, не имело решающего исхода. Если кто-нибудь и одержал победу, так это шведы, которые сохранили свои позиции на поле битвы, в то время как войска Валленштейна в конце концов отступили, хотя и в полном порядке и без серьезных материальных потерь. Но в этой битве Швеция потеряла цвет своей армии, ее ядро — шведских ветеранов. Это было еще не все — в битве при Лютцене погиб Густав Адольф. В разгар сражения король был сбит с лошади; только поздно ночью офицеры разыскали его труп под грудой убитых и раненых.

После битвы при Лютцене шведская армия была уже не той, что прежде. Лишенная своего командира, потерявшая тысячи солдат, сражавшихся не ради добычи и приключений, но за «справедливое» дело, пополненная теперь иноземными отрядами, она превратилась в наемную армию, ничем уже не отличавшуюся от всех прочих. Но время наемных армий миновало. В эпоху формирования наций армия ландскнехтов, не имевшая отечества, одинаково хорошо (или одинаково плохо) служившая любому господину, который ее оплачивал, не имела уже никаких оправданий для дальнейшего существования. Во всех странах уже начали формироваться первые отряды постоянных войск, которым предстояло заменить ее.

Как и все исторически преходящие институты, наемная армия разлагалась и отравляла все, что вступало с ней в соприкосновение. Этой участи не избегла и шведская армия. Войско шведов постепенно превращалось в банду разнузданных разбойников, которые, будучи отрезанными от своих продовольственных баз, поддерживали свое существование на чужой территории грабежами

и убийствами. Слово «швед», которое когда-то звучало для пораженных крестьян Германии и Чехии как символ свободы и восстановления человеческого достоинства, теперь вызывало воспоминания об ужасах и смерти и, являясь синонимом насилия и пыток, именно в этом понимании вошло во все песни и рассказы о Тридцатилетней войне. В других наемных армиях также совершался процесс постепенной деморализации, но нигде он не проявлялся так резко, как у шведов.

Тем не менее шведы все еще были сильным противником. Лишь в 1635 г. объединенные испанская и австрийская армии под командованием Фердинанда III и кардинал-инфанта Испании смогли нанести шведской армии решающее поражение в битве при Нёрдлингене. В этой битве впервые новая испанская пехота ринулась в атаку с кличем «*Viva España!*» («Да здравствует Испания!»), и не случайно в этой битве верховное командование на поле сражения принадлежало уже не руководителям ландскнехтов, но представителям правящей династии. Разумеется, военный успех был не их заслугой, или, во всяком случае, не только их заслугой.

Даже после битвы при Нёрдлингене шведская армия оставалась еще серьезной военной силой. С 1641 г. шведские войска, которыми теперь командовал Торстенсон, угрожали внутренним районам Австрии; заключение Вестфальского мира произошло в момент, когда Праге серьезно угрожали шведские отряды. После 1635 г. главную опасность для императорских армий представляли уже не шведы, а армии новой, абсолютистской Франции под командованием Гебриана и Тюренна.

После битвы при Лютцене произошло именно то, чего опасался Фердинанд и что предсказывали испанцы: Валленштейн постепенно стал центром, вокруг которого группировались все политические силы Австрии. Весьма вероятно, что конфликт возник в результате борьбы между двумя политическими концепциями. Валленштейн все еще не отказался от плана создать, путем примирения с немецкими князьями и включения всей Германии в сферу влияния династии, Германскую империю, борющуюся против Швеции, Франции и Испании. Когда Фердинанд категорически отверг этот план и под угрозой немедленной отставки запретил Валленштейну предпринимать какие бы то ни было попытки в этом направлении, Валленштейн, повидимому, пришел к заключению, что он должен все-таки осуществить свой план — если не с императором, то без него и против него. Первым условием для достижения этой цели было привлечение на свою сторону союзников, так как даже при наличии Фридрихсбургского герцогства и собственной армии Валленштейн не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы пойти на конфликт с могущественной Габсбургской династией. Поэтому Валленштейн постепенно начал завязывать переговоры с противной стороной — сначала с Турном

и другими чешскими изгнанниками, затем с некоторыми немецкими князьями (в особенности с курфюрстом Саксонским), с Швецией и, наконец, с Францией. Переговоры тянулись довольно долго. Ришелье был непрочь использовать Валленштейна в своих целях, однако он не собирался давать ему определенных гарантий. В конце концов какое-то соглашение было достигнуто. Помощник Валленштейна Трчка написал руководителю чешского дворянства в Дрездене Кинскому, что Валленштейн готов заключить мир с Францией, Швецией и Саксонией. Валленштейн говорил в это время всем, кто хотел его слушать, что наконец «пришло время сбросить маски и действовать открыто». Затем он вдруг начал облагать императорские земли тяжелыми военными контрибуциями и расквартировал на этих землях некоторые из своих отборных наемных отрядов, предоставив им право добывать продовольствие реквизициями. Ответом на это была новая угроза императора сместить Валленштейна, но Валленштейн уже готовил восстание армии. Он сформировал штаб из преданных ему офицеров, заставил некоторых полковников принести ему присягу и назначил начало восстания на 20 февраля 1634 г. Валленштейн рассчитывал, что созданная им армия единодушно выступит на его стороне, но произошло нечто совершенно неожиданное: в день, когда должно было начаться восстание, офицеры его армии заявили, что они будут поддерживать его лишь в том случае, если он даст обязательство ничего не предпринимать против императора. Валленштейн отказался дать такое обязательство, и восемь дней спустя почти вся армия выразила свою лойальность Фердинанду.

Валленштейн остался почти один. В Эгере, куда он отступил с несколькими своими сторонниками, в числе которых были Трчка и Кинский, он в течение нескольких недель пытался вести переговоры с офицерским корпусом и отправил посланцев в Дрезден и к французам. Но Ришелье молчал — Франция уже не интересовалась мятежником, потерпевшим неудачу. Между тем были смещены со своих постов и арестованы немногочисленные офицеры, высказавшиеся 27 февраля за Валленштейна. Наконец 24 марта пришла очередь Валленштейна. По поручению императора, в замок Валленштейна ворвались три шотландских офицера, заявили ему, что он приговорен к смерти за предательство, и тут же закололи его и его соучастников.

Смерть Валленштейна символизировала конец самостийности феодального высшего дворянства Австрии. С этим человеком, который был одновременно первым полководцем и последним дворянским кондотьером, умерло то время, когда князья и военачальники проводили свою, самочинную политику, то есть сами заключали союзы, сами вели войны. В последующие годы военачальники были уже неотъемлемым элементом аппарата нового абсолютистского государства, его вооруженной рукой, проводни-

ками его политики. После заговора Валленштейна уже не было ни одного княжеского заговора.

Между тем война продолжалась. После 1635 г. это была война почти исключительно между шведско-французской и испано-австрийской коалициями; в этой войне, которая велась в основном на Рейне, на Дунае и в горных проходах, соединяющих Швейцарию с Италией, немецкие князья попрежнему, и даже в еще большей степени, играли роль простых статистов. Пражский мир 1635 г. отразил указанную выше ситуацию. Согласно условиям этого мира, Австрия сделала ряд уступок немецким князьям. Одной из этих уступок была отмена эдикта о реституции, другой — амнистия всем немецким князьям, участвовавшим в коалиции против Фердинанда, всем, за исключением Фридриха Пфальцского. Зато Австрии удалось расколоть и без того уже не особенно прочный союз немецких князей со Швецией и Францией. Часть немецких князей перешла на сторону Габсбургов. Бавария окончательно утратила свое привилегированное положение в коалиции императора. Ей самой грозила опасность со стороны Франции. Теперь, превратившись в такое же немецкое княжество, как и все прочие, Бавария была вынуждена продолжать без всякого вознаграждения борьбу на стороне Австрии в роли ее телохранителя.

Пражский мир знаменует также начало новой политики — реалистической политики сына и преемника Фердинанда II, будущего императора Фердинанда III, которая была в то же время последовательным продолжением политики Фердинанда в условиях нового соотношения сил в Европе.

Фердинанд II умер в 1637 г., вскоре после того, как его сын и наследник получил титул германского императора — титул, превратившийся теперь в пустой символ. Но уже начиная с 1635 г. руководство австрийской политикой перешло в руки Фердинанда III.

Фердинанд III, как и Рудольф II, был одним из тех «интеллигентов», для которых книги, музыка, коллекционирование картин и скульптур и занятие естественными науками представляли гораздо больший интерес, чем политика. Но в отличие от Рудольфа II, Фердинанд III наряду со своими увлечениями в области искусства сохранял интерес к политической деятельности и обладал дипломатическими способностями, глубоким чувством реального. Как и Фердинанд II, он был проводником династической политики, лишённой, однако, всяких сентиментальных и религиозных прикрас.

Война, начавшаяся, по крайней мере внешне, как война религиозная, давно уже утратила этот характер в глазах всей Европы. Почти все участники этой войны, почти все современники уже забыли, что когда-то борьба велась вокруг проблемы — «ка-

толицизм или протестантизм», вокруг вопроса о церковных владениях и т. д. В рамках государств, участвовавших в войне, уже начали развиваться нации, и именно эти новые нации, самый факт их существования наложил свой отпечаток на борьбу за господство в Европе.

Пражским договором Фердинанд III весьма недвусмысленно разрешил один вопрос — вопрос об отношении Австрии к Германии. Издав эдикт о реституции, борясь против немецких князей и в то же время стараясь привлечь их на свою сторону, Фердинанд II пытался оказывать влияние на положение в Германии. Фердинанд III положил конец этим попыткам. Отказ от эдикта о реституции означал прекращение борьбы за восстановление католицизма в Германии; амнистия протестантам означала отказ Австрии от вмешательства во внутренние дела Германии. В Праге представителем Франции было сделано предложение Габсбургам купить ценой отказа от Эльзаса согласие Франции на проведение в Германии эдикта о реституции. Фердинанд II, который, несмотря на всю свою династическую политику, все же был еще «защитником» веры, хотел принять это предложение. Фердинанд III категорически его отверг. Ради изменения соотношения сил в Германии не стоило, по его мнению, уступать ни одного клочка территории Габсбургов. Его политика преследовала только одну цель: укрепление и расширение государства Габсбургов. Его отношения с Германией ограничивались заключением антифранцузского союза с частью коалиции немецких князей; за этот союз было заплачено амнистией и отказом от эдикта о реституции.

Эта реалистическая черта сквозит и в других политических действиях Фердинанда III. Создание постоянного войска, зависящего только от династии и являющегося частью нового государственного аппарата, он считал одной из своих важнейших задач — настолько важной, что он начал заниматься перестройкой армии в разгар военных действий, и даже настолько важной, что право Австрии сформировать и содержать постоянную армию специально обсуждалось на конгрессе, на котором был заключен Вестфальский мир (все участвовавшие в конгрессе державы приняли это по тому времени весьма необычное требование). По окончании войны Австрия была первой страной, обладавшей постоянным войском; уже в 1649 г. она выставила постоянную армию, состоящую из 63 подразделений, «верховным главнокомандующим» которой был император. Еще во время войны Фердинанд создал нормально функционировавшую почтовую службу, после же окончания военных действий уже существовало регулярное почтовое и пассажирское сообщение между Австрией и Нидерландами.

С самого начала своего правления Фердинанд III упорно и планомерно стремился к окончанию войны — не столько из-за миролюбия, сколько опять-таки в силу реалистических сообра-

жений. К 1637 г. обнаружилось то, что в 1630 г. было еще незаметно, а именно, что разногласия между Францией и Австрией не могут быть ликвидированы даже после поражения одной из сторон. Ни одна из этих двух держав не была уже настолько сильна, чтобы нанести другой окончательное поражение, но в то же время ни одна из них не была и настолько слабой, чтобы ее можно было разгромить. Как для Франции, так и для Австрии продолжение войны было, в сущности, бесполезной тратой времени; оно стоило тяжелых денежных и людских жертв и не могло принести успеха. Обе стороны с большим успехом могли употребить силы, которые сохранились бы у них в связи с прекращением войны, для других целей — Франция для того, чтобы раз навсегда кончить борьбу за власть с ослабленной Испанией, Австрия — для того, чтобы наконец энергично повести борьбу против турок. Фердинанд III, которого из-за его политики по отношению к церкви (он решительно, хотя и незаметно, подчинил церковь государству) называют отцом «жозефинизма», был и в проведении внешней политики, в известном смысле, отцом «жозефинизма». Он первый из Габсбургов серьезно начал ставить вопрос, не будет ли для Австрии выгоднее приобретать новые земли не на западе, а на востоке, за счет турок, и намеревался осуществить это в прочном союзе с Россией.

Чтобы заключить мир, Австрии было необходимо разорвать союз с Испанией — страной, которая постепенно превратилась из помощницы в обузу. Фердинанд III был почти готов на это. Но начать войну было легче, чем ее закончить.

Неофициальные предварительные переговоры о мире начались в 1640 г., официальные — в 1642 г. Но прошло целых шесть лет (до 1648 г.), пока оказалось возможным распутать сложный клубок взаимно переплетающихся интересов и противоречий в борьбе за власть, пока все немецкие и другие князья были удовлетворены или устранены, пока удалось хотя бы до некоторой степени обуздать сделавшиеся совершенно самостоятельными, не подчинявшиеся уже никакому контролю армии ландскнехтов, для которых продолжение войны было вопросом о самом существовании каждого отдельного солдата и офицера.

Условия мирного договора, который был, наконец, подписан 9 ноября 1648 г., отражали незначительное изменение соотношения сил в пользу Франции и, соответственно, незначительное ухудшение позиций Габсбургов. Но решающих изменений не произошло; можно было бы сказать, что исход войны был почти неопределенным. Франция получила часть Эльзаса, а также Мец, Туль и Верден и уплатила за это Фердинанду выкуп в размере 3 млн. ливров. Швеция получила северные провинции Бранденбурга и другие области на побережье Балтийского моря. Были проведены также более медкие территориальные изменения в Швейцарии и

в Северной Италии. За исключением этих изменений, в Европе был сохранен статус-кво.

Действительно радикальные изменения внес Вестфальский мир в положение Германии, хотя и здесь было лишь санкционировано договором уже существовавшее ранее положение. Наряду с повторением некоторых пунктов Пражского мира — отменой эдикта о реституции и амнистией, распространившейся на этот раз и на князей Пфальца, — мирный договор содержал условие, по которому каждое германское государство, каждый свободный город могли в будущем самостоятельно заключать союзы, вести войны и проводить совершенно независимую политику. Это положение фактически существовало уже с начала войны и даже еще ранее, но теперь этот пункт Вестфальского мира означал и официальную ликвидацию «Священной римской империи» и тем самым официальное подтверждение того, что процесс развития германской нации временно приостановлен. С 1648 г. Германия состояла более чем из 300 самостоятельных государств, входивших в десятки различных коалиций и объединений.

Война закончилась в момент, когда все участвовавшие в ней государства фактически были уже слишком истощены, чтобы продолжать дальнейшую борьбу. Но ни одно из них не хотело в этом признаться, чтобы не ослабить свою позицию во время мирных переговоров. Поэтому делегации всех государств, чтобы продемонстрировать свое богатство и свою боеспособность, прибыли на конгресс с особой пышностью. Представители обескровленных стран соперничали друг с другом, желая показать, что ни одна из стран не уступает другой в богатстве. Делегаты прибыли на самых породистых лошадях, в украшенных драгоценностями каретах, со свитой, въезд которой в город занял более часа. В то время как в разоренных и разграбленных странах свирепствовали эпидемии, в то время как люди питались соломой и тысячи людей ежедневно умирали с голоду, из фонтанов Оснабрюка, где заседал конгресс, целые ночи било вино, каждый вечер устраивался фейерверк и для угощения жителей жарили на вертеле огромные бычьи туши.

Война окончилась там же, где и началась, — в Праге. Она окончилась совершенно своеобразно. Город, который 30 лет назад подал своим восстанием сигнал к войне и почти без колебаний связал свою судьбу с судьбой протестантской коалиции, теперь, в героической, продолжавшейся несколько месяцев борьбе, сдерживал натиск шведской армии под Кенигсмарком. Гарнизон был мал и не мог одними своими силами остановить продвижение шведов. Но против шведов выступили пражские горожане — студенты, священники, ремесленники. Враг продвинулся до моста Карлсбрюке, где его наступление было приостановлено на три недели. Борьба шла на улицах, на площадях, каждый дом превра-

тился в крепость. К концу ноября 1648 г. — месяца, в течение которого было пролито столько крови, — в Праге уже не стало продовольствия и кончились боеприпасы. Тем не менее население города ответило отказом на предложение о капитуляции, предпочитая умереть, чем сдаться шведам. Несколько дней спустя через ряды сражающихся проскакал почти до самых баррикад на мосту Карлсбрюке гонец, который нес друзьям и врагам весть о заключении мира.

Так Прага избежала полного разрушения, которое ей грозило от шведов. Но другие города и села Чехии, Моравии, Силезии лежали в развалинах. В этих областях было разрушено более двух тысяч деревень, более трехсот городов. Развитие горного дела почти прекратилось — отчасти из-за разрушения рудников, отчасти попросту из-за нехватки рабочих рук; остальные отрасли производства также понесли тяжелый ущерб. Те крестьяне, хозяйства которых не были разграблены или уничтожены во время военных действий, превратились в нищих после взыскания с них колоссальных военных контрибуций, которыми их облагали в равной мере как свои, так и чужие. Точно не установлено, как велика была убыль населения. В настоящее время исследователи считают приводившуюся ранее цифру — 75 процентов — сильно преувеличенной. Эти данные основываются либо на оценках современников, либо на цифрах, выдвигавшихся представителями отдельных держав во время мирных переговоров, когда, разумеется, каждая держава преувеличивала свои потери, чтобы получить большее денежное или территориальное возмещение. В настоящее время считают, что Чехия потеряла 25—30 процентов своего населения; уже и эта цифра очень высока. Лишь часть этих потерь составляли убитые и эмигранты; большинство умерло от эпидемий холеры, тифа, чумы, следовавших за войсками неотлучно, как тени.

Жителям, лишившимся всего своего имущества, ничего не оставалось, как либо также становиться ландскнехтами, либо под каким-нибудь иным предлогом присоединиться к войскам (в конце войны такие попутчики составляли до 60 процентов наемных армий), либо заниматься грабежом. В некоторых округах всеобщее обнищание было так велико, что даже чиновники организовывали разбойничьи шайки.

Германские земли были еще более разорены, чем чешские; здесь также больше всего жертв было от эпидемий и голода. Но Германия сильнее, чем от разрушений, пострадала от другого следствия войны, в значительной степени вызванного непосредственно ею самой. Война, или, вернее, образовавшиеся в ходе войны группировки, усилили существовавшие в Германии тенденции к децентрализации, завершили процесс распада Германии на 300 различных самостоятельных княжеств. В 1648 г. была утра-

чена на столетия последняя надежда на то, что будет образовано национальное германское государство.

В корне отличным было положение в странах, где Тридцатилетней войне предшествовала борьба за внутреннюю консолидацию, за подавление фронды и ликвидацию феодальной знати, то есть в первую очередь во Франции и в Австрии. В этих странах война окончилась полной победой абсолютизма, уничтожением его врагов. Несмотря на все потери, несмотря на большое истощение всех материальных ресурсов, эти страны вышли из войны как прочные, окрепшие государства, как великие державы Европы. В абсолютистских странах ускорился процесс формирования наций. Во Франции, Швеции, Испании в это время впервые прозвучало слово «родина».

Австрия — вернее, австрийские наследственные земли, составлявшие ядро Австрии, — гораздо менее пострадала от Тридцатилетней войны, чем германские земли или Чехия и Моравия. Это видно из сравнительной таблицы военных разрушений, взятой из шведских архивов. Таблица приводит число разоренных замков, городов и деревень в отдельных странах.

Страна	Города	Деревни	Замки
Мекленбург—Шверин	307	2041	203
Епископства Кёльнское и Майнцское	205	2033	327
Силезия	36	1095	118
Моравия	22	333	65
Чехия	80	813	215
Австрия	23	313	51

В период с 1618 по 1648 г. Австрия также переживала тяжелый кризис. За это время было несколько вспышек эпидемий чумы, пережито несколько страшных голодовок. Один за другим последовали четыре неурожайных года (1624—1628 гг.); голод был так велик, что в некоторых областях люди мололи и употребляли вместо муки стебли бобов.

В отдельных частях страны, в частности в Вене, были тяжелые кризисы, сопровождавшиеся безработицей, упадком целых отраслей ремесла, а также голодовками. «Инфляция», которая в то время достигла особой остроты, и так называемая «каллада» (девальвация) также тяжело отразилась на положении многих австрийцев, в особенности ремесленников. Но в целом бедственное положение в Австрии было вызвано в большей степени кризисом переходного времени, чем войной. Важнейшие отрасли промышленности сохранились, а некоторые наиболее важные, как, например, добыча железной руды, находились в стадии бурного

развития. Численность населения в Австрии не только не снизилась за годы войны, но даже немного возросла.

То, что Австрия сравнительно мало пострадала от войны, не было случайностью. Стремление вести войну подальше от своих наследных владений было, по вполне понятным причинам, аксиомой политики Габсбургов. Ради этого они шли на многие политические жертвы, например, поддерживали союз с Баварией даже в то время, когда недальновидным людям казалось, что этот союз приносит больше вреда, чем пользы. Когда в 1642—1645 гг. война все же перекинулась на австрийскую территорию, это было для Фердинанда III решающим обстоятельством, побудившим его начать мирные переговоры; быть может, это и послужило главной причиной того, что Испания была оставлена на произвол судьбы.

Примером того, насколько «далеки от войны» были венцы, жившие как бы на мирном острове среди бушующего моря войны, которое представляло собой Европа, служит их поведение в 1645 г., когда шведы прорвались у Янкау и начали наступление на Кремс. Жители Вены не имели ни малейшего представления о силе врага, или, вернее, имели о ней совершенно ложное представление. Они заявляли во всеулышание, что шведы — просто-напросто «оборванные нищие, к которым присоединилось несколько немецких мятежников», и что их легко могут прогнать несколько отрядов императорских солдат. Когда «оборванные нищие» перешли австрийскую границу, взяли Кремс и начали двигаться к Вене, необоснованно преувеличенный оптимизм венцев сменился столь же преувеличенной паникой. Началось массовое бегство из Вены, принявшее такие масштабы, что магистрату пришлось запретить выезд из города лиц мужского пола в возрасте от 16 до 60 лет. В конце концов Вена все же выставила гражданское ополчение в 5 тыс. человек, к которому присоединились добровольческие отряды студентов. Эти подразделения действительно выступили против авангарда шведских войск и, ко всеобщему удивлению, сражались совсем неплохо. Продвижение шведской основной армии было окончательно остановлено у Брюнна.

Как и в других абсолютистских странах, в Австрии в первой половине XVII в. впервые появляется понятие «родина». В это время люди впервые стали воспринимать слово «Австрия», как нечто имеющее к ним непосредственное отношение. Некоторые проявления патриотизма существовали и раньше, но это был патриотизм отдельных городов и провинций, чувство принадлежности к Тиролю, Вене, Каринтии, чувство, сохранявшееся еще долго и нередко вступавшее в противоречие с сознанием принадлежности ко всей стране — Австрии. Но в период с 1600 по 1650 г. люди впервые заговорили об Австрии, как о своей родине.

Первое проявление австрийского патриотизма имело место не в рамках существующего государства и проводимых им военных.

и политических мероприятий, как это было в Испании и во Франции, и не в ходе могучей революции, изменившей всю структуру общества и государства, как это было в Англии Кромвеля. Восставшие австрийские крестьяне явились первыми патриотами своей родины. Стефан Фадингер, вожди и ораторы великого крестьянского парламента, чьи имена давно забыты, горожане Верхней Австрии, заключившие союз с крестьянами, — вот первые патриоты Австрии. Словами, в которых впервые была выражена любовь к родине, являются строки народной песни: «О, милосердный боже... освободи нас от Баварии, нужды и тирании...»

Восстание Фадингера

Причины восстания Фадингера нужно искать в господстве чужеземцев, то есть баварцев (выражение «господство чужеземцев» появляется здесь, пожалуй, впервые в истории Австрии), и связанном с ним угнетении, ограблении, а главное — в отмене Баварией местного самоуправления и, наконец, в контрреформации, осуществлявшейся баварскими властями и воспринимавшейся крестьянами также как одно из проявлений гнета со стороны Баварии.

Одной из самых удивительных особенностей восстания Фадингера было отношение его участников к императору. Несмотря на то, что борьба крестьян была направлена также и против контрреформации, а Фердинанд II был хорошо известен в австрийских землях как поборник контрреформации, крестьяне сделали все, что было в их силах, чтобы сохранить хорошие отношения с императором, дать понять ему, что восстание направлено не против него или его политики, и сделать его своим союзником. Попытки некоторых исследователей объяснить эти действия «наивностью крестьян, слепо веривших в доброго императора в Вене», просто смехотворны. Ни Фадингер, ни представители буржуазного крыла движения не были витающими в облаках мечтателями или примитивными бунтарями; они объездили всю Европу, накопили немалый политический опыт и сумели блестяще организовать восстание в политическом и военном отношении, так что баварцы терпели одно поражение за другим и фактически были вынуждены вернуть землю Австрии. Эти народные вожди были политиками крупного масштаба, и если они так ясно и открыто, ценой огромных жертв добивались союза с Фердинандом, то это было потому, что они ясно отдавали себе отчет в том, что несмотря на контрреформацию у них были с Фердинандом общие интересы в решающих политических вопросах¹.

¹ Вернее будет сказать, что вожди восстания отдавали себе отчет в том, что в борьбе против Баварии и чужеземцев они могут использовать помощь Фердинанда, поскольку изгнание баварцев из Верхней Австрии отвечало и его интересам. — *Прим. ред.*

Верхняя Австрия была отдана Фердинандом в залог Баварии за оказанную ею помощь в 1618—1620 гг. Фердинанд с неохотой и внутренним протестом сделал это, но он нуждался в Баварии и не имел возможности оплатить ее военную помощь звонкой монетой. Он хотел выкупить Верхнюю Австрию как можно скорее, но баварский герцог Максимилиан, со своей стороны, старался сделать все, чтобы сохранить за собой Верхнюю Австрию навсегда. Поэтому политика Баварии, проводником которой был баварский наместник Герберсдорф, была направлена на то, чтобы как можно быстрее «сделать страну баварской», то есть уничтожить в Верхней Австрии все следы самостоятельной политической жизни и самоуправления.

Из всех австрийских земель, если не считать Тироля, в Верхней Австрии были наиболее сильно развиты органы местного самоуправления. Здесь, как и в Тироле, в старом сословном управлении имелось значительное количество новых, демократических элементов. Правда, городам принадлежала лишь треть мест в сословном собрании, и даже в низших органах местного самоуправления светская и церковная знать была еще численно сильнее, но политический вес и роль городов в Верхней Австрии были иными, чем в сословных собраниях прочих районов Австрии. В отличие, например, от Вены, в городах Верхней Австрии господствовала новая промышленная буржуазия: владельцы ремесленных мастерских, оружейники и прочие группы буржуазии, занимающиеся обработкой изделий из металла. Эта буржуазия была сильна, обладала высоким самосознанием и легко воспринимала новые идеи. Ее экономическое положение было настолько прочным, что она не испытывала необходимости в заключении союза с дворянством для получения привилегий. В стране имелся, кроме того, еще один слой общества, который, правда, не был непосредственно представлен в городах, но тем не менее все в большей степени накладывал свой отпечаток на политическую и экономическую жизнь — это были горнорабочие рудников и рабочие металлообрабатывающей промышленности в новых промышленных городах. Между этими рабочими и крестьянами Верхней Австрии существовали довольно прочные связи. В предшествующие тридцать лет, в период вздорожания продуктов и растущей «инфляции», крестьяне и рабочие неоднократно заключали союз и добивались улучшения своего экономического положения.

В политическом отношении положение крестьян Верхней Австрии больше напоминало положение крестьян Тироля, чем, например, Чехии. Хотя крестьяне Верхней Австрии, в отличие от крестьян Тироля, не были представлены в собрании сословий, они все-таки были довольно сильны. Крепостное право было им почти неизвестно, по отношению к землевладельцу они находились, в основном, на положении арендаторов; кроме того, суще-

ствовал немалый процент совершенно свободных крестьян, которые являлись собственниками своих участков. Почти все крестьяне имели право ношения оружия. Во времена турецких нашествий они создавали отряды милиции из добровольцев и потому умели пользоваться оружием. Ко времени низложения Рудольфа крестьяне и города в составе нескольких отрядов принимали участие в походе на Прагу.

В период, предшествовавший баварской оккупации, сословия управляли уже не вполне самостоятельно; они подчинялись уполномоченному центральной власти (то есть императора) — так называемому «ландесхауптману»¹ Линца. Ландесхауптман, или наместник, был высшей инстанцией в некоторых правовых, а также налоговых вопросах. Те вопросы, которые и он не мог разрешить, передавались в верхнеавстрийскую канцелярию в Вене. Наместник мог самостоятельно вводить центральные налоги и принимать меры, связанные с военной защитой страны. Несмотря на то, что в период до 1620 г. самостоятельность сословий подвергалась все большим ограничениям в пользу наместника, более или менее серьезных конфликтов между Верхней Австрией и центральной властью не было, если не считать отдельных небольших выступлений знати.

После баварской оккупации положение изменилось. Баварский комиссар управлял единовластно, права сословий ограничивались одно за другим, пока, наконец, за сословиями не остались только совещательные функции. Полномочия местных органов самоуправления также все более урезывались, и вскоре власть в общине принадлежала фактически уже не этим органам, а начальнику местного баварского гарнизона.

Скоро создалось такое положение, когда о господстве «баварских чужеземцев» с негодованием говорила вся страна. О том, насколько всеобщим было озлобление против Баварии, свидетельствует тот факт, что против Баварии начали выступать даже католические епископы, хотя Бавария всегда была покровительницей и защитницей католицизма. Максимилиан Баварский и Герберсдорф неоднократно клеймили епископов Верхней Австрии как врагов Баварии, упрекая их в том, что они принимают участие в «антибаварских выступлениях» и интригуют при венском дворе против Максимилиана.

К числу зол, в которых баварцы действительно были повинны, прибавлялись такие, в которых они были неповинны и в которых их все-таки винили все и каждый. Одним из этих зол был экономический кризис. Инфляция и несколько последовавших один за

¹ Landeshauptmann — в австрийских коронных землях (в Верхней Австрии, Штирии, Каринтии, Тироле и т. д.) представитель центральной власти, назначаемый императором из числа придворных сановников, высшее административное лицо в данной области. — *Прим. ред.*

другим сильных неурожаяв тяжело отразились на положении Верхней Австрии. Война и связанные с нею затруднения с экспортом металлических изделий и соли в Чехию, Моравию и Венгрию привели к кризису сбыта — впрочем, временному — продукции верхнеавстрийской промышленности и горнодобывающей промышленности.

В представлении жителей Верхней Австрии кризис, обесценение денег и даже неурожай были лишь особенно тяжелыми последствиями гнета со стороны Баварии. Впрочем, баварские гарнизоны действительно способствовали обострению кризиса. Им было дано предписание оплачивать свои закупки и реквизиции звонкой монетой, но они платили с большими задержками и тем самым ухудшали и без того тяжелое положение купцов и крестьян. К тому же поведение солдат и офицеров вызывало возмущение населения: во время праздников, да и в другие дни, они устраивали в кабаках драки и в довершение всего были, по утверждению крестьян, повинны в сильно увеличившемся количестве внебрачных детей. По мере обострения кризиса и связанных с ними антибаварских настроений в стране солдаты все более распускались и, наконец, стали вести себя так, как ведут себя солдаты на захваченной неприятельской территории.

Наконец, в связи с проведением в Верхней Австрии контрреформации, скрытый кризис настолько обострился, что положение сделалось совершенно невыносимым. Контрреформация в стране проводилась баварскими властями, но с ведома и согласия Фердинанда, который, повидимому, ничего не имел против того, чтобы предоставить проведение этого неприятного и непопулярного мероприятия Баварии. И хотя отношение Фердинанда к контрреформации было известно, она была воспринята населением Верхней Австрии исключительно как проявление чужеземного господства.

Господствующей религией в Австрии был так называемый «компромиссный католицизм». Часть дворянства и некоторые города и села были протестантскими; они сами оплачивали своих проповедников и содержали свои школы. Но большинство населения посещало католические церкви, только теперь во время богослужения в проповедях не упоминалось о папе, чистилище, исповеди и т. п.

Проведение контрреформации началось всерьез в 1624 г. с конфискации книг, «очищения» церквей от «компромиссно-католических» проповедников, закрытия протестантских школ и издания эдикта об изгнании протестантских учителей и священников. Все эти мероприятия проводились Баварией, но с явного одобрения Фердинанда. Вскоре был издан эдикт об изгнании дворян: дворянам-протестантам предлагалось к определенному сроку принять католицизм или покинуть страну. Немного позднее этот эдикт был

распространен также на горожан и крестьян; впрочем, им был предоставлен гораздо более продолжительный срок для размышлений — впоследствии он был продлен до 1626 г.

Как Фердинанд, так и Герберсдорф заняли по отношению к крестьянам и горожанам совершенно иную позицию, чем по отношению к дворянству. И тот и другой были готовы, не долго думая, пожертвовать дворянством, которое представляло собой в политическом отношении скорее обузу, чем приобретение. Ничего не было предпринято, чтобы побудить дворянство остаться, предоставив ему какие-либо льготы, не было указано даже, куда дворянство должно эмигрировать. Но крестьяне и горожане были большой экономической силой; от их труда зависело материальное благополучие страны и состояние как императорской, так и баварской государственной казны. Поэтому с самого начала с ними пытались договориться. Крестьянам и горожанам несколько раз давали отсрочку, обещали им снижение налогов и другие материальные льготы.

Тем не менее следовало ожидать, что какой-то процент крестьян и горожан предпочтет эмигрировать. Тогда Фердинанд внезапно, не поставив об этом в известность Баварию, нанес удар. Он разрешил желающим эмигрировать переселиться в Нижнюю Австрию, позволив им сохранить их веру, но «без открытого совершения религиозных обрядов». Это было очень существенным облегчением, которое к тому же дало эмигрантам возможность и избавиться от ненавистного баварского господства и остаться в Австрии. Герберсдорф заметил опасность. Он понял, что если Бавария будет бездействовать, то значительная часть населения, играющего наиболее важную роль в экономическом развитии страны, эмигрирует, а это значительно снизит удельный вес области, полученной Баварией в качестве залога. XVII век был беден капиталами, и эмиграция трудящегося населения страны была бы для нее тяжелым экономическим бедствием.

В ответ на этот маневр императора Герберсдорф начал чинить всевозможные препятствия эмиграции крестьян и горожан. Сначала он просто запретил эмиграцию в Австрию, что, однако, не произвело особого впечатления на тех, кто хотел эмигрировать, так как последние были уверены в том, что их ожидает хороший прием. Тогда Герберсдорф стал разрешать выезд только при условии уплаты определенных денежных взносов, что фактически должно было привести к разорению эмигрирующих. Сначала было издано распоряжение, что эмигрировать имеют право только те, кто предварительно уплатит все долги и недоимки и, если речь шла о крестьянах, внесет землевладельцу высокий выкуп за подати, которых тот лишался. Суммы платежей доходили у многих крестьян до 50 процентов стоимости всего их достояния. За этим постановлением последовало другое, которое причинило эмигри-

рующим еще больший материальный ущерб. Было установлено, что эмигрирующие должны уплачивать все долги старыми, «длинными», то есть необесцененными деньгами. С другой стороны, покупатели их домов, земельных участков и оставшегося инвентаря имели право расплачиваться с ними новыми, «короткими», т. е. обесцененными, деньгами. Это означало, что большинство эмигрантов сразу превращалось в нищих.

Эти мероприятия достигли своей цели — большая часть желавших эмигрировать, в особенности представители городской буржуазии, отказались от своего намерения и приняли католицизм. Те, кто желал все же осуществить свое намерение, подверглись новым притеснениям со стороны Герберсдорфа. Внезапно, без предварительного предупреждения, к желающим эмигрировать (это распоряжение распространялось главным образом на крестьян) были поставлены на постой баварские солдаты, которых они должны были бесплатно обслуживать и содержать. Солдаты получили неофициальное указание ни в чем себя не ограничивать и требовать — или даже просто забирать — все лучшее в домах. Это означало, что эмигрирующие должны были лишиться даже тех немногих крейцеров, которые у них еще были.

Но верхнеавстрийские крестьяне были не из тех, кто готов был без сопротивления примириться с подобными обстоятельствами. Вся страна была охвачена возмущением против Баварии. С каждым днем все учащались столкновения с баварскими отрядами, всюду стихийно выдвигалось требование: «Долой баварских кровососов!», «Покончим с господством чужеземцев!»

Уже осенью 1625 г. стало ясно, что в любой день может вспыхнуть всеобщее восстание. Крестьянские депутации и делегации горожан неоднократно являлись к Герберсдорфу, но он отказался хоть немного смягчить свои распоряжения. Сам Герберсдорф прекрасно сознавал серьезность положения; он несколько раз писал Максимилиану Баварскому и умолял его не доводить население Верхней Австрии до восстания. Но Максимилиан оставался непреклонным и, наконец, обвинил Герберсдорфа в сочувствии мятежникам. Герберсдорфу ничего не оставалось, как начать готовиться к неотвратимой борьбе.

Крестьяне Верхней Австрии также сознавали, что столкновение уже неизбежно, и тоже начали к нему готовиться. Уже зимой 1625—1626 гг. в деревнях были тайно избраны крестьянские представители и из небольшого числа избранных было создано нечто вроде нелегального генерального штаба восстания. Руководителями восстания были избраны двое крестьян — Стефан Фадингер и Христоф Целлер. Целлер был хозяином гостиницы в Сент-Агате, Фадингер владел в Лесном Фадинге крупным крестьянским двором, обремененным, однако, большими долгами; впрочем, большая часть долгов появилась, вероятно, вследствие

того, что Фадингер из своих средств финансировал подготовку восстания. Фадингер много путешествовал. Имеются сведения о том, что в молодости он был офицером отряда ландскнехтов; если эти сведения достоверны, то в них можно найти объяснение его выдающимся военным дарованиям.

Еще до начала восстания были установлены связи с бюргерством верхнеавстрийских городов, главным образом с населением Штейера. В городах также создавались тайные организации, принимавшие участие в подготовке восстания. Представителями горожан, позднее вошедшими в состав генерального штаба движения, были юрист Гольцмюллер и богатый владелец ремесленных мастерских Мадлзедер. Гольцмюллер и Мадлзедер были наиболее убежденными представителями антидворянского направления в движении. Именно благодаря им верхнеавстрийские дворяне, выразившие готовность принять участие в восстании, хотя и получили разрешение вступить в ряды повстанческой армии, но без права входить в состав генерального штаба и занимать руководящие политические посты. Мадлзедер и Гольцмюллер считали, что дворянство является в высшей степени ненадежным союзником; к тому же дворяне уже начали вести переговоры о союзе с датским королем Христианом, то есть проводили политику, несовместимую с планами восставших. В месяцы, предшествовавшие восстанию, генеральный штаб устроил ряд складов оружия и продовольствия и разработал план мобилизации. Мобилизация, которая впоследствии была проведена без всяких затруднений и в строго плановом порядке, должна была представлять собой созыв всеобщего ополчения. Каждый крестьянский двор должен был выставить одного человека. Уже в ходе мобилизации крестьяне начали избирать своих начальников и своих уполномоченных в крестьянские комитеты, которые являлись политическими представительствами крестьянской армии.

В то же время генеральный штаб разработал политическую программу движения. Эта программа была очень краткой: основным ее требованием была ликвидация зависимости Верхней Австрии от Баварии и воссоединение Верхней Австрии с Австрией. В программе баварское управление квалифицировалось как «господство чужеземцев» и утверждалось «священное право» восставших выступить на борьбу против этого «противоестественного» господства. Восставшие, говорилось далее, обязываются передать землю императору и восстановить прежнее управление с ландсхауптманом (наместником императора) во главе. Это управление должно затем гарантировать свободу вероисповедания — вопрос, по которому можно договориться с императором, а не с чужеземцами. В заключение крестьяне и горожане выражали готовность в случае необходимости внести из собственных средств

ту сумму, которую Бавария ссудила императору, несмотря на то, что Бавария уже высосала из страны миллионы крейцеров.

Военная часть программы была также очень проста. Она гласила: необходимо перебить баварских солдат, прогнать баварских чиновников и быть готовыми с оружием в руках пресечь попытку Баварии вторично захватить страну.

Восстание началось за шесть недель до назначенного срока — 17 мая 1626 г. Крупное столкновение крестьян с баварскими солдатами привело к восстанию в одной из местностей Верхней Австрии, после чего генеральный штаб объявил всеобщую мобилизацию. Восстание было так превосходно подготовлено, что несколькими днями позднее за оружие взялась вся Верхняя Австрия. Уже на следующий день повстанцы взяли Рорбах, 14 дней спустя были взяты Штейер и Вельс; тем временем крестьяне атаковали занятые баварцами крепости и замки, в том числе замок Герберсдорфа. Самому наместнику удалось бежать. В середине июня число вооруженных повстанцев достигло 60 тыс. К ним присоединились отряды, сформированные рыцарями, горожанами, местными чиновниками и отдельными дворянами. В то же время началась осада единственного крупного города, еще оставшегося в руках баварцев, укрепленной столичной области — Линца. Под Линцем расположился крупнейший крестьянский лагерь (всего таких лагерей было семь). В этом лагере с июля 1626 г. заседал великий крестьянский парламент, избранные крестьянами комитеты, отсюда рассылались к населению манифесты, выпускавшиеся генеральным штабом и парламентом с пометкой: «Издано в христианском лагере под Линцем». Там же был создан институт, имевшийся кроме войск Фадингера, только в армии Кромвеля и, позднее, в армии французской революции, — институт так называемых «военных советников»; военные советники наряду с офицерами и уполномоченными были прикреплены к воинским подразделениям и проводили там работу по политическому воспитанию и просвещению повстанцев.

Уже первые действия и распоряжения генерального штаба свидетельствовали о подлинно демократическом характере восстания и об его ярко выраженной национальной окраске. Характерен следующий случай, Гольцмюллер и Мадлзедер были правы, когда предупреждали об опасности сотрудничества с дворянством. Протестантское дворянство действительно очень скоро переменяло фронт и обратилось уже против крестьян. Чтобы оправдать свои действия, оно изобрело некий жупел, используя для этого страх перед демократическими по тому времени порядками в Швейцарской республике. Дворяне заявили, что восставшие выступают не за освобождение от ига Баварии и свободу религии, но «за вымышленную демократию, против собственности и властей» и обвинили крестьян в том, что они хотят

создать республику по швейцарскому образцу, хотят истребить дворянство и уничтожить собственность. Намек на связь с Швейцарией был особенной наглостью потому, что незадолго до того протестантские дворяне преспокойно готовили заговор с Данией, причем вели себя настолько беззаботно, что баварцы перехватили их переписку с датчанами, после чего патриотическое крестьянское движение вынуждено было отказаться от союза с дворянами — помимо всего прочего уже хотя бы потому, чтобы не навлечь на себя подозрения в связях с враждебным государством. Фадингер очень резко опроверг все обвинения дворян. Он заявил, что крестьяне не сожгли и не уничтожили земельные книги в занятых ими замках, хотя провокаторы и пытались толкнуть их на это. Он подчеркнул, что крестьяне не намерены посягать на имущественные отношения и указал, что грабеж запрещен крестьянским руководством под страхом смертной казни. Крестьяне действительно казнили по приговору военного суда грабителей, которые появились в первые дни. В другом своем заявлении Фадингер еще яснее определил цель движения: «Мы хотим вернуть изгнанников и освободить родину, а не преследовать отдельных жителей».

Дисциплинированность и гуманность крестьянской армии были достойны удивления. Насилий почти не было. Хотя движение носило ярко выраженный антикатолический характер, количество католических чиновников, священников и дворян, убитых восставшими, было очень невелико. Большинство арестованных священников было вскоре освобождено, очень многие смогли попрежнему отправлять службы в своих церквах. О том, что Фадингер и его последователи серьезно намеревались соблюдать принцип веротерпимости, свидетельствует один мелкий эпизод, имевший место в Вельсе. В этом городе крестьяне послали к арестованным католикам — главным образом баварским чиновникам — протестантских проповедников, чтобы обратить их в протестантизм; узнав об этом, Фадингер немедленно запретил это на том основании, что ведя борьбу против насильственного обращения протестантов в католичество, повстанцы также не имеют права насильственно обращать католиков, и послал к арестованным их собственных проповедников.

Лишь очень немногие замки и дома католиков были разрушены преднамеренно. В этом также ярко проявляется отличие восстания Фадингера от восстания 1526 г. Крестьяне все время подчеркивали, что они ведут борьбу за право владеть своей землей и что если они будут заниматься разрушениями, то тем самым причинят вред самим себе. Но это бережное отношение и эта гуманность не проявлялись, впрочем, в столкновениях с баварцами, в особенности с ненавидимыми баварскими солдатами, которых крестьяне называли «кровавыми псами наместника».

Восставшие крестьяне убили многих взятых ими в плен баварских солдат.

Генеральный штаб постоянно старался подчеркнуть чисто австрийский, национальный характер движения; это приводило к тому, что перебежчикам из рядов баварской армии и из самой Баварии, выразившим желание присоединиться к крестьянской армии, отвечали отказом и отправляли их обратно в Баварию. Напротив, в армию влились отряды чешских добровольцев, массами стекавшие в Верхнюю Австрию. Так, из одного только района Праги в Верхнюю Австрию направилось 6 тыс. крестьян, но по пути они были рассеяны. Но и в отношении чешских добровольцев-дворян крестьяне подчеркивали, что они не высоко ценят поддержку со стороны дворянства и вежливо, но решительно отклонили предложение многих чешских дворян, выразивших желание занять командные посты в крестьянской армии. Эту позицию они занимали не вообще по отношению ко всем чехам, но лишь по отношению к дворянам; то, что такое отношение не распространялось на чехов вообще, а только на дворян, дало свои результаты несколько месяцев спустя; когда Фадингер был смертельно ранен под стенами Линца, его сменил в качестве руководителя крестьянской армии сын чешского крестьянина студент Каспар, на которого сам Фадингер, находясь на смертном одре, указал крестьянам, как на своего преемника.

Антибаварские настроения имелись лишь у крестьян, живших на территории, отданной в залог Баварии. Фадингер и Целлер неоднократно заявляли, что они хотят освободить свою землю из-под власти баварцев, но отнюдь не намерены захватывать баварскую территорию. Поэтому они тщательно избегали какого бы то ни было нарушения границ Баварии. Расположенные на границе отряды поддерживали добрые, дружеские отношения с пограничным населением Баварии. Баварские крестьяне и купцы, которым приходилось, по роду их занятий, часто переходить границу, получали даже пропуска, дававшие им право свободного передвижения на несколько миль от границы. В разгар войны армия Фадингера закупила даже много хлеба в Баварии.

Крестьяне делали все, что было в их силах, чтобы не мешать торговле и не нарушать коммуникации. Фадингер выпустил специальные покровительственные грамоты для торговцев железом и освободил их от уплаты пошлин, несмотря на то, что сбор пошлин и налогов был единственным источником доходов для крестьянской армии. Вообще торговля поощрялась, купцы получали покровительственные грамоты, и им по возможности облегчался переход линии фронта. Единственной общей формой контроля, проводившейся, кстати, очень строго, была тщательная цензура на письма. Благодаря этому крестьянам удалось перехватить

значительную часть переписки между Герберсдорфом и Максимилианом.

Все эти мероприятия экономического и политического характера проводились демонстративно — крестьяне хотели подчеркнуть этим, что их целью является только освобождение родины. Особенно ярко это проявилось в их отношении к императору и его владениям в Верхней Австрии. Крестьяне неизменно подчеркивали, что они фактически являются союзниками императора и хотят лишь одного — восстановить его власть над Верхней Австрией. В доказательство этого они соблюдали по отношению к императорским владениям такую почтительность, которая в ту эпоху была чем-то совершенно неслыханным в обстановке военного времени. Императорские рудники и солеварни с самого начала восстания были полностью освобождены от налогов. Командиры повстанческой армии получили специальные указания следить за тем, чтобы императорские владения не пострадали в связи с военными действиями. Дело дошло до того, что в Ишле, Лауфене и Гальштатте повстанцы отказались принять в крестьянскую армию местных жителей, так как управляющие солеварен заявили, что в результате мобилизации работников солеварен император понесет убытки. Действительно, за то время, когда районы добычи соли находились под властью крестьян, производство соли почти не сократилось.

Но что же делал император? Фердинанд оказался в очень затруднительном положении. Если бы он встал на сторону крестьян, он поставил бы под угрозу союз с Баварией. Если бы он выступил против крестьян, он рисковал окончательно потерять Верхнюю Австрию и тем самым лишился бы возможности оказывать давление на Баварию. К тому же такой шаг означал бы, что он идет против общественного мнения Австрии, которое было на стороне крестьян — имелась даже сильная придворная партия, требовавшая полной поддержки крестьян. То, что крестьяне связывали освобождение Верхней Австрии с борьбой против контрреформации, представителем которой был император, отнюдь не способствовало облегчению положения. Фердинанд пытался выиграть время. Он предложил начать переговоры между представителями крестьян и делегатами Баварии под председательством императорской третьей комиссии.

Переговоры начались в конце июля, причем император, чтобы подготовить почву для переговоров с крестьянами, дал им гарантию, что прекратит проведение контрреформации до окончания срока, на который Верхняя Австрия была передана Баварии. Бавария, поставленная таким образом перед совершившимся фактом, вынуждена была сделать хорошую мину при плохой игре — впрочем, Герберсдорф был полностью согласен на осуществление этого обещания императора. Несмотря на эту уступку, требования

крестьян остались прежними: освобождение от зависимости, если не сразу, то по истечении точно определенного срока, прекращение оккупации (причем крестьяне настаивали на том, чтобы баварские войска, перед тем как покинуть страну, сдали оружие), удаление всех баварских комиссаров, религиозная свобода, восстановление протестантских церквей и школ. Центральным требованием по-прежнему оставалось воссоединение с Австрией.

Переговоры прерывались, возобновлялись, тянулись бесконечно долго, не принося почти никаких результатов. Все это время продолжалась осада Линца, потому что крестьяне с полным основанием отказывались заключить перемирие. Они знали, что баварцы использовали бы передышку, чтобы подтянуть подкрепления и что позиции крестьян были прочны лишь до тех пор, пока они оставались хозяевами большей части страны и пока они осаждали Линц. Правда, небольшая делегация крестьян приняла участие в переговорах, но она была обязана держать в курсе этих переговоров крестьянские комитеты, все более определенно выступавшие в роли революционного парламента, и руководствоваться их указаниями по всем вопросам. Без их согласия она не имела права заключать никаких соглашений (наряду с этими контрольными функциями, обсуждением общеполитических вопросов, крестьянские комитеты выполняли также функции высшей судебной инстанции).

5 июля крестьянская армия понесла тяжелую невозместимую утрату: шальная пуля ранила Фадингера под стенами Линца, и спустя несколько дней он умер. Смерть Фадингера явилась роковым, поворотным моментом в развитии крестьянской войны. Первым ее результатом было то, что в лагере самих крестьян началась борьба за власть. На протяжении нескольких недель один верховный капитан (Oberhauptmann)¹ сменял другого, пока, наконец, после ожесточенной борьбы не был избран Каспар, на которого указал как на своего преемника Фадингер. Но борьба в крестьянских комитетах продолжалась и порождала там разногласия и раскол.

Впрочем, в комитетах имелись и более глубокие причины для раскола. По существу, борьба шла вокруг вопроса: «Надо ли настаивать на выполнении всех требований или можно ограничиться частичным выполнением этих требований», а также по вопросу, связанному с первым: «Продолжение борьбы или перемирие?» Буржуазные элементы, в особенности Мадлзедер, настаивали на принятии компромиссного решения. Они ссылались на конфиденциальное, переданное им посланцем Фердинанда сообщение о том, что вопрос об окончании срока зависимости уже решен и воссоединение Верхней Австрии с Австрией назначено на 1628 г.

¹ Титул, который крестьяне дали своему главнокомандующему.

Баварцам, впрочем, ничего не было известно об этом решении. Мадлзедер предлагал заключить на основе этого сообщения мирный договор, который дал бы крестьянам возможность отступить с оружием и без потерь; по этому договору Герберсдорф должен был дать обязательство ликвидировать особенно крупные злоупотребления — к числу последних относилась оккупация Верхней Австрии баварскими войсками, ограничение деятельности местных австрийских органов самоуправления, проводимое баварцами, и т. д. Со своей стороны Мадлзедер и Гольцмюллер были готовы в принципе отказаться от борьбы с насильственным обращением в католицизм и потребовать лишь смягчения условий проведения контрреформации.

Эти уступки, сделанные Мадлзедером и Гольцмюллером, послужили поводом для того, чтобы в последующих описаниях борьбы в Верхней Австрии представить Мадлзедера и Гольцмюллера предателями. Но это — незаслуженное обвинение: Не следует забывать, что именно для буржуазных элементов, принимавших участие в движении, вопрос о религии имел лишь второстепенное значение, что непосредственным поводом к восстанию послужила не самая контрреформация, а та форма, в которой она проводилась, и что на первом месте, как для этих элементов, так и для Фадингера, стояло устранение господства чужеземцев (другой вопрос — имели ли восставшие право удовлетвориться простым обещанием императора, что зависимость Верхней Австрии от Баварии будет уничтожена; впоследствии выяснилось, что действительное уничтожение зависимости приблизительно совпало с тем сроком, который был указан императором, так что можно допустить, что Мадлзедер имел веские основания серьезно отнестись к обещанию императора). В 1626 г. снова подтвердилось, что буржуазия — в особенности ее наиболее прогрессивные слои — была гораздо менее заинтересована в протестантизме, чем дворянство, для которого сохранение протестантизма было равносильно сохранению собственной независимости, и чем известная часть крестьян, рассматривавших протестантизм как проявление своей свободы и самостоятельности. Именно буржуазия промышленных центров была готова продать свою веру за дворянские титулы, земельные владения и экономические льготы, именно она понимала, что централизованное в политическом и религиозном отношении государство является как раз таким государством, которое отвечает их интересам.

Но тут возникает другой вопрос: следовало ли в самый разгар восстания, когда почти вся страна находилась уже в руках крестьян, добиваться компромисса и спешить с заключением мира? В оценке этого положения имелись также расхождения между Мадлзедером, Гольцмюллером и примыкавшей к ним частью комитетов, с одной стороны, и основной массой комитетов (вместе

с немногими дворянами, принимавшими участие в движении) — с другой. Представители направления, выразителем которого был Мадлзедер, находили, что положение восставших непрочное, хотя крестьяне временно и достигли перевеса. Мадлзедер и его сторонники считали, что крестьяне в данном случае воспользовались, во-первых, войной, из-за которой Бавария не имела возможности вывести более крупные силы из Германии и послать их в Австрию, а, во-вторых, разногласиями между Фердинандом и Максимилианом Баварским, заставившими Фердинанда держаться пассивно. Ни то, ни другое не могло продолжаться вечно. Рано или поздно Бавария должна была вывести войска из Германии и перебросить их в Верхнюю Австрию. Точно так же Фердинанд и Максимилиан должны были достигнуть хотя бы временного соглашения в вопросе о судьбе Верхней Австрии. Движение, начавшееся «снизу», было чуждо Фердинанду даже тогда, когда политические цели этого движения временно совпадали с его собственными; к тому же, достигнув соглашения с Баварией, он стал бы рассматривать это движение как обузу в политическом отношении, поэтому можно было не сомневаться, что после такого соглашения Фердинанд постарался бы ликвидировать восстание. Между тем даже хорошо организованная крестьянская армия не смогла бы долго сопротивляться объединенной императорской и баварской пехоте и в особенности их артиллерии. Таким образом, политика Мадлзедера состояла в следующем: заключить мир, пока еще не были упущены благоприятные возможности, и добиться всего того, на что можно было рассчитывать при существующих обстоятельствах. Против этой весьма реалистической точки зрения выступала часть комитетов, считавшая, что войну можно продолжать по крайней мере еще несколько месяцев, и в особенности дворяне, находившиеся в крестьянской армии. Хотя число этих людей было очень невелико, их аргументация имела большой успех после смерти Фадингера (также придерживавшегося реалистических взглядов) — в период смуты, вызванной борьбой за руководство армией.

Результатом был компромисс. Правда, окончательно мир не был заключен, но было объявлено перемирие. В этот момент крестьянская армия была достаточно сильна. Официально были начаты мирные переговоры. В этот момент начался процесс разложения крестьянской армии, против чего предостерегал сначала Фадингер, а позднее Мадлзедер; этот процесс, явившийся прямым результатом слишком затянувшегося похода, приводил к тому, что крестьянская армия начала терять боеспособность: сначала почти незаметно, затем все сильнее армия начала распадаться. Не следует забывать, из кого состояла эта армия: она состояла из крестьян, иногда целые крестьянские семьи, вернее весь ее мужской состав — отцы и сыновья, — находились в армии. Это означало,

что во всей стране сельские работы должны были выполнять только женщины, дети и старики, это означало также, что часть урожая оставалась необранной. В условиях того времени это значило, что в течение предстоящей зимы и весны голодом будут охвачены сотни тысяч людей, что сотни тысяч людей умрут от голода и эпидемий, а это означало катастрофу для всей страны. Крестьянин, остававшийся в армии, подписывал тем самым, быть может, смертный приговор своей семье. Вполне понятно, что в этом революционном движении, в этой отборной армии борющейся страны не у всех было достаточно моральных сил, чтобы пойти на такой шаг.

В этот трудный момент Фердинанд начал свое наступление. Несмотря на все государственные и политические соображения в пользу скорейшего заключения мира, его поступок нельзя извинить, ибо он означал предательство тех самых крестьян, которые ценой тяжелых жертв защищали собственность императора. То ли потому, что между Веной и Мюнхеном было достигнуто какое-то временное соглашение по верхнеавстрийскому вопросу, то ли потому, что Фердинанд был вынужден уступить Баварии, угрожавшей, что, если восстание в Верхней Австрии будет продолжаться, она прекратит военную помощь, — Фердинанд внезапно потребовал немедленного окончания переговоров. Когда крестьяне отказались выполнить его требование, Фердинанд перешел к репрессиям; он не отправил карательную экспедицию против восставших, но сделал то, что по тому времени было не меньшей жестокостью: он расквартировал в Верхней Австрии большую армию ландскнехтов. Несмотря на то, что эта армия была отправлена в Верхнюю Австрию не в качестве экспедиционного корпуса, а в качестве «дружественных вооруженных сил», в 1626 г. такая мера была немногим лучше, чем война; некоторые страны предпочитали лучше вести войну, чем допустить в своей стране расквартирование разнузданных ландскнехтов. Такие меры совершенно сознательно применялись как средство устрашения — Валленштейн впоследствии часто прибегал к этому средству воздействия на недружелюбные нейтральные страны и на слишком нейтральных друзей.

Ландскнехты вели себя хуже, чем солдаты оккупационной армии; они грабили, лишали жилищ те крестьянские семьи, мужской состав которых находился в лагере крестьянской армии. В одной песне того времени описываются страдания крестьян и бесчинства, чинимые ландскнехтами: «Коней и коров, телят, овец, ягнят и кур, баранов, каплунов, гусей и уток — все отнимают они у нас. Они не оставляют нам ничего, кроме детей, — да и те все не наши, ни один из них не имеет отца...»

Поставленные в такие условия, крестьяне были вынуждены как можно скорее подписать мирный договор. Условия этого договора

были значительно хуже, чем те, которых можно было бы добиться ранее, но все же это было шагом вперед по сравнению с тем, что было весной. Проведение контрреформации было отсрочено до 1628 г., Бавария выразила готовность — под давлением Вены — отменить некоторые злоупотребления, как, например, насильственное расквартирование войск, вмешательство в дела местного самоуправления и т. д. Объявлена была всеобщая амнистия, крестьяне, находившиеся в плену у баварцев, получали свободу; со своей стороны, крестьяне должны были освободить баварских пленников. Но некоторые из взятых в плен крестьянских командиров оставались под арестом и должны были предстать перед судом, срок которого еще не был назначен. Кроме того, крестьяне должны были выдать для отдачи под суд — правду, не Герберсдорфу, а императору — десятерых вождей восстания. Неофициально крестьянам все же дали понять, что Вена не примет никаких мер, если этих руководителей «не удастся поймать», но при том условии, если они будут вести себя спокойно. По вполне понятным причинам вопрос о воссоединении с Австрией официально не поднимался — но неофициально Фердинанд повторил свое обещание определить дату воссоединения.

Война, казалось, была окончена. Крестьянская армия была демобилизована, расквартированные в стране императорские отряды двинулись в обратный путь. Но тут неожиданно произошло событие, представлявшее собой предательское нарушение всех соглашений. Уже после заключения мира мстительный кулак баварцев обрушился на крестьян.

Повидимому, Максимилиан Баварский с самого начала не был согласен со сравнительно мягкими условиями, принятыми его уполномоченным Герберсдорфом, но не имел возможности выступить против этих условий. Возможно и то, что баварцы вдруг поняли, что крестьяне все-таки одержали победу, которая настолько укрепила патриотическое движение в Верхней Австрии, что Бавария была уже не в силах в течение долгого времени удерживать за собой эту страну, и потому решили физически истребить участников движения, которое они не смогли подавить обычными средствами. Возможно, что это соображение не было единственной причиной; быть может, здесь проявились злоба и мстительность баварцев, решивших по крайней мере при отступлении покрыть грудами развалин земли, которые были для них потеряны. Как бы то ни было, в конце августа внезапно, без всякого предупреждения и даже без ведома Вены, в Верхнюю Австрию были посланы сильные баварские отряды под командованием Паппенгейма, начавшие систематически осуществлять истребление населения.

Фердинанд в негодовании выразил протест, но никто не обратил на его протест внимания. Вся Австрия была возмущена пре-

дательством баварцев, но это не могло помочь крестьянам. Армия крестьян была уже демобилизована. Хотя им и удалось собрать ее, но на это потребовалось несколько недель, и они потеряли драгоценное время; в течение этих недель баварским отрядам удалось занять все важные в стратегическом отношении пункты. Хотя борьба была для крестьян безнадежной с самого начала, они сражались до самой зимы с таким ожесточением, что Максимилиан вынужден был отдать специальное распоряжение о проведении в его войсках разъяснительной работы, имеющей целью разбить веру солдат в неуязвимость крестьян. Сам Паппенгейм писал: «Я принимал участие во многих битвах, но ни разу не видел более жестокой и упорной борьбы за победу».

Но конец был неизбежен, шаг за шагом крестьяне были вынуждены отступать, города один за другим переходили в руки баварцев. Почти все командиры армии погибли в боях, последним был убит под Фёклабруком Каспар. Оставшиеся без командира, плохо вооруженные крестьяне потерпели полное поражение в битвах с превосходящими силами противника под Гмунденом и затем под Вольфсэггом и Вельсом. Весной следующего года в Линце были казнены двадцать оставшихся в живых руководителей восстания.

Но хотя тысячи крестьян погибли в борьбе, хотя войска баварцев превратили страну почти в пустыню, Бавария уже не могла удержать Верхнюю Австрию в повиновении. Теперь еще в большей степени, чем до войны, эта провинция была для Баварии враждебной страной. Ее могла бы держать в подчинении лишь постоянная огромная оккупационная армия; лишь размещение отрядов, прошедших специальную выучку солдат, в каждой деревне, в каждом крестьянском доме могло предотвратить возобновление войны. У Баварии не было таких отрядов, да если бы они и были, она не могла бы в течение долгого времени ими воспользоваться. Таким образом, несмотря на предательство, опустошения, пытки и казни, крестьяне все же одержали победу над своими противниками. Весной 1628 г. Верхняя Австрия была возвращена Австрии.

Глава I

**НАЧАЛО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКИ**

1683 год

После того как турки ушли, на полях Нижней Австрии остались лежать разлагающиеся трупы, которые некому было хоронить. В полусгоревших хлевах и на покинутых полях ревел голодный, отощавший скот, оставшийся без хозяев. В развалинах деревень ютились осиротевшие дети и старики, которые месяцами прятались где попало и только теперь начали робко и с опаской выползать на дневной свет. Мало-помалу священники, монахи, чиновники и просто сострадательные люди освобожденной Вены стали отваживаться выходить за пределы города, чтобы организовать уход за больными, похоронить мертвых и забрать сирот в город. Турки оставили после себя тяжелое наследство, остающееся после всякой войны: голод, эпидемии и бандитизм.

Вена пострадала меньше, чем другие города и села страны. Туркам не удалось взять этот город. Он держался буквально до последней возможности — комендант Вены Штаремберг незадолго до битвы, принесшей освобождение, уведомил командование союзных армий, что Вена сможет продержаться лишь несколько дней. Это предупреждение, быть может, спасло Западную Австрию от ужасов турецкого ига. Но освободители вступили в разрушенную Вену. Пригороды были сожжены в начале осады самими защитниками города, которые не могли удержать их. Днем и ночью на город падали турецкие бомбы, разрушавшие дома, дворцы и церкви. В продолжение всей осады в городе бушевали пожары. Одни утверждали, что пожары возникали в результате бомбардировки; другие — что поджогами занимались турецкие агенты; нередко были случаи, когда с людьми, принятыми за переодетых турок, расправлялись самосудом; наконец, третьи считали, что пожары возникли из-за халатного, небрежного хранения боеприпасов, явившегося следствием равнодушия и бездеятельности чиновников, которые, чтобы избежать хлопот и расходов на строительство складов, еще задолго до осады сложили запасы пороха прямо между жилыми домами.

Победа над турками в 1683 г. была чудесным и почти неожиданным избавлением от смертельной опасности. Однако эта победа

не была блестящим триумфом, каким являлась победа в 1529 г. Тогда турки покоряли одну страну за другой, не встречая сопротивления, и это продолжалось до тех пор, пока молодое австрийское государство не остановило их победного марша и этим спасло не только себя, но и большую часть Европы.

На этот раз спасли Австрию и освободили Вену польский король Ян III Собеский, маркграф Баденский и герцог Лотарингский со своими войсками, состоявшими из добровольцев всех стран Европы. Правда, австрийская армия также участвовала в боях, но она не проявила никакой инициативы. С первого дня турецкого нашествия австрийцы только отступали; иногда это отступление превращалось в беспорядочное бегство. Пограничные крепости пали при первом же штурме. Причину падения крепостей следует искать не столько в отсутствии храбрости у защитников, сколько в том обстоятельстве, что крепости эти были крепостями лишь по названию, так как крепостные стены совершенно обветшали. В течение многих лет корона отпускала деньги только на самый неотложный ремонт крепостей, но большая часть этих денег попадала в карманы спекулянтов и крупных чиновников. В последние полгода, когда уже стало ясно, что нападение турок неизбежно, правительство с помощью чрезвычайных поборов и займов наскребло немного денег для целей обороны, но и из этих денег только небольшая часть была использована по назначению. Было слишком мало орудий, нехватало боеприпасов, солдаты должны были сражаться голодными, оборванными, под командованием бездарных офицеров, которые покупали свои офицерские патенты и, утаивая часть жалованья солдат и продовольственных денег, заботились только о собственном обогащении.

Австрийские армии после падения крепостей должны были бы выступить против турок, но они все время избегали соприкосновения с ними и поэтому не представляли для них никакой опасности. Хотя венцев постоянно заверяли, что Вена в безопасности и находится под защитой императорской армии, однако с того дня, как турки прорвали первые оборонительные линии, путь к городу был фактически открыт. Когда турки приблизились к столице, император Леопольд I, двор и правительство сломя голову бежали в Линц. Бегство было таким же бесцельным и неоправданным, как и многое другое в этой кампании. Позднее венцев пытались уверить, что бегство было вовсе не бегством, а своего рода тщательно продуманным отступлением с целью обеспечить соединение с шедшими на помощь армиями. Придворные историки пытались изобразить дело так, будто это бегство было своего рода победой — турки будто бы осадили город лишь с единственной целью — захватить императора, и с того момента, когда императора не стало в Вене, весь поход якобы потерял для них всякий смысл. Венцы только улыбались в ответ на такие объяснения. Никто не

верил этим басням, тем более, что отсутствие императора несколько не уменьшило стремления турок овладеть городом. Императора упрекали не в том, что он не остался в Вене. Во время первой турецкой осады в 1529 г. также поступил и Фердинанд I — с той только разницей, что он вернулся в город во главе пришедших на помощь войск. Леопольд же просто спасался бегством и, предоставив организацию военной помощи Собескому, ожидал исхода боевых действий, не принимая в них никакого участия.

После отъезда императора в Вене началась паника. Все, у кого были транспортные средства и достаточно денег для устройства на новом месте, тоже бежали, пока наконец городские власти и командование гарнизона под угрозой сурового наказания не запретили мужчинам, способным носить оружие, покидать город. За небольшими исключениями в Вене оставался только мелкий люд: ремесленники, кустари, студенты, а также гарнизон под командой Штаремберга.

Гарнизон и отряды добровольцев — ремесленников и студентов несли оборону с напряжением сил, выходившим за грань человеческих возможностей. Осада Вены длилась с 10 июля по 12 сентября 1683 г. 23 июля турки предприняли первый штурм, который был отбит осажденными. С этого дня атаки следовали одна за другой. От случая к случаю осажденные делали вылазки, не столько с военными целями, сколько для того, чтобы доставить в город продовольствие. Так, в самом начале осады студенческому отряду удалось загнать в город стадо коров, и это спасло многих осажденных от голодной смерти. Но все-таки снабжение города продовольствием было плохим. Правительство, ничего не сделавшее для организации защиты города, точно так же не пошевелило и пальцем для того, чтобы обеспечить его продовольствием. Уже в августе цены на продовольствие были в двадцать и тридцать раз выше, чем в июле. Вскоре в пищу начали употреблять кошек, собак и крыс.

Попытки взять город штурмом (однажды туркам удалось прорваться до Грабена¹) сопровождалась ежедневными тяжелыми бомбардировками. Осажденным удавалось кое-как восстанавливать поврежденные ядрами крепостные стены, но после того как турки в начале сентября начали устраивать под валами минные подкопы, стало ясно, что Вена может продержаться только несколько дней. Когда в начале сентября пришедшие на помощь армии — войско польского короля Яна Собеского, армии герцога Лотарингского и маркграфа Баденского — начали занимать позиции на высотах вокруг Вены, Штаремберг послал Собескому на-

---

¹ Центральная часть г. Вены, находящаяся вблизи от дворца Гофбург. — *Прим. ред.*

стойчивое требование: «Не теряйте времени! Ради бога, не теряйте времени!»

12 сентября началась битва за Вену. Поздно вечером турки были разбиты и бежали. Они потеряли более 20 тыс. человек. Все их снаряжение, даже обмундирование, упряжь, оружие и деньги, попали в руки победителей.

Вена радостно встречала победителя Собеского. Леопольда же, прибывшего в город через несколько дней, население встретило гробовым молчанием. Он ехал по пустым улицам Вены, мимо закрытых ставнями окон и забаррикадированных дверей. Но не все хранили молчание. В некоторых местах собрались кучки людей, встречавшие императора свистом и возгласами негодования. Вена расплатилась за политику Леопольда девятью тысячами убитых.

Эта политика казалась совершенно непонятной. С самого начала правительство ровно ничего не предприняло для защиты страны и прибегло только к одному средству, надеясь, что оно спасет страну от надвигающейся опасности: правительство пыталось получить помощь из-за границы, апеллируя «ко всему христианскому миру». Но откликнулась только небольшая часть «христианского мира»: Франция была фактическим союзником Турции; Испания, сама находившаяся в критическом положении, была не в состоянии оказать помощь; северные королевства, а также Голландия и Англия не слишком интересовались судьбой Габсбургской империи. Можно было заранее предвидеть, что при той политической ситуации, в которой находилась Австрия, только одна-две страны могли прийти ей на помощь. До последней минуты не было уверенности даже в поддержке со стороны Собеского. И несмотря на это, Австрия ничего не сделала, чтобы организовать оборону страны.

Что же произошло? Ведь не прошло еще и сорока лет, как Австрия без поражения вышла из первого крупного европейского конфликта — Тридцатилетней войны. Более ста лет Австрия сама угрожала туркам и присоединяла к своей территории одно владение за другим. Теперь же она оказалась бессильной, не способной отстоять свое собственное существование, вынужденной умолять о помощи стран, которые с точки зрения европейского соотношения сил считались второразрядными. Казалось, что Австрия самой грозит превращение в державу второго разряда.

В тех условиях, в которых Австрия находилась в 1683 г., Леопольд, вероятно, не смог бы уже организовать оборону Австрии, даже если бы он пытался сделать это. Австрия глубоко увязла в кризисе, который распространился на внешнеполитическое, военное, внутривнутриполитическое и, особенно, экономическое положение страны. Австрии нужно было преодолеть всеобщий кризис, чтобы сохранить свое положение в качестве свободного государства.

Кризис

К концу Тридцатилетней войны в Европе были две великие державы: Франция и Австрия. После войны Франция проделала большой путь развития. В Австрии же почти ничего не изменилось.

С начала XVII в. промышленность страны почти не развивалась, за исключением добычи руды и железообрабатывающей промышленности, производившей главным образом оружие, что было связано с нуждами военного времени. Большинство товарной продукции в стране все еще производилось ремесленниками. Там, где выработка продукции была относительно большой (например, в текстильном производстве), крупные торговцы-оптовики, а иногда и крупные помещики, занимавшиеся производством сырья и тесно связанные с оптовиками (или же сами являвшиеся «предпринимателями»), все еще сдавали сырье большому числу мелких рабочих-надомников, крестьян или кустарей, которые примитивным способом перерабатывали это сырье и сдавали готовую продукцию тем же оптовикам. В это же время Франция переживала период расцвета мануфактурного производства, в стране имелись крупные предприятия с машинами, приводившимися в движение пока еще не паром, а водой. Эти предприятия вырабатывали тысячи кип тканей, окрашивали новейшим способом тысячи килограммов пряжи и шерсти. Во Франции развивались уже новые методы производства, по которым весь процесс выработки изделия — от сырья до готовой продукции — должен был проходить внутри страны, а если возможно — то в одном городе или даже на одной фабрике. Во Франции появился новый тип предпринимателя — фабрикант. В большинстве случаев он не являлся выходцем из рядов крупной буржуазии, не был ни крупным купцом, ни связанным с оптовой торговлей дворянином; он вел свое происхождение из «низов», из числа разбогатевших мастеров-ремесленников, средних и мелких купцов, мелких спекулянтов. Аристократы, а также крупные купцы, сумевшие получить дворянское звание или принадлежавшие к категории так называемых «королевских купцов»¹, свысока смотрели на фабрикантов, которые нередко сами работали на своих предприятиях. Но государство Людовика XIV покровительствовало фабрикантам.

В Австрии не было ничего похожего. Существовавшие кое-где немногие раннемануфактурные предприятия производили только полуфабрикаты, отправляемые за границу, где они подвергались окончательной обработке. Часто получалось так, что Австрия

¹ Купцы, которые являлись «поставщиками двора его величества короля». — *Прим. ред.*

импортировала из-за границы готовые товары, для изготовления которых она сама поставляла не только сырье, но и полуфабрикаты. Например, австрийская пряжа отправлялась в Голландию, а оттуда Австрия получала по очень высоким ценам ткани, изготовленные из этой же пряжи; серебро вывозилось в Аугсбург, и готовые изделия из серебра стали предметом торговли этого же города. Город Штейер был почти единственным местом в Австрии, экспортировавшим готовые товары: изделия из железа и оружие.

Экономическое развитие страны всецело зависело от небольшой кучки людей, которые всячески старались сохранить такое положение вещей. К ним принадлежали крупные купцы — потомки Фуггера и Вельзера. Двести лет назад их предки революционизировали экономическое развитие страны, разорвали путы, с помощью которых гильдии и цехи сковывали товарное производство, и вместо производства для собственного потребления организовали производство для рынка, пусть еще в не очень больших масштабах. Но с тех пор утекло много воды, и правнуки «королевских купцов» не поспевали за ходом времени.

Нынешний купец хотел торговать — безразлично чем и безразлично с кем. Ему было все равно — экспортировать ли полуфабрикаты или готовые товары. Ему было даже выгоднее продавать в Голландию пряжу, чем торговать в Австрии готовыми тканями, так как при этом он наживался дважды: в первый раз — при экспорте пряжи и во второй — при импорте тканей. Поэтому всякое ограничение ввоза и вывоза было для него ограничением прибыли.

Крупные купцы были против экономических реформ еще и по другой причине. Возникновение любого нового производства, любое изменение экономики или введение государственного контроля в экономике ставили под угрозу их монопольное положение в хозяйстве, выражавшееся прежде всего в совершенно неограниченном вздувании цен на внутреннем рынке, что приводило, по существу, к ограблению населения.

В конце XVII в. австрийская торговля оказалась до такой степени сконцентрированной в руках немногих лиц, что теперь это кажется просто невероятным. Вся торговля находилась в руках немногих крупных «монополистов» — «аппальтаторов», как их тогда называли. Аппальтаторами были крупные купцы и дворяне, которые за известную плату получали монополию на продажу, а иногда и на скупку определенных видов товаров. Абсолютистское государство, создавшее после долгой борьбы свой собственный, только от него зависящий аппарат управления и содержавшее все более увеличивавшуюся армию, с каждым днем все больше нуждалось в деньгах. Продажа патента на монополию, наряду с доходами от налогов, была для него почти единственным

источником получения необходимых средств. В результате одни виды товаров за другими превращались в предмет монополий, пока наконец почти не осталось товаров, которыми можно было торговать свободно. В 70-х годах XVII в. монопольным правом отдельных лиц стала не только продажа изделий из железа, дерева и т. п., но и торговля скотом, дегтем, медью, табаком (австрийская государственная табачная монополия возникла из такой частной монополии), кофе, даже карнавальными масками, свечами, музыкальными инструментами. Некоторые монополии — особенно связанные с производством сельскохозяйственного сырья — раздвигались придворному дворянству, от которого абсолютистское государство требовало полного политического подчинения, в качестве вознаграждения давая дворянству финансовые преимущества. Так возникла тесная связь между этим дворянством и купцами-монополистами, причем дворянин сам часто превращался в монополиста. Многие семьи знатных дворян, например Цинцендорфы, Чернины и другие, своим богатством обязаны таким монополиям. Монополии давали им возможность обирать своих крестьян еще больше, чем прежде.

В течение последних 150 лет австрийские крестьяне весьма успешно отражали попытки помещиков снова превратить их в бесправных и совершенно зависимых крепостных, от которых можно было бы сегодня в неограниченных размерах потребовать работы, а завтра — даже согнать с земельных участков. Но крестьяне не могли противостоять экономическому давлению помещиков-монополистов. Если, например, помещик получал монополию на торговлю вином или зерном — в своей ли округе или на территории всей страны, — безразлично, крестьяне вынуждены были продавать свою продукцию по ценам, которые им предписывал помещик. Они должны были подчиняться и всем прочим требованиям помещика: соглашаться с увеличением барщины, уступать ему общинные владения — лес и луг, и возделывать то, что помещик мог бы прибыльнее продать. И чем больше крестьянин должен был подчиняться, тем положение его становилось все более зависимым, бесправным и жалким. Все, чего крестьяне добились в 1525 г. и во время других восстаний, они потеряли в конце XVII и в XVIII вв. Именно в это время появился сельскохозяйственный пролетариат, безземельные или, вернее, согнанные с земли батраки. Именно в это время установилось подлинное крепостное рабство крестьян, частичное освобождение которых было проведено Иосифом II и окончательное — в 1848 г.

Произвол помещиков отрицательно сказывался не только на крестьянах, но и на положении всей страны. Так, например, когда в результате турецкой войны виноделие в Венгрии пришло в упадок, помещики и торговцы получили возможность продавать в Западную Европу австрийское вино вместо венгерского. Поэтому

тысячи гектаров земли были превращены в виноградники, причем одних крестьян заставили возделывать виноград, а у других просто-напросто забрали землю. Вследствие этого Австрия вскоре оказалась вынужденной ввозить зерно. Но избыток зерна в соседних странах был не особенно велик и, главное, сильно зависел от плохого или хорошего урожая. Это привело к тому, что в результате неурожая и войн в соседних странах в конце XVII и начале XVIII в. в Австрии начался голод.

С точки зрения абсолютистского государства, которое уже по одним только военным соображениям нуждалось в регулярном снабжении продовольствием, эта «анархия» в сельском хозяйстве не могла быть терпимой в течение долгого времени. Именно поэтому партия реформ, вскоре образовавшаяся при дворе, со времени правления наследника Леопольда — Иосифа I — пыталась, хотя и не очень решительно, устранить эту анархию.

Положение городского населения в конце XVII в. также было не из легких. Государство было заинтересовано лишь в получении денег, торговцы — в том, чтобы поскорее выручить деньги уплаченные за патент на монополию. Несчастливым потребителем никто не интересовался. Он должен был платить диктуемые ему цены или отказаться от покупки товаров. Монополисты же не довольствовались одним обиранием покупателей. Там, где они одновременно контролировали производство, например производство ртути в Истрии или некоторые отрасли текстильного производства, они увеличивали свою прибыль при помощи совершенно неограниченной эксплуатации горняков или рабочих-надомников. Эта эксплуатация была настолько тяжелой, что начали протестовать даже австрийские органы власти. «Жители Австрии суть рабы частного налогообложения и своего ростовщика», — писала в 1697 г. надворная камера¹ австрийской надворной канцелярии.

В трудном положении были не только отдельные лица, но и все государство в целом. Существовал своеобразный экономический *circulus vitiosus* (порочный круг): чтобы получить деньги, государство предоставляло монополии. Монополисты безжалостно выкачивали средства из населения. Между тем население уже не могло выплачивать налоги в прежних размерах, так как народ все более нищал; дефицит же государственного бюджета все более возрастал; в результате государство вновь прибегало к продаже монополий. В конце концов дело дошло до того, что нечем было даже платить жалованье чиновникам. Тогда государство вместо жалованья предоставило чиновникам право «использовать экономические ресурсы своего района». Это означало, что чиновники

¹ Надворная камера ведала финансами короны. — *Прим ред.*

сами начали вводить новые монополии и назначать новые подати. (Между прочим, это последнее обстоятельство привело к тому, что одно из важнейших достижений абсолютизма — относительно единая система налогов и податей — было несколько нарушено.)

Государство, оказавшееся не в состоянии оплачивать своих чиновников и предоставившее им самим заботиться о себе, тем самым широко открыло двери для коррупции. Не будь даже чиновники тесно связаны с монополиями, они все равно весьма скоро превратились бы в настоящих монополистов, так как предоставленное им право самим вводить монополии открывало им широкие возможности для обогащения. Продажность чиновников и их связь с ненавистными «аппальтаторами» скоро сделали общеизвестными и подорвали доверие к государственному аппарату и престижу государства в целом. Более того, бюрократический аппарат вскоре сделался настолько продажным, настолько зависимым от частных лиц, что действовал уже вопреки интересам абсолютистского государства. И действительно, едва ли в интересах короны было то, что деньги, предназначенные на восстановление крепостей перед турецкой войной, исчезали в карманах чиновников или связанных с ними крупных поставщиков, в результате чего крепости оказались негодными. Ведь это представляло опасную угрозу военной и политической мощи государства.

Император не был слеп, он понимал, что дальше так продолжаться не может. Было очевидно, что главным затруднением являлся недостаток в деньгах. Были сделаны слабые попытки облегчить положение в стране введением режима экономии. Хотя во многих памфлетах того времени двор и императорская семья обвинялись в чрезмерной роскоши и расточительности, эта статья в бюджете была не очень велика — и Леопольд I, и Иосиф I пытались соблюдать экономию в расходах двора и в своем личном бюджете. Но это не имело существенного значения. Роскошь при дворе могла возбуждать недовольство изголодавшихся подданных, но не она была причиной финансовых трудностей.

Тогда была сделана попытка посредством неравномерного распределения налогов создать привилегированную группу земель, которая меньше облагалась бы налогами и население которой поэтому было бы менее недовольным. В козла отпущения было превращено население земли, которая меньше всего могла защищаться, так как в противоположность собственно австрийским землям она не имела даже ограниченной автономии. Такой землей была Чехия. Так в Габсбургской империи было положено начало привилегированного положения австрийских земель за счет неавстрийских.

Распределение налогов к началу XVIII в. выглядело следующим образом:

Каринтия, Штирия уплачивали	0,8	млн. гульденов
Нижняя Австрия	1,3	» »
Верхняя Австрия	0,2	» »
Тироль	0,7	» »
Чехия и Моравия	3,2	» »
Силезия	1,5	» »
Венгрия	1,6	» »

Чехия, Моравия и Силезия должны были, таким образом, платить налогов в полтора раза больше, чем все австрийские земли, вместе взятые. Если сравнить эти страны по их экономическому положению, то окажется, что производство в чешских землях было развито не больше, чем в некоторых австрийских землях, да к тому же Чехия, Моравия и Силезия еще не оправились от последствий Тридцатилетней войны. Поэтому для такого неравного налогообложения не было никаких экономических оснований. Сумма в 1,6 млн. гульденов для Венгрии хотя и была ниже, чем сумма, взимаемая с Чехии и Моравии, но если учесть, что эта страна неоднократно являлась театром военных действий, нужно признать, что сумма налогов была все же исключительно велика. Население Венгрии постоянно жаловалось на ограбление страны, осуществляемое императорскими сборщиками налогов.

Разумеется, эти манипуляции Австрии с бюджетами других земель помогли ей так же мало, как и пресловутая экономия. Экономический кризис и постоянное безденежье начали сказываться во всех областях и оказали свое влияние даже на внешнюю политику.

Во второй половине XVII в. положение Австрии в Европе было далеко не блестящим. Ее крупнейший и старейший союзник Испания перестала быть великой державой. Испания как великая держава сошла со сцены в результате политического и экономического кризиса; этот же кризис угрожал погубить и Австрию. В Испании так же неограниченно властвовали монополисты и помещики, так же разорялись крестьяне; чиновники в Мадриде дошли до того, что просили милостыню на папертях церквей, так как государство задолжало им жалованье за несколько лет; одетые в лохмотья солдаты отдавали свои ружья за кусок хлеба. В Испании, однако, не нашлось силы, которая могла бы резко изменить создавшееся положение. Франция, главный соперник Австрии на западе, в это время стала сильнейшим и самым передовым государством Европы. Австрии снова, как и перед заключением союза с Испанией, угрожала опасность оказаться между двух огней, — перспективой войны на два фронта: с Францией на западе и со все еще серьезным противником — турками — на востоке. Так же как это было в XV—XVI вв. Австрия попыталась в качестве противовеса заключить союз, который в

свою очередь должен был зажать в тиски Францию. Но Австрия не являлась уже выгодным союзником, так как ее бюрократический аппарат был дезорганизован, а армия стала небоеспособной; к тому же для проведения каждой кампании Австрия вынуждена была в большинстве случаев занимать деньги у тех же союзников. В австрийской армии за несение военной службы предоставляли монополии, а генералы имели даже право продавать офицерские должности. В результате таких порядков офицерский состав подбирался не из людей, обладавших военными способностями, а из тех, кто мог больше заплатить за офицерскую должность. Голодные, оборванные и недovolные солдаты ненавидели офицеров. В течение пятидесяти лет Австрия пыталась с грехом пополам создать новую прочную систему союзов. Но привлечь на свою сторону и сделать своими постоянными партнерами ей удалось только Польшу да мелкие немецкие и итальянские княжества. Однако и эти союзы обходились недешево. Между 1650 и 1700 гг. Австрия вынуждена была вести ряд войн, которые не приносили ей никаких выгод и велись только в надежде на то, что их следствием будет новая перегруппировка сил. Англия и другие державы использовали Австрию в качестве пешки в различных войнах и не раз бросали ее на произвол судьбы.

Начало преобразований

Режим экономии и бюджетные манипуляции не привели к желаемым результатам. Только одно могло спасти страну — серьезные преобразования в экономике. В конце XVII в. возникло несоответствие между задачами австрийского абсолютизма и состоянием экономики в стране. Абсолютистское государство нуждалось в относительно большом государственном аппарате и создавало его. Ощущалась также необходимость в сильной и хорошо вооруженной армии, которая давала бы государству возможность не только планировать, но и осуществлять захватническую политику. Для всего этого требовались деньги. Но деньги не падали с неба, и их нельзя было выпускать без конца. (Австрийское государство, впрочем, неоднократно пыталось выйти из затруднительного положения при помощи дополнительного выпуска денег, но в результате этого валюта все более обесценивалась.) Для того, чтобы страна процветала, надо было увеличить производство товаров, создавать больше материальных ценностей. Но существовавший в Австрии способ производства препятствовал этому. Горшечник или ткач мог работать вместо десяти двенадцать или четырнадцать часов в сутки; но пока он пользовался своими уже сравнительно устаревшими инструментами, пока он сам изготовлял товар от начала до конца, пока он, короче говоря, оставался ремесленником, количество производившихся им ценностей не могло быть

резко увеличено. Только изменение способов производства, введение машин, строительство фабрик, в которых процесс производства был бы упрощен и рационализирован при помощи разделения на несколько производственных процессов, могло во много раз увеличить количество производимых товаров.

В Австрии, как и во многих странах Европы, в это время уже начался переход от ремесленного способа производства к мануфактуре, этой первой ступени фабричного способа производства. В горной промышленности, в некоторых отраслях текстильной промышленности, в металлообрабатывающей промышленности выработка изделий велась уже мануфактурным способом. Но переход этот осуществлялся медленно, слишком медленно для абсолютистского государства, возникновение которого знаменовало изменения в экономике, развитие раннего капитализма. Теперь уже интересы государства перестали совпадать с интересами крупной торговой буржуазии, которая раньше была его союзником.

Австрии нужны были мануфактуры — текстильные, стекольные, — нужны были фабрики фарфоровых изделий, судостроительные верфи, такие, какие уже давно были созданы во Франции, Англии и Голландии. Но, как и в этих странах, в Австрии существовала опасность: если это развитие предоставить самотеку, то может пройти много десятилетий, прежде чем станут ощутимы результаты такого развития. Кроме того, экономически господствующий слой страны — крупная торговая буржуазия была мало заинтересована в возникновении австрийской мануфактуры. В этом не было заинтересовано и население, поскольку оно могло получать импортные изделия и не ощущало необходимости в товарах австрийского производства. Продукция молодой австрийской промышленности, в которой работали вначале не слишком хорошо обученные, малоопытные люди, была хуже и, вероятно, дороже, чем французская или голландская. Кроме того, создание австрийской мануфактуры было серьезной задачей, решение которой было не под силу отдельным лицам.

Следовательно, должно было вмешаться государство. Оно должно было создать систему покровительственных пошлин, которые сделали бы невозможным ввоз товаров из-за границы или по крайней мере так повысили бы их стоимость, что это дало бы возможность молодой отечественной мануфактурной промышленности развиваться без помех. Оно должно было поддержать самое возникновение этой мануфактуры, должно было строить государственные фабрики, подготавливать своих или приглашать иностранных специалистов. Оно должно было строить дороги, гавани и корабли, чтобы облегчить экспорт товаров, создать кредитные учреждения, чтобы сделать возможным финансирование новой промышленности. Оно должно было искать новые источники сырья, систематически исследовать и открывать новые ресурсы

в своей стране и притом не только учитывать имеющееся сырье, но и культивировать новые его виды. В это время повсюду стали возникать первые государственные или полугосударственные колониальные предприятия, «компании», которые старались захватить источники сырья не только в своей стране, но даже за океаном; некоторые страны, не имевшие колоний, искали источники сырья по соседству с собой, например в областях, занятых прежде турками.

Государство должно было оказать помощь в создании единой национальной экономики и выступить в качестве реформатора, так как экономическая перестройка страны была невозможна без известных политических реформ. Государство должно было позаботиться о приглашении в страну специалистов — ремесленников, инженеров и техников; так как в стране не было своих крупных мануфактур, естественно, не было и квалифицированных технических кадров. Эти специалисты и ремесленники прибывали из разных стран, в том числе из стран, которые не были католическими. Приходилось делать им уступки и ради них нарушать принцип единой государственной католической религии, что давало возможность совершенно иного толкования принципа религиозной веротерпимости, чем это было в 1620 г. Новым фабрикантам, новой интеллигенции, появление которой было следствием экономического развития страны, необходимо было создать условия для дальнейшего развития их деятельности, так же как нужны были срочные меры для быстреего поднятия общеобразовательного уровня населения страны; только таким образом страна могла получить квалифицированных, подготовленных рабочих и командный состав для новой промышленности. Эти фабриканты и эта новая интеллигенция вели свое происхождение не столько из среды крупных купцов и связанного с ними дворянства, сколько, прежде всего, из среды средней и мелкой буржуазии. Эти люди требовали, чтобы к ним относились как к равноправным членам общества, настаивая, например, на своем праве поступать на государственную службу. В них нуждались, и поэтому не только среди новой буржуазии, но даже в кругах, близких к короне, стали обсуждаться идеи равенства всех людей, независимо от их происхождения и положения. С появлением все более растущего слоя буржуазной интеллигенции, так называемой «служилой интеллигенции», церковь перестала удовлетворять ее интересам, стала для нее бременем и, больше того, сделалась препятствием для ее дальнейшего развития, так как не только не была в состоянии способствовать поднятию общеобразовательного уровня населения, но своими притязаниями на исключительное право церкви ведать воспитанием и образованием народа мешала широкому распространению образования. В результате не только буржуазия, но и некоторые представители короны

выдвинули требование отделения церкви от государства. В идеологической области это нашло свое отражение в требовании заменить религиозную философию философией «государственной целесообразности», а вслед за тем — в стремлении утвердить рационалистическое мировоззрение вместо теологического. Наряду с необходимостью экономического преобразования страны встал вопрос о необходимости ограничить экономические привилегии придворной знати и создать более свободное, крепкое в хозяйственном отношении и независимое крестьянское сословие. Экономические привилегии дворянства заключались в том, что каждый помещик на своей земле мог, например, помешать строительству мельниц, мануфактур, прокладке каналов и дорог, эксплуатации естественных ресурсов. Сохранение же зависимого и тяжелого положения крестьян создавало, кроме всего прочего, постоянную опасность голода в стране и являлось препятствием для развития сельскохозяйственного производства, отвечающего потребностям своего времени. Поэтому даже корона начала интересоваться вопросом освобождения крестьян.

Абсолютистская Австрия могла стать великой державой только при условии преобразования экономики. Но корона не имела возможности проводить ясную, недвусмысленную политику — политику реформ, — так как ее опорой были два различных общественных слоя. Экономическая и политическая необходимость влекли ее к сотрудничеству с новой буржуазией, которая одна была в состоянии довести до конца перестройку страны. Но традиции, чувство солидарности, происхождение связывали корону с дворянством и со старой крупной буржуазией — «королевскими купцами», из числа которых она создала свой государственный аппарат. Поэтому политика короны была медлительной, колеблющейся и противоречивой; кроме того, постоянно случалось так, что один из Габсбургов сводил на нет труды своего предшественника или по меньшей мере не продолжал их.

Несмотря на это, в конце XVII в. в Австрии началось движение за реформы, вначале более сильное «наверху», при дворе, чем среди буржуазии. При дворе образовалась партия реформ, которой время от времени удавалось добиться кое-каких изменений в государстве. К этой партии принадлежали высокопоставленные чиновники, высшее военное командование, иногда наиболее выдающиеся представители новой интеллигенции, близкие к правительственным кругам, а также сами представители габсбургской династии. «Габсбургами-реформаторами» были не только Мария Терезия и Иосиф II, но и Иосиф I и даже Карл VI некоторое время были сторонниками реформ.

1683 год был во многих отношениях знаменательным годом для Австрии. В этом году стало совершенно ясным, что дальше жить по-старому нельзя, что в Австрии должны произойти пере-

мены или она погибнет. Именно с этого года началось преобразование страны. Формирование новой Австрии было медленным, но уже с этого года стали прислушиваться к голосам ее первых «пророков» и теоретиков. Их первыми представителями, не только установившими основные линии развития новой Австрии, но и принявшими непосредственное участие в установлении новых порядков были австрийские меркантилисты.

Меркантилисты

С конца XVII в. в Австрии впервые начал входить в употребление термин «национальная экономика», уже давно известный на Западе. Люди, которые ввели этот термин в употребление, рассматривали свою страну и свой народ как целое, как «нацию», и стремились создать для этой нации новую, единую экономическую систему. Они впервые установили, что на политический строй страны решающим образом влияет ее экономика. Экономическая система, которую они разрабатывали, состояла в преобразовании и модернизации страны под эгидой государства, в создании своего рода «планового хозяйства». Эта система называлась «меркантилизмом».

Небезинтересно, что значительная часть деятелей XVII и XVIII вв., принявших участие в формировании и развитии австрийской нации и ставших известными как австрийские патриоты, не были австрийцами по происхождению. Принц Евгений, способствовавший своими победами укреплению положения Австрии как великой державы, родился в Париже. Абрагам а Санкта Клара — известный католический оратор, писатель и поэт, человек, который в своих проповедях к народу так остро, как никто другой, клеймил спекулянтов и монополистов своего времени, подчеркивавший, что считает Австрию своим отечеством, — пришел с Рейна, Ван-Свитен, основатель венской медицинской школы и первый крупный государственный деятель, настойчиво проводивший либеральные идеи в области культуры, был голландец. «Великая тройка» австрийского меркантилизма — Филипп Вильгельм фон Хёрнигк, И. И. Бехер и Шредер — были «натурализованными австрийцами». Бехер родился в Шпейере, Шредер — в Хемнице, Хёрнигк — в Майнце. Нет, впрочем, ничего удивительного, что именно эти люди не могли мириться с плачевным состоянием немецких княжеств, размеры которых, по образному выражению, не превышали одной двенадцатой доли листа. Германия не могла быть ни отечеством, ни благоприятным полем деятельности для людей, которые во времена пробуждавшегося национального самосознания хотели создать отечество для молодой интеллигенции, которая желала энергично взяться за дело, чтобы придать миру желаемый облик. Для них отечеством становилась

прогрессировавшая, несмотря на все трудности, Австрия, обещавшая стать великой державой, Австрия, в которой началось становление нации. Австрия вскоре сделалась для них всех тем же, чем она стала для Хёрнигга, который свое отношение к ней выразил следующими словами: «Этой стране, чей хлеб я ем, я отдаю всего себя!»

Наиболее известным из трех упомянутых лиц является Хёрнигг, хотя Бехер и Шредер провели больше реформ и оказали более серьезное влияние на развитие Австрии. Но книга Хёрнигга «Австрия — превыше всего, если только она пожелает этого»¹, вышедшая через два года после турецкой войны 1683 г., сделалась программой новой Австрии, библией молодой интеллигенции, новой буржуазии, Иосифа I, принца Евгения и придворной партии реформ. Иосиф, который во многих вопросах пошел значительно дальше требований Хёрнигга, называл его своим учителем. Школа австрийских реформаторов назвала себя позднее «физиократами», но в основе ее программы продолжали оставаться идеи, выдвинутые Хёрниггом.

В начале упомянутой книги Хёрнигга давалось описание крайней нищеты и экономической отсталости Австрии, указывалось на господствующую в стране коррупцию. Виновными в существующем положении в стране являлись, по мнению автора, в первую очередь монополисты, доведшие страну до обнищания и ожесточенно боровшиеся с теми, кто требовал реформ. «Если сказать правду, — говорилось в книге, — то у нас всегда получалось так, что едва только кто-нибудь выступит с призывом развивать отечественное производство товаров, как десятеро выступают против, и среди этих последних — как купцы, так и знатные господа». Нередко бывало, что эти купцы являлись иностранцами, если же они и оказывались австрийцами, «то все же торговали они с помощью иностранных капиталов или вели торговые операции лишь с иностранными факториями (первоначально факторией называлась низовая торговая точка на периферии, в XVII же веке факторией стали называть мануфактурное предприятие)». «Вы не понимаете значения мануфактуры и пользы, приносимой ею, и научились только скупать за бесценно товары где придется и перепродавать их нам втридорога», — говорилось далее в книге. В этих небольших отрывках дана яркая характеристика торгового

¹ В XVII—XVIII вв. этот лозунг выражал национальные устремления австрийского народа; он подчеркивал, что Австрия может при желании ликвидировать свою отсталость и выйти в ряды передовых государств. Позже австрийские националисты придали этому лозунгу реакционное, агрессивное значение. Они поставили его на службу антиславянской политики Габсбургов и их империалистических захватнических планов. Этим лозунгом стали выражать шовинистическую идею о превосходстве Австрии над другими государствами. — *Прим. ред.*

капитала, который сам по себе был не в состоянии создавать материальные ценности и являлся препятствием на пути развития промышленного капитала, препятствием для дальнейшего развития промышленности.

Хёрнигк открыто обвинял двор и правительство не только в отсталости, но и в коррупции: «Часть придворных открыто выступает против реформ, другие связаны с монополистами и вложили в торговлю свои капиталы, третьи являются их компаньонами, четвертые получают от монополистов свои пенсии». Имелась в виду, прежде всего, аристократия, которая была исключительно продажной; возможно, что Хёрнигк намекал и на самого Леопольда I, которого в Вене нередко открыто винули в различных спекулятивных махинациях.

Хёрнигк указывает далее, что инертность народа, который не верит в себя и свои силы, а всякий прогресс считает невозможным только потому, что Австрия всегда находилась в состоянии застоя, — одна из причин, мешающих Австрии двигаться по пути прогресса. Обращаясь прежде всего к этим нерешительным людям, которых одолевают сомнения различного рода, он говорит: «У нас такие же глаза, мозг и руки, как и у других, в стране имеется сырье, лучшее, чем у других, и условия более благоприятные, чем в других странах; в нашей стране есть много бедных, нуждающихся в хлебе людей, причем они могли бы найти применение своим силам и тем добыть средства к безбедному существованию. Императорские наследственные земли могут прокормить еще столько же людей, сколько они кормят теперь. Австрия не зависит от других государств и самостоятельна, как никакое другое государство в Европе. Поэтому — Австрия превыше всего, если только она пожелает этого».

Хёрнигк резко обрушивается на тех, кто находит тысячи доводов для доказательства того, что Австрия не может двигаться вперед; он нападает на тех, кто оперирует в качестве неопровержимых аргументов «природными условиями», «австрийским воздухом и водой», мешающими прогрессу, или ссылками на «природную ограниченность населения», или тем, что Австрия не имеет достаточно сырья, чтобы создавать национальную промышленность. Хёрнигк доказывает, что Австрия имеет почти все необходимые виды сырья и может организовать производство недостающих его видов, он заявляет далее, что все подобные возражения являются только отговоркой для тех, кто личное обогащение ставит выше благополучия государства. Именно эти люди являются преступниками по отношению к своему австрийскому отечеству.

Предложенные Хёрнигком реформы — классические «девять правил меркантилизма» — состояли в следующем;

1. Необходимо тщательно исследовать и познать страну, «не оставить невозделанным ни одного клочка земли», и сделать все, «чтобы можно было использовать ее ресурсы».

2. Имеющееся сырье должно перерабатываться в самой стране.

3. Необходимо «знакомить население со всякими изобретениями, обучать искусствам и ремеслам, поощрять их в этом, а если потребуется — приглашать учителей из-за границы».

4. Золото и серебро не должны быть предметом экспорта, они не должны «храниться в ящиках и сундуках, но всегда должны находиться в обращении».

5. Необходимо приучать жителей довольствоваться по возможности местными товарами.

6. Весь импорт, который будет признан необходимым, должен оплачиваться не золотом, а товарами.

7. Если ввоз будет все же иметь место, то ввозить надо только сырье, с тем чтобы перерабатывать его в стране.

8. «Днем и ночью» нужно заниматься поисками новых рынков сбыта во всем мире.

9. Товары, которые могут быть произведены в стране, ни в коем случае не должны импортироваться.

Принципы меркантилизма, разработанные для того, чтобы в период начавшегося развития страны защитить ее экономику от иностранной конкуренции и при поддержке государства способствовать ее промышленному развитию, имели значение только для данной, определенной эпохи. Их претворение в жизнь дало бы возможность Австрии преодолеть кризис и быстро превратиться в передовую, экономически развитую и богатую страну.

Хоть и медленно, постепенно, но все же значительная часть программы Хёрнига была выполнена.

Этому отчасти способствовало то обстоятельство, что в политике короны, особенно после смерти Леопольда и прихода к власти Иосифа I, произошел поворот. От политики противодействия меркантилизму корона перешла к открытой его поддержке. Иосиф сочувственно отнесся к идеям реформаторов, поддерживал личные отношения со многими меркантилистами и во всем советовался с ними. Он был убежден в правильности положения, высказанного Хёрнигом о том, что только экономически здоровая и сильная Австрия может покончить с опасностью турецкого вторжения, выиграть войну с Францией и одновременно освободиться от постоянной опеки союзников.

Кроме того, меркантилисты, не дожидаясь активной поддержки короны, сами проявляли инициативу. Среди них были крупные чиновники центрального аппарата, которые начали проводить в жизнь принципы меркантилизма. Особенно значительной была деятельность Вильгельма фон Шредера и И. И. Бехера.

Так, Бехер основал «Императорскую шелковую компанию», принадлежавшую государству и открывшую в Австрии первые текстильные предприятия. Первая «фактория» была пущена в Нижней Австрии, в Вальперсдорфе; вслед за ней было основано еще несколько мануфактурных предприятий. Компания организовала производство шелковых ниток, чулок, лент, шелковых и шерстяных тканей, полотна и бархата. Кроме того, она поддерживала также частных лиц, помогая им организовать текстильные предприятия. Так, вскоре после основания компании была открыта при ее содействии частная фабрика в Линце, где ткани окрашивались по английскому образцу.

«Императорская шелковая компания» была основана на государственных средствах, но этих средств хватило не надолго. Поэтому основатели вскоре перешли к новому методу привлечения средств. Они стали выпускать акции — паевые свидетельства и призывать население принять участие в качестве пайщиков в новом предприятии. Хотя государство оставило за собой контроль над предприятием и пайщики вначале не участвовали в управлении предприятием, однако нашлось много желающих приобрести такой пай.

«Императорская шелковая компания» представляла собой нечто новое. В период развития раннего капитализма она явилась предшественницей современных акционерных обществ.

Компания просуществовала недолго. В начале XVIII в., когда уже начался период относительно широкого и бурного развития новой мануфактуры, сопровождавшийся разнузданной спекуляцией, компания сделала попытку молниеносно превратиться в крупный концерн, который должен был захватить в свои руки всю австрийскую текстильную промышленность. Но компании оказалось не под силу осуществить этот план, и она потерпела крах.

Бехер был также основателем «Коммерческой коллегии» — центрального государственного учреждения, созданного для «печения о торговле, преобразованиях, сырье и мануфактурах». «Коммерческая коллегия» ставила своей целью установление цен и контроль над ними, следила за их уровнем или по крайней мере регистрировала колебания цен, стремилась повышать в среднем потребление важнейших товаров и в соответствии с этим регулировать выпуск продукции, стремилась лимитировать денежное обращение и направлять экспорт. Само собой разумеется, что «Коммерческая коллегия» не могла разрешить эти задачи. Для этого ей пришлось бы взять под свой контроль не только новые мануфактуры, но и всю промышленность страны, организованно вести все хозяйство. Однако она все же содействовала ускорению роста мануфактуры и оказывала значительное влияние на внешнюю торговлю.

В 1667 г., при активном содействии Бехера, была основана «Восточная компания», которая контролировала и в значительной степени заново организовывала торговлю с Турцией. Она основала в Константинополе, а позднее и в других городах Ближнего и Среднего Востока торговые фактории и даже собственные мануфактуры, в которых перерабатывалось местное сырье. Хотя компания стала крупным торговым объединением лишь в последние годы XVII в., однако именно ее основание положило начало австрийской торговле с Левантом.

Многие предложения Бехера были вполне оценены лишь спустя десятилетия, некоторые были только частично осуществлены, а остальные и совсем были отвергнуты. Венский «Дом мастерства и учебы», основанный Бехером совместно со Шредером, был в 1681 г. закрыт, так как у государства не оказалось достаточно средств на его содержание.

«Дом мастерства и учебы» занимался подготовкой текстильных рабочих и особенно работниц. Не лишена интереса мысль Шредера и Бехера о том, что вдовам или неимущим одиноким девушкам необходимо иметь квалифицированную специальность, а не прибегать к помощи друзей или благотворительности городских и церковных организаций.

«Дом мастерства и учебы» должен был заниматься подготовкой отечественных специалистов для новых мануфактур, чтобы со временем избавить Австрию от необходимости приглашать иностранных специалистов. «Дом мастерства и учебы» должен был стать своего рода техническим опытным учреждением, в котором разрабатывались бы новые методы производства. Но такие мероприятия стали осуществляться в широком масштабе только во второй половине XVIII в.

Лишь после ухода Бехера и Шредера с государственной службы был осуществлен их проект создания австрийского государственного банка. По замыслу Бехера и Шредера банк должен был предоставлять кредиты главным образом для основания новых мануфактурных предприятий, привлекать частный капитал к финансированию государственной промышленности, заниматься всеми безналичными расчетами в стране (например, обращением векселей). Такой банк возник в 1702—1703 гг.

Между прочим, Бехеру удалось добиться значительного успеха в борьбе с сильнейшим монополистом Австрии, бывшим итальянским мелким торговцем Инцаги, который в течение 2—3 десятилетий превратился в крупнейшего «аппальтатора» Австрии. Инцаги держал в своих руках монополию на производство всей ртути в Австрии; производство ртути являлось одной из самых прибыльных отраслей промышленности Европы. Бехер добился того, что австрийское государство снова взяло добычу и продажу ртути в свои руки.

Однако заслуга австрийских меркантилистов состоит главным образом не в создании ими промышленных и торговых учреждений и учебных заведений, а в том, что они выступали в качестве учителей и вдохновителей идей создания новой Австрии. В один из самых критических периодов в жизни страны они показали ей путь к преодолению кризиса. Это был также путь перехода к новому этапу общественного развития, к эпохе раннего промышленного капитализма — экономического, а затем и политического господства буржуазии. Потребовалось больше столетия, прежде чем этот путь был пройден. Идеи австрийских меркантилистов сыграли значительную роль в развитии экономики Австрии. Меркантилисты были передовыми борцами за дело развития единой национальной экономики, пионерами этой идеи, без чего Австрия не могла бы развиваться как нация. Хёрнигк, Бехер и Шредер были представителями направления, которое на Западе уже имело нескольких теоретиков, но которое в Австрии и в Средней Европе возглавлялось только этой «великой тройкой». Представители этого направления впервые указали на значение труда и создаваемых им материальных ценностей, на значение экономических факторов для развития государства, для общества в целом и для каждого отдельного человека, они основали новую национальную экономику.

«Великая тройка» наметила ряд государственных задач и старалась побудить корону приступить к их осуществлению. В конце концов значение этих задач стало ясным для большей части двора и государственного аппарата, но оппозиция дворянства и торговой буржуазии была чрезвычайно сильна. Лишь очень серьезные причины заставили корону перейти от нерешительности к действию. Первым крупным толчком была турецкая война. Вторым толчком, имевшим, вероятно, решающее значение, был крах банкирского дома Оппенгейма.

Оппенгейм был одним из крупных австрийских банкиров и финансистов, нажившихся на торговле и монополиях, а позднее превратившихся в собственно финансистов. В это время в Европе среди капиталистов уже начался процесс усиленной дифференциации. Сто лет назад торговые капиталисты были одновременно и торговцами и банкирами, а нередко и фабрикантами. Теперь образовалось три группы: старые крупные оптовики, нередко превращавшиеся в монополистов; новые фабриканты, большей частью выдвигавшиеся из слоев мелкой буржуазии; банкиры, которые рекрутировались из обеих групп, но стояли ближе к оптовикам. Оппенгейм принадлежал к этой третьей группе — к банкирам. Он начал свою карьеру в качестве поставщика армейского снаряжения для императорской армии и вскоре получил монополию на все поставки боеприпасов и продовольствия для всех армий страны. В конце концов он занялся главным образом бан-

ковскими делами. В те времена, как и теперь, любой банк был тесно связан с десятками иностранных банков, с сотнями мелких и крупных мануфактурных и торговых предприятий. Это объяснялось, конечно, не концентрацией финансового капитала в немногих руках, что имеет место при империализме, но острой нехваткой капитала. Производство росло очень быстро, гораздо быстрее, чем имевшийся к услугам предпринимателей оборотный капитал. Поэтому каждый банк и каждый финансист, который мог предоставить кредит или сделаться вкладчиком, осаждался сотнями новых и старых предпринимателей — как отечественных, так и иностранных, нуждавшихся в деньгах и предлагавших за них большие проценты и прибыли; финансисты стремились не упустить этих возможностей и вкладывали деньги в разные предприятия.

Сначала австрийская корона задолжала Оппенгейму деньги за поставки. Потом она стала требовать все более крупных займов. Оппенгейм, очевидно, считал австрийское государство более платежеспособным, чем оно было в действительности, и предоставлял эти займы. Кроме того, на Оппенгейма было легко оказать давление, так как он был еврей и ему постоянно грозило применение по отношению к нему старых антиеврейских постановлений. Правда, они обычно не применялись по отношению к людям его положения, но о них могли вспомнить в любой момент. Поэтому Оппенгейм постепенно весь капитал своего банкирского дома, в том числе вклады и паи многих мелких австрийских предпринимателей, бросал в бездонную бочку габсбургского государства. Оппенгейму пришлось самому прибегнуть к крупным займам.

Государство не только не возвратило ему денег, но вскоре оказалось даже не в состоянии уплачивать ему небольшой по тому времени процент (около 12 процентов). В результате Оппенгейм оказался банкротом — он не был в состоянии платить проценты за полученные займы деньги. Весной 1703 г. несколько векселей, выданных Оппенгеймом, были опротестованы и вся его гигантская фирма лопнула. Крах Оппенгейма, принимая во внимание масштабы XVIII в., был бы равен краху австрийских кредитных учреждений в наше время. Десятки мелких банков и фирм в Германии, Голландии и Италии были увлечены в пропасть. Тысячи людей потеряли все свое состояние. Крах Оппенгейма был похож на современные банковские крахи как по своим масштабам, так и по тому, какую панику он вызвал. Дом Оппенгейма был одним из наиболее солидных европейских финансовых учреждений, и, когда он лопнул, многие потеряли доверие к банкам вообще и стали забирать из банков свои вклады. Правда, вклады были значительно меньше, чем теперь, но частные банки в то время были менее подготовлены к неожиданному изъятию

вкладчиками своих вкладов, чем современные финансовые учреждения. Поэтому вслед за крахом Оппенгейма лопнули даже такие банки, которые в финансовом отношении не были или весьма мало были связаны с Оппенгеймом.

Крах Оппенгейма позднее использовался фашистскими «теоретиками» как классический пример якобы разлагающего влияния евреев на экономическую жизнь страны. Между тем единственным виновником краха Оппенгейма было австрийское государство, которое всеми способами принуждало Оппенгейма к недопустимым финансовым операциям, а за несколько дней до катастрофы, когда уплата сравнительно небольшой суммы могла бы еще предотвратить несчастье, отказало ему в какой бы то ни было помощи.

Граф Гундакер фон Штаремберг, крупнейший австрийский финансовый эксперт своего времени, назвал этот крах «преднамеренным банкротством», считая, что ответственность за него несет исключительно австрийское правительство.

Правительство попыталось выйти из создавшегося неловкого положения, свалив всю ответственность на Оппенгейма. Вначале правительству удалось ввести в заблуждение жителей Вены. Разъяренная толпа осадила дворец Оппенгейма и пыталась поджечь его. Между тем даже поверхностное расследование сразу выявило бы действительного виновника. Трудно было отделаться простыми отговорками от того несомненного факта, что долговые обязательства государства составляли более чем пять миллионов гульденов, часть которых открыто, а другая при посредстве замаскированных операций были взяты у Оппенгейма в кредит. И толпа, осаждавшая вначале дворец Оппенгейма, очень скоро оказалась в неприятном для правительства соседстве с Гофбургом и домами высокопоставленных австрийских чиновников.

Едва ли правительство испытывало угрызения совести по поводу судьбы Оппенгейма. Демонстрация венского населения, открыто выражавшего намерение повесить министров его императорского величества на ближайшем дереве, как только удастся их схватить, произвела на Габсбургов и правительственных чиновников несколько большее впечатление, но не в этом было дело. Подобные демонстрации стали уже обычными в последние тридцать лет. Хуже всего для австрийского правительства было то, что оно оказалось вынужденным открыто признать долг в пять миллионов гульденов, который необходимо было как можно быстрее уплатить кредиторам Оппенгейма, — в противном случае надо было объявить себя банкротом. Самое ужасное заключалось в том, что ни один финансист в Европе не хотел больше давать займы деньги австрийской короне. Банкиров, как иноземных, так и австрийских, страшила судьба их бывшего коллеги Оппенгейма.

Австрии больше нечего было закладывать: все, что представляло ценность, было уже заложено. Государству оставалось только одно: сделать попытку как можно быстрее восстановить, хотя бы наполовину, свою платежеспособность. Хотя монополисты и их дворянские компаньоны имели большой вес в стране, государство не собиралось, однако, ради них превратиться в обанкротившуюся державу третьего разряда.

После краха Оппенгейма представителям партии реформ удалось добиться больших успехов, чем прежде. Конечно, здесь играли роль и другие факторы, но именно с этого времени начинается более энергичное, направляемое государством строительство новых австрийских мануфактур. Под давлением и в силу уже указанных сложившихся обстоятельств, оказавшись в величайшей нужде, австрийская корона решилась на политику, которую уже давно проводил Людовик XIV во Франции.

Австрия пошла по тому пути развития, который превращал страну в одно экономическое целое. Результатом такого развития явилось планомерное улучшение связей между отдельными частями страны. Одновременно государство начало создавать технические предпосылки для экспорта новых товаров и импорта сырья для развивающейся промышленности.

Началось строительство дорог, гаваней и, несколько позднее, — при Карле VI и Марии Терезии — внутренней системы каналов. Строительство каналов имело целью удешевить перевозку товаров. Но главное было не в том, что перевозка гужевым транспортом обходилась слишком дорого. Этим видом транспорта можно было доставлять относительно немного грузов, тогда как количество товаров и сырья все увеличивалось. Строительство каналов было первой ступенью в создании дешевого транспорта внутри страны. Наиболее значительными дорогами, построенными в начале XVIII в., были дороги, связывавшие Фиуме и Триест с Любляной, Каринтией, Штирией, Тиролем и Зальцбургом, и дорога через Земмеринг, оконченная в 1728 г.

Одновременно правительство начало строительство гаваней на Адриатическом море, прежде всего в Фиуме и Триесте. В 1719 г. Фиуме и Триест были объявлены свободными гаванями. В этих гаванях разрешалось торговать любыми товарами купцам всех стран. Государство предоставляло им помещения для складов, лоцманов, брало на себя защиту личности и имущества купцов и в возмещение за все это установило относительно низкий адмиралтейский сбор — в полпроцента с оборота. Это был разрыв с тогдашней традицией высокого обложения торговли пошлинами не только на ввоз, но и на вывоз. В том же году правительство обратилось ко всем «иноземным продавцам, купцам, искусным мастеровым и мануфактуристам, независимо от различий в вероисповедании», с предложением селиться в наследственных землях.

Это тоже был открытый разрыв с прежними традициями, нарушение монопольного положения католической церкви в Австрии. Церковь, особенно иезуиты, приняла это мероприятие в штыки. Справедливо или нет, но церковь считала принца Евгения Савойского прежде всего ответственным за этот курс и в течение многих лет тайно и явно нападала на него.

В 1713 г. корона приступила к строительству австрийского военного флота. До этого времени Австрия была исключительно сухопутной державой. Через несколько лет она уже владела 20 военными кораблями, 17 галерами, 9 фрегатами, 8 военными транспортами и тремя малыми вспомогательными судами с общим числом в 1067 пушек на всех кораблях. Для создания этого флота, разумеется, нужны были кораблестроительные верфи. В это время, действительно, уже имелось несколько больших и по тому времени хорошо оборудованных верфей, на которых строились также и торговые корабли.

Строительство военного флота рассматривалось тогда как свидетельство того, что страна намеревается стать великой державой. На морях появился новый флаг — флаг австрийского императорского дома. Австрийская торговля шла в основном по средиземноморским и адриатическим торговым путям, через страны Леванта, но часть австрийских кораблей обогнула Африку и достигла Индии. При Иосифе I был основан ряд заокеанских компаний, в частности Ост-Индская компания.

Кстати, во всех крупных европейских государствах, прежде всего в Англии, Франции и Голландии, различные компании, частные торговые общества, вначале поддерживавшиеся государством, а затем переходившие полностью в собственность государства, были первыми проводниками новой колонизаторской политики. Они занимались не только торговлей, но и скупали земли в заокеанских странах, заключали с туземными королями и князьями официальные государственные договоры, распоряжались туземной рабочей силой и нередко даже держали в своих опорных пунктах за океаном собственные маленькие армии. Так, английская Ост-Индская компания не только утвердила английское господство в Индии, но и создала целый аппарат управления, который впоследствии непосредственно перешел к государству. То же самое сделала Вест-Индская компания на Ямайке.

Создание австрийской Ост-Индской компании, главный опорный пункт которой находился не в Австрии, а в бельгийских наследственных землях Габсбургов, в Остенде, было задумано в целях конкуренции с английской и голландской торговлей.

Весьма важным экономическим событием было основание в 1703 г. так называемого «Жиро-банка» — первого австрийского государственного банка, который в 1706 г. был преобразован в «Венский банк». Банк был создан сразу после краха Оппен-

гейма, когда государству волей-неволей пришлось дать гарантию на потерянные во время краха пять миллионов гульденов, выдать вместо долговых расписок государственные долговые обязательства и регулярно выплачивать по ним проценты. Пользуясь этим исключительно тяжелым для государства положением, придворные — сторонники «экономических реформ», среди которых особенно выделялся финансовый эксперт граф Штаремберг, добились создания государственного банка. Чтобы добыть средства для уплаты процентов, этот банк был создан как своего рода центральное учреждение для всех финансовых операций, через которое должны были совершаться все вексельные, кредитные операции и т. п. Поступавшие в результате этих операций доходы должны были идти на уплату процентов по государственному долгу.

Крах Оппенгейма был только непосредственным поводом для создания банка — в стране уже давно ощущалась потребность в крупном и до известной степени надежном банке. Новые мануфактуры могли возникать и развиваться только при условии, если предприниматели будут располагать возможностью без особых формальностей получать краткосрочный кредит, уплатив за него небольшие проценты. Чтобы удовлетворить эту потребность в кредитах, уже несколько лет назад были созданы особые кредитные учреждения — ломбарды. Ломбарды — «*Montes pietatis*», как они тогда назывались — создавались не для обслуживания беднейших слоев населения, а являлись кредитными учреждениями, предназначенными для удовлетворения нужд главным образом средних и мелких фабрикантов и купцов.

Заинтересованность в учреждении государственного банка, необходимом для развития хозяйства вообще, проявляли, кроме того, некоторые категории предпринимателей и по другим причинам. Разбогатевшие купцы и мануфактуристы, имевшие свободные денежные суммы и не желавшие более вкладывать их в свои предприятия, хотели теперь вложить свои деньги в банк. Это была новая прослойка так называемых финансистов.

Наконец, наличная сумма денежных средств — золота, серебра и меди, — достаточная, несмотря на все махинации, которые государство время от времени проделывало с валютой, для предыдущего периода, когда производство товаров и товарный оборот были значительно ниже, стала недостаточной для периода, характеризовавшегося развитием мануфактуры и торговли. Надо было создавать дополнительные платежные средства: векселя и ценные бумаги, которые могли бы продаваться, а позднее — и бумажные деньги.

«Жиро-банк» был основан, примерно, в то же время, что и английский государственный банк и французский эмиссионный банк Ло. «Жиро-банк» не долго оставался государственным учреждением. Хотя и имелась потребность в банке, принадлежа-

щем государству, однако вкладчики не питали доверия к стабильности финансового положения австрийского государства, и вклады делались неохотно, и поэтому надежды, возлагаемые на банк финансовыми специалистами правительства, не оправдывались. Кроме того, за банковские услуги взимался сравнительно высокий сбор, так как государство хотело прежде всего заработать на этом деле. Три года спустя «Жиро-банк» был преобразован в «Венский банк», все еще оставшийся полугосударственным учреждением. Лишь после того как капиталовложения населения в этот банк были гарантированы городом Веной, ее земельной собственностью, операции банка начали действительно расти, и вскоре его услугами стали пользоваться не только купцы и фабриканты, но и мелкие вкладчики, а также рантье и др. Но все же на росте банка сказывалась непоследовательность в проведении политики австрийского протекционизма. Государство видело необходимость развития производства, однако оно рассматривало развитие производства только как непосредственный источник быстрого увеличения доходов. Вместо того чтобы вложить в производство крупные средства и труд и терпеливо ждать результатов, государство хотело небольшими средствами и в короткий срок добиться невозможного. Государственные пособия новым мануфактурам часто были слишком мизерны и вновь открытые предприятия приходилось закрывать уже через несколько лет из-за недостатка капитала. Если мануфактуристы и освобождались от налогов, то на слишком короткий срок. Государство не всегда решалось отказаться от пошлин на вывоз новой продукции, а также продолжало облагать пошлиной ввоз сырья, необходимого для промышленности. Здесь сказалась некоторая неповоротливость абсолютистского государства. Однако, несмотря на все это, примерно до конца XVIII в. выгоды от политики протекционизма были все же больше, чем расходы, связанные с нею.

Быстрое экономическое развитие в первой трети XVIII в. вызвало в Австрии спекулятивную горячку, имевшую место в то же время в Англии и Франции. В результате спекулятивных махинаций один финансовый крах следовал за другим. Именно в это время многие стали быстро наживать крупные состояния. Зажиточные мастера-ремесленники молниеносно превращались в богатых фабрикантов, мелкие заимодавцы — в крупных банкиров. Для развития мануфактурного производства ощущалась настоятельная необходимость в новых средствах. Владельцы предприятий обещали вкладчикам гигантские прибыли; доверчивым людям казалось, что деньги валяются под ногами, и население вкладывало свои деньги в самые необыкновенные, фантастические предприятия. Люди делали это не только из легковерия или по глупости: существовала сплошь и рядом действительная возмож-

ность, вложив деньги в мануфактурное предприятие, за весьма короткое время получить огромные барыши или, основав новое предприятие, разбогатеть в баснословно короткий срок. У дельцов было такое чувство, будто все, к чему они ни прикоснутся, превратится в золото: никакая финансовая операция не казалась им слишком рискованной; они потеряли способность отличать возможное от невозможного.

Но, разумеется, не все было возможно. Можно было, сделавшись акционером новой компании, получить большую прибыль, но нельзя было выплачивать долгое время 10, 12 или 15 и 20 процентов годовых. Между тем многие компании обещали именно такие проценты. Можно было скупить несколько предприятий и слить их в одно прочное в финансовом отношении предприятие, но невозможно было создать и, главное, поддерживать существование гигантского промышленного конгломерата, объединявшего десятки текстильных фабрик, красилен, предприятий по изготовлению красок, в чьем ведении находились земли, на которых возделывался лен, мельницы, извозные предприятия, предприятия по изготовлению телег, а иногда даже небольшие верфи. Так же невозможно было одной компании сосредоточить в своих руках почти всю шелковую промышленность страны или какому-либо обществу на свой собственный риск и страх проводить колонизацию неисследованных заморских земель, о которых хорошенько даже не знали, где они находятся. Однако именно такие предприятия неоднократно пытались осуществить. Снова и снова находились люди, вкладывавшие свои средства в подобные предприятия; им платили некоторое время невероятно высокие проценты, большей частью из вновь поступающих вкладов, и снова и снова через один-два года дело кончалось гигантским крахом. Прошло известное время, пока наконец были выяснены возможности для дальнейшего развития новой экономики.

В 1709 г. в Вене была основана большая государственная шелкоткацкая фабрика; через полгода возникла вторая, основанная частично на правительственные средства. Руководил ею частный предприниматель, а затем фабрика постепенно перешла в его собственность. Предприятия такого типа вначале встречались очень часто. Впоследствии государство стало ограничиваться тем, что предоставляло фабрикантам, намеревавшимся открыть предприятия, особые льготы, прежде всего — освобождение от налогов.

Десять лет спустя в Вене уже был целый ряд предприятий, производивших шелк, бархат, чулки, парчу и тафту. Одновременно в Каринтии и главным образом в Чехии и Силезии возникли предприятия, вырабатывавшие шерстяные и льняные ткани. Между 1701 и 1718 гг. возникла новая отрасль промышленности:

были основаны первые фарфоровые и зеркальные мануфактуры. В это же время чешские стекольные заводы, возникшие еще в 70-х годах XVII в., были расширены и модернизированы.

Это не были спокойные или идиллические годы; это было бурное, богатое новыми идеями и новыми возможностями время. Состояния создавались в один день и так же быстро исчезали, люди молниеносно делали карьеру и так же быстро скатывались вниз, на последнюю ступеньку социальной лестницы или попадали в долговую тюрьму. В городах как из-под земли вырастали великолепные дворцы, превосходившие по роскоши все, что было до сих пор построено, а рядом с ними стояли мрачные, до отказа населенные, разрушавшиеся дома. Во дворцах ели, пили и танцевали больше, чем когда-либо, — а рядом еще больше голодали. Эти противоречия тогда еще не так бросались в глаза, как в конце XVIII и начале XIX в., но города уже начали терять свой сравнительно единообразный вид: возникли кварталы богачей и кварталы бедняков.

Возникновение новых мануфактур стоило крови, пота и слез многих неизвестных маленьких людей. Мелкие вкладчики, в том числе вдовы и сироты, теряли свои последние гроши в результате финансовых операций государства или спекулянтов. Среди ремесленников происходила дифференциация: некоторые, главным образом мастера, превратились в спекулянтов, большая же часть потеряла самостоятельность и сравнительно обеспеченные источники существования и сделалась наемными рабочими.

Во многих новых предприятиях, особенно там, где нашли применение новые и сложные методы производства или где имелись машины, приводившиеся в движение водой, или же огромные и дорогостоящие плавильные печи, весь процесс производства был сосредоточен в мастерских. Люди, работавшие в этих мастерских, находились на таком же примерно положении, как и рабочие в современном индустриальном предприятии. Однако их труд был значительно меньше специализирован. Теперь рабочий в большинстве случаев выполняет только одну какую-нибудь операцию, составляющую лишь часть производственного процесса, непрерывно повторяя одно и то же движение; рабочие того времени, как правило, владели несколькими производственными специальностями. Во многих отраслях промышленности, прежде всего в текстильной, одна или несколько производственных операций, например прядение или ткачество, выполнялись рабочими-надомниками, которые получали от фабрикантов лён или пряжу и вырабатывали пряжу или ткани, и только последняя или самая сложная производственная операция производилась в мастерской.

Заработная плата рабочих была крайне низкой; во второй трети XVIII в. она немного повысилась. В начале XVIII в. произошло несколько выступлений рабочих с требованием повышения

заработной платы. Это не были выступления рабочих отдельных и мелких предприятий; это были выступления, захватывавшие рабочих той или другой отрасли промышленности в целом. В 1715 г., например, венские сапожные подмастерья забастовали и потребовали повышения заработной платы. В 1722 и 1725 гг. снова вспыхнули забастовки венских сапожников, ткачей и рабочих шелковой промышленности, требовавших повышения заработной платы. Забастовка 1722 г. приняла такие размеры, что, как указывалось в сообщении, «привела венских горожан в замешательство и беспокойство». Правительство предъявило бастовавшим ультиматум и потребовало, чтобы они немедленно приступили к работе.

Несмотря на это, забастовка продолжалась; тогда правительство арестовало и казнило двух ее руководителей. Подобные же забастовки происходили и в последующие годы.

Такие выступления рабочих сделались возможными потому, что с возникновением мануфактуры и расширением производства впервые на одном предприятии сконцентрировалось значительное число рабочих, которые легко могли найти общий язык и затем действовать сообща. Рабочие не только трудились бок о бок, но и жили неподалеку друг от друга. С притоком в Вену новых рабочих вокруг мастерских постепенно стали образовываться рабочие поселки. Так стали возникать «пригороды».

Часть рабочих являлась прежними подмастерьями — ремесленниками, которые в результате процесса разложения цеховых организаций больше не могли сделаться мастерами. Но большая часть рабочих вербовалась из деревни, притом не только из района, непосредственно прилегающего к Вене, но и из других, отдаленных частей монархии.

Корона способствовала увеличению этого притока рабочих из деревни. Теперь уже и формально она уничтожила цеховые привилегии, создав слой раскрепощенных рабочих и мелких предпринимателей, находящихся в непосредственном распоряжении короны и освобожденных от соблюдения всяких цеховых предписаний, независимо от того, были ли это рабочие или предприниматели. В 1731 г. Карл VI отменил обязательную сдачу экзамена на звание мастера и поставил цехи во всех вопросах, касавшихся производства, под контроль органов власти. С этого времени цехи окончательно потеряли свое значение в экономике страны. Их деятельность стала ограничиваться, в основном, участием в празднествах и процессиях.

Тяжело было крестьянам — точнее говоря, тем крестьянам, которые все еще находились в сильной зависимости от своих помещиков. В это время, преимущественно в самой Австрии, в деревне начал возникать слой зажиточных крестьян, которые стали богатеть в результате общего экономического подъема страны. На при-

вилегии дворянства, обладающего землями, корона посягнула только во второй половине XVIII в.; до этого времени дворяне были полными хозяевами в своих владениях. Хотя австрийские дворяне прежде были теснейшим образом связаны и с торговым капиталом, они, однако, не упустили возникшей благодаря развитию мануфактуры возможности обогатиться за счет своих крестьян. Дворяне сделались крупными поставщиками продовольствия. В своих имениях они варили пиво или гнали спирт, и крестьяне, кроме прежней, обычной работы на помещика, должны были выполнять дополнительную работу, связанную с возникновением указанных выше отраслей производства. Многие крестьяне были лишены земли и стали батраками. Помещики забирали у крестьян пашни под пастбища для овец, а поля, засевавшиеся хлебом, — под посевы льна. Когда началось строительство каналов и дорог, государство стало отправлять крестьян на сооружение дорог или рытье каналов. Случалось, что помещик составлял из своих крестьян партии рабочих и направлял их на работу, а затем присваивал всю плату, следуемую рабочим по контракту.

В собственно австрийских землях положение крестьян было несколько лучшим. Очень тяжелым было положение крестьян в Чехии, Моравии, Силезии и особенно в Венгрии. Здесь решительно никто не заботился о крестьянах. Большинство из них были еще крепостными. Корона предоставила отечественному дворянству полную свободу, и австрийские спекулянты, предприниматели, торговцы и финансисты превратили отдаленные районы в свои вотчины. То, что творилось в чешских и особенно венгерских и словацких районах, было похоже на торговлю людьми. Частные агенты, покупая у помещиков лес, включали в свои контракты как непременное условие предоставление им крестьян для рубки леса. Крестьяне обязаны были работать в лесу до тех пор, пока проданный лес не был срублен и подготовлен к отправке. Через две-три недели прибывал новый скупщик, заключал договор на новую сделку, на этот раз, скажем, на поставку строительных материалов (камня, кирпича), и крестьяне снова «отдавались внаймы». Нередко предприимчивые фабриканты доставляли в сельские местности какие-либо товары, и помещик, получавший на этом определенную долю прибыли, принуждал «своих» крестьян покупать товары по неслыханно высоким ценам, независимо от того, нуждались ли они в этих товарах или нет.

Впрочем, не во всем были виноваты местные помещики. Гораздо хуже вели себя сборщики налогов, комиссары, «чужеземцы», императорские чиновники, чиновники местной администрации, офицеры, коменданты гарнизонов и др. Они не довольствовались тем, что сверх уже высоких налоговых сборов устанавливали дополнительные сборы в свою пользу, буквально обирая жителей. Многие чиновники, вознаграждая себя за вы-

нужденное пребывание в «отдаленных районах», обогащались, не брезгая никакими способами. Используя свое служебное положение, они заключали сделки, далеко превосходившие все то, что позволяли себе местные дворяне, не имевшие в своем распоряжении государственного аппарата власти, с помощью которого можно было заставить крестьян выполнять те или другие работы и поставки. В Венгрии, Чехии, Моравии и Силезии, а несколько позднее и в освобожденных от турецкого господства областях таким образом в кратчайшие сроки возникли гигантские состояния. Результатом невыносимого грабежа была народная ненависть к «чужеземным грабителям» и восстания, являвшиеся следствием этой ненависти.

Развитие культуры

Книга, двести лет назад бывшая редкостью и предметом роскоши, в конце XVII в. получила широкое распространение. В домах богачей и образованных лиц появились библиотеки, насчитывавшие сотни, а иногда и тысячи томов. Книги появились и в домах мелкой и средней буржуазии. Содержание определенной части книг было религиозного или полурелигиозного характера, другие книги, главным образом научные, все еще издавались на латинском языке; но наряду с этим уже развивалась значительная светская литература, а также все больше и больше книг стало выходить на немецком языке.

Слово «Австрия» сделалось для людей того времени определенным, полным значения понятием, и это нашло отражение в литературе того времени. В конце XVII в. стало появляться все больше исторических и географических книг. Такие труды писались и в XVI в., но тогда их тематикой являлся мир в целом или чужие страны, между тем как теперь в центре внимания была уже главным образом своя страна. Появились многочисленные географические и исторические описания австрийских земель, а также большое количество карт Австрии. Часть этих работ, особенно картографических, субсидировалась короной. В это время было написано несколько больших исторических работ, правда, большей частью на латинском языке: «*Scriptores Rerum Austriacarum*» («История Австрии») Иеронима Пец, а также другие работы — история правления Леопольда I, написанная Францем Вагнером, книги по истории дома Габсбургов, по истории Каринтии, Тироля, Штирии, Вены, «*Torographia Austriae*» («Описание Австрии») и «*Torographia Bohemiae*» («Описание Чехии»), а также множество описаний отдельных исторических событий.

Иногда утверждают, что австрийская литература возникла очень поздно, что между эпохой миннезингеров и XIX веком не появилось ничего или почти ничего достопримечательного в

области литературы. Но все зависит от того, что понимать под словом «литература».

Обычно германские литературоведы под словом «литература» понимают только «художественную» литературу, к которой относятся роман, стихи, драма, иногда критический очерк, то есть суживают это понятие. Между тем во всех других странах рамки этого понятия раздвигаются и к «литературе» относятся также политические и экономические труды, исторические и описательные работы, злободневные стихи и очерки. Точка зрения германских литературоведов на этот вопрос вполне объяснима. Национальная литература повсюду возникла вместе с появлением на арену буржуазии, с появлением буржуазной интеллигенции. Германия же в период возникновения буржуазии была раздроблена на сотни государств и управлялась сотнями мелких князьков. Для возникновения литературы в широком смысле слова в этой стране не было соответствующих условий и, говоря словами Шиллера, «поэту осталось только небо, так как земля принадлежала другим».

В течение последних восьмидесяти лет исследование характера литературы в Австрии производилось с позиций немецких историков литературы. В австрийском прошлом старались найти произведения «чистой литературы», то есть литературы в узком смысле слова, но почти ничего не нашли и пришли к выводу, что до XIX в. в Австрии не было литературы. Однако дело выглядит совершенно иначе, если только отбросить немецкую мерку.

Деятельность молодой австрийской буржуазии развивалась в стране, где для буржуа было достаточно простора. Австрийская буржуазия интересовалась окружающим ее миром, проблемы и борьба внутри которого прямо затрагивали ее интересы; позиция буржуазии до известной степени могла сказаться на решении этих проблем и исходе этой борьбы. Поэтому австрийская литература XVII и XVIII вв. была преимущественно «обыденной», то есть касающейся всех насущных проблем окружающей жизни. «Изящной литературы» было сравнительно немного. Тем больше развивалась политическая, экономическая, описательная и злободневная литература.

В конце XVII в. и первой половине XVIII в. в Австрии появилось много политических сочинений и памфлетов. Книга Хёрнигга была одной из множества книг, в которых делалась попытка дать характеристику существующему строю и определить направление развития будущей Австрии. В бесчисленном количестве статей разбирались такие политико-философские проблемы, как права и обязанности короны, положение граждан. Во многих из них появилось новое слово, выражающее особое понятие, — «разум», как якобы единственно правильное начало в государственной политике и деятельности каждого отдельного лица.

Многие работы были посвящены обсуждению таких актуальных вопросов, как война с Францией, развитие австрийской экономики и опять-таки вопрос о войне с турками и необходимости отбросить их от австрийских границ. В сущности говоря, политической литературой являлись также проповеди и сочинения Абрагама а Санкта Клара, который, облекая свои сочинения в форму нравоучений, критиковал господствовавшие в тогдашнем обществе отношения и был ярким противником монополистов и спекулянтов.

Ежемесячно, а иногда и еженедельно, появлялись новые политические стихотворения и анекдоты. Большею частью они продавались в виде небольших брошюр или листовок. В кафе, которые росли, как грибы после дождя, к каждому столику подходил не только продавец булок и кондитерских изделий, но и продавец памфлетов.

Многие из этих памфлетов писались тут же в кафе. Наряду с памфлетами стали распространяться регулярные еженедельники, содержавшие хронику текущих событий — прямые предшественники наших газет.

Большинство памфлетов и политических статей было написано на патриотические темы. Когда принц Евгений начал оттеснять турок на Балканы, о нем возникла целая литература. Сюда же относятся анонимные описания битвы под Зентой, которые представляли собой хотя и небольшие, но подлинно мастерские эпические произведения, написанные прекрасным языком. Среди так называемых «турецких песен», возникших преимущественно в этот период, в которых неизвестные поэты — сам народ — пели о тяжелом турецком иге и стремлении к свободе, есть и совершенные в литературном отношении стихи.

В конце XVII в. появились первые произведения нового художественного жанра, который принято считать «буржуазным», — первые романы. Наиболее значительный из них принадлежит опять-таки Абрагаму а Санкта Клара и называется «Иуда-пройдоха». Другой роман написан эрцгерцогом Фердинандом Тирольским. Это были большей частью нравоучительные или психологические романы. В них описывались приключения молодых людей, отправлявшихся странствовать, чтобы познакомиться с миром и устроить свою судьбу. В этих путешествиях юноши приобретали знания и опыт, окончательно формировавшие их характер и мировоззрение. Большой частью они в конце концов возвращались на родину, где находили счастье и радость жизни.

С середины XVII в. при дворе, а позднее и для населения, иезуиты начали устраивать драматические представления на религиозные темы, на сюжеты из классической мифологии; позднее стали даваться также представления на отечественные темы и злободневные события. Вначале постановки шли на латинском языке,

впоследствии — на немецком, итальянском и словенском. Несколько позднее в Вене стали появляться странствующие иностранные труппы — итальянские комедианты, французские и английские труппы. В то же время, независимо от двора и церкви, из «гансвурстовской» комедии (театра «петрушки») начал развиваться венский народный театр. При Карле VI итальянская опера прочно вошла в повседневную жизнь столицы. Вскоре в Вене был основан первый оперный театр.

Наибольшего развития достигла архитектура. В конце XVII и начале XVIII в. возник новый стиль — австрийское барокко, который стал почти что синонимом австрийской культурной традиции в архитектуре.

Австрийские постройки в стиле барокко — Карлскирхе, Бельведер, дворец принца Евгения на Химмельфортгассе, дворцы Шварценберга, Лихтенштейна и Лобковица, монастырь св. Флориана, монастырь Мельк, церкви и дворцы Зальцбурга, Граца или Штейера, крестьянские дома в стиле барокко в Нижней Австрии и Бургенланде и многочисленные другие сооружения принадлежат к прекраснейшим творениям европейского искусства. Столь красивые и гармоничные сооружения, какими являются дворцы и церкви Австрии в стиле барокко, исключительны в своем роде. Этот стиль представляет собой сочетание легкого изящества с силой, воздушности со спокойной ясностью форм.

Бесспорно, что люди, которые сооружали дворцы и церкви в стиле барокко или давали заказы на их постройку, принадлежали к верхушке общества, лишь очень редко это были подлинные представители еще только поднимающихся широких слоев буржуазии, чей приход должен был знаменовать наступление нового времени. Но и эта верхушка была обязана своим положением, богатством, а нередко и дворянским званием вновь развивающейся промышленности. Многие, в том числе Эггенберги, Погли, Штюргки, Инцаги, Клары, Аттемы и Шварценберги, именно в это время получали дворянские звания или поднимались по лестнице дворянской иерархии. Другие, например Лобковицы, Цинцендорфы, Ауэрсперги неслыханно разбогатели на строительстве новых мануфактур. Многие владельцы сооружений, выдержанных в стиле барокко, были представителями нового направления в политике и экономике, принадлежали к партии сторонников реформ или, как, например, принц Евгений, были ее руководителями. Великие же архитекторы, создатели стиля барокко, — Фишер фон Эрлах, Лукас фон Гильдебрандт, Якоб Прандтауэр, Карло Карлозе, Доменико Мартинелли, как и все великие художники, в своих творениях выражали новые чувства и мысли, опережавшие свое время.

Хотя строительство этих дворцов и церквей было оплачено потом и кровью, хотя их фундаменты покоятся на костях бедня-

ков, строивших эти здания, хотя они и были возведены на средства, полученные в результате ограбления народных масс, стиль барокко является выражением подъема, стилем оптимизма.

Принц Евгений Савойский

Евгений Савойский, офицер войск маркграфа Баденского, в октябре 1683 г., когда союзные армии готовились к штурму турецкого лагеря, впервые увидел с высот Венского леса город, в защите которого ему предстояло принять участие. Вена, в которую он вступил как освободитель, сделалась его вторым, настоящим отечеством. С этого дня и до своей смерти, то есть до 1736 г., он служил Австрии.

Евгений родился во Франции. Он был сыном незначительного князя из Савойского дома. Двоюродный брат Евгения маркграф Баденский помог ему получить офицерскую должность в армии, отправлявшейся в поход на турок. Кампания 1683 г. была первой, в которой участвовал Евгений. После освобождения Вены он до 1688 г. воевал против турок в рядах армии герцога Лотарингского. Во время этой войны Евгений, которому было только двадцать пять лет, был уже произведен в генералы, а в 1693 г., в тридцатилетнем возрасте, стал фельдмаршалом. В начале 90-х годов по поручению императора он выполнил несколько важных дипломатических поручений. В 1697 г. он одержал крупную победу над турками при Зенте, о которой стало известно далеко за пределами Австрий; Евгений сразу стал одним из виднейших полководцев Европы. Австрийская армия, которая долгое время находилась на шестом или седьмом месте, после шведской и польской армий сделалась под его командованием одной из лучших и боеспособнейших армий Европы. В итальянских войнах и в войне за испанское наследство, длившейся с 1701 по 1714 г., австрийская армия, действовавшая совместно с английской армией, привела непобедимую до того Францию почти к полному поражению. В турецких войнах, закончившихся в 1718 г. Пассаровицким (Пожаревацким) миром, Евгению удалось не только изгнать турок почти из всей Центральной и Юго-Восточной Европы, но и навсегда сломить их военную мощь. После Пассаровицкого мира войны с турками еще бывали, но никогда уже больше турки не угрожали существованию Австрии или Венгрии.

В 1703 г. Евгений стал председателем надворного военного совета (гофкригсрата), что соответствует посту военного министра и верховного главнокомандующего в наши дни. Однако в этот период Евгений еще не принимал большого участия в руководстве внутренней, а главное внешней политикой. Леопольд I сравнительно мало привлекал Евгения к обсуждению и решению

вопросов, выходявших за пределы собственно военных проблем. Только при Иосифе I и позднее при Карле VI Евгений стал членом высшего политического органа в государстве — Тайного совета. С этого времени и до самой смерти он был первым лицом в Австрии, «некоронованным королем страны», как его называли современники.

По своим политическим и экономическим взглядам Евгений Савойский примыкал к австрийским меркантилистам. Многие из них принадлежали к числу его друзей. Хёрнигк, Бехер и другие были преимущественно теоретиками, Евгений же и его друзья при дворе проводили эти преобразования в жизнь.

Принц Евгений прежде всего произвел коренные преобразования в области военного дела. Этим он не только претворил в жизнь свои военные принципы, но и укрепил международное положение Австрии. Он стремился к тому, чтобы страна, которой он служит, сделалась сильной и чтобы ее войска побеждали. Того же желали и другие, в том числе, вероятно, и Леопольд. Но корона ограничивалась лишь благими пожеланиями, тогда как принц Евгений до конца продумал и осуществил свои идеи. Он понял, что для того, чтобы выиграть войну, надо вести ее по-новому и ставить перед собой иные, чем прежде, цели. Для ведения войны по-новому надо иметь не только лучшее оружие, лучшее снаряжение, нужно создать не только лучшие материальные условия для офицеров и солдат, но для этого необходима также прочная финансовая база. Военные планы Евгения могли быть осуществлены только при полном отсутствии препятствий, помех — в условиях, когда ход военных действий определялся бы только военными, а не какими-либо другими соображениями. С точки зрения Евгения, война, приостановленная из-за недостатка денег, — это заранее проигранная война. Логическим следствием этого принципа была необходимость перестройки экономики страны. Вот почему Евгений выступил за реформы не только в военной, но и в экономической и политической областях.

Основным принципом военной стратегии Евгения было: решительно громить врага, добиваться не только победы над ним, но и уничтожения его военного потенциала. Этот принцип не соответствовал военным традициям того времени. В XVII в. и даже позднее, в XVIII в., бои велись за овладение позициями, за малые или большие стратегические преимущества. Врагу старались нанести как можно больше потерь, чтобы тем самым подготовить наиболее выгодные для своей страны условия к началу переговоров о заключении мира. Не случайно, что в эти времена дипломатические переговоры часто тянулись годами, причем одновременно продолжались бои на полях сражений. Война не вела к перерыву международных переговоров, а скорее была их акком-

панементом; выигранные битвы были «kozyрями», которые дипломаты выкладывали на стол в ходе «игры».

Новое время, как порыв свежего ветра, смешало карты, аккуратно разложенные на дипломатическом карточном столе. Война перестала быть спокойным, относительно упорядоченным явлением. Теперь война решала судьбу всей армии и всего государства. Австро-турецкая война была войной за полное уничтожение турецкого военного потенциала. Война за испанское наследство велась как-будто только из-за права наследования испанского престола. В действительности же это была ожесточенная борьба за первенство в Европе, борьба австро-английской коалиции за полное уничтожение Франции как великой державы.

Новая стратегия принца Евгения долгое время не находила последователей. После его смерти австрийские генералы снова вернулись к старым, «испытанным» методам борьбы, к тщательно распланированным битвам, к ведению войны на истощение, а не на уничтожение противника. Это было естественно, так как молниеносные и беспощадные войны Евгения, в которых все ставилось на карту, можно было вести только при условии, если в них участвовала вся страна. Однако такие условия были налицо лишь в немногих исключительных случаях, например в войнах с турками; в победном исходе этих войн были заинтересованы буквально все жители Австрии, так как турецкое иго было тяжелым и страшным для всех.

Уже в 1697 г. под руководством Евгения и в значительной мере вопреки желанию короны в армии были осуществлены некоторые реформы. Наиболее продажные и неспособные офицеры были сменены, в действующую армию стали подбирать офицеров по способностям, а не по богатству и связям. Воровство и спекуляции в интендантстве несколько уменьшились, по крайней мере прекратились случаи, когда солдаты шли в бой без всякого снаряжения, оборванные и голодные. Евгений постоянно воевал с двором за каждый грош для снабжения и снаряжения своей армии, за лучшее вооружение — прежде всего за более мощную артиллерию, за то, чтобы сполна выплачивалось жалование солдатам. Армии это было известно. Солдаты знали, что Евгений заботился не только об их жаловании и пище, но что, улучшая артиллерию, он заботится тем самым о сохранении их жизни. Это, с одной стороны, вселяло в них доверие к своему командующему, а с другой — давало Евгению уверенность в том, что он может положиться на своих солдат.

Борьба Евгения Савойского за создание новой армии началась в 1697 г. Она привела лишь к частичным успехам, к устранению самых вопиющих злоупотреблений в организации военного дела. Подлинная перестройка армии была осуществлена позднее. Когда в войне за испанское наследство в 1703 г. вспых-

нуло тирольское восстание, направленное против Баварии и французов, Евгений Савойский стремился координировать действия повстанцев с операциями регулярной армии и обращался с вождями восстания, как с союзниками и героями. Он всеми средствами поддерживал восстание против французских войск в Эльзасе, возникшее в начале XVIII в. и выражавшее протест населения против грабежей и гигантских контрибуций французской армии, и не раз указывал на его военное и политическое значение.

Война за господство в Европе и образование «Великого союза»

Война за испанское наследство, которая велась с 1701 по 1714 г. почти всеми государствами Европы и почти на всей территории континента, на первый взгляд не очень существенно отличалась от войн, ведшихся в течение последних ста лет. Борьба шла за испанский престол, и боролись все те же старые противники: Франция, с одной стороны, Австрия — с другой.

Но в то же время это была война за осуществление и иных целей. В это время впервые появился термин «европейское равновесие», впервые участники войны поставили в качестве целей войны определенные экономические требования: установить правила ведения торговли, право устанавливать пошлины, правила ввоза и вывоза. В этой войне впервые боролись не только за европейские владения, но также, хотя и в завуалированной форме, за влияние и владения за океаном, в Северной Америке и Вест-Индии. Политический и военный центр тяжести у воевавших сторон передвинулся. Соотношение сил в 1701 г. было иным, чем оно было к концу Тридцатилетней войны.

Тогда на одной стороне были Швеция и Франция, а на другой — Австрия и Испания. Швеция все еще пыталась расширить свою территорию и удержать свои позиции великой державы. Но в своих завоевательных походах на восток и северо-восток Швеция, находившаяся еще в течение некоторого времени в союзе с турками, встретила сопротивление молодой восходящей нации — России Петра I, которая под руководством сильного царя пробилась себе дорогу и не только отбивала натиск шведов, но и сама боролась за расширение своих границ, за выход к Балтийскому морю, за захваченные турками области на Черном море и в Юго-Восточной Европе. Шведская армия была всецело занята борьбой на Востоке, и поэтому Швеция не могла уже участвовать в борьбе на Западе и в Средней Европе.

В 1709 г. Петр I разбил под Полтавой шведского короля Карла XII. Шведское войско было уничтожено. Карл XII и его союзник гетман Мазепа бежали в Турцию. Битва под Полтавой означала конец Швеции как великой державы. Ее место заняла

Россия. После Полтавы стало ясно, что европейская политика без участия России будет уже невозможной.

Старые соперники, Франция и Австрия, боролись теперь не одни. Со второй половины XVII в. в больших столкновениях на континенте начала принимать участие Англия, вскоре ставшая во главе антифранцузской коалиции.

Прежние англо-французские противоречия к началу XVIII в. обострились. Это происходило по двум причинам. Во-первых, в период между 1640 и 1700 гг. Англия превратилась в сильную в военном и экономическом отношении державу, которая была в состоянии не только оспаривать у Франции ее заокеанские владения, но и претендовать на ее европейские гавани и морские базы. Во-вторых, французская внешняя политика была тесно связана с английской внутренней политикой. Стюарты ориентировались на Францию и хотели превратить Англию в зависимого в какой-то мере союзника Франции. Поэтому Франция пустила в ход все средства, чтобы помочь Стюартам удержаться на престоле. То обстоятельство, что борьба на европейском континенте велась не только из-за заокеанских владений, но была связана и с внутривосточными вопросами в Англии, сделало эту борьбу между Францией и Англией особенно ожесточенной и упорной, придав ей, кроме того, своеобразный характер. Английская стратегия и политика в Европе стали определяться событиями, происходящими вне континента. Для того чтобы совершенно изменить всю европейскую политику, было, например, достаточно англо-французского соглашения о канадской собственности или ослабления французской помощи Стюартам. Иначе говоря, решение европейских вопросов стало зависеть от событий на американском континенте и на Британских островах. Война за испанское наследство, Семилетняя война во второй половине XVIII в. и, наконец, развитие некоторых немецких государств, прежде всего Пруссии, не могут быть поняты, если не уяснить этой зависимости континентальной политики от международных событий.

Удельный вес Франции остался почти таким же, каким он был во время Тридцатилетней войны. Тогда она была восходящей великой державой, теперь она была уже признанной и упрочившейся великой державой и в военном отношении — ведущим государством Европы. Области, в которых находилась некоторое время на постое французская армия, выглядели после их ухода так же, как выглядят поля, опустошенные саранчой. Известно, что XVIII в. не отличался особой сентиментальностью, но только французская армия позволяла себе сжигать целые деревни в Эльзасе и Нидерландах за то, что их жители недостаточно быстро уплатили налоги, только французская армия зимой выгоняла население на мороз и стужу в леса. Конечно, эта исключительная жестокость, проявленная французами в ходе войны, не является национальной

чертой французов. Дело было в том, что и без того огромное французское войско увеличивалось с каждой новой войной. Военные издержки французской короны росли быстрее, чем промышленность, которая должна была их финансировать. Французское государство изнемогало от долгов, задыхалось от безденежья, а население не было в состоянии уплачивать все новые и новые налоги. Государству требовалось все больше денег, их брали повсюду, где только удавалось их найти. Но чем больше увеличивались военные расходы, тем более жестокими были методы, которыми собирали контрибуции.

К странам, воевавшим на стороне Австрии (Англия, Голландия и Португалия), присоединилось новое государство — Пруссия. За несколько десятилетий Пруссия превратилась из сомнительного Бранденбургского княжества в королевство. Это произошло при энергичной поддержке австрийской династии, которая в 1701 г. добилась от европейских государств признания Пруссии королевством.

Рост военной мощи Пруссии происходил вовсе не в результате так называемых «естественных причин»: исторического развития, структуры и внутреннего положения страны. На песчаной, неплодородной земле бранденбургской марки, лежавшей в стороне от всех европейских путей сообщения, в стороне от общего экономического развития Европы, так что здесь даже не возникали более или менее крупные города, к власти пришла династия, представители которой были охарактеризованы в свое время Карлом V как «такие господа, с которыми он стыдился бы быть в союзе», династия, которая в свое время играла жалкую роль в Тридцатилетней войне. В конце XVII в. эта династия по настоянию Австрии была признана правящей династией Пруссии. Меньше чем через 20 лет страна стала королевством, а в середине XVIII в. — сильным военным государством. При этом до середины XVIII в. в Пруссии почти ничего не изменилось. Столица Пруссии — Берлин была все еще почти деревней, Пруссия в целом была исключительно неплодородной сельскохозяйственной страной, не имеющей ни горной промышленности, ни мануфактур, ни развитой торговли. В Пруссии преобладал ремесленный способ производства. Экономически Пруссия находилась еще в средневековье. В нормальных условиях рост политической и военной мощи был невозможен без соответствующего экономического подъема. Как же Пруссии удалось выдвинуться?

Пруссие историки в своем освещении этого периода стремятся придать ему героический характер. Они расписывают, как народ, охваченный вдруг патриотическим подъемом, героизмом и проникнутый самоотречением, превратил пески в плодородную почву и, вместо того чтобы самому воспользоваться плодами своих трудов, «ценой лишений» создал сильную великолепную

армию. Во всем этом нет ни слова правды. Лишь во второй половине XVIII в., при Фридрихе II Гогенцоллерне, в Пруссии стали развиваться мануфактуры, большая часть которых обслуживала армию, были построены каналы, проложены дороги и значительно выросли города. Когда власть перешла к Фридриху II, в Пруссии было всего лишь несколько мастерских, изготавливающих боеприпасы, — заводами их нельзя назвать — и два текстильных предприятия, принадлежащих государству. Производимой ими продукции нехватало даже для того, чтобы покрыть десятую часть потребности армии, не говоря уже о наличии средств для начавшейся вскоре войны. Ясно, что история с армией, созданной «ценой лишений», не соответствует действительности. Подъем Пруссии не являлся результатом усилий самой Пруссии, а объяснялся желанием двух стран — Австрии и Англии — иметь в центре Германии своего рода частную, неофициально существующую армию. Такой армией стала прусская. Пруссия сделалась сильной благодаря постоянной дипломатической и политической (а иногда и финансовой) поддержке со стороны Австрии, благодаря английскому оружию, английскому снаряжению, английским деньгам, на которые вербовались солдаты, и английским субсидиям, на которые покупались союзники.

Поддержка Пруссии Австрией объясняется противоречием, существовавшим во второй половине XVII в. между великодержавными тенденциями династии и ее неспособностью провести экономические реформы, которые подвели бы под ее великодержавную политику прочную базу. Борьба Австрии с Францией в последней трети XVII в. не утихала. Она выражалась в многочисленных мелких войнах, когда один театр военных действий быстро сменялся другим. Так же быстро менялись союзники. В это время Франция еще была тесно связана союзом со Швецией, Австрия же в противовес этому стремилась к сближению с Польшей, Данией и некоторыми немецкими землями, прежде всего с Саксонией. Чтобы установить прочные связи с Польшей и Саксонией и держать Данию и Швецию под угрозой, Австрия нуждалась в прочной военной базе в северо-восточной Германии. Однако у нее нехватало сил для создания этой базы своими средствами или хотя бы для удержания ее в сфере своего влияния при помощи военной силы. Пруссия, нуждаясь в дипломатической поддержке со стороны сильной Австрии, была готова выполнять для нее роль вспомогательной армии и, если не считать внезапного заключения сепаратного мира с Францией в 1673 г., точно выполняла свои обязательства. Солдат и оружие Пруссия для этой вспомогательной армии получала от Англии. Так как в этот период Австрия в своей внешней политике также ориентировалась на Англию и сближалась с ней, то трехсторонний «союз» — Австрия, Пруссия и Англия — вполне устраивал всех его участников.

Интерес Англии по отношению к Пруссии вызывался другими причинами. Она хотела вести войну, фактически не участвуя в ней, — иначе говоря, она хотела связать Франции руки на востоке, не посылая в то же время на континент своих армий. Голландская армия, которая довольно долго являлась «пушечным мясом», вскоре оказалась не в состоянии успешно вести войну против Франции. Австрия в одно и то же время была и слишком слабым и слишком сильным союзником. Ее интересы в Испании и даже в испанских колониях и в Нидерландах легко могли столкнуться с английскими. Пруссия же была так слаба, что ее можно было поддерживать без всяких опасений — во всяком случае первое время. Поэтому Англия начала помогать Пруссии. Эта помощь фактически продолжалась до конца XIX в. В XVIII в. эта связь с Англией была особенно тесной благодаря «импорту» в Англию отпрысков северо-германской, Ганноверской династии.

Испания, эта некогда великая держава, за наследование и обладание которой теперь шла война, потеряла уже свою былую мощь. Страна, не сумевшая осуществить переход от эпохи раннего капитализма¹ к мануфактурному производству, разделила судьбу других стран, которые оказались не в состоянии обуздать феодальное дворянство и создать абсолютизм. Она отстала экономически и политически. В Испании началась борьба «всех против всех», государственный аппарат был сломан, армия сделалась источником, из которого черпались пополнения для частных гвардий сильнейших аристократических групп, страна нищала и распадалась. В конце концов Испания сделалась полем битв для более сильных соседей, споривших за обладание ею.

Спор за наследование испанского престола был не причиной войны, а только поводом к ней. Когда в 1700 г. стало ясным, что испанский король умрет, не оставив наследников, началась ожесточенная дипломатическая борьба за испанский престол. Наиболее вероятными претендентами на испанскую корону были члены правящих династий Франции и Австрии: внук французского короля Филипп Анжуйский и сын австрийского императора Леопольда I — Карл VI. Можно было подумать, что борьба идет между старыми противниками — Францией и Австрией. В действительности же это была дуэль Франции с Англией.

Передача испанского престола члену французского королевского дома превратила бы Францию в крупнейшее и сильнейшее государство Европы; границы этой империи простирались бы от Ла-Манша до берегов Северной Африки, то есть в руках Франции находилось бы почти все атлантическое побережье. Кроме того,

---

¹ Автор называет ранним капитализмом тот период, когда торговый капитал уже играл большую роль в экономике страны, но мануфактур еще не было. — *Прим. ред.*

получив испанские владения в Южной Америке и Вест-Индии, Франция сделалась бы сильнейшей колониальной державой. Если бы Франция стала обладателем почти всего атлантического побережья, это означало бы, что Англия оказалась бы блокированной. При таком положении Англия была бы фактически отрезана от всех своих опорных пунктов на континенте и — что было бы для нее, пожалуй, еще хуже — почти от всех своих заокеанских владений. В этом случае Англия окончательно потеряла бы возможность принять участие в борьбе за господствующее положение в Европе и за океаном.

Жизненные интересы Австрии меньше всего затрагивались исходом испанской войны. Но Габсбурги стремились закрепить за собой испанские владения в Италии, на которые претендовала Австрия, а также приобрести Бельгийские Нидерланды, находившиеся под властью Испании. Из-за Италии и Рейнской области борьба между Францией и Австрией длилась столетиями; но времена изменились и 1700 год не был уже 1500 годом. В Италии и на Рейне имелись богатые, имеющие большое экономическое значение области, но великие торговые пути, жизненные артерии Европы, теперь уже не проходили через эти страны. На западе торговля передвинулась к Атлантике, а на востоке она начала перемещаться к Леванту. Если не в начале войны, то в ходе ее можно было достигнуть соглашения с Францией. Доказательством того, что противоречия между австрийскими и французскими интересами могли быть преодолены, является тот факт, что через полстолетия (при Марии Терезии) Австрия заключила союз с Францией. Тем не менее Австрия была государством, которое вело войну самым непримиримым и решительным образом.

Это объясняется тем, что наряду с реальными причинами войны были и кажущиеся, которые австрийская династия, особенно Леопольд, принимала всерьез.

Карл, выдвинутый кандидатом на испанский престол, торжественно отрекся от права наследования австрийского престола. Это, конечно, было вынужденное отречение, ибо Англия хоть и была готова поддержать не столь уж сильную австрийскую династию в ее борьбе против Франции, но никак не согласилась бы на создание австрийской империи, которая простиралась бы от Вены до Мадрида. Это было бы так или иначе новым вариантом прежней «французской опасности», только в австрийском издании.

Но именно такую империю хотел создать Леопольд. Карл отрекся, но в Вене не слишком серьезно относились к этому отречению. В Вене лелеяли мысль при удобном случае объединить испанские и австрийские владения в одних руках. Но эти хитроумные планы были совершенно нереальными. Во времена, когда в Европе шло образование целостных государств, отдаленные Бельгийские Нидерланды представляли собой опасное приобрете-

ние. Они являлись постоянной политической и военной обузой, хотя и приносили финансовую выгоду. Державу, владения которой находились бы в разных концах Европы, нельзя было оборонять и укреплять. Сохранение Нидерландов в составе империи поглотило бы все военные и экономические силы Австрии. Но Карл часто руководствовался отжившими, потерявшими свое значение понятиями. Кроме того, вполне возможно, что он надеялся приобретением Испании и ее колоний оздоровить Австрию и таким образом избежать неприятных ему внутренних реформ.

Что касается Евгения Савойского, то он относился скептически к этому плану, поскольку дело шло не о приобретении габсбургских владений в Италии, а об осуществлении «далеко идущих» военных планов. Но Иосиф I, сделавшийся во время войны правителем, также не был сторонником австрийских проектов в отношении Испании, тем более, что он, как и Евгений, считал завоевание восточных областей, еще находившихся под властью турок, значительно более реальным и многообещающим делом. Но к этому времени война уже зашла слишком далеко, и в ней нельзя было не участвовать. Кроме того, Бавария вступила тем временем в войну на стороне Франции и непосредственно угрожала австрийской территории.

В то время как Карл II Испанский находился на смертном одре в Мадриде, французской дипломатии удалось одержать временную победу. Смертельно больной король назначил своим наследником внука Людовика XIV. Но через год австрийская и английская дипломатия наверстала упущенное. Антифранцузская коалиция провозгласила королем Карла Габсбургского. Карл был коронован буквально молниеносно. Он, как уже упоминалось выше, отрекся от австрийского престола, а Леопольд I и Иосиф I отрелись от испанского. Это было сделано официально — для успокоения Англии и Голландии. Неофициально же было подготовлено фамильное соглашение совершенно противоположного содержания, через год тайно подписанное в Вене. По этому соглашению престол во всех габсбургских владениях после смерти Леопольда и Иосифа должен был перейти к Карлу. Во всяком случае достаточно было заявления об отречении, сделанного в 1702 г., чтобы стало возможным признание Карла Англией и Голландией и объявление ими войны Франции и ее испанскому королю.

Так возникла большая европейская война, которая и началась и кончилась дипломатическими и придворными интригами, война, в ходе которой народы играли более активную роль, чем когда-либо раньше.

Война за испанское наследство длилась с 1701 по 1714 г. С 1702 по 1713 г. против Франции, на стороне которой несколько лет была Бавария, а некоторое время и Савойя, воевал так называемый «Великий союз» — Австрия, Англия, Голландия, Португалия.

а также большинство немецких княжеств под все более преобладающим руководством Бранденбурга — Пруссии.

Объединенные армии союзников не имели превосходства сил, как это могло казаться. Франция была крупнейшей европейской военной державой, Австрия была значительно слабее. Англия, кроме флота и сухопутных отрядов, находящихся в Испании и Нидерландах, почти не посылала английских войск на войну. Она воевала главным образом с помощью так называемых «вспомогательных войск», наемных преимущественно в Германии. Однако она несла почти все финансовое бремя войны.

Голландия, которая боялась экономического соперничества освобожденной от французской угрозы Бельгии (Испанских Нидерландов), принимала довольно пассивное участие в войне. Как принцу Евгению, так и английскому главнокомандующему Мальборо приходилось перед каждым походом преодолевать сопротивление голландского правительства.

Немецкие князья, за исключением маркграфа Баденского, занимали двойственную позицию. С одной стороны, французская экспансия была для них весьма реальной и непосредственной опасностью, с другой — выигравшая войну и усилившаяся за счет завоеванных территорий Австрия угрожала бы их самостоятельности. В такой двойственной позиции немецких князей нужно винить австрийских политиков. Для всех было ясно, что если бы Габсбургам удалось получить Нидерланды и Испанию, они вслед за тем стали бы подчинять себе находящиеся между ними страны — хотя бы для того, чтобы обеспечить свои военные коммуникации. Поэтому поддержка Франции со стороны немецких князей была более чем слабой: когда казалось, что поражение Франции — это только вопрос времени, она совсем ослабевала, а иногда дело доходило даже до открытого саботажа. Впрочем, поведение населения, особенно Рейнских областей, сильно отличалось от поведения князей. Здесь наблюдалось подлинное воодушевление борьбой союзников, а в Эльзасе и на южном Рейне население активно поддерживало союзные армии.

Всеобщей войне предшествовал в 1701 г. итальянский поход Евгения Савойского. Хотя поход, возглавляемый Евгением, на первый взгляд имел целью захват французских владений в Италии, прежде всего Милан, Кремону, Верону и области, расположенные севернее По, в действительности дело было не столько в территориальных завоеваниях, сколько в овладении перевалами через Альпы и расположенными перед ними военными опорными пунктами. Приходилось считаться с приближением большой войны, а захват перевалов был решающим преимуществом для каждого из ее участников. Если бы ими владела Франция, она могла бы угрожать австрийской территории — Тиролю и даже всей Австрии — и имела бы возможность перенести войну на

территорию противника. Австрия, владея этими перевалами, могла бы обеспечить свои фланги и освободить значительную часть войска для борьбы на других фронтах.

Евгений хорошо понимал значение итальянского театра военных действий, тогда как корона понимала это только наполовину. Вот почему Евгений в продолжение всей войны был вынужден вести тяжелую борьбу, при этом нередко безрезультатную, за получение средств на снабжение армии, ведущей борьбу в Италии.

В начале похода между Евгением и Леопольдом велась борьба за каждого солдата, за каждый предмет снаряжения. Это длилось довольно долго, и когда Евгений со своей армией зимой 1700/01 г. вступил в Тиролю, то французы под командованием маршала Катинà уже заняли все важнейшие перевалы. Казалось, что все погибло, что ничего уже нельзя изменить. Но Евгений не в первый раз превращал невозможное в возможное.

В величайшей тайне его армия совместно с тирольскими добровольцами приступила к прокладке пути через Альпы между Триентом и Винченцино, там, где, по высокопарному выражению Катинà, «можно отважиться на переход, только имея птичьи крылья». Строительство дороги длилось несколько месяцев. В нем участвовало много тирольских добровольцев, и в этом году разведение шелковичных червей в Триенте и Роверето не принесло и сотой части обычного дохода, так как большинство крестьян помогало строить дорогу. Вместе с тем тайна была сохранена, во всей стране не нашлось ни одного предателя. Французы до самого конца полагали, что Евгений готовит фронтальную атаку на перевалы.

С 27 по 30 мая Евгений провел через ущелье Астико 20 тыс. пехотинцев, 12 тыс. кавалеристов, пушки и обоз. В некоторых местах армии приходилось пользоваться для подъема специальными крючьями, в других — пушки, лошадей и обоз поднимали наверх при помощи специально сконструированных приспособлений. До тех пор эти горы переходили только охотники и пастухи.

Совершенно неожиданно для французов Евгений появился у них в тылу, под Вероной. Он перешел Эч, а затем По, взял важнейшие французские опорные пункты и наконец занял все княжество Мантую. Линия итальянского фронта во время войны не могла удерживаться на всем своем протяжении главным образом потому, что Вена недостаточно обеспечивала театр военных действий солдатами и боеприпасами. Но как исходный рубеж для предполагавшегося наступления на Австрию итальянский фронт потерял свое значение.

С 1702 г. борьба шла преимущественно на двух фронтах: на Рейне, на границах нынешней Бельгии, и в верхнем течении Дуная. Испанский и итальянский фронты имели второстепенное значение. Войска «Великого союза» в начале войны наступали, потом

соотношение сил переменялось: в войну на стороне Франции вступила Бавария. Тем самым центр тяжести в борьбе переместился на Дунай. Австрия оказалась под прямой угрозой, и уже в 1703 г. французские и главным образом баварские войска находились на австрийской, тиро́льской земле.

План баварско-французского командования заключался в том, чтобы из Тироля выступить на соединение с французскими войсками, находившимися в Италии под командованием Вандома. Далее план был рассчитан на то, чтобы через Каринтию и Штирию пробиться в Венгрию, где как раз в это время вспыхнуло народное восстание против Австрии, и этим принудить Австрию к капитуляции.

Этот план едва не увенчался успехом. Союзные войска под верховным командованием Мальборо действовали на Рейне, остальные же войска не были в состоянии оказать Австрии существенную помощь. План был сорван неожиданным не только для Франции, но и для консервативных кругов Австрии восстанием тиро́льского народа.

Тиро́льское восста́ние 1703 г.

Тиро́льскую войну 1703 г. по праву называют «тиро́льским восстанием». Восстание 1703 г. еще в большей степени было всенародной войной за освобождение родины от чужеземных захватчиков, чем тиро́льское восстание 1809 г. Восстание вспыхнуло вопреки желанию местного тиро́льского правительства, которое с первого же дня баварско-французского нападения капитулировало перед захватчиками; восстание развернулось в обстановке напряженной борьбы с тиро́льским правительством и с посланными в Тиро́ль австрийскими военными специалистами, которые даже не пытались оборонять страну, а также в борьбе с крупными чиновниками, которые боялись не столько солдат баварского герцога Макса Эммануила, сколько восставших крестьян-рудокопов и городской мелкой буржуазии. Местное правительство и чиновники предали Тиро́ль. Народ поднялся и освободил его.

Уже в 1701 г. стало ясным, что Тиро́лю угрожает непосредственная опасность. Летом 1701 г. Леопольд I потребовал от тиро́льского сословного собрания организовать оборону страны. Однако переговоры между сословным собранием и короной затянулись на долгие месяцы и не привели ни к чему. Комитеты сословных собраний (делегации представителей сословий Тиро́ля) спорили с короной, торговались из-за субсидий и податей на оборону, из-за компенсации, которую центральное правительство должно было заплатить за будто бы произведенные армией опустошения, из-за уплаты жалования солдатам за первые месяцы и по поводу состава военной администрации, которую предстояло

образовать из представителей сословий Тироля и центрального правительства. При этом ничего не было сделано для того, чтобы подготовить тирольское ополчение к борьбе. В конце концов согласились на посылку в Тироль двух тысяч солдат регулярных войск и на мобилизацию тирольского ополчения, что, впрочем, во многих районах не было проведено.

Произошло все это потому, что тирольские комитеты сословных собраний не доверяли представителям короны, а представители короны не доверяли тирольским комитетам и членам тирольского правительства. В тирольском сословном собрании происходил процесс разложения, который в остальных частях Австрии уже давно привел к отмиранию собраний. В собраниях были представлены сословия, противоречия между которыми все более обострялись, — духовная и светская знать, буржуазия и крестьянство. Тирольские крестьяне, в отличие от крестьянства остальной Австрии, имели своих представителей в сословных собраниях, которые пользовались в них равными правами и с успехом защищались от попыток дворянства обирать и закрепощать крестьян. За последние годы в Тироле, как и в остальной Австрии, дворяне и монополисты начали новую кампанию против крестьян, что вызвало крайнее обострение противоречий. В тирольских деревнях в эти годы все чаще говорили о новой войне против господ, о «втором 1525 годе». Среди городской буржуазии не было единства: крупные торговые буржуа склонялись к союзу с дворянством, мелкая буржуазия и большое количество новых мелких мануфактуристов сочувствовали крестьянству. В Тироле имелась также значительная группа рабочих — рудокопы из Шваца и других рудников. Среди рудокопов были сильны свободолюбивые традиции и влияния раннесоциалистических учений, поэтому они нередко играли активную роль в общественной жизни Тироля.

Представители дворянства и духовенства в сословных собраниях опасались, что организация обороны страны, создание и обучение народного ополчения ослабят их позиции по отношению к крестьянам. Крестьяне и часть буржуазии настаивали на серьезной, хорошо подготовленной обороне Тироля и были готовы сотрудничать с центральным правительством. Но представители Леопольда и он сам недоверчиво относились к крестьянам. Крестьяне платили им той же монетой. Партия реформ и прежде всего Евгений настаивали на соглашениях с готовой к борьбе частью сословного собрания, но тогда им еще не удалось добиться успеха. В самое горячее время Тироль бездействовал, между тем как баварцы и французы подготавливали захват этой жизненно важной в военном и экономическом отношении коронной земли, планировали вторжение, которое должно было разорвать дунайский и итальянский фронты. 17 июня 1703 г. началась атака баварцев.

Они не встретили сопротивления. Город-крепость Куфштейн,

который был в состоянии выдержать многомесячную осаду, капитулировал через несколько часов. Через два дня была сдана крепость Раттенберг. Сдались также Галль и Шарниц. Епископ Бриксенский предоставил Максиму Эммануилу Баварскому свободный проход через свои владения, и 2 июля курфюрст вступил в Инсбрук. Те, кому была поручена оборона Тироля, оказались предателями. Генерал Гшвинд, которого за несколько месяцев перед этим император назначил начальником военных сил Тироля, уклонился от столкновения с противником и отступил в глубь страны. Тиро́льское правительство и тайные советники открыто перешли на сторону врага.

Причиной такого предательства был страх перед своим народом. При первом известии о вторжении иностранных войск в страну крестьяне, не ожидая приказа и невзирая даже на сопротивление военных и гражданских властей, начали вооружаться. Отряды ландштурма устремились к Куфштейну и Раттенбергу, чтобы спасти крепости. Отряды подошли, когда крепости еще не были сданы, но их приближение только ускорило капитуляцию, так как защитники крепостей больше боялись крестьян, чем врага. Отряды возвратились в Инсбрук. За несколько дней до этого крестьяне, узнавшие о падении Куфштейна, разыскивали генерала Гшвинда, чтобы повесить его как предателя.

Тиро́льское правительство в страхе перед «крестьянскими ордами», как оно называло защитников Тироля, направило к баварскому курфюрсту посла с заявлением, что если правительству будет обеспечена защита от крестьян, оно согласно безоговорочно капитулировать. Правительство сочло возможным даже после капитуляции направить императору письмо, в котором именно этими мотивами обосновывало свое предательство. Даже Леопольд I нашел, что правители Тироля «хватали через край». В результате правительство Тироля было смещено, и вместо него утверждено временное правительство, образовавшееся из чиновников и представителей тиро́льского ополчения, готовых продолжать борьбу. Однако это правительство приступило к своим обязанностям несколько позднее и занималось главным образом добыванием оружия и денег для борьбы. Настоящими руководителями борьбы, подлинными освободителями Тироля, были крестьяне.

Уже через несколько дней после капитуляции началось массовое восстание: оно возникло в районе Эч, в Бургграфенамте, в Винчгау, затем в Боцене, в Обериннтале и, наконец, распространилось по всему Тиролю. В деревнях раздавался звон колоколов, на холмах зажглись костры, как во времена крестьянской войны, и каждая деревня, каждое местечко выставило определенный контингент добровольцев. 27 июня началось наступление крестьян. В начале июля были освобождены ущелья Бреннер и Салюрн.

В эти же дни французский отряд, занимавший Обериннталь, был уничтожен смелой атакой крестьян под командованием двух добровольцев — почтмейстера Линзера и Мартина Штерцингера.

Крестьяне позволили французам углубиться в ущелье, затем отрезали им дорогу, и каждая скала, каждое дерево на горах, за которыми скрывались крестьяне, неожиданно для французов превратились в огневые точки. Каменные глыбы скатывались на французов. Проникшие глубоко в тыл противника крестьяне встречали бежавших французов огнем. Понеся тяжелые потери, французы капитулировали.

17 июля баварские и французские войска, получившие незадолго до этого крупные подкрепления, были разбиты в Випптале. После этого поражения баварцы начали отступать. Но уже весь Тироль был охвачен восстанием. К крестьянам присоединились рудокопы из Шваца, а также население Циллберга, Верденберга, Раттенберга — отовсюду прибывали новые отряды. Такое быстрое расширение восстания объяснялось не только победами добровольцев, но и озлоблением населения против баварцев и, главное, против своих предателей, находившихся в правительстве. Уже через несколько дней после капитуляции тирольского правительства Бавария наложила на страну исключительно тяжелую контрибуцию, и правительство безропотно приняло ее. Эта контрибуция, наряду с требованием сдачи оружия, а также конфискацией всех запасов зерна и скота, привела к тому, что даже те части страны, которые до того были относительно пассивными, поднялись на борьбу. Конфискации проводились с помощью австрийских монополистов, которые за несколько недель сотрудничества с баварцами невероятно обогатились. Поэтому гнев народа обратился и против них. Среди предателей, расстрелянных или повешенных крестьянами во время восстания, было немало крупных торговцев.

Баварско-французское отступление превратилось в бегство. Районы, через которые отступали баварцы, были охвачены восстанием, и баварцам приходилось с тяжелыми боями пробиваться к границе. В конце июля прибыли, наконец, императорские запасные войска и освободили те осажденные крепости, в которых еще держались баварцы. То обстоятельство, что войска прибыли лишь в последний момент, объяснялось не только тяжелыми транспортными условиями. Леопольд не решался выступить на поддержку крестьян, которые провозгласили «войну с чужеземцами и предательством господ» и уже в дни боев выставляли новые социальные требования. Прошло некоторое время, пока принц Евгений, с первого дня решительно выступавший за поддержку крестьян, добился этого от правительства.

В начале августа последние отряды отступавших захватчиков перешли баварскую границу. Отряды тирольцев следовали за

ними по пятам. Возмущение вторжением баварцев было столь велико, что теперь тиро́льцы вели себя в Баварии таким же образом, как баварцы в Тиро́ле. Баварские деревни и монастыри были сожжены, дома разграблены, наложены весьма высокие контрибуции. Жителям говорили, будто бы тиро́льцы «научились жестокости у баварцев».

За этими действиями победителей, однако, скрывалось нечто иное. Пропаганда реванша шла сверху, велась командованием армии и поддерживалась все еще не смещенными тиро́льскими тайными советниками. Случилось именно то, чего боялись капитулянты: вооруженные крестьяне, осознав свою силу, потеряли последние остатки уважения к господам, понимая, что те трусливо предали страну, в то время как народ спас ее. На приказы скомпрометировавших себя директории и тайных советников, которые снова выползли на дневной свет, крестьяне отвечали насмешками. Повсюду крестьянские общины требовали строгого наказания предателей, а также выставляли социальные требования, более чем неприятные господам. Крестьяне требовали раздачи оружия и снаряжения населению, освобождения пострадавших от войны районов от налогов, выдачи пособия инвалидам войны, вдовам и сиротам, требовали равного налогового обложения для всех и в особенности настаивали на отмене привилегии церкви, заключающейся в праве не платить налоги, а также отмены податей в пользу дворянства и, наконец, упразднения системы монополий.

«Кампания отмщения» была попыткой отвлечь крестьян от борьбы за свои требования; крестьянам заявляли, что они могут безнаказанно возместить свои убытки за счет Баварии. Но этот маневр удался лишь частично, крестьяне не сняли своих требований; но все же оккупированная часть Баварии была разграблена, почти вся находившаяся в Тиро́ле баварская собственность была конфискована и продана общинам, а вырученные средства отданы в распоряжение общин. Только часть требований крестьян была удовлетворена, ландтаг, который должен был представить их центральному правительству, просто положил их под сукно.

Все же некоторые требования были осуществлены; например, у церкви было отнято ее право не платить налогов, поскольку речь шла о налогах на оборону; пострадавшим от войны были выданы пособия. Некоторые требования в течение долгого времени проводились в жизнь явочным порядком, без специальных решений. Многие крестьянские общины отказывались платить налоги, а также переставали платить оброк дворянству, и так как Тиро́ль в течение всей войны продолжал оставаться исключительно важной в стратегическом отношении областью, центральное правительство предпочитало не раздражать крестьян принудительными мерами.

Тиро́льское восстание оказало большое влияние на ход всей войны. В результате поражения Баварии уменьшилась опасность

вторжения в Австрию; для австрийской армии в Италии больше не существовало угрозы быть отрезанной от армий на Дунае и Рейне. Французское наступление было отбито, удар в самое сердце Австрии был отражен. Победа в Тироле дала союзным армиям возможность перейти в наступление. Победа же крестьян сделала возможной победу под Хёхштедтом, явившуюся поворотным пунктом в войне за испанское наследство.

В 1704 г. на Дунае оказались друг против друга главные силы Франции и союзные армии Австрии и Англии. Все предыдущие сражения были лишь пробой сил, все фронты, в том числе испанский и итальянский, были лишь второстепенными театрами военных действий. Битва при Хёхштеде имела решающее значение. Это была уже не борьба за позиции, за временное превосходство, это было испытание мощи великих армий, в ходе которого решалась судьба всей войны.

Генералам не легко было довести дело до этого поединка. Евгению Савойскому пришлось бороться в Вене с медлительностью правительства, его стремлением уклониться от решительных действий, бороться с попытками перебросить крупные воинские части на другие театры военных действий. Английскому командующему, герцогу Мальборо, пришлось преодолевать такие же трудности в Лондоне и Гааге. Голландские союзники были за войну с Францией, но за войну не слишком ожесточенную. Голландии угрожала лишь сильная Франция.

Несколько ослабленная, но все еще сильная Франция была для Голландии менее опасна, чем победившая Австрия, которая, без сомнения, начала бы хозяйничать в Испанских Нидерландах и расширением торговли на Маасе создала бы опасную конкуренцию торговле на Шельде.

Английское правительство занимало примерно такую же позицию. Конечно, Англии хотелось разбить Францию, и прежде всего потому, что Франция являлась опасным конкурентом Англии в Америке. Этой точки зрения придерживалась буржуазная партия — виги, купцы и фабриканты, которым нужны были заокеанские колонии. Эту точку зрения не вполне разделяла консервативная партия помещиков — тори, которых колониальные владения интересовали значительно меньше. Для тори важнее всего было положение в Европе. В Европе же имелась сильная Австрия, которая в результате французского поражения сделалась бы по меньшей мере столь же опасной, как и Франция. Для тори желательнее всего была война, которая ослабила бы обе воюющие стороны и в то же время укрепила положение маленьких государств, которые были своего рода вспомогательными силами Англии, шедшими за нею на буксире, — Голландии, Пруссии и других немецких княжеств. В самой Австрии не только не имелось возражений против победы над Францией, но, напротив, австрийской короне эта

победа была нужна как хлеб насущный. В правительственных кругах если и имелись колебания и разногласия, то они касались методов ведения войны, а не желаемого ее исхода.

Леопольд и большинство его министров были за тактику «старого доброго времени», для них решающим театром военных действий являлась Италия, а также Испания. Леопольд и его советники не понимали, что война с Испанией и Италией может быть выиграна на Дунае. Впрочем, принцу Евгению пришлось преодолевать меньше трудностей при осуществлении своих военных планов, чем его коллеге Мальборо.

Английские и союзные армии с давних пор привыкли воевать на Рейне, и если бы это зависело от голландцев, они и на этот раз сражались бы там. Но Мальборо решил действовать по-иному. Он двинулся к Дунаю на соединение с армией Евгения. Так как главные силы французской армии в это время находились на Дунае, французы не могли уклониться от боя. Им пришлось принять бой там, где этого хотели Мальборо и Евгений; в этой решающей битве сражалась большая часть французской армии. 13 августа 1704 г. при Хёхштедте — Бленхейме вступили в бой 56-тысячная армия французов и баварцев и 52-тысячная союзная армия. Битва продолжалась почти весь день. В то время как армии Евгения сковывали фланги французской и баварской армий, связь между которыми была весьма слаба, Мальборо кавалерией и пехотой при поддержке артиллерии ударил в центр вражеских армий. В конце концов ему удалось прорвать и смять боевой порядок противника, затем союзники перешли к общему штурму, а поздним вечером французская армия была обращена в бегство и почти уничтожена. Цифры потерь показывают, что это была битва на уничтожение, а не битва за овладение позициями; союзники потеряли ранеными и убитыми 11 тыс. человек, французы — 13 тыс. убитыми и 9 тыс. пленными.

Хёхштедтское сражение, как указывалось выше, явилось переломным моментом в ходе войны. Французская армия стремительно отступала, затем отступление превратилось в бегство. Макс Эммануил покинул Баварию и бежал в Брюссель. В течение последующих недель пали Пфальц, Трир, Ульм. Вся Бавария была занята австрийскими войсками, и французской армии удалось закрепиться только на границе Франции.

Последующие годы ознаменовались наступлением союзников по всему фронту. Неоднократные попытки Франции вернуть потерянные территории были отражены. За победой под Хёхштедтом последовала в 1706 г. победа под Рамилье (юго-восточнее Брюсселя) и в 1708 г. — под Уденардом. В последние годы войны бои разыгрывались уже вблизи французской границы, и казалось, что вскоре предстоит вторжение союзников во Францию, которая давно уже не являлась полем битв.

Но исход войны все же был решен не на полях сражений, а в правительственных канцеляриях. После смерти Леопольда I (1705 г.) и прихода к власти Иосифа I, друга и ученика Евгения Савойского, Евгений получил относительную свободу действий. Как Иосиф, так и Евгений хотели как можно скорее нанести Франции окончательное поражение, чтобы начать на востоке войну с турками, которую они считали более важной. Поэтому оба — и Иосиф и Евгений — были заинтересованы в энергичном и быстром ведении войны. Иначе смотрели на вещи в Лондоне.

Победа под Хёхштедтом, победы под Рамилье и Уденардом были отпразднованы населением Лондона и других городов как большие всенародные праздники, а Мальборо сделался популярнейшим человеком в Англии. Но на лицах министров, вождей политических партий — и не только тори, но и некоторых вигов — во время празднеств сохранялось кисло-сладкое выражение. Победа была слишком большой, поражение Франции стало неизбежным, и возникла серьезная опасность, что Габсбургская династия, ставшая в результате войны династией великой державы, покорит всю Европу. В 1705 г. Людовик XIV, перед которым стоял призыв поражения и оккупации Франции, начал тайные переговоры с Англией, согласившись на уступки в пользу Англии в заокеанских делах. С этого времени Лондон ставил всяческие рогаки Мальборо, пытавшемуся нанести Франции решающий удар.

В 1708—1709 гг. стало ясным, что Англия не намерена закончить войну поражением Франции. В 1710 г. кабинет вигов был свергнут, и к власти пришло министерство тори, возглавлявшееся лордами Оксфордом и Болингброком. Новое правительство сместило Мальборо с поста главнокомандующего и отозвало его в Англию. Вскоре начались официальные мирные переговоры между Англией и Францией.

Этот резкий поворот в английской политике был ускорен случайным событием: 17 апреля 1711 г. неожиданно умер от оспы Иосиф I. Претендент на испанский престол — Карл Габсбургский, позднее Карл VI, сделался наследником австрийского престола. Это означало, что Испания и Австрия могли быть объединены в одних руках. Но вопрос уже был решен иначе. В то время как австрийская армия продолжала сражаться без своих союзников, 29 января 1712 г. в Утрехте начался мирный конгресс. Около года император отказывался признать заключенный в Утрехте мирный договор. Однако было ясно, что экономическое положение Австрии, ее еще не развитая промышленность не позволяли ей продолжать борьбу без финансовой помощи и военной поддержки со стороны Англии. В 1714 г. Австрия по Раштадтскому договору присоединилась к Утрехтской системе договоров.

Больше всех выиграла Англия. Она получила Гибралтар и Минорку на Средиземном море, значительную часть французских

колониальных владений в Северной Америке, кроме того получила Дюнкерк и к тому же заключила выгодные торговые контракты. Что касается Голландии, то ее притязания были удовлетворены лишь частично: были созданы области, служившие как бы преградой для французской и английской конкуренции. Франция добилась только одной уступки: французский кандидат Филипп был утвержден на испанском престоле, после того как он торжественно отрекся от прав на французский престол. Некоторые малые государства, Савойя и особенно Пруссия были несколько увеличены.

Австрия тоже получила немало. Важнейшее испанское владение в Европе — Бельгийские Нидерланды были отданы австрийскому императору. Он получил территории на Рейне, прежде всего Фрейбург и Альтбрейзах, в Италии — Неаполь и Сардинию, береговые области в Тоскане и удержал за собой Милан и Мантую. Тем самым Австрия приобрела господствующее положение в Италии. Бельгия была экономически доходной провинцией, которую к тому же можно было обменять на граничившую с Австрией Баварию. Этого добивался Иосиф I, но Карл VI вопреки советам принца Евгения не использовал эту возможность.

Раштадтский мир несколько ослабил Францию и немного укрепил Австрию, так что силы обеих стран примерно уравнились. Англии, которая владела теперь важнейшими ключевыми позициями в Европе, удалось достигнуть в Европе равновесия, причем она играла роль посредника; сложившаяся после Утрехтского мира ситуация в Европе стала известна под названием «европейского равновесия».

Достигнуть «европейского равновесия» было тем легче, что к двум европейским великим державам вскоре присоединились новые: Россия, а также Пруссия; последняя чрезвычайно усилилась в результате войны и вследствие своей политики следовать во всем за Англией. Однако укрепление и расширение австрийской монархии еще не закончилось. Она не могла усилить свое влияние в Западной Европе, так как подобные попытки привели бы только к обратным результатам. Иначе дело обстоит на Востоке. С конца XVII в. и началось расширение сферы влияния Австрии на Востоке.

Победа над турками

В первые десятилетия XVIII в. границы Вены в связи с ее ростом начали выходить за пределы укрепленного кольца. За старыми линиями укреплений возникли императорские замки и дворцы богатых дворян. Вырастали новые мастерские и мануфактурные предприятия, вокруг которых начали селиться рабочие. Замки и дворцы были массивны, великолепны, украшены ценными скульптурами и плафонами, окружены заботливо выращенными садами. Но они совершенно не были пригодны для целей обороны.

В таких дворцах, как, например, в сооруженном принцем Евгением Бельведере или несколько позднее построенном Шёнбрунне, богачи могли жить в роскоши и удовольствиях, устраивать приемы, танцевать, но оборонять такие здания было нельзя. Карлскірхе, которая была построена в это время также за линией укреплений, должна была бы находиться только в городе, где она была бы защищена от вражеского обстрела и бесчинства солдат; любой выстрел, случайный пожар могли изуродовать ее.

Вена строилась как город, находящийся вдали от фронта, которому больше уже не угрожала опасность турецкого нашествия. Турецкая опасность перестала существовать. В свое время турецкие орды устремились из Малой Азии в Европу. В результате их нашествия погибли такие государства, как Сербия и Греция, Болгария, Трансильвания и почти вся Венгрия. Теперь австрийские армии отвоевывали у турок город за городом, страну за страной и отодвигали все дальше на восток границы когда-то гигантской турецкой империи.

За время с 1684 по 1717 г. императорские войска, сначала под командованием маркграфа Баденского, а затем принца Евгения, отгнали турок до Боснии. Крушение турецкой империи произошло не только в результате военных неудач турок: австрийское наступление стало возможным главным образом благодаря глубокому внутреннему кризису и распаду когда-то почти непобедимой Османской империи.

В 1529 г. феодальное турецкое государство в силу бурного роста и относительно крепкой военной организации опрокинуло восточноевропейские княжества, которые были охвачены кризисом, характерным для периода начавшегося упадка феодального строя, и были ослаблены междоусобной борьбой феодальных группировок. В этих странах дворяне и народ выступали друг против друга, и поэтому не было силы, могущей противостоять туркам. Народ неохотно участвовал в войне против турок, так как не доверял дворянским военачальникам, а дворяне также воевали без воодушевления, так как больше боялись вооруженных крестьян и горожан, чем турок. Остановить турок смогла тогда только Австрия, в которой абсолютизм, опираясь на часть буржуазии, подавил крупную феодальную аристократию и создал сравнительно прочное государство.

С тех пор прошло почти 200 лет. Турция превратилась в государство, которое, так же как и жертвы его экспансии, не могло преодолеть феодальную анархию и создать прочное государство, в котором могла бы развиваться буржуазия, расти капитализм. Как некогда в Белграде и Буда выступали друг против друга княжеские группировки, так теперь на Босфоре шла борьба между различными группировками, возглавлявшимися турецкими вельможами, принцами и великими визирями. Развитию промышленно-

сти, росту ремесла и ранней мануфактуры препятствовало не только самовластие аристократии, но и экономическое хищничество, неуклонно практиковавшееся в течение 200 лет в Турции и завоеванных ею областях и разрушившее экономику страны.

Все имеющееся в наличии трудоспособное население и материальные ресурсы были мобилизованы для армии и ее снабжения. Не было ни людей, ни денег для развития горной, металлургической и текстильной промышленности; в стране оставалось слишком мало людей, могущих заниматься земледелием и вообще производством предметов первой необходимости.

В Турции велось в незначительных масштабах строительство — главным образом военных кораблей; в стране имела слабо развитая торговля, удовлетворявшая лишь потребности господствующего класса, да экстенсивное скотоводство. Константинополь в начале XVIII в. напоминал европейские города XII—XIII вв. Завоеванные турками страны превращались в пустыню. Люди, находившиеся в составе войск, вступивших в 1687 г. на территорию, которая более 150 лет находилась под властью турок, были поражены ее состоянием. «Нигде нет даже ручья с водой, пригодной для питья; вонючую воду из болот и прудов не пил даже скот. На огромном пространстве нет ни одного дерева, которое давало бы путешественнику тень, — кругом лишь высокая трава и заросли тростника, через которые кавалерии приходилось прокладывать дорогу для пехоты.

На широко раскинувшейся равнине нет ни приветливого крова, ни даже следа человека; самое большее, что можно встретить, — несколько крытых камышом пастушеских хижин» — так описывает очевидец венгерскую равнину, которая некогда была одной из житниц Европы.

Экономический застой в стране отразился и на состоянии турецкой армии, и без того ослабленной постоянной борьбой соперничавших военачальников и различных группировок в среде знати, коррупцией чиновников и военного командования.

Во времена, когда ручное огнестрельное оружие и артиллерия начинали играть все большую роль, турецкое войско имело лишь такое оружие, какое ему удавалось приобрести за границей. Для приобретения оружия нужны были деньги, но финансовое положение государства зависело от степени развития промышленности в стране, в Турции же промышленности почти не было. Оставался только один выход — получать оружие и деньги от союзного государства, и действительно, Турция в течение столетий получала оружие из Франции, которая была заинтересована в сохранении для Габсбургской империи угрозы с Востока. Но в начале XVIII в. Франция сама попала в тяжелое финансовое положение. Турция оказалась вынужденной все в большей мере возмещать недостаток вооружения увеличением численности своих армий. Но и люд-

ские резервы Турции не были беспредельными. Пришло время, когда обученные турецкие войска, профессиональная армия янычар, уже представляли собой только ядро войска, а главную массу составляли принудительно мобилизованные жители покоренных областей: сербы, боснийцы, румыны, венгры и другие. Эти принудительные мобилизации, постоянный страх, что тебя неожиданно заберут в армию, только усиливали нараставшее сопротивление жителей покоренных областей турецким властям. Теперь во время сражений собственно турецкие части выполняли полицейские функции в своих же войсках. Из года в год армия становилась все менее надежной, все чаще бунтовали целые подразделения. Начали бунтовать не только солдаты, но и жители покоренных областей, волей-неволей научившиеся во время войны солдатскому ремеслу.

Ненависть к туркам усиливалась вследствие растущего обнищания жителей, а также в связи с тем, что турецким вельможам, чиновникам и другим лицам, получившим в вознаграждение за свои заслуги землю и крепостных, была предоставлена полнейшая свобода ограбления этих областей; в «своих» поместьях эти вельможи устанавливали поистине террористический режим, а население указанных областей находилось всецело во власти этих вельмож.

То, что турецкая империя не была больше неуязвимой, стало ясно еще в 1664 г., когда австрийский полководец Монтекукколи победил турок при Сен-Готарде и отбросил их в Вашвару. Победа не была использована ни Монтекукколи, который не стал преследовать турок и дал им возможность снова собраться с силами, ни Леопольдом I, который, несмотря на крупный военный успех своего полководца, заключил с султаном мир сроком на двадцать лет. По этому миру за турками оставались все важные исходные позиции для будущего нападения, тогда как Венгрия лишилась крепостей и оборонительных сооружений и осталась беззащитной перед лицом нового нападения. В 1683 г. случилось то, что предсказывали многие австрийцы и большинство венгров: турки нарушили мир, напали на Австрию и Вена едва не попала в их руки.

После этого, под давлением общественного мнения страны, Леопольд принужден был возобновить войну против турок. Главный союзник Леопольда Ян Собеский также настаивал на продолжении борьбы с турками. Волей-неволей Леопольд должен был приказать маркграфу Людвигу Баденскому продолжать войну.

Вывод, сделанный уже после победы при Сен-Готарде, что турки не являлись непобедимыми, не только подтвердился, но всем стало ясно, что если энергично воевать с ними, то не так уж трудно одержать над ними победу. В 1685 г. пал Офен, нынешний Будапешт, в 1687 г. императорские войска глубоко вторглись в Трансильванию, после того как турки были разбиты в битве под

Мохачем, под тем самым Мохачем, где 161 год назад ими была уничтожена венгерская армия. В 1688 г. императорские войска подошли к Белграду.

Войну с турками стала теперь вести не только одна Австрия. В борьбу с ними вступили и другие большие страны: Россия и Польша. Австрийская армия вступила в районы, население которых в течение 150 лет видело только турецких солдат: в Сербию, Боснию и Валахию.

Эти победы также не были полностью использованы. Армия была плохо вооружена и слишком слаба, чтобы удержать завоеванные области, а количество войск, которое могла выставить Австрия, было недостаточным для защиты балканских стран. Как только на Западе возникала война, как только Людовик XIV начал готовить новый поход против кого-нибудь, приходилось отзывать войска, перебрасывать их на Запад и ограничиваться лишь «символическим» продолжением турецкой кампании. Так обстояло дело в 1688—1697 гг. .

В 1696 г. началась новая кампания против турок, в ходе которой произошла битва под Зентой (1697 г.) — битва, не только решившая исход кампании, но и революционизировавшая военное искусство того времени.

Турки вторглись в Венгрию и угрожали Петервардейну и Сегедину. Евгений укрепил Сегедин и выступил против турок. Когда он узнал, что турецкая армия перешла Тиссу при Зенте, он изменил направление и также двинул свою армию форсированным маршем к Зенте. Численностью турецкие войска намного превосходили австрийские. Когда Евгений находился уже в нескольких километрах от Зенты, прибывший из Вены курьер доставил императорское послание, в котором Евгению строго запрещалось вступать в «безнадежную борьбу». Евгений прочитал письмо и... начал наступление. Впоследствии он говорил, что будучи взволнован перед сражением, он, к сожалению, забыл прочитать письмо. Двору осталось одно: сделать хорошую мину при плохой игре.

Наступление началось в четыре часа пополудни. Евгений на марше перестроил свою армию в двадцать колонн и, подойдя к Зенте, немедленно открыл боевые действия. Время и способ наступления были совершенно необычными и дотоле невиданными. По правилам военного искусства битва должна была начинаться на рассвете, чтобы можно было вести бой весь день; в битве обычно участвовали отдохнувшие, построенные в правильные сомкнутые ряды, войска. На этот раз не было времени для продолжительной битвы, о построении правильных рядов и ведении боя в таком порядке, когда офицеры могли бы наблюдать за каждым солдатом и управлять каждым его движением, не могло быть и речи. Был сентябрь, и до наступления темноты оставалось только два часа. Надо было побыстрее добиться победы.

Историк Коксе так описывает битву: «Турецкая кавалерия уже пришла, и тут Евгений начал атаку, хотя турецкие мосты через Тиссу имели тройные укрепления с семьюдесятью артиллерийскими орудиями. Евгений расставил свою армию в форме полумесяца, чтобы охватить укрепления, усилил фланги кавалерией и артиллерией, нацелил часть пушек на мосты, чтобы помешать возвращению турецкой конницы, которая спешила на помощь пехоте, и атаковал всю линию укреплений одновременно. Атака была проведена с такой силой и точностью, которая поразила даже самого командующего [то есть Евгения. — *Ред.*]. Кавалерия сопровождала и поддерживала пехоту вплоть до оборонительных линий и открыла ей проход, заполнив рвы своими телами. Замешательство врага, вызванное неожиданной, смелой атакой, ускорило его поражение. Турки в панике пытались достигнуть противоположного берега и прокладывали себе дорогу сквозь ряды своей кавалерии, которая была выставлена, чтобы помешать дезертирству. Кончилось тем, что турецкие войска растерзали визиря и многих своих высших офицеров. Пользуясь смятением и паникой, императорские австрийские войска взяли укрепления. В то время как те, кто прорвался раньше, отрезали бегущих турок от мостов, другие атаковали их с фронта, и когда турки были выбиты из последнего своего укрепления, началась такая резня, какую невозможно описать».

Турки потеряли 30 тыс. человек, австрийцы — только 500 человек. Битва продолжалась всего два часа; когда солнце зашло, все было кончено.

По старому методу осторожной тактики — борьбы на истощение — такая победа была бы немислима. Она была бы невозможна и в такой армии, где солдат и младший офицерский состав считали неспособными к самостоятельным и сознательным действиям, превращали их в нерассуждающее орудие — иначе говоря, рассматривали их как пушечное мясо. Концентрированный, страшный по своей силе удар был нанесен под Зентой потому, что каждое подразделение, каждая часть знала, за что она борется и была готова, если это понадобится, драться и без получения непосредственного приказа — по собственной инициативе. Взаимодействие артиллерии, пехоты и кавалерии стало возможным только потому, что можно было положиться на всю армию, только потому, что вся армия чувствовала себя единым целым. В бою не чувствовалось, например, никакого различия между кавалерией, состоявшей из дворян, и пехотой и артиллерией. У турок кавалерия занимала позиции на поле боя лишь с целью помешать дезертирству своих же солдат, у австрийцев она «заполнила рвы своими телами», чтобы дать возможность остальным войскам штурмовать укрепления. Эти два факта показывают различие между турецким

и австрийским войском, между новой армией принца Евгения и армией старого типа¹.

Новую тактику ведения войны, естественно, было легче, чем в других войнах, применить в борьбе с Турцией, так как офицеры и генералы, австрийцы, словены, хорваты — все одинаково считали турок своими врагами. Многие из них при вторжении турок потеряли отцов, братьев, жен, у многих были сожжены дома и опустошены поля, те же, которые непосредственно не пострадали, знали, что при ближайшем турецком нашествии их может постигнуть та же судьба. Ни одна война не была в Австрии так популярна, как война против турок; ни в какой войне не было так мало дезертиров; ни в какой другой войне Евгений не мог бы так легко осуществить свои новые принципы военного искусства, свой опыт создания новой, сознательной армии.

Разгром турок при Зенте предопределил судьбу турецкой армии на многие годы вперед. Императорские войска беспрепятственно вступили в глубь турецкой территории. Султан был принужден 26 января 1699 г. заключить Карловицкий мир, который коренным образом изменил соотношение сил в Восточной Европе: Венгрия была освобождена, Трансильвания, Хорватия и почти вся Славония стали владениями Леопольда; Венеция, участвовавшая в войне на стороне Австрии, получила Морею, часть Далмации и Герцеговину.

Можно было бы спорить, следовало ли предоставлять туркам передышку, заключив мир с ними, и не был ли упущен подходящий момент, чтобы полностью уничтожить турецкую военную силу. Но предстояла война за испанское наследство, а австрийской дипломатии эта война казалась важнее, чем продолжение борьбы на Востоке. Война за испанское наследство прервала борьбу с турками на 17 лет.

Война с турками возобновилась только в 1716 г. В этой кампании в распоряжении Евгения находилось совершенно иное войско, чем при первом наступлении, войско, которое он сам создал, сам обучил, снарядил и вооружил. На этот раз не существовало также сдерживающего, медлительного надворного военного совета (гофкригсрата). Евгений сам теперь составлял военные планы и определял ход войны. Поход этот, длившийся немногим более года, принадлежит к славнейшим кампаниям Австрии. Императорские войска взяли приступом крепость Темешвар и вторглись в Молдавию, Валахию и Боснию.

---

¹ Автор преувеличивает значение австрийской армии. Австрийская армия была феодальной, классовой армией, но, являясь орудием более сильного государства, абсолютистского режима, руководимая способными полководцами, она имела превосходство над армией отсталой Турции. Большую роль сыграла также популярность войны против турок. — *Прим. ред.*

16 августа 1717 г. войска Евгения начали штурм главного опорного пункта турок в Восточной Европе — крепости Белград— и принудили ее к капитуляции.

По Пассаровицкому (Пожаревацкому) миру, который был заключен в 1718 г., Австрия получила в добавление к завоеваниям 1699 г. Банат, часть Славонии, Северную Боснию, Сербию с Белградом и часть Валахии.

Одновременно с мирным договором было заключено торговое соглашение, весьма выгодное для Австрии. Подданные австрийского императора получили право свободной торговли во всей Османской империи и на Средиземном море, где суда, плавающие под австрийским императорским флагом, стали пользоваться турецким покровительством. Торговля и плавание по Дунаю, в Черном море и в Персии также стали свободными. Австрийские купцы были освобождены от всяких торговых пошлин, кроме небольших торговых сборов. Оба государства согласились обменяться консулами и послами. Это соглашение дало австрийской торговле в Средиземном море и в восточных морях важные преимущества по сравнению с другими странами, особенно — Голландией и Францией. Тот факт, что торговое соглашение было приложено к такому важному документу, как мирный договор, показывает возрастающее значение торговли в Австрии, и прежде всего заморской, а также указывает на то, какое значение придавала этой торговле австрийская корона.

Кампания 1717 г. была кульминационным пунктом борьбы против турок. Начиная с 1717 г. начались неудачи. В 1737 г. (принц Евгений умер в 1736 г.) Австрия и Россия увязли в поспешно объявленной и плохо подготовленной войне против турок, окончившейся в 1739 г. Австрия в этой войне потеряла большую часть того, что она получила по Пассаровицкому (Пожаревацкому) миру. Но хотя австрийская экспансия на Балканы оказалась приостановленной, турецкая империя все же навсегда перестала быть угрозой для Австрии. Никогда больше турки уже не могли угрожать Вене. Когда-то непобедимая Османская империя постепенно приходила в упадок, становилась государством, которое фигурально называли «большим человеком», из-за наследства которого спорили великие державы.

Прагматическая санкция

За несколько десятилетий австрийское государство превратилось в империю, владения которой простирались от Бельгии до Боснии, от Италии до Силезии. Собственно Австрия по своим размерам составляла только небольшую часть владений Габсбургов.

Перед правящей династией стоял вопрос: какие меры нужно предпринять, чтобы эта гигантская империя не распалась и чтобы

при ближайшем военном или ином потрясении она не погибла так же быстро, как была создана? Народы, входившие в состав империи, за исключением венгерского народа, еще не требовали самостоятельности.

Однако новое огромное государство было еще весьма непрочным. Венгрия, Трансильвания, хорватская территория, итальянские владения и Бельгия, в которых власть частично все еще находилась в руках сословных ландтагов, обладали своего рода полуавтономией. Во всех этих странах, за исключением, пожалуй, Бельгии, руководство ландтагами все еще было в руках дворянской знати, а она — как это было известно Габсбургам по собственному опыту в австрийских землях — всегда была готова к беспринципной оппозиции, всегда была готова сменить одну власть на другую и присоединиться к тому государству, которое сулит больше выгод¹.

Непосредственными поводами к таким попыткам перейти под покровительство другой династии были чаще всего кризисы внутри династии. Если какая-нибудь ветвь династии вымирала и заменялась другой ветвью, это было сигналом для всех великих держав Европы к тому, что можно предъявлять «юридически обоснованные» требования о переделе владений.

Правящие круги в странах, подвластных данной династии, вступали в борьбу за своего кандидата на престол. Конечно, такие события были только формальной причиной, юридически приемлемым поводом для начала враждебных действий. Вопрос решался не в кабинете придворных юристов, а большей частью на полях сражений и на мирных конференциях.

В начале XVIII в. стало ясно, что Габсбургам рано или поздно предстоит пережить династический кризис. Мужская линия династии вымирала, и уже около 1710 г. стало ясно, что следующим наследником престола Габсбургов будет женщина. Однако ни в одном из документов короны, прежде всего ни в одном из договоров с неавстрийскими землями, не было предусмотрено, что наследником престола может стать женщина. Если бы Карл VI, последний представитель мужской линии Габсбургов умер и его наследником стала бы женщина, то земли могли бы заявить, что принадлежность к Габсбургской империи должна рассматри-

¹ Объясняя непрочность Габсбургской империи оппозицией высшего дворянства покоренных стран и связывая этот вопрос с вопросом о прогрессивности абсолютизма по сравнению с феодально-сословной монархией или периодом феодальной раздробленности, автор не совсем правильно излагает проводимую Габсбургами политику захвата новых территорий. Действительной причиной непрочности Габсбургской империи в этот период является отсутствие экономических и национальных связей. В каждой из покоренных стран развивалась уже своя буржуазия, свой национальный рынок, и оппозиция сословных ландтагов по отношению к империи выражала недовольство населения, его сопротивление господству чужеземцев. — *Прим. ред.*

ваться как принадлежность к империи короля, но отнюдь не королевь. В этом случае немедленно началась бы «распродажа» монархии.

В 1710 г. начались переговоры между короной и землями монархии о заключении соглашения, которое впоследствии получило название «Прагматической санкции».

Подписавшие это соглашение давали обязательство сохранять едиными и неделимыми земли короны, в первую очередь австрийские, чешские и венгерские, независимо от того, кто будет на троне — мужчина или женщина из дома Габсбургов.

Право наследования австрийского императорского престола основывалось исключительно на принципе старшинства, то есть установлено было наследование трона по прямой линии.

В последующее десятилетие дипломатические усилия короны в основном были направлены на то, чтобы добиться признания Прагматической санкции сначала землями, входившими в состав империи, а затем — европейскими государствами. Первым ландтагом, который в 1712 г. открыто рекомендовал признать это соглашение, был хорватский ландтаг. Хорваты уже тогда опасались ограничения своих прав в случае, если Венгрия сделается самостоятельной, и видели в Австрии защиту от Венгрии.

В 1720 г. почти все земли монархии, прежде всего австрийские, уже акцептовали соглашение, в 1722 г. оно было подписано Венгрией, в 1724 г. — Бельгией. Сравнительно безболезненное принятие соглашения показывает, что, несмотря на наличие расхождений, все земли еще были заинтересованы в том, чтобы остаться в составе монархии¹.

Гораздо более трудным оказалось добиться признания соглашения европейскими государствами. Хотя и они, за немногими исключениями (например, Баварии), акцептовали соглашение, но это было куплено ценой больших уступок. Так, Карл VI был вынужден прекратить деятельность Ост-Индской компании. Когда началась борьба за признание наследницей престола Марии Терезии, многие европейские государства и прежде других — Пруссия, отнеслись к Прагматической санкции как к фикции, как к клочку бумаги.

---

¹ Утверждение автора, что все земли были заинтересованы в том, чтобы остаться в составе монархии, является ошибочным. Принятие соглашения ландтагами объясняется тем, что руководящую роль в них играли представители дворянства; они же составляли большинство в них. В страхе перед растущим народным движением против феодального строя дворяне искали спасения у Габсбургов и предавали национальные интересы своей страны. Что касается развивающейся буржуазии, а также крестьянства, то они были настроены враждебно по отношению к чужеземцам-австрийцам. — *Прим. ред.*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Венгрия

В австрийском государстве, в том виде как оно сложилось в 1526 г., Венгрия занимала особое положение. В XVI и XVII вв. централизация в Австрии, а затем в Чехии и Моравии осуществлялась вначале относительно мирными средствами, а позднее — силой оружия. Политически независимое дворянство было разгромлено, изгнано, его сменило зависевшее от короны придворное дворянство, а сословная автономия земель уступила место централизованному аппарату короны. Между тем в Венгрии положение осталось почти таким же, каким оно было до 1526 г. В Венгрии по-прежнему господствовало местное дворянство, по-прежнему страна пользовалась широкой автономией. Законы, касавшиеся Венгрии, и даже военные мероприятия, распространявшиеся на Венгрию, должны были утверждаться венгерским сословным собранием, которое состояло почти из одних дворян. Относительная самостоятельность Венгрии выражалась также и в том, что каждого нового представителя династии Габсбургов должно было короновать и венгерское дворянство, утверждая его как короля Венгрии. Этим подчеркивалось, что Венгрия — не просто часть габсбургской монархии, а добровольный союзник Габсбургской империи.

Но, разумеется, Венгрия не была вполне самостоятельной. Она была включена в центральную налоговую систему, многие законы Австрии практически были действительны и для венгерских земель, а в серьезных случаях корона считала необходимым сначала провести те или иные военные мероприятия в Венгрии и только потом обратиться за санкцией в венгерское сословное собрание.

Но все же Венгрия занимала в рамках монархии привилегированное положение. Это объяснялось прежде всего тем, что Венгрия или, лучше сказать, ее территория, то есть полоса земли, оставшаяся в 1526 г. от Венгрии, граничила с турецким государством и являлась буфером для собственно Австрии. В войне, тянувшейся почти без перерыва более полутора столетий, короне приходилось обращаться за военной помощью и к венгерскому дворянству. Военный аппарат короны был еще недостаточно силен, чтобы держать крупные силы в Венгрии, а хорватские поселенцы на юго-восточной военной границе могли защищать только часть страны.

Кроме того, короне приходилось действовать осторожно и избегать всего, что могло оттолкнуть Венгрию от Австрии, тем более, что турки постоянно заигрывали с Венгрией. Чтобы склонить Венгрию на свою сторону или, по крайней мере, сделать ее нейтральной, Турция всегда выдвигала такую приманку, как полусамостоятельная Трансильвания, находившаяся под турецким протекторатом.

В пограничной области было трудно помешать установлению связей между ведущими группами венгерского дворянства и уполномоченными Трансильвании. Поэтому переговоры продолжались, создавались союзы, и в Венгрии существовала, тайно или явно, трансильванская партия. Был период, когда трансильванская партия казалась достаточно сильной, чтобы оторвать Венгрию от габсбургского государства. Это было в 1618 г., когда контрреформация положила конец политической самостоятельности высшего дворянства. Некоторое время предполагали, что контрреформация будет распространена и на Венгрию. Реакция венгерского дворянства, которое видело в контрреформации угрозу не столько для своей религии, сколько для своих владений, приобретенных в ходе реформации, была вполне определенной. В ответ на контрреформацию венгерское дворянство стало склоняться к объединению Венгрии с Трансильванией. Создалась угроза, что Венгрия может перейти на положение турецкого вассального государства. Поэтому корона отступила и Венгрия не была затронута контрреформацией и связанной с нею централизацией.

Однако во второй половине XVII в. положение начало постепенно изменяться.

Если не считать включения Венгрии в общую налоговую систему и систему военных податей, то в экономическую жизнь Венгрии долгое время не вмешивались. Но финансовый кризис Австрии изменил положение. Чтобы избежать банкротства, корона начала выжимать деньги там, где только можно было, в том числе и в Венгрии.

Как указывалось выше, Венгрия, эта узкая полоса земли, истощенная постоянными турецкими набегами, должна была выплатить короне 1,6 млн. гульденов — на 300 тыс. гульденов больше чем сравнительно зажиточная и значительно менее затронутая войной Нижняя Австрия. Такую сумму нелегко было собрать. Венгерское дворянство, на которое сначала была возложена ответственность за сбор денег, постаралось переложить налоговое бремя на плечи крестьян и горожан. Население с каждым годом все больше нищало. Вскоре в Венгрии начался голод, так как крестьяне были вынуждены отдавать в уплату налога последний четверик зерна, последнюю скотину.

Хотя венгерское дворянство не особенно интересовалось судьбой крестьян и горожан, но и оно начало возражать против их

ограбления, так как такая политика короны противоречила их собственным интересам.

Так как корона требовала, чтобы сбор налогов в ее пользу производился в первую очередь, местному дворянству оставалось тем меньше, чем больше беднела страна. Дворянство же, привыкшее к роскошному образу жизни, хотело получать свою долю прибылей от развивавшегося товарного хозяйства и его аппетиты возрастали непрерывно. В то же время корона не выполняла своего обещания защищать Венгрию от турок: плохо обученная и развращенная коррупцией австрийская армия и ее медлительные бездарные генералы не были в состоянии сдерживать турок. Жалкий Сен-Готардский мир, вместо того чтобы обеспечить Венгрии передышку, оставил ее беззащитной от новых турецких набегов. После заключения мира произошел первый открытый конфликт между венгерским дворянством и короной.

Венгерские магнаты заявили, что императорская армия не в состоянии защищать страну, и потребовали создания собственной, венгеро-хорватской армии. Это требование было категорически отклонено короной: во-первых, оно противоречило политике централизации, во-вторых, влиятельные спекулянты и откупщики, а также офицеры и генералы, наживавшиеся на присваиваемых ими казенных суммах, не желали отказаться от доходов, связанных с пребыванием австрийской армии в Венгрии.

Начался период мелких стычек, которые неуклонно вели к более крупным столкновениям. Венгерские дворяне стали открыто выступать против системы налогов, установленной короной. Налоги становилось все более и более трудно собирать, нередко население открыто прибегало к саботажу. Помещики говорили своим крестьянам: «Не платите податей, все равно все деньги уходят на роскошь двора». Впервые в Венгрии заговорили о «немецких барах», имея в виду австрийцев, которые разбогатели за счет голодающей Венгрии.

Но ответ австрийской короны был таков: «Если вы не внесете налогов, мы возьмем их сами». В Венгрию были посланы австрийские чиновники, сборщики налогов или откупщики, задачей которых было «выжать налоги» из народа. Так как австро-венгерские соглашения предусматривали довольно широкую внутреннюю автономию Венгрии, то чиновников посылали вначале под всевозможными предлогами. Но так как такой способ давления на Венгрию годился лишь на короткий срок, то вслед за тем были сделаны попытки ограничить венгерскую автономию и закрепить законодательным путем право Вены на управление Венгрией. Протест дворянства против «ограничения свободы венгерской нации», как называли эти мероприятия, снова усилился, и в соответствии с этим возросла поддержка, которую народ оказывал дворянству.

Особенно популярным в Венгрии было требование об отводе

австрийской армии из страны, расходы на содержание которой под предлогом борьбы с гурками все более увеличивались еще и потому, что армейцы, не обращая внимания на венгерских «малконтантов» («недовольных»), пожирали, захватывали все то, что еще оставалось после сборщиков налогов и спекулянтов. Недовольство еще более усилилось после того, как в Венгрии появились монополисты¹, стремившиеся возможно быстрее обогатиться в этой «еще не тронутой» стране. Некоторые венгерские дворяне кое-где действовали заодно с монополистами, хотя последние, отстаивая свои привилегии, неохотно делились с дворянами. Они уступали им только крохи, и дворяне, которые с большей охотой заключали бы сделки сами, все громче протестовали.

В то же время образовался единый фронт короны и крудной буржуазии Австрии.

Австрийские монополисты и спекулянты, а также породнившиеся и связанные с ними дворяне все настойчивее требовали от короны, чтобы она гарантировала им беспрепятственное проведение различных спекулятивных операций в Венгрии. При всякой попытке венгров к сопротивлению они поднимали еще больший шум, чем двор, и с еще большей злобой говорили о «венгерских каналах», которые «нарушают право и закон». Так же отзывались о венграх и мануфактуристы, и представители новой средней буржуазии. Их не интересовало, что делали в Венгрии их враги-монополисты; они даже не возражали против того, чтобы монополистам была предоставлена свобода деятельности в отдаленных пограничных землях.

Буржуазия нуждалась в спокойствии и мире для развития мануфактуры, а венгерские «малконтанты» нарушали мир. Поэтому в эти годы ни один из представителей поднимавшейся австрийской буржуазии (мануфактуристов) не выступил в защиту Венгрии. Граждане Вены и других городов Австрии охотно брались за оружие, когда возникала угроза нападения венгерских повстанцев на австрийские области.

Заговор магнатов и первое восстание куруццев

В 1670 г. произошел первый открытый конфликт. Группа крупнейших венгерских магнатов долгое время пыталась — сначала мирными средствами — добиться изменения политики австрийской короны в отношении Венгрии. Венгры требовали: освобождения от турецкого ига, сохранения национальной конституции, усиления роли венгерских представителей в Коронном совете. В этом учреждении Венгрия не имела никакого влияния, и это требование

¹ Автор так именует купцов, получавших от короны различные торговые монополии. — *Прим. ред.*

было вполне справедливым. Кроме того, венгры требовали отвода австрийских войск или по крайней мере установления контроля над действиями войск, державшими себя в Венгрии, как во вражеской стране, а также полного присоединения к Венгрии Трансильвании, которая по последнему мирному договору получила гарантированную Австрией и Турцией автономию. Все требования венгерских магнатов были отклонены. Тогда дворяне Ференц Вешелени, Петр Зрини, Надажди, зять Зрини, Ференц Ракоци и Ференц Франгопан организовали Союз защиты прав Венгрии. У них была даже мысль — не обратиться ли им за помощью к туркам, но так как турки все еще считались главным врагом, они отказались от этой мысли и в конце концов вступили в переговоры с французским королем. Несколько позднее, однако, они начали вести переговоры о помощи и с турками. Вначале они хотели только оказать давление на корону.

На многочисленные обращения венгров к короне всегда следовал отрицательный ответ. Австрийская армия в Венгрии была даже увеличена, и становилось все яснее, что ее собираются использовать не против турок, а против венгров. На решения венгерских комитатов — собрания представителей старых административных округов Венгрии — корона отвечала лишь новой посылкой войск в Венгрию. В конце концов у дворян не оставалось другого исхода, как отдать страну под защиту турецкого султана, просить его прислать на помощь тридцатитысячную армию и даже самим приступить к созданию добровольческой армии.

Магнаты боялись войны, но все же готовились к ней; они делали ставку на восстание, но боялись организовать и объявить его; они попеременно апеллировали то к императору, то к народу и не знали на что решиться. Но гнев венгерского народа был так силен, а действия австрийской армии столь возмутительны, что в 1670 г. тысячи добровольцев взялись за оружие. В несколько дней у восставших оказалась армия в 15 тыс. человек.

Восстание вспыхнуло стихийно, без предварительного решения, чуть ли не против воли его вождей. Когда австрийское правительство послало в Венгрию новые войска под командованием Шпорка, добровольцы выступили им навстречу. Началась борьба. Австрийские солдаты были лучше вооружены, они рассеивали и отбивали атаки восставших. Но те собирались и нападали вновь. Восставшие часто сражались без руководства, без плана, вооруженные серпами и палками, против артиллерии и ружей, но они не прекращали борьбы. Сами инициаторы заговора не ожидали такого упорства.

Силы, пришедшие в движение, были чужды и непонятны Зрини, Франгопану и другим. Они обращались с отчаянными

письмами к Ракоци, единственному из всех руководителей, находившемуся в рядах восставших, чтобы он прекратил «ужасную борьбу, которая принесет Венгрии только несчастье». Когда же это не помогло, они отправились в Вену для переговоров с Леопольдом.

Там они были немедленно арестованы и преданы суду трибунала. После продолжительного заключения Зрини и Франгопан были казнены 6 сентября 1670 г. в Вене, а Надажди — 30 апреля 1671 г. в Винер-Нейштадте. Вслед за тем последовала карательная экспедиция. Собственность повстанцев, а также всех, кто подозревался «в участии в заговоре», была конфискована. При этом безмерно обогатилось неисчислимое количество австрийских дворян и спекулянтов. Захваченные в плен повстанцы были повешены без суда и следствия. Такая же участь постигла и многих их родственников, подозревавшихся в соучастии. Страна была наводнена новыми военными отрядами, которые бесчинствовали хуже, чем турки.

Короне удалось подавить восстание, но не удалось окончательно задуть его. Значительная часть повстанцев ушла от преследования и пробилась в Трансильванию, где организовалась партизанская армия. Эта армия, состоявшая большей частью из ограбленных крестьян и потерявших все надежды горожан, у которых не осталось другого выбора, кроме смерти или борьбы, назвала себя именем, десятилетиями произносившимся в Венгрии тайно и звучавшим, как слово надежды. Имя это было «куруццы», что означает «крестоносцы». Еще и теперь в Венгрии поют песни куруццев, в которых воспеваются свобода, борьба, права человека, труд хлебопашца, великие чаяния народа жить без голода и страха. Это не были песни венгров, примкнувших к дворянскому заговору, это были песни народа, мужественно поднявшегося на борьбу.

Куруццы получили известную помощь от Трансильвании, предоставившей им убежище. Куруццы представляли собой партизанскую армию, состоявшую из небольших отрядов, которые выбирали своих командиров и сообща планировали свои походы. То немногое, чем они владели и что им удавалось захватить, они делили между собой. Тот из куруццев, кому удалось захватить с собой в изгнание немного денег или заработать пару золотых монет, обычно оставлял для себя только самое необходимое, а остальное передавал в общий военный фонд. Партизаны называли друг друга «братьями». И офицеры, и солдаты ели сухой кукурузный хлеб, и те и другие спали на голой земле. Споры и проступки открыто обсуждались перед лицом всей группы, и группа выносила приговор поднятием рук.

Сохранилось бесчисленное количество рассказов о куруцах, о том, как они неожиданно появлялись в глубине оккупированной

Венгрии, уничтожали или изгоняли императорских солдат, отнимали у австрийских чиновников и откупщиков награбленное добро и раздавали его бедным крестьянам. Венгерский народ считал куруццев своими мстителями и покровителями; сами же куруццы считали себя защитниками народа, солдатами освободительной армии.

Три года подряд — с 1670 по 1673 г. — корона отправляла в Венгрию все новые и новые карательные отряды. Императорские генералы планировали и предпринимали против куруццев одну карательную экспедицию за другой. Но едва успевали изгнать куруццев из какой-либо одной местности, едва генерал принимался за составление донесения о победе, как прибывал курьер и сообщал, что они снова появились, на этот раз в новом месте, за десятки миль от прежнего их местопребывания. Снова приходили в движение тяжелые армейские колонны, грохотали барабаны, гремели выстрелы, снова пушки выдвигались на позиции, и снова после короткой кровавой стычки быстрые всадники и почти невидимые стрелки-куруццы исчезали в лесу или в высокой ржи, будто сливаясь с землей, с жалкими хижинами, со всей страной. А на следующий день императорские отряды находили глубоко у себя в тылу опустошенный куруццами склад оружия, остатки разбитого обоза или вдруг замечали висящие на иве трупы двух или трех особенно ненавистных народу, особенно жестоких чиновников или откупщиков, а рядом — вырезанный на коре дерева знак куруццев.

После трех лет борьбы императорские отряды были дальше от победы над куруццами, от умиротворения страны, чем в первый день сражений. Тогда правительство прибегло к новым репрессиям, массовому, зверскому террору. Виселица должна была довершить то, чего не смогли сделать мечом. Поход против куруццев превратился в поход против всего венгерского народа. В 1673 г. в Кошице и в Эперьеше начали действовать трибуналы, «кровавые суды» генерала Караффы. Тысячи людей были отданы под суд на основании доносов, по простому подозрению в соучастии с куруццами. Кусок хлеба, поданный чужому, который мог оказаться куруццем, или ночлег, предоставленный раненому, — этого было достаточно для вынесения смертного приговора или для осуждения на каторжные работы на галерах на многие годы. Сотни людей были повешены, тысячи сосланы, имущество десятков тысяч было конфисковано.

В Вене давно обещали надеть на Венгрию «богемские штаны»¹; теперь корона осуществляла эту угрозу. Последовал

---

¹ Австрийская знать в насмешку употребляла это выражение, в котором содержался намек на поражение чехов в битве у Белой горы в 1620 г. — *Прим. ред.*

целый ряд мероприятий, точно таких же, какие были применены против чехов после битвы у Белой Горы. Венгерская конституция и венгерское самоуправление были отменены, все гражданские учреждения, включая церковную администрацию, были подчинены имперскому губернатору. Корона пыталась провести даже контрреформацию. Католическая церковь была объявлена единственно дозволенной церковью, протестантские проповедники были изгнаны или, что было нередким явлением, преданы суду трибунала Караффы и сосланы на галеры. Церкви и школы были закрыты, и в Венгрию были посланы тысячи иезуитских миссионеров. На место старых «подозрительных» чиновников были назначены новые австрийские чиновники, которые как саранча набросились на уже ограбленную область.

Чехия в 1620 г. была страной, потерпевшей военное поражение и переживавшей тяжелый внутренний кризис. Венгрия в 1673 г. была страной, которая вела борьбу с пришельцами, оказавшимися не в состоянии разбить даже небольшую добровольческую армию куруццев. Поэтому то, что удалось в Чехии, не удалось в Венгрии. Борьба продолжалась, армия куруццев продолжала существовать. Подавление первого, плохо подготовленного восстания вскоре послужило поводом для подготовки второго восстания, лучше организованного. В последовавшие затем годы венгерская нация росла и развивалась в борьбе за свою независимость.

Второе восстание

Второе венгерское восстание против Австрии уже не носило характера беспорядочного, стихийного восстания. Это была война, которая на много лет связала военные силы Австрии, война тяжелая, кровопролитная, закончившаяся компромиссом короны с Венгрией.

Первое восстание ничему не научило корону. Австрийские политики считали, что на недовольство и оппозицию нужно всегда отвечать усилением репрессий, увеличением давления. В период между подавлением первого восстания и началом второго Австрия относилась к Венгрии примерно так, как торговые компании морских держав относились к своим новым заокеанским колониям. Девизом короны было: «Загрывать деньги и железной рукой поддерживать порядок», девизом австрийских чиновников, офицеров и следовавших по их стопам торговцев и спекулянтов было: «Возможно быстрее обогащаться!» Офицеры, в чьи карманы попадало солдатское жалованье, совершенно открыто рекомендовали солдатам возместить свои потери за счет населения. Чиновники действовали точно так же. Правительственная комиссия, назначенная в 1688 г. для обследования положения в Венгрии, установила, что императорские комиссары сплошь и рядом не занимались ничем

другим, кроме собственного обогащения. Например, в винодельческих районах они бесстыдно спекулировали вином, реквизируемым у населения за неуплату налогов. Широко распространена была также спекуляция зерном. Произвольно устанавливались высокие нормы сдачи зерна государству, а затем продавали его по спекулятивным ценам голодающим крестьянам. Подати росли из года в год. В 1697 г. на страну была наложена контрибуция в 3,5 млн. гульденов. Это была по тогдашнему времени колоссальная сумма. Из них 250 тыс. гульденов должны были уплатить магнаты и 250 тыс. — свободные города. Остальные 3 млн. должен был выплатить «простой народ», то есть те самые крестьяне, о которых в сообщении комиссии было сказано, что у них нет ничего, кроме «пустых и жалких хижин». Этот пример, как и многие другие, показывает, что корона явно стремилась расколоть венгров и прежде всего умиротворить дворянство установлением для него низкой налоговой квоты. Но дворянство не пошло на эту удочку. Стремление к свободе было слишком сильно в стране. Ожесточение, вызванное поведением захватчиков, побуждало даже робких к смелым поступкам. Дворянство в резких выражениях отказывалось содействовать сбору указанного налога.

Несмотря на то, что императорская армия в ходе турецких кампаний освободила большую часть Венгрии, это не только не улучшило положения освобожденных областей, но даже ухудшило его. Возвращенные в состав австрийской империи земли, так же как и вся остальная Венгрия, оказались вновь под бременем нашествия чиновников, офицеров и спекулянтов. И хотя турецкий гнет был более тяжелым, чем неограниченная эксплуатация со стороны австрийских «освободителей», в Венгрии начали поговаривать о «добрых старых временах при турках», и народная шутка гласила: «Аллахи» лучше, чем «вер-дасы» («wer da? — кто там?» — окрик часового в австрийской армии).

Ограбление страны и террор австрийской армии в последние годы XVII в. привели непосредственно к тому, что тысячи крестьян, которые не могли уплатить недоимок, и тысячи людей, боявшихся репрессий со стороны австрийцев, бежали в леса. Эти бесправные и бездомные люди большей частью объединялись в группы, которые тем или другим способом защищались. Императорские чиновники и генералы говорили о «бесчинствах разбойничьих банд» в Венгрии. Однако эти люди не были разбойниками, хотя иногда они и вынуждены были разбойничать. Они бежали от бесчеловечной грабительской системы, от чужеземного ига. Это были своего рода «зеленые кадры», партизаны конца XVII и начала XVIII в. — люди, для которых борьба против чужеземных врагов, виновников их несчастья, была единственно правильным логическим следствием. Большинство бежавших было готово

возобновить открытую борьбу, как только это представится возможным. Так же как эмигрантская армия в Трансильвании, они являлись серьезной военной угрозой для императорской армии. Венецианский посол при венском дворе не без основания сказал в 1696 г.: «Пламя венгерского восстания может снова легко вспыхнуть, если только найдется умелая рука, которая сумеет разжечь его».

В 1697 г. начались первые крестьянские восстания в Токае и в других местах, быстро распространившиеся на все пять комитатов (областей). Восстанием руководили два крестьянина: молодой Ференц Токаи и старый куруц Альберт Киш. Восстание носило социально-национальный характер. Крестьяне отказывались от уплаты податей и силой отнимали у императорских комиссаров конфискованное ими добро. Восставшие сжигали дворянские поместья — главным образом, владения тех дворян, которые установили с императорской армией миролюбивые отношения, и разоряли новые католические монастыри, так как считали их оплотом «чужой» религии. Повстанцы сразу же обратились к вождям венгерского дворянства, прежде всего к юному Ференцу Ракоци, с просьбой взять на себя руководство борьбой. Но Ракоци отказался. Хотя восстание было совершенно стихийным и повстанцы были почти безоружными, однако императорской армии потребовалось четыре месяца для того, чтобы разгромить его.

Ференц Ракоци, считавшийся вождем национально настроенной дворянской группы, был сыном знаменитого Ракоци, казненного австрийским правительством.

Сначала Ференц Ракоци не хотел возглавлять борьбу и, когда в 1697 г. вспыхнуло восстание, бежал в Вену под защиту императора. Но так как в Венгрии в разных местах начало вспыхивать одно восстание за другим, так как давление короны на венгерское дворянство становилось все сильнее и так как друзья Ракоци, дворяне, выступавшие за вооруженную борьбу, полагая, что если он возьмет на себя руководство борьбой, то это окажет большое моральное воздействие на повстанцев — уговаривали его — Ракоци уступил.

Решившись принять участие в борьбе, Ракоци стал подлинным вождем восстания. Это был замечательный вождь армии патриотов, безудержно храбрый, жизнерадостный, относившийся с презрением к смерти, это был умный и способный командир. Он умел добиться со своим войском максимальных успехов при минимальных жертвах. Он был неподкупен и готов был принести любую жертву во имя поставленной цели. Однако (это была его политическая, а не человеческая слабость) он вел войну с позиций дворянина, и это привело его к политическим ошибкам.

Придерживаясь дворянской тактики, Ракоци начал переговоры с великими державами. Он обратился с просьбой о поддержке к

Франции и предложил ей протекторат над Венгрией, к которой должна была быть присоединена Трансильвания. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что нельзя было рассчитывать на помощь далекой Франции. Франция могла использовать Венгрию в своих целях, но она никогда не сумела бы серьезно помочь ей. Но дворянин Ракоци искал решения вопроса в переговорах и соглашениях с другими странами.

Ракоци вел переговоры и с Польшей, и с Баварией, наконец, с морскими державами и даже с Турцией. Одно из его писем к Людовику XIV было перехвачено. Одни говорили — в результате предательства, другие утверждали, что будто бы французский посол на приеме у Леопольда нечаянно выронил письмо, а придворные нашли его. Кстати говоря, австрийской короне всегда удавалось «случайно» находить оброненные письма, если она в них нуждалась. Но так или иначе Ракоци был арестован. Ему удалось все же бежать из тюрьмы в Трансильванию. Леопольд объявил заговор Ракоци общевенгерским заговором и обрушил репрессии против всей страны. Очевидно, он считал момент подходящим для расправы.

Но ни Ракоци в своем изгнании, ни Леопольд в Вене не знали о том, что готовилось в стране. Положение венгерского населения сделалось настолько невыносимым, что в 1703 г. вспыхнуло новое, на этот раз значительно более серьезное крестьянское восстание. Это восстание также было сперва чисто крестьянским, и началось оно с борьбы против помещиков, против сборщиков налогов, против спекулянтов; в ходе восстания высказывалась мысль о необходимости создать «в свободной Венгрии» «царство свободных крестьян».

И на этот раз крестьяне послали делегатов к Ракоци и к армии эмигрантов. Но теперь Ракоци и его приверженцы, среди которых преобладало мелкое дворянство, джентри, преодолели свой страх перед народом. Они приняли на себя руководство восстанием и призвали всю страну к борьбе против чужеземного господства, за восстановление венгерских свобод. Особенно важное значение имело то обстоятельство, что крестьянская армия была укреплена обученными и хорошо вооруженными соединениями старого войска куруццев.

В несколько недель восстание охватило всю страну. Даже те, кто прежде выступал за соглашение с Веной, даже дворяне, страшившиеся социального характера восстания, присоединялись к великой армии повстанцев. Среди ее командиров наряду с Ракоци, Карольи, Берцени и другими дворянскими вождями были также крестьяне и командиры куруццев — Альберт Киш, Томаш Эссе и Томаш Борбели.

Австрийские войска, брошенные против повстанцев, терпели поражение за поражением. Они не только были недостаточно

вооружены и обучены, но вообще оказались не в состоянии противостоять новой тактике венгров, быстрым неожиданным атакам, молниеносным нападениям на лагерь противника, маневренности, тактическим отступлениям, когда против повстанцев оказывались крупные войсковые соединения, и неожиданным нападениям в местах, казавшихся противнику безопасными. Генералы, за исключением Евгения, занятого другим делом, умели воевать только «по правилам» и на заранее выбранных позициях, и поэтому с пеной у рта доказывали, что тактика венгров «невоенная», «трусливая» и «недостойная», однако, это не мешало венграм выигрывать одно сражение за другим. Зимой 1703—1704 г. только несколько крупных крепостей — Кошице, Эперьеш и Нойхойзель — оставались в руках императорских войск. Вся остальная территория страны принадлежала венграм. Между тем поднялась и Трансильвания, твердо решившая перейти на сторону Ракоци. Тогда произошло то, чего не ожидали даже наиболее пессимистически настроенные лица в Вене: венгры начали наступление, перейдя границы своей страны, в Моравию, Нижнюю Австрию и Штирию. Дело дошло до того, что венцам пришлось строить оборонительные сооружения, чтобы защитить Вену от «венгерских разбойников». Вместо заносчивого обещания «сорвать золотые пуговицы» у венгров и «надеть на них богемские штаны» корона встала перед необходимостью защищать от них Вену.

Между тем пали новые крепости, и корона оказалась вынужденной вступить в переговоры с «малконтантами». Морские державы, Голландия и Англия, желавшие быстрого прекращения конфликта, так как война серьезно угрожала боеспособности их австрийского союзника, предложили посредничество, и Австрия приняла его. Переговоры, начавшиеся в 1704 г., неоднократно прерывались, и война несколько раз возобновлялась.

В течение шести лет почти вся территория Венгрии находилась фактически под властью венгров, и вся страна участвовала в войне. В этом едином фронте борьбы исключение представляли сербы, в свое время покинувшие турецкую территорию и поселившиеся в юго-восточной Венгрии. Сербы, которым корона с самого начала, вероятно не без тайного умысла, покровительствовала, пользовались не только свободой вероисповедания, но и в течение многих лет были освобождены от налогов. Не удивительно, что они стали на сторону венского правительства и боролись так же, как и хорваты, на стороне императорских войск. Такое поведение сербов озлобило венгров и создало почву для длившегося столетиями взаимного недоверия обоих народов.

Переговоры начались без особой надежды на успех. Леопольд I соглашался объявить амнистию и расследовать некоторые жалобы на действия своей армии и чиновников — и только. Вен-

гры же, оставаясь в составе габсбургской монархии, требовали полной независимости и объединения с Трансильванией, а также гарантий европейских держав относительно выполнения мирного договора с Австрией.

5 мая 1705 г. Леопольд I умер. Престол унаследовал Иосиф I, который являлся одним из немногих в Австрии, желавших примирения с Венгрией. Он всегда выступал против политики «железного кулака», всегда предупреждал от последствий, вызываемых такой политикой. Ему было ясно, более ясно, чем принцу Евгению, что венгерский вопрос не удастся решить «по-чешски». Считая важной проблемой расширением монархии на восток, он хотел, не доводя дело до серьезной борьбы, любой ценой умиротворить Венгрию. Вероятно, Иосиф согласился бы еще в 1705 г. восстановить старую венгерскую автономию в том виде, в каком она существовала до 1687 г., но венгры не желали уже отказаться от своих требований. Одно из них — гарантии иностранных государств относительно мирного договора — было действительно неприемлемо для Австрии, так как являлось бы по существу нарушением австрийского суверенитета.

Поэтому война возобновилась. Пока армии передвигались, пока побеждали то императорские войска, то венгерские, венгры осуществили в законодательном порядке последний акт отделения от габсбургского государства. Собрание венгерских сословных представителей объявило себя законодательным и конфедеративным сословным собранием, то есть первым парламентом страны, и образовало правительство — Государственный совет из 24 членов во главе с Ракоци. Трансильвания, незадолго до этого избравшая Ракоци главой правительства, присоединилась к Венгрии.

Через два года Иосиф I, являвшийся и венгерским королем, был свергнут, и была провозглашена независимость Венгрии. Был внесен ряд предложений, касавшихся дальнейшей судьбы Венгрии, в том числе вопроса о передаче венгерской короны курфюрсту Баварскому, о присоединении Венгрии к Польше. Таким образом, были сожжены все мосты между конфедератами и Иосифом I, и в этом не малую роль сыграло предложение передать венгерскую корону Максу Эммануилу. С точки зрения короны компромисс с автономной Венгрией был возможен. Но он был невозможен с Венгрией, которая находилась бы под баварским, то есть практически под французским господством, и, таким образом, держала бы Австрию в клещах.

Ракоци не видел действительных сил, участвовавших в борьбе. Он считал, как в свое время полагали и чешские дворяне, что достаточно предложить корону, чтобы обрести верного союзника; он верил, что Франция сдержит свои обещания и по средневековому обычаю возьмет венгров под свой «лен» и защитит

маленькое королевство, отстоящее на сотни километров от его границ.

Позднее Ракоци упрекал Францию в том, что она использовала Венгрию в своих целях, «выжала ее как лимон и потом бросила» на произвол судьбы; этот упрек не вполне обоснован. Конечно, Франция поддерживала венгерское восстание только для того, чтобы связать военные силы габсбургского государства, но даже имея самые лучшие намерения, Франция не могла бы оказать военной помощи государству, расположенному на другом конце Европы. В этой борьбе решающую роль играли не княжеская фронда и вопрос о короне, а коммуникации; стало было не в концентрации возможно большего числа мелких государств под весьма слабой защитой большого государства — речь шла о первенстве в Европе, за которое боролись великие державы. Устоит ли и окрепнет маленькая страна в этой борьбе, или же она будет раздавлена — зависело не от ее династических соглашений, не от того, кому будет принадлежать корона, и не от личных уний, а от действительной силы этой страны.

Венгерское правительство сближалось то с одним, то с другим государем, предлагало корону то Польше, то Швеции, то снова Турции и, наконец, даже Пруссии. Однако все отказались от предложений Венгрии, потому что никто не был в состоянии вести войну с Австрией, ни у кого не было необходимых для этого сил и, следовательно, шансов на успех. Сила эта имелась в самой Венгрии у самого венгерского народа, который много лет успешно боролся с сильными Габсбургами, эта сила заключалась в ее повстанческой армии, которая продолжала отбивать атаки императорских генералов. Венгрия совершенно не нуждалась в том, чтобы вымаливать поддержку у европейских дворов, так как она была в состоянии в любой момент добиться необходимого мира собственными силами. То, что не было ясно для Ракоци, который в силу своего дворянского происхождения просто не представлял себе силы своего народа и видел в нем лишь «подданных», давно уже было понятно Иосифу I. В Вене понимали, что народ, который годами вел войну и обращал в бегство генералов австрийской армии, народ, перед которым дрожала Австрия, — такой народ не покорится императорской военщине и не позволит грабить себя императорским чиновникам. Иосиф I понял, что Венгрия выиграла войну. Венгерские дворяне этого не понимали.

Однако и они начали понимать это, когда в стране стало проявляться недовольство, когда армия начала незаметно таять и, главное, когда в городах и в горнодобывающих районах Верхней Венгрии возникла партия, выступавшая за соглашение и мир с Австрией. Население рассуждало очень просто. Оно вело тяжелую героическую борьбу, в ходе которой приходилось нередко

сжигать свои же деревни и уничтожать посеы на своих же полях, чтобы не оставить императорским войскам ни крова, ни пропитания. Императорские войска были изгнаны из страны — зачем же продолжать войну? Население не интересовалось проектами, в которых речь шла о польском или французском короле. Население хотело свободы и мира.

1 мая 1711 г. между короной и венгерскими представителями был заключен Сатмарский мирный договор. Он был фактически не компромиссом, а триумфом Венгрии. Корона соглашалась на восстановление венгерской конституции и на свободу вероисповедания в Венгрии. Ракоци и все магнаты, священники, лица знатного происхождения и все прочие участники восстания были амнистированы и получили обратно свои владения; дворянам при этом было поставлено условие, что они в определенный срок сложат оружие и принесут присягу на верность Австрии. Вдовы и сироты казненных должны были получить обратно свое имущество или компенсацию за его потерю. Остальные вопросы корона обещала поставить на обсуждение ближайшего рейхсрата. Были отменены конфискации и упразднены кровавые суды. Магнаты и знать снова получили право носить оружие. Армия куруццев должна была демобилизоваться с соблюдением воинских почестей, солдатам-иностранцам предоставлялся беспрепятственный выезд на родину, дезертиры из императорской армии могли возвратиться в свои полки, причем им гарантировалось помилование.

Иосиф I, в течение многих лет стремившийся прийти к соглашению с венграми, не дожил до заключения мира. За две недели до окнчания переговоров он заболел оспой и умер. Его преемник Карл VI (коронованный в 1712 г. на венгерский престол) ратифицировал договор. Хотя Карл VI во многих вопросах отходил от политики реформ Иосифа I, в отношении Венгрии он последовательно продолжал политику примирения. В последующие годы политика короны была направлена на то, чтобы привлечь Венгрию к добровольному сотрудничеству.

Ракоци отказался от принятия присяги. Он добровольно удалился в изгнание. Сначала он жил в Польше, затем во Франции, где безуспешно пытался поставить вопрос о Венгрии на повестку дня мирных переговоров, начавшихся после войны за испанское наследство, и наконец — в Турции. Там он и умер в одиночестве в 1735 г.

Для австрийского императора венгерская война имела особое значение. Впервые короне пришлось отступить перед одним из народов своей империи, впервые здание централизованного государства дало опасную трещину. Впервые молодая австрийская буржуазия в своем стремлении к расширению натолкнулась не только на сопротивление короны и дворянства, но и на сопро-

тивление другой нации. Впервые австрийский народ увидел, что рядом с ним в монархии не только живет, но и борется за свои права другой народ. Чехия пала, но Венгрия устояла.

В то же время остались противоречия и трения, выявившиеся еще во время войны: противоречия между австрийцами и венграми, между сербами и хорватами, с одной стороны, и венграми — с другой стороны, между венграми и трансильванцами, хорватами и сербами. В годы венгерской войны впервые возник национальный вопрос в Австрии.

Глава III

НАЧАЛО УПАДКА АБСОЛЮТИЗМА

«Права человека»

Двести лет в Европе господствовал абсолютизм. Он способствовал основанию государств и росту молодых наций, он разбил старое, политически независимое феодальное дворянство и создал централизованное государство, в котором могла развиваться молодая буржуазия. Теперь приближался его закат.

Настали дни, когда закосневшая система абсолютизма превратилась для восходящей буржуазии и молодого капитализма в оковы, которые они должны были разорвать, чтобы проложить себе дорогу. Абсолютные монархи устанавливали для фабрикантов регламент, согласно которому были заранее определены форма, размеры и цвет товаров, место расположения и размеры фабрик, — они хотели контролировать все, что касалось нового производства, так как в начальный период его развития это был единственно возможный путь, следуя которому можно было планомерно развивать производство. Но теперь тысячи новых фабрикантов, выросших из мелкой буржуазии, ремесленников, торговцев и даже рабочих, больше не хотели считаться с ограничениями — что изготовлять и где продавать. Они хотели решать и действовать самостоятельно, производить и экспортировать товары по своему усмотрению и притом без уплаты таможенных пошлин; им хотелось, например, как можно больше снизить заработную плату своим рабочим. Молодая буржуазия заявляла — и в данном случае она была права, — что корона и ее государственный аппарат слишком тяжелы на подъем, слишком консервативны и неповоротливы, чтобы отвечать их потребностям.

Буржуазия стала уже достаточно многочисленной и сильной, чтобы взять власть в свои руки. Она хотела править сама, так как любая другая власть тормозила бы ее развитие. Корона опиралась на чиновников, генералов, министров, происходивших большей частью из дворян или из крупных торговцев. Эти чиновники и министры не могли так руководить страной, как этого требовали фабриканты, купцы и банкиры. Министром у императора почти всегда был дворянин, помещик, живший за счет трудов своих крестьян или арендаторов. Естественно, что он выступал против отмены феодальных повинностей, против восстановления права свободного передвижения крестьян, так как иначе

он и все его сословие, которое он считал «основой государства», потеряли бы свои источники дохода. Но молодая буржуазия нуждалась в свободном передвижении крестьян, так как только освобождение крестьян могло дать резерв рабочей силы, необходимой для удовлетворения гигантской потребности новых фабрик в рабочих.

Государственный аппарат абсолютной монархии делал все, чтобы увековечить свое господство. Он попрежнему раздавал должности лицам, принадлежавшим к его касте, направлял школьное обучение в соответствии со своими потребностями и крепко придерживался сословных различий. Буржуазия понимала, что при таком положении она всегда будет оставаться в стороне от правления, и поэтому заявляла: «Все люди равны, только способности и склонности дают право на занятие государственных должностей». Вскоре буржуазия начала создавать свой собственный государственный аппарат и требовать, чтобы вместо старой, привилегированной школы была создана новая, общедоступная школа, где вместо латыни и философии изучались бы науки, нужные для развивающейся промышленности, — математика, физика, география, — школа, обучение в которой находилось бы в ее руках, а не в руках служителей церкви или чиновников императора. Именно потому, что буржуазия хотела иметь возможность обучать и самой учиться, организовывать свои партии и дискуссионные клубы и свободно выражать свое мнение, она требовала свободы обучения.

Противоречия в области внешней политики были меньшими. Здесь не было принципиальных возражений против завоевательных войн абсолютной монархии. Но войны обходились все дороже и становились все продолжительнее и часто велись из-за чисто династических соображений, не интересовавших буржуазию, и она была против таких войн, не приносящих ей пользы. Уж если буржуазия высказывалась за организацию военного похода, то она имела в этом случае свои собственные цели. Она выступала против завоевания таких областей, захват которых хотя и мог дать очень большой доход короне, но приводил к тому, что буржуазия, не будучи в состоянии вести конкурентную борьбу, страдала.

Вообще буржуазия в течение некоторого времени была заинтересована в сохранении мира, который дал бы ей возможность спокойно работать и наживаться. Поэтому буржуазия выдвинула лозунг братства всех народов.

Было ясно, что абсолютизм не откажется добровольно от власти в пользу новой буржуазии. Поэтому во второй половине XVIII в. все чаще стал обсуждаться вопрос о праве нации силой свергнуть несправедливый и отсталый государственный строй.

Во второй половине XVIII в. произошло два крупных собы-

тия. В двух странах буржуазия поднялась, сбросила господство абсолютизма, разбила казавшуюся когда-то столь прочной государственную систему и создала свое собственное государство. В 1774 г. американские колонисты восстали против господства английского короля, отделились от Англии и основали самостоятельную конфедеративную республику. Политической основой нового государства явилась «Декларация прав человека».

В ней были изложены принципы господства новой буржуазии, которые в период ее подъема были названы «господством» народа, «демократией». В действительности это было господство только части народа, так как в управлении страной не участвовали неимущие слои народа, рабочие, вскоре составившие значительную часть населения.

Ровно через 15 лет земля задрожала в старейшем абсолютистском государстве Европы. 14 июля 1789 г. началась французская революция. Король был свергнут и вскоре обезглавлен, Франция стала республикой.

Середина XVIII в. стала закатом абсолютизма. Но в некоторых странах, перед тем как погаснуть, он вспыхнул еще раз. Это произошло прежде всего в Австрии, где с 1740 по 1790 г. правили Мария Терезия и Иосиф II. Мария Терезия довела реформаторскую деятельность до наиболее высокой точки, которая только возможна была при абсолютизме. Она действовала как консерватор, как аристократка, высоко вознесенная над народом и рассматривавшая его только как объект своей политики. Выполняя требования времени, она проводила реформы, чтобы укрепить свое государство и власть династии. Иосиф II пошел дальше Марии Терезии. Он знал или предчувствовал, что дни абсолютизма сочтены и он сам провел многие мероприятия, которые во Франции осуществлял на развалинах монархии Конвент, буржуазное народное представительство. Но между «новшествами» Конвента и новшествами Иосифа было огромное различие: первые проводились буржуазией через ее орган власти — Конвент; вторые проводились без активного участия народа, «сверху» и в интересах монархии.

Война за Австрийское наследство

Принц Евгений был прав: без сильной армии и полной государственной кассы Прагматическая санкция была только клочком бумаги. В тот момент, когда Мария Терезия вступила на престол, некоторые из подписавших Прагматическую санкцию, прежде всего прусский король Фридрих II, вдруг объявили, что осуществление торжественно скрепленного ими договора о наследовании противоречит их совести. Была выдвинута другая кандидатура на габсбургский трон — курфюрст Баварский.

Образовалась антиавстрийская коалиция, в которую входили Франция, Бавария, Испания и Пруссия. Англия и Голландия, обещавшие Австрии поддержку, осторожно и с оговорками объявили себя сторонниками Марии Терезии, но дали понять, что вмешиваться в борьбу они не станут. Впрочем, и Фридрих II, подлинный руководитель коалиции, не сразу открыл свои карты. Он вел некоторое время переговоры с Веной и уверял Марию Терезию в своей горячей дружбе и поддержке. В то же время он стягивал войска и неожиданно, без предупреждения и без объявления войны вторгся в Силезию и занял ее. Это было совершенно необычное явление для того времени. В те времена не стеснялись начинать войну, но по крайней мере имели мужество открыто объявить о начале войны и — плохо ли, хорошо ли — как-то пытались обосновать ее причины. Разбойничьи вторжения в чужие страны без объявления войны, по словам современников, предпринимали лишь турки. Но даже турецкий посланник в Вене в своем заявлении осудил такие методы, заявив, что «небо» покарает Фридриха II за его вероломство. Однако такие заявления не помешали Фридриху объявить жителям Силезии, будто вторжение последовало с согласия и по желанию австрийского правительства. Эти заявления не оказали никакого влияния и на позицию других великих держав, твердо решивших разделить между собой владения Австрии. Для позиции этих держав характерно письмо Фридриха, которое он написал французскому посланнику в день вторжения в Силезию: «Я убежден, что игра, которую я начинаю, — это и Ваша игра! Если я вытяну туз, — мы поделимся!»

Великие державы рассчитывали, что после нападения извне последует внутренний распад Австрии. Но они ошиблись. Монархия не распалась.

В Австрии, особенно в Вене, были недовольны нерешительной и бесперспективной политикой правительства, результатом которой явился кризис. Это недовольство временами принимало форму оппозиции против «женского правления». В стране, главным образом при дворе, имелась сплоченная и искусно действовавшая баварская партия, умевшая быстро подхватывать каждое проявление недовольства и использовать его как доказательство необходимости передать Австрию баварской династии. Но дальше мелких интриг дело обычно не заходило.

Для гибкости политики Марии Терезии характерен следующий эпизод. В окрестностях Вены дикие звери, обитавшие в великокняжеских лесах, причиняли крестьянским полям и садам тяжелые убытки. Время от времени крестьяне по этому поводу прибегали к самозащите и даже бунтовали. Однажды баварские агенты в связи с этим вызвали настоящее маленькое восстание, лозунгом которого было: «Под власть Баварии!» Мария Терезия

зия ответила на это тем, что отправила в леса солдат и охотников и не долго думая истребила диких зверей. Когда дело шло о политике, старые традиции, вроде святейшего права короны на охоту, не играли для нее никакой роли.

Значительно труднее было разрешить другие вопросы: устранить дезорганизацию в армии и выправить тяжелое финансовое положение. Фридрих почти беспрепятственно вступил в Силезию, так как Австрия не могла оказать ему серьезного сопротивления. Неспособные министры и одряхлевший военный совет в Вене вели переговоры, медлили и не приходили ни к какому решению. Наконец, против Фридриха был послан полководец Нейперг, «отличившийся» в последней войне с турками тем, что проиграл одну битву за другой. Весной 1741 г. он благополучно достиг Силезии и вскоре... проиграл битву под Мольвитцем. Сражение под Мольвитцем было трагикомедией. Нейперг отдал приказ на наступать. Но офицеры, видевшие, что огонь пруссаков косит их войска, добились приказа о наступлении. Прусская кавалерия была обращена в бегство, сам Фридрих вынужден был бежать и с трудом спастся от плена. На следующее утро Фридрих к своему величайшему удивлению узнал, что выиграл битву: Нейперг в разгар боя отдал приказ отступить и оставил поле боя за пруссаками.

Потеря Силезии была достаточно неприятна, но в Вене понимали, что впереди было худшее: вторжение в самую Австрию. По Нимфенбургскому соглашению, заключенному в 1741 г., Бавария и Франция (вскоре к этому соглашению присоединилась и Пруссия) решили поделить между собой Австрию. Австрия заключила союз с Россией и Англией. Но Россия, правители которой принципиально выступали за ограничение прусской экспансии, которую считали и для себя опасной, была занята войной со Швецией. Каким союзником была Англия, все еще рассматривавшая Пруссию как свой форпост на континенте, видно из совета, данного английским правительством Марии Терезии, — уступить Силезию Фридриху и заключить с ним мир.

В конце концов Марии Терезии не оставалось ничего другого, как последовать совету Англии, подкрепленному дипломатическим давлением на Австрию. В октябре 1741 г. в Клейншнеллендорфе был заключен мир с Фридрихом, по которому Австрия вынуждена была отдать Пруссии Нижнюю Силезию.

За три месяца до заключения мира между Марией Терезией и Фридрихом в Австрию вторглись баварские и французские войска. Австрийские министры, как сообщал английский посланник Робинсон, «бледные от ужаса, упали в кресла». Это было почти все, что они сделали для разрешения кризиса. Англия ограничилась тем, что предоставила Австрии кредит в 300 тыс.

фунтов, обещанный ей в случае французского нападения. Марии Терезии пришлось искать другой поддержки.

Поддержка, в которой она нуждалась, пришла изнутри. Монархия оказалась значительно более крепкой, чем предполагали ее враги. Земли габсбургской империи в общем поддержали корону; поддержку оказала даже Чехия, занятая в 1741 г. баварцами и французами, от которой можно было ожидать, что она с развернутыми знаменами перейдет на сторону Баварии. Правда, часть чешского дворянства присягнула баварскому курфюрсту Карлу Альбрехту, который был провозглашен королем Чехии, но огромная сумма военной контрибуции в шесть миллионов гульденов, которую он на другой же день потребовал от страны, полностью лишила его симпатий чехов. Год спустя, когда французские и баварские войска в Чехии были атакованы и окружены австрийской армией, ни одна рука не поднялась в их защиту. Напротив, в последующие месяцы и особенно позднее, во время прусского вторжения и Семилетней войны, имели место даже партизанские выступления чешского населения, нарушавшие коммуникации противника. В 1743 г. Мария Терезия была коронована в Праге. Она была достаточно умна, чтобы не подвергать тяжелым репрессиям бывших сторонников баварского курфюрста.

Гораздо важнее было то, как отнесется ко всему Венгрия. Это была страна, которая, по мнению коалиции, могла при первом удобном случае отпасть от Австрии. Совсем недавно Венгрия боролась за свою независимость, и потому существовало опасение, что она использует сложившуюся обстановку, чтобы добиться независимости под французским протекторатом.

Однако произошло обратное. Венгрия не только не отпала, но объявила, что она готова взять на себя «спасение монархии», и предоставила в ее распоряжение довольно значительное число солдат — 40 тыс. человек, что составляло одну пятую всей армии.

Разумеется, это произошло потому, что в результате длительных переговоров Мария Терезия сделала венгерским сословиям значительные уступки. Наряду с несколькими, носившими скорее формальный характер уступками, вроде замещения должности палатина (венгерского вице-короля) только с согласия Венгрии, была достигнута договоренность по следующим вопросам: венгерское дворянство будет освобождено от налогов; для переговоров о венгерских делах, не только внутренних, но и внешних, будут приглашаться только венгры; прием на службу в государственные министерства, вопреки существовавшей до тех пор практике, станет для венгров неограниченно свободным. Венгерская надворная канцелярия и венгерская надворная камера — венгерские министерства внутренних дел и финансов в Вене —

стали независимыми от венских высших органов власти и были подчинены непосредственно короне. Должность и звания в Венгерском королевстве впредь должны были раздаваться только местным жителям.

Таким образом Венгрия гарантировала себя от попыток короны централизовать управление в стране. Венгры, по крайней мере в политическом отношении, были приравнены к австрийцам. Соглашение означало отказ от династической политики централизации в отношении Венгрии. Впервые были намечены структурные контуры государства, состоящего из двух, а не из одной, равноправных наций. Не удивительно, что венский двор и австрийские министры не обрадовались соглашению. Расширенные министры заявили, что Мария Терезия сделала бы лучше, если бы «продалась дьяволу, а не Венгрии».

Впоследствии австрийское правительство небезуспешно — по крайней мере в экономическом отношении — пыталось сделать Венгрию второстепенной нацией, но пока — Венгрия победила.

Сопrotивление намеченному разделу Австрии еще более усилилось, когда в 1744 г. Фридрих снова вступил в войну, чтобы помочь почти разбитым вконец французам и баварцам. Прусское правление в Силезии даже по тому времени было исключительно жестоким. Фридрих наложил на страну высокую контрибуцию. Без всякого предупреждения он угнал тысячи молодых женщин и мужчин на принудительные работы в Пруссию. В те времена война обычно мало затрагивала гражданское население, и этот поступок вызвал всеобщее возмущение. С 1744 г. в Силезии также началась партизанская война, одной из задач которой было нарушение прусских коммуникаций, и Фридрих не без основания жаловался, что все, что он делает в Силезии, становится через добровольных «агентов» немедленно известным в Вене. Хотя чехи не питали особой любви к Австрии, но все же к Марии Терезии относились как к меньшему злу по сравнению с Фридрихом. Что касается внутренних австрийских земель, то там неприязнь к Пруссии была еще более сильной.

Хотя война до 1746 г. велась с переменным успехом, но вскоре стала ясно, что не может быть уже и речи о разделе Австрии. Хотя Австрия не угрожала серьезно Пруссии, земли союзной с ней Баварии не раз занимались австрийскими войсками. Баварский курфюрст и его преемник были рады, что им удалось удержать корону на голове. С 1745 г. Англия начала несколько энергичнее вести войну с Францией. В то же время она продолжала оказывать на Австрию давление (прежде всего финансовое), чтобы заставить ее заключить новое соглашение с Фридрихом. В результате Мария Терезия к концу войны опять была вынуждена отказаться от Силезии. В 1746 г. этот отказ не был необходимым с военной точки зрения.

В 1746 г. русская императрица Елизавета заключила с Марией Терезией наступательный и оборонительный союз, направленный главным образом против Пруссии. Русская армия, направляясь к Рейну, прошла через Польшу и Чехию. Однако этот союз практически почти не имел значения, так как не имевшее успеха «объединение мародеров» — так называли коалицию против Марии Терезии — вынуждено было поторопиться с заключением мира.

По Аахенскому миру Австрия получила обратно Нидерланды, которые перед этим были отвоеваны Францией, но вынуждена была отдать Фридриху Силезию, а Испании — Парму, Пьяченцу и Гуасталлу. По сравнению с опасностью, угрожавшей Австрии, эти территориальные потери, если не считать Силезии, были не столь значительны.

В России Аахенский мир вызвал известное недовольство. Елизавета, заявлявшая о своей решимости ликвидировать прусскую опасность, «даже если ей придется продать свои драгоценности, чтобы снарядить армию», и ее партия считали, что у Австрии не было серьезных оснований для заключения такого невыгодного мира. Они справедливо указывали, что прусская опасность не устранена и что Фридрих при первом удобном случае повторит нападение. Само по себе это было верно. Но Елизавета не принимала во внимание внутреннего положения Австрии.

Австрийская армия едва ли была лучше подготовлена к войне, чем прежде, а финансы страны были в еще более плачевном состоянии, хотя Марии Терезии удалось при помощи режима жесткой экономии избежать государственного банкротства. Австрии удалось выйти из беды, выстоять в войне и сравнительно легко отделаться. Но чтобы осуществлять активную внешнюю политику, надо было привести в порядок финансы, экономику и внутривнутриполитическое положение страны. Мария Терезия понимала, что в прусском вопросе придется считаться с давлением Англии до тех пор, пока Австрия будет вынуждена ориентироваться на английскую финансовую помощь, без которой невозможно было справляться даже с текущими расходами на вооружение армии. Необходимых средств не было ни у России, ни у Австрии. Чтобы добыть их, чтобы сделать новое государство способным снова играть определенную роль в Европе, надо было изменить внутреннее положение страны. Мария Терезия приступила к этому сразу же после заключения Аахенского мира.

Реформы

Политическим идеалом государей Австрии и целью всех реформ за последние сто лет было создание единого, целостного,

легко управляемого государства¹. Максимилиан I заложил для него фундамент, Хёрнигк, Евгений и другие политические деятели способствовали завершению его строительства. Государство должно было освободиться от всех пережитков прошлого, всех сословных и дворянских привилегий, сделаться легко управляемой и четко работающей машиной, построенной с учетом достижений науки и техники, в соответствии с принципами целесообразности. По мнению реформаторов, традиции, привилегии, региональные или национальные особенности подлежали сдаче в архив. В своем стремлении создать бесперебойно работающий государственный аппарат реформаторы не делали различий между старым и новым. Старые сельские или городские самоуправления с их действительно демократическими принципами они считали таким же пережитком, как и привилегии церкви или право дворян творить суд и расправу в своих владениях. Требование самоуправления неавстрийских земель, возникшее в результате развития наций, казалось им таким же недопустимым, как и требование большей самостоятельности отдельных австрийских земель, имевшее целью возврат к средневековой системе свободных городов. Они считали хорошим то, что было рационально, а с точки зрения новой экономики страны рациональным было только единое централизованное государство.

После войны за Австрийское наследство Мария Терезия положила начало образованию нового государства, создание которого было завершено только при Иосифе II. Централизация была осуществлена Марией Терезией постепенно. Первые реформы были проведены в военном деле. С точки зрения короны, считавшейся с возможностью возникновения в ближайшем будущем новых войн, проведение военных реформ было наиболее неотложным. Кроме того, именно здесь оппозиция была наименьшей. Мария Терезия сделала все, чтобы внушить австрийцам мысль об опасности нового нападения со стороны Франции или Пруссии. В годы, прошедшие между войной за Австрийское наследство и Семилетней войной, постоянно распространялись неофициальные брошюры и статьи, обращавшие внимание на угрожающую опасность. Широкое распространение имели сочинения, в которых рассказывалось о судьбе Силезии под прусским господством. Впрочем, не все инспирировалось из «официальных» источников, многие сочинения подобного рода появлялись и стихийно.

Хотя с 1649 г. существовало постоянное войско из наемных солдат, оно составляло лишь основное ядро армии и на случай войны этого не было бы достаточно. Все остальные воин-

¹ Автор имеет в виду создание централизованного австрийского государства. Утверждение, что эта цель была достигнута, можно принять лишь с оговоркой, что это в основном относится к собственно австрийским землям. — *Прим. ред.*

ские контингенты поставляли земли, большей частью после длительных переговоров с короной, причем каждая земля старалась выторговать как можно больше уступок и выставить как можно меньше солдат. Численность мобилизованных солдат зависела от исхода этих переговоров. Уже не говоря о том, что центральное правительство никогда не могло знать заранее, сколько оно получит солдат, при такой системе формирования войск страдала также качественная сторона, то есть боеспособность армии. С распространением и усовершенствованием огнестрельного оружия и прежде всего тяжелой артиллерии, процесс обучения солдат стал сложнее и длительнее. Солдаты, наспех мобилизованные в порядке предоставления той или иной земель своего контингента, не были в состоянии, к примеру, научиться хорошо и быстро стрелять из пушек. В турецких войнах, которые вел Евгений, воодушевление и личные интересы солдат нередко заменяли обучение, и неподготовленность большей части армии не играла значительной роли. Но абсолютная монархия не могла рассчитывать на то, что все войны, которые она будет вести, будут популярными.

В 1748 г. вместо прежней системы комплектования армии была введена так называемая «контрибуция»: каждая земля (за исключением Венгрии и частично Тироля) уплачивала ежегодно определенную сумму австрийскому государству, которое на полученные таким образом средства вооружало, обучало и снаряжало армию. Земли, хотя и уплачивали «контрибуцию», но не имели права вмешиваться в военные вопросы. Так разрешалась финансовая сторона этого вопроса. Вопрос о наборе солдат также был разрешен по-новому. Земли получали разверстку на определенное число рекрутов, которых они должны были выставить. Рекрут, большей частью назначавшийся по жребии из числа военнообязанных, должен был служить в армии пожизненно. Военнообязанными были все мужчины, за исключением дворян и помещиков, священников, чиновников, врачей и людей других интеллигентных профессий; позднее были освобождены учителя, купцы, фабриканты и некоторые категории рабочих, например текстильщики, горняки и кораблестроители. От военной службы можно было откупиться или выставить замену, что делалось весьма часто. Это приводило к тому, что армия состояла из поденщиков, мелких ремесленников и бедных крестьян или из бродяг и других деклассированных элементов.

К числу военных реформ Марии Терезии относится также основание военной академии — так называемого «Терезианума». Должность офицера становилось настоящей профессией, к которой надо было готовиться.

До Марии Терезии центральные налоги были невысоки; большая часть государственных доходов состояла из взносов земель. Дворянство и духовенство были полностью освобождены от нало-

гов. Освобождение дворянства от налогов было результатом его привилегированного положения в монархии. Максимилиан I и Фердинанд II сломали политическую самостоятельность дворянства, а также политическую самостоятельность сословных собраний, в которых дворянство играло ведущую роль. Они создали государственный аппарат, подчиненный короне, который состоял главным образом из нового, зависевшего от короны придворного дворянства. Это дворянство не получило от короны политических уступок, зато оно получило экономические привилегии. Помещик, являвшийся господином крестьян, обладал неограниченным правом на значительную часть крестьянского урожая и имел право на присвоение части крестьянского труда; кроме того, он был освобожден от налогов. За эти привилегии дворянство и служило короне. Сохранению дворянских привилегий способствовало и то обстоятельство, что сословные собрания, давно потерявшие политическое значение, все еще использовались короной для решения экономических вопросов, например для выколачивания налогов и податей; протесты сословных собраний корона обычно оставляла без последствий.

В основе принципа освобождения от налогов церкви лежали также соображения компромиссного характера, присущие абсолютной монархии. Корона опиралась на дворянство и буржуазию, последняя была еще слишком слаба и неразвита, чтобы руководить страной. К вопросам управления страной относились также вопросы воспитания, религиозные вопросы, идеологические проблемы того времени. В XVI и XVII вв. буржуазия еще не могла взять это на себя. Поэтому корона использовала аппарат, выросший из недр средневековья, из феодализма, — церковь, хотя самостоятельность церкви была уже сильно ограничена и государь не только формально, но и по существу был ее политическим главой. Независимо от того, что государство обеспечивало церкви полную автономию в духовных и культурных вопросах, она, кроме того, была освобождена от налогов, и это было одним из преимуществ, которыми пользовалась церковь в качестве вознаграждения за поддержку короны и воспитание юношества в духе абсолютизма.

Во времена Марии Терезии не было надобности сохранять эти дорого обходившиеся особые привилегии. Была возможность создать бюрократическое государство почти без помощи дворян. Сыновья новой буржуазии были готовы, если только сами не становились фабрикантами, служить верой и правдой короне в качестве чиновников, к тому же они большей частью оказывались более способными, чем их дворянские предшественники. Сын фабриканта или владельца мастерской не желал больше превращаться в ремесленника. Карьера чиновника была для него самой приемлемой. К тому же содержание такого чиновника обходи-

лось государству значительно дешевле, чем содержание его дворянского конкурента. Такой чиновник не только обходился государству дешевле, но и был более дельным. Он вел дела так, как его отец вел дела в мастерской или в конторе: экономно, без высокомерия по отношению к гражданам, равным с ним по общественному положению. Он твердо помнил полученное дома наставление: пробить себе дорогу и сделать карьеру можно только при условии, если прилежно работать с утра до ночи.

То же самое относилось и к области культуры. Здесь буржуазия уже создала или начала создавать собственную интеллигенцию: врачей, ученых, техников. Эта интеллигенция представляла кадры дешевых и хороших учителей, воспитателей, техников и юристов, которые учили население не греческому языку, церковной истории и философии, а арифметике, письму, чтению, естественным и техническим наукам. Это находилось в соответствии с принципом: «Благом является то, что содействует экономическому и политическому благосостоянию общества и государства».

Для переходного времени, совпавшего с правлением Марии Терезии, характерно, что при разработке законов о реформах в правительстве вспыхнула острая борьба вокруг вопроса о том, оставить ли дворянству и церкви их привилегии или, полностью ориентируясь на «новых людей, уничтожить их одним росчерком пера»? Часть советников Марии Терезии — министр иностранных дел Кауниц, нидерландский врач Ван-Свитен, Зонненфельс — и прежде всего Иосиф II были за то, чтобы довести дело до конца, уничтожить все прежние привилегии и перестроить полностью государственный аппарат.

Мария Терезия избрала средний путь. Она уничтожила только те привилегии, которые обременяли государственный бюджет. Был издан новый закон о всеобщем подоходном налоге. Введенный через несколько лет подушный налог был еще более дифференцирован и взимался в зависимости от состояния и сословия налогоплательщиков. Архиепископы должны были платить 600 гульденов в год, дворяне — от 200 до 400 гульденов, крестьяне — 48 крейцеров и батраки — 4 крейцера в год. Дворянство перестало быть привилегированным классом, тогда как владельцы новых фабрик были освобождены от налогов большей частью на десять лет, а иногда и на больший срок. После введения косвенных налогов, прежде всего на предметы потребления, которые должно было, естественно, платить все население, этот новый курс в отношении дворян стал проводиться более решительно. Установленный в это же время налог на наследство затронул дворянство сильнее, чем другие слои населения, так как размеры наследства, получаемого дворянами, были, как правило, большими, а процент налога повышался в зависимости от стоимости оставленного наследства.

Средства, получаемые от налога на наследство, сначала предназначались для создания школьного фонда. Так, например, в 70-х годах было сделано общее распоряжение, чтобы на школьные нужды были отчислены из наследства владельца поместья — четыре гульдена, рыцаря — три гульдена, почетного гражданина или богатого горожанина — два гульдена, рядового горожанина и зажиточного крестьянина — один гульден. Освобождение монастырей и церквей от налогов было также отменено и, кроме того, государство претендовало на половину сумм, завещавшихся церквям. Эти средства также шли на постройку школ.

Новый порядок вербовки солдат требовал точных сведений о количестве жителей, введение новых государственных налогов потребовало составления сведений о состояниях, землепользовании, наличии скота и т. п. При Марии Терезии была проведена первая перепись населения и положено начало статистическому учету. Перепись населения показала, что в Австрии и Чехии было 13 млн. жителей, а во всей монархии население составляло 25 млн. человек.

Одной из важнейших финансовых реформ Марии Терезии было введение единой системы пограничных и внутренних пошлин. Еще при Фердинанде было покончено с положением, когда каждый город и каждое дворянское поместье устанавливали и взимали свои собственные пошлины. Но еще оставались земельные пошлины в Австрии и внутритаможенные пошлины между отдельными землями монархии. Буржуазия все время требовала упразднения этих пошлин, но каждая попытка провести реформу разбивалась о сопротивление земель, не желавших потерять источники своих доходов. Однако отмена внутренних таможенных границ была необходимой, чтобы в монархии могла развиваться единая экономика. В 1775 г. большинство специальных пошлин было отменено, прежде всего, — бесчисленные пошлины и сборы за провоз, невероятно удорожавшие товары. В основном были установлены только две категории пограничных пошлин: на ввоз и на вывоз, причем — здесь опять-таки было выполнено требование Хёрнигга и других меркантилистов — на ввоз предметов роскоши были установлены высокие пошлины, а на ввоз сырья, которого не было в стране, — очень низкие.

Что касается вывоза, то в этой области все было сделано как раз наоборот. Были созданы две налоговые зоны: Австрия с Чехией и Моравией и Венгрия с Трансильванией. Триест был объявлен свободной гаванью. Бельгия и итальянские земли имели свою таможенную систему, которая, однако, давала другим землям монархии большие преимущества. Большая часть внутренних пошлин была отменена. В общем и здесь был осуществлен принцип, по которому сборы может взимать только государство и, в крайнем случае, земли, но не частные лица, независимо от того,

являются ли они помещиками или нет. Государство положило конец системе внутренних пошлин не столько приказами и распоряжениями, сколько созданием сети благоустроенных дорог, например дороги от Вены к Адриатическому побережью и дороги через Арльберг, а также многочисленных больших каналов, наличие которых позволило быстро и дешево перевозить товары, причем пошлины за провоз взимались только государством.

Финансовые реформы Марии Терезии были исключительно непопулярны, и не только среди дворянства и духовенства, которые были наиболее затронуты ими в материальном отношении, но и среди населения в целом. Являясь сторонниками меркантилистов, Мария Терезия и ее министры обложили особенно высоким налогом предметы роскоши, причем к этим предметам относили не только заграничные ткани, дорогие наряды, драгоценности и тому подобное, но даже водку и вино местного производства. Когда Мария Терезия незадолго до своей смерти ввела новый налог на вино, в Вене и в других городах вспыхнули волнения; венцы в знак протеста не захотели принять участие в ее похоронах.

Однако в 1755 г. государственная касса не только не была пустой (событие, небывалое в истории Австрии), но еще и имела запас в два миллиона гульденов. В короткий срок доходы правительства возросли с 36 до 56 млн. гульденов.

При Марии Терезии были изданы также законы и постановления, сильно ограничившие права дворян-землевладельцев и ослабившие до некоторой степени зависимость крестьян от своих помещиков. Иногда эти законы рассматриваются как первый шаг к освобождению крестьян, которое последовало при Иосифе, однако это неверно. Мария Терезия отменила только те привилегии помещиков, которые мешали налоговым мероприятиям короны и потребностям развивающейся промышленности. Дворянские имущественные отношения были сохранены, и крестьяне по-прежнему содержали своим трудом помещиков. Однако политика Марии Терезии привела к некоторому ослаблению крестьянской зависимости.

В 1774 г., в целях урегулирования правовых отношений между крестьянами и помещиками, были созданы так называемые «урбаральные комиссии» («уставные комиссии»). В большей части страны, прежде всего в Чехии и Моравии, а также в некоторых районах Австрии, помещики все еще имели право судить крестьян. Теперь это право частично перешло к районным управлениям, которые в свою очередь были подчинены органам власти земель. Целый ряд положений, например положение, по которому крестьяне перед бракосочетанием должны были испрашивать разрешения помещика или могли брать работу на дом только с его разрешения и затем отдавать ему часть заработанных денег, — был полностью отменен. В австрийских землях, за исклю-

чением Каринтии и Штирии, повинность крестьян, обязывающая их бесплатно работать на своего помещика, — барщина — не была особенно обременительной и в большинстве случаев составляла один рабочий день в месяц, зато в Чехии, Моравии, Силезии и во вновь присоединенных к монархии землях размеры барщины почти не были ограничены. Нередко бывало, что крестьяне в этих землях работали на помещика пять или шесть дней в неделю. Согласно так называемым барщинным патентам 1771—1778 гг. барщина была ограничена тремя днями в неделю. Три дня в неделю — это было еще очень много, но все-таки это было некоторым улучшением положения крестьян.

К наиболее значительным реформам Марии Терезии принадлежат реформы в области юстиции. Были разработаны новый уголовный и гражданский кодексы. Все судопроизводство было сосредоточено в руках государства и его судов. В 1776 г., по предложению Зонненфельса и Иосифа II, были отменены пытки. Смертная казнь могла применяться только с согласия короны; в последние годы царствования Марии Терезии все реже и реже прибегали к смертной казни как мере наказания. Впрочем, каким бы модернизированным в некоторых отношениях ни был уголовный кодекс, в нем попрежнему содержались параграфы о колдовстве, чародействе и тому подобных суевериях. Однако уже различались два вида наказаний: одни, применявшиеся в целях «возмездия и устрашения», и другие, целью которых было «исправлять и воспитывать» преступников. Одним из средств воспитания было чтение молитв, но главным воспитательным средством являлась работа. Организация в женских тюрьмах прядильных и ткацких школ, вскоре превратившая тюрьмы в маленькие, а иногда даже в большие мануфактурные предприятия, по мнению Марии Терезии, пошла на пользу как заключенным, так и государственной казне, не говоря уже о новой мануфактуре, которая таким образом получала обученную рабочую силу.

Другими учреждениями, на которых больше, чем когда-либо раньше, сказалось влияние нового государства, были школа и церковь. Реформы в области школьного дела принадлежат к лучшим реформам Марии Терезии. При ней впервые в истории Австрии — раньше, чем в большинстве других государств Европы, — школам были предоставлены крупные государственные дотации, была организована подготовка учителей и составлены учебные программы. Не было всеобщего обязательного обучения, но впервые была создана широкая сеть народных школ, бесплатных и общедоступных. В этой области сильнее всего чувствуется влияние обших специалистов по культурным вопросам из числа советников Марии Терезии — Зонненфельса и Ван-Свитена, которые вместе с Иосифом II были самыми «левыми» среди лиц, ее окружавших. Наряду с народными школами были созданы профессио-

нальные школы для подготовки рабочих различных специальностей, например текстильщиков; эти школы не только были бесплатными, но выплачивали даже определенную сумму родителям, чтобы они могли посылать детей в школу.

В период между 1750 и 1770 гг. открылся целый ряд специальных учебных заведений, в том числе горная академия, технические училища, сельскохозяйственные школы, торговая академия и несколько педагогических училищ, среди которых женское педагогическое училище было тогда единственным в Европе. Австрийская школьная система в это время считалась образцовой.

Реформа Венского университета была делом рук Ван-Свитена. Этот наиболее прогрессивный министр Марии Терезии получил возможность создать тип учебного заведения, отвечавший требованиям своего времени. Венским университетом до этого в течение долгого времени руководили иезуиты. Орден иезуитов, главным образом под давлением правительств Испании и Франции, был упразднен папой в 1773 г., и Венский университет перешел в ведение государства. Ван-Свитен создал из него новое учебное заведение, в котором впервые было обращено внимание на изучение естественно-исторических наук, тогда как в учебных заведениях, находившихся в ведении церкви, главными предметами были теология, философия, право, латинский и греческий языки; даже изучение такой науки, как медицина, строилось главным образом на абстрактно-философских заключениях, а не на эксперименте и анализе.

Ван-Свитен начал с реформы медицинского образования. В программу обучения включены были химия, ботаника и хирургия. Анатомии было уделено значительно больше места, чем раньше, и студентам вменялось в обязанность вскрытие трупов и прохождение практических занятий в госпиталях. В 1752 г. были реорганизованы философский и теологический факультеты. На философском факультете стали изучать физику, философию, естественную историю и этику; теологический факультет также должен был обучать «научному мышлению». В курс юридических наук с 1753 г. было включено естественное право — теория права реформаторов, в которой впервые говорилось о правах человека вообще и обязанностях суверена по отношению к народу.

Одновременно с университетом от церкви отошли и многие гимназии. Тем же учебным заведениям, которые оставались в ведении церкви, пришлось принять учебный план, установленный государством. Этот план был построен в соответствии с теми же принципами, что и университетский. Целью обучения, по мнению Ван-Свитена и других приверженцев школьной реформы, было не просто передавать «чистое» знание, не связанное с потребностями современного общества, а посредством научно поставленного обучения подготовить людей, которые смогут помочь

развитию экономики государства и, как говорили реформаторы, «человеческому обществу вообще». Перед гимназиями и университетами ставилась задача подготовить хороших инициативных чиновников, учителей и врачей, которые могли бы своей работой способствовать «благополучию населения» и превратить государство в «идеальный» орган, обеспечивающий это благополучие. Естественникам и специалистам по техническим отраслям знаний, а также окончившим торговую академию давалась возможность, как выразился однажды Хёрнигк, «развивать ресурсы страны», с тем чтобы превратить ее в богатый, цветущий и в процессе своей работы применяющий новейшие достижения науки и техники коллектив. При этом если Мария Терезия руководствовалась главным образом задачей укрепления и обеспечения интересов династии, то Ван-Свитен, Зонненфельс и также Иосиф II — действовали под влиянием гуманистов. Форма абсолютистского государства казалась им наиболее подходящей для этого, но не как самоцель и не на все времена.

По поводу этих принципиальных изменений в обучении тогда же, а затем и при Иосифе II велись дискуссии, острая полемика, вызвавшая целый поток брошюр и книг. Реформаторов упрекали — нападки шли особенно со стороны церкви — в том, что они ограничивают мышление, принижают своим «утилитаризмом» чистую науку и превращают ее в «служанку государства», предсказывали, что вскоре заглохнет духовная жизнь и приостановится развитие наук и в Австрии.

В действительности произошло обратное. Австрия, считавшаяся в области науки и искусства в Европе второразрядной державой, быстро выдвинулась по уровню культуры в первый ряд. Реформированный Ван-Свитеном медицинский факультет вскоре дал стране ученых с мировыми именами. Таковы, например, Ауэнбруггер, открывший перкуссию (выстукивание и выслушивание больного) и, позднее, Земмельвейс, врач, впервые применивший асептику; далее идут Гебра, Шкода, Рокитанский и другие основатели и представители знаменитой венской медицинской школы. Хотя другие естественные науки не достигли такого подъема, как медицина, однако и здесь имел место серьезный прогресс; имелись крупные достижения в области химии, физики и ботаники. Успехи Австрии в области техники в начале XIX в. — например, изобретение пароводяного винта Ресселем, изобретение швейной и пишущей машин, спичек и др. восходят к эпохе Ван-Свитена, так как великие ученые и изобретатели первой трети XIX в. научились работать и мыслить именно в новых школах и университетах Ван-Свитена. «Утилитаризм» реформаторов, вопреки предсказаниям их противников, нисколько не помешал и развитию наук, не являвшихся прикладными, таких, как археология, филология, история и др.

Противники «утилитарной» политики в области культуры утверждали, что музыка с точки зрения «узкого бюрократического государства совершенно бесполезна» и обречена на гибель. Однако в эпоху Марии Терезии и Иосифа начался ее расцвет. В это время засияли великие имена Гайдна и Моцарта, а несколько позднее Бетховена и Шуберта.

В области литературы это развитие не проявилось так непосредственно. В 1764 г. была частично отменена театральная цензура, а в 1781 г. (уже в царствование Иосифа II) почти полностью была отменена цензура на книги и журналы. Вскоре в Австрии стала появляться более серьезная публицистика и литература. Наряду с «Человеком без предрассудков» Зонненфельса появились журналы «Мир» и «Австрийский патриот», издававшиеся Клеммом и Хойфельдом. К концу XVIII в. в Австрии уже имелись видные писатели: Алоис Блюмауэр, Иосиф Ратшкий, Иоганнес Алксингер, драматурги Геблер, Айренгоф и Хойфельд. От произведений новых австрийских писателей, от новых журналов веяло духом борьбы, в них поднимались политические, философские и культурно-политические вопросы. Писатели стремились сознательно развивать новую национальную литературу; они чувствовали себя носителями прогресса, сторонниками просвещения. Это было новое литературное направление, когда писатель, считая себя воспитателем народа, глашатаем принципов свободы и равенства, утверждал веру в прогрессивную деятельность человека, в священную обязанность интеллигенции трудиться и бороться ради этого прогресса; это направление вскоре получило в Австрии название «жозефинизма» (Josefinismus).

Через 20 лет после смерти Иосифа представителями этого направления были крупные австрийские писатели Грильпарцер, Ленау, Хормайр, Бауэрнфельд, Нестрой и др.

Конечно, эта культура «создавалась» не отдельными лицами. Иосиф, Ван-Свитен, Зонненфельс своими мероприятиями так же мало «создали» новую буржуазную национальную культуру Австрии, как и ее экономику. Буржуазная культура развивалась потому, что развивалась буржуазия, которая стала самостоятельной силой. Но заслуга Иосифа и его сторонников состояла в том, что они помогали этому развитию, государственными мероприятиями устраняли препятствия, задерживавшие рост новой культуры и старались ускорить этот процесс развития. Новая австрийская драма, буржуазный театр, ставивший пьесы только на немецком языке и сознательно разрабатывавший темы, которые «должны были воспитывать и поднимать буржуазию», возникли бы сами по себе. Но Иосиф дал национальной драме возможность беспрепятственно развиваться, создав условия для появления национального театра, в котором представления давались на немецком языке. Государство поддерживало Бургтеатр, театр у

Кертнертор и другие, для работы в театрах привлекались новые писатели и новые артисты. Новые идеи, идея просветительства и все, что возникло на их основе, распространялись теперь уже не нелегально, не в подполье и в ограниченном кругу. Само правительство высказывало эти новые идеи, участвовало в их разработке, поощряло и распространяло их. Значительно быстрее, чем это было бы в других условиях, просветительские идеи сделались общим достоянием и оказывали значительное влияние на духовную и материальную жизнь всей страны. Иосиф не «создал» новую Австрию, но он вынул ее из купели.

Экономическая политика и экономическое развитие

Основной принцип меркантилизма состоит в том, что сила и процветание государства находятся в зависимости от того, какие усилия будут приложены к тому, чтобы развить свою экономику и производство, чтобы поднять промышленность и земледелие. Мария Терезия, Иосиф II и их окружение, являясь сторонниками меркантилизма, старались осуществлять принципы меркантилистов и во многих случаях пошли дальше меркантилистов.

В экономической политике Марии Терезии и Иосифа не было различий. Поэтому она может рассматриваться как единая система.

Политика короны была ясна: она заключалась в создании и развитии мануфактуры. Эта политика не была новой, но до сих пор она не проводилась последовательно и энергично. Имевшееся количество фабрик было явно недостаточным, а производство на них было организовано по-старому, не в соответствии с новейшими достижениями и методами. Имелось еще слишком много ограничений, а поддержка со стороны государства была явно недостаточной.

В экономической политике короны можно установить две основные линии. Во-первых, прямая поддержка экономического, прежде всего промышленного развития, и не столько денежными средствами (от этого корона отошла уже начиная с 70-х годов), сколько созданием предпосылок для этого развития, во-вторых, устранение препятствий, стоявших на пути экономического развития.

Молодая австрийская промышленность все еще страдала от недостатка рабочей силы и капитала. Нехватало рабочих, техников, чертежников, мало было предпринимателей, готовых взяться за дело. Еще раньше корона пыталась привлечь в страну иностранных рабочих и предпринимателей, однако эти попытки не дали серьезных результатов. С 1749 г. в этом направлении стали действовать более энергично. Был издан правительственный эдикт, по которому «все иностранцы, к какой бы нации они ни

принадлежали», приглашались поселиться в Австрии. Им гарантировались освобождение от налогов, свобода религии и предоставлялся ряд других льгот. Правительство отменило многие цеховые ограничения, мешавшие въезду иностранцев и затруднявшие их работу. Коммунальное законодательство, поскольку оно препятствовало иммиграции и развитию нового слоя фабрикантов, также подверглось значительным изменениям. Все законы, которые ограничивали въезд иностранцев и предоставляли им австрийское гражданство только после продолжительного срока пребывания их в Австрии, причем часто это гражданство покупалось за большие деньги, были отменены. Даже такие постановления, которые несколько ограничивали для иностранцев право приобретать недвижимую собственность, были полностью отменены. В конце концов были отменены даже привилегии католической церкви. Эдикт Иосифа II о веротерпимости, по которому уравнивались все признанные религии и право исповедовать ту или иную религию объявлялось частным делом каждого человека, не только отвечал буржуазной философии просветителей, но и устранял одно из препятствий к иммиграции в Австрию.

Но вопрос об иммиграции не был главным. Государство приступило к подготовке своих кадров — техников и рабочих. Наряду с уже упоминавшимися новыми школами возникли многочисленные государственные квалификационные комиссии и технические учебные заведения. В сиротских приютах, тюрьмах, даже в убежищах для престарелых обучали прядению, ткачеству, обращению с новыми машинами, черчению и заготовке образцов. Государство установило стипендии и выдавало премии рабочим и ремесленникам, разрабатывавшим новые методы производства, а также предпринимателям, открывавшим новые предприятия. Конкурсы на лучшее техническое изобретение сделали частым явлением.

Впрочем, такая политика имела и свои теневые стороны. Корона настаивала на применении не только женского, но и детского труда. Мария Терезия неоднократно утверждала, что «дешевое производство текстиля» может развиваться при условии применения труда не только «лиц женского пола», но и детей. Заботились о «развитии прилежания у ремесленников», а не о том, чтобы улучшить условия, в которых им приходилось работать. Поэтому начиная с 70-х годов нередко вся семья ткача, включая и детей моложе десяти лет, работала ежедневно до глубокой ночи. Так возникли «мастерские в задних комнатах», где за несколько крейцеров женщины и дети в ужасных условиях работали по 10—12, а нередко и по 14—16 часов в день.

Правительство в общем не интересовалось заработной платой и теми условиями, в которых жили и трудились новые рабочие. Оно вмешивалось в эти вопросы только в тех случаях, когда

слишком «предприимчивые» фабриканты доводили эксплуатацию до такой степени, что это приводило к результатам, противоречившим интересам короны. Так, эксперт короны по промышленным вопросам Цинцендорф в 1753 г. запретил фабрикантам, занимавшимся производством стекла, слишком снижать заработную плату рабочих-стекольщиков, так как это вызывало текучесть рабочей силы. Он установил, что «причина ухода и переселения рабочих-стекольщиков заключается не в недостатке работы, а в том, что они превращены в рабов своих хозяев и в том, что фабриканты продают им недоброкачественные продукты по самым высоким ценам». (Система оплаты труда, по которой рабочих вынуждали брать часть заработка продуктами и товарами, которые фабрикант обычно поставлял по слишком высоким ценам, уже практиковалась на многих предприятиях Австрии.)

Но случаи вмешательства правительства в дела фабрикантов были редки. Значительно чаще правительство вмешивалось в отношения между помещиками и крестьянами, если привилегии помещиков мешали развитию промышленности. Так, например, во многих районах Чехии и Моравии крепостные рабочие — текстильщики и стекольщики — были освобождены от барщины, так как от тяжелой работы в поле они «могли потерять способность восприятия, необходимую им в работе». Но денежный оброк крестьяне должны были уплачивать неукоснительно вплоть до правления Иосифа II. Некоторые ремесленные цехи все еще пытались предписывать своим членам правила, по которым устанавливалось, сколько они могут держать подмастерьев, какое количество ткацких станков и другого технического оборудования им разрешается иметь. Все такие ограничения теперь были отменены, каждый мастер и подмастерье получили право устанавливать любое количество станков и нанимать столько рабочих, сколько им потребуется. Также было отменено и обязательное членство в цеховых организациях.

Корона запретила выезд из страны квалифицированных рабочих и одновременно отравила учиться за границу за счет государства способных техников. Вывоз важного сырья — льна, меди, латуни, железа, цинка, пряжи, овечьей шерсти — был запрещен, тогда как вывоз готовых товаров, напротив, поощрялся премиями. Новые предприятия освобождались от налогов и некоторое время получали прямую денежную поддержку. Чтобы «облегчить торговлю и перевозки», была установлена единая система мер и весов для всей страны. Вместо бывших в ходу десяти или двенадцати видов валюты была введена единая валютная система. Единными австрийскими монетами в стране стали гульден и талер (один гульден = двум талерам). В 1762 г. были введены в обращение бумажные деньги. Наряду с постройкой дорог и установлением судоходства по рекам продолжались работы по

расширению гавани Триест и улучшению дорог, ведущих к нему. Ежегодно теперь прибывало в Триест около 3 тыс. кораблей. Для развития внешней торговли корона заключила торговые договоры, главным образом с восточными государствами. Были заключены договоры с Турцией и Россией, а также соглашение о взаимном благоприятствовании в торговле с Левантом. В 1785 г. Австрия заключила с США торговый договор. Главной статьёй импорта из Америки и с Ближнего и Дальнего Востока был хлопок для новой текстильной промышленности.

Как курьез надо отметить, что со времени эксперимента с Ост-Индской компанией Австрия больше не пыталась проводить колониальную политику, но все же одно время Австрия имела своего рода колонию, хотя и не сумела извлечь из этого пользу. Это были острова Кар-Никобар в Индийском океане. (Группа Никобарских островов в 1778 г. была объявлена капитаном Боннетом австрийским владением.)

В 1786 г. в Австрии появился специальный промышленный банк, занимавшийся коммерческими, кредитными и обменными операциями. «Генеральный штабом» экономической политики был «надворный коммерческий совет», созданный в 1752 г. В него входили министры Цинцендорф и Кобенцль, супруг Марии Терезии Франц I, считавшийся специалистом по финансовым вопросам, а также другие специалисты, большей частью из среды буржуазии или нового дворянства. Надворный коммерческий совет был основан с целью «дать австрийской торговле новое направление».

К экономической политике короны относились также вопросы аграрной, переселенческой политики и колонизации земель.

Усовершенствования в сельском хозяйстве, осуществлявшиеся в Австрии при активном участии, а часто и под прямым давлением короны, были названы «клеверной революцией». До этих пор треть обрабатываемой земли ежегодно оставлялась под пар, чтобы земля «отдохнула», то есть возобновила запас солей калия. В середине XVII в. открыли, что некоторые растения, прежде всего клевер, привносят в почву новые питательные вещества и могут служить высококачественным кормом для скота. В результате этого открытия появилась возможность и летом кормить скот клевером, получаемым с пашни, вместо того, чтобы пасти скот на лугах. Новая система давала возможность значительно более интенсивно использовать плодородность земли. Часть земель, занимаемых под луга, высвободилась, и эти земли можно было засеивать зерновыми культурами или картофелем, культура которого стала возделываться при Хёрнигке, но получила широкое распространение только при Марии Терезии. Это означало значительное повышение урожайности.

Корона потребовала от крестьян, сначала обещая налоговые льготы, а потом угрожая штрафом, чтобы те отказались от трех-

польной системы и стали сеять клевер. Все это привело не только к повышению урожайности, но и к разделу лугов, большинство которых принадлежало общинам. От этого раздела в одних случаях выиграли помещики, в других — богатые крестьяне; бедные же и безземельные крестьяне часто теряли при этом даже право пользоваться лугом.

Что касается лесоводства, то корона начала продавать принадлежащие ей лесные участки частным лицам: промышленникам, помещикам, владельцам деревообрабатывающих заводов. С одной стороны, это вызвало развитие деревообрабатывающей промышленности, с другой же — привело к ухудшению положения крестьян, которые до этого имели право получать из лесничеств хворост и лес. Политика короны и здесь содействовала проникновению капитализма в сельское хозяйство.

Освобождение крестьян Иосифом ускорило этот процесс. Оно сделало свободными миллионы крестьян; крестьяне получили защиту от произвола помещиков, но в то же время личное освобождение крестьян поставило их в такие условия, что помещик легко мог согнать крестьянина с земли. Крестьянин получил право свободного передвижения и выбора профессии. Это означало, что он мог уйти в город и наняться в качестве рабочего. Он мог приобрести землю, он мог и продать ее, если она была у него. Так как крестьянин теперь был лично свободным человеком, мог делать долги, то его владение могло быть продано за долги с молотка. Начиная с XVI в. помещики уже стремились согнать крестьян с земли, так как развитие капитализма сделало более выгодной обработку земли в больших масштабах, замену полей пастбищами для овец и т. д. Но присоединить землю крестьян к своему поместью было возможно только разорвав старые правовые отношения, против чего крестьяне могли протестовать. Теперь же помещик, банкир или фабрикант, давшие крестьянину ссуду под очень высокие проценты, или государство, которому он успел задолжать, имели возможность согнать крестьянина с земли. Крестьянин же теперь больше нуждался в деньгах, так как он потерял право пользоваться лугами и лесами. Таким образом, освобождение крестьян косвенным образом способствовало превращению земли в товар и облегчило возникновение крупных сельскохозяйственных предприятий капиталистического типа. В Австрии, где положение крестьян было относительно благополучным, этот процесс сказывался не так резко, но в Венгрии, Чехии, Словении и других землях монархии стали образовываться гигантские поместья — на этот раз капиталистического типа.

Проведение переселенческой политики началось еще до правления Марии Терезии и Иосифа, но усилилось при них. Уже в 1720 г., после отвоевания прежних турецких территорий, во владении короны оказались огромные пространства земли, мало на-

селенные и вовсе не заселенные. К тому же хозяйственная жизнь, полеводство в этих областях в результате хищнического хозяйничания турок были слабо развиты. Не было ни ремесленников, ни купцов, ни интеллигенции, наличие которых отмечается даже при не вполне еще развитой экономике. Большие пространства земли были заболочены, старые оросительные системы еще до турецкого захвата были запущены и разрушены. Новые области не приносили никакого дохода, их военная охрана дорого стоила хотя бы потому, что доставка провианта, боеприпасов и всего остального была затруднена почти полным бездорожьем. В нормальных условиях, то есть при естественном приросте населения, потребовались бы десятки, а может быть сотни лет, пока удалось бы преодолеть последствия турецкого владычества. В таком положении прежде всего были Трансильвания, Банат и Северная Сербия. Поэтому корона решила ускорить развитие этих областей с помощью колонизации.

Политика колонизации этих земель первоначально не имела ничего общего с национальным вопросом. Габсбурги преследовали две цели: во-первых, сделать новые земли экономически доходными, то есть земли, являвшиеся дефицитной статьей бюджета, превратить в источник получения доходов, и, во-вторых, облегчить оборону страны, создав поселения, жители которых сами могли бы защищать ее границы.

Военный вопрос был разрешен сравнительно просто — путем создания, вернее, расширения так называемой «Военной границы». Военная граница была создана еще в конце XVI в. в Хорватии и Крайне. Она представляла собой полосу поселений «крестьянской милиции», то есть жителей или переселенцев, получивших землю, освобожденных от налогов, свободных от барщины и иногда получавших денежные пособия. За это они были обязаны иметь оружие и лошадей и в случае войны должны были защищать пограничную область. По сравнению с жителями других, внутренних областей страны жители Военной границы были привилегированным слоем: они не знали тех тягот, которые несло все население страны, и пользовались широким самоуправлением. Избранные ими командиры были в мирное время большей частью бургомистрами или сельскими старостами, и корона всегда защищала их от посягательств дворянства, а позднее — монополистов.

Первыми жителями Военной границы были преимущественно хорваты, и не случайно, что хорваты, которые позднее составляли в армии особые полки, до конца XIX в. были верными приверженцами короны, ее лучшими солдатами. Они отличились в войне за Австрийское наследство и в Семилетней войне особой отвагой.

В течение XVIII в. была создана Военная граница также на востоке и юго-востоке страны. При Карле VI, а затем при Марии

Терезии и Иосифе II были созданы славонская, банатская и, наконец, трансильванская Военные границы, которые опоясали габсбургские владения. Военным поселенцем мог сделаться каждый, независимо от национальной принадлежности. Со времени принца Евгения на Границу вербовали главным образом сербов и лиц других национальностей, исповедующих православие или греко-католическую религию, которые либо эмигрировали из захваченных турками областей, либо участвовали в борьбе с турками в рядах австрийской армии. Из миллиона сербов, живших в Венгрии при Марии Терезии, значительная часть являлась жителями Военной границы. Только венграм, в отношении которых корона не без основания предполагала, что они будут не слишком надежными защитниками монархии, избегали давать разрешение селиться на Военной границе.

Первоначально жителями Военной границы были крестьяне, и так как войны случались все реже, то области поселения жителей Границы в результате их привилегированного положения экономически развивались быстрее, чем другие части страны. Сельское хозяйство Границы велось более современными методами, процент ремесленников, а позднее купцов и мануфактуристов был выше, чем в других районах страны. В правление Марии Терезии надворный коммерческий совет констатировал, что успехи в развитии торговли и мануфактурного производства в Венгрии являются результатом деятельности упомянутого выше миллиона сербов. Хорваты точно так же являлись носителями экономического прогресса. Представлялось неизбежным, что такая дифференциация в конце концов приведет к напряжению политической обстановки, тем более, что у всех народов, живших в этих районах, начало развиваться национальное самосознание.

Однако создание Военной границы еще не было подлинной колонизацией. Эта колонизация началась при Карле VI и получила название «швабского нашествия», которое достигло своей высшей точки при Иосифе II. Короне важно было не просто заселить новые районы — совершенно безлюдными они и прежде не были, — но поселить в них таких жителей, которые благодаря своим сельскохозяйственным и техническим познаниям были бы способны быстро развить экономику этих районов.

Вопрос заключался в том, откуда взять таких людей. Корона не хотела переселять с одного места на другое жителей своей страны, так как в соответствии со взглядами меркантилистов величайшим сокровищем всякой страны являлись прилежные и квалифицированные руки. Кроме того, жители Австрии и сами не согласились бы переселяться в отдаленные окраинные земли.

Наиболее близко расположенной к Австрии страной была Германия, и прежде всего ее южные области. Здесь имелись люди, положение которых было настолько тяжелым и которые были

настолько угнетены «своим» дворянством, что они были готовы ехать хоть на Огненную землю, только бы им дали там землю, пропитание и минимальную свободу. У этих жителей были достаточные технические навыки, сельскохозяйственные знания и опыт, и этого не могло уничтожить даже неограниченное господство феодального дворянства. Поэтому с 1718 г. корона начала вербовать переселенцев из числа крестьян и ремесленников Южной Германии.

Первый поток швабов, жителей Рейнланда и франков — отсюда название «швабское нашествие» — пришел в движение в 1718 г. Хотя корона обещала переселенцам освобождение от налогов и другие привилегии, фактически она не слишком заботилась об их судьбе. В пути и в первые трудные годы в малярийных районах Трансильвании и Баната погибли очень многие из прибывших 15 тыс. колонистов, но нужда у них на родине была так велика, что спустя некоторое время прибыла новая партия переселенцев.

При Марии Терезии переселение осуществлялось значительно более организованным образом. Переселенцы, прибывшие из Южной Германии и из опустошенного войнами Эльзаса (на этот раз небольшие партии прибыли также из Форарльберга, Словакии и Чехии), получали продовольствие на дорогу, лесоматериалы, сельскохозяйственные орудия и даже скот. Поэтому переселение в Банат и Трансильванию стало осуществляться более успешно.

Однако наибольший поток переселенцев хлынул в страну при Иосифе II. Наряду с материальной помощью, освобождением от налогов и предоставленным им правом наследования новых владений колонисты получили также свободу вероисповедания, что имело существенное значение. К колонистам, двигавшимся из Германии, присоединились также переселенцы из Силезии, желавшие уйти из фридриховской Пруссии. Они шли не только в Банат и Трансильванию, но и в Галицию, которая после раздела Польши отошла к Австрии. О том, как велико было количество переселенцев, можно судить по тому, что в 1790 г. в одной только Южной Венгрии было уже 80 тыс. колонистов.

Но эта переселенческая политика короны, какое бы положительное влияние на экономическое развитие земель она вначале ни имела, внесла в организм монархии элемент разложения. «Немецкая колонизация» вскоре привела к тяжелым противоречиям в самих землях, быстро превратилась в ненавистную «германизацию».

Было бы неверным утверждать, как это делают пронемецкие историки, что деловитость и прилежание колонистов якобы позволили им занять привилегированное положение по отношению к остальному населению. Немцы были не более и не менее работоспособны, чем румыны, сербы, русины, венгры, чем остальное население районов, где проходила колонизация. Но по сравнению

с ними немцы имели важное преимущество: двести лет свободной от турецкого ига жизни, двести лет развития в раннекапиталистической Европе, что позволило им приобрести новые навыки и новые знания, открыло перед ними новые горизонты. Для них умение читать не было явлением необычным, новые инструменты, новые ткацкие станки не были диковинкой, так же как и новые, более прогрессивные методы ведения сельского хозяйства. Поселившись в опустошенных, обедневших районах, немцы получали такие пособия, о каких, например, жители Баната не могли и мечтать. Они получали коров и лошадей, в то время как коренные жители считали себя счастливыми, если имели пару тощих овец; они получали материал для постройки деревянных домов, в то время как рядом люди жили в землянках; они получали новейшие сельскохозяйственные орудия, тогда как местные жители обрабатывали землю деревянной сохой. Немцы были людьми свободными, в то время как коренные жители были крепостными. Само собой разумеется, что немецкие колонии быстро «сделались своеобразными островами благополучия и благосостояния» в стране. Одного этого было уже достаточно, чтобы возникли напряженные отношения и раздоры между немцами и коренным населением. Но для возникновения раздоров были и другие причины.

В качестве переселенцев в Австрию прибыли не только крестьяне и ремесленники, но также торговцы и фабриканты. С 1750 г. корона стала особенно поощрять въезд горговцев, фабрикантов, а также мастеров, имевших хотя бы небольшой капитал. Иосиф II даже требовал от некоторых переселенцев доказательств, что они владеют несколькими сотнями талеров — сумма по тому времени большая. Переселенцы основывали мастерские, мануфактуры, малые и большие фабрики, в которых главным образом перерабатывалось сельскохозяйственное сырье (шерсть, лен), а также организовывали пивоваренные и спиртовые заводы и т. п. Само собой разумеется, что предпринимателями были немцы или австрийцы (при Иосифе в указанные области переселилось много австрийцев — торговцев и капиталистов), а рабочими были румыны, сербы, русины. Вся работа, требующая квалификации, выполнялась колонистами, тогда как местным жителям доставалась более тяжелая и хуже оплачиваемая работа. И когда в этих районах постепенно начала развиваться собственная буржуазия, протягивавшая руку к богатствам своей земли, то эта новая буржуазия всюду наталкивалась на иностранцев, уже занявших наиболее важные и выгодные позиции. Такое же положение сложилось и в деревне. Переселенцы вскоре превратились в кулаков, использующих наемную рабочую силу; местные же крестьяне, отсталые и обремененные налогами, жестоко угнетаемые дворянством, сделавшись наконец свободными, превратились в крестьян-бедняков.

К этому надо добавить еще следующее. Корона по вполне по-

нятым причинам была склонна опираться на колонистов, которые образовали собственные, строго отграниченные от остального населения общины. Культурный уровень колонистов был выше, чем уровень местных жителей. Они умели читать и писать, у них были школы, они говорили по-немецки, то есть на языке центрального управления в Вене, который постепенно сделался общепринятым языком во всей монархии. Колонисты были идеальным резервом, из которого черпались кадры для формирования нового административного аппарата земель. Наиболее целесообразно было опираться именно на них, и при Иосифе это соображение играло решающую роль. Но привилегированное положение колонистов, их стремление навязать свою культуру, свой язык остальным жителям страны и отстранить от важнейших политических и экономических позиций всех, кто не принадлежал к их общине, — приводили ко все более обострявшемуся конфликту между ними и коренным населением земель, в которых они поселились.

Габсбургская политика колонизации и создания Военной границы сделала австрийскую монархию пестрым, лоскутным, хаотически созданным государственным образованием, в котором каждая земля имела группы различных национальностей, а в состав каждого национального меньшинства в свою очередь входили другие национальные меньшинства. Она создала в каждой земле, с одной стороны, привилегированные группы и, с другой стороны, группы населения, поставленного в неблагоприятные условия; тем самым был заложен фундамент для многих будущих национальных конфликтов, в самой их основе ставших неразрешимыми.

Национальные конфликты, возникшие на этой основе, начали проявляться лишь с течением времени. Австрийская буржуазия вначале еще не ощущала серьезного соперничества молодых славянских народов. Иначе обстояло дело в Венгрии.

С середины XVIII в. по отношению к Венгрии проводилась особая экономическая политика, и притом не столько короной, сколько новой австрийской буржуазией — надворным коммерческим советом, промышленниками, то есть теми, кто, будучи еще связан с короной, рассматривал экономическое развитие монархии как свое личное дело, как средство личного обогащения и укрепления своего положения.

Как только начала развиваться промышленность и страна стала покрываться сетью фабрик, возникла проблема сырья. Некоторые виды сырья, получение которых связано с наличием особых климатических условий, например хлопок, не всегда могут производиться в той стране, где они перерабатываются. Другие виды сырья, как, например, овечья шерсть, хотя и могут быть получены в самой стране, но это не всегда представляется выгодным. Чтобы получить овечью шерсть, идущую на фабричную переработку, нужно разводить овец, а для овец требуются огромные

пастбища; недаром говорится, что овцы уничтожают поля. Гораздо выгоднее и прибыльнее бывает организовать интенсивную обработку земли или построить на ней фабрику, или даже использовать землю для целей колонизации. То же самое относится к другим видам сырья: льну, лесу и т. п. При этом определенную роль играет и то обстоятельство, что в каждой стране имеется лишь ограниченное количество работоспособных мужчин. Поэтому с точки зрения страны, развивающей промышленность, выгоднее занять жителей более сложной и прибыльной работой в промышленности, требующей известных знаний и известного культурного уровня. Человек, работающий при помощи сложного инструмента, создает больше материальных ценностей и, следовательно, платит больше налогов, больше покупает. Говоря языком того времени, он создает «больше благ», чем человек, который пасет в степи овец и коров. В конце концов с точки зрения развитой страны, то есть ее важнейшего нового класса — буржуазии, невыгодно производить в самой стране все продукты питания, так как производство зерна и разведение скота менее доходно, чем индустриальное производство.

Большие страны на Атлантическом океане — Англия и Франция — сравнительно просто разрешили эту проблему. Они захватили территории по другую сторону океана и доставляли оттуда сырье и продукты питания. Англия ввозила хлопок из Индии и Америки, шерсть, мясо и масло — из захваченной ею Ирландии. Франция получала сырье для текстильной промышленности из своих американских колоний. Австрия не захватила колоний, но освободила от турок широкие пространства. Именно освобожденные районы должны были поставлять сырье, которое могла перерабатывать собственно Австрия вместе с Чехией.

Некоторое время все шло «нормально», но затем появились препятствия. Развитие капитализма, переход к новой системе хозяйства в рамках одного общего государства не могли осуществляться только в одной части этого государства. Если венгерская буржуазия сама еще не была достаточно сильна, чтобы осуществлять дальнейшее промышленное развитие, создавать мануфактуры и строить фабрики, австрийские монополисты, нажившие в Венгрии большие деньги, могли начать основывать там фабрики, а венгерское дворянство в свою очередь могло попытаться применить новый метод быстрой наживы.

Но австрийская буржуазия не была заинтересована в таком развитии Венгрии. Если и Венгрия будет развивать мануфактуру, то кто же будет разводить овец, шерсть которых была нужна австрийским фабрикам, кто будет давать зерно, кто будет поставлять свиней, коров, гусей и быков для австрийцев?

Поэтому уже со второй половины XVIII в. австрийская буржуазия сознательно и планомерно всеми средствами задерживала

индустриализацию Венгрии. Тогда это было возможно, так как развитие промышленности все еще сильно зависело от государственных субсидий. Помимо всего прочего государство имело возможность приостановить уже начавшееся развитие: для этого использовались такие средства, как введение особых пошлин, отказ в помощи, в квалифицированных рабочих и в расширении школьной сети. Австрийская буржуазия прямо потребовала от короны проведения такой политики в отношении Венгрии.

Развитие австрийской экономики в известной мере планировалось государством и его экономическими органами, главным образом коммерческим советом. И именно представители буржуазии в этом совете потребовали, чтобы промышленное развитие Венгрии было задержано. Венгрия должна была остаться аграрной страной.

В одном из произведений Мьингина, написанном в 1762 г., ярко проявилась антивенгерская тенденция в этом вопросе:

«Существо коммерческой системы взаимоотношений между венгерскими и немецкими наследными землями состояло в том, что Венгрии и венгерский народ использовали, но не для того, чтобы обогатиться посредством весьма неравномерного распределения налогов, а для получения дешевого сырья, являющегося источником питания для растущей промышленности и фабрик в австрийских землях».

В 1764 г. венгерские сословия обратились к короне с протестом по поводу того, что Венгрия не включена в число земель, на которые распространялось бы осуществление программы государственных мероприятий по развитию торговли и транспорта. Но протест был оставлен без последствий. Мария Терезия прежде чем дать ответ потребовала заключения от своих экспертов по экономике. Последние единодушно заявили, что льготы, которые «предоставляются немецким наследным землям для производства фабричных изделий и товаров», могут быть даны Венгрии, Трансильвании и Темешвару только в том случае, если в результате возникновения однотипных предприятий «не произойдет ущерба» для «немецких наследных земель».

Политика, проводившаяся по отношению к Венгрии в 1768 г., была выражена в следующем требовании: «Все, что касается предметов роскоши и удобств, должно поставляться в Венгрию другими наследными землями, она же должна взамен готовить для этого материалы» [то есть сырье. — *Ред.*].

Именно этот принцип и проводился в жизнь. Австрийская политика в отношении Венгрии состояла в постоянной и весьма энергичной поддержке полеводства и скотоводства — с креном в сторону производства сырья для Австрии. Возделывание конопли и льна, даже разведение шелковичных червей поощрялись выдачей особых премий. В Венгрию импортировались македонские овцы и

другие ценные для получения шерсти породы; за их разведение также выдавались премии; государство издавало на венгерском и словацком языках руководства по уходу за этими породами скота; эти руководства являлись почти единственными учебниками, попадавшими в Венгрию. Поощрялось также возделывание растений для получения красителей. Школ в стране почти не было, только в некоторых частях страны были открыты немецкие школы, главным образом для колонистов. Зато чиновникам был дан наказ заботиться о том, чтобы население обучалось «полеводству и скотоводству».

Все же в Венгрии развилась в небольших размерах промышленность, и когда в Вене узнали об этом факте, то это произвело «ошеломляющее» впечатление. Марию Терезию засыпали запросами, докладными записками и даже анонимными брошюрами, в которых указывалось, что развитие промышленности в Венгрии может ввергнуть наследные земли в тяжелый кризис, так как Венгрия в конце концов «не будет нуждаться в австрийских наследных землях», что поэтому нужно «подавить» венгерскую промышленность или по крайней мере «сделать невозможным» возникновение новых фабрик. В конце концов государственный совет в 1770 г. принял решение, с которым согласилась корона: «Сооружение большого количества венгерских фабрик и мануфактур, по крайней мере до тех пор, пока Венгрия не доведет уплачиваемые ею сборы до суммы, уплачиваемой немецкими наследными землями, нанесло бы последним большой ущерб; следовательно, надлежит принять действенные меры, чтобы теперь же остановить по возможности дальнейшее увеличение численности фабрик в Венгрии».

«Действенные меры» были очень простыми. На венгерские промышленные товары были наложены высокие пошлины, такие же, как и на заграничные товары, например на товары, поступавшие из Франции, издавна являвшейся конкурентом Австрии; и это осуществлялось в то время, когда венгерские сельскохозяйственные товары и сырье разрешалось импортировать в Австрию беспошлинно, а австрийские товары в Венгрию — почти беспошлинно. При помощи таких мер короне удалось приостановить развитие молодой и еще слабой венгерской промышленности.

В результате этого, однако, развитие промышленности внутри монархии приняло своеобразный характер. Малейшее проявление активности молодой венгерской буржуазии, которая все же, вопреки всему, продолжала развиваться, было неизбежно направлено против австрийской буржуазии. В Венгрии образовался и укрепился единый фронт, союз между дворянством и буржуазией. Хотя венгерское дворянство на некоторое время было умиротворено политическими уступками Марии Терезии, однако оно тоже

хотело иметь свою долю барышей, получаемых в результате нового экономического развития.

Поэтому в последующие годы, когда на очереди стояло свержение абсолютизма, объединение австрийской и венгерской буржуазии было уже невозможным. Австрийская буржуазия хотела стать свободной, но в то же время она желала сохранить за собой право эксплуатировать Венгрию, как свою колонию. Результатом этого явилась политическая разобщенность в стране, следствием которой явилось поражение буржуазной революции. Так как австрийская буржуазия понимала, что свержение абсолютизма означало бы также освобождение Венгрии и что Венгрию можно держать в зависимости только с помощью абсолютистского государства, она постепенно утратила интерес к его свержению и стала на путь терпимого отношения к абсолютизму.

Но конфликты, предпосылки для которых создала экономическая политика короны, начались позже. Вначале эта политика привела к быстрому и значительному укреплению Австрии, к новому подъему благосостояния страны и к пополнению государственной казны. Монархия наконец получила возможность вести активную внешнюю политику и начать борьбу за свои потерянные силезские владения.

Семилетняя война и раздел Польши

Немногие войны были так хорошо подготовлены в дипломатическом и военном отношении, но и немногие из них окончились так безрезультатно, как Семилетняя война. Немногие войны принесли австрийскому оружию столь крупные временные и столь незначительные конечные успехи.

После войны за Австрийское наследство корона вынуждена была отдать Силезию, но ни Мария Терезия, ни ее советники не хотели примириться с потерей этой богатой и развитой провинции, в которой сосредоточилась значительная часть новых текстильных мануфактур. Но дело заключалось не в одной только Силезии. Мария Терезия, зная Фридриха и понимая его политику, утверждала всегда, что Силезия была только началом, что Фридрих при первом удобном случае попытается захватить также Чехию и Моравию. Пруссия Фридриха II, та Пруссия, которая с помощью самих Габсбургов сделалась сильным агрессивным королевством, по убеждению Марии Терезии, являлась угрозой для Австрии, ее смертельным врагом, которого нужно было сокрушить. Это убеждение Марии Терезии было основано на фактах. Пруссия, как абсолютистское государство, выступила на политическую арену позднее других абсолютистских государств, тогда, когда Европа уже так или иначе была разделена между великими державами. Самые богатые и имевшие наибольшее значение земли находились

в руках могущественных династий. Чтобы сделаться великой державой, Пруссии надо было отнять земли у соседей справа и слева, и Фридрих II, как показал случай с Силезией, отлично понимал это.

Была еще другая возможность. На границах Пруссии, как и на границах Австрии, находилась «ничейная земля». Это были многочисленные зависимые немецкие государства. Габсбурги уже давно прекратили свои попытки действительно руководить внутригерманской политикой. Хотя Габсбурги попрежнему носили титул «императора Германии», их участие во внутригерманских делах ограничивалось эпизодическим изучением протоколов верховного немецкого суда, так называемого имперского суда, который на вынесение приговора затрачивал в среднем 120 лет. Однако Германия представляла интерес в качестве потенциальных резервов. В лице мелких немецких князей при случае можно было найти союзников для войн, можно было использовать их в качестве статистов на международных конференциях, жонглировать их землями в качестве объектов компенсации и даже время от времени получать от них деньги в виде «имперского налога» (некоторые государства, например Саксония, были в состоянии оказывать иногда серьезную помощь своим союзникам — Габсбургам).

Между Францией и Австрией в последние годы возникло молчаливое взаимопонимание, некоторая терпимость по отношению друг к другу. Франция прекратила свои попытки использовать Баварию против Австрии; за это Австрия не препятствовала попыткам Франции взять под свое влияние земли на Рейне. Никто из них не был в состоянии свалить другого; казалось, что они решили мирно поделить между собой сферы влияния в Германии.

Эту новую гармонию неожиданно нарушила Пруссия, за спиной которой в качестве друга и покровителя все еще стояла Англия. Пруссия, видимо, решила установить свои сферы влияния, а может быть захватить и территории из немецкой «ничейной земли». Для Франции и Австрии это вмешательство в их закрепленные давними традициями «права» было вызовом на бой. Для Франции это имело особое значение еще и потому, что таким путем на Германию распространилось бы влияние Англии — злейшего конкурента и соперника Франции.

Настроение, царившее во Франции, наиболее удачно выразил Монтескье: «Прошло время, когда приходилось объединяться с протестантскими князьями, чтобы ослаблять австрийский дом. Враг, которого нам надо бояться, — не Австрия, а Пруссия».

Понятно, что при таких обстоятельствах отношения между Францией и Австрией постепенно начали улучшаться: острота трехсотлетней вражды притупилась и постепенно уступила место стремлению к альянсу. Однако для Франции проблемы Средней Европы не имели больше первостепенного значения, европейский

театр военных действий стал второстепенным. Острая конкурентная борьба между обеими колониальными державами — Францией и Англией — развернулась за океаном, на реке Лоренцо и на территории нынешних Соединенных Штатов, на Ямайке и острове св. Мартина. Однако Франция ничего не имела против борьбы на европейском фронте, лишь бы она не поглощала слишком много средств.

Заключение союза между двумя традиционными противниками, Австрией и Францией, — «революция в политике союзов», как называют эту дипломатическую переориентацию, — было делом рук австрийского министра иностранных дел графа Кауница, который приложил все усилия, чтобы создать прочную систему союзов и тем самым подготовиться к неизбежному столкновению с Фридрихом. Значение дипломатической деятельности Кауница состояло в том, что он отошел от системы случайных союзов, заключавшихся лишь на срок, определяемый продолжительностью той или иной войны (система, применявшаяся до Марии Терезии), и перешел к системе прочных союзов, основанных на действительной общности интересов. Все же Кауниц, в противоположность своему будущему государю Иосифу II, был не вполне последователен. Он переоценивал значение союза с французской монархией, дни которой уже были сочтены, и недооценивал союз с Россией, у которой были общие интересы с Австрией в отношении Пруссии и Балкан.

Союз с Францией был заключен в 1756 г. с большой помпой, тогда как союз с Россией был заключен в этот же период как бы между прочим. Перед этим Кауниц решительно расторг австро-английский союз, так как Англия ожидала от Австрии военной помощи для борьбы с Францией, но сама не переставала поддерживать Пруссию против Австрии. Заключению австро-французского договора предшествовало заключение англо-прусского союза.

В августе 1756 г. началась австро-прусская война, длившаяся семь лет. Фридрих II, следуя уже испытанному им методу, напал без объявления войны на Саксонию, занял и разграбил ее, причем, по своему обыкновению, заявил, что дело заключается только в «дружественном пропуске войск» через Саксонию.

Прусские историки подчеркивают, что Фридрих действовал в целях самообороны, тогда как историки Габсбургской империи обычно говорят о «коварном нападении» Фридриха. Истина — в отличие от первой и второй войн за наследство, когда действительно имело место неспровоцированное и непростительное нападение, — заключалась в следующем. Австрия твердо решила объявить Пруссии войну и стянула войска к границе, причем и русские войска одновременно выступили по направлению к Пруссии. Фридрих опередил Марию Терезию, напав на нейтральную

страну — Саксонию, которая не собиралась участвовать в войне. Коварство, следовательно, было проявлено по отношению к Саксонии. Что касается Австрии, то, как говорит один историк, скорее можно было бы говорить о «двух наступлениях, которые столкнулись друг с другом».

Вскоре выяснилось, что австро-русская коалиция (Франция принимала лишь слабое участие в войне и притом небольшими силами) имела перевес в военном отношении. Фридрих не без основания обращал внимание своих офицеров на то, что теперь им приходится иметь дело с совершенно другим противником, нежели в 1741 г. Австрийская армия была хорошо вооружена и имела хорошо подготовленных офицеров; население Чехии и Силезии, где происходили бои, поддерживало армию против пруссаков, возбудивших всеобщую ненависть своими реквизициями, мобилизацией мужчин в армию, принудительными работами и репрессиями.

Австрийский генерал Даун, медлительный и осторожный, был, тем не менее, способным командиром. Молодой генерал Лаудон, в ходе войны принимавший все большее участие в руководстве армией, был одаренным человеком.

То же самое нужно сказать и о русской армии. Русская армия была боеспособна, хорошо обучена и боролась с воодушевлением и инициативой, хотя некоторые ее полководцы, как, например, главнокомандующий Салтыков, не хотели слишком увязнуть в этой войне. Хотя первая битва при Лобознице окончилась победой Фридриха, последний вынужден был признать: «Это уже не прежние австрийцы; чтобы разбить их, нужны будут бесчисленные жертвы». В 1757 г. Фридрих осадил Прагу, но принужден был часть армии бросить против русских. Подоспевший тем временем Даун навязал Фридриху битву при Колине, в которой нанес ему тяжелое поражение. Прусская армия понесла по тому времени очень большие потери — 14 тыс. человек. Австрийская армия потеряла только половину этого числа. Фридриху пришлось снять осаду Праги и очистить Чехию. Тем временем русская армия разбила Фридриха при Гросс-Егерсдорфе (1757 г.), однако отошла назад и не стала преследовать армию Фридриха. Австрийцы одержали победы при Швейднице, Герлице и Вроцлаве. Война была перенесена теперь на прусскую территорию, и этого Фридрих во что бы то ни стало хотел избежать. В довершение унижения немцев небольшая войсковая группа хорватов, состоявшая всего из 3400 солдат под командованием Гаддика, 11 октября взяла Берлин, получила 180 тыс. талеров контрибуции, разрушила арсенал, после чего беспрепятственно ушла¹. Используя этот отход,

¹ Данные, приведенные автором, не соответствуют действительности. В октябре 1757 г. генерал Гаддик с 14 тыс. солдат форсировал Копеник, что вынудило королеву прусскую и правительство бежать из Берлина в Шпан-

Фридрих снова собрал свою армию и разбил при Росбахе (1757 г.) не слишком сильную в военном отношении армию «имперцев»¹, усиленную французскими отрядами, и австрийцев при Лейтене.

Некоторое время бои шли в разных местах. 25 августа 1758 г. произошла битва при Цорндорфе, местечке неподалеку от Берлина, в которой и русские, и прусские войска понесли тяжелые потери, не достигнув, однако, победы. Фридрих направился на юг, против Дауна, и тот при Хохкирхе нанес ему сокрушительный удар. Сам Фридрих чуть не попал в плен; утверждают, что он бежал в ночной рубашке. И снова его противники не использовали полученного преимущества.

В последующие годы (1759—1761) положение Фридриха все ухудшалось. Его армия, которую он считал непобедимой, продолжала терпеть поражение за поражением. Слабая экономика Пруссии не могла выдержать тягот длительной войны. Войну больше не удавалось вести на территории противника и за его счет. Чтобы восполнить огромные потери прусских полков, были увеличены принудительные наборы; в армию стали забирать даже мальчиков тринадцати — четырнадцати лет. Можно себе представить, как выглядела такая армия, каков был ее боевой дух.

В 1761 г. Фридрих писал Д'Аржанвилю: «Каждая связка соломы, каждый транспорт рекрутов, каждая посылка денег — все, что попадает ко мне, — это или милость моих врагов, или же доказательство их небрежности, ибо, если бы они захотели, то могли бы отнять у меня все. Здесь в Силезии к их услугам любая крепость; Штеттин, Кюстрин и даже Берлин открыты для русских. В Саксонии в первом же бою Даун отбросил моего брата назад за Эльбу... Если судьба будет и дальше так безжалостна ко мне, я несомненно погибну. Только случай может принести мне избавление, вывести меня из положения, в котором я нахожусь».

За эти годы Фридрих превратился в старика. Он часто говорил о самоубийстве, носил при себе ампулу с ядом и после каждого проигранного сражения делал вид, что собирается отравиться. Он надеялся уже не на победу, а на чудо, которое спасло бы его и его государство. Он знал, что и русская императрица Елизавета, и Мария Терезия заявили о своем решении разбить Пруссию и вернуть ее к границам 1648 г.; он знал, что Елизавета заявила, что скорее заложит свои драгоценности и платье, чем прекратит борьбу с Пруссией. Удар следовал за ударом... Лаудон победил при Ландесхуте. Затем Фридриху, в свою очередь, удалось нанести удар Лаудону, который начал было наступать, но вынужден был отойти, так как не прибыли ни австрийские, ни русские подкреп-

дау. Магистрат вступил в переговоры с Гаддиком и обязался уплатить австрийцам 600 тыс. талеров. Не сумев войти в столицу, Гаддик удовлетворился полученными 18 октября 185 тыс. талеров и поспешно отступил. — *Прим. ред.*

¹ «Имперцами» называли солдат немецких княжеств. — *Прим. ред.*

ления. Однако позже Берлин был взят снова — на этот раз объединенными силами русских и австрийских войск.

Война затянулась. Тогда произошло чудо, о котором молил Фридрих. Елизавета умерла. Ее наследник Петр III, глава пруссофильской партии при петербургском дворе, заключил с Фридрихом мир и предоставил в его распоряжение русские войска для использования их против союзников России — австрийцев. Хотя вскоре Петр был свергнут и с окончанием его царствования было покончено с профридриховской политикой, этой интермедии, однако, было достаточно, чтобы война закончилась. По Губертсбургскому миру было восстановлено прежнее положение — *status quo ante*. Пруссия удержала за собой Силезию.

Как же случилось, что эта война, принесшая союзникам столь блестящие победы, окончилась так благоприятно для Фридриха? Ответ на этот вопрос надо искать не в анализе битв, а в политике, которую проводили участвовавшие в войне государства. Военный потенциал Франции в Семилетней войне был сравнительно небольшим, однако ее участие в войне имело большое политическое значение. За время войны позиции Франции за океаном ухудшались. Английские войска под командованием Вольфа заняли почти всю Канаду. Англия захватила территории западнее Миссисипи (прежде всего Луизиану), Флориду, несколько Вест-Индских островов и Сенегалию в Западной Африке. Часть владений Франции в Индии также перешла к ее английскому сопернику. Франция уже была не в состоянии воевать на Рейне и в Средней Германии своими силами и стала использовать войска мелких немецких государств, воевавших на стороне союзников; в конце концов она стала прибегать и к помощи австрийских войск. Одновременно Франция начала осуществлять политику европейского равновесия. Особенно упорно французский кабинет боролся против возможной экспансии России на Запад из боязни, что Россия может сделать сильной европейской державой. В связи с этим Франция оказывала постоянное давление на Австрию.

Для этой политики характерен один эпизод из истории русско-австрийской дипломатии того времени. Вскоре после начала войны Елизавета через австрийского посланника в Петербурге предложила Марии Терезии заключить тайное соглашение о разделе Пруссии, по которому Россия получила бы Восточную Пруссию. Это предложение было политически вполне логично. Передвижение русской границы в пределы Восточной Пруссии ограничило бы расширение Пруссии и помешало бы ее дальнейшей агрессии. Оно было также оправдано с точки зрения интересов населения Восточной Пруссии, большинство которого было славянским и с которым пруссаки обращались как с колониальным народом. После некоторого колебания Мария Терезия согласилась и подписала договор. Когда слух об этом дошел до Парижа, он вызвал

там сильное возбуждение. Франция заявила решительный протест против договора и угрожала немедленным разрывом союза с Австрией и заключением мира с Пруссией. Вследствие этого Мария Терезия отказалась от заключения договора с Россией. Но она дала знать России, что все же намерена выполнять его, уполномочив своего посланника в Петербурге подписать секретное соглашение. В этом соглашении подтверждалось согласие Австрии на присоединение к России Восточной Пруссии. Однако, когда Франция, от которой не укрылся и этот шахматный ход, усилила давление, Мария Терезия дезавуировала своего посланника и заявила Елизавете, что не согласится на какие-либо обязательства. Понятно, что этот эпизод охладил русско-австрийские отношения.

С 1759 г. Франция оказывала на Австрию давление с целью заключения мира с Пруссией.

Как же получилось, что Австрия, которая вместе с Россией, несла на себе главную тяжесть войны, оказалась в такой зависимости от французской дипломатии и так поддавалась французскому давлению? Мы знаем, что Кауниц был представителем «французской ориентации» и считал Францию важнейшим и наиболее выгодным союзником Австрии. Но одно личное мнение министра, очевидно, не имело бы решающего значения, если бы не было важных аргументов, конкретных обстоятельств, определяющих такую ориентацию. Прежде всего речь шла о Бельгийских Нидерландах, являвшихся своего рода залогом в руках Франции. Эта провинция находилась за сотни километров от Австрии, имела общую границу с Францией, и среди ее населения росло стремление к национальной независимости, желание освободиться от власти Габсбургов. Сохранение Бельгийских Нидерландов в составе Габсбургской империи зависело от того, будет ли сохранен мир между Францией и Австрией. Другой вопрос — стоило ли ради Бельгии, которую, по мнению многих, нельзя было надолго удерживать в составе монархии, делать уступки за уступками, что в конце концов привело к неблагоприятному для Австрии исходу Семилетней войны и окончательной потере Силезии. Иосиф II возражал против этой политики, и одно из основных его расхождений с Марией Терезией заключалось в требовании отказаться от Бельгии, которую все равно не удержать, и желании выменять на нее другие территории, а также улучшить отношения с Россией.

Но Мария Терезия поддалась влиянию Франции еще и по той причине, что она не вполне верила России. Как и французские политики, она считала слишком сильный рост могущества России опасным не только для Средней Европы, но и для Балкан. Она не могла помешать этому росту, но старалась, по крайней мере, не способствовать ему.

Из трех участвовавших в войне монархов наиболее последовательной была Елизавета. Она желала уничтожения Пруссии даже

ценой усиления других стран, ценой тяжелых военных и финансовых жертв. Именно благодаря Елизавете замазывались трещины в союзе и преодолевались наиболее крупные расхождения. Но Елизавета была уже на склоне лет; кроме того, за ее спиной действовали другие люди. Ее наследник Петр III был сторонником соглашения с Пруссией и выступал за политическую ориентацию на Англию. У Петра были приверженцы при дворе среди министров и генералов. Его партия росла по мере того, как состояние здоровья Елизаветы ухудшалось. При дворе и в армии знали, что после смерти императрицы произойдет внешнеполитическая переориентация, которая, естественно, будет связана со сменой лиц, играющих определенную роль в ведущих политических и военных кругах России, и старались подготовить почву, чтобы во-время оказаться на той стороне, на которой окажется перевес. Таково было поведение карьеристов. Но и поведение людей, ведущих последовательную, искреннюю политику в Петербурге, становилось все более колеблющимся и неопределенным, и главную причину этого следует искать в политике Австрии. Даже при больших симпатиях к Австрии (а они были, кстати говоря, не слишком сильны) в Петербурге ясно видели, что венский двор хочет, чтобы русские таскали для Австрии каштаны из огня, но что сама Австрия готова при первом удобном случае бросить Россию на произвол судьбы.

России приходилось считаться с тем, что ее союзник может в подходящий для себя момент сговориться за ее спиной и за ее счет с нынешним противником. Это ощущение неуверенности и недоверия с самого начала наложило отпечаток на весь ход войны. Когда Апраксин, первый главнокомандующий русской экспедиционной армией, направленной против Пруссии, выиграл битву при Гросс-Егерсдорфе и не стал преследовать противника, в Вене заговорили о «предательстве». Апраксин был смещен, но оказалось, что виноват был не он. Указание не слишком ввязываться в войну пришло от канцлера Бестужева, а Бестужев только исполнил поручение жены наследника престола Екатерины — позднее Екатерины II. Когда место Апраксина занял генерал Фермор, а потом весьма деятельный Петр Салтыков, ничего не изменилось. Тенденция не добивать Фридриха, а держать его и его армию в резерве для будущего, исходила не от русских генералов. Когда австрийские союзники упрекали Салтыкова в медлительности после битвы при Кунерсдорфе, он ответил: «У меня нет приказа уничтожить короля Пруссии».

И во время войны, и потом, когда в результате резкого поворота внешней политики России при Петре III война была уже фактически окончена, Мария Терезия продолжала жаловаться на «измену», на «петербургское предательство». Было бы честнее говорить несколько тише об «измене», с несколько меньшим него-

дованием сваливать всю вину на русских, которые, собственно говоря, только платили той же монетой. Главную вину за неудачный исход войны несет Австрия с ее двойной дипломатической игрой. А между тем из всех трех держав, участвовавших в войне, Австрия была наиболее заинтересована в успешном исходе войны.

Все знали, что дни Елизаветы сочтены, все знали также, что Петр III не собирался продолжать ее политику. Надо было использовать царствование Елизаветы для быстреего окончания войны. Сама Елизавета желала вести войну энергично, и нерешительность ее политиков и генералов легче всего могла бы быть устранена честной и прямой союзнической политикой Австрии. В прошлом, в войне за Испанское наследство, ясная и дружественная политика принца Евгения так повлияла на Мальборо и других английских командиров, что они, вместо того, чтобы сделаться орудием капитулянтов, стали их злейшими противниками. Если вспомнить войну за Испанское наследство, то Вена имела теперь большое преимущество: безусловную готовность Елизаветы выиграть войну. Неблагоприятный исход войны, который сильнее всего затрагивал интересы Австрии, — мы имеем в виду потерю Силезии и превращение Пруссии в великую державу — Австрия может всецело приписать своей двойственной политике.

В результате нового русско-прусского сближения как Пруссия, так и Россия, преследуя цели расширения своих границ, оказывали друг другу взаимную помощь. Страной, за счет которой было осуществлено это расширение, явилась Польша. В Польше по-прежнему неограниченно господствовала аристократия, и польская корона при каждой смене династии предлагалась новому государю, что постоянно вызывало хаос в стране. Одно время Польшей правила союзная с Австрией саксонская династия. Потом корона была передана, несмотря на все контрманевры Вены, ставленнику России — Понятовскому. В конце концов Пруссия и Россия договорились разделить между собой Польшу, и польское дворянство, ослабленное наличием русской, прусской, французской и других группировок, почти не оказало им сопротивления. Хотя Австрия по прусско-русскому плану также должна была получить часть Польши, Мария Терезия протестовала против раздела. Ею руководили при этом не моральные и гуманные соображения, которыми она аргументировала свой протест, а главным образом отрицательное отношение к расширению как Пруссии, так и России. Она придерживалась принципа, высказанного ею еще в 1759 г. «Мощь русской державы слишком велика, чтобы мы и другие дворы были очень рады этому соседству». Оппозиция Иосифа против плана раздела Польши была значительно слабее, вероятно потому, что русское соседство казалось ему значительно менее «опасным». Он стоял на реальной точке зрения — надо брать все, что можно получить задешево.

В конце концов Мария Терезия, несмотря на слезы и протесты, сдалась. «Elle pleure, mais elle prend» («Она плачет, но она берет»), — заметил злорадно, но не без основания Фридрих II. При первом разделе Польши в 1772 г. Австрия получила Ципс, Восточную Галицию и Лодомерию, в ее составе оказалось одной неавстрийской нацией больше — нацией, сохранявшей в рамках монархии по крайней мере относительную самостоятельность. В 1775 г. Австрия в результате посредничества в русско-турецкой войне приобрела Буковину, а в 1779 г. получила от Баварии город Иннфиртель.

Австрийско-французский союз был скреплен династическим браком. Дочь Марии Терезии Мария Антуанетта была выдана замуж за французского дофина, позднее Людовика XVI. Однако этот брак почти ничего не изменил во все возраставшей антиавстрийской тенденции французского двора.

Мария Терезия умерла в 1780 г.

Иосиф II, который пятнадцать лет правил вместе с Марией Терезией, стал ее преемником.

Иосиф II

То, что было осуществлено короной между 1765 и 1780 гг., когда Иосиф был соправителем Марии Терезии, почти всегда являлось результатом компромисса между предложениями Марии Терезии и Иосифа. Такой компромисс стал возможен потому, что Иосиф не был так одинок в своих взглядах, как казалось сначала. Некоторые ближайшие советники Марии Терезии, особенно Ван-Свитен, в общем были согласны с принципами Иосифа и вскоре на всех совещаниях стали поддерживать его; Цинцендорф и даже Кауниц, который во внутривосточных вопросах был значительно менее дальновиден, чем во внешнеполитических, часто соглашались с Иосифом. Постоянно поддерживали его и Зонненфельс, мнение которого высоко ценила Мария Терезия. Хотя Мария Терезия не была обязана следовать решению большинства своих министров, однако она обычно уступала, если оставалась в меньшинстве. Поэтому многие реформы до 1780 г. носят на себе следы влияния Иосифа.

Еще до того, как Иосиф сделался соправителем, ему было поручено проведение начатой реорганизации армии, а после смерти Дауна он стал главнокомандующим и военным министром. Мария Терезия, повидимому, надеялась, что сложная административная деятельность, требующая повседневных забот, целиком поглотит его внимание и вылечит его от увлечения «теориями», однако произошло обратное. Армия сделалась для Иосифа своего рода опытным полем, на котором он впервые осуществил на практике целый

ряд своих принципов, а именно, свои представления о том, каким должен быть государственный административный аппарат.

Первой проведенной им реформой явилось очищение офицерского корпуса от неспособных, но богатых и влиятельных сыновей из «хороших» фамилий, которые считали службу в армии своего рода источником доходов. Он безжалостно изгонял бездельников, не давал им продвигаться по служебной лестнице и предоставлял им незначительные и неответственные должности. Это полностью отвечало военной политике Марии Терезии, но некоторые мероприятия Иосифа были встречены старым офицерским корпусом с возмущением. Обычно офицеры перед уходом в отставку продавали свои должности. Иосиф увеличил пенсии, но запретил продавать офицерские должности, положив конец такой практике, когда офицерские должности занимали не самые достойные, а те, кто в состоянии был купить их. Нескольким дворянкам, офицерским женам, которые возмущенно спрашивали его, как они могут жить на пенсию в соответствии со своим положением, он язвительно предложил научиться какой-нибудь работе. Тот же принцип — отбирать людей по способностям, а не по происхождению, применялся и при приеме в офицерские школы. При Иосифе эти школы впервые начали принимать в большом количестве сыновей купцов, фабрикантов, даже ремесленников, и те из них, кто оказывался наиболее способным, опережали дворян в продвижении по служебной лестнице. Иосиф заботился и о солдатах, и не только об их питании, обмундировании и амуниции, но и о таких вещах, которые не имели непосредственного отношения к ведению войны. В старой армии солдат был фактически бесправен, у него почти не было личной жизни. Иосиф отменил целый ряд ограничений, например, запрещение солдатам жениться. Здесь известную роль сыграла идея меркантилистов о необходимости поощрять прирост населения. Он упразднил муштру для парадов, отнимавшую большую часть времени солдат. При нем отслужившие свой срок солдаты впервые стали получать пенсии или, что бывало чаще, небольшие должности на государственной службе. Однако в отличие от Фридриха Иосиф не превращал своих отставных солдат в школьных учителей: требования, которые он предъявлял к учителям, были очень высокими. Большой частью солдаты назначались сборщиками внутренних или таможенных пошлин или же им предоставлялись участки земли. По мнению Иосифа, солдаты должны были время от времени пользоваться отпуском — иметь хоть какую-то личную жизнь, в которую офицер мог вмешиваться только постольку, поскольку это было совершенно необходимо по военным соображениям. Стать солдатом, по мысли Иосифа, означало — свободно, даже охотно выбрать эту профессию, а не сделаться своего рода рабом. Принудительный набор в солдаты был еще сохранен, но зато совершенно прекратилось рекрутирование,

проводившееся раньше без разбора и насильственно. Цель Иосифа — создать в армии корпус способных офицеров, так же, как позднее — создание в государственном аппарате корпорации способных чиновников, подобранных по одаренности и усердию, а не по социальному происхождению, — корпус, с помощью которого Иосиф мог бы осуществлять свою новую политику, — в общем была достигнута. Хотя после смерти Иосифа большинство его нововведений было отменено, построенная на его принципах армия оказалась в 1809 г. единственной армией, которая была в состоянии нанести поражение Наполеону¹.

Если не считать этих нововведений в армии и нескольких специальных дипломатических миссий, то до 1765 г. Иосиф сравнительно мало занимался государственными делами.

Одним из важных дел Иосифа было освобождение крестьян, точнее говоря, освобождение крестьян от повинностей по отношению к дворянам, а также освобождение их от других ограничений.

Положение крестьян во внутренних австрийских землях, в Тироле и Зальцбурге, было относительно хорошее. Попытка дворянства в XVI в. подчинить их и возложить на них более тяжелые крепостные повинности разбилась о сопротивление крестьянства. Большинство крестьян платило помещикам установленный несколько веков назад оброк, несло установленную в докапиталистические времена барщину. Ни оброк, ни барщина не были слишком обременительными. Большой частью барщину несли один день в месяц, а денежный или натуральный оброк отнимал небольшую часть дохода крестьянина. Наибольшую опасность представляло экономическое ограбление крестьян дворянами и спекулянтами, а также попытки дворянства согнать крестьян с земли или лишить их права пользования лесами и лугами.

Иным было положение крестьян в Чехии и Моравии, и еще худшим — в недавно присоединенных провинциях: здесь оно было значительно хуже, чем во Внутренней Австрии — в Каринтии и

---

¹ Австрийская дворянская и буржуазная историография переоценивали значение реформ Марии Терезии и Иосифа II. Е. Пристер в своей книге некритически повторяет утверждения буржуазных историков. Неосновательным также утверждением является и приведенное выше мнение, будто в 1809 г. австрийская армия была единственной, которая была в состоянии нанести поражение Наполеону. Факты говорят о том, что, кроме эрцгерцога Карла, австрийская армия не выдвинула за последние годы (конец XVIII — начало XIX в.) сколько-нибудь даровитого полководца. Австрийская армия терпела в наполеоновских войнах жесточайшие поражения (Маренго, Ульмский позор, Аустерлиц), а в 1809 г., хотя победа и досталась Наполеону дорогой ценой, австрийская армия была разгромлена, французы вступили в Вену и заставили австрийцев подписать позорный Шёнбруннский мир.

Такова цена военной реформы. Но и остальные реформы были в основном декларативными, в особенности те, которые в какой-либо мере ущемляли права дворянства; после смерти Иосифа они были сведены к нулю — *Прим. ред.*

в Штирии. В неавстрийских землях, за исключением, быть может, итальянских провинций, крестьяне не были даже крепостными — они были настоящими рабами. В восточных землях, включая Венгрию и Словакию, помещики и спекулянты немилосердно грабили крестьян. О тяжелом положении крестьян лучше всего свидетельствует тот факт, что Марии Терезии пришлось ограничить работу крестьян на помещиков (или на спекулянтов, которым помещики отдавали крестьян в наем) тремя или четырьмя днями в неделю; даже это постановление Марии Терезии явилось для крестьян большим облегчением. В правовом отношении крестьяне полностью зависели от помещика, который произвольно накладывал на них штрафы и требовал большую плату за разрешение отремонтировать дом, заниматься ремеслом или жениться. В Чехии и Моравии особенно тяжелым для крестьян было существовавшее там запрещение свободного передвижения. Чешское дворянство быстро поняло, что фабрики и мануфактуры — прибыльное дело, и начало их строить в своих поместьях. В составленном графом Кинским списке фабрик, принадлежавших чешскому дворянству, упоминаются, например, такие предприятия: Оберлейтерсдорф, суконная фабрика с 30 ткацкими станками — владелец граф Вальдштейн; Браунау и Осег, фабрика шерстяных тканей — владельцы местные прелаты; Кениггрец, фабрика шерстяных тканей — владелец граф Шафготш; Наход, фабрика шерстяных тканей — владелец граф Пикколомини; фабрики тонких, прозрачных тканей и шерстяных одеял в Геральце и Гумпольце — владелец барон Нейфцер; пуговичная мануфактура и шляпная фабрика близ Праги — владелец оберстбургграф Богемский; ленточная фабрика в Еникау — владелец граф Ульфельд; полотняная фабрика с 10 ткацкими станками в Косманосе — владелец граф Болца; хлопчатобумажная фабрика в Потенштейне — владелец граф Хамаре; чулочная фабрика в Дуксе — владелец граф Вальдштейн; полотняная фабрика в Райхенберге — владелец Клам; полотняная фабрика в Камнитце — владелец князь Кинский; чулочная фабрика в Силезии — владелец милорд Тааффе. Процесс возникновения промышленных предприятий имел место и в Моравии.

Фабрикантам из дворян легко было разрешить проблему рабочей силы; крестьяне направлялись на фабрику иногда вместо полевой работы, иногда, если это была работа на дому, наряду с полевой работой. Если крестьянам и платили за работу на фабрике, то это была значительно более низкая заработная плата, чем и без того низкая плата свободных рабочих. Естественно, крестьяне прилагали все усилия, чтобы уйти с этих фабрик в город, где они в качестве свободных рабочих могли жить много лучше, чем в деревне. Дворяне, владельцы фабрик, старались препятствовать уходу крестьян. Восстановление права свободного передви-

жения было требованием не только крестьян, но и новой промышленной буржуазии, которая не могла конкурировать с помещиками, имевшими дешевую рабочую силу, применявшими «рабский труд». Новый фабричный труд, совместная работа в коллективе и приобретение технических знаний не прошли бесследно для чешских и моравских крестьян. Этот угнетенный с 1620 г. слой населения снова начал активно протестовать. Во второй половине XVIII в. в Чехии произошло несколько крупных крестьянских восстаний.

В 1781 г., через год после своего вступления на престол, Иосиф издал свой первый крестьянский закон — так называемый патент о подданных (*Untertanenpatent*). По этому патенту в Чехии, Моравии, Силезии, Галиции, а несколько позднее и в Венгрии, Каринтии, Крайне и Штирии крепостное право было отменено и заменено так называемым «подданством». Это означало, что земля продолжала оставаться во владении помещика и крестьянин за пользование ею должен был попрежнему уплачивать оброк. Личная же крепостная зависимость крестьянина была отменена. Он мог идти, куда хотел, выполнять работу, какую хотел, мог жениться, заниматься ремеслом, покупать и продавать имущество. Этот закон, естественно, имел и свою оборотную сторону: крестьянин стал лично свободным, но его освободили также и от земли, он был лишен своей земли. Отмена крепостничества в такой форме привела прежде всего к увеличению тяги крестьян из деревни в город, что дало новой промышленности рабочую силу, в которой она нуждалась. Этот первый крестьянский патент не встретил слишком большой оппозиции. Исключение составляло чешское дворянство, но и оно не имело достаточных оснований, чтобы выражать серьезный протест, так как, даже потеряв баснословно дешевую рабочую силу, оно все же получало большие доходы.

Значительно больше ограничивали права дворянства патент о наказаниях подданных, отменявший право дворян творить суд и расправу, затем постановление, запрещавшее сгонять крестьян с земли, а также распоряжение, по которому крестьянам разрешалось наследовать владения, и, наконец, урбариальный патент (патент о повинностях) 1789 г. Этот патент установил размеры подати, которую крестьянин обязан был выплачивать помещикам; она должна была уплачиваться деньгами и составляла 17% крестьянского дохода. Барщина была отменена. «Имущественное право» помещика на землю, с которой крестьянин не мог быть согнан и которую он мог наследовать, ограничивалось теперь правом взимать подходящий налог в размере 17%; это составляло ничтожную долю того, что помещик получал прежде. Дворянство резко выступило против патента. Консервативные историки приводят этот патент в качестве доказательства «бесчеловечности и

беспощадности» Иосифа. По их мнению, «бесчеловечность» состояла в том, что крестьяне не были обязаны платить помещику выкуп за «потерю» им рабочей силы.

Перестройка государственного аппарата была второй, довольно далеко идущей реформой Иосифа, результаты которой, впрочем, разбились о внутренние противоречия монархии. Старый государственный аппарат был недееспособен, а чиновничество продажно. Старое дворянское и происходившее из среды крупной буржуазии чиновничество рассматривало занимаемое положение как дань их благородному происхождению или как средство обогащения. Этот старый чиновничий аппарат надо было заменить новым, который мог бы принять участие в создании и управлении «идеальным» государством Иосифа. Такие новые чиновники могли выйти только из рядов тех, кто в силу своего собственного опыта и своих собственных интересов разделял бы эти просветительные идеи, а не под давлением и по приказу короля. Таким классом могла быть только буржуазия.

Но пока существовала старая автономия земель, пока дворянское сословное собрание могло назначать и контролировать чиновников, пока монархия была разделена на провинции, которые имели свои собственные понятия о праве и своей властью обеспечивали выполнение общественных функций, невозможно было создать новый государственный аппарат и централизованно направлять и контролировать его работу. Даже ограниченная автономия земель в XVIII в. использовалась реакцией в своих целях.

Это соображение руководило Иосифом, когда он решил провести в Австрии ряд мероприятий. Австрийская монархия была разделена на тринадцать областей: Галицию, Чехию, Моравию, Нижнюю Австрию, Внутреннюю Австрию, состоявшую из Штирии, Каринтии и Крайны, Внешнюю Австрию (швабские владения), Трансильванию, Венгрию с Банатом, Хорватию, Ломбардию, Нидерланды, Гёрц и Градиск с Триестом.

Земли управлялись наместниками, подчинявшимися центральной администрации и имевшими в своем подчинении определенное число государственных чиновников. Все прочие инстанции земель были упразднены как политические учреждения. Венгерскую и чешскую короны Иосиф велел передать в Венский музей.

В отличие от Франции, представлявшей собой страну с единой национальностью, Австрия была страной многонациональной, причем у некоторых из входивших в ее состав народов было весьма развито национальное самосознание. Венгрия боролась за свои права на свободу, Бельгия продолжала ревностно защищать свою свободу — сначала от Испании, потом от Австрии; Галицию совсем недавно оторвали от Польши. Процесс, который сознательно ускоряли Мария Терезия, а позже Иосиф, то есть процесс развития мануфактурного производства и роста буржуазии, при-

вел к усилению роста национального самосознания в этих землях. Именно новые буржуазные идеи — принципы свободы, право на самоопределение и, наконец, право на контроль, на участие народа в управлении государством — укрепляли решение населения этих земель защищать собственную, хотя бы и относительную свободу. Централизация же, осуществленная Иосифом в австрийских условиях, практически ограничила именно права нации на свободу.

Осуществлявшаяся Иосифом политика централизации подействовала на здание монархии, как взрывной заряд. Она вызвала резкое сопротивление наций, движение, в ходе которого даже группы с противоположными интересами снова оказались спаянными вместе. Венгерское дворянство, для которого освобождение крестьян было много неприятнее, чем централизация, объединилось с венгерской буржуазией, которая стремилась облегчить свое развитие, боролась за свои права восходящей нации — и при этом выступала за восстановление сословных собраний, хотя и не имела в них никакого веса. Высшее бельгийское духовенство, затронутое антиклерикальными мероприятиями Иосифа и закрытием монастырей, ожесточенно боровшееся против эдикта о веротерпимости, было поддержано бельгийской буржуазией, которая так же мало была заинтересована в сохранении привилегий церкви, как и Иосиф, но защищала свое право самостоятельно управлять Бельгией и пользоваться родным языком, самой пользоваться выгодами экономического развития страны и не делить их ни при каких обстоятельствах с австрийскими буржуазными конкурентами.

Иосифа не поддержала даже австрийская буржуазия в целом, хотя его мероприятия были проведены в ее интересах и в соответствии с ее мировоззрением. Сторонниками Иосифа были лишь представители австрийской буржуазии: фабриканты, молодые чиновники, молодые учителя, вышедшие из мелкобуржуазной среды. Но, поддерживая систему Иосифа, они иногда высказывали недовольство его скупостью и большими налогами. Позднее именно эти люди сделались в Австрии носителями «жозефинизма» (то есть системы Иосифа). Что касается верхних слоев буржуазии, то они, все эти выскочки, крупные купцы, банкиры, заметно охладели к Иосифу. Эта буржуазия нуждалась не только в современном государстве, в новой экономической политике, в новых школах и учебных заведениях — она нуждалась также и в другом: в возможности набивать карманы в Венгрии и в Галиции, в Трансильвании и в Крайне, перерабатывать на своих фабриках дешевую венгерскую шерсть, дешевый лен. Чтобы иметь силу и власть, буржуазии нужны были сферы приложения своих капиталов во всех землях монархии. Эта буржуазия была намного умнее, чем теоретики реформ, и, возможно, умнее и дальновиднее, чем Иосиф.

Она понимала, что не промахи или неподходящие, «деспотические» методы, а более глубокие причины поколебали здание монархии, что не предписания о языке привели к восстаниям в Венгрии и Бельгии, а в конечном счете прямо или косвенно — вся политика Иосифа. Всякая последовательная буржуазно-прогрессивная политика, осуществлявшаяся в монархии в целом, неизбежно должна была не только в Австрии, но и в других странах привести в движение новые буржуазные слои, которые в один прекрасный день потребовали бы своих национальных прав. Последовательная прогрессивная политика Иосифа в Австрии могла бы привести к гибели монархию, во всяком случае — положить конец неограниченному преобладанию говорящей по-немецки крупной буржуазии.

В результате часть австрийской буржуазии решила, что последовательная политика для нее выгоднее, и начала привыкать к мысли, что в крайнем случае можно и отказаться от собственного освобождения.

Возникшие в Бельгии и в Венгрии восстания против централизаторской политики Иосифа в конце концов заставили его отступить. Незадолго до своей смерти он был вынужден отменить некоторые свои централизаторские мероприятия.

Составной частью политики Иосифа был комплекс вопросов, связанных с церковью. О свободомыслии Иосифа и его антиклерикальных мероприятиях написано очень много. В биографиях Иосифа его конфликт с церковью занимает непомерно много места. Но именно церковная политика Иосифа менее всего отклонялась от традиционной политики прочих Габсбургов в этом вопросе.

Его личное отношение к религии не играло при этом решающей роли. Он был «свободомыслящим» постольку, поскольку считал, что религия — частное дело каждого гражданина и что нет никаких оснований сохранять старое монопольное положение католической церкви в Австрии. Эта его позиция нашла свое отражение в эдикте о веротерпимости, по которому всем принадлежавшим к признанным религиям в монархии, прежде всего к протестантской и к греческо-православной церкви, было гарантировано право свободно отправлять религиозные обряды и иметь свои церкви, а все ограничения и дискриминационные мероприятия были запрещены. Она выразилась также в законе, по которому все направленные против евреев постановления — принудительные гетто, обязательное ношение особой одежды, запрещение заниматься целым рядом профессий — были отменены и евреи были приравнены ко всем другим гражданам государства.

Политика Иосифа относительно церкви воплощала лишь старый габсбургский принцип: безусловное подчинение церкви авторитету государства. Главой католической церкви, которая и впредь оставалась государственной церковью, по мнению Иосифа,

должен был быть не папа, а государь страны или, в качестве его представителя, особый чиновник. Все распоряжения и определения папы должны были утверждаться государем, а служители церкви приравнивались к государственным чиновникам. Папа протестовал против этих распоряжений, он даже прибыл в Вену для личных переговоров с Иосифом. Иосиф принял его вежливо и столь же вежливо, но твердо заявил, что, по его мнению, папа является авторитетом в моральных, но не в церковно-правовых или государственно-правовых вопросах, и тот уехал несолоно хлебавши.

Радикальнее было такое мероприятие, как закрытие части монастырей, но и его нельзя рассматривать как антицерковное или антирелигиозное мероприятие. Иосиф и его сторонники считали, что в государстве имеет право на защиту и поддержку только тот, кто работает с пользой для общества. Вследствие этого он распорядился о закрытии монастырей, не выполнявших какой-нибудь полезной работы, как, например, уход за больными или обучение и воспитание детей.

Внешняя политика Иосифа была менее ясной, а также менее успешной, чем его деятельность в других областях. Совершенно новым было сближение с Россией, которую он называл естественным союзником Австрии. План Иосифа состоял в том, чтобы вместе с Россией завоевать оставшиеся под турецким господством Балканские страны и поделить их между обоими государствами. Однако война Австрии и России с Турцией, которая велась незадолго до смерти Иосифа, была безрезультатной¹. Также безрезультатными были неоднократные попытки обменять Бельгию на Баварию. Они провалились главным образом из-за постоянной оппозиции Фридриха. Когда баварский престолонаследник согласился уже с планом обмена и Австрия собиралась послать в Баварию войска, Фридрих, в качестве контрмеры, двинул войска к австрийской границе. Отношения с Францией, несмотря на женитьбу французского короля на австрийской принцессе, оставались исключительно холодными. Антиавстрийская партия взяла верх во Франции. Она всегда выдвигала тот аргумент, что Австрия хочет вовлечь Францию в безнадежную и убыточную войну, и уже поэтому активизация австро-французского союза была невозможной. В последние годы царствования Иосифа Франция была так парализована внутренней борьбой и кризисами, предшествовавшими революции, что практически она не вела больше никакой активной внешней политики.

¹ Оценка автора не совсем точна. Русско-турецкая война 1787—1791 г. закончилась Ясским миром, который дал России огромную территорию между Южным Бугом и Днестром и признал присоединение Крыма к России. Что касается Австрии, то она, заключив в 1790 г. сепаратный мир с турками, действительно ничего не получила. — *Прим. ред.*

Глава IV

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИИ

Промышленная революция

Долгое время казалось, что крупные династии, создавшие свои государства, прочно владеют ими и что расстановка сил в Европе не может существенно измениться. Но французская революция, начавшаяся в 1789 г., открыла новую эпоху, в течение которой карта Европы совершенно изменилась. Экономические и общественные перемены, вызванные этой революцией, почти повсюду рано или поздно привели к большим политическим переворотам.

Уже в течение XVIII в. новая буржуазия начала во многих странах отстаивать свои права и намечать в политико-экономических сочинениях, политических и философских трактатах контуры будущего государства — буржуазного государства. Во второй трети XVIII в. начался процесс, который быстро привел к возникновению такого государства. Этот процесс назывался «промышленной революцией».

Перевод большей части производства в стране с ручного на машинный труд как раз и являлся процессом промышленной революции. Этот процесс не был молниеносным. В Англии промышленная революция длилась со второй половины XVIII в. до 40-х годов XIX в., во Франции она была завершена примерно в то же время, в Америке — в 60-х годах XIX в. В Австрии окончание промышленной революции можно приурочить, в лучшем случае, примерно к 1870 г.

Промышленная революция изменила жизнь людей и преобразила страну. Поток товаров, хлынувший с фабрик, привел к тому, что многие предметы, ранее бывшие доступными только небольшому слою богачей, сделались дешевыми и почти все население могло приобретать их. Особенно заметным это было в производстве текстильных товаров, вырабатываемых теперь фабричным способом; эти товары в несколько лет вытеснили изделия, изготовлявшиеся вручную. Хлопчатобумажные ткани, например, еще недавно бывшие предметом роскоши, сделались теперь «дешевым товаром»; кожаную обувь, ношение которой являлось ранее привилегией зажиточных людей стало покупать значительно большее число людей. Скоро возникла необходимость в создании дешевого транспорта, обеспечивающего более быстрые перевозки товаров, и подобно тому как в эпоху мануфактуры была создана сеть кана-

лов, так теперь каждая страна начала покрываться сетью железных дорог. Быстро росли города, и вокруг фабрик, возникавших преимущественно в сельских местностях, где была дешевая рабочая сила, вскоре возникли новые города. Количество сельского населения уменьшилось. Новая промышленность нуждалась в людях, и из деревень людской поток устремился в город.

Менялся не только внешний облик страны, но и классовый состав общества. В предшествовавшем столетии в каждой стране имелись следующие группы: дворянство и духовенство; становавшаяся все более влиятельной, но количественно сравнительно небольшая группа городской буржуазии, которая хотя и сильно выросла в эпоху мануфактуры, но все же еще продолжала находиться под влиянием буржуазной верхушки, связанной с короной и дворянством; имелся также небольшой слой ремесленников и мануфактурных рабочих и масса крестьян. Часть рабочих мануфактур составляли крестьяне, работавшие ради приработка на фабриках или в качестве рабочих-надомников.

После промышленной революции соотношение классов изменилось. Если развитие протекало нормально, дворянство рано или поздно теряло свое значение, а также очень сильно сокращалось численно. Ведущим классом стала буржуазия; соотношение сил внутри этого класса изменилось: прежняя крупная буржуазия стала меньшинством. В ходе промышленного развития в короткий срок многие тысячи мелких ремесленников, спекулянтов, предпринимателей, даже рабочих сделались владельцами фабрик — хозяевами сперва маленьких мастерских, которые затем, через несколько лет, благодаря быстрому развитию производства, превращались в крупные предприятия. Число крестьян уменьшалось.

С развитием промышленности возник новый класс. Жизнь, желания и деятельность этого нового класса определялись его особым положением в новом обществе. Это были рабочие или, как говорят теперь, промышленный пролетариат.

И раньше имелись рабочие, трудившиеся в шахтах, на железообрабатывающих и сталелитейных предприятиях и мануфактурах. Давно уже были известны ремесленники, главным образом подмастерья, которые, как казалось на первый взгляд, тоже были рабочими. Но между ними и новыми промышленными рабочими имелось существенное различие.

О промышленном рабочем говорят, что это «ремесленник, у которого отняли его орудия труда». В период промышленной революции орудия труда портного и сапожника, кузнеца и ткача были сравнительно несложны и дешевы. В подавляющем большинстве случаев они принадлежали ему лично и каждый ремесленник мог, имея материал, сам изготовлять и продавать товары.

Когда же на место ручного инструмента пришла машина, большой и сложный механизм, приобретение которого стоило целого

состояния и который, одиночка большей частью, не мог ни установить, ни обслуживать, то с относительной свободой ремесленника было покончено. Механизм этот сделался собственностью фабриканта, и фабрикант нанимал рабочего, чтобы он обслуживал его машину. Рабочий, уже распродавший свои холсты, свои косы и топоры, продавал теперь свою рабочую силу — единственное, что у него осталось. И если ему не нравились условия работы, если заработная плата была слишком низкой, а рабочий день — слишком продолжительным, он все равно ничего уже не мог поделать. Только относительно небольшая группа людей — фабриканты — владела орудиями труда, и они вскоре договорились между собой, сколько платить рабочим, чтобы не набивать цену. Если же фабриканты не делали этого, то размеры заработной платы устанавливало государство, это было во времена, когда экономика находилась под контролем абсолютистского государства.

Новый промышленный рабочий фактически не был свободным. В первые десятилетия развития промышленности жизнь фабричных рабочих была полностью регламентирована. Была установлена не только продолжительность рабочего дня — двенадцать, а иногда и четырнадцать часов в сутки, причем рабочим нередко приходилось работать семь дней в неделю, — фабрикант часто определял даже место жительства рабочих, принуждая их жить в фабричных бараках, покупать все необходимое для жизни в принадлежащих им лавках по установленным им ценам; фабрикант принуждал работать не только самого рабочего, но и его семью, — жену, а затем и детей, он устанавливал высокие денежные штрафы, а иногда и физические наказания за «нарушение фабричной дисциплины».

Чем меньшую заработную плату фабрикант платил рабочему, тем больше оставалось ему от продажи товаров. Но снижение заработной платы не могло быть безгранично: фабрикант должен был платить рабочему столько, сколько необходимо для воспроизводства рабочей силы, то есть чтобы рабочий мог жить и питаться, мог обзавестись семьей, иметь и воспитывать детей, которые через 15 или 20 лет составили бы новую рабочую силу. Но даже и этот минимум, необходимый рабочему, в начальный период промышленного развития не соблюдался.

Заработная плата была настолько низкой, что рабочий буквально голодал, в тридцать лет выглядел стариком, в сорок умирал от истощения и изнеможения. Вскоре фабрикант стал вместо взрослых рабочих нанимать детей, которым он платил гораздо меньше, чем взрослым. В первые десятилетия промышленного развития в угольных шахтах и на текстильных фабриках нередко работали шести-восьмилетние дети; на некоторых текстильных предприятиях имелись целые отделения, обслуживавшиеся только детьми. Все это обосновывалось соображениями «гуманности»:

текстильные фабриканты, например, заявляли, что работа заменяет детям обучение в школе, приучает их к честному труду и предохраняет от безнадзорности на улице, где они якобы подвергаются большим опасностям физического и морального порядка; кроме того, работа, как они говорили, доставляет детям удовольствие. Нашлось немало газетных писак, которые унизились до того, что расписывали в лирических тонах, как дети на текстильных фабриках, смеясь и резвясь, занимаются лощением волокон или подготовкой веретен, что представляет своего рода игру. В действительности дети, большей частью вынужденные работать в жарком, душном фабричном помещении с шести часов утра до восьми вечера, через короткое время становились похожими на маленьких старичков, многие из них умирали в 14—15 лет от туберкулеза. Только когда первый бурный этап в развитии промышленности закончился, буржуазия сама начала высказываться против неограниченной эксплуатации рабочих и против широкого применения детского труда, так как хищническое использование силы рабочих и рабочей смены в конце концов могло принести промышленности значительный вред.

Однако решающее значение в этом вопросе имело сопротивление самих рабочих, сделавшееся ощутимым в начале XIX в. Вместе с прогрессивным ходом промышленного развития изменились не только производство и весь облик страны, но и сами рабочие.

И человек из деревни, и ремесленный подмастерье, уходивший на фабрику, так как у него не оставалось никаких надежд сделаться мастером, — и тот и другой вначале терялись в новых фабричных залах с новыми машинами. Они позволяли себя эксплуатировать, молча получали свою ничтожную заработную плату и робко высказывали свое недовольство, когда им приходилось отдавать большую часть заработанных денег за продукты и ненужные им товары, которые фабриканты заставляли их покупать втридорога в открытых ими фабричных лавках. Этот человек из деревни, привыкший в одиночку обрабатывать свое поле, или ремесленник, также привыкший работать в одиночку или вместе с немногими другими подмастерьями, на фабрике работал теперь плечом к плечу со многими другими, такими же, как и он, рабочими. Он понял уже, что легче работать, если несколько человек делят труд между собой и дополняют работу друг друга. На фабрике он понял, что сообща можно сделать много больше, чем в одиночку; здесь же он понял, что колеса могут вращаться только в том случае, если он и его товарищи приведут их в движение, и что в их власти остановить эти колеса.

Уже в мануфактурный период рабочие начали кое-где сообща бороться против особенно тяжелых условий труда, против непомерно низкой заработной платы. В австрийской горной промышленности, где сама специфика производства потребовала раньше,

чем где-либо, совместной работы многих людей, уже в XVI и XVII вв. происходили забастовки рудокопов.

В XVIII в., особенно во второй половине столетия, нередко происходили забастовки на текстильных мануфактурах, на верфях, забастовки стеклодувов, печатников и даже рабочих государственных фарфоровых мануфактур. В большинстве трудов, касающихся предистории рабочего движения, упоминаются главным образом ранние выступления рабочих во Франции, в Англии и в Северной Италии. В Австрии забастовки также не были редкостью. На крупной государственной текстильной мануфактуре в Линце неоднократно происходили выступления против низкой заработной платы. В чешских текстильных районах социальные требования полукрестьянских рабочих-наемников часто сливались с требованиями крестьян, выступавших против барщины и дворянского угнетения. Рабочие верфей и гавани Триест уже в XVIII в. считались «бунтовщиками». Подобные выступления были нередким явлением, но спаянности и крепкой организации у рабочих не было. Рабочие предъявляли совместные требования, вместе бастовали, но как только борьба заканчивалась, каждый снова шел своим собственным путем. Эти, большей частью стихийные, совместные выступления нашли свое наиболее яркое выражение в демонстрациях безработных в предмартовские дни (в 1830—1848 гг.), в прекращении работы на предприятиях в крупных городах в знак протеста против повышения цен в 40-е годы и в выступлениях разрушителей машин во всей Европе. Движение разрушителей машин большей частью возникало стихийно, но в некоторых странах, например в Англии, для борьбы с машинами рабочие образовывали даже тайные общества. Рабочие, главным образом надомники и ремесленники мануфактурных предприятий, думали, что виновниками их бедствий являются не фабриканты, а новые машины, «орудия дьявола», как их, например, называли в некоторых частях Австрии; исходя из этих соображений рабочие решали делать все возможное, чтобы мешать пуску машин, разбивали их или приводили в негодность, а то и сжигали всю фабрику вместе с машинами. Однако движение разрушителей машин было непродолжительным. Рабочие вскоре увидели, что, действуя таким образом, они не могут помешать индустриализации, а по мере роста сознательности и опыта они поняли далее, что машина, бывшая сегодня их врагом, завтра может стать их другом.

Рабочий, вместе со своими товарищами сумевший добиться улучшения своего положения на фабрике, рано или поздно должен был прийти к выводу, что у всех рабочих имеются общие интересы и что необходимо создать прочное объединение рабочих, которое могло бы защищать их интересы. Наибольшее значение вначале, естественно, имели экономические вопросы. Рабочий,

выступающий в одиночку против фабриканта, владевшего средствами производства, был фактически безоружен.

Рабочие поняли, что успех возможен только в том случае, если они будут действовать сообща и не будут позволять фабрикантам увольнять недовольных и ставить на их место других. Поэтому первые рабочие объединения были объединениями профессионального характера, ставившими своей целью борьбу за улучшение условий труда, за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня (требование двенадцатичасового рабочего дня в начале XIX в. считалось далеко идущим требованием), за отмену системы фабричных лавок, запрещение физических наказаний и т. п. Первыми рабочими, вступившими в такие объединения, были наиболее образованные, передовые, квалифицированные рабочие — в большинстве стран это были печатники; через некоторое время стали выступать и рабочие других, менее квалифицированных профессий. Первые объединения возникли во Франции в 70-х годах XVIII в.; в Австрии они возникли в 1848 г.

Профессиональные объединения на первых порах были только формой, которую принимала борьба рабочих за свои экономические интересы. Но вскоре они переросли стадию чисто «экономического» движения, боровшегося только за экономические улучшения и не выступавшего против господствовавшего общественного строя.

Капитализм еще только поднимался, и его представители, его поборники заявляли, что с победой капитализма настанут новые, лучшие времена, что капиталистическая система окажется лучшим строем и будет вечной. Внешне казалось, что это так. Разве не представители буржуазии боролись за свободу и права личности, за человеческое достоинство? Но фабричный рабочий уже смутно чувствовал здесь фальшь. По мере роста индустриализации он все больше чувствовал, что свобода пришла не для него, что новое развитие покупается ценой его голодания, его лишений, его неволи. Разве нельзя создать лучший строй, при котором все люди были бы действительно свободны, разве нельзя создать более разумную систему, без голода и нужды? Представители новой буржуазии провозгласили великий принцип: тому, кто работает, должны принадлежать плоды его трудов. Буржуазия выступала с таким лозунгом против привилегированного класса — дворянства, имевшего нетрудовой доход, жившего за счет работы крестьян, но молодой рабочий класс, конечно, распространял это требование и на себя — плоды трудов должны принадлежать тому, кто работает. Рабочий видел, что он работает больше, чем кто-либо другой, и все же голодает, что своим трудом и мастерством он каждый день создает богатства, а сам остается нищим. Он начал требовать той справедливости, о которой часто говорила молодая буржуазия.

Рабочий постепенно стал понимать, какие возможности открывает перед ним машина. Началось развитие, которое могло бы принести человечеству богатство и счастье. Машину, которая производила ежедневно сорок метров сукна, можно улучшить и перестроить так, чтобы она давала восемьдесят, сто и сто двадцать метров. Должен настать день, когда человек покорит силы природы и создаст достаточно ценностей, чтобы все люди получали все необходимое. Такое развитие уже началось, но хотя поток товаров все увеличивался, человек, производивший товары, не получал ничего или почти ничего. Мир становился богаче, а рабочий между тем становился беднее.

Сначала рабочие и их представители предполагали, что при организации нового общества была допущена ошибка, и требовали от буржуазии, от новых господ, чтобы они помогли восторжествовать справедливости и создать мир изобилия и счастья для всех. Но вскоре стало ясно, что буржуазия вовсе не собиралась создавать такой мир, что это противоречило бы ее целям и интересам. Если бы фабриканты собирались сделать такой мир реальностью, они должны были бы объединиться и совместно, в интересах всего народа и на общее благо, планировать производство, чтобы новая промышленность изготовляла столько обуви и одежды, строила столько домов и столько кораблей, сколько нужно людям — не больше и не меньше.

Но фабриканты не были намерены действовать сообща во имя всеобщего блага. Напротив, их принципом была «свободная конкуренция», борьба всех против всех, в которой в конце концов победителем оказывался сильнейший. Постепенно рабочие поняли, что суть дела не в моральных качествах каждого отдельного фабриканта, действующего в соответствии с этими качествами, а в структуре буржуазного общества, построенного на эксплуатации и погоне за прибылью, на конкуренции и борьбе, в которой побеждал тот, кто владел большим количеством машин и земли, то есть имел средства производства, и мог заставить поэтому работать на себя наибольшее число людей за наименьшую плату.

Кто же в состоянии создать этот новый мир, о котором рабочие мечтали? Рабочий понял, что этот мир он должен создать сам, своими руками. Рабочий взглянул на кусок ткани, им изготовленный. Кто соткал его? Рабочий — правда, с помощью машины. Но кто построил машины? Снова рабочий человек: изобретатель, который сконструировал ее, чертежник, сделавший чертеж, человек, который превратил кусок бесформенного металла в живой и тонкий механизм машины. Откуда взялось сырье? Его добыл тот же трудящийся человек: крестьянин в колониях, вырастивший хлопок, сборщик хлопка, снявший его с кустов, моряк, доставивший его в Европу. Фабрикант владел машинами, помещик — землей или рудой в недрах земли, но только человеческий труд превратил все

это в ценности. Собственники использовали этот труд не для общего, а для своего личного блага. Логическим следствием был вывод: только тогда, когда земля и недра земли, машины и фабрики станут общим достоянием, они будут работать на общее благо, а не на отдельных собственников.

Как же достигнуть этого? Многие представители рабочего класса пытались разъяснить буржуазии, что передача средств производства обществу — в ее собственных интересах. Однако оказалось, что уговоры — «просвещение», как тогда говорили — имели не слишком большой успех. Представители буржуазии отбрасывали аргументы «просветителей» как «утопию»; там, где буржуазия была у власти, представители рабочих как «агитаторы» были посажены в тюрьму, и все осталось по-старому. Постепенно рабочие осознали, что со стороны буржуазии, даже самой радикальной и просвещенной, им нечего ожидать помощи. Постепенно они осознали, что лишь они сами — единственный не заинтересованный в эксплуатации других людей класс, что лишь они сами, оценившие на фабриках и в процессе борьбы значение коллективной, осуществляемой по единому плану работы, усвоившие принцип «один за всех, все за одного», — могут создать этот мир, создать в борьбе с буржуазией новое общество, в котором власть будет принадлежать рабочим. Создание этого нового общества — социалистического общества, как тогда стали его называть — было в интересах всех рабочих, не только рабочих одной страны, но рабочих всего мира. Поэтому рабочие должны были объединиться в борьбе, не считаясь с границами страны¹.

В 1848 г., когда по всей Европе велись последние крупные бои за свержение абсолютизма, за создание буржуазных государств, появилось великое произведение, в котором была изложена программа и теоретические основы борьбы рабочего класса, которое с тех пор стало теоретической основой и программой рабочего движения во всем мире, — «Манифест коммунистической партии».

---

¹ Е. Пристер в основном правильно и популярно изложила процесс осознания рабочими своей роли, постепенный процесс роста классового самосознания. Но, стремясь к популяризации, автор представил этот процесс как самостоятельный, вне связи с деятельностью К. Маркса и Ф. Энгельса. Автор говорит далее о К. Марксе и Ф. Энгельсе, о «Манифесте коммунистической партии» как о чем-то шедшем параллельно с развитием сознания рабочего класса, и толкает тем самым читателя на неверную мысль о том, что «Манифест» якобы является обобщением того, к чему уже пришли рабочие. Одно из главных положений марксизма-ленинизма состоит в том, что рабочий класс стихийно тянется к социализму, но социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубоких научных знаний, и поэтому оно не может быть выработано самими рабочими, а привносится извне, что носителем его является интеллигенция и что эту роль и выполняли К. Маркс и Ф. Энгельс, создавшие научный социализм и внесшие его в сознание пролетариата. (См. В. И. Ленин, «Что делать?», И. В. Сталин, «Коротко о партийных разногласиях» и «Ответ «социал-демократу».) — *Прим. ред.*

Авторами его были великие теоретики и вожди рабочего движения Карл Маркс и Фридрих Энгельс. В «Манифесте коммунистической партии» неопровержимо доказано, что социализм является не мечтой и утопией, а неизбежным результатом развития современного капитализма, что капиталистический строй должен пережить периоды своего подъема, своего расцвета и своей гибели, как и феодализм пережил свой подъем и гибель. В «Манифесте коммунистической партии» указано, что в недрах капитализма созданы силы, которые положат ему конец, что из этих сил вырос «могильщик» капитализма — пролетариат. «Манифест» провозгласил, что пролетариат должен объединиться для решительных боев, что переход к социализму мирным, постепенным путем невозможен и что только классовая борьба рабочих, что только пролетарская революция и завоевание власти пролетариатом могут привести к созданию нового общества и в то же время закрепить победу. Освобождение рабочего класса, пишут Маркс и Энгельс, должно быть делом самого рабочего класса. «Манифест коммунистической партии» заканчивается словами, сделавшимися широко известными во всем мире: «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Через несколько лет после появления «Манифеста коммунистической партии» была основана первая международная организация рабочих — I Интернационал.

Рабочее движение зарождалось в то время, когда буржуазная революция победила еще далеко не во всех странах. Во многих странах еще господствовал абсолютизм и буржуазия боролась за политическую власть. Теперь буржуазия стала бороться с абсолютизмом не одна. Рабочий класс, который был заинтересован в свержении абсолютной монархии, в установлении буржуазных прав и свобод, в победе новой буржуазной демократии, примерно с 20-х годов XIX в. начал принимать все большее участие в борьбе — сначала следуя за буржуазией, а затем как самостоятельная сила. Это обстоятельство решающим образом повлияло на ход буржуазной революции XIX в.

Выше уже говорилось, почему буржуазия стремилась свергнуть абсолютизм и создать свое собственное государство. В 1789 г. промышленная революция только начиналась. По мере ее развития переход политической власти в руки буржуазии становился жизненной необходимостью во всех странах. Там, где буржуазия завоевала власть, она расчистила путь для дальнейшего экономического развития; там, где этого не произошло, возникла опасность, что абсолютизм задушит экономическое развитие и промышленная революция в конце концов будет совершенно невозможна. Абсолютизм помог в создании мануфактурного производства; в высшей точке его развития, при переходе к промышленному производству, он сделался излишним, а в период промышлен-

ного развития он сделался совершенно непереносимым. Система, при которой все еще были в силе экономические преимущества дворянства, в период высшего развития мануфактуры стала обременительной. Тридцать лет спустя она сделалась роковой.

Уже в мануфактурный период капитализм для получения рабочей силы из деревни нуждался в отмене крепостного права. Но в этот период сравнительно небольшое число требовавшихся рабочих можно было при известных условиях найти и при частичном сохранении помещичьего землевладения. В период начавшегося развития индустрии, требовавшей огромного количества рабочей силы, это сделалось невозможным. Ожидать заключения каких-либо компромиссов с дворянством было нельзя, так как рабочие требовались срочно. В мануфактурный период можно было осуществлять экономическую политику, которая учитывала интересы дворянства. При этой политике цены на сельскохозяйственные продукты поддерживались на высоком уровне, и для их сохранения были установлены покровительственные пошлины на продовольствие. В период развития промышленности такая политика была уже невозможной. Промышленный капитализм мог развиваться и побеждать своих конкурентов, особенно зарубежных, в то время, когда заработная плата, производственные расходы были низкими. Однако низкий уровень заработной платы был невозможен, если хлеб был дорог, если цены на сельскохозяйственные продукты искусственно поддерживались на высоком уровне. Заставить же абсолютистское правительство отказаться от его политики поддержки дворянства было нельзя, так как оно было тесно связано с помещичьим землевладением.

В мануфактурный период вмешательство государства в экономические вопросы было необходимым, развитие же промышленности могло быть осуществлено только при условии невмешательства абсолютистского государства. Еще при Иосифе II в Австрии существовали инструкции — какие товары разрешалось производить в стране и какие разрешалось импортировать. В годы правления Иосифа II не раз публично сжигались импортированные, несмотря на запрещение, ткани и уничтожались товары, не отвечающие размерам и нормам, установленным правительством. Во времена развивавшегося промышленного капитализма с его принципом свободного предпринимательства, которое не должно было быть стесняемо ни пошлинами, ни государственными предписаниями, с его разнообразным, увеличивавшимся и разраставшимся с каждым днем производством, всякое вмешательство государства сдерживало бы рост промышленности. Если бы сравнительно тяжелый на подъем государственный аппарат абсолютизма пришел в движение, начал бы подвергать экспертизе новые товары и решать вопрос о допустимости их изготовления, то фабрика, занятая их производством, успела бы обанкротиться. Абсолютистское госу-

дарство не могло действовать быстро, этого не позволяла его структура; промышленность развивалась много быстрее. А с 1800 по 1815 г. абсолютизм вообще двигался только назад.

Следовательно, буржуазия должна была взять власть. Но и захват власти буржуазией не сразу решил дело. В 1789 г., в начале французской революции, буржуазия сплоченно выступила против короны и дворянства. Но буржуазия не была единой. Очень скоро в ее лагере обозначились две группы — правое и левое крыло: «жирондисты» и «якобинцы», как их называли во Франции, «умеренные либералы» и «радикалы», как они были названы в других странах и в другое время.

Не во всех странах общественное развитие шло так же, как во Франции, не везде буржуазия свергла монархию до того, как раскололась на соперничающие группировки. В некоторых странах процесс расслоения внутри буржуазии произошел еще до революции. Чтобы капитализм мог развиваться дальше, чтобы промышленная революция могла быть доведена до конца, абсолютизм должен был быть свергнут. Если же он сохранялся, то экономический рост страны замедлялся, страна превращалась в экономически отсталую страну и в конце концов попадала в зависимость от тех государств, в которых промышленный капитализм развивался более гладко и беспрепятственно.

В экономическом развитии некоторых стран в начале XIX в. произошел серьезный перелом. В период мануфактуры в XVIII в. казалось, что развитие той или иной страны происходит нормально. Затем, сначала едва заметно, наступает спад — рост производства замедляется и вскоре почти останавливается. Казалось, будто страна не может набраться сил, чтобы шагнуть на следующую ступень экономического развития. Быть может, нехватало угля, руды, того сырья, в котором нуждалась новая промышленность? Быть может, страна была слишком удалена от морских берегов, имела мало гаваней и дорог? Быть может, ее жители были менее трудолюбивы и искусны, чем другие? Трудно указать причины, но факт остается фактом. За несколько десятилетий страна оказывается далеко отставшей от других стран.

Одной из таких отставших стран была Австрия.

В 80-х годах XVIII и в начале XIX в. экономическое развитие Австрии шло быстрыми темпами. Экономическая политика эпохи Марии Терезии и Иосифа сказалась в подъеме мануфактуры. Чехия, Моравия, Нижняя Австрия были главными районами мануфактурного производства. Так, в 1782 г. одна только Моравия экспортировала на Восток на два миллиона гульденов сукна. В том же году было экспортировано в средневосточные страны товаров на восемь миллионов гульденов. Правда, импорт оттуда почти в два раза превышал эту цифру, но весь импорт состоял большей

частью из хлопка, который перерабатывался в Австрии и частично снова вывозился в виде готовых тканей.

Другим центром текстильного производства — важнейшего, наиболее развитого производства того времени — являлся Линц. Текстильная мануфактура в Линце — сначала государственная, а потом полугосударственная — по своим размерам несколько выходила за обычные рамки; но она была необычной только в сравнении с мелкими предприятиями, вообще же в Австрии она не являлась исключительным явлением. В Чехии и Моравии было несколько фабрик, на которых работало почти столько же рабочих и производилось столько же, а позднее даже больше продукции, чем в Линце. Всего в австрийской текстильной промышленности в 1805 г. было занято 170 тыс. рабочих. Один из писателей того времени, посетивший примерно в 1800 г. мануфактуру в Линце, так описывает ее:

«Главный корпус фабрики находится в пяти саженях от рукава Дуная; этот рукав вместе с главным руслом реки образует из противоположащего луга остров; здание фабрики украшает фасад с двумя великолепными парадными воротами для въезда. На той части здания, которая обращена на северо-восток, в 1773 г. был надстроен второй этаж. Там находятся красильня, материальный склад и аппретурные машины. Наконец, следует упомянуть о тянущихся вокруг всего этого здания сушильнях для шерсти. В 1753 г. была построена сучильня. В ней находятся десять сучильных станков, построенных по итальянскому образцу, устанавливавшихся постепенно, начиная с 1774 г. Каждый из них имеет 360 шпуль и легко приводится в движение одним человеком... В 1764 г. была построена новая красильня. Чесальня, шерстомойка и стоящая рядом новая сушильня имеют в длину 29 саженей и три с половиной фута (около 52 м). Чесальня состоит из двух очень больших мастерских, в которых постоянно работает около 400 человек... Вся площадь, занимаемая фабрикой, в длину равняется 218 саженям (около 380 м), в ширину в большинстве мест достигает 56 саженей (около 98 м)».

Вся фабрика, здание которой в конце XVIII в. было еще надстроено (третий этаж), занимала около 90 тыс. кв. метров. Даже по современным масштабам она может считаться крупным предприятием. Значительным было и количество занятых рабочих. В цитированном выше описании фабрики говорится:

«Число фабричных рабочих в 1780 г. было: сортировщиков шерсти — 80, чесальщиков — 400, прокатчиков — 10, шерстобитов — 14, намотчиков, крутильщиков и мотальщиц шелка — 1046, сучильщиков, сортировщиков и сновальщиков — 130, помощников красильщиков — 57, помощников прессовщиков — 68, мойщиков шерсти и сукновалов — 12.

Число ткачей-мастеров было, приблизительно на девятьсот ткацких станков — 519 мастеров и 338 подмастерьев, и так как для каждого станка требуется по меньшей мере один подручный для зарядки челноков, наряду с мастерами и подмастерьями занято постоянно работой еще 900 подручных.

Прокатчики, чесальщики, шерстобиты, мойщики шерсти и пряжи, намотчики, сучильщики, ткачи оплачиваются сдельно. На недельной оплате находятся сортировщики шерсти, мойщики и валяльщики, помощники прессовщиков и красильщиков, все сортировщики-штопальщики, рабочие прядильни и сновальщики».

В том же описании говорится: «Число ткачей в Австрии, работающих на селе, а также прядильщиков, занятых на двадцати четырех расположенных в различных австрийских областях прядильных факториях, составляет 10 850 человек.

Наряду с чешским текстильным ремесленным производством в Эгере, Кенигсберге и Гассенгрюне, где работой на фабрике занято около 60 мастеров, в девяти прядильных факториях, сооруженных в разных районах, имеется еще 10 091 прядильщик.

В Моравии в районе от Цнайма до Ольмюцта насчитывается 2172 прядильщика. Весь персонал, работающий на «императорскую и королевскую» фабрику и добывающий тем средства на пропитание, состоит из 25 990 человек. (Имеется в виду персонал, занятый на всех предприятиях мануфактуры, которая представляла собой своего рода центральную фабрику со своими филиалами.)

Основное сырье, каким является неочищенная овечья шерсть, перерабатываемая в количестве свыше пяти тысяч центнеров ежегодно, большей частью поступает из Баната, Валахии, Сербии, Болгарии и Венгрии. Кроме немногих красителей, которые не производятся в австрийских землях и выписываются непосредственно из Голландии и Франции, все остальные добываются внутри страны».

Для мануфактурного периода это предприятие было весьма крупным; количество производившихся в монархии тканей и количество занятых в стране рабочих даже по западноевропейским представлениям было довольно значительным.

Экономическое развитие Австрии в конце XVIII в. можно проиллюстрировать также на примере города Вены. В конце XVII в. в Вене было 70 тыс. жителей, в конце XVIII в. — 190 тыс. Этот рост населения Вены продолжался, и в 1848 г. число жителей превысило уже 400 тыс. человек. Почти половина прироста падает на время после 1810 г., когда в Вену переселилось большое число жителей других земель монархии, главным образом чехов.

Новые жители работали в Вене в качестве чиновников, ремесленников, обслуживали новую бюрократию, банкиров и спекулянтов; часть из них являлась новыми богачами столицы. В городе

селились также рабочие мануфактурных предприятий. Об этом свидетельствует рост отдельных частей города. В центральной части города, где размещались различные учреждения и где жили богачи, число домов с 1780 по 1820 г. несколько уменьшилось, тогда как в новых промышленных районах количество жилых домов быстро росло. В Леопольдштадте количество домов увеличилось с 410 до 600, в Видене — с 368 до 589, в Маргаретене — с 86 до 170, в Альт-Лерхенфельде — с 182 до 231, в Гумпендорфе — со 139 до 320. Одновременно — и это тоже было признаком роста и развития Вены — земельные участки сильно вздорожали, и вследствие этого дома стали расти в высоту. В 1795 г. в центральной части города было 42 одноэтажных, 188 двухэтажных, 457 трехэтажных, 376 четырехэтажных домов и 51 пятиэтажный дом. За сто лет до этого было 128 одноэтажных, 443 двухэтажных, 26 четырехэтажных домов и только один пятиэтажный дом. Если в XVII в. в каждом доме большей частью жила одна, самое большее — две семьи, то в конце XVIII в. уже возникло понятие «жилой казармы» — дома с десятками жителей, а на рубеже столетия уже издавались предписания, воспрещающие перенаселение зданий.

В 1770 г. число фабрик в Вене было еще невелико. В Вене имелись мастерские для изготовления искусственных цветов на Лауренцербастьян, несколько фабрик хлопчатобумажных тканей в Видене, гипса — у Кернтнерторбрюкке, кожаных изделий на Винфлюс, золотой канители и вышивок золотом в Маргаретене, шелковых товаров в третьем районе, в Мариахильфе и в Леопольдштадте. В 1795 г. список фабрик в Вене выглядел следующим образом:

29 шелковых фабрик (с 300 станками), 19 ленточных фабрик, 12 фабрик, вырабатывающих кожи, 4 хлопчатобумажных фабрики, 6 фабрик льняных товаров, 7 пуговичных фабрик, 5 фабрик металлических изделий (из стали), 16 фабрик различных галантерейных товаров (кружева, искусственные цветы, веера и т. п.) и 9 бумажных фабрик.

Примерно такое же положение существовало и в других городах австрийских земель, прежде всего в Чехии и Моравии.

Но процесс промышленного развития в Австрии не достиг таких результатов, как в некоторых других странах. Было бы естественно, если бы в начале XIX в. после начавшегося роста легкой промышленности (изготовление текстиля и предметов потребления) в Австрии стала развиваться и тяжелая промышленность (угольная, железная, транспортная), так как переход к промышленному производству означал прежде всего переход к строительству машин, к использованию в новой промышленности угля, новых дешевых транспортных средств — паровых судов и железных дорог.

В 1802 г. в Англии был сконструирован первый паровой локомотив, через двадцать лет были построены первые железные дороги. Уже в начале века в Австрии поднимался вопрос о постройке железных дорог, но только в 1825 г. было основано «Первое императорско-королевское частное железнодорожное общество». Однако его основание не привело к практическим результатам. Ни государство, ни крупные банкиры вначале не хотели вкладывать деньги в строительство железных дорог, а оно требовало огромного капитала, который не мог быть собран несколькими частными лицами. Наконец, в 1832 г. была введена в эксплуатацию первая (частная) железнодорожная линия между Линцем и Будвейсом, протяжением в 27 км, а через пять лет — линия Прага — Лан. Следующая линия — Вена — Брук, длиной всего 9,6 км, была готова только в 1846 г. До 1846 г., исключительно на частные средства, было проложено всего 148,4 км железнодорожных путей. Государство продолжало отказываться от участия в строительстве железных дорог и даже не поддерживало строительства. Какую позицию занимало в этом вопросе правительство, можно проиллюстрировать следующим эпизодом: на просьбу Ротшильда предоставить ему концессию на строительство железной дороги император Фердинанд ответил: «Как, вы хотите строить железную дорогу? Для чего? Каждый день я вижу прибывающий из Каграна дилижанс, и никогда он не бывает полным». Император Фердинанд не отличался умом, но в Австрии многие министры и высшие чиновники рассуждали точно так же. Только в середине 30-х годов строительством железных дорог начала заниматься крупная буржуазия, преимущественно крупные частные банки, прежде всего — основанный в 1816 г. Венский банк Соломона Ротшильда и Банкирский дом «Ариштейн и Эскелес», принадлежавший Людвигу Перейра. В 1836 г. Ротшильд основал общество для постройки железной дороги Вена — Краков, получившей название «Северной железной дороги императора Фердинанда». Любопытно, что членами правления этого акционерного общества были почти исключительно банкиры и дворяне, в правлении совершенно не было фабрикантов. Однако буржуазия уже интересовалась постройкой железных дорог. Об этом свидетельствует выпуск акций новой дороги. Для ее основания требовалось одиннадцать миллионов гульденов, но уже через несколько месяцев был собран капитал в 27 млн. гульденов. Дорога, строительство которой было окончено в 1855 г., проходила через владения крупнейшего мегаллургического предприятия монархии — пущенного в ход в 1829 г. металлургического завода в Витковицах, владельцем которого позднее сделался Ротшильд.

В 1842 г. государство приняло на себя строительство железных дорог, не препятствуя в то же время строительству дорог частными лицами. Имелось в виду своего рода разделение труда: частные

общества должны были строить дороги главным образом для промышленных целей, например для транспортировки руды, угля и т. п., государство — для стратегических целей. Естественно, что на практике не удалось осуществить такое разделение. Государство строило железные дороги так же медленно, вернее говоря — еще медленнее, чем частные фирмы. В течение нескольких лет, пока в правительстве находился бывший президент «Триестинского Ллойда»¹ Брук, представитель передовой части буржуазии, строительство шло несколько быстрее и энергичнее, были ассигнованы несколько большие суммы, выпускались акции и, таким образом, к участию в строительстве привлекалось больше людей. Но Брук и его группа были смещены, и постройка дорог снова приостановилась. В 1854 г. в эксплуатации было всего 416 км железных дорог. В то же время в Америке было 4 тыс. км железнодорожных линий, в Англии, которая начала строительство дорог не намного раньше, чем Австрия, — 3200 км.

Сооружение железных дорог стоит больших денег и должно вестись в крупных масштабах. Оно могло быть осуществлено, если бы государство вело строительство железных дорог, отпуская на это крупные средства не скупясь, или если бы оно широко привлекало к участию в строительстве различные группы буржуазии и поощряло капиталистов вкладывать в него свои деньги. Но австрийское государство не делало этого. Экономическая и финансовая политика Иосифа II уже отошла в прошлое, и в начале XIX в. финансовое положение австрийского государства было настолько скверным, что в 1809 г., после Наполеоновских войн, Австрия вынуждена была объявить о государственном банкротстве и провести девальвацию. Позднее Австрия все время находилась на грани банкротства, и естественно, что на строительство железных дорог денег не было. С другой стороны, правительство не хотело допускать к строительству новые группы буржуазии, так как рассчитывало, что со временем железные дороги принесут доход.

Императоры Франц и Фердинанд не могли одним росчерком пера аннулировать то, что было сделано при Марии Терезии и Иосифе. Они уже не могли править, даже если бы и захотели этого, только в интересах дворянства, сохранения его экономических привилегий, они вынуждены были больше привлекать буржуазию. Так, они допустили к сотрудничеству старейшую, консервативнейшую и одновременно богатейшую группу буржуазии, так сказать, австрийскую жиронду, не торговцев и монополистов, как раньше, а финансистов и банкиров². До 1809 г. борьба шла в этом

¹ Крупнейшая мореплавательная компания, основанная в 1833 г. в г. Триесте. — *Прим. ред.*

² К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Революция и контрреволюция в Германии» следующим образом охарактеризовали классовую основу и политику меттерниховского режима: «Правление князя Меттерниха основывалось на

направлении, затем вопрос был решен созданием правительства Меттерниха, которое было правительством короны и ее бюрократии, поземельного дворянства и банкиров. В это время впервые было нарушено относительное политическое единство абсолютистской системы: впервые в управлении государством, хотя внешне это и не было слишком заметно, принимало участие не только окружение императора. Правление Меттерниха было в сущности правлением короны и графа Лариша (или других помещиков), и банкира Ротшильда. Не случайно, что в политический союз, к которому с 1812 по 1848 г. принадлежала Австрия, входили страны, с которыми банкирский дом Ротшильда и другие крупные австрийские банкирские дома имели тесные деловые связи; не случайно также, что политика «Священного союза» — Австрии, Англии, Пруссии, России и позднее Франции — отвечала целям и интересам крупных банкиров, а именно — все они были заинтересованы в том, чтобы оставить все по-старому, воспрепятствовать революции и смене правительств, закрепить господство великих держав над малыми угнетенными нациями.

Политика австрийского правительства в области промышленности и экономики заключалась в следующем: развивать промышленность и экономику, но с ограничениями, с тем чтобы это развитие не противоречило, с одной стороны, политическим интересам короны, с другой стороны, экономическим интересам дворянства. Строительство железных дорог велось медленно. Было ясно, что банкиры и помещики хотели держать предприятия в своих руках. Они фактически превратили строительство транспорта и промышленности в свою монополию и больше были заняты тем, чтобы не допустить к этому делу «посторонних», чем развивать его. И так как банк Ротшильда и его компаньоны из дворян и буржуазии не имели больших капиталов, то строили столько дорог, сколько могли, и так, чтобы это приносило им прибыль. В это время австрийская экономическая политика сильно напоминала басню о собаке, которая лежит на сене, сама его не ест и другим не дает, причем роль собаки на сене играли здесь Ротшильды, Лариши, Перейры и Туны.

Игра в строительство железных дорог длилась до 1854 г. — пока не стало ясно, что таким образом никогда не удастся дви-

двух правилах: во-первых, держать каждый из подвластных Австрии народов в покорности с помощью всех остальных народов, находившихся в том же положении; во-вторых — и это всегда было основным принципом неограниченных монархий, — опираться на два класса: феодальных землевладельцев и крупных финансистов, уравновешивая влияние и силу одного класса другим классом, чтобы за правительством оставалась полная свобода действий. Земельное дворянство, все доходы которого состояли из всякого рода феодальных повинностей, не могло не стоять за правительство, свою единственную защиту от угнетенного класса крепостных, жестокой эксплуатацией которых оно жило. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 38.) — *Прим. ред.*

нуться вперед. Тогда государство начало широко привлекать к участию в сооружении железных дорог группы иностранных капиталистов, с которыми крупные австрийские финансисты имели деловые связи. Вот почему значительная часть построенных после 1854 г. дорог попала в собственность иностранцев, главным образом французских обществ (связи крупных австрийских финансистов с Францией были особенно тесными), а австрийская буржуазия, как и раньше, осталась ни при чем.

Несколько лучше дело обстояло в области судостроения и судоходства, в развитии которых новая австрийская буржуазия принимала большое участие. Портовые сооружения адриатических гаваней, прежде всего Триеста, и судоходные компании были сравнительно недавно созданы. Они возникли не более ста лет назад, и с самого начала участие в них буржуазии было относительно активным. «Триестинский Ллойд», крупнейшая мореплавательная компания, основанная в 1833 г. в результате слияния нескольких мелких компаний, была одной из тех ключевых позиций промышленной буржуазии, с помощью которых та пыталась оказать влияние на австрийскую экономическую политику. Назначение президента Брука после 1848 г. министром было со стороны короны одной из демонстративных уступок новой буржуазии. Впрочем, и в области судостроения дело обстояло не слишком блестяще. В то время как Ллойд в 1846 г. все же имел в эксплуатации 20 пароходов, мощность и технические качества которых были образцовыми, австрийский военный флот состоял лишь из одного линейного корабля, 7 фрегатов, 4 бронированных корветов (паровых и парусных), 3 шхун, 4 парусных бригов, 21 канонерской лодки и 15 колесных пароходов, то есть общее количество всех судов было чуть большим, чем в 1720 г. И это несмотря на то, что Австрия с 1814 г. владела почти всем адриатическим побережьем, была средиземноморской державой и вела довольно значительную торговлю с Ближним и Дальним Востоком.

Для Австрии, как придунайской страны, речной транспорт, пожалуй, имел еще большее значение, чем морской транспорт. Для австрийской экономики характерно, что важнейшее и крупнейшее европейское дунайское предприятие, Дунайское пароходное общество, было основано в 1829 г. не австрийцами, а двумя англичанами — Эндрьюсом и Притчардом, которые в 1830 г. открыли первые пароходные рейсы между Веной и Будапештом. В 1814 г. Дунайское пароходное общество перешло в руки частного общества, в котором промышленники, главным образом мелкие чешские предприниматели, имели несколько больший удельный вес, чем где-либо, а дворянство почти вовсе не было представлено. Дунайское пароходное общество, владевшее в 1840 г. 17 пароходами, получило от правительства большую поддержку, чем другие предприятия. В последующие годы было приведено в порядок русло

Дуная: были взорваны скалы, мешавшие судоходству. Несколько позднее была заключена австро-русская Дунайская конвенция, дававшая австрийским судам право прохода и через русские области.

«Ллойд» и Дунайское пароходное общество развивались так медленно потому, что они не получали нужных для их развития железа и угля, как не получала их и вся австрийская промышленность в XIX в.

Отсталость австрийской промышленности сказалась на всем дальнейшем развитии страны. В работах австрийских историков эта отсталость объясняется своего рода ударом судьбы, естественными причинами, которые нельзя было устранить и на которые нельзя было повлиять, трактуется как факт, против которого Австрия ничего не могла предпринять и в котором не была виновна. Это — своего рода экономический детерминизм, стремление взвалить ответственность за все, что происходило с Австрией и в Австрии, не на внутривнутриполитические причины, обусловившие определенное развитие страны, а исключительно на природу, которая будто бы является мачехой для Австрии.

Одним из излюбленных тезисов австрийских буржуазных историков является тезис о том, что в Австрии, в противоположность Англии и Франции, будто бы не было двух самых необходимых для индустриализации видов сырья: руды и угля, — поэтому-де промышленная революция не могла быть проведена своевременно и поэтому слабая австрийская буржуазия не была в состоянии свергнуть абсолютизм; поэтому-де Австрия осталась политически отсталым государством, а у австрийской буржуазии слабо было развито самосознание и национальные чувства. Все это будто бы и привело к тому концу, которым завершилось существование Австрийской монархии.

Эта концепция, по которой всю вину за слабое промышленное развитие Австрии сваливают на отсутствие угля и руды, которые злая сила природы будто бы забыла дать Австрии, противоречит действительности. В Австрии было более чем достаточно угля и руды, но они слишком долго оставались под землей.

В период начинавшейся промышленной революции австрийская империя была крупным государством и владела территорией, которая имела запасы угля, являющиеся в настоящее время богатейшими в Европе. На этой территории находились Моравско-Острийский угольный бассейн, чешские и моравские угольные залежи, часть польского, румынского и венгерские угольных бассейнов. Нельзя сказать, что эти угольные запасы не были известны. Уже в начале XVIII в. были известны угольные залежи в Чехии, в Моравии, в Венгрии, в Банате и в самой Австрии. Давно были известны угольные разработки в Фюнфкирхене, в Мохаче, Оравице, Оденбурге, залежи у Пльзны, под Врановым, Ланом, Врано-

вицем и Находом, у Россица и Ославана, Остравы, Петерсвальда и Домбровы, в Галиции, в районе Коломыя. Но до середины столетия эти месторождения почти не эксплуатировались. Наряду с этими запасами каменного угля имелись еще значительные залежи бурого угля в Австрии, Чехии, Венгрии и в нынешней Югославии. В Штирии, в Каринтии имелись запасы руды, которой хватило бы для значительно большей промышленности, чем австрийская. Эти запасы были известны с давних пор. Несмотря на это, еще в середине XIX в. добыча угля в монархии составляла только 60 млн. центнеров, тогда как в Англии она равнялась 630 млн. центнеров и во Франции, которая была гораздо беднее углем, — 110 млн. центнеров.

При этом следует указать, что в Австрии имелся большой спрос на уголь и на руду. Развивавшаяся промышленность и в первую очередь судоходные компании и железные дороги остро нуждались в угле и железе. Но и то и другое можно было получить лишь с большим трудом. В богатой углем Австрии судоходным обществам еще в середине столетия приходилось импортировать каменный уголь из Англии. Само собой разумеется, что это чрезвычайно удорожало тарифы на фрахт, и уже по этой причине австрийское судоходство долго не могло успешно конкурировать с водным транспортом других стран.

Почему австрийские угольные копи не были своевременно введены в эксплуатацию? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить, кому они принадлежали.

Во Франции и в Бельгии в результате французской буржуазной революции, а в Англии еще со времен Кромвеля была уничтожена монополия дворянства на владение землей. Значительная часть буржуазии сделалась землевладельцами, и новые промышленники могли беспрепятственно приобретать землю. В Австрии, прежде всего в неавстрийских землях монархии, земля, как и раньше, принадлежала главным образом дворянству. Вопрос о земельных владениях остался тем последним пунктом, на котором остановились реформы Иосифа, а после смерти Иосифа правительство делало все, чтобы отменить его частичные реформы и в этой и в других областях. Наряду с дворянством крупнейшим владельцем земли было государство. Почти все угольные залежи находились на дворянских землях и лишь немногие — на государственной земле, большая часть которой была частным владением короны. Вот несколько примеров. Угольные копи в Оставской области принадлежали графам Вильчеку и Ларишу, часть их с 1841 г. принадлежала Ротшильду. Копи в Лане находились во владении Фюрстенбергов, в Билине — были собственностью князя Лобковица. В Венгрии залежи бурого угля у Ольденбурга принадлежали принцу Кобургскому, копи у Врановица — Штернбергам. Угольные пласты в Оравце также находились в дворянском владении. До сере-

дины столетия они вообще не разрабатывались, а в 1846 г. их приобрело и начало эксплуатировать государство.

Но дворянство владело не только углем, запасы которого еще не разрабатывались и для добычи которого требовались большие капиталовложения, — дворянство владело также источником более дешевого топлива — дерева, — получение которого не требовало больших затрат и трудов. Для того чтобы вырубить огромные леса дворянских землевладений и превратить дерево в древесный уголь, не требовалось ни сложных машин, ни дорогих сооружений, ни квалифицированных рабочих и инженеров, требовались только простые инструменты, а также рабочая сила — крестьяне — для рубки деревьев и обжига угля. Так как топливо требовалось повсюду, то на его добыче можно было быстро обогатиться, тогда как при добыче каменного угля приходилось вкладывать капитал и рисковать им.

История австрийской экономики первой половины XIX в. могла бы быть названа «борьбой дерева против угля». Борьба эта, по крайней мере в тот период, закончилась победой дерева. Вплоть до начала 50-х годов важнейшие отрасли промышленности — металлургическая, стекольная, соляная, текстильная и прежде всего железнодорожный транспорт (локомотивы) работали на древесном угле и пользовались дровами не только потому, что не было каменного угля и его импорт обходился слишком дорого, но во многих случаях и потому, что государственные учреждения, которые, как и во времена Марии Терезии, все еще железной рукой устанавливали контроль над производством, не давали разрешения на использование других видов топлива. Официально эта политика обосновывалась необходимостью содействовать развитию отечественной промышленности и не допустить излишнего ввоза угля из-за границы. Но так как ничего не предпринималось для того, чтобы увеличить отечественную добычу угля, это обоснование было мало правдоподобным. В действительности правительство Меттерниха, практически создав в Австрии монополию на дерево, защищало таким образом интересы дворян-землевладельцев. Эта политика вела к хищническому истреблению лесов, подрывала народное хозяйство, но это не интересовало ни правительство, ни владельцев лесов.

В первой половине XIX в. в Австрии было приблизительно 5 600 кв. км. лесов. При порубке, которая оставляла возможность для нормального восстановления лесов, можно было получить 17 млн. саженей дерева в год (сажень — один и три четверти метра; сажень дров имеет одну сажень в высоту и в ширину и 60—80 сантиметров в длину). Столько и было заготовлено леса в 1830 г. Но в 1844 г. заготовка леса выросла до 30 млн. и в 1846 г. — до 42 млн. саженей. Добыча угля развивалась между тем следующим образом: в 1819 г. — полтора миллиона центне-

ров, в 1829 г. — три миллиона центнеров и в 1845 г. — 14 млн. центнеров.

Дворяне не желали использовать свое монопольное обладание угольными копиями для развертывания добычи угля, а правительство и не принуждало их к этому. Напротив, там, где предприимчивому частному лицу все же удавалось приобрести земельный участок с залежами угля, правительство чинило ему всякие препятствия. Даже если он и получал разрешение на покупку участка — а нередко ему отказывали и в этом, — то расширению горных предприятий на каждом шагу мешали бюрократическими предписаниями, отказами в разрешении на ввоз машин, не разрешали выехать за границу для изучения новых методов добычи угля и нередко просто запрещали под предлогом «общественной безопасности» нанимать рабочих из отдаленных районов (чтобы не создавать в стране «скопления подрывных элементов»). Конечно, не было и речи о налоговых льготах или тем более о снижении налогов. Налоговые льготы и государственная помощь предоставлялись только помещикам. Правительство еще в 1815 г. освободило производимую в их поместьях продукцию от налогов и контроля. Новых промышленников государство рассматривало в лучшем случае как дойную корову. Даже Ротшильду, который ввел в своих шахтах новейшие производственные методы и который во всех отношениях не имел повода жаловаться на недостаточную государственную поддержку, пришлось в этом отношении вести тяжелую борьбу с органами власти. Впрочем, не лучше обстояло у него дело и с производством железа. Металлургический завод в Витковицах был основан еще в 20-х годах, но прошло почти двадцать лет, пока удалось полностью пустить его в ход.

Все же постепенно и дворяне стали расширять свои шахты: даже самые косные из них начали понимать, что добыча угля может стать доходным предприятием. Впрочем, большинство придерживалось той точки зрения, что нужно затрачивать на оборудование шахты как можно меньше средств, чтобы получить как можно больше доходов. Результаты не замедлили сказаться: шахты имели плохое оборудование, машины были негодными и большей частью уже в момент их установления были устаревшими, почти полностью отсутствовала охрана труда, хищнически производилась добыча угля и жестоко эксплуатировались рабочие. Число несчастных случаев в шахтах на таких горных предприятиях было очень высоким. Многие шахты эксплуатировались так бесхозяйственно, что через короткое время приходилось прекращать работу или продавать их. Исключение составляли шахты князя Лобковица в Билине, которые эксплуатировались в соответствии с современными методами; в 1840 г. они давали треть всей австрийской добычи угля.

В результате горные предприятия переходили в руки либо государства, либо крупных транспортных компаний. В середине XIX в. Дунайское пароходное общество начало скупать одну шахту за другой и занялось их эксплуатацией. Государственная железнодорожная компания также сделалась владельцем земли; она скупила горные предприятия в Оравице, в Решице, часть предприятий в Лане и целый ряд более мелких шахт. Другие шахты были приобретены Северной железной дорогой и другими частными дорогами.

Всю добычу угля в Австрии контролировали теперь Ротшильд, который кроме горных предприятий в Остраве приобрел также шахты в Далмации, и несколько богатых дворян (в том числе Лобковиц, уже упоминавшийся выше) вместе с небольшой группой предпринимателей из среды буржуазии (братья Клейн, братья Стеффенс). В производстве железа положение было почти таким же, только в руках банкиров — и, конечно, Ротшильда — находилась значительно бóльшая часть производства железа.

Во второй половине XIX в. произошел поворот — государство решило отделаться от железнодорожных компаний и начало продавать акции, главным образом крупным французским капиталистам. Таким образом, начиная с железных дорог, все бóльшая часть австрийской тяжелой промышленности постепенно становилась иностранной — вначале французской — собственностью.

Итак, экономическая политика австрийского правительства в XIX в. заключалась в односторонней поддержке помещичьего землевладения и некоторых немногих представителей высших финансовых кругов. Она делала все возможное, чтобы не допустить проникновения новой промышленной буржуазии в важнейшие сферы экономической жизни, и задерживала тем самым процесс развития индустриализации, пока наконец слабо развитая австрийская экономика не попала под влияние иностранного капитала. Почему же новая австрийская буржуазия допустила это, где были австрийские якобинцы, где были австрийские радикалы и их борьба за влияние и власть? На этот вопрос дают ответ события, происходившие с 1790 по 1849 г.

Наполеоновские войны

Иосиф II поколебал фундамент старой Австрии, и вместе с фундаментом старого времени зашаталось все здание габсбургского государства. Политика создания новой Австрии привела к тому, что наиболее передовые неавстрийские народы монархии становились зрелыми и требовали для себя свободы¹. Когда Иосиф умер,

¹ Здесь автор дает неправильное объяснение причин недовольства народов многонациональной Австрийской монархии конца XVIII в. Идеализируя Иосифа II, Пристер приписывает ему роль просветителя и пробудителя

с большим трудом удалось избежать венгерского восстания, а в Бельгии, самой богатой и прогрессивной части монархии, в государстве, национальное развитие которого преуспевало так сильно, что уже давно оно только формально принадлежало к габсбургскому государству, поднималось открытое восстание. Незадолго до смерти Иосифа в Бельгии было созвано революционное Национальное собрание, которое торжественно провозгласило независимость Бельгии. Создавшееся положение грозило полным отделением Бельгии от монархии.

Крупная и мелкая буржуазия одинаково нуждались в буржуазном государстве, которое уже начало создаваться при Иосифе. Но именно наиболее влиятельная часть буржуазии не хотела оплатить рождение этого нового государства потерей крупных и доходных частей монархии; по ее мнению, это была слишком высокая плата. Буржуазия надеялась на компромисс со стороны правительства, благодаря которому можно было бы сохранить не только часть полученных свобод, но и налоги с Бельгии, и пшеницу, шерсть, лен и скот из Венгрии.

Казалось, что политика Леопольда II способствует осуществлению этих желаний. За два года его царствования (он умер в 1792 г.) мир внутри монархии был кое-как восстановлен. Отмена ряда централизаторских мероприятий и, прежде всего, отмена постановлений, касающихся освобождения крестьян в Венгрии, умиротворили венгерское дворянство, которое все еще сохраняло руководящие политические позиции в Венгрии. Освобождение крестьян сильно ударило по карману дворян, и этот удар был для них чувствительнее, нежели попираание национального достоинства, оскорбление их национальной гордости. Уступки, сделанные Бельгии, которой был обещан в составе габсбургского государства своего рода автономный статут, на короткое время успокоили Бельгию.

Во внутренней политике, казалось, все созданное Иосифом II в общем осталось без изменений. Политика централизации осталась, новое чиновничество было в основном сохранено, новые школы и университеты остались какими были. Только цензура тихо и незаметно была усилена, а тайная полиция, созданная еще при Иосифе, стала понемногу интересоваться теми, кто осмеливался открыто говорить о необходимости сохранить наследие Иосифа. Но это было только начало — о преследовании сторонников политики Иосифа пока не было и речи.

национального самосознания этих народов. В действительности Иосиф II своими централизаторскими мероприятиями, направленными на укрепление господства австрийцев над другими нациями, вызвал ненависть народов и их сопротивление. Своими реформами, касающимися «освобождения крестьян» он не удовлетворил крестьянство неавстрийских земель и в то же время вызвал недовольство дворянства этих земель. В этом главная причина роста недовольства в монархии, а не в «гуманизме» Иосифа II. — *Прим. ред.*

Столь же тихо и незаметно было проведено мероприятие, которое частично ликвидировало, главный результат деятельности Иосифа — освобождение крестьян. Это было небольшое административное мероприятие: установленные постановлением Иосифа пределы, ограничивающие размеры крестьянских податей дворянству, были сочтены «несправедливыми» и «не соответствующими времени», и на этом основании постановление Иосифа было отменено; было дано обещание определить новый, более справедливый уровень податей. Однако это не было сделано, и вплоть до 1848 г. не существовало никаких постановлений, ограничивающих размер податей, взимаемых дворянством с крестьян. Единственной границей являлось лишь сопротивление крестьян, которое было довольно сильным. Таким же, как указано было выше, способом было отменено положение, по которому только государство выплачивало дворянам возмещение за убытки, связанные с потерей ими крестьян как рабочей силы и явившиеся результатом их освобождения. Теперь сами крестьяне выплачивали помещику «соответствующее возмещение». В результате крестьянин хотя и оставался формально свободным, фактически попадал в еще более тяжелую зависимость от своего дворянина-кредитора. При желании помещик мог, используя эту зависимость, согнать крестьянина с земли за «неуплату долгов». Политика Леопольда II, которого почти все австрийские буржуазные историки превозносят как «подлинного просветителя», будто бы завершившего реформы Иосифа, в действительности была совершенно противоположна просветительской и прогрессивной политике Иосифа. Реакционные австрийские круги стремились повернуть колесо истории назад, и Леопольд мало-помалу осуществил чаяния реакционеров, цитируя при этом Руссо и Монтескье.

Это нельзяз было сделать открыто, так как еще не улеглись веяния времени Иосифа. Повсюду в министерствах и при дворе, в канцеляриях и в армии еще сидели представители столь недавнего «старого иосифовского режима» и ежедневно и ежечасно чувствовалось их влияние. Еще был жив старый Кауниц, человек, который из полуконсервативного министра в кабинете Марии Терезии постепено сделался «самым левым» членом правительства, ближайшим сотрудником и другом Иосифа, которому тот адресовал свое последнее, написанное в день смерти письмо. Главным образом благодаря Кауницу Австрия в 1790—1792 гг. не участвовала в интервенции против молодой Французской республики.

Австрия подвергалась с разных сторон сильному давлению. Для Пруссии и княжеств Германской империи, для Англии, царской России и Испании существование революционной Франции было непереносимо — прежде всего по внутривполитическим причинам,

«...французская революция,— писал Фридрих Энгельс,— точно громовая стрела, ударила в этот хаос, называемый Германией. Она оказала огромное влияние»¹.

После Тридцатилетней войны Германия все еще представляла собой хаос из «трехсот княжеств и герцогств», разрывааемых всяческими противоречиями. Отсутствие единой политики и центральной власти отрицательно сказывалось на развитии страны и не давало развиваться идеям прогресса и свободы. Дворянство еще неограниченно господствовало над разбогаченной буржуазией; крестьяне попрежнему, как и в конце потерпевшей поражение крестьянской войны, не были свободны. Производство, экономика сильно отстали по сравнению с другими странами. Только одно могло вывести Германию из ее почти безвыходного положения: объединение «трехсот княжеств» в единое государство. Это объединение могло быть осуществлено буржуазией революционным путем и только в борьбе против князей и дворянства, которых единая Германия лишила бы власти. Но разобщенная, деморализованная столетним господством дворян буржуазия не была способна на революцию. Однако когда французская революция водрузила свои знамена на развалинах Бастилии, в Германии прислушались к гулу революции. Это был пример, это был путь, который мог вывести Германию из длившейся столетиями нищеты и угнетения.

Это не было еще весеннее половодье, могущее сегодня затопить страну, это был первый порыв ветра, который завтра или послезавтра мог принести тепло и растопить лед, сковавший жизнь. Это было только начало, но этого было достаточно, чтобы немецких князей охватила паника.

Более других было обеспокоено правительство Пруссии. Пруссия, это «внегерманское государство», как его называли, эта колония рыцарского ордена, с которым была связана маленькая и жадная к власти династия, была крепче и устойчивее всех других государств Германии. С помощью английских субсидий она сделалась военной державой; посредством союза короны с дворянством, которому было предоставлено полное экономическое господство во всей стране, она достигла известной степени централизации. По европейским понятиям, Пруссия, ресурсы которой почти неограниченно расходовались на содержание армии и которая экономически оставалась неразвитой, не была сильным государством; немцы же считали ее чрезвычайно сильной: среди слепых и одноглазых — король. Все внутреннее устройство Пруссии было рассчитано на существование лишь за счет постоянных завоеваний новых богатых территорий, и прусская политика с давних пор имела своей целью подчинение и присоединение к Пруссии мелких германских государств.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 7.

Но объединение снизу, объединение по французскому примеру положило бы конец этим планам. В Германии, объединившейся революционным путем, Пруссия была бы не господствующей, а рядовой областью среди других земель.

Враждебность России к революционной Франции имела другие причины, чем враждебность немецких государств. Царская Россия с ее абсолютизмом, все более становившимся препятствием на пути развития своей страны, боялась влияния французской революции. Кроме того царизм намеревался захватить часть оставшейся неподделенной Польши, и европейская война против Франции предала бы для этого лучший повод.

Наконец, для внутривнутриполитического положения Англии французская революция также имела определенное значение. Там началась борьба за окончательный переход власти в руки буржуазии — борьба стремившихся стать у власти предпринимателей и их представителей, новых «радикалов», против старой крупной буржуазии, заключившей союз с частью дворян — крупных землевладельцев и с близко стоявшей к этому дворянству короной. Внешне этот союз выражался в сближении обеих партий — тори и вигов, — причем перевес был на стороне буржуазии. Но и здесь новые промышленные круги должны были сначала завоевать власть и создать условия для своего развития, а французская революция являлась для них подходящим стимулом. Для правившей старой крупной английской буржуазии французская революция была знаменем, ниспосланным с неба, чтобы навсегда избавиться от французских соперников, присвоить себе колониальные владения Франции за океаном и овладеть сферами ее влияния в Европе.

Испания выступила отчасти из страха перед революцией, отчасти под влиянием Англии, а также в надежде если и не захватить чужие колонии, то по крайней мере возратить часть своих прежних колоний.

С 1790 по 1792 г. Австрия проявляла подчеркнуто мало интереса к интервенции против Франции. Кауниц привел в ярость государственные канцелярии заинтересованных в интервенции стран, заявляя всем и каждому, что стремление подавить революцию во Франции силой является верхом глупости, что революцию можно предотвратить не военными средствами, а финансовыми реформами и просвещенной политикой. Даже казнь королевы Марии Антуанетты, замужество которой Кауниц устраивал сам, не изменила его позиций; он повторял, совершенно в духе Иосифа, что в своей судьбе французская королевская чета виновна сама. Несколько раз он заявлял, что французская революция имеет свои хорошие стороны. Кстати, в поведении Кауница большую роль играло нежелание таскать каштаны из огня для Пруссии, которую он называл «естественным и наследственным врагом Ав-

стрии». А при рассмотрении одного из последних предложений Пруссии, касавшихся присоединения Австрии к антифранцузскому фронту, прусскому посланнику прямо было заявлено, что Австрия не желает войны, так как она знает, что при этом будет обманута Пруссией.

Впрочем, Кауниц не учел одного: известные круги австрийской крупной буржуазии были за войну с Францией, не столько из страха перед революцией, сколько по тем же причинам, по которым ратовала за войну и английская крупная буржуазия. Интервенция казалась хорошим и удобным поводом к захватам, и австрийские оптовики и банкиры решительно ничего не имели против того, чтобы при случае присоединить к монархии новые территории, например в Италии, и заработать на этом деле. Однако Кауниц и его направление временно одержали верх.

В 1792 г. Леопольд умер, а его преемник Франц II стал проводить иную политику. Еще будучи кронпринцем, Франц упорно настаивал на том, чтобы «разделаться» как с Францией, так и с собственными «якобинцами», как он называл всех представителей прогрессивной политики. В 1792 г. Кауниц вышел в отставку, и Австрия вступила в коалицию интервенционистских держав.

Император Франц считал, что внутри государства можно сохранить равновесие путем применения крутых полицейских мер, он думал, что поход против Франции будет легкой военной прогулкой, которая позволит ему как победителю разделаться с внутренней оппозицией. Но «прогулка» растянулась на пять лет, и Франц был вынужден действовать осторожно и во внутренних делах.

Уверенные в победе армии интервентов двинулись на Францию. В союзном лагере уже делили шкуру якобинского медведя, составляли списки подлежащих казни революционных вождей и назначали свидания в Париже. Но затем наступил день битвы. Под Вальми революционная французская армия обратила в бегство союзные войска. Не многие поняли, что это была битва между старым и новым миром. Одним из этих немногих был Гёте, наблюдавший эту битву и сказавший свои знаменитые слова: «Господа, мы присутствуем при рождении новой эры, и вы вправе утверждать, что видели ее начало собственными глазами».

После поражения под Вальми мечты о быстрой победе рассеялись. Война затягивалась. Первые успехи французской армии сменились победами союзников, однако разгромить революцию не удалось. Напротив, угроза извне сплотила ряды революционеров и оттеснила на задний план внутренние противоречия. Борьба спаяла Францию в единое целое, чего, вероятно, не удалось бы добиться при мирном развитии страны. В то время как во Франции шел процесс сплочения всех сил, среди ее противников происходил

обратный процесс. Союзники все меньше доверяли друг другу, и вскоре Австрия и Пруссия больше подстерегали друг друга, чем вели войну. Причиной этого был польский вопрос. Уже в начале войны Пруссия и Россия дали понять остальным союзникам, что они собираются разделить между собой оставшуюся часть Польши, и предложили, чтобы Австрия компенсировала себя в другом месте. Австрийское правительство, которое, с одной стороны, боялось увеличения Пруссии и, с другой, — само было не прочь захватить часть польской территории, протестовало. Но протест Австрии не помог. Улучив удобный момент, Пруссия и Россия, которая непосредственно не участвовала в войне, но примыкала к антифранцузской коалиции в качестве «дружественной нейтральной державы», сговорились и поделили между собой еще одну часть Польши. Австрии не досталось ничего. После этого территориального приращения Пруссия решила, что надо спастись в явно безнадежной войне то, что еще можно было спасти. Весной 1795 г. она заключила с Францией сепаратный мир.

Лицемерие венского двора, «возмущающегося» разделом Польши, выявило в том же году. Внутреннее разложение Польши привело к тому, что она почти не оказала сопротивления первому и второму разделам. Теперь же (то есть после второго раздела. — *Ред.*) началось серьезное сопротивление, и этому способствовала французская революция, которая повсюду укрепила национальные идеи и дала новый стимул для борьбы угнетенных народов за освобождение. В 1794 г. в Польше вспыхнуло восстание под руководством Костюшко и Понятовского — восстание, впервые доставившее много серьезных хлопот Пруссии и России. Костюшко удалось взять Варшаву и Вильно. Только после многомесячных боев прусские и русские войска подавили польское восстание. Непосредственно после его подавления то, что еще оставалось от Польши, подверглось новому разделу — на этот раз между тремя государствами: Россией, Пруссией и Австрией. Австрия получила Западную Галицию.

Это явилось одним из немногих «завоеваний» Австрии в тот период. На французском театре военных действий положение все ухудшалось. В 1796 г. против союзников выступил новый французский главнокомандующий — Наполеон Бонапарт, тогда еще молодой революционный генерал. Первые свои победы Наполеон одержал в Италии, при Арколи и Рива, после чего он занял Мантую. Год спустя Австрия была вынуждена заключить Кампоформийский мир. Австрия потеряла Ломбардию и Нидерланды, удержав, однако, за собой Венецию, Истрию и Далмацию. Северная Италия, бывшая до того времени безраздельно сферой влияния Австрии, была разделена на две республики под французским протекторатом: Цизальпинскую республику с Миланом и Лигурийскую республику с Генуей.

Вторая война коалиции против Франции, длившаяся с 1799 по 1802 г., в которой на стороне союзников на этот раз в течение краткого периода участвовали Россия и Португалия, также закончилась поражением войск коалиции. После нескольких побед, одержанных в начале кампании австрийским главнокомандующим эрцгерцогом Карлом, австрийская армия была разбита при Маренго и при Гогенлиндене. По Люневильскому миру Австрия была вынуждена уступить Франции левый берег Рейна и признать вновь созданные итальянские республики.

Третья война коалиции — с 1805 по 1807 г. — закончилась военной катастрофой союзников. Под Аустерлицем австрийские и русские войска потерпели поражение. Наполеон, после произведенного им государственного переворота в 1804 г. сделавшийся императором, занял Вену. Последовавший затем Прессбургский мир был относительно мягким, если принять во внимание, что Наполеон держал в своих руках всю Австрию. Австрия потеряла Венецию, Тироль и передне-австрийские владения. В том же году Пруссия, в начале войны остававшаяся нейтральной и вступившая в войну несколько позднее, потерпела полную военную катастрофу. Прусская армия была разгромлена одновременно под Иеной и Ауэрштедтом, все прусские крепости капитулировали или пали после одного-двух дней сопротивления. К концу войны знаменитая прусская армия представляла собой беспорядочную, дезорганизованную толпу. Тильзитский мир был политическим завершением этого военного поражения. Брат Наполеона Жером сделался королем Вестфалии. Пруссия была вынуждена отдать все земли, расположенные между Эльбой и Рейном, уплатить высокие репарации и полностью разоружиться. Захваченные Пруссией польские области были включены в герцогство Варшавское, находившееся под властью короля Саксонского. Войны против Франции окончились для стран коалиции тяжелым поражением.

Полицейский режим и «процесс якобинцев»

Реакционная политика, проводившаяся во внешней и внутренней областях государственного управления, не оправдала себя. Франц II не был особенно умен, но у него хватило ума не приступить к немедленной и открытой ликвидации результатов политики Марии Терезии и Иосифа. На первый взгляд, поведение Франца все еще отвечало традициям последнего двадцатилетия — роскоши не было, двор жил просто и скромно, король демонстративно расхаживал в старом затасканном сюртуке, говорил на венском диалекте; по воскресеньям на главной аллее Пратера можно было видеть карету императора, зажатую между наемными экипажами, в которых развеселившиеся буржуа и ремесленники ели привезенные с собой припасы и пили вино прямо из бутылок,

Но «общение с народом» Франца было лишь позой. Нужды и мнения простых людей его не интересовали. Правда, он принимал всякого, кто хотел говорить с ним. Но он почти ничего не решал при этом. Большею частью он ставил в вину посетителям то, что они со своими делами не шли официально предписанным путем. Представление Франца о своих подданных было весьма своеобразно. Он считал их как бы укрощенными медведями, которые вполне безопасны, если они посажены на крепкую цепь, и которые могут сделаться опасными, если их хорошо кормить. Франц всерьез считал, что слишком хорошие условия жизни вредны для народа, так как возбуждают в нем энергию, которая в один прекрасный день может обратиться против короны. Впрочем, едва ли опасность чрезмерного благосостояния когда-либо действительно угрожала народу — этого благосостояния не было. Экономическая политика правительства была чисто негативной. Государственное содействие промышленному или сельскохозяйственному развитию постепенно прекратилось, правительство стало вмешиваться в экономические вопросы только в тех случаях, когда дело шло об установлении для дворянства и крупных банкиров каких-либо привилегий за счет других слоев населения. Замедление экономического развития, связанное с чрезвычайными расходами на почти непрерывные войны с Францией, быстро привело к финансовому кризису австрийского государства. Французская республика вначале также испытывала трудности и пыталась преодолеть их тем, что печатала во все возрастающем количестве бумажные деньги, так называемые ассигнации. Хотя австрийское государство возглавляло борьбу против республиканской Франции, оно тем не менее не отказалось от подражания этому методу. Деньги печатались днем и ночью, что вскоре привело к инфляции. Правительство Австрии было вынуждено дважды провести девальвацию, причем сотни тысяч людей, преимущественно из рядов мелкой буржуазии, потеряли четыре пятых своего состояния. Кстати сказать, после первой девальвации Франц обязался своим императорским словом стабилизировать валюту, но это не помешало ему вскоре провести вторую девальвацию, так что в Австрии ходила поговорка: «Императорское слово не стоит и обесцененного крейцера». Впрочем, на девальвации не только теряли, но и наживали деньги. Крупные банкирские дома вследствие своих тесных связей с двором и государственной канцелярией не только своевременно узнавали о предстоящей девальвации, но и содействовали ее проведению. Они наживали на этом колоссальные суммы, причем спекулировали и наживались не только банкиры, но и государственный канцлер Меттерних и некоторые члены императорского дома.

Те же, кто страдал от все возрастающей дороговизны, кто не мог купить себе куска хлеба, кто не мог и мечтать о посещении

театра, — те покорно хранили молчание. Однако многие начали уже роптать.

В последние годы XVIII в. среди чиновничества, в той его части, на которую обычно опиралось правительство, возникла сильнейшая оппозиция. Это не так удивительно, как кажется на первый взгляд, если вспомнить, чем были чиновники при Иосифе. Между 1780 и 1790 гг. административный аппарат был преобразован. Господских сынков сменили сыновья буржуазии или мелкого служилого дворянства, которое лишь недавно получило дворянское звание. В большинстве вопросов чиновникам в пределах их обязанностей предоставлялась полная свобода действий. Контроль осуществлялся с помощью «конduitных списков» — ежегодной аттестации чиновников их начальниками и помощниками.

При Франце II все это коренным образом изменилось. Чиновники попрежнему оплачивались плохо, но самостоятельность была у них отнята. Им приходилось подолгу ждать решений начальников; мероприятия, требовавшие расходов даже ничтожных сумм — от 40 гульденов, — разрешалось проводить только с санкции центральных органов власти, в учреждениях вскоре начали накапливаться груды неисполненных бумаг. Чиновник, ранее ответственный только перед императором, почувствовал, как всевозможные учреждения начали вмешиваться в его дела в интересах того или иного влиятельного лица. Чиновника склоняли к принятию решений и проведению мероприятий, которые были бы приятны и полезны графу X или барону Z, местному помещику или местному банкиру, имевшим друзей при дворе; ради обогащения какого-либо аристократа нередко чиновника заставляли действовать против закона и совести. Если же дело доходило до конфликта между чиновником и этим аристократом, то в большинстве случаев признавали неправым чиновника. Вскоре начальниками стали повсюду назначать господ из дворян, единственным достоинством которых были большие связи. Прежние начальники, привыкшие высказывать свое мнение напрямик и делать то, что они считали хорошим и полезным для государства, мало-помалу исчезали.

Таким образом, не случайно чиновничество сделалось центром оппозиции и оставалось им до 1848 г., несмотря на все «чистки» и наказания. И не случайно, что первый удар правительство нанесло чиновникам¹.

¹ Автор неправильно оценивает возникшее в конце XVIII в. в Австрии и Венгрии движение, прозванное «якобинским». Идеализируя Иосифа II, Е. Пристер видит в этом движении одно только влияние его реформ и идей, между тем, таким явлениям историк-марксист обязан дать классовый анализ. Несомненно, что просветительство оказало влияние на интеллигенцию того времени, но основной причиной возникновения «якобинства» в Австрии следует считать рост оппозиции среди наиболее радикальной части буржуа-

Значение «якобинского заговора» 1795 г. историки, выражающие точку зрения династии, в зависимости от обстоятельств, то преувеличивают, то преуменьшают. Заговор не ставил цели свергнуть монархию и учредить в Австрии республику, как это утверждало в 1795 г. правительство, но он также не представлял собою только платонические и бесплодные мечтания нескольких интеллигентов о свободе, как это стараются изобразить некоторые историки.

«Якобинское движение» было одним из наиболее сильных движений внутри монархии. Оно имело центры как в Австрии, в Вене, так и в Венгрии.

В начале 90-х годов в Австрии появилось несколько кружков, изучавших идеи и принципы французской революции. Членами кружков была главным образом интеллигенция — врачи, юристы, учителя и чиновники. Вскоре кружки установили между собою контакт; один из центров этого движения находился в Вене, другой — в Будапеште. В различных провинциальных городах начали образовываться новые кружки.

Движение, ставшее известным под названием «Союз демократов», вскоре выработало свою программу. Оно ставило своей целью отмену всех привилегий дворянства и создание конституционной монархии, в которой все население пользовалось бы буржуазными свободами. Одним из основных положений программы стала мысль, высказанная Иосифом в его «Мечтаниях»: ответственность правительства перед народом, право народа на участие в управлении государством. Ближайшим мероприятием, намеченным к осуществлению было «распространение идей свободы среди населения». Отправным пунктом австрийских демократов был тезис, по которому в революции, подобной той, которая произошла во Франции, не будет необходимости, если народу разъяснить понятие о правах человека и гражданина и его роль в настоящем и будущем. Демократы с удивительной наивностью попытались вначале совершенно открыто распространять свои идеи через прессу и в легальных брошюрах. Введением строгой цензуры правительство положило конец этим попыткам. Некоторое время демократы пробовали использовать для своей пропаганды масонские ложи, но членами этих лож были почти исключительно представители зажиточных слоев, и ложи, таким образом, не являлись подходящей почвой для распространения демократических идей. Про-

---

зии против абсолютизма, сковывавшего дальнейшее экономическое и политическое развитие страны. Это движение возникло вместе с тем в результате влияния французской революции, и слабость движения соответствовала слабости политического развития австрийской буржуазии. «Якобинцы» в Австрии были выразителями интересов наиболее передовой части австрийской буржуазии и, так же как и она, еще не созрели для прямых революционных выступлений против короны. — *Прим. ред.*

грамма «якобинцев» прямо включала задачу «просвещения беднейших слоев», а сторонников такого взгляда едва ли можно было найти среди масонов. В конце концов было основано «Общество равенства и свободы», быстро начавшее расти.

Венгерская организация была тесно связана с венской, хотя в ее программе был один особый пункт, которого не было у австрийцев, — восстановление свободы и независимости венгерской нации. «Равные», как они называли себя (быть может, под влиянием леворадикальных взглядов участников «Заговора равных» Бабефа), быстро построили хорошо функционировавшую организацию. Особенно большой сплоченностью эта организация отличалась в Венгрии. Вся Венгрия была разделена на четыре округа, и в каждом округе организацию возглавлял «директор». Кроме того, в Венгрии, в противоположность Австрии, организация делилась по социальному признаку на две группы: «реформаторов» — из рядов интеллигенции и «граждан и людей» — из народа.

Председателем всей организации было духовное лицо — крупный чиновник аббат Игнац Мартинович, отправившийся в 1792 г. с дипломатической миссией во Францию и завязавший там связи с левым крылом якобинцев. Одним из практических требований «равных» было немедленное прекращение войны с Францией, другим — отмена цензуры и роспуск тайной полиции.

Преемник Кауница Тугут, «военный барон», как его называли в народе, был тупой, грубый и ограниченный человек, ставивший перед собой только одну цель — «искоренение бунтов», как во Франции, так и в своей стране. Первым его делом было усиление цензуры, вторым — учреждение собственного министерства полиции, третьим — создание широкой сети тайных агентов и провокаторов. Война с Францией никогда не была популярна в австрийском народе, поэтому искусственно вызванный подъем «патриотических чувств» вскоре совершенно улетучился и через несколько лет сменился критическим, отрицательным отношением к ней.

Тугут и министр полиции граф Заурау, человек, о котором всем было известно, что он занимался вымогательствами, получая крупные взятки от людей, судьба которых зависела от него, решили инсценировать террористический судебный процесс над заговорщиками. Они нашли полную поддержку у Франца II, который давно требовал «примерно наказать бунтовщиков». В 1794 г. в Вене был арестован и отдан под суд ряд членов «Общества равенства и свободы». Среди арестованных находились плацкомендант Гебенштрейт, капитан технических войск Билек, бывший воспитатель императора и доверенное лицо Иосифа II — полковник Андреас Ридель, советник магистратуры Прандштеттер, естествоиспытатель Борн, ветеринар Вольфштейн, купец Геккель и др. Процесс был таким издевательством над всякими правовыми нормами, что правительство, сначала предполагавшее организовать

показательный процесс, было вынуждено вести его при закрытых дверях. Гебенштрейт был приговорен к смерти и повешен, остальные были приговорены к пожизненному тюремному заключению. Большинство приговоренных умерло через несколько лет в заточении.

Непосредственно за арестами в Вене последовала еще более широкая волна арестов в Венгрии. Здесь цель была еще более ясной. По словам анонимного писателя, написавшего в 1800 г. историю процесса, правители хотели запугать народ и «объявить войну интеллигенции». Действительно, наряду с арестованным в Вене Мартиновичем, а также Александром Солариком, Паулем Оз, Мальхиором Сульовским, Антоном Сен, Иоганном Слави, Карлом Сметановичем и Паулем Уза среди обвиняемых были видные писатели, ученые и адвокаты страны. Процесс в Венгрии велся так же скандально, как и в Вене. К тому же главный государственный прокурор Немет в ходе предварительного следствия занимался вымогательством, получал от обвиняемых дорогие подарки, арестовывал совершенно невиновных лиц, чтобы получить с них взятки за прекращение дел; к концу процесса он стал богатым человеком. И в Венгрии не удалось доказать виновность обвиняемых, если не считать обвинения в тайном распространении брошюр — проступок, за который полагалось небольшое полицейское наказание. Прокурор Немет цинично объяснил провал обвинения довольно оригинальным образом: «хотя нельзя доказать инкриминируемой обвиняемым измены, так как они гнусно скрыли доказательства, но это — лишняя причина, чтобы признать их виновными».

Восемнадцать обвиняемых были приговорены к смертной казни. Из них Мартинович, Гайночий, Лацкович, Сентмарьяи и Сиграй были обезглавлены, остальные получили право просить о помиловании. Двое обвиняемых — двадцатилетний Соларик и двадцатипятилетний писатель Оз, ссылаясь на свою невиновность, просили в своем заявлении «не о помиловании, но о справедливости». Франц II потребовал их казни. И они также были казнены. Остальным казнь была заменена пожизненным заключением.

После процесса начался «поход» не только против «демократов», но и против всей интеллигенции. Были запрещены безобиднейшие книги и журналы, распущены почти все литературные кружки; целый ряд объединений, не носивших политического характера, был запрещен по требованию Тугута и Заурау. В Венгрии расправились с участниками движения еще более жестоко, чем в Австрии.

Процесс произвел ошеломляющее впечатление. Вначале казалось, что Тугут и его коронованный вдохновитель достигли цели. Страх перед этой новой бесчеловечной политикой парализовал общество. Но дальнейшие события показали, что вдохновители этой политики — король и Тугут не добились того, чего хотели.

1809 год

При Наполеоне Франция распространила свое влияние на всю Западную Европу — от Кале до Мемеля, от Швеции до южной оконечности Италии. Могущество Франции продолжало возрастать. Однако французская революционная армия из армии, приносившей с собой свободу, постепенно превратилась в армию угнетателей. Чем больше становилась территория, которую захватывала Франция, тем большую армию ей приходилось содержать, увеличивались расходы на ее содержание, а также контрибуции, которые вынуждены были платить завоеванные или зависимые от Франции страны. Французская армия и французская военная администрация перестали быть тем, чем они были раньше. Люди, когда-то выигравшие битву при Вальми, санкюлоты из пригородов Парижа, из промышленных городов средней Франции, из южных портовых городов, крестьяне, добровольно шедшие защищать свободу и земельную реформу, были перебиты, а оставшиеся в живых состарились. На их место в армию пришли люди, которые почти не помнили революции, люди, которые охотно прислушивались к лозунгу крупной буржуазии, поддерживавшей Наполеона: обогащайтесь за счет Европы, которую вы завоевываете.

Сначала спекулянты следовали за армией, потом шли вместе с ней, а под конец они проникли в армию и захватили в свои руки формирование гражданской администрации в оккупированных областях. Раньше представитель наполеоновской армии объявлял в занятых областях об освобождении крепостных крестьян, о свободе вероисповедания, об установлении буржуазных порядков. Теперь это был банкир, который составлял опись захваченного имущества и отдавал распоряжения об его разделе. Разумеется, эта перемена произошла не сразу. В период с 1806 по 1809 г. во французской армии и администрации было еще много такого, что напоминало прежние, революционные порядки, но постепенно одержало верх другое направление. Франция, повсюду опиравшаяся вначале на поддержку населения, прежде всего буржуазии, стала теперь во все возрастающей мере выискивать вассалов и союзников среди крупной буржуазии завоеванных стран и среди государей европейских держав.

Когда волна французской экспансии, вначале захлестнувшая габсбургские владения только в Бельгии и Италии, достигла собственно Австрии, изменения, происшедшие в политике Франции, стали уже весьма ощутительны. Поэтому население Австрии считало Францию уже не освободительницей, которая может принести частичные реформы, а иноземным захватчиком. Поэтому война 1806 г. была популярной в народе. В противоположность прежним войнам с Францией ныне дело шло о защите австрийской территории. Поражение стало рассматриваться как национальное

бедствие. Несомненное значение имел и тот факт, что гражданское управление в захваченном Тироле Франция почти полностью передала старому врагу Австрии — Баварии (Бавария была союзницей Наполеона) и даже дала свое согласие на то, чтобы Бавария присоединила к себе Тироль. С 1806 г. буржуазия, интеллигенция и чиновники начали все громче требовать возобновления борьбы против Франции. Здесь имело значение также и то, что война с Наполеоном еще не была окончена. Хотя Пруссия и немецкие государства капитулировали, а Россия скорее дружелюбно, чем враждебно относилась к Наполеону, Англия продолжала борьбу, а в Испании в 1805 г. господство Наполеона вызвало сильное сопротивление, в конце концов вылившееся в партизанскую войну. Пример Испании подействовал в моральном отношении очень сильно. В Австрии говорили: «Не стыдно ли нам перед испанцами?»

Двор занимал колеблющуюся позицию, но в данном случае интересы кругов, на которые он опирался, совпадали с интересами народа. Наполеон захватил ряд исконных австрийских земель, и если бы ему заблагорассудилось, он мог бы разделить и всю монархию. Он заставил Франца отказаться от влияния на Германию, и в 1806 г. этот отказ был закреплен документом, в котором Габсбурги отказывались от титула «императора Священной Римской империи». Франц стал теперь называться «императором Австрии», но это было не большим утешением. Дворянство тоже опасалось развертывания дальнейших событий. Несмотря на некоторые уступки, представлявшие собой скидку на традиционное прошлое дворянства, Наполеон мало церемонился со старой аристократией: дворянство, которое окружало его двор и которое в массовом масштабе он создавал в завоеванных странах, было новым дворянством. Оно вербовалось из буржуазии, спекулянтов, чиновников и офицеров. Крупная буржуазия, банкиры и спекулянты, собственно говоря, имели полное основание дружелюбно относиться к Наполеону, ибо он был плотью от их плоти, кровью от их крови и его государство представляло интересы их французских коллег. Но французская буржуазия не стремилась к солидарности и без стеснения грабила своих коллег в завоеванных странах. Кроме того, именно крупные банкирские и торговые дома Австрии имели тесные связи с Англией, и объявленная Наполеоном континентальная блокада (полная экономическая изоляция Англии от европейского континента) была не в их интересах.

Часть родственников австрийского императора, прежде всего его брат эрцгерцог Карл, являлась сторонниками войны с Францией. Франц был осторожнее. Он видел оборотную сторону медали. Нельзя было вести тяжелую войну только с помощью профессиональной армии и тайной полиции. Надо было апеллировать к народу — и не только к австрийцам, но и к другим народам монар-

хии. А это означало уступку «левым», которых попрежнему было много в стране, а также уступку более развитым народам, например Венгрии, которая, несомненно, не упустила бы случая добиться большей свободы. Франц II, называвший себя теперь императором Австрии Францем I¹, стремился как раз к обратному во внутренних делах — задержать всякое прогрессивное движение и таким образом воспрепятствовать тому, чтобы народы монархии достигли зрелости и самостоятельности в ходе буржуазной революции. Но французская опасность была серьезной, и она толкнула Франца, в значительной мере против его желания, на путь сопротивления.

Двумя ведущими фигурами, осуществлявшими это сопротивление, были новый государственный канцлер граф Стадион, который сменил Тугута, и эрцгерцог Карл. Оба были сторонниками политики Иосифа, оба считали, что для того чтобы повести народ на борьбу, надо рассматривать народ не как пассивных подданных, а как активных и ответственных граждан государства. Оба они указывали на пример французской революции и созданную ею народную армию. Обоим было ясно, что в соответствии с принципом: «Народ — ответственная и способная к ответственной деятельности сила» — надо сделать следующий вывод: признание способности народа к ответственным действиям во время войны будет означать признание за ним способности к активным и ответственным действиям и в мирное время. Следовательно, надо в законодательном порядке закрепить за народом его право на участие в управлении государством, дать стране конституцию, учредить парламент, надо подтвердить ответственность монарха перед представителями народа. Поэтому и Стадион и эрцгерцог Карл настаивали на том, чтобы в своем воззвании к народу император пообещал дать конституцию. Но Франц бледнел от одного только слова «конституция». Как обычно, выбрали среднее. Конституция «до поры до времени» была отложена, зато уже в 1807 г. начали готовиться к войне и ввели всеобщую воинскую повинность, «массовый призыв всей нации». Наряду с кадровой армией была образована народная милиция, и мужчины в возрасте от 45 до 60 лет были мобилизованы для несения службы во вспомогательных войсках. Командование народной милицией принял на себя один из братьев Карла, эрцгерцог Иоганн, также сторонник «конституционалистов». Энтузиазм был исключительно сильным. Война требовала денег, и призыв жертвовать деньги и ценные вещи также нашел горячий отклик. Рабочие приносили на сборные пункты свои сбережения, а буржуа — свои драгоценности, столовое серебро.

---

¹ Супруг Марии Терезии Франц I был императором «Священной Римской империи германской нации». Поэтому Франц II, приняв титул «императора Австрии», стал именовать себя Францем I.

Общины снимали церковные колокола и отдавали их переплавлять на пушки, дворяне вооружали за свой счет целые полки. Это воодушевление передалось и неавстрийским землям. В Праге, в Брно, в небольших чешских городах горожане и студенты образовали отряды добровольцев. Военная граница выставила почти 100 тыс. человек, Венгрия — 50 тыс. По мере того как движение росло, Франц и его окружение все более приходили в ужас перед последствиями своей уступчивости. У событий была своя логика: однажды данные свободы трудно отнять у народа. Постепенно Францу I, крупной буржуазии и дворянству стало ясно, что если такая война продлится один-два года да еще, быть может, закончится победой, то возврата к старому не будет. По мере того как надвигалась война, у Франца крепло убеждение: война должна кончиться быстрой победой, иначе лучше не воевать.

Война началась весной 1809 г., и вначале казалось, что быстрая победа близка. Эрцгерцог Иоганн двинулся в Италию и разбил французов при Порденоне. Эрцгерцог Фердинанд победил при Рацине союзных с Наполеоном поляков. Однако наиболее важное значение имели события, разыгравшиеся в Тироле.

Тироль, с 1806 г. находившийся под баварским господством, больше других страдал от угнетения. Баварские генералы и комиссары стремились «сделать Тироль полностью баварским». Общинное самоуправление было отменено. Местные чиновники должны были уступить место баварцам, присланным из Мюнхена. Тирольский орел и герб были сняты, был запрещен даже намек на прежнюю принадлежность страны к Австрии, даже за упоминание самого слова «Тироль» наказывали. Страна задыхалась под бременем тяжелых контрибуций, а когда население оказало сопротивление, к контрибуциям прибавились денежные штрафы, налагаемые на «непокорные общины», аресты, приговоры, отправка тирольцев в Баварию, принудительные наборы рекрутов в наполеоновскую и баварскую армии. Больше того, баварцы посягнули на имевшую столетнюю давность свободу тирольских крестьян: Бавария и Франция начали жаловать своих вельмож земельными владениями в Тироле, и крестьяне, никогда не знавшие власти помещика или давно забывшие о ней, неожиданно почувствовали на себе кулак иноземного господина. К тому же экономическое положение страны все ухудшалось. Оккупация и система контрибуций истощали Тироль, в городах же буржуазия разорялась из-за того, что Тироль был отрезан от Италии и остальной Австрии.

Тироль давно уже был готов к борьбе. В 1808 г. тирольским делегатам объявили в Вене, что война близка и что Тироль будет играть в ней важную роль. Корона обещала делегатам безусловную поддержку в предстоящей борьбе. Тирольцы были настроены несколько скептически — в Инсбруке и в других местах еще пом-

нили, что в 1805 г. император подписал мир, по которому Тироль был брошен на произвол судьбы. Теперь Франц дал слово императора до конца быть верным Тиролю. Перед самым началом войны императорский манифест призвал тирольцев к восстанию.

Тирольскими делегатами в Вене были трактирщик Андреас Гофер из Пассайерталя, владелец кофейни в Боцене Нессинг и трактирщик Петер Хюбер из Брунеккена. Эти лица были руководителями комитета, занимавшегося подготовкой к восстанию; кроме того, к генеральному штабу повстанцев принадлежали: Шпекбахер, патер Хаспингер, Петер Майер, Кемнатор и Теймер. В качестве уполномоченного австрийского правительства в борьбе участвовал также известный австрийский историк Хормайер.

11 апреля австрийские солдаты вступили в Пуштерталь, и в тот же день в Тироле началось восстание. Крестьянские отряды под руководством Гофера заняли горные проходы и вынудили трехтысячную армию французов к капитуляции. Инсбрук был освобожден, 14 апреля капитулировали французские и баварские войска в Иннтале. В тот же день был освобожден весь Северный Тироль. Через короткое время был освобожден и Южный Тироль.

Впервые атаки французских войск были отбиты на нескольких фронтах. Вся Европа смотрела на Австрию. Сопrotивление Испании усилилось, и даже в Германии в нескольких местах вспыхнули восстания. Правда, прусское правительство не пошевелило и пальцем, но несколько групп «вольных стрелков», не желавших примириться с капитуляцией Пруссии и уже давно подготовлявших вооруженное выступление, нанесли удар французским войскам. Наиболее крупным отрядом был добровольческий корпус Шилля. Между Австрией, Испанией, Тиролем, немецкими повстанцами и английским правительством имелись связи. Незадолго до войны австрийские и тирольские делегаты и представители корпуса Шилля были в Лондоне. Им обещали поддержку; более того, Англия обязалась высадить войска в Северной Германии и создать новый фронт против Наполеона. Шилль взял на себя особенно тяжелую и смелую задачу: создать плацдарм для высадки английской экспедиционной армии. Когда началась война, корпус Шилля поднялся, быстро устремился через Германию, увлек за собой несколько гарнизонов и занял укрепленные пункты на побережье. Там он стал ожидать высадки англичан, но ее не последовало. Вместо этого английская армия высадилась у берегов Голландии, на остров Валхерен, который они решили захватить, пользуясь «удобным случаем». На этом острове английская армия бездействовала, и через шесть месяцев значительная ее часть погибла от голода и болезней. Шилль всеми силами старался удержать занятый им плацдарм. Как только опасность для Франции и союзных с ней немецких войск миновала, против него были посланы

войска. Корпус Шилля был разбит, а он сам и его офицеры расстреляны.

Австрийцы одерживали победы недолго. Наполеон разбил в Баварии эрцгерцога Карла и повернул на Вену. Ко всеобщему удивлению, Вена, имевшая сильный гарнизон, 13 мая сдалась после непродолжительной бомбардировки. Причины неожиданного падения Вены полностью выяснить не удалось. Эрцгерцог Макс утверждал, что он не хотел попасть в окружение и стремился сохранить гарнизон для решающей битвы. Но эти объяснения, учитывая огромный военный и прежде всего моральный ущерб от сдачи столицы, были мало убедительны. Имеются серьезные основания подозревать, что Франц и его клика отдали приказ сдать Вену. Они не хотели рисковать разрушением города и, главное, не без основания опасались, что сопротивление населения города — буржуазии, ремесленников, чиновников и рабочих, то есть всех радикально настроенных групп населения, быстро превратится в подлинно народную борьбу и решающим образом повлияет на политическое развитие Австрии.

Битва была дана не в Вене, а под Веной, у Асперна. И здесь вторично произошло чудо. В этой кровавой двухдневной битве армия Наполеона была разбита австрийцами. Остатки французской армии — 40 тыс. человек — отступили на остров Лобау (на р. Дунае), где французы несколько дней оставались без питания и боеприпасов, отрезанными от всех. Если бы австрийская армия предприняла наступление, то, возможно, что вся армия Наполеона была бы уничтожена.

Но наступление предпринято не было. Снова началась непостижимая политика промедления, добровольная сдача почти уже захваченных позиций, политика самоубийства. Ждали с мая до начала июля, ждали, пока Наполеон заново сформирует свои войска, пополнит свою армию, пока он не начал контрнаступления с выгодных для него позиций. Ожидание у Асперна так же загадочно и непонятно, как и сдача Вены. Имеется много версий, объясняющих это ожидание, но нет ни одной достоверной. Некоторые утверждали, будто надо было подождать, пока подымется Пруссия, но все знали, что Пруссия не могла и не хотела вступать в борьбу. Заявляли, будто бы ждали в качестве подкрепления войска эрцгерцога Иоганна. Но разве нужны были какие-либо подкрепления, чтобы разбить голодных и почти безоружных французов на острове Лобау? Утверждали даже, будто ждали конца половодья, сделавшего переход через Дунай невозможным, но половодье длилось четыре дня, а не полтора месяца.

Причины были, повидимому, те же, что и при сдаче Вены, то есть политические. По всей стране создавались комитеты обороны, в которых речь шла о неприятных для Франца и его партии вопросах — о свободе и конституции, о правах человека и

гражданина, слышались заявления, что народ только тогда выпустит оружие из рук, когда вместе с отечеством будет спасена и свобода. Повсюду образовывались добровольческие отряды; повсюду вооружались студенты, ремесленники, буржуазия. В Венгрии были созданы национальные комитеты свободы. Очевидно, после Асперна Францу и его окружению сделалось ясно, к чему может привести победа, и они решили, что поражение лучше, чем такая победа. Одного события действительно ждали: высадка англичан. Наполеона хотели разбить при условии, что победа будет одержана армиями, а не народом. Высадка английской армии создала бы перевес военных сил. Но она не состоялась. И потому удовлетворились поражением в войне в ожидании более «благоприятного» случая. Из случайных замечаний эрцгерцога Карла и эрцгерцога Иоганна можно заключить, что политика выжидания была избрана по настоящему требованию Франца I.

После долгого промедления было решено дать бой Наполеону при Ваграме. Эта битва, как и несколько других мелких сражений, была проиграна. Исторический момент был упущен. Когда битва была проиграна, Франц, полуудрученный, полууспокоенный, заметил: «Разве я не говорил, что так и будет? Теперь мы все можем отправиться домой». После этого он, удовлетворенный, сел в свой экипаж и уехал, как сообщают современники, со спокойствием, вызвавшим всеобщее удивление. Подлинные чувства Франца еще более явно обнаружились, когда он по настоянию эрцгерцога Карла произвел смотр добровольческому корпусу пражских студентов. Проходя вдоль строя, Франц сказал приветливо: «Вы выглядите хорошо, я бы этому не поверил. Но теперь, к счастью, я больше не нуждаюсь в вас, и вы можете отправиться домой». Затем он велел вручить каждому в награду серебряный гульден. Возмущенные студенты бросили деньги к его ногам. «Благодарность» императора за услуги, оказанные короне в 1809 г., была и в отношении остальных, мягко выражаясь, оскорбительной: офицерам, особенно отличившимся в боях, если речь шла о представителях буржуазии, он предоставил право открытия табачных лавок, которое обычно получали старухи и нищие; пражские сословия, собравшие на оборону крупные суммы и выставившие сильную армию, получили право носить красную униформу.

Вполне удовлетворенный, Франц вскоре заключил с Наполеоном Шёнбруннский мир. По этому миру Австрия потеряла Зальцбург и Иннфиртель, отошедшие к Баварии, Галиция была отдана России, из Словении, Триеста, Истрии и Крайны было создано самостоятельное королевство — Иллирия. Кроме того, Австрия должна была уплатить огромную контрибуцию.

Проигранная война послужила поводом для резкого изменения внутривнутриполитического курса. Эрцгерцог Карл и эрцгерцог

Иоганн потеряли всякое влияние. Чиновники, выдвинувшиеся в 1809 г., были уволены. Стадион получил отставку. На его место пришел Меттерних, выразитель интересов аристократии и банкиров, ревностный блюститель «спокойствия и порядка». Полиция снова была усилена и вскоре сделалась всемогущей; система доносов и шпионаж процветали — правительство знало, что говорится в каждом доме. Чиновники в своей деятельности были лишены всякой самостоятельности. Наступила реакция.

Тироль поднялся на борьбу, памятуя обещание правительства о безусловной поддержке. Это обещание не было выполнено, Тироль был оставлен без поддержки, но все же он продолжал бороться.

В начале мая французы начали контрр наступление на Тироль. Французский маршал Лефевр с баварскими войсками вторгся в Тироль, Инсбрук был взят, войска победителей установили страшный террор. Сотни крестьян были повешены, началась резня женщин и детей. Еще 1 мая Андреас Гофер призвал тирольцев к борьбе. 25 мая крестьяне начали штурм горы Изель близ Инсбрука, 29 мая французы и баварцы были отброшены от Инсбрука. После этой победы тирольцы вновь получили императорское послание, в котором Франц обещал, что подпишет только такой мир, который прочно свяжет Тироль с Австрией. Через несколько недель был подписан мир, по которому Тироль был брошен на произвол судьбы и который предусматривал отвод многочисленных австрийских войск из страны. В начале августа французы бросили все освободившиеся в Австрии войска в Тироль, тогда как австрийские полки покидали страну. Генеральный штаб и прежде всего Гофер, Шпекбахер и Хаспингер решили продолжать борьбу. Снова прозвучал на весь Тироль призыв к всеобщему восстанию, и снова на этот призыв откликнулась вся страна. Женщины и дети помогали строить из камней и деревьев завалы в горных проходах, вооруженные мужчины уходили в горы, чтобы напасть оттуда на подходивших французов и баварцев. 4 августа первые вражеские полки вступили в Эйзакталь. По общему сигналу на них были сброшены с высот каменные глыбы, и одновременно со всех сторон был открыт ружейный огонь. Авангард армии был отрезан и сдался в плен. Та же участь постигла главные силы, посланные несколькими днями позже маршалом Лефевром, заявившим, что только глупцы могут обратиться в бегство от крестьян-горцев. 11 августа началось отступление французов, превратившееся под натиском тирольцев в бегство. Маршал Лефевр вынужден был переодетым пробираться через Бреннер, укрываясь среди всадников и беженцев. Тирольцы грозились его повесить, так как в отместку за первую атаку он велел сжечь деревню Рид. В середине августа вся французская армия — 30 тыс. человек — была обращена в бегство. Тироль был

освобожден в третий раз. Крестьянская армия держалась образцово не только в бою, но и после победы. Немногие случаи грабежей в освобожденном Инсбруке были прекращены после того, как Андреас Гофер обратился к повстанцам со словами: «Как вам не стыдно грабить! Разве вы баварцы?»

С середины августа до конца октября в Тироле существовало правительство Андреаса Гофера, который в качестве «временного регента по поручению тирольского народа» управлял страной из Инсбрука. Это было правительство крестьян, правительство без чиновников и дворян. Само существование такого правительства показало, что народ и его представители отлично могут управлять страной. И этого Гоферу никогда не могли простить в Вене. Ему не оказывали ни малейшей материальной или моральной помощи, а когда его правительство пало, то австрийский двор не пошевелил и пальцем, чтобы спасти Гофера. Даже много лет спустя тирольцев упрекали в «самоуправстве».

В период правления Гофера не появилось тех блестящих и обширных планов социальных и политических реформ, какие возникли в 1525 г. в полевом стане Гайсмайера. Не было ничего похожего на ту широкую и справедливую демократию, которая родилась в 1626 г. близ Линца в солдатском парламенте Фадингера. Гофер был благочестивым католиком, консерватором, ненавидевшим «якобинцев», о которых он, повидимому, и понятия не имел. Он постоянно подчеркивал свою преданность династии и свое уважение к власти. Но он любил Тироль и его свободу, и ради этой свободы, ради ее защиты он был готов пойти на все.

Для Гофера существовал только один критерий: полезно ли то или другое мероприятие Тиролю или оно вредит ему? Поэтому он без всяких колебаний выгонял, арестовывал чиновников, учителей, профессоров и даже священников, которые в период оккупации сотрудничали с баварцами. Вена пришла в ужас, так как среди «жертв самоуправления Гофера» (так это называли при дворе) были представители «лучших фамилий», «зажиточных слоев». Из вновь организованной им тирольской армии, которая по замыслам Гофера и главным образом по планам Хаспингера должна была позднее перейти в наступление и освободить Зальцбург, Каринтию, Штирию и, наконец, Вену, Гофер безжалостно удалял всех бездарных офицеров и назначал на их место простых крестьян, заводских рабочих и ремесленников, если только они казались ему достаточно смелыми и способными. Целесообразность проводимых им мероприятий он стремился разъяснить народу и даже предложил послать представителей фабричных рабочих и горняков в правительственный совет, чтобы тем самым «укрепить боевой дух» народа. Совершенно не считаясь с желаниями и планами предпринимателей, Гофер открывал мастерские, кузницы оружия, горнорудные предприятия, так как для борьбы

требовалось оружие, основывал новые предприятия и конфисковывал «в пользу земли Тироля» собственность, которую ее владельцы получили в качестве вознаграждения за поддержку Баварии, и это с точки зрения Вены было, повидимому, самым ужасным.

Наряду с этим Гофер допустил много ошибок. Его налоговая система была непродуманной, и когда она оказалась несостоятельной, он так сильно завинтил налоговый пресс, что вызвал недовольство многих крестьян. Его предписания «о поддержании нравов и морали» были смешными. В стране, которой угрожало новое нападение, у главы правительства и главнокомандующего было достаточно важных дел, и, казалось бы, незачем было уделять внимание бесконечным распоряжениям о длине женских платьев, высоте каблуков и о составе оркестров на деревенских праздниках. Однако хуже всего было то, что он до конца надеялся на «своего» императора, ждал от него помощи, хотя уже было ясно, что помощи не будет (и из-за этого переоценивал шансы на победу в предстоящей борьбе). Впрочем, и значительно более умный и осторожный человек — патер Хаспингер — постоянно подчеркивал, что «помощь идет». Возможно, что это было вызвано стремлением преодолеть малодушие и отчаяние, желанием поддержать боевой дух повстанцев, принимая во внимание почти безнадежное для Тироля положение.

Выиграть борьбу было невозможно, хотя Хаспингер и Гофер мечтали о том, что Тироль еще освободит всю Австрию. Между тем на марше находились уже 50 тыс. французов. Тироль был одинок. Еще можно было с помощью переговоров добиться выгодных условий, но 15 сентября Франц прислал послание с требованием, чтобы Тироль оставался стойким, и в подарок — 3 тыс. дукатов! Когда через несколько недель пришло указание эрцгерцога Иоганна прекратить борьбу, время для переговоров уже было упущено. Французские войска вторглись в Тироль. «Вице-король Италии»¹ выпустил в Виллахе обращение, в котором обещал амнистию, если сопротивление немедленно прекратится. Повстанцы подчинились требованию сложить оружие, но Гофер и часть крестьянской армии поверили ложному сообщению о том, что со стороны Австрии послана помощь, и продолжали сражаться. В ноябре сопротивление было окончательно сломлено. Гофер скрылся в горах. Он был выдан, взят в плен французами и приговорен к смерти. 20 февраля по приговору военного суда он был расстрелян.

Помощь Франца I ограничилась основанием фонда помощи тирольским эмигрантам. Впрочем, пособия начали выплачивать

¹ То есть Евгений Богарнэ. — *Прим ред.*

только через несколько лет, а в большинстве случаев их вообще не выплачивали.

Несмотря на все это, в Вене долго старались поддерживать версию, будто бы тирольцы, как наиболее консервативные, являются самыми верными и потому самыми любимыми подданными короны. Что это было не так, показывает, например, разговор между тирольскими депутатами и императором, состоявшийся вскоре после освобождения Тироля. Тирольцы просили восстановить их старую конституцию. «Так, значит, вы хотите конституцию?» — спросил Франц тирольцев весьма немилостивым тоном. «Да, Франц!» — отвечали тирольцы (с давних времен они пользовались привилегией называть императора на «ты»). Франц, на которого слово «конституция» действовало, как красный платок на быка, резко ответил: «Мне ничего не стоит дать вам конституцию, но вы должны запомнить, что солдаты принадлежат мне и я не буду с вами разглагольствовать, если мне понадобятся деньги. Что же касается речей, я посоветовал бы вам быть поосторожней!» После этого тирольские депутаты больше не решались заговаривать о конституции.

От 1809 г. до Венского конгресса

Урок 1809 г. был настолько поучителен, что Франц торжественно дал себе обещание никогда больше не пускаться в эксперименты, которые могут окончиться всеобщим вооружением народа. Никогда больше правительство не станет из-за внешнеполитических причин ослаблять внутривнутриполитические оковы. Политика нового канцлера Меттерниха служила этой цели.

С 1809 г. по 1813 г. Австрия лавировала или, говоря проще, обманывала одного своего партнера за другим. Сначала был заключен союз с Наполеоном, и Мария Луиза, дочь Франца I, была выдана за него замуж. Союз со вчерашним врагом был обычным явлением; партнеры антифранцузской коалиции — Англия, Пруссия и Россия — в 1809 г. тоже бросили Австрию на произвол судьбы.

Когда в 1812 г. Наполеон предпринял поход в Россию, который привел его к гибели, австрийское правительство, заявив о готовности участвовать в походе, одновременно намекнуло в Лондоне и Петербурге, что это заявление не должно приниматься всерьез. Все же другие государства остались в неведении об истинных намерениях Вены и продолжали склонять Австрию на свою сторону, предлагая ей все большую цену за участие в антифранцузской коалиции. Австрийский корпус Шварценберга во время всей кампании передвигался по России, не принимая серьезного участия в боях. Правительство выжидало. Если бы побе-

дил Наполеон, то действия Шварценберга стали бы предложением, чтобы заявить претензии на вознаграждение за оказание «помощи». Но Наполеон был разбит. В то время как Россия, Англия и Пруссия после отступления Наполеона из России готовились к решительному удару, Шварценберг продолжал бездействовать. Наконец, незадолго до конца войны переговоры были закончены к полному удовлетворению Вены, и австрийская армия перешла на сторону союзников.

Наполеон был разбит в ряде сражений. После поражения в России, которое стоило Наполеону почти всей армии, завершающий удар был нанесен в «битве народов» под Лейпцигом. Союзники вторглись во Францию. Наполеон отрекся от престола и был интернирован на острове Эльбе. В 1815 г., когда в Вене уже заседал мирный конгресс, он предпринял попытку вновь захватить власть: покинул Эльбу и начал поход на Париж. Ему удалось без труда свергнуть водворенного союзниками короля Людовика XVIII. Правление Наполеона длилось 100 дней. Наспех собранную французскую армию союзники разбили при Ватерлоо. Людовик XVIII снова взшел на престол. Наполеон был арестован англичанами, вероломно обещавшими ему свободный отъезд в Америку, и интернирован на острове св. Елены, где он и умер в 1821 г.

На мирном конгрессе, происходившем в Вене в 1814 и 1815 гг., союзные государства попытались по возможности уничтожить все то новое, что произошло за последние 25 лет, и поделить между собой завоеванные Францией территории. Францию вернули к границам 1792 г. Бельгия и Голландия были объединены в Нидерландское королевство.

Рейнский союз — федерация рейнских государств под французским протекторатом — был распущен. Вместо него и вместо «Священной Римской империи» был основан «Германский союз» — федерация немецких княжеств, правда, существовавшая скорее на бумаге. В Союзном сейме председательствовал представитель Австрии, но с 1830 г. Пруссия фактически заняла в Германском союзе главенствующее положение.

Англия получила значительные колониальные области, в том числе Мальту, Капскую землю в южной Африке и о. Цейлон, а в качестве военно-морской базы остров Гельголанд. Большая часть созданного Наполеоном Великого герцогства Варшавского отошла к России. Австрия получила обратно свои восточно-галицийские владения, а также другие свои территории. Австрии компенсировали потерю Бельгии Ломбардией, Венецией и Далмацией, Эсте и Моденой. Таким образом было утверждено господство Австрии над Италией. За отошедшие к России польские владения Пруссия получила половину королевства Саксонии и владения на Рейне.

Мнения правительств, собравшихся на Венский конгресс, расходились по многим вопросам. Но все правительства сходились на одном: надо приостановить процесс, начатый французской революцией и получивший свое развитие во время наполеоновских войн, и если каждая страна в отдельности не в состоянии сделать это, нужно употребить для этого всю военную и политическую силу союзников.

Наполеоновские войны изменили Европу не только внешне. Власть династий как над своими народами, так и над инациональными группами, находившимися под их господством, была поколеблена. В 1809—1813 гг. почва колебалась во всей Европе. И в России и в Пруссии выступления народов заставили медливших государей начать борьбу против Наполеона; впервые монархи оказались перед необходимостью либо продолжать борьбу, либо быть сметенными народным восстанием. Но народы требовали не только борьбы с Наполеоном, но и свободы. Король Пруссии вынужден был гарантировать своей стране конституцию, отмену крепостничества, установление гражданских прав. Царизм в России стоял перед лицом оппозиции, растущей среди чиновников и офицерского корпуса, оппозиции, которая через несколько лет вылилась в восстание декабристов. В Англии не только промышленники и мелкая буржуазия, но и рабочие начали требовать свободы и прав под лозунгом: «Кто может бороться, тот может и править». И австрийское правительство, в 1809 г. капитулировавшее перед врагом, чтобы остановить народное восстание, понимало, что его власть не так уж прочна.

Но это было еще не все. Во время господства Наполеона народы испытали на себе не только угнетение, но и узнали свободу. Нации, десятилетиями и столетиями находившиеся под властью чужих династий, на несколько лет обрели свое собственное государство, хотя и зависимое от Наполеона. Италия, видевшая в Цизальпийской и Лигурийской республиках воплощение почти забытого уже прежнего единства, вспомнила о временах Рима и начала требовать объединения всех итальянских земель. Южнославянские провинции Австрии впервые были собраны в королевство Иллирию, и с этого времени идея о едином государстве всех южных славян перестала казаться нереальной. Венгрия, которой Наполеон в 1809 г. предложил стать самостоятельным государством и которая не приняла этого предложения, снова начала требовать себе свободы в рамках габсбургского государства. Даже Ирландия, казалось бы давным давно поработанная и опустошенная, угрожала мятежом.

Едиственный «рецепт», который был известен союзным правительствам, заключался в том, чтобы подавлять политические движения во всех странах, заставить умолкнуть раздававшиеся национальные требования, преследовать революционеров, запу-

гать собственных радикалов. Союзники поняли, что здание монархии рухнет, если режим жестокого угнетения будет смягчен в политическом или национальном отношении. Австрийская монархия была первой, понявшей это и действовавшей сообразно с этим. В том, что австрийская монархия заняла ведущее место в «Священном союзе», сыграл роль не её военный или политический вес, а тот опыт и решительность, с какой она подавляла революционные силы в своей стране.

«Священный союз» был создан в 1815 г. Его задача заключалась в том, чтобы общими силами подавлять революцию, где бы она ни начиналась, и помогать друг другу дипломатическими, военными и полицейскими средствами. Государства, входившие в «Священный союз», оказывали помощь друг другу при подавлении революции в Испании и Италии, в преследовании «радикалов» и «демагогов» во всех европейских странах, в карательных экспедициях против польских повстанцев. Прусский король выдал царю русских «недовольных», искавших в Пруссии убежища, русский царь в 1849 г. послал войска против восставших венгров и тем помог задушить венгерскую революцию. «Священный союз» был объединением не только королей и большей части дворянства, но и части крупной буржуазии, прежде всего банкиров; Ротшильд и Эскелес, банкиры лондонского Сити были преданнейшими сторонниками союза; полицейский аппарат и карательные экспедиции частично финансировались на их деньги. Крупная буржуазия была напугана революцией. Она поняла, что национальный подъем во многонациональных государствах угрожал ее прибылям и ее власти. В лице королей она начинала видеть друзей и даже спасителей.

С 1815 по 1848 г. «Священный союз» вершил всеми европейскими делами. После 1848 г. союз распался, и вместо него на политическую арену выступили новые силы¹.

---

¹ Союз европейских реакционных правительств против всякого проявления прогрессивного и, тем более, революционного движения фактически просуществовал до конца буржуазных революций 1848—1849 гг. Но формально «Священный союз» перестал существовать после петербургской конференции союза, состоявшейся в феврале—апреле 1825 г. — *Прим. ред.*

Глава V

1848 ГОД

Накануне мартовской революции

Австрия вышла из наполеоновских войн как будто бы сильнее, чем была, однако в действительности период 1815—1848 гг. был периодом всеобщего кризиса. Промышленность находилась в состоянии застоя, торговля сокращалась, крестьяне, которых снова обязали платить подати дворянству, все более и более нищали. В 1830 г. Австрия — страна по преимуществу аграрная — должна была ввозить в большом количестве продовольствие и притом не колониальные товары или гастрономические деликатесы, а хлеб, мясо, бобы. Обесцененная в 1812 г. валюта не могла вновь стабилизироваться. По словам современников, люди не знали, что будет стоить завтра имеющийся у них сегодня талер — 10—20 или только один крейцер. Искусственно задерживаемое, неравномерное развитие промышленности приводило к тому, что Австрия страдала от кризиса, вызванного высокой степенью промышленного развития в одних частях монархии и отсталостью, неразвитостью промышленности в других. В Вене, а особенно в Чехии, Моравии и Силезии с 1830 г. снова начался период безработицы, в то время как в других промышленных районах ощущался серьезный недостаток рабочих рук. Но перекинуть рабочую силу из одной местности в другую было нельзя, так как правительство стало препятствовать притоку рабочих в города, опасаясь беспорядков. Ремесленники, не выдерживая конкуренции с фабриками, разорялись, открывать же собственные мастерские или фабрики они не могли, так как правительство издало для фабрик своеобразный *numerus clausus*¹, препятствующий открытию новых фабрик. Крестьяне в результате постоянных поборов дворянства были настолько обременены долгами, что были вынуждены уходить из деревень. Но идти в города на заработки они не могли, потому что, как указывалось выше, правительство запрещало иммиграцию в города. Крестьянам не оставалось ничего другого, как наниматься на работу к тем же помещикам на их промышленные и полупромышленные предприятия — водочные и пивоваренные заводы, мельницы

---

¹ *numerus clausus* (лат.) — закрытый список, по которому в данном случае точно определялось количество действующих предприятий. — *Прим. ред.*

и т. д. Применение женского и детского труда на фабриках было обычным явлением. В 1845 г. в Австрии, Чехии, Моравии, Ломбардии и Галиции из 1000 промышленных рабочих в среднем мужчин было — 433, женщин — 420, детей — 147, причем в австрийских землях число работающих женщин часто даже превышало число мужчин, а в Верхней Австрии на 378 мужчин приходилось 356 женщин и 266 детей. Согласно официальным данным, дети работали на фабриках по 12—13 час. в сутки. Официально на работу принимались лишь дети, достигшие 12 лет, фактически же принимались и дети 6—9 лет.

Заработная плата даже взрослых рабочих была чрезвычайно низкой. В Вене, где она была наиболее высокой, рабочий зарабатывал в неделю около 5 гульденов, работница — 2,5 гульдена, дети получали — от 20 до 30 крейцеров. Между тем гарнец картофеля стоил 2,08 гульдена, а килограмм мяса — 25 крейцеров (гульден = 60 крейцерам).

Официальная газета «Donauzeitung» («Дунайская газета») пыталась в 1848 г. вычислить бюджет рабочей семьи, в которой работает и муж и жена. Газета пришла к выводу, что за вычетом налогов, расходов на отопление, баню и ничтожных расходов на покупку платья и белья (которые обычно покупались у старьевщиков) на питание всей семьи оставалось не более 27 крейцеров в день. Необходимо учесть, что в этом бюджете, вычисленном газетой, была принята пониженная сумма налога, в то время как в большинстве случаев налог поглощал $\frac{1}{3}$ дохода. Кроме наличия всех этих чрезмерных поборов, сохранившихся еще от прежних времен, Австрия к тому же была лишена и тех небольших преимуществ, несколько облегчающих жизнь бедноты, которые начали появляться в других странах, а именно, обильного потока новых промышленных товаров и медленного, но довольно значительного снижения цен. В Австрии товаров было мало и цены на них неуклонно поднимались.

Между 1815 и 1848 гг. в Австрии всем жилось плохо (за исключением небольших групп населения, к которым принадлежало дворянство и связанные с ним банкиры, спекулянты, некоторые фабриканты, а также лица с большими доходами, например домовладельцы). В результате росло всеобщее недовольство, которое выражалось в различных формах.

Среди крестьян не было ярко выраженного и единого движения протеста, так как крестьяне различных частей монархии почти не имели связи друг с другом и положение, например, крестьян-русинов в Польше сильно отличалось от положения крестьян в Нижней Австрии. В тех землях, где крестьяне еще фактически находились в крепостной зависимости от дворян, то есть главным образом в Чехии, Венгрии, Галиции и Крайне, происходили крестьянские восстания. В австрийских землях, особенно после

1830 г., бывали случаи отказа крестьян от уплаты податей и оброков, причем иногда туда высылались даже войска. Однажды нижнеавстрийские крестьяне в гневе напали на проезжавшую мимо императорскую карету, опрокинули ее, разломали и сожгли. Однако, как выяснилось, в ней не было ни одного из представителей правящей династии.

В 1817 г. в Вене вспыхнул голодный бунт безработных, которые грозили разнести правительственные здания, и напуганное правительство было вынуждено принять экстренные меры для облегчения их бедственного положения. Демонстрации безработных, хотя и меньшего масштаба, продолжались в течение всего этого года. С 1840 г. начались более серьезные столкновения, особенно в Чехии. В 1844 г. имели место волнения в Праге, в которых приняло участие до 1600 рабочих и которые продолжались в течение многих дней. Рабочие протестовали против сокращения заработной платы, против введения новых машин и разбивали эти машины, которые, как они говорили, оставляют их без хлеба. Спустя короткое время восстания «разрушителей машин» произошли в северных областях, где была сосредоточена текстильная промышленность, — в Рейхенберге, Кёниггреце, Чешской Лейпе и других местах; восставшие сжигали фабрики и ломали машины. Около тысячи рабочих направилось в Прагу, чтобы просить правительство о помощи. В городе они были встречены ружейным огнем полицейских. В Вене восстания «разрушителей машин» были более редким явлением, однако начиная с 1845 г. там возобновились голодные бунты и демонстрации протеста против повышения цен на хлеб, причем демонстранты громили булочные и другие торговые предприятия.

Среди буржуазии недовольство было не менее сильным, чем среди других слоев населения. За исключением ничтожно малой верхушки буржуазии, от политики правительства страдали все слои населения: ремесленники, фабриканты, интеллигенция и чиновники. Особенно сильная оппозиция по отношению к правительству наблюдалась среди студенчества. Университеты являлись очагами волнений, здесь постоянно происходили диспуты, на которых обсуждались не только произведения «просветителей» прежних времен, но и запрещенные сочинения ранних социалистов — Луи Блана, Сен-Симона, Фурье. Студенты составляли большинство посетителей пригородных театров, в которых постоянно в более или менее скрытой форме высмеивалось правительство и его политика, причем студенты демонстративно аплодировали актерам, наиболее остро критиковавшим политику правительства. В среде студенчества были особенно живы традиции 1809 г., оно чувствовало себя идейным выразителем борьбы за свободу и достоинство нации. Среди студентов получили особенно широкое распространение изданные в большинстве случаев

за границей книги и журналы находившихся там в изгнании молодых австрийских радикалов, объединенных в общество «Молодая Австрия». Демонстрации против правительства и его политики начиная с 1820 г. не были редкостью в университетской жизни. Они не прекратились и тогда, когда правительство уволило всех профессоров, как известных своими либеральными убеждениями, так и подозреваемых в них, подвергло строгой цензуре учебники и изгнало сотни студентов из университета. Студентов высших учебных заведений Вены, Праги, Ольмюца, Лайбаха сотнями отдавали в солдаты и направляли в полки, находящиеся в Банате.

Эти выступления студентов были вызваны не только тем, что они, чувствовавшие себя лучшими представителями молодой буржуазии, подвергаясь постоянной слежке, страдая от бездушной и зверской цензуры, распространявшейся даже на их научные воззрения, особенно остро ощущали духовную изоляцию Австрии от остальной Европы. В результате правительственной политики, а также обнищания и отсталости страны они не находили применения своим силам и знаниям. Оппозиция студенчества была вызвана также и более простыми причинами материального порядка. Положение большинства студентов из горожан или крестьян было ужасающим. Антон Фюстер, современник и историк революции 1848 г., описывает это положение следующим образом: «Я часто слышал о нужде среди студенчества, но никак не мог себе представить, чтобы она была так велика. Многие студенты неделями не имеют горячей пищи, и их единственная пища — хлеб и вода; бедные люди губят себе на всю жизнь здоровье. Об остальных лишениях, которые они терпят в одежде, белье и тому подобном, нечего и говорить. Упомянем еще о жилищах многих студентов-бедняков; это темные, сырые, зимой не отапливаемые углы в подвалах, которые можно назвать как угодно, только не человеческим жильем. Если студенческие общества или публичные библиотеки не предоставят им какого-нибудь убежища, то они погибнут зимой от холода. Мы знаем одного студента, который совсем не имеет квартиры и зимой ищет ночлега за городом в копнах сена или сараях, а летом, если нет дождя, спит под открытым небом. Особенно много бедняков среди евреев. Студенты-евреи находятся в еще худшем положении в смысле подыскания источников для существования, так как в силу религиозных предрассудков они не могут давать уроков; впрочем и остальные студенты не обеспечены уроками в достаточной степени.

Хотя положение интеллигенции в целом и не было столь отчаянным, оппозиционные настроения в ее среде едва ли были менее сильными. Писатели, журналисты, врачи, юристы — главным образом в Вене — составляли основное ядро «недовольных», как их называло правительство. Именно они были инициаторами

создания художественного, политического и литературного направления, которое именовало себя «Молодая Австрия». Это была группа писателей и публицистов, пришедших из разных лагерей, людей различных политических убеждений, которых объединяло общее для всех них отрицательное отношение к существующему государственному строю и мечта о свободной, основанной на началах справедливости, прогрессивной Австрии. Наиболее известными представителями этих групп были: выступавший под псевдонимом Анастасия Грюна граф Антон Ауэрсперг, государственный чиновник барон Андриан, публицист Игнац Куранда, Виснер, Мёринг и Шуселка, писатели Бауэрнфельд, Мориц Гартман, Карл Бек, Герман Роллет, Альфред Мейснер, Альберт Кноль и поэт Николай Ленау. Франц Шуберт, умерший в 1828 г., и поэт Франц Грильпарцер хотя и не были членами «Молодой Австрии», но находились в дружественных взаимоотношениях с представителями этой группы и разделяли их взгляды.

В своих политических воззрениях представители «Молодой Австрии» не были единодушны. Рядом с Анастасием Грюном, который в своем произведении «Прогулки венского поэта» объявил себя в одно и то же время последователем французских радикалов и сторонником системы Иосифа II, выступал барон Андриан, который в своей вышедшей в 1843 г. в Гамбурге книге «Австрия и ее будущее» обращался к дворянству и от него ожидал преобразования Австрии. Основной мыслью Андриана был тезис о возращении сословий, которые могут улучшить управление государством. Шуселка же, наоборот, в своем анонимном сочинении «Мысли одного австрийца» развивал идею буржуазной Австрии с конституционным образом правления и «буржуазным государем» во главе и требовал отстранить дворянство от управления.

Важнейшим и наиболее влиятельным органом «Молодой Австрии» был журнал «Гренцботе», издававшийся Игнацем Курандой сначала в Брюсселе, а затем в Лейпциге. Венским корреспондентом «Гренцботе» был автор комедий поэт Э. Бауэрнфельд; целью журнала была «информация, просвещение и разоблачения». Он знакомил австрийцев с политическими и идеологическими направлениями за границей. В каждом номере помещались полемические статьи, направленные против защитников правительственного курса, и, что, пожалуй, было самым важным, журнал информировал читателей о том, что происходило в их собственной стране, знакомил со всем тем, что было скрыто от них в результате запретов меттерниховской цензуры.

Следующий характерный отрывок, отображающий положение в Вене в 1847 г., принадлежащий, по всей вероятности, перу Бауэрнфельда, дает представление о характере материалов, публиковавшихся этим журналом: «На улицах Вены был задержан за попрошайничество мужчина с тремя детьми. Его схватили не

потому, что он просил милостыню, а потому, что он, доведенный голодом до отчаяния, предлагал в качестве вознаграждения за милостыню своих детей... Было бы ужасно, если бы подтвердился слух о том, что в одном из пригородов Вены вдова, имеющая шестерых детей, в припадке такого же отчаяния, убила самого младшего из своих детей и стала им кормить остальных, чтобы спасти их от голодной смерти... И это происходит в то время, когда на улицах домов нехватает места для объявлений о сотнях устраиваемых ежедневно публичных увеселений. От слуг, живущих в доме банкира, известно, что там, желая оказать честь гостю, за две ягоды земляники заплатили 25 гульденов. А театр в Вене, где поет Линд, переполнен. Между тем нужда здесь так велика, что многочисленных благотворительных балов и лотерей, устраиваемых в пользу бедных, совершенно недостаточно для ее смягчения».

Разумеется, после выхода в свет первых же номеров, журнал «Гренцботе» был запрещен, так же как и произведения Андриана, Грюна и других. Полиция осматривала чемоданы приезжих, чтобы не пропустить «контрабандного» журнала. И, несмотря на это, «Гренцботе», о чем со злобой говорили некоторые венцы, разошелся в столице в большем количестве экземпляров, чем официальная пресса. В кафе кельнер обычно незаметно передавал посетителю вместе с правительственной газетой также и «Гренцботе», в обществе был обычным вопрос: «Видели ли вы уже последний номер «Гренцботе?» — и тот, кто ответил бы «нет», прослыл бы за невежественного человека.

Впрочем, Бауэрнфельд оказывал непосредственное влияние на общество не только при помощи журнала. Один его современник писал о нем в 1846 г.: «Бауэрнфельд благодаря своему злому языку в один час успевал сделать больше, чем дюжина запрещенных брошюр в течение года. Он будил сонных, выводил из пассивного состояния равнодушных, ободрял отчаявшихся и открывал глаза слепым. «Само собой ничего не меняется, мы должны изменять», — эти слова, которые Бауэрнфельд несколько дней назад произнес в кругу собравшихся, сами по себе уже являлись толчком, пробуждающим мысль у многих людей. Люди уже начинали спорить друг с другом, можно ли у нас все изменить и как нужно проводить эти изменения».

Другой формой выражения оппозиционных настроений интеллигенции была организация кружков, которые маскировались под видом групп для совместных занятий. Наибольшую известность получило так называемое «Юридическо-политическое литературное общество» («Juridisch-politische Leseverein»), основанное бароном Соммаруга, доктором Александром Бахом и др., которое правительство называло «очагом революции». Общество объединяло умеренных оппозиционеров, в первую очередь промышлен-

ников и крупных чиновников. Вероятно, члены общества первое время и в самом деле собирались только для того, чтобы читать и изучать, хотя, может быть, и не только те сочинения, которые правительство рекомендовало для чтения своим подданным. Но в связи с обострившимся кризисом и начавшимися преследованиями члены общества были вынуждены установить более тесное сотрудничество с другими представителями оппозиции.

Подобными же обществами являлись объединение писателей «Конкордия», «Промышленный союз» и некоторые кружки по изучению политической экономии, большинство членов которых также составляли торговцы и промышленники. Незадолго до 1848 г. были даже основаны, также промышленниками, небольшие общеобразовательные кружки «для народа».

И, наконец, был еще человек — писатель и актер Нестрой, — который формально не принадлежал ни к одной группе оппозиционно настроенной интеллигенции, но смело и отважно боролся с правительством и реакцией. В этой борьбе побежденной обычно оказывалась полиция, которая, вместе с тем, всякий раз должна была еще проглотить насмешку. В народном театре, принадлежавшем Нестрою, зрители — буржуа и ремесленники, рабочие и представители интеллигенции — каждый вечер были свидетелями того, как высмеивали богачей и власть имущих, они слушали призывы к свободе и справедливости, которые могут когда-нибудь наступить и для бедных.

По мере того как обострялся кризис, представители буржуазии все чаще пытались заигрывать с рабочими. Во время голода 1847—1848 гг. буржуазия и в первую очередь промышленники основали ряд благотворительных учреждений, задачей которых было оказание помощи населению. В различных районах Вены на собранные деньги были открыты столовые, в которых ежедневно кормились сотни, а иногда и тысячи безработных. Раздавали одежду и обувь, делали попытки хоть сколько-нибудь помочь многодетным семьям, а некоторые из этих организаций начали даже из собственных средств выплачивать пособия безработным.

Правительство, которое само не пошевелило и пальцем, смотрело на эти организации с большим опасением; запретить их совсем оно не могло, но изыскивало достаточно поводов для придирок. По сути дела, буржуазия стремилась своей благотворительностью лишь снискать симпатии рабочих: «Смотрите, правительство оставляет вас голодать, а мы помогаем вам — у нас с вами общие интересы». Среди членов благотворительных обществ было немало оппозиционно настроенных людей, которые сочетали благотворительность с политической и отчасти с просветительской деятельностью; их целью было сделать идеи прогресса «достоянием народа».

Национальные движения

Внутриполитические конфликты были только частью тех трудностей, которые стояли перед правительством. Положение в Ломбардии, Будапеште, Кракове и Праге было не лучшим, чем в Вене. Однако везде на первый план выдвигались не столько социальные, сколько национальные требования. До наполеоновских войн австрийское правительство должно было считаться с одной венгерской национальной оппозицией. Теперь по меньшей мере в полдюжине земель возникла оппозиция. Конечно, требования этих земель, степень зрелости их населения и сила движения были различными.

В течение одного столетия Австрия присоединила целый ряд областей, которые ранее представляли собой независимые государства или полусамостоятельные провинции, управляемые местными князьями. Они имели собственные традиции, свою, может быть порой и отсталую, но своеобразную экономику, свою культуру; национальное самосознание населения этих областей ко времени их включения в Габсбургскую монархию было вполне зрелым, и одно это уже с самого начала привело к конфликтам. Такими народами наряду с венграми были итальянцы и поляки. Венгры, итальянцы и поляки — эти три так называемые «исторические нации» — составляли передовой отряд национальной оппозиции внутри монархии.

В итальянских областях в первые годы после Венского конгресса вовсе не было спокойствия. Итальянцы с первых же дней присоединения их к Габсбургской монархии чувствовали себя оторванными от своего народа и насильно подчиненными иностранному господству. Движение за создание своего национального государства, с итальянской династией во главе, усиливалось еще тем обстоятельством, что вне пределов Австрии существовали маленькие итальянские государства. В 1820—1821 гг. в Сардинии и Неаполе в результате происшедшей там революции были свергнуты зависимые от Австрии правительства и созданы конституционные национальные правительства. Вскоре последовала революция в Пьемонте. Правда, правительства Неаполя и Пьемонта были низложены в результате интервенции армий «Священного союза», в которой австрийской армии принадлежала решающая роль. Подавление революционного движения сопровождалось ужасающим кровопролитием, но все же не достигло цели. Окончательно подавить движение за независимость не удалось. Перешедшая на нелегальное положение буржуазно-национальная организация «карбонариев» имела в каждом городе тысячи приверженцев. Как только уничтожали одну группу, начинала действовать другая. В годы, предшествовавшие 1848 г., повсеместно вспыхивали небольшие восстания и

австрийское правительство было вынуждено содержать в Ломбардии армию, как в захваченной неприятельской стране. Эта требующая колоссальных расходов длительная оккупация прежде всего и определила позицию австрийской буржуазии в итальянском вопросе. Если по вопросу о Венгрии или Польше в рядах австрийских оппозиционеров и существовало расхождение мнений, то для Италии в Вене все настойчивей требовали предоставления льгот и доказывали правительству, что угнетение этой страны противоречит не только политическим, но и экономическим интересам Австрии. Италия была для монархии своего рода «невралгической точкой», так как ее развитие протекало не только в связи с процессами, происходящими внутри монархии, но и под сильным влиянием событий во Франции. Каждое столкновение, каждое восстание во Франции — революция 1830 г., освободительная борьба в последующие годы и, наконец, революция 1848 г. в Париже — сейчас же вызывало волнения в Италии. И революция 1848 г. началась прежде всего в итальянских провинциях монархии.

Несмотря на то, что польская оппозиция была как будто более энергичной и более подготовленной к борьбе, для монархии она была менее опасной. Хотя Польша в свое время и была поделена между тремя государствами — Австрией, Россией и Пруссией, недовольство поляков было направлено главным образом против царской России. И в Польше существовало национальное движение, и там происходили восстания, но единственно серьезным было Краковское восстание 1846 г.

История Краковского восстания очень поучительна, так как в ходе его в уменьшенном, так сказать, виде проявились уже все основные противоречия революции 1848 г. Это было как бы предсказание хода революции, которая последовала двумя годами позже; но предостережения, которые в нем заключались, остались непонятными. Краков был свободным польским городом — последнее, что осталось от старой Польши¹. В 1846 г. Австрия присоединила Краков к своим владениям. В знак протеста против оккупации города, имевшего для поляков значение символа польской независимости, вспыхнуло восстание почти во всей Польше, особенно сильное в Познани и Галиции.

Австрия выслала войска против восставших, но они оказались не в силах подавить восстание. Но вскоре эти войска обрели себе неожиданного союзника. Крестьяне-русины, составлявшие большинство населения Галиции, невероятно угнетаемые польскими помещиками и поставленные ими в положение, скорее напоми-

---

¹ После победы над Наполеоном Венский конгресс поделил Польшу между Австрией, Пруссией и Россией, оставив Краков и его окрестности на положении нейтрального вольного города. — *Прим. ред.*

нающее рабство, чем характерные даже для того времени отношения между помещиками и крестьянами, поднялись против польского дворянства. В то время как польские дворяне сражались с австрийской армией, крестьяне поджигали их замки и поместья и шли с вилами и цепями против своих польских угнетателей. В деревнях они возвещали наступление «царства божия на земле» без помещиков и без иноземного польского господства. Но польское восстание вскоре было разгромлено, и вместе с тем на долгие годы был вынесен приговор независимости Польши. Начиная с 1848 г. польские дворяне больше боялись своих крестьян, чем австрийского правительства. Дворянская оппозиция ограничивалась теперь по преимуществу требованиями восстановления старых сословных привилегий и предоставления польскому дворянству права занимать руководящие посты в монархии, которые скоро и были удовлетворены. В 1848 г. требование создания независимого польского государства с большей энергией отстаивалось австрийской и венгерской оппозициями, чем самими поляками. Польское дворянство боялось, и не без оснований, что без помощи Австрии оно не справится с крестьянами-русинами.

Национальное движение венгров занимало первое место среди движений других народов монархии. Их борьба была более продолжительной и иногда приводила к некоторому успеху. Несмотря на то, что правительство Франца I поставило своей задачей «устранить все вредные последствия системы Иосифа II и завершить отход от его принципов», оно само, по откровенному признанию Меттерниха, пыталось сохранить по отношению к Венгрии ту линию в политике Иосифа II, которая имела самые тяжелые последствия, а именно — централизм, стремление подчинить Венгрию, отменить венгерские привилегии и уничтожить ее относительную самостоятельность. Здесь, так же как и в отношении других областей, преследовалась одна цель — вытравить «радикализм» и крепче держать бразды правления в своих руках. Венгрия ответила на это сопротивлением. В предмартовский период имело место следующее удивительное и парадоксальное явление: еще сохранившиеся сословные представительства, являющиеся феодальными, аристократическими корпорациями, сделались выразителями национальных и либеральных устремлений буржуазии. В 1811 г. венгерский сейм в знак протеста против ущемления прав венгерского народа, отказался голосовать по вопросу о финансовых обязательствах Венгрии. В связи с этим сейм был распущен и не созывался в течение 13 лет. В 1825 г. он опять собрался и вновь возобновил свой протест. Борьба продолжалась вокруг каждого административного или финансового мероприятия, причем венгерский сейм, насколько это позволял ему закон, боролся не только против ограничения прав Венгрии в це-

лом, но и против постоянных попыток Вены ограбить страну, выкачать из нее все возможное. В период с 1825 по 1848 г. не было ни одного значительного политического вопроса, при разрешении которого венгерский сейм согласился бы с венским правительством. В 1830 г. сейм потребовал признания венгерского языка государственным языком, принятым в учреждениях вместо латинского. В 1844 г. было принято решение по этому вопросу. О многих далеко идущих решениях сейма Вена даже не была осведомлена. Напряжение в стране соответствовало стадии, предшествующей открытой войне.

Начиная с 1830 г. все более отчетливо обнаруживалось изменение курса в венгерской политике. Руководство венгерской национальной оппозицией выскользнуло из рук представителей правого крыла венгерской аристократии, представленной в палате, состоящей из магнатов, и перешло к представителям венгерской буржуазии и мелкодворянского центра. Оппозиция аристократов при всей их готовности к борьбе по существу не шла дальше требований восстановления известной формальной автономии по образцу дворянской автономии земель в средние века с сохранением привилегий дворянства, более широким привлечением его к руководству важнейшими государственными делами и более широким представительством при дворе. Новая же оппозиция буржуазии требовала национальной независимости, создания единого венгерского государства, управляемого венграми и в интересах венгерской буржуазии, которая, наконец, получит возможность свободного развития. Поэтому, как только руководство венгерской политикой перешло к новым людям (Сечени, Этвеш, молодой адвокат Людвиг Кошут и Деак), политика эта из традиционно аристократической сделалась радикальной. Поэтому примерно с 1830 г. уже гораздо меньше говорилось о «священных правах короны св. Стефана» и больше о будущей венгерской конституции, о буржуазных свободах, об избирательном праве, о необходимости отделения Венгрии от Австрии, как необходимом условии для создания новой венгерской промышленности; нередко говорилось уже о будущей свободной венгерской республике. Конечно, многие радикалы в своих стремлениях и не шли так далеко. Их удовлетворила бы независимая Венгрия во главе с конституционным монархом (по типу английской конституционной монархии). Они не возражали бы и против австрийского императора в качестве монарха и были готовы по некоторым вопросам, например по вопросам военной или внешней политики, продолжать сотрудничество с Австрией. Однако, как подчеркивал Деак, сотрудничество возможно «только со свободной, очищенной от реакционных элементов Австрией, то есть сотрудничество между свободными государствами».

Австрийское правительство не поняло, что в Венгрии произошла перестановка сил, и все еще считало, что имеет дело со старой аристократической оппозицией. Как раз в отношении Венгрии Меттерних, а позднее и Фердинанд были готовы скорее всего пойти на уступки. Принцип, по которому управлять Венгрией надо было, соблюдая известную осторожность, был выработан на основании горького опыта, и этот принцип лег в основу политики Габсбургов. Старались как можно меньше затрагивать экономические интересы дворянства и не допускать никакого улучшения в положении венгерских крестьян, чтобы не раздражать помещиков. Старались приблизить венгерских дворян к австрийскому двору, предлагая их представителям ответственные посты, но наиболее влиятельные венгры не принимали этих постов. Меттерних снова разрабатывал планы реформирования габсбургского государства, которые предусматривали возрождение старой феодальной автономии с ее сословными представительствами и аристократическим федерализмом, однако скрепленной централизованным административным аппаратом и сильной полицией. В Австрии были бы, вероятно, рады, если бы венгры приняли участие в обсуждении этих планов. Но новое буржуазно-национальное течение внутри Венгрии было настолько сильным, что венгерское крупное дворянство побоялось еще большего обострения противоречий.

Однако венгерский радикализм имел и отрицательные стороны. Свобода, которой требовали его представители, была свободой только для венгров и ни для кого больше. Новое государство, должно было быть государством, в котором венгерская буржуазия и венгерская нация приобрели бы неограниченное господство. Когда в 1844 г. венгерский парламент принимал закон о языке, то он, между прочим, сделал такое разъяснение: если венгерский чиновник ведет переписку с хорватским чиновником, то он пишет на венгерском языке, а хорватский чиновник отвечает ему не на хорватском, а на латинском языке. Хорватские же депутаты в венгерском парламенте по истечении срока в шесть лет должны научиться говорить на венгерском языке. Подобный закон для страны, где венгры составляли бы подавляющее большинство населения, был бы еще, пожалуй, приемлемым. Но венгры не являлись большинством. В Венгрии, которую им хотелось видеть, поелику возможно, большим конституционным государством, венгры составляли 45 процентов населения.

В числе невенгерских народов, проживавших на территории Венгрии, были: австрийцы, немцы, румыны и значительное число славян. Из всех славянских народов, проживавших в империи, южные славяне — хорваты, сербы и словены — были наиболее прогрессивными; экономически и политически наиболее сильными среди них были хорваты.

Период правления Марии Терезии и Иосифа II не прошел бесследно также и для южных славян. Рост городов и развитие мануфактур привлекали крестьян из деревни в город. Крестьяне принесли в город и свой родной язык. Новым пришельцам нужны были врачи, учителя, адвокаты и чиновники, с которыми они могли бы объясняться на своем родном языке. И вот из их среды, в силу их потребностей, выросла новая национальная интеллигенция. Но еще в большей степени, чем удовлетворение запросов указанных групп, эта интеллигенция была призвана удовлетворять запросы новой, уже развившейся к этому времени национальной буржуазии. Этот процесс, едва лишь начавшийся в начале XVIII в., скоро обратил на себя внимание. В последние десятилетия XVIII в. началось так называемое «возрождение» южных славян, которое в первое время выливалось в форму литературного и научного движения. В 1770 г. в Венеции впервые были опубликованы хорватские сказания и сказки, в 1773 г. в Вене на немецком языке было издано первое собрание словенских сказаний, спустя несколько лет в Вене же начал выходить первый словенский журнал, который имел, однако, очень небольшой тираж. В 1797 г. в Любляне стала издаваться первая большая словенская газета. В начале XIX в. Вук Караджич составил первую грамматику сербского языка и первый сербский словарь и рекомендовал сербский язык в качестве основы общего языка южных славян — сербо-хорватского. В первый раз за много столетий народы южнославянской группы почувствовали себя принадлежащими к единой нации.

Два события еще более способствовали укреплению национального самосознания южных славян. В 1804 г. под руководством Карагеоргия вспыхнуло восстание в Сербии, находившейся под властью турок. Турок изгнали, и было создано Сербское государство. Государство это, находившееся под защитой России, просуществовало недолго. В 1813 г., после девяти лет непрерывной борьбы, во время которой Сербия получала помощь людьми и оружием лишь от сербов из Венгрии, Сербия вновь подпала под власть турок. Но тот факт, что свободная Сербия все-таки существовала, содействовал развитию национального самосознания — и не только сербов, но и других южно-славянских народов.

Другим событием явилось существование, также непродолжительное, другого государства южных славян — королевства Иллирии, которое было создано в 1809 г. Наполеоном и включало в себя Хорватию, Словению и Далмацию. Несмотря на то, что французская администрация возложила на молодое государство большие материальные тяготы, пятилетнее его существование способствовало развитию и укреплению национального самосознания хорватов и словенцев. Маршал Мармон, получивший титул герцога Рагузского, проявил много старания, чтобы цивилизовать страну.

Были проложены дороги, сооружены мосты, французские специалисты привели в порядок финансовую систему государства. Введение «кодекса Наполеона», нового французского буржуазного свода законов, устранило в области права и управления множество пережитков старого времени. Самым же значительным мероприятием было введение в школах и гимназиях преподавания на национальных языках (хорватском и словенском), систематическая подготовка учительских кадров, поощрительные меры, направленные к улучшению постановки изучения хорватского и словенского языков и истории этих народов, а также поощрение издания книг и газет на национальных языках. Все это укрепляло национальные чувства хорватов и словен, чему способствовала наполеоновская политика, в то время как Венгрия всячески препятствовала их развитию. Те земли, которые Венгрия считала своим наследственным владением, Наполеон неожиданно объединил в единое государство, и хорваты и словены, считавшиеся в Венгрии малокультурными, смогли выступить со своими национальными требованиями. И как раз в силу того, что Венгрия рассматривала это молодое национальное движение как опасность для себя, австрийское правительство относилось к нему с симпатией и в некоторой степени даже его поддерживало. В 1814 г. Наполеон должен был отказаться от Иллирийского государства и оно снова было включено в монархию, но в первое время еще продолжало существовать как «провинция Иллирия». И в последующие годы венское правительство неоднократно оказывало поддержку хорватам в их борьбе против венгерского правительства.

Хорваты и, до известной степени, также словены ничего не имели против принадлежности к Австрийской монархии, уже по одному тому, что корона защищала их от Венгрии и предоставляла им некоторую автономию. В годы наполеоновского господства, которое способствовало национальному развитию хорватов, экономические интересы хорватской буржуазии были серьезно задеты, так как в результате континентальной блокады сильно сократились транзит товаров и морская торговля. По экономическим и политическим причинам хорватской буржуазии было выгодней находиться в составе Габсбургской монархии, чем образовывать самостоятельное государство или «потонуть» («untergehen», как выражались хорватские лидеры) в государстве южнославянских народов, где главную роль стали бы играть сербы, которые рассматривали хорватов как народ, отсталый в культурном отношении и к тому же исповедующий иную религию. По этой же причине в годы, предшествовавшие 1848 г., хорватский сейм в своих требованиях автономии и конституции всегда подчеркивал свою принадлежность к монархии и свою связь с династией Габсбургов.

Хотя до 1620 г. Чехия в течение столетий являлась самостоятельным государством, чехов также отнесли к народам, «не

имеющим истории». Это было обусловлено тем, что оба господствующие при абсолютизме класса, дворянство и крупная буржуазия, не были чешскими по своему происхождению и не чувствовали себя чехами. После поражения при Белой горе на место изгнанного чешского дворянства явились дворяне-авантюристы иностранного происхождения. В то же время и значительная часть местной крупной буржуазии или была вытеснена австрийской буржуазией, или перестала чувствовать свою принадлежность к чешской национальности и даже перестала говорить на своем родном языке.

Ни в одной из стран австрийской монархии в правление Марии Терезии и Иосифа II не происходило такого бурного развития, как это было в Чехии и Моравии, которые сделались центрами мануфактур, а позднее фабрично-заводской промышленности. Зародилась молодая чешская буржуазия, и в города в значительно большей мере, чем в других славянских землях, устремился поток крестьян. Общий подъем в стране был настолько велик, что захватил даже дворян, которые неожиданно «открыли», что у них тоже чешские сердца, и главным образом, чтобы выразить свое недовольство короной, стали, как выразился один современник, учиться «у своих кучеров и лакеев» чешскому языку. (Причина довольно решительной оппозиции чешского дворянства, которое, как известно, было теснее связано с крупной буржуазией, чем какое-либо другое дворянство в монархии, заключалась между прочим в экономической политике правительства, которая мало-помалу начинала задевать даже их интересы.) Хотя к 1848 г. дворянство все еще продолжало играть решающую роль внутри чешской оппозиции, но сама оппозиция по существу своему уже перестала быть дворянской. Это было буржуазное национальное движение, которое, однако, еще не имело своих вождей.

Точно так же, как и у южных славян, первое проявление национального самосознания чехов было связано с началом чешского возрождения, более сильного и плодотворного, чем у хорватов и словен, и прежде всего сказавшегося на развитии литературы, филологии и истории.

Иосиф Добровский написал историю чешского языка и составил чешскую грамматику; в 1818 г. он основал первый чешский научно-литературный журнал под названием «Чешский музей». Иосиф Юнгман перевел ряд лирических произведений на чешский язык. Написанная им история чешской литературы, вышедшая в 1825 г., впервые была издана на чешском, а не на немецком языке. Ян Коллар написал в 1824 г. первую чешскую поэму — «Дочь славы», сюжет которой был заимствован из старинного чешского сказания. Шафарик в 1826 г. издал «Историю славянского языка и литературы», в которой культура славянских народов рассматривалась как нечто единое. Наиболее

выдающимся деятелем славянского возрождения был Палацкий, историк и писатель, один из вождей чешского национального движения 1848 г. В «Истории Чехии» Палацкого (первый том вышел в 1836 г.) впервые был поставлен вопрос о взаимосвязи истории славянских народов, «не имеющих истории». История этих народов рассматривалась Палацким как непрерывная борьба чехов и немцев, реформации и Рима. В то время как Шафарик, Юнгман и Палацкий развивали чешское национальное сознание, поэты и писатели впервые за много столетий создали образцы поэзии на чешском языке, на этом считавшемся забытым «крестьянском диалекте», в который они вдохнули жизнь и сделали его языком поэзии. Наиболее талантливыми среди них были Карл Гинек Маха, эпическое произведение которого «Май» принадлежит к наиболее значительным лирическим произведениям XIX в., писатель Ян Неруда и сатирик и журналист Гавличек-Боровский, автор сатирических стихов, высмеивавших меттерниховский режим.

Как хорваты, так и чехи в период до 1848 г. не стремились к отделению от Австрии. Они требовали восстановления конституции 1627 г. и частичной автономии «земель чешской короны» — Чехии, Моравии, Силезии. Чехов прежде всего отличал от хорватов более ярко выраженный социальный характер их движения. Однако основные трудности, которые испытывала корона, были связаны не с буржуазно-национальным движением, а с сопротивлением крестьян, выступавших против отбывания барщины, и с выступлениями рабочих, требовавших повышения жизненного уровня и уничтожения безработицы.

Чтобы получить полное представление о национальных движениях в монархии, необходимо еще упомянуть о великогерманских тенденциях, особенно сильных в среде студенчества и части промышленной буржуазии. Это движение, ставившее своей целью создание «единой великой Германии», то есть слияние Австрии с другими немецкими землями, включая Пруссию или даже без нее, возникло в не столь отдаленные времена. Во времена Иосифа II он и его приверженцы считали себя носителями «немецкой» культуры, причем в их представлении это означало культуру, немецкую по языку и австрийскую по своему содержанию. О духовном сближении с Германией тогда еще не было и речи, так как в то время еще не существовало понятия «Германии» как единого культурного целого и, кроме того, Иосиф II и его последователи держались, и не без основания, того мнения, что центром немецкой культуры уж скорее всего является Вена.

Великогерманские тенденции домартовского периода берут свое начало в наполеоновских войнах. Днем их рождения является, быть может, тот день, в который Шилль предпринял свою героическую и бесплодную попытку развязать освободительную войну. Именно тогда патриотическим и свободолюбивым силам

Австрии стало ясно, насколько более легкой была бы борьба за независимость как Австрии, так и Германии, если бы их освободительные движения координировали свои силы. В 1815 г. им вновь стало ясно, что король прусский обманул свой народ, который надеялся на благотворные результаты освободительной войны, в то время как Франц I и Меттерних обманули свой народ еще в 1809 г. И еще более очевидным это сделалось после создания «Священного союза» и укрепления его влияния в Европе. «Священный союз» был сильным и опасным союзом государей в целях борьбы с революцией. Но почему бы народам, борющимся за свободу, не противопоставить союзу государей свой союз? И что было бы проще, чем осуществление такого сотрудничества, слияние сил двух соседних народов, говорящих на одном и том же языке, революционное движение которых возникло и развивалось в одно и то же время и почти в одном направлении? Гейне и Бёрне говорили на том же языке, что и Бауэрнфельд и Анастасий Грюн, а «Молодая Австрия» и «Молодая Германия» по характеру их деятельности и стремлениям были, как казалось, естественными союзниками. То, что общность интересов была мнимая, так как австрийская буржуазия боялась конкуренции германской буржуазии и наоборот, выяснилось лишь впоследствии, когда от теоретических рассуждений о «великой Германии» перешли к практическим мероприятиям. Так, например, когда австрийское правительство отказалось от таможенного союза с немецкими государствами, то это почти не вызвало протеста со стороны австрийской буржуазии. До 1848 г. великогерманские тенденции среди австрийской буржуазии носили чисто умозрительный характер.

Великогерманские тенденции 40-х годов основывались на твердом убеждении, что Германия является более передовой и более революционной страной и что слияние Австрии с немецкими землями облегчит победу революции в обеих странах. О реакционной Германии австрийские оппозиционеры думали так же мало, как и германцы не беспокоились об Австрии, в которой побеждала реакция, потому что в данном случае вместо помощи они взвалили бы на себя обузу. И никто из деятелей 1848 г. не был «великогерманцем» ради «великой Германии», а только исключительно ради свободы. И действительно, после неудачного исхода революции 1848 г. идея «великой свободной Германии» становилась все менее популярной, а после 1860 г. стало уже совершенно ясно, что удобный момент для ее осуществления прошел навсегда, и лишь очень немногие еще продолжали говорить о «великой свободной Германии». В истории об этом уже больше не упоминалось. А то «великогерманское движение», которое возродилось в Австрии в 80-е годы, не имело ничего общего с движением 1848 г. Это было прямо противоположное ему реакционное движение,

лишь прикрывавшееся фразами о свободе, чтобы обманывать беспечных и легковверных.

Но даже и в канун революции 1848 г. великогерманские тенденции не имели в Австрии такого широкого распространения, как это можно было бы ожидать, судя по общей ситуации, в силу той простой причины, что Австрия являлась многонациональным государством. Объединение германского и австрийского революционного движения было бы в интересах австрийских земель, но в Австрии, кроме того, существовали молодые национальные движения чехов, хорватов, словен и других неавстрийских народов, для которых главным было их освобождение, а не присоединение к «великой Германии».

Некоторые из деятелей предмартовского периода, хотя и не все, были готовы при решении великогерманской проблемы отказаться от земель «исторических народов» (Венгрия, Польша, Италия). В отношении же других национальностей они утешали себя надеждой, что все «обойдется», так как национальные чувства этих народов настолько слабы, что они «и не почувствуют» ничего.

Кроме того, по их мнению, включение в «великое германское государство» земель «отсталых национальностей» принесло бы последним пользу в смысле экономического и культурного их развития. Но как раз наиболее умные из деятелей предмартовского периода, например Грильпарцер, не разделяли столь оптимистических настроений. Они не хотели гибели Австрии, которую они рассматривали не только как тюрьму народов. Но они знали, что «так просто все не обойдется», предчувствуя, что борьба развязанных революцией сил приведет к гибели Австрийской империи.

Правительство

Историки, изучающие период, предшествовавший революции 1848 г., часто вступают в споры о том, кто должен нести главную ответственность за политику правительства и последовавшую катастрофу — Меттерних или Франц I. Шарль Зилсфильд, один из наиболее вдумчивых исследователей Австрии предмартовского периода, пишет: «Императору и его слуге не в чем упрекать друг друга. Один стоил другого». Франц I не хотел допустить повторения событий 1809 г., так как он не желал умаления могущества династии. Меттерних стремился к тому же, во-первых, потому, что так ему повелевал его высочайший хозяин и, во-вторых, потому, что аристократия и крупная буржуазия, главным образом банкиры, с которыми его многое связывало (между прочим, совместные финансовые махинации), также трепетали в страхе перед событиями, которые в конечном счете могли уничтожить габсбургское государство и, вместе с тем, лишить их занимаемого ими

экономического и политического положения. Но и Меттерних и Франц I не могли предугадать того, что их политика может привести к таким последствиям, когда даже самые близкие их союзники от них отвернутся.

В период 1815—1848 гг. правительство показало себя неспособным ни к созидательной работе, ни к проведению отдельных мероприятий, могущих хоть в какой-то мере улучшить положение в стране. Бюджет находился в катастрофическом состоянии. Государственный долг в 1812 г. составлял по тогдашнему курсу фантастическую сумму в 3600 млн. шиллингов. Пришлось прибегнуть к чрезвычайным операциям: валюта была обесценена на 20 процентов, процент по государственному займу снижен наполовину, и вкладчики должны были выбирать — или подписываться на новый заем, или совсем потерять свои деньги. Таким путем долг был снижен до 40 млн., но в 1840 г. он снова достиг 160 млн. шиллингов. Кроме того, валюта трижды обесценивалась, и как раз накануне революции 1848 г. должно было произойти четвертое по счету обесценение. Поэтому вполне понятно, что к этому времени начала выражать недовольство даже крупная буржуазия.

Единственное, что смогло предпринять правительство в области внутренней политики, — это усилить цензуру, полицейский надзор и умножить запреты. Дошли до того, что запретили даже сочинения об Иосифе II и опубликование его многочисленных писем. Взгляды правительства нашли свое наиболее полное выражение в речи императора, обращенной к учителям города Лайбаха: «Мне не нужны ученые, мне нужны хорошие, честные граждане. Подготовить таких граждан из молодежи — вот наша задача. Кто мне служит, тот должен учить так, как я прикажу, тот кто не может этого сделать или пришел со своими новыми идеями, пусть лучше уходит сам, иначе я его уволю». Показательно также высказывание начальника полиции Седльницкого: «Народ вступает в первую стадию революции в тот самый момент, как он начинает просвещаться». Поход правительства против просвещения, выразившийся после июльской революции 1830 г., в частности, в запрещении студентам учиться в заграничных университетах, привел скоро к тому, что фабрики и мануфактуры остались без обученных рабочих и техников и даже крупная буржуазия была не в состоянии дать своим сыновьям хорошее образование.

Внутренняя политика правительства вызывала лишь беспокойство и беспорядки. Неоднократно Меттерних имел возможность убедиться, что такая политика может привести к тому, что вся монархия вскоре расползется по швам. Изменить же курс внутренней политики было не в его власти, да он и не желал этого. Он пытался смягчить национальные противоречия, хотя опять-таки на свой лад. Его основной политической идеей было

возрождение старых сословных представительств и создание в Австрии отнюдь не современного парламента, а собрания представителей сословий по типу средневековых. Фактически же все дела должны были попрежнему решаться Веной в административном порядке. Чем же собственно должны были заниматься сословия — это из планов Меттерниха не было ясно. Вероятно, их задача заключалась в том, чтобы писать адреса императору. Возможно, что правительство было готово для пущей важности обеспечить сословия парой алебард и средневековыми мундирами. Но даже и такой план показался Францу слишком «радикальным» и был им отклонен, несмотря на настояния Меттерниха.

Другим принципом Меттерниха — уже в области внешнеполитической — было стремление уменьшить прусское влияние, так как он считал Пруссию «исконным и смертельным врагом Австрии». Но своей политикой он достиг как раз обратных результатов. В 1813 г. наметилась, хотя и слабая, возможность революционного объединения Германии снизу. Это обстоятельство благодаря усилению всех немецких земель переместило центр тяжести германской политики из Пруссии на другие земли, главным образом на более передовые области, расположенные на юге и по течению Рейна, а Пруссия стала такой же немецкой провинцией, как и другие. Политика же Франца I и Меттерниха ставила своей целью — особенно в период 1813—1817 гг. — всеми средствами препятствовать объединению Германии революционным путем. В результате они добились только того, что объединение Германии произошло, правда, сверху, но зато под главенством Пруссии¹.

После 1830 г. дела пошли еще хуже. Июльские события во Франции усилили страх правительства перед революцией. Политика нажима приняла еще более резкие формы, и в то же время стала проводиться система мероприятий, имеющих целью предотвратить дальнейшее развитие промышленности, так как правительство считало промышленные предприятия «очагами беспорядков». Выпуск продукции уменьшился, цены росли, налоговые поступления сокращались, и страна вновь стояла на пороге банкротства. Министру финансов Коловрату удалось на некоторое время привести бюджет в порядок, но кризис все углублялся и грозил свести на нет все его бюджетные ухищрения. Австрия уже не могла далее содержать свои войска в Европе «для поддержания в ней порядка». И кичливому габсбургскому государству пришлось снизойти до просьбы о кредитах у своих союзников и в первую очередь у Англии, ссылаясь при этом на свои обязательства

---

¹ Автор здесь имеет в виду объединение Германии, проведенное под главенством Пруссии (без участия Австрии и против Австрии) в 1864—1871 гг. — *Прим. ред.*

как члена «Священного союза». Но «Священный союз» уже не был для других его членов так необходим, как прежде. Англия и Россия были заняты своими делами в других местах, а французские банкиры, которые нередко выручали Австрию (и лично Меттерниха), теперь, со времени июльской революции 1830 г., держались другого курса. Никто больше не хотел без конца давать деньги. Как в Лондоне, так и в Париже австрийское правительство ничего не получило, кроме советов навести порядок внутри государства — тогда, мол, и деньги найдутся! В результате надо было еще ту же завинтить налоговый пресс и еще раз обесценить валюту.

После смерти императора Франца в 1835 г. ему наследовал Фердинанд I. Вѐнцы с насмешкой называли его «дурачком». Он страдал эпилепсией, часто бывал невменяем и не мог заниматься государственными делами. Вместо него правил государственный совет: эрцгерцог Людвиг, Меттерних и Коловрат. Меттерних и Коловрат никогда и ни в чем не были согласны. Людвиг принимал такие решения, которые натравливали одного на другого, а в последние годы фактически вообще не принимал участия в управлении. Пущенная однажды в ход административная машина продолжала работать без управления, всюду господствовала рутина. В Вене утверждали, что в этот период вся правительственная власть находилась в руках начальника полиции.

Когда же в 1846 г. разразился экономический кризис, первый серьезный кризис капиталистического мира, который в Австрии, естественно, принял особенно катастрофические формы, правительство было окончательно парализовано. Оно оказалось бездейственным и тогда, когда обанкротившиеся предприятия начали закрываться одно за другим, рабочих выбрасывали на улицу, начались голодные бунты, число которых все росло, и голодающие почти ежедневно стали громить булочные. Через несколько недель правительство, наконец, собралось с силами и организовало общественные работы. Однако средства скоро иссякли и работы остановились.

Зима 1847/48 г. была очень тяжелой. На улицах ежедневно подбирали умерших от голода и замерзших; работницы, чтобы добыть кусок хлеба для детей, вынуждены были заниматься проституцией; продолжало расти количество обанкротившихся предприятий; число самоубийств все увеличивалось; государственный долг достиг 748 млн. гульденов, и вновь было выпущено огромное количество бумажных денег. Против крестьян, которые не могли больше платить податей, посылались солдаты; однако крестьяне продолжали упорствовать и разоряли солдат, которые не оказывали им почти никакого сопротивления. Войска, которые должны были усмирять демонстрантов, отказывались в них стрелять,

а если и стреляли, то в воздух, и правительство было не в состоянии привлечь их к ответственности и подвергнуть наказанию.

Меттерних уже не мог спасти реакцию, теперь он сам пал ее жертвой. Под влиянием эрцгерцогини Софии, матери будущего императора Франца Иосифа, еще в феврале 1848 г. было решено принести Меттерниха в жертву. Рассчитывали таким путем приостановить ход событий. Но это решение — от принятия которого еще было далеко до его выполнения — было принято слишком поздно.

В феврале в Париже снова началась революция, и весть о том, что «во Франции началось», прокатилась по всей Европе. В Италии произошли столкновения между населением и имперскими войсками. С начала марта в Вене повсюду организовывались революционные собрания. 3 марта в Пресбурге Кошут выступил с речью, в которой призывал австрийцев свергнуть реакционное правительство. Его речь стала известна всем венцам. В те же дни умеренный Промышленный союз обратился к императору с письменным прошением, в котором просил о проведении реформ и предоставлении населению гражданских свобод. 11 марта на улицах Вены были расклеены плакаты, призывавшие народ к восстанию и свержению правительства. 12 марта студенты передали правительству резолюцию, содержавшую ультимативное требование восстановить свободу преподавания и отменить цензуру. Рано утром 13 марта император назначил на 3 июля созыв депутатов от всех сословий, всех земель монархии для переговоров о «необходимых реформах». Но это неопределенное обещание не имело теперь никакого значения. Революция уже началась.

Штурм

На 13 марта было назначено заседание Нижнеавстрийского ландтага. Эти сословные собрания были бесцветными, политически абсолютно недееспособными дворянскими корпорациями, в которых буржуазия вообще не была представлена. Но это были единственные представительные учреждения в Австрии, хотя и очень мало похожие на народные, и они теперь были призваны служить рупором народных требований, обращенных к короне. Уже с раннего утра здание, в котором происходило заседание ландтага, окружила большая толпа людей, которые выкрикивали свои требования: «Свобода! Конституция! Долой правительство!» Массы еще не имели вождя, а представители сословий, не имевшие ни малейшего желания выступать в качестве народных представителей и идти против короны, «окопались» в здании и там пытались договориться. В 9 часов утра по городу разнесся слух — «идут студенты». Студенты Венского университета и технического училища направлялись строем к зданию, в котором происходило за-

седание. Это была самая смелая и самая решительная часть горожан, их резолюция выражала открытый протест народа против правительства, они объявили о своей готовности, если понадобится, защищать свои требования силой. Их прибытие сразу изменило ход событий. Пока представители студентов вели переговоры с народом и один студент, под восторженные крики тысяч присутствующих, держа в руках стакан с водой из колодца, произнес тост в честь свободы, конституции и свободной и великой отчизны — Австрии, депутация отправилась в здание ландтага и принудила заседавших там людей кончить свои прения и идти вместе с народом к дворцу. Сословия старались всячески увильнуть от этого совместного выступления и передали толпе свою резолюцию, выражавшую «верноподданническую благодарность» императору за обещание созвать собрание представителей сословий. Под смех и крики негодования тысяч собравшихся один студент разорвал эту резолюцию в клочки и пустил их по ветру. Депутации от сословий ничего не оставалось делать, как присоединиться к процессии, направлявшейся к дворцу.

Речи, произносившиеся в этот день около здания ландтага, явились революционной программой — правда, еще умеренной программой, в основном содержащей требования гражданских свобод, — но, тем не менее, это была программа борьбы. В тот день, да и в последующие дни эта программа была также программой единства. Она призывала народ всей Австрии, независимо от классовой принадлежности и имущественного положения, на борьбу за свободу и разъясняла всем народам монархии, что борьба Вены является одновременно и борьбой за их права и свободу. 13 марта перед зданием, где происходило заседание ландтага, выступил молодой врач Адольф Фишгоф, в будущем видный деятель революции. 13 марта Фишгоф говорил: «Порочные методы государственного управления разъединили народы Австрии. Теперь они должны найти друг друга и в братском союзе увеличить свои силы. Слабость одних народов компенсируется силой других, и преимущества каждого народа в результате их объединения еще более возрастут, послужат на пользу государству и принесут ему еще небывалые величие и могущество... Да здравствует Австрия и ее славное будущее! Да здравствуют объединенные народы Австрии! Да здравствует свобода!»

Слова Фишгофа о свободе печати, религиозной свободе, ответственном министерстве и вооружении народа повторялись тысячеклосым хором, и звук голосов долетал до правительственных кварталов города.

«Студенты требуют свободы и вооружения народа», — взволнованно доложили одному важному государственному чиновнику, как только он переступил порог своего кабинета. «А какой шуткой ответили им на это венцы?» — спросил он. «Никакой! — был

ответ. — Они вооружаются сами, чтобы помогать студентам». — «Не ответили шуткой? Тогда это конец».

Конец, повидимому, действительно приближался. Правительство беспомощно следило за происходившими событиями: у него не было иного выхода. Единственное, до чего додумались, — это послать против народа войска. К 13 часам дня в город стали стягивать полки, которые за день до того получили распоряжение отправиться в Италию для подавления там восстания и теперь поспешно возвращались в Вену. Известие о том, что вызваны войска, с быстротою молнии облетело Вену. Если правительство и надеялось таким путем подавить восстание, то этим оно достигло как раз обратного. Тысячи горожан, которые до этого безучастно смотрели на народные демонстрации или еще надеялись путем подачи петиций и адресов правительству чего-нибудь достигнуть, теперь сами стали говорить о борьбе и готовиться к ней. Весть о прибытии в город войск облетела и предместья Вены. Среди населения предместий уже давно шло брожение. На многих фабриках рабочие уже несколько дней назад начали вооружаться. Еще рано утром на большинстве предприятий работа была остановлена и группы рабочих присоединялись к шествию, направляющемуся к зданию, где происходило заседание ландтага. И вдруг пронёсся клич: «Все в город! На помощь студентам!», который был услышан на окраинах Вены, услышан в квартирах бедноты, в жарких, душных фабричных помещениях, на улицах, где толпились голодные безработные. Со всех сторон двинулись к городу бесконечные процессии.

Солдаты получили приказ стрелять в народ. Многие из них, в том числе итальянские пехотные полки и артиллеристы, не подчинились приказу. Итальянцы стреляли поверх толпы в воздух, а среди артиллеристов были даже и такие, которые в ответ на приказы командиров отрезали уже зажженные фитили у пушек и отказывались стрелять в безоружный народ. Однако не все солдаты отказались повиноваться начальству. Многие, выполняя приказ, начали расстреливать толпу. На мостовой лежали убитые и раненые, но очистить улицы от демонстрантов войскам не удавалось. Сражение продолжалось целый день. Повсюду сооружались баррикады, в некоторых местах студенты, горожане и рабочие разломали караульные будки и, вооружившись палками и досками, вышли с этим импровизированным оружием навстречу войскам и заставляли их отступать. Когда наступил вечер и улицы осветились факелами горящего газа, струящегося из поломанных уличных фонарей, которые венцы в тот день называли «факелами свободы», то оказалось, что войска правительства всюду отступили; толпы народа все прибывали, с окраин в город шли все новые колонны демонстрантов. Тогда и правительство поняло, что сражение проиграно.

Уже ночью стало ясно, что правительство намерено капитулировать. Было вывешено объявление, в котором говорилось, что Меттерних слагает с себя обязанности имперского канцлера. В действительности же он в одну минуту был отстранен от должности императором. В сообщениях, которые последовали вслед за тем, были даны обещания уничтожить цензуру. Но эти уступки правительства уже не имели значения. Студенты, которые в течение прошедшего дня сделались всеми признанными вождями революции, требовали удаления из города войск и вооружения народа.

После некоторого размышления правительство согласилось на вооружение горожан и части студенчества и возложило охрану порядка в городе на гражданскую гвардию. Позднее, уже в полночь, оно также согласилось и на вооружение студенчества. Оставшиеся при дворе министры, особенно Коловрат, считали создание гражданской гвардии гениальным замыслом. Они рассчитывали на то, что горожане и студенчество, ответственные теперь за «поддержание спокойствия и порядка», обратятся против рабочих. Этим же объяснялась и позиция некоторых членов Промышленного союза, которые вначале приветствовали требования студенчества, но, по мере того как движение все разрасталось и студенты стали действовать заодно с рабочими, начинали уже с неприязнью относиться к этому «бунту черни». И хотя Промышленный союз также развивал энергичную деятельность и называл себя «генеральным штабом революции», он не представлял собой населения всей Вены. Национальная гвардия и студенты решительно отказались в угоду правительству заняться усмирением «толпы». Они рассматривали себя как вооруженную «армию революции». Хотя студенты были плохо вооружены (в арсенале, который они заняли, хранилось главным образом устарелое и непригодное оружие), однако с этого вечера фактически студенты вместе с гражданской гвардией представляли собою как бы городскую власть. В последующие дни и рабочие также вооружились.

14 и 15 марта борьба все еще продолжалась. Основные требования восставших еще не были удовлетворены. Они требовали введения конституции, которая бы точно определяла политические права народа, замены абсолютной монархии монархией конституционной, ограниченной выборным парламентом, и назначения министров, ответственных не перед короной, а перед парламентом. Правительство делало все, лишь бы не пойти на уступки, оно давало неопределенные обещания, ссылаясь на предстоящее собрание представителей сословий, а борьба между тем разгоралась с новой силой, и вооруженные массы приближались к Гофбургу. Несмотря на то, что проезжавшего по Вене императора Фердинанда встречали восторженными овациями, так как народ воспринял его появление как знак доверия короны к народу и ее

готовности пойти на уступки, Габсбурги все же опасались, что народные массы могут начать штурм дворца и на развалинах свергнутого трона провозгласить конституцию. И правительство уступило. 15 марта после полудня в городе было объявлено, что император согласился дать конституцию и что на июль назначается собрание провинциальных ландтагов с представителями от буржуазии для обсуждения конституции. (В тот же день Меттерних, переодевшись, бежал из Вены.) Первая фаза революции окончилась победой народа.

Одновременно с революцией в Вене началась также революция в неавстрийских землях Австрии. Венгерский сейм уже в течение нескольких недель исполнял обязанности революционного Национального собрания. Были изданы так называемые мартовские законы, по которым Венгрия объявлялась самостоятельным государством, связанным с Австрией лишь весьма непрочной личной унией. Согласно мартовским законам право выбирать в национальный сейм предоставлялось всем лицам, платящим свыше 30 гульденов налога, была объявлена свобода печати, свобода вероисповедания, были введены всеобщее обучение и всеобщая воинская повинность. С Австрией новое венгерское государство должно было быть связанным только через вице-короля (палатина), назначаемого австрийским императором, и через особых послов, посылаемых в Вену. Мартовские законы были посланы в Вену на подпись Фердинанду. Положение в монархии было таково, что император был вынужден дать 8 апреля свое согласие. Под давлением венгров трансильванский сейм был вынужден принять решение о самороспуске, и Трансильвания была присоединена к Венгрии. Было образовано Временное венгерское правительство — Баттьяни, Деак, Кошут, Этвеш и Сечени. Революционные порядки в Ломбардии установились позднее, чем в Будапеште и Праге, а потому Ломбардия в своих требованиях шла еще дальше. Восстание в Ломбардии, начавшееся 18 марта, ставило своей целью полное отделение Ломбардии от Австрии и включение ее в самостоятельное королевство Италию. Венское правительство с самого начала предложило Ломбардии автономию, а когда это предложение было отклонено, то оно, под давлением обстоятельств, было готово дать согласие на отделение Ломбардии, а Венеции — предоставить автономию. Но в это самое время находящаяся в Италии армия генерала Радецкого понемногу и в полной тайне стала получать подкрепление.

По решению венгерского парламента Хорватия должна была войти в состав нового Венгерского королевства. Хорватский сейм, который также собрался к этому времени, не возражал против этого постановления, так как хорваты получили от Деака обещание предоставить Хорватии широкую автономию, и в первую очередь в вопросах языка. Хорватский сейм приветствовал венгер-

скую революцию и послал своих представителей в Пешт для переговоров о положении Хорватии в рамках нового государства.

Поляки также выставили свои требования, имевшие много общего с требованиями итальянцев. Они требовали отделения Галиции и включения ее в состав новой Польши. Однако это требование было условным, так как оно предполагало прежде всего освобождение остальной Польши. Освобождение же той части Польши, которая была присоединена к России, в тот момент было маловероятным, так что в первую очередь речь шла об отделении польских земель от Пруссии, где в то время также вспыхнула революция. И в то время как левые в Пруссии и революционеры других немецких земель включили в свои программы пункт о восстановлении свободной Польши, которая должна была служить бастионом против русского царизма, подавляющая часть немецкой буржуазии относилась к этому вопросу более чем сдержанно.

Революция в Праге имела много общего с революцией в Вене. Здесь, так же как и в Вене, было сильно влияние левых — рабочих и мелкой буржуазии, что и определило дальнейший ход событий. По своему составу буржуазия Чехии и Моравии отличалась от буржуазии австрийской монархии: крупная буржуазия здесь была почти вся австрийской. Мелкие буржуа, а также рабочие были главным образом чешского происхождения. Поэтому с первых же дней развитие революционных событий определялось здесь как социальными, так и национальными мотивами. Первая же декларация, составленная 11 марта чешским национальным обществом «Рипиль», требовала не только единого чешского парламента для земель «чешской короны», создания чешской национальной гвардии, признания равноправия чешского и немецкого языков, свободы печати и свободы преподавания, но также в отличие от венской программы содержала два требования социального характера: отмены барщины и всех повинностей для крестьян и «организации работ и справедливой оплаты труда». «Святовладецкий комитет» — национальный комитет, возникший в мартовские дни, объединявший не только чехов, но и все население, говорящее на немецком языке, послал свою декларацию в Вену, но получил от венского правительства уклончивый ответ. 29 марта снова состоялись демонстрации рабочих, студентов и мелкой буржуазии, требовавших ясного ответа. Наконец правительство пошло на частичные уступки. Было разрешено создание центрального министерства для чешского королевства, чешский язык признавался равноправным немецкому, и вводилось всеобщее обучение. Вопрос об автономии должен был быть разрешен будущим законодательным собранием. В начале апреля был основан Национальный комитет, в котором из 140 мест 70 принадлежали представителям город-

ской интеллигенции, главным образом чешской, 20 — представителям духовенства и дворянства и 50 мест были отданы представителям немецкой и чешской буржуазии.

От марта к маю

Первое сражение абсолютизмом было проиграно, власть во всей монархии находилась теперь в руках народа. Но народ не всегда имел ясное представление, как нужно воспользоваться этой властью.

Когда первое радостное возбуждение прошло, выяснилось, что в правительстве все еще сидят прежние люди — напуганные, дрожащие, но все же занимающие еще министерские посты. Канцлером вместо Меттерниха стал Коловрат, который назначением на этот пост был обязан своей репутации противника Меттерниха. Но уже через несколько дней выяснилось, что он отличался от Меттерниха скорее полным отсутствием каких-либо способностей и исключительной бездеятельностью, чем политическими убеждениями. О том, как неуверенно Коловрат себя чувствовал, свидетельствует, например, такой факт, что при вступлении в новую должность он послал спросить студентов, как они к этому отнесутся. Их ответ указывает между прочим также и на то, как мало значения они придавали важнейшему из всех политических вопросов — вопросу о правительстве. Они велели передать Коловрату, что он может остаться, а может и уйти — им это безразлично.

Коловрат находился у власти очень недолго. За ним следовал несколько более деятельный, но такой же бесцветный кабинет графа Фикельмона. Это правительство так же, как и предшествовавшее ему, старалось выиграть время, оттягивая объявление Конституции и созыв Национального собрания. Несмотря на обещание императора отозвать войска из Италии и ограничиться защитой границы, проходящей через Тироль, военные операции на юге все еще продолжались. Правда, как было установлено позднее, они продолжались почти целиком по инициативе главнокомандующего Радецкого. 3 мая, в результате демонстраций студентов и рабочих, Фикельмон должен был уйти в отставку. На смену пришел кабинет Пиллерсдорфа, «подкрашенный» несколькими либералами, оказавшимися в его составе.

Несчастье революции заключалось в том, что восставшие не были в состоянии создать свое правительство и противопоставить его правительству Фикельмона или Пиллерсдорфа. Вопрос о власти встал еще в марте. Уже 17 марта Бауэрнфельд высказал в шуточной форме по существу очень серьезное требование:

«Настоятельно необходимо!
Временное правительство!»

Конституция — пустой звук без настоящего правительства; нельзя управлять никакой конституционной страной без министерства, и именно ответственного министерства. Старая система развалилась, вместе с ней исчезли и люди, которые ее представляли; новые люди, вошедшие в состав временного правительства, должны, естественно, быть облечены доверием страны. Тогда они действительно будут управлять, чего сейчас нет. В первые дни я этого не заметил, так как эти люди представлялись мне праведниками от конституции, но теперь мне это кажется слишком безрассудным, и я прошу успокоить меня, чтобы я, наконец, мог работать. Итак, ради бога, дайте настоящее правительство и не позднее завтрашнего дня — дольше ждать нельзя, — а если можно, то сегодня!»

Кошут, который через несколько недель после начала революции прибыл в Вену, высказывал те же мысли. В беседе с представителями венского студенчества он сказал: «Приложите все старания к тому, чтобы скорее создать ответственное народное правительство. Это как раз то, что меня беспокоит. Но кто сейчас популярен? Кто эти люди, которым в настоящий момент Австрия имела бы право довериться? Где они? Назовите их имена! Конечно, они у нас есть, как и во всякой стране, но при господстве потерпевшей крушение системы народ не смог найти нужных ему людей, которых он мог бы на руках нести на министерские скамьи».

Слова Кошута о недостатке «популярных людей» верны лишь отчасти. Отсутствие легального оппозиционного движения определенно привело к тому, что народ не имел возможности узнать своих будущих вождей, но этот недостаток можно было довольно быстро преодолеть в ходе революции. В действительности же имелось достаточно людей, пользовавшихся доверием народа, которые могли бы взять управление страной в свои руки, например Фишгоф, профессор университета Фюстер, храбрый, но осторожный человек. Среди членов Юридическо-политического литературного общества и Промышленного союза могли бы найтись люди, могущие занять министерские посты. Неверно также предположение, что в те дни корона еще могла препятствовать образованию Временного правительства, ибо власть уже ускользала из ее рук. Настоящая причина заключалась совсем в другом. Некоторые участники революции 1848 г. недооценивали значения Временного народного правительства, другие же не хотели слишком серьезно связывать себя с революцией.

Революция была совершена усилиями рабочих, студентов, мелкой буржуазии и промышленников. В ней приняла участие даже часть дворян и банкиров. То, что Ротшильд и другие банкиры незадолго до революции отказали в кредитах Меттерниху, а спустя несколько недель добровольно предоставили в распоряжение сту-

денческих корпораций значительную сумму для удовлетворения нужд студентов, — факт очень характерный. Никто больше не хотел продолжения старой политики, но это вовсе еще не значило, что все были согласны с новой политикой.

Характерно поведение Промышленного союза в период между мартом и маем. Члены его не выступали против студентов и мелкой буржуазии, которые вершили политику этих дней, но они уклонялись от активного участия в этой политике. Точно таким же сдержанным и холодным было отношение и членов Юридическо-политического литературного общества, другой организации крупной буржуазии. В общем они были согласны с идеями, высказываемыми трибунами революции, но давали советы, которые в большинстве случаев вели к умеренности, к политике выжидания. Когда в мае Пиллерсдорф предложил некоторым из членов этих организаций (доктору Александру Баху и Шмерлингу) войти в третий мартовский кабинет министров — они отказались.

Также неясна была позиция и части мелкой буржуазии. Среди сапожников, портных, ремесленников и кустарей, сражавшихся 13 марта на улицах Вены, было немало таких, которые на самом деле боролись не за новые порядки, а против них. Для них не меньшим злом, чем абсолютизм, были фабрики, которые угрожали их существованию; они боялись развития промышленного капитализма, дающего возможности для возвышения одним и несущего гибель другим. По существу их интересам вполне отвечало предложенное вначале правительством создание сословного представительства при условии, что и они также получают право послать своих представителей и что эти сословные организации подтвердят старые цеховые постановления и прежде всего запретят открывать новые промышленные предприятия. Во всяком случае роль такого рода организаций им была понятней, чем роль революционного конвента. За счет этой части мелкой буржуазии можно объяснить и частые колебания, характерные для поведения гражданской гвардии.

Студенты были единственными, кто представлял себе хоть в какой-то мере цели, за которые они боролись. Они требовали демократической конституции, народного правительства и социальной справедливости. В этих своих требованиях они были солидарны с рабочими, для которых революция в первую очередь открывала перспективы улучшения их невыносимого положения и для которых требование отмены налога на предметы потребления, сильно увеличившего стоимость продуктов питания, представляло не меньшее значение, чем другие требования, выдвинутые революцией. Однако студенты не учли того обстоятельства, что они не смогут долго руководить революцией сами и не смогут только своими силами, без союзников, довести ее до победного конца.

В течение всей весны студенчество все еще являлось самой активной силой революции и союз студентов с рабочими становился все более прочным. Актовый зал университета, место собраний студентов, скоро превратился в место заседаний своего рода неофициального министерства. Студенты занимались разбором всевозможных дел: жалоб рабочих на низкую оплату и на несправедливое отношение к ним фабрикантов, жалоб мелких фабрикантов и промышленников на недостаточную охрану их предприятий от нападений, жалоб на злоупотребления властей (которые часто пытались под шумок притеснять левых на основании формально еще не отмененных законов), на превышение цен, отсутствие порядка на рынках, на высокие новые налоги и т. д. Главным образом студенты протестовали против принятого правительством закона, только частично удовлетворявшего выставленные в марте требования ландтага и буржуазных организаций об отмене цензуры и полицейского контроля. И, наконец, позднее студент Ганс Кудлих внес на рассмотрение Национального собрания закон о полном освобождении крестьян. Правда, требования студентов не шли дальше вопросов внутренней политики, касающейся преимущественно города Вены и Нижней Австрии. Вопросы же внешней политики и вопросы взаимоотношений с неавстрийскими народами монархии они полностью предоставили правительству.

Еще в середине марта император обещал конституцию, но сроки обнародования ее все отодвигались. В апреле снова начались демонстрации, направленные главным образом против правительственной политики проволочек. В связи с этим обнародование конституции было назначено на 25 апреля. В этот же день праздновался день рождения императора и предполагался грандиозный парад войск. Уже за несколько дней до этого представители правой консервативной группы «защитников спокойствия и порядка», которая тайно начала формировать свои силы, с явно провокационной целью распространили слух о том, что 25 апреля военные собираются произвести государственный переворот с целью установления военной диктатуры и возвращения к старым порядкам. Может быть, такое намерение и действительно существовало, но Вена не допустила бы возвращения к домартовским порядкам. Поэтому в течение всех дней, предшествовавших 25 апреля, шло лихорадочное вооружение. Студенты отливали пули и приводили в порядок свое оружие, горожане тоже вооружались, рабочие венских предместий опять готовились к шествию в центр города. Ожидавшийся государственный переворот не состоялся. Парад проходил в полном порядке, и успокоенные венцы братались с солдатами и офицерами. Но вечером, когда была опубликована конституция, приподнятое радостное настроение стало заметно снижаться.

Нельзя сказать, что конституция сама по себе не была про-

грессивной. Она провозглашала все буржуазные свободы — свободу печати, свободу собраний, свободу организаций, неприкосновенность личности, гласность суда, ответственность министров перед парламентом. Она предоставляла парламенту исключительное право издавать и отменять законы и содержала еще целый ряд бесспорно демократических положений. Еще в марте обнаружение такой конституции возымело бы свое действие, но в апреле, когда революция уже совершилась, она была недостаточной.

Ее главным недостатком, по словам левых демократов, как их теперь повсюду называли, было то, что это была «октроированная конституция». Выражая свои желания, народ дал лишь предварительный набросок той конституции, которую окончательно должно было выработать созванное Национальное собрание. После нескольких недель обсуждения и рассмотрения претензий по поводу обнаруженной конституции, в которых особенно активно участвовали консерваторы и представители так называемой середины — либералы, чаяния которых прежде всего выражало литературное общество, пришли к выводу, что расхождения имеют несколько теоретический характер. В конце концов Национальному собранию принадлежит право изменить конституцию, исправить ее или совсем отклонить.

Главное заключалось не в этом. Конституцией узаконивался ряд несправедливостей, например учреждение двух палат, причем члены одной, своего рода верхней палаты, не избирались, а частью назначались императором, частью же формировались из представителей крупных помещиков и церкви. Далее, вводился имущественный ценз, лишавший избирательного права неимущих, и, наконец, устанавливался возрастной ценз и деление избирателей на пассивных и активных. Два последних пункта сохранились и в опубликованном вскоре затем избирательном законе. Самое главное было выражено в первом пункте конституции, в котором Австрия объявлялась «неделимой и единой» и перечислялись земли, входящие в «неделимую» Австрию. Это были — Чехия, Галиция, Иллирия, Каринтия, Крайна, побережье Адриатического моря и Далмация. Таким образом, поляки и чехи получили отказ на все их требования о самостоятельности; это было также и пощечиной венграм, которые включили в свое новое государство значительную часть Иллирии. И в то же время это было отказом от всех планов установления единства с немцами.

Между тем в Германии также совершилась революция, и одним из ее требований было объединение всех немецких земель, включая и Австрию, в «свободное немецкое государство». Во Франкфурте, где позднее заседало «Немецкое национальное собрание», начал работать подготовительный комитет, принять участие в работе которого были приглашены также и представители Австрии. Самое Национальное собрание и все решения, которые

оно могло принять, конституция попросту игнорировала. Поляки, чехи и венгры немедленно выступили с протестом, а сторонники движения за объединение немецкого народа, которые почти в равной мере состояли из либералов и крайних демократов, объявили конституцию «изменой идее немецкого единства».

Нельзя сказать, чтобы конституция полностью противоречила желаниям всего населения. Одна часть общества, а именно финансовые круги, крупные фабриканты, аристократия и большинство либеральной буржуазии были вполне удовлетворены. Их требования в большей части были учтены. Ни то обстоятельство, что это была «октроированная» конституция, ни возрастной и имущественный цензы не противоречили их интересам. Первый пункт конституции, который вызывал возражения, так как оставлял монархию в прежнем ее виде, для них был определенно выгоден по экономическим соображениям. Они ни в коем случае не хотели отказываться от дешевой рабочей силы и дешевого сырья, поступающего из таких земель, как Чехия, Галиция, Крайна. И их вполне устраивало, что правительство заботится о соблюдении их интересов. Но они были пассивны и поэтому были оттеснены более активными демократическими группами, которые искали и находили поддержку у простого народа. Начиная с мартовских дней в Вене существовало своего рода двоевластие, так как имелось два вида вооруженных сил. Регулярной армии, которая была стянута в столицу и размещена по казармам, противостояла «революционная армия», в которую входили части аристократической и буржуазной национальной гвардии внутреннего города, демократической национальной гвардии некоторых районов Вены, либеральной гражданской гвардии и демократического «Академического легиона» из студентов. Иногда обе эти армии вступали в соперничество. Спор шел главным образом о том, кто будет нести обязанности по поддержанию порядка в городе и охранять императора, причем революционная армия брала верх. Революционная армия была политической организацией и потому не могла довольствоваться выполнением только военных обязанностей.

В апреле был образован Центральный политический комитет, который должен был служить рупором национальной гвардии и «Академического легиона». Он ставил своей целью представлять интересы народа и его военной организации, стремился оказать влияние на политическую жизнь и прежде всего осуществить охрану принципов демократии. По своему составу Центральный комитет был таким же пестрым, как и сама национальная гвардия. Он имел своих правых, либеральный центр и левых, представлявших «Академический легион». Поскольку левые выступали сплоченно и решительно и, в противоположность другим группировкам, ясно сознавали свои цели и готовы были за них бороться, то в большинстве случаев они оказывались победителями.

В течение апреля и мая Центральный комитет все более становился центром борьбы против «конституции сверху», которую он предлагал считать временной и которой он противопоставлял следующие требования: однопалатная система, всеобщее избирательное право и снижение возрастного ценза. Правительство рассматривало комитет в качестве своего главного врага и прилагало все усилия, чтобы его расколоть. Сначала оно пыталось оторвать от комитета правых и либералов. Для этого оно старалось представить левых анархистами и республиканцами, могильщиками габсбургского государства и, пытаясь их скомпрометировать, называло их то орудием тех национальностей, которые стремились к расколу австрийского государства, то орудием в руках рабочих (которые были возмущены в результате экономического давления промышленников). Наконец оно тайно предложило либералам занять правительственные посты. Но поскольку либералы и представители аристократов и национальной гвардии видели, что положение правительства непрочное, они отклонили эти предложения. Таким образом, первая попытка расколоть Центральный комитет правительству не удалась.

Тогда правительство решилось на пробу сил. В начале мая оно обратилось к Центральному комитету с ультимативным требованием о самороспуске. Когда комитет отклонил это требование, правительство пригрозило разогнать его силой. Угроза подействовала подобно искре, попавшей в пороховую бочку, и Вена поднялась снова.

В ответ на угрозы правительства появилась «петиция штурма» («*Sturmpetition*») Центрального комитета, содержащая требование о немедленном принятии четырех изменений в тексте конституции. Правительство мобилизовало войска. Между 15 и 26 мая произошли решающие события.

Уже рано утром 15 мая повсюду начались демонстрации. Когда Центральный комитет направился в Гофбург, чтобы вручить петицию, вместе с ним двинулись революционные войска и вся Вена. Многие тысячи людей участвовали в демонстрации 15 мая, и в противоположность первой демонстрации 13 марта все они теперь были вооружены.

Вена приготавлилась защищать революцию уже не словами или резолюциями, а с оружием в руках, на баррикадах. Студенты обратились к рабочим с призывом о помощи, и тысячи рабочих пришли на помощь. В этот день уже не хорошо одетые люди в цилиндрах и перчатках, не либеральные аристократы и не профессора задавали тон демонстрации; это были люди в рабочих блузах и деревянных башмаках, оборванные и голодные «строители баррикад» из рабочих предместий, вооруженные лопатами и железными штангами. Рабочие понимали, что предстоит борьба, и приготвили к ней. Когда рабочие все более плотным кольцом

стали окружать правительственные кварталы, один из участников демонстрации спросил их — чего они хотят? На это ему ответили: «Мы — строители баррикад». «Это выражение поразило всех нас, так как до сих пор никто не думал о возведении баррикад» — рассказывает участник демонстрации. И это не были пустые слова. Через несколько часов и в центре города уже возвышались баррикады. Вооруженные студенты и рабочие приготовились к их защите.

Но не все, кто говорил о революции и ее защите, действительно хотели ее победы. Либеральная буржуазия и промышленники со смешанным чувством наблюдали движение масс. Лаубе, который в эти дни находился в Вене, рассказывает: «Я почувствовал, что меня кто-то тронул за плечо, и увидел позади одного своего знакомого, который мне шептал, чтобы я отошел назад, за переднюю линию. «Куда?» — «За линию стрельбы, от дворца к Капустному рынку». — «Кто же будет стрелять?» — «Канониры! Неужели вы думаете, что правительство позволит молодым студентам из актового зала университета и дальше управлять страной? Ниже уж нельзя опуститься. Революции мы хотели и хотели коренных реформ, потому что все остановилось в своем развитии, но перманентной революции мы не хотим, а в настоящий момент мы находимся на пути к ней. Господству студентов нужно положить конец. Академический легион должен быть распущен!» Так, как думал собеседник Лаубе, думали многие, и в первую очередь либеральная буржуазия. Но свои мысли они еще не претворили в дела.

Сооружение баррикад имело свой результат. Правительство, которое сначала заставило делегацию дожидаться в течение семи часов, при известии о возведении баррикад закончило свои дела с исключительной поспешностью и объявило о том, что оно берет назад свой приказ о роспуске «Академического легиона». Но делегация не расходилась и настаивала на принятии и других пунктов их петиции — внесении изменений в конституцию. Прибывали все новые колонны демонстрантов, легионеры заняли часть Гофбурга, и наконец поздно ночью правительство объявило о своем согласии признать конституцию временной, двухпалатную систему заменить однопалатной, отменить избирательный ценз и внести изменения в избирательный закон. Затем, опять-таки под давлением легионеров, было объявлено, что рабочие, лишённые избирательного права, теперь его получают.

26 мая правительство предприняло еще одну попытку подавить революцию. Оно стало действовать так, как будто бы событий 15 мая и не было и как если бы оно все еще являлось хозяином положения. Неожиданно был получен приказ о роспуске «Академического легиона», и правительство выслало войска, чтобы силой привести приказ в исполнение. Это была попытка про-

известии государственного переворота, которая исходила от самого правительства и готовилась под руководством военного министра графа Латура. Латур предполагал оцепить войсками внутреннюю часть города, с тем чтобы находившиеся там демократические подразделения национальной гвардии и студенты оказались отрезанными от предместий Вены. Но Латур не учел настроения венцев, которые только одиннадцать дней назад одержали крупную победу. Снова баррикады начали вырастать точно из-под земли, в каждом доме собирались защитники революции. Слабая линия войск, окружавших внутреннюю часть города, была прорвана наступающими рабочими, и спустя короткое время рабочие отряды и «Академический легион» вновь господствовали в городе. Латур помимо всего прочего не учел еще одного обстоятельства — настроения солдат. В большинстве случаев солдаты плохо защищали свои позиции, а иногда и совсем бездействовали. В «Волльцейле» один очевидец событий так описывает настроение войск: «Одна из баррикад на правом фланге защищалась легионерами медицинского корпуса. Штурм баррикады начало подразделение пехоты под командой офицера. Неожиданно один из студентов-медиков решительно выступил вперед и закричал: «Солдаты, не стреляйте в нас, мы хотим вам добра и всей стране тоже». — «Я не могу допустить, чтобы вмешивались в мои распоряжения. Вперед!», — закричал офицер. «Тогда они будут стрелять в вас, своего врага, но не в нас, своих друзей!», — отвечал легионер. Солдаты опустили ружья и офицер должен был командовать: «Поворот направо, марш!» Победа была достигнута без кровопролития».

В эти дни выступление пролетариата как активно борющейся силы приняло по сравнению с 15 мая более широкие размеры и в еще большей степени, чем тогда, повлияло на ход событий. 26 мая стало еще более очевидно, что именно рабочие являются подлинными защитниками революции и политическими борцами. Даже их противники, представители той части горожан, которых еще в мартовские дни коробило неожиданное появление в их рядах оборванных жителей предместий, даже они теперь не могли не отметить железной дисциплины и сплоченности рабочих.

Через четыре часа правительству уже стало ясно, что эта его провокация не приведет к желаемому результату. Более того, правительство видело, что сопротивление войск делалось все слабее, все больше солдат переходило на сторону народа. В то время как из предместий подходили все новые отряды рабочих, на стороне реакции теперь почти никого не оставалось. Правительство стало бить отбой. В полдень было сообщено, что приказ о роспуске «Академического легиона» отменяется, войска должны вернуться в казармы, охрана городских ворот и другие военные функции должны выполняться воинскими частями совместно со студентами

и национальной гвардией. Однако требования населения шли дальше. Оно требовало вывода в течение 24 часов всех воинских частей из Вены, подтверждения правительством всех данных им 15 мая обещаний, немедленного созыва Национального собрания в Вене, привлечения к суду всех виновников провокации 26 мая, возвращения в Вену не позднее как через 14 дней императора (который в то время покинул Вену).

Баррикады сохранялись и в последующие дни, а рабочие и служащие продолжали оставаться вооруженными. Вена напоминала военный лагерь. Войска получили новый генеральный штаб. 27 мая была создана в качестве преемника Центрального комитета более широкая представительная организация — Комитет общественной безопасности, члены которого были избраны от всех частей революционной армии. Комитет ставил своей целью заботу о сохранении спокойствия и порядка и «охрану прав народа».

В то время как правительство после своего поражения 15 и 26 мая фактически перестало быть правительством и довольствовалось лишь тем, что следило за событиями и тайно строило козни против революции, функции правительства перешли к Комитету общественной безопасности. Через несколько дней последовала и формальная капитуляция правительства. Исполнительная власть была торжественно передана Комитету общественной безопасности, а единственной законодательной властью объявлялось будущее Национальное собрание. Виновные в провокации, приведшей к событиям 26 мая, были арестованы. Правительство обязалось обеспечить возвращение императора в Вену. Через несколько дней было получено еще более яркое доказательство победы революции. По требованию Комитета общественной безопасности национальной гвардии и «Академическому легиону» было передано 12 орудий. Уже после 15 мая стало ясно, что добиться победы своими силами реакция не сможет. Правые, «жирондисты» австрийской революции, на которых правительство возлагало свои надежды, были недостаточно сильны и подготовлены, чтобы выступить против левых. Нужно было привлечь еще какие-то силы со стороны, чтобы подавить революцию.

Спустя несколько дней после 15 мая был предпринят новый маневр — было инсценировано похищение императора из Вены.

Бегство императора, за которым последовала значительная часть высшего дворянства, произвело на венцев, находящихся в приподнятом настроении, вызванном победой, одержанной в предыдущие дни, исключительно отрезвляющее действие. Оставшиеся верными государю, а таких среди населения было немало, были возмущены и оскорблены бегством Фердинанда. Другие же, политически более дальновидные, считали, что отъезд императора, несмотря на то, что правительство оставалось в Вене, означал объявление войны.

Времена легких побед прошли. Начиналась серьезная борьба. Камарилья не действовала вслепую, когда покидала Вену. Она знала, что назревают новые конфликты и что революция вступает в решающую фазу. Она надеялась вдали от Вены изыскать новые вспомогательные силы, и ее надежды оправдались.

Трагедия свободы

Революция была не только в Вене. Она происходила в Вене и Будапеште, в Лемберге (Львове) и Лайбахе, а также в Праге. Пражская революция началась одновременно с венской. Между апрелем и июнем решилась ее судьба, а вместе с тем и судьба австрийской революции.

Революционное движение в Чехии и Моравии имело свои особенности. Представители крупной буржуазии говорили там на немецком языке, и часть буржуазии считала себя австрийцами, а часть даже немцами. Определенная часть дворянства также говорила на немецком языке. Остальное дворянство с некоторого времени стало считать себя чешским, средняя же и мелкая буржуазия и рабочие были чехами. Интеллигенция имела в обеих национальных группах. Среди студенчества, которое по большей части происходило из мелкой буржуазии и из крестьян, преобладали чехи. Крестьяне тоже были чехами. Вследствие этого внутри революционного движения существовала немецкая группа, политическая позиция которой примерно соответствовала взглядам венских либералов из Промышленного союза и литературного общества, и чешская группа — вернее, две чешские группы.

«Старая» чешская оппозиция, представителями которой являлись люди типа Ригера или Палацкого, имела среди своих членов много дворян (консерватизм которых несколько уменьшился благодаря их тесным связям с промышленниками и торговцами), большое число представителей высшей бюрократии и пришедшей интеллигенции — профессоров университета и известных публицистов. Культурные связи с Австрией были очень тесными. Все эти люди хорошо говорили по-немецки, сочинения многих из них сначала издавались на немецком языке, и Вена была для них таким же родным городом, как и Прага. Они, так же как и все, страдали от притеснений и оков меттерниховской Австрии и желали ее конца. Основные их требования были: реформы, свобода культурного развития и, в рамках реформ, известная самостоятельность земель чешской короны, которая бы дала им возможность непосредственно участвовать в культурном и экономическом развитии их страны и самим пользоваться плодами этого развития. В большинстве своем это были либералы или умеренные консерваторы.

Ко второй чешской группе, которая до июня 1848 г. была довольно слабо связана с первой, принадлежали средняя и мелкая буржуазия и рабочие. Для этой группы вопросы о правах и освобождении чешского народа представлялись несравненно более серьезными, чем для «старой оппозиции». Требование равноправия чешского языка для них не являлось случайным, а было вопросом жизни. Многие из них, особенно пришедшие из деревень, не знали немецкого языка или знали его очень плохо и, поставленные перед необходимостью им пользоваться, оказывались всегда в невыгодном положении по сравнению с владеющими немецким языком. Для мелкого буржуа, мелкого фабриканта говорящие по-немецки чиновники, занявшие все вакансии, а также говорящий по-немецки крупный буржуа являлись одержавшими победу соперниками. Для чешского же рабочего говорящий по-немецки хозяин фабрики, снижающий его зарплату и вводящий ненавистные новые машины, являлся непосредственным виновником его голодного существования. Вторая группа чешской оппозиции имела целый ряд таких национальных организаций как «Мещанская беседа», «Чешская липа», молодежная организация «Зворность», и по своим политическим взглядам соответствовала примерно левому крылу венских студентов, в социальных же вопросах она была даже более радикальной. Что касается национальной оппозиции, то «Чешская липа», «Зворность» и другие небольшие группы были также более радикальными, чем старая оппозиция. Они выступали за создание чешского государства с преобладающим влиянием чехов в области культуры и экономики, за создание правительства, министры которого были бы чехами, а чешский язык являлся бы государственным языком. Они не возражали и против союза с Габсбургской монархией, но главное заключалось в том, что они решались с оружием в руках бороться за осуществление своих требований. В период с апреля по июнь «Чешская липа» и «Зворность» оказали большее влияние на чешское национальное движение, чем либералы.

Сначала в Праге все шло гладко, и там царило радостное настроение. В мартовские дни чехи вместе с немцами участвовали в демонстрациях, создавали общие революционные комитеты, вместе распевали песни свободы, сообща требовали свободы печати, свободы преподавания и конституции. Чешские и немецкие студенты братались друг с другом точно так же, как их соотечественники братались в Венском университете. Но уже в начале апреля начались разногласия.

Первые конфликты между чехами и немцами, о которых мало что известно, произошли в Чехии и были вызваны причинами социального характера. В течение мартовских дней и в первые дни апреля рабочие Праги атаковали некоторые фабрики и поль-

зуюсь случаем, вывели из строя много паровых машин. Затем они потребовали увеличения заработной платы и понижения квартирной платы (большинство пражских домовладельцев, так же как и многие фабриканты, были нечешского происхождения). В это же время происходило много рабочих демонстраций; рабочие самовольно прекращали работу на фабриках. Либерально настроенные фабриканты обратились к чешским студентам и организации «Зворность» с просьбой восстановить порядок. Члены организации «Зворность», симпатии которых были на стороне рабочих, а не фабрикантов, сначала давали уклончивые ответы, а затем прямо отказались от выполнения просьбы фабрикантов. Отказ будто бы сопровождался замечанием о том, что «иностранцы» и без того «грабят чешский народ». Во всяком случае отказ послужил поводом для первой официальной жалобы на «угнетение немцев в Чехии». Слух об этой жалобе дошел до Вены (благодаря стараниям венского Промышленного союза, который никогда не упускал случая указать на «социальные опасности, таящиеся в революции»).

Вскоре последовали и другие конфликты. 3 апреля чешские организации опубликовали свои требования, в которых, между прочим, содержался пункт о равноправии чешского языка. Против этого, казалось бы, законного, требования чехов немцы подняли такую бурю протеста, о которой услышали далеко за пределами Праги. Полемика перекинулась также и в Вену, где приняла резкие формы как в правой, так и в левой прессе. Не было такого ругательства, не было такой плоской остроты, которых бы не пустила в ход «свободная» венская пресса.

Одно небольшое происшествие еще ярче характеризует господствующее в Вене настроение. Новый премьер-министр Пиллердсдорф, который некоторое время пытался лавировать между либералами и консерваторами, пригласил вместе с австрийскими либералами в состав своего кабинета в качестве министра просвещения вождя чешских либералов Палацкого, надеясь таким путем достигнуть некоторого примирения немцев с чехами.

По своим политическим взглядам Палацкий принадлежал к людям умеренного толка. Он выступал за сохранение Австрии как конституционной монархии. Палацкий с радостью согласился на сделанное ему предложение. Однако представители австрийской реакции приняли его так, как будто бы им предложили на пост министра дьявола в образе человека, и ответили градом оскорблений. «Бедные венцы теперь должны учить чешский язык, — язвительно замечали в Вене, — приглашение Палацкого свидетельствует о потере разума», и предлагали (это предложение было высказано в университетских кругах) правительству переехать на жительство в дом для умалишенных. Наконец, к Пиллердсдорфу отправилась депутация с протестом, и когда он справед-

ливо заметил, что нужно подождать и посмотреть, будет ли Палацкий неудачным министром, то разразился настоящий скандал. Пиллерсдорф сам едва удержался на посту. Дело кончилось тем, что Палацкий отказался от назначения.

Настоящая борьба развернулась в апреле по вопросу об участии во Франкфуртском парламенте. Подготовительный комитет Национального собрания во Франкфурте пригласил австрийцев для участия в его заседаниях, которые должны были явиться прелюдией к созыву первого парламента объединенного германского государства. В числе приглашенных был также и Палацкий. Австрийские левые выступали за участие во Франкфуртском парламенте, они также поддерживали идею объединения Австрии с Германией — и не только Австрии, но и всех остальных, исключая Венгрии, земель монархии. Теоретически они были против включения Галиции и Крайны, но поскольку эти страны были уже упомянуты — правда, в оспариваемой, «октроированной» конституции — как части «нераздельной Австрии», то вопрос о них обошли молчанием и, кроме того, пригласили еще Польшу. Большинство левых считало совершенно очевидным, что земли чешской короны также войдут в новое германское государство, и считало излишним спрашивать у чехов их мнения.

Однако чехи думали иначе. Для них вхождение в германское государство означало гибель их национальных устремлений, конец их мечтам о самостоятельном чешском государстве. Помимо общих политических соображений, которыми они руководствовались, чувство самосохранения не позволяло им доверить Австрии и Германии свои, пусть самые элементарные, национальные права. Поведение обеих стран давало им также мало оснований для этого. Австрийцы и немцы уже с самого начала подчеркивали, что они не намерены терпеть «чешское инородное тело» в своем государстве и что чехи должны быть как можно скорее германизированы.

Чехи отказались участвовать во Франкфуртском парламенте. Палацкий послал во Франкфурт свое, ставшее широко известным письмо с отказом, в котором он подчеркивал, что наиболее приемлемым для чехов является сохранение Австрийской монархии в виде федерации свободных народов. Поступок Палацкого вызвал в Вене и среди немецкого населения Чехии и Моравии сильное возмущение. Говорили, что чехов можно принудить. Австрийский представитель во Франкфурте Шиллинг заявил: «Если не удастся Чехию включить в союз немецких государств путем уговоров, то мы включим ее в Германию с помощью меча». На эту угрозу Ригер на заседании Пражского национального комитета ответил: «Я вас спрашиваю, разве это не является насилием над правами народа? Члены Франкфуртского комитета заявили, что союз государей считается аннулированным (имеется в виду реакционное

объединение немецких князей в предмартовский период), а вместо него создается свободное объединение народов, нам же они говорят: «если вы не присоединитесь к этому объединению, то мы принудим вас к этому мечом». На подобные аргументы нам придется отвечать при помощи цепов».

Рабочие и мелкая буржуазия заявили, что они будут бороться до последнего; крестьяне грозили, что каждому, кто их будет принуждать «идти во Франкфурт», они свернут шею. На улицах Праги произошли первые столкновения. Немецкие студенты срывали с чешских студентов их национальные кокарды, чешские же отвечали на это тем, что побили стекла в магазинах, на которых развешивались черно-красно-золотые (немецкие) флаги. Затем пришло распоряжение из министерства Пиллерсдорфа выбрать депутатов во Франкфуртский парламент. Чехи отказались принять участие в выборах, немцы высказались за участие. Вследствие этих разногласий произошел раскол Национального комитета. Немцы вышли из него и образовали свою самостоятельную организацию «Конституционный союз».

Выборы во Франкфуртский парламент принесли «великогерманцам» плачевные результаты. От 62 чешских округов было избрано всего 20 депутатов и даже из числа этих 20 некоторые депутаты отказались от своих депутатских полномочий. В Праге было подано только три избирательных бюллетеня. Немцев не обеспокоили такие результаты голосования. Они называли чешское население, перед которым они до выборов заискивали, «глупой, отсталой массой» и объявили, что объединение с Германией все же состоится.

Но левые еще оказывали сопротивление, о которое разбивались все более явные попытки сближения с Габсбургами. То, что произошло потом, явилось компромиссом. Чехи решили в противовес Франкфуртскому парламенту созвать съезд славян, живущих в Австрийской монархии, и таким образом обрести себе союзников в борьбе с угрозой германизации. Славяне, живущие в странах, не входящих в состав монархии, были приглашены принять участие в качестве гостей.

Всеславянский съезд в Праге расценивался всеми австрийскими историками, разделяющими великогерманские настроения, как «удар кинжала», направленный против австрийской революции, как попытка чехов выдать русскому царизму Австрию, предать революцию. Упрек этот лишен всяких оснований. Славянский съезд представлял собою последнюю и не имевшую большого эффекта попытку чехов освободиться от великогерманской петли, не прибегая к помощи короны. К русскому царизму съезд не имел вообще никакого отношения. Поддерживать панславянское движение царская Россия начала лишь спустя полстолетия, и эта поддержка была не очень решительной. На съезде был единст-

венный человек, который серьезно говорил о соединении всех славян с Россией. Это был Бакунин. Но и Бакунин имел в виду не просто присоединение к России. Он развил этот вопрос с удивительной пронизательностью: «Что будет, если Россия освободится от своих абсолютистских цепей? Что будет, если революция выберет Россию, чтобы там грянуть первыми и сильными ударами грома? Не явится ли тогда революционная Россия защитником и покровителем свободы всех славянских народов?» Но тогда это была лишь мечта о будущем.

На съезде полное единодушие было достигнуто лишь в одном вопросе — отказе от включения славянских народов в объединенное Германское государство. По другим вопросам наметилось расхождение мнений. Чехи и южные славяне выступали за сохранение Австрийской монархии, поляки требовали отделения и создания самостоятельного Польского государства, в то время как немногие представители словаков, которые впервые выступали самостоятельно, настаивали лишь на равноправии их языка с венгерским. Реальных успехов на съезде еще не было достигнуто. Значение всеславянского съезда заключалось в другом. Славянские народы внутри монархии выступали на съезде впервые как самостоятельные и равноправные национальности, которые заявили о своих притязаниях.

Съезд не закончил своей работы. Она была прервана канонадой князя Виндишгреца и пражским восстанием.

С некоторого времени командующий пражским гарнизоном князь Виндишгрец, один из самых реакционных представителей австрийской армии, начал стягивать в Прагу войска. (За шесть недель до того, 26 апреля, вооруженными силами была подавлена революция в Кракове.) Уже не раз и совершенно недвусмысленно чехам давали понять, что созданные из студентов и рабочих милицейские отряды, своего рода национальную гвардию, пора ликвидировать, а также приостановить деятельность Национального комитета, который начал исполнять функции временного правительства. Чехи, под влиянием левых, отклонили эти требования. 12 июня войска начали активно действовать и устанавливать на позиции орудия. Стали открыто говорить о предстоящем военном путче. За день до этого депутация от студентов посетила Виндишгреца и потребовала приостановить подготовку к боевым действиям. Их требования были резко отвергнуты. После этого на 12 июня была назначена массовая демонстрация на площади Венцеля. Демонстрация, в которой участвовали многие тысячи рабочих, закончилась принятием протеста против действий Виндишгреца. Когда процессия безоружных людей, несших петицию, приблизилась ко дворцу Виндишгреца, ее встретили ружейным огнем. Среди демонстрантов были убитые и много раненых.

Известие об этом с быстротою молнии распространилось по городу, и через несколько часов уже всюду возникли баррикады. На этих баррикадах сражались чехи — студенты, мелкие буржуа и рабочие. Демократы-немцы безучастно наблюдали, как Виндишгрец подготавливает государственный переворот.

Войска перешли в наступление с невероятной быстротой, которая говорила о том, что этого момента уже давно ждали. Они были остановлены во внутренней части города и смогли войти только до площади Венцеля. Здесь развернулась борьба за каждый перекресток, за каждый дом. Баррикады, окружавшие кольцом старый город, держались в течение целого дня. Трижды гренадеры генерала Виндишгреца ходили в атаку и трижды были отброшены. Баррикады удавалось занять только тогда, когда погибали все защитники. К вечеру в руках чехов все еще оставалась половина города. Приказ о немедленном уничтожении баррикад остался без ответа.

Крестьяне, услышавшие канонаду, стали группами направляться к городу для его защиты. Виндишгрец вынужден был выслать против них большие войсковые подразделения, но борьба с крестьянами окончилась лишь через несколько дней.

В течение 13, 14 и 15 июня бои все еще продолжались. Гренадеры Виндишгреца вели себя на захваченных улицах так, как в неприятельской стране. Ни один дом не уцелел от разграбления, мирное население избивалось, женщин насиловали. Главное командование не пошевелило и пальцем, чтобы положить конец бесчинствам. Зато оно поступило так, как до сих пор еще не поступали ни в одной цивилизованной стране. 16 студентов были взяты в качестве заложников; им грозил расстрел, если в течение 24 часов не прекратится сопротивление. И только тогда, когда студентам удалось также захватить пленных и пригрозить тем же, Виндишгрец «милостиво» решил от расстрела заложников воздержаться.

Военщина рассчитывала на быструю победу, но до победы пока еще было далеко. По ночам снова восстанавливались разбитые баррикады и войска изгонялись с занятых ими пунктов. Но это было не все. В ночь с 14 на 15 июня рабочие захватили многие казармы и таким образом получили возможность вооружиться. Утром 15 июня оказалось, что победа для Виндишгреца стала более далекой, чем была раньше.

В этот день начался обстрел города из орудий. Виндишгрец объявил, что разгромит весь город. Первые снаряды, может быть и случайно, попали в жилые дома в рабочих кварталах, затем разрушили башню Карлова моста — пункт, где главным образом сосредоточились защитники революции. Однако студенты и рабочие, которые пушкам могли противопоставить лишь свои старые ружья, невзирая на падающие снаряды, продолжали

сражаться под звуки национального гимна «Гей, славяне». Еще долго после того, как была уже разбита баррикада на Карловом мосту, развевался разорванный и задымленный чешский флаг. И только когда депутация горожан упросила защитников прекратить сопротивление, чтобы уберечь город от полного разрушения, начались переговоры. Во время переговоров снова возобновился артиллерийский обстрел и борьба снова разгорелась. И 17 июня, когда уже была подписана капитуляция, войска Виндишгреца снова открыли огонь — на этот раз стреляли зажигательными снарядами. Под тем предлогом, что несколько рабочих засели на мельнице в старом городе и оттуда стреляли по войскам, Виндишгрец отдал приказ сжечь эту мельницу. А затем снова в течение шести часов расстреливал беззащитный старый город.

Революция в Праге была подавлена. Виндишгрец одержал свою первую победу. Окончилась генеральная репетиция предстоявшего подавления венской революции.

А Вена — что сделала Вена, когда рядом с ней Прага истекала кровью? Вена молчала. Она не пошевелила и пальцем, чтобы помочь Праге. И даже больше, — не было произнесено ни единого слова в осуждение Виндишгреца, раздавались лишь снисходительные упреки по его адресу. Комитет общественной безопасности, наконец, собрался с силами и отправил в Прагу комиссию, чтобы она «доложила» ему о происходящих там событиях. Опьяненные победой солдаты и офицеры Виндишгреца, встретив посланных на пути, грозили ограбить их и чуть ли не убить. Когда те, наконец, добрались до Праги, князь запер их в замке, а после двух дней полуареста выгнал их, заявив при этом, что он не принимает от Вены никаких указаний. Вена молча перенесла также и это унижение. За исключением немногих студентов — в числе их был и Фишгоф, — не нашлось человека, который воздал бы должное героической борьбе пражских студентов и рабочих. Все, что писалось и говорилось, было сплошным издевательством. Левая пресса и многие историки, современники революции, обливали пражских рабочих грязью.

Уничтожающая оценка поведения австрийцев была дана Карлом Марксом в «Новой Рейнской газете»: «Новая познанская кровавая баня готовится в Богемии. Австрийская военщина утопила в чешской крови возможность мирного сожительства чехов и немцев... Нация, позволившая превратить себя на протяжении всей своей истории в орудие угнетения всех других наций, — такая нация должна раньше доказать на деле свою действительную революционность...

Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить

свободу тех народов, которые доселе ею угнетались. А что *сделала* революционная Германия? Она совершенно подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой военщины...» (Маркс, как это было принято в 1848 г., под словом «немецкая» подразумевает германскую и австрийскую, в данном случае — австрийскую военщину. — *Е. П.*) «И после этого немцы требуют, чтобы чехи им доверяли! И после этого осуждают чехов за то, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождаясь сама, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации!»¹

Июньские дни изменили положение в Чехии. Левые были рассеяны, разбиты, их представители расстреляны или заключены в тюрьмы. Правые и либералы, руководимые Ригером и Палацким, теперь свободные от контроля и влияния левых, растерянные, беспомощные и запуганные не только пушками Виндишгреца, но и собственными крестьянами и рабочими, ища выхода, бросились в объятия Габсбургов. Немного времени спустя Палацкий отправился в Инсбрук для переговоров с короной.

Между тем вдали от Праги, в Будапеште и Лайбахе разыгрывался второй акт трагедии.

Население Венгрии состояло из 4,5 млн. венгров, 5 млн. славян, 1 млн. румын и 1 млн. австрийцев и немцев. Несмотря на то, что венгры представляли собой меньшинство населения Венгрии, они были наиболее прогрессивной ее частью, обладающей наиболее развитым национальным сознанием. Они боролись за независимость своей страны и считали вполне естественным, что новое государство, получившее право на существование благодаря мартовским законам, должно быть венгерским и только венгерским. Среди членов правительства были люди разных направлений. Баттьяни, представитель аристократических слоев, защищал политику терпимости по отношению к невенгерской части населения. Деак также выступал за предоставление славянским народам далеко идущего, особенно в вопросах культуры, равноправия.

Однако взгляды Кошута, которые затем сделались господствующими в правительстве, исключали всякий компромисс. Кошут, прежде всего, был выразителем желаний молодой венгерской буржуазии. Эта буржуазия в течение столетий, в силу проводимой Австрией экономической политики, была лишена возможности развития, и когда она, наконец, развязала себе руки, она хотела как можно скорей наверстать упущенное время, то есть установить свое, и только свое, господство во всей Венгрии. Она не хотела допустить конкурентов ни в области экономики, ни в области политики, а среди славянских народов хорваты были далеко не безопасными конкурентами. Перед мартовской революцией и

¹ К Маркс и Ф Энгельс, Соч., т. VI, стр. 184—185.

В самом ходе ее новое венгерское правительство надавало невенгерским народам обещаний, гарантирующих им определенные национальные права. Но как только венгерское правительство почувствовало себя более или менее уверенно, так тотчас же сбросило с себя маску.

Хорваты, со своей стороны, ничего не имели против присоединения к новой революционной Венгрии при условии, что будут сохранены их национальные права. 8 апреля к Кошуту прибыла хорватско-чешская делегация, которая передала ему поздравление от славян и потребовала начать переговоры относительно будущего положения славян в новом государстве. Ответ, который они получили от Кошута и других депутатов, их совершенно потряс. Им заявили, что ни о каких переговорах не может быть и речи. Государство принадлежит венграм, и управлять в нем будут венгры. Однако славяне могут участвовать в его управлении, а так как государственный строй основан на принципах демократии, то славяне могут в нем достичь и высоких должностей, при условии, если они изучат венгерский язык. О равноправии же славянских языков с венгерским не может быть и речи. Если же славяне будут настаивать на равноправии, — тут Кошут употребил выражение, которое немного позднее почти дословно повторил Шиллинг во Франкфуртском парламенте, — то «дело решит меч».

Делегация тотчас же уехала обратно. В Аграме и Лайбахе началась паника после известий о результатах переговоров. Хорваты и словены видели себя уже «мадьяризованными», растворенными в венгерском потоке. Результатом переговоров в Пеште было решение, принятое в Аграме, о созыве съезда южнославянских народов, который должен был подготовить создание автономного южнославянского государства Иллирии в рамках Габсбургской монархии.

Национальное движение хорватов было гораздо менее дифференцировано, чем чешское. В числе его участников было мало рабочих, интеллигенция была настроена либерально, но не слишком революционно, и поэтому среди хорватов не было левых, которые в подобных случаях препятствовали установлению слишком тесной связи с придворной камарильей. Хорваты еще в мае начали переговоры, правда, сначала ни к чему не обязывающие, с придворными кругами и венским правительством. Из Вены они получили одобрение и обещание поддержки их против венгров.

Елачич, получивший известность в качестве «палача венгерской и австрийской революции», первоначально не был ее противником. Его программа, которую он наметил еще в самом начале венгерской революции, заключалась в создании «свободной Хорватии в составе свободной Венгрии», дружбе хорватов с их, по его выражению, «венгерскими братьями» и «всеобщем благо-

получии под знаменем либеральной конституции». Как можно видеть, многие свои положения он позаимствовал из времен еще наполеоновского королевства Иллирии. Правда, он был кем угодно, только не опытным политиком, а поведение Кошута вообще лишало его дара речи. В противоположность чехам, у него не было ни малейшего сомнения в политической целесообразности сотрудничества с императорским двором, который в то время из Вены переехал в Инсбрук. Еще в апреле он был избран баном Хорватии.

5 июня он созвал в Аграме хорватско-словенский сабор (словное собрание). Собравшиеся находились под впечатлением событий в Праге. Теперь уже было ясно, что славянам нечего ждать помощи из Вены и что левые в Австрии не остановятся перед тем, чтобы предать и хорватов и венгров. Сабор одобрил политику Елачича и объявил себя независимым от Будапешта. Уже самый созыв сабора являлся вызовом венгерскому правительству, так как оно запретило его созыв. Сабор требовал создания хорватско-словенского государства и уполномочил Елачича, если потребуется, оказывать сопротивление венграм и подготовиться в военном отношении. Одновременно было сделано заявление о готовности Хорватии к полюбовному соглашению с Венгрией и снова была выделена делегация для переговоров. Однако Венгрия, не видя угрожавшей ей опасности, ответила тем же надменным «нет!», как и в апреле. Единственное, что для венгров представлялось приемлемым, — это безусловное подчинение хорватов и словен. В то время они также сделали попытку сближения с короной и просили предоставить им право самим разрешить венгерско-хорватский конфликт, а так как «распродажа» народов вошла тогда в моду, то они тут же предложили и «цену» — пообещали поддержать экспедицию против Италии «деньгами и людьми». Но в Инсбруке больше не нуждались в помощи против Италии и предложение отклонили.

Снова начались переговоры между Аграмом и Инсбруком. Два месяца прошло в бесплодных попытках договориться. Наконец 4 сентября Инсбрук предоставил хорватам свободу действий «в их справедливой борьбе против венгерских притязаний». Вслед за тем началась война, и 11 сентября Елачич перешел Драву.

Австрийский двор имел теперь уже двоих союзников: хорватов и чехов. В июле его позиции еще более укрепились. Радецкий, который в течение всего этого времени успешно действовал против итальянцев, 25 июля одержал победу при Кустоцце, 6 августа пал Милан и скоро вся северная часть Италии снова была подчинена Австрии. И в этой развязке событий Вена также была не безвинна, так как революционеры не сделали ничего, чтобы остановить этот «самовольный» поход Радецкого в Италию. Одна часть их — прежде всего либералы — не находила ничего плохого

в том, что богатая итальянская провинция, так сказать под личную ответственность Радецкого, оставалась за Австрией. Из рядов национальной гвардии в армию Радецкого были даже отправлены добровольцы, будто бы для защиты австрийских границ на случай итальянского вторжения.

Положение переменялось коренным образом. В мае изолированной была корона, теперь изоляция грозила населению Вены и Будапешта. В мае крупная буржуазия, хотя иногда и с неудовольствием, подчинялась «перманентной революции» и диктатуре Комитета общественной безопасности и должна была, хотя и неохотно, принимать требования студентов и рабочих. Тогда иного выхода для нее не было. Теперь положение изменилось. Корона снова представляла силу, придворная камарилья в Инсбруке имела в своем распоряжении союзников и располагала военной силой, будь то войска Виндишгреца, Радецкого или даже Елачича. Крупная буржуазия, либералы теперь готовы были идти на соглашение с короной, при условии хотя бы частичного удовлетворения их требований, что дало бы им возможность отделаться от левых и заставить молчать рабочих. То, что германский рейхстаг во Франкфурте не будет и не захочет защищать революцию, — это было уже очевидным.

Позиция правых и либералов в Вене не допускала возможности уступок с их стороны. Обострялись конфликты внутри лагеря революции. Снова начали строить баррикады. Однако в Вене лишь немногие понимали, что дело революции уже проиграно.

От июля до октября

После майских боев казалось, что свобода наконец воцарилась в Австрии. Власть находилась в руках Комитета общественной безопасности. Реакция дважды потерпела поражение. Кое-кто в Вене думал, что наконец настали новые времена. Но для многих эти новые времена все еще были мечтой.

Рабочим, которые, спасая революцию, сражались на баррикадах, в то время как буржуазия пряталась в своих домах, наглухо закрыв окна и двери, или вместе с императорским двором бежала на запад, революция еще ничего не дала. Положение рабочих еще более ухудшилось. Центральный комитет и вслед за ним Комитет общественной безопасности в число своих требований включали также и требование «права на труд», но провозглашение этого права еще не гарантировало получения работы. На многих фабриках работа была приостановлена, и ежедневно закрывались все новые фабрики. Мелкие предприниматели и фабриканты действительно не могли дальше продолжать работу, а крупные — не хотели; Комитет же общественной безопасности не имел ни сил, ни желания воспрепятствовать этому. Цены на продукты стали

повышаться, процветала спекуляция, а правительство все продолжало печатать банкноты. Был ли этот незаконный выпуск обесцененных бумажных денег, как многие думают, преднамеренным и имел ли он своей целью скомпрометировать революцию путем ухудшения финансового положения в стране или же просто простекал от неспособности правительства справляться с трудностями — остается неизвестным. Во всяком случае уже в июне началась инфляция.

Комитет общественной безопасности и особенно его левое крыло — «Академический легион» были несогласны с такой политикой, которая привела рабочих к ужасающей нужде, а мелкую буржуазию поставила в условия тяжелого кризиса. Но они сами совершили роковую ошибку, взяв на себя всю ответственность за внутривнутриполитическое и экономическое состояние страны без права управлять ею. Они не пытались даже контролировать экономические мероприятия и финансовую политику правительства. Они предоставили полную свободу действий министерству Пиллерсдорфа и сменившему его министерству Добльгофа, сами же организовались лишь тем, что старались смягчить последствия кризиса. В конце мая в Комитете общественной безопасности образовался так называемый «Рабочий комитет». Программа этого комитета гласила: «предоставление работы и забота о пропитании рабочих масс, организация и проведение общественных работ и распределение рабочей силы по соглашению с предприятиями, целесообразное использование рабочих и принятие мер, затрудняющих приток рабочих извне». Отсюда можно сделать вывод, что программа была очень скромная, но и эта программа в большей своей части оставалась на бумаге. На деле же все свелось к попыткам отдельных членов Комитета общественной безопасности улучшить положение рабочих, устранить несправедливости и в особенно тяжелых случаях организовать помощь. Одним из таких людей был двадцатилетний студент Вильнер. Его влияние среди рабочих было огромно, его преданность делу народа не вызывала сомнений, однако все, что ему удалось сделать, было каплей в море. Такую же оценку можно дать деятельности всего Комитета общественной безопасности. Е. Ф. Зенкер, историк революции 1848 г., так пишет о деятельности комитета: «Деятельность комитета сводилась к разбору бесчисленного множества конфликтов и попыткам уладить их: здесь надо было дать работу безработным, там уладить спор или восстановить спокойствие и порядок. Не проходило ночи, чтобы не было скандала, и Комитет общественной безопасности выполнял роль главного полицейского управления. Поступали бесчисленные жалобы и прошения—маленькие люди были недовольны булочниками, мясниками и бакалейщиками... Комитет общественной безопасности делал строгие внушения виновным, чтобы те не «ошибались» при взвешива-

нии и не слишком уж уменьшали привес. Это был универсальный третейский суд первой и последней инстанции».

Единственным реальным мероприятием была организация общественных земляных работ, на которых можно было занять безработных и обеспечить им постоянный заработок.

Но в то время как Комитет общественной безопасности в области экономической и социальной политики продолжал практически оставаться бездейственным, этого нельзя было сказать о реакции. Правые — крупная буржуазия и аристократия, — которые в правительстве, а частично также в национальной гвардии и в армии сохраняли твердые позиции, поставили перед собой — в противоположность левым — определенную цель, а именно: отеснить и разоружить рабочих, лишить их всякого влияния на ход событий и затруднить им возможность добиваться осуществления своих экономических требований. Буржуазия совершила или позволила совершить революцию не для того, чтобы платить рабочим высокую заработную плату! Проведение подобной политики было бы для нее равносильно гибели.

С другой стороны, и рабочие уже не были той неопытной и неорганизованной массой, какой они были в предмартовский период. Они участвовали в борьбе, их усилиями была спасена революция, они приобрели политический опыт, сделались сознательными и научились ценить собственные силы и преимущества, которые дает организация и объединение сил. Наряду с «Всеобщим рабочим союзом», первой организацией рабочих, которая образовалась в июне и насчитывала 2000 членов, начали возникать профессиональные представительства, и прежде всего такие организации появились у печатников и текстильщиков. Кроме того, образовались товарищества, подобно тому, как это было во Франции и в Англии. В первую очередь товарищества были созданы среди столяров, которые хотели путем коллективной покупки сырья, планирования работы и сбыта продукции, а также через организацию труда улучшить жизненные условия рабочих. Это молодое рабочее движение еще не было социалистическим. На нем прежде всего сказалось влияние идей социалистов-утопистов — Фурье, Сен-Симона, Луи Блана и Оуэна. Однако рабочие, участвовавшие в этом движении, уже осознали собственные силы и не намерены были и дальше беспрекословно переносить свое угнетение.

Период между июнем и октябрём характеризуется острыми социальными конфликтами, социальной борьбой и все более определенным переходом верхушки буржуазии на сторону короны.

Первый конфликт разразился в июне. Рабочие, занятые на земляных работах, в дождливые дни не работали и не имели денег даже на хлеб; они потребовали оплаты этих дней, а также дополнительной оплаты за работу в праздничные дни — короче говоря, потребовали установления твердой недельной заработной платы.

Комитет общественной безопасности считал необходимым мобилизовать против рабочих национальную гвардию; ее подразделения, состоящие из аристократии и крупной буржуазии, с воодушевлением подчинились этому приказу. До открытой борьбы на этот раз дело не дошло, так как было достигнуто компромиссное соглашение, однако трещина, существовавшая в лагере революции, впервые стала заметной.

21 августа пролилась кровь. 19 августа по распоряжению министра труда Шварцера заработная плата работающих на земляных работах женщин была снижена на 15, а детей — на 10 крэйцеров, причем рабочие дали понять, что это только начало общего снижения заработной платы. Между тем цены все росли. Комитет общественной безопасности проявлял пассивность. 21 августа в центр города направилась депутация, требовавшая отмены указанного распоряжения. Рабочие несли знамена, но были безоружны; большинство среди них составляли женщины. В центре города рабочие были встречены национальной гвардией, идущей на них с ружьями наперевес, и в то время как безоружные люди начали отступать, в их ряды врзалась конница и стала их рубить саблями. Множество раненых осталось на площади. 23 августа рабочие снова организовали демонстрацию. Демонстранты несли носилки и на них чучело министра труда Шварцера. Надпись поясняла, что министр труда проглотил четыре крэйцера, но, глотая пятый, подавился.

И в этот раз против безоружных демонстрантов бросили конницу, в полном боевом порядке наступала национальная гвардия, и по данному знаку со всех сторон раздали ружейные залпы. Четыре часа продолжалась расправа над безоружными людьми. Особенно свирепствовали гвардейцы первого и второго округов, принадлежавшие к населению богатых частей города; действия буржуазных сынков ничем не отличались от действий солдат Виндишгреца в Праге. Детей безжалостно закалывали. Гвардейцы вытаскивали женщин из подвалов, где они прятались группами по 10—15 человек, и убивали. Многие из тех, кто не участвовал в демонстрации, но помогал спастись ее жертвам, также поплатились за свое сострадание жизнью. Среди рабочих имелось 300 жертв, среди гвардейцев же было лишь 4 убитых и 50 раненых. Вечером национальная гвардия торжествовала победу; с захваченными у рабочих знаменами и цветами на киверах маршировали национальные гвардейцы по центральной части города. Забаррикадированные окна домов буржуазии начали открываться, и повсюду буржуа и их жены приветственно махали платочками и аплодировали своим «спасителям».

Комитет общественной безопасности бездействовал. 25 августа он, в ответ на требование министерства Добльбофа о роспуске, добровольно объявил о самороспуске. В официальном объясне-

нии говорилось, что только что собравшийся рейхстаг, действительный выразитель воли народа, делает излишним существование Комитета. Настоящая же причина самороспуска Комитета заключалась в другом. Противоречия между рабочими и буржуазией привели к расколу Комитета, и он предпочел отказаться от своих полномочий, которыми он уже более не мог и не хотел пользоваться. Тем самым революция добровольно сдала свои позиции.

Но разве не было уже народных представительств, демократических организаций, рожденных революцией, разве не было нового австрийского парламента и германского Национального собрания, заседавшего во Франкфурте?

Что касается Франкфуртского парламента, то уже в течение первых недель стало ясно, что он стал жалким подобием парламента. Как ни велико было разочарование деятелей 1848 г. в связи с неудачей германской революции, было бы чудом, если бы ход событий был другим. Перед германской революцией стояли те же трудности, что и перед австрийской, и ей знакомы были те же внутренние противоречия. Но в то время как австрийцы обладали развитым национальным сознанием и Австрия имела свою сравнительно сильную, правда в последние десятилетия отодвинутую на задний план, буржуазию, в Германии ничего подобного не было. В Австрии требования буржуазных свобод, ответственности правительства перед народом не были новостью. В течение целого столетия, от Хёрнигка до Иосифа II, подобные идеи публично высказывались и обсуждались. Они способствовали просвещению чиновничьего аппарата. Конечно, в 1848 г. в Австрии произошла большая трагедия, подобная трагедии 1809 г., когда австрийская буржуазия продала австрийский народ и его священное наследие — свободу — за чечевичную похлебку господства над нациями.

В Германии же не было ничего подобного. Немецкая буржуазия была разьединена и слаба, не имела ни традиций, ни почти даже и стремлений к свободе. Народ же лишь однажды, в течение одного года, в ходе великой освободительной войны познал, что такое свобода, — тот народ, которому столетиями запрещалась и была недоступна даже мысль о достоинстве и правах человека. Задавленное крестьянство, бессильная и вконец разоренная мелкая буржуазия противостояли множеству князей и дворян. Конечно, были некоторые области, где развитие протекало несколько иначе, — это прирейнские области, Берлин с его новой буржуазией, приморские города, некоторые районы Саксонии, но как их было мало в сравнении с остальными частями Германии! Так случилось, что революция потерпела поражение еще при первых проявлениях деятельности нового восходящего класса — класса рабочих, в то время как крестьяне были угнетены, а

немецкая буржуазия, ища помощи, заискивала перед своими князьями.

Франкфуртский парламент полностью отразил положение в стране. После первых торжественных речей и избрания австрийского эрцгерцога Иоганна председателем нового союза парламент погряз в спорах по поводу порядка дня заседаний и в бесконечных дискуссиях. Парламент не вынес ни одного решения, не утвердил ни одного закона и вскоре сделался лишь мишенью для дешевого остроумия реакционеров. Австрийские демократы тоже скоро поняли, что такое сотрудничество, такое «подобие» революции является только обузой. Призывы к созданию единого немецкого государства, правда, иногда еще раздавались в Вене, но это были лишь слабые отзвуки мартовских призывов, в осуществление которых уже никто больше не верил. Австрийской революции предстояло теперь одной проделать свой трудный путь до конца. Склонить же вновь на свою сторону своих прежних союзников из числа народов монархии, которых она потеряла, избрав путь во Франкфурт, она уже не могла.

Австрийский рейхстаг, который 22 июля собрался в Вене, по бесплодности его работы часто сравнивают с Франкфуртским парламентом. Сравнение неправильное. Франкфуртский парламент, со значительным преобладанием в нем аристократии, с самого начала был неработоспособен, потому что отдельные входящие в него группы и их стремления оказались в противоречии друг к другу. Австрийский же рейхстаг, в котором аристократы были в меньшинстве, а буржуазия и крестьяне составляли подавляющее большинство, мог бы работать, если бы... да, если бы удалось прийти к соглашению в одном вопросе, который постоянно парализовал его работу, а именно — в национальном вопросе. Осю, вокруг которой постоянно вращались прения, была структура новой конституционной Австрии и связанный с нею вопрос — должна ли Австрия быть свободным государством свободных и равноправных наций или государством, в котором одни народы — австрийцы, венгры и поляки — господствуют над другими. Об эти вопросы, как о подводные скалы, разбивались все попытки прийти к соглашению, терпели крушение все предлагаемые законопроекты. Те же законы, которые не были непосредственно связаны с национальным вопросом, часто проходили почти без трений, хотя и после длительных обсуждений. Так было и с законами относительно буржуазных прав и свобод, с вопросом о свободе вероисповедания, которые прошли единогласно. Точно так же было и с важнейшим законом, который принял парламент и который позднее не посмела отменить даже реакция, — законом об освобождении крестьян от уплаты податей и отмене барщины. Реакционному правому крылу в рейхстаге часто удавалось восстанавливать нации друг против друга, а депутаты от аристократов и крупной

буржуазии различных национальностей часто заставляли крестьян и горожан своей национальной группы голосовать за них. В этом прежде всего была вина австрийских депутатов, которые в своей беспримерной национальной заносчивости во время открытия рейхстага отказались признать официальным языком в рейхстаге какой-либо еще язык, кроме немецкого, и даже не допускали, чтобы речи и выступления ораторов переводились на другие языки. Результатом было то, что не знавшие немецкого языка крестьяне полагались на переводы их аристократических представителей, а последние при переводе часто без стеснения искажали их. Однако в вопросах, касающихся крестьян, фальсификация была невозможна. Представители крестьян имели на этот счет твердые указания; дома им сказали: «Без свободы не возвращайтесь», и депутаты от аристократии или буржуазии знали, что они лишатся в своих землях всякой поддержки, если проголосуют против освобождения крестьян. Поэтому внесенный в сентябре студентом Гансом Кудлихом проект освобождения крестьян от крепостных повинностей был принят единогласно. В этом вопросе, правда, и правительство не чинило препятствий. В Галиции освобождение крестьян произошло еще в апреле, согласно императорскому патенту, причем государство изъявило готовность взять на себя возмещение убытков дворянству. После принятия закона рейхстагом правительство заявило, что освобождение крестьян должно быть санкционировано императорским манифестом, а не оставаться законом, принятым только рейхстагом. Парламент согласился на это. Только позднее левые поняли, что это был маневр короны, на который они поддались, — теперь крестьянам говорилось, что их освобождение — это акт милости императора, а не дело революции. И возможность подобного заявления облегчалась тем обстоятельством, что рейхстаг по второму, очень важному пункту закона об освобождении крестьян выступил против их интересов. Крестьяне и представители левых, прежде всего Кудлих, требовали освобождения крестьян без выкупа, а также проведения аграрной реформы, которая дала бы возможность крестьянам, освобожденным от долгов, сделаться владельцами своей земли и начать новое, свободное существование. Там же, где по каким-либо причинам должны были быть возмещены убытки дворянам, это должно было сделать государство. Но из уважения к «священному праву собственности», которое нельзя было нарушать, рейхстаг отклонил это предложение и решил, что крестьяне сами должны платить за свое освобождение. Первоначально было решено, что одну треть выкупных платежей вносит государство, одну треть — сами крестьяне, а от последней трети помещик отказывается. Но позднее часто получалось так, что крестьяне платили гораздо больше, чем одну треть, а помещик терял гораздо меньше трети. В общем крестьяне уплатили поме-

щикам 112 млн. гульденов из общей суммы в 289 млн. Многие помещики получили колоссальные суммы. Шварценберги положили себе в карман 1870 тыс. гульденов, граф Вальдштейн — 447 тыс., граф Коллоредо-Мансфельд — 427 тыс., Алоис Лихтенштейн — 409 тыс. гульденов. А корона, которая вырвала право на соавторство в вопросе освобождения крестьян, теперь, поскольку дело шло о выкупе, охотно переложила всю ответственность на парламент. Таким образом, у крестьян постоянно создавалось впечатление, что «добрый император», как истинный последователь Иосифа II, их освободил, а парламент наложил на них непосильное бремя. В результате такого маневра короны крестьяне сделались противниками революции и не помогли ей в ее решающий час — не встали в октябре на защиту Вены. И все же освобождение крестьян было великим делом, бесспорным и прочным достижением австрийской революции.

Спустя много месяцев выяснилось, что имелась возможность для соглашения. Революция уже была подавлена, рейхстаг по приказанию императора переехал в Кремзир (Кромержжж), и каждый день можно было ожидать, что он будет распушен. В эти дни австрийские демократы уже не являлись представителями нации, которая, одержав победу, могла претендовать на господство. Мечта о великой Германии перестала быть даже мечтой, и перед австрийцами, как и перед чехами, вставал одинаково грозный и мрачный призрак реакции, которая снова наложит на них свои цепи. И вот в Кремзире наконец пришли к соглашению. Австриец и чех — Фишгоф и Палацкий — составили Кремзирскую конституцию, которая в отношении национального вопроса представляла собой наиболее прогрессивное соглашение в истории монархии. Конституция отказывалась от понятий «исторических» народов и народов «не имеющих истории», она исходила из основного принципа — принципа равноправия всех народов — и провозгласила свое намерение сделать Австрию союзом свободных наций, в котором полностью гарантировались бы их права в отношении языка, культурного развития, в политических и в экономических вопросах. Кремзирская конституция предусматривала создание восьми равноправных союзных областей: немецкой Австрии с Судетской областью, чешских земель — Чехии, Силезии, Моравии и в первый раз упоминавшейся Словакии, Польши вместе с Буковиной и венгерскими областями, населенными русинами, Словено-Иллирии, итальянской области Тироль вместе с Венецией и Ломбардией, земель южных славян (Хорватии, Славонии, Далмации и Воеводины), венгерских областей и румынских областей. Если Кремзирская конституция появилась бы несколькими месяцами раньше, она спасла бы революцию. Но она была принята слишком поздно.

В событиях, происходивших в период с июля по октябрь, рейхстаг почти не играл никакой самостоятельной роли. Он являлся лишь отражением соотношения борющихся сил, и в той же мере, в какой обострялась борьба, он активизировал свою деятельность, а затем его значение все более падало. В обороне Вены в октябре рейхстаг почти не принимал участия. Когда победила реакция, он охотно согласился на свое удаление из Вены. Спустя три четверти года он был попросту распущен правительственным приказом.

Август и сентябрь прошли в мелочной борьбе и бесплодных попытках демократов-радикалов создать наконец ответственное правительство, а также в бесплодных попытках оторвать императора от камарильи и перетянуть его на сторону революции. В августе император вернулся в Вену. Но это было только кажущейся уступкой. В октябре реакция почувствовала себя наконец достаточно сильной, чтобы добиться решения. Она нанесла удар.

С 11 сентября Венгрия находилась в состоянии войны с Хорватией. Елачич вторгся в пределы Венгрии и начал продвигаться вперед, был временно задержан созданной за несколько месяцев до того венгерской армией, но затем подошел к Будапешту. Австрийское правительство внешне сохраняло нейтралитет, сожалело о «вражде братьев» и объявило, что единственной своей задачей оно считает посредничество между сторонами с целью прекратить войну. На самом же деле еще в августе правительство приняло сторону Елачича и с этого времени помогало ему деньгами и оружием, которые пересылались ему через военного министра Латура. В то же время, в явном противоречии с принятой в марте венгерской конституцией, австрийское правительство назначило свое доверенное лицо — графа Ламберга — временным палатином и главнокомандующим всех войск, действующих в Венгрии, который и отправился в Будапешт с официальным заданием «примирить», на самом же деле — поддержать Елачича. Венгерское правительство категорически отклонило назначение Ламберга. Когда же он, несмотря на это, все же прибыл в Буду и намеревался вступить в столицу, возмущенный народ встретил его криками «долой изменника!», и он был убит. Убийство Ламберга 28 сентября явилось поводом, которого давно ждало австрийское правительство. 3 октября Австрия объявила войну Венгрии, передала Елачичу главное командование своими войсками и послала Виндишгреца, «палача Праги», с его войсками против Будапешта.

Военный министр Латур, представитель камарильи в правительстве, был особенно ненавистен венцам. Было известно, что он является одним из руководителей «черно-желтых», то есть реакционеров из рядов правого крыла буржуазии и аристократии, которые начиная с августа стали совершенно открыто выступать против революции, парламента и левых, украсили свои дома

черно-желтыми флагами и требовали расправы с «рабочим сбродом». В сентябре венгры перехватили компрометирующее Латур письмо к Елачичу, в котором обсуждались отдельные детали военной и материальной помощи хорватам. Из письма настолько все было ясно, что Латур не мог даже и оправдываться, оно было настолько провокационным, что даже рейхстаг стал требовать смещения Латура и возбуждения против него судебного дела.

5 октября Латур и правительство окончательно сбросили маски. Сконцентрированные в Вене войска и прежде всего италянский батальон гренадеров, затем австрийский батальон гренадеров и гренадеры Рихтера получили приказ немедленно отправиться на венгерский фронт. И тут случилось то, чего еще никогда не было. Австрийские солдаты отказались выступить и заявили, что будут продолжать сопротивляться приказу о выступлении, если «народное ополчение» окажет им поддержку. В то время как представители национальной гвардии передавали военному министру требование об отмене приказа, жители Вены собрались перед казармами. Взаимоотношения солдат гарнизона с населением Вены были наилучшими. Вскоре венцам, устроившим демонстрацию, удалось принудить военное начальство отменить телесные наказания для солдат. Присутствие народа придало солдатам храбрости. Наконец, они открыто заявили офицерам: «Мы никуда не пойдём. Мы останемся здесь».

Дальнейшие события разворачивались с чрезвычайной быстротой. На следующее утро Вена снова была охвачена паникой. Легионеры призывали народ к борьбе, рабочие собрались в городе перед вокзалом, с которого должны были отправляться войска. В 11 часов 6 октября к вокзалу стали приближаться те войска, которые не примкнули к забастовке солдат, и увидели огромную толпу людей, преграждавшую им путь к вокзалу. Командиры распорядились вывезти орудия на позиции и затем без всякого предупреждения открыли огонь по безоружной толпе. Однако толпа продолжала наступать, народ овладел орудиями и повернул их против стрелявших. Через два часа все кончилось. Генерал, отдавший приказ открыть огонь, был убит. Многие офицеры были тяжело ранены, солдаты разбежались. Победа осталась за народом.

На следующий день борьба возобновилась. В центре города и в рабочих районах «черно-желтые» открыли стрельбу картечью, причем расстреливали людей, обстреливали дома, церкви, однако всюду должны были отступить. Снова население захватило орудия, и войска начали сдаваться. Уже после полудня 6 октября исход борьбы был решен. Вена находилась в руках народа.

Латур, который отдал приказ начать сражение, теперь дал приказ прекратить обстрел, однако было уже поздно. Озлобленная толпа ворвалась в здание военного министерства, С криками

«Смерть убийце!» Латур был вытаскен на улицу и повешен на фонарном столбе перед министерством. Затем толпа направилась к арсеналу, который охранялся «черно-желтыми» гвардейцами. Утром 7 октября, когда гарнизон капитулировал, народ захватил арсенал и находящееся в нем оружие. 30 тыс. ружей и большие запасы патронов находились теперь в распоряжении рабочих.

В этот день император снова бежал из Вены и обосновался в Ольмюце. Часть членов рейхстага, в первую очередь чешские депутаты, последовали за ним. После отъезда императора началось массовое бегство из Вены. Бежали не только аристократы, бежала и буржуазия — все имущие слои населения покинули столицу. В течение нескольких дней через городские ворота сплошным потоком тянулись повозки; парходы, отходящие на Линц, были переполнены. Бежали и вожди умеренных партий, либералы и консерваторы. Все, кто имел деньги, или занимал какое-то положение, оставляли сражавшийся город. В Вене остались лишь левые, демократы, студенты, рабочие. Войска, потерпевшие в Вене поражение, отходили к замку Шварценбергов и Бельведеру. Они ожидали соединения с войсками Елачича, который прервал свой поход в Венгрию и двинулся к Вене, на соединение с войсками Виндишгреца, который также приближался к Вене. Оставшиеся в Вене депутаты рейхстага решили восстановить Комитет безопасности, который призвал 25 тыс. вооруженных граждан на защиту столицы. Начиналась последняя битва.

Вена боролась в течение десяти дней с превосходящей ее силы армией, располагающей тяжелой артиллерией, которая окружила город. Вена противостояла войскам Виндишгреца, Елачича, Ауэрсберга, командовавшего «черно-желтым» венским полком. Венцы сражались под градом падающих снарядов, превративших в развалины внутреннюю часть города, в зареве пожаров, которые со второго дня осады бушевали в предместьях Вены. Вена взялась за оружие, чтобы защитить венгерскую революцию. Венгрия обещала прислать военную помощь. Говорили, будто одна венгерская армия уже движется на выручку сражавшемуся городу, но она не приходила. Изо дня в день распространялись слухи, что якобы уже видны передовые отряды венгерской конницы у городских ворот, на улицах города якобы слышали гром венгерских орудий — но венгры не приходили. И только 30 октября, когда уже начались переговоры о капитуляции, вдали, на горизонте, показалось облако пыли, послышался гром пушек, стали видны вспышки артиллерийских выстрелов. Приближалась венгерская армия. При этом известии смертельно усталые, истекающие кровью защитники города снова воспрянули духом; бойцы, которые от утомления падали на своих постах, снова взяли за оружие. О капитуляции больше не было и речи. Вена готовилась к вылазке, чтобы

помочь венграм. Но через два часа все стихло. Венгерская армия была отброшена, и Вена опять оказалась одна.

А Германия? А Франкфуртский парламент? Крик возмущения послышался в рядах немецких демократов, когда им стало известно о том, что Виндишгрец бомбардирует Вену.

Правые же и центр в глубине души были так же, как австрийские правые и центр, рады, что с Веной сведены счеты, с той Веной, которая свой «черно-красно-золотой флаг» заменила красным. Франкфуртский парламент ограничился лишь тем, что послал в Вену двух делегатов с заданием, если еще возможно, быть посредниками между борющимися сторонами. Делегаты — Роберт Блюм и Фребель с первого взгляда увидели, что о посредничестве нечего и думать. Они сделали самое достойное, что можно было сделать в их положении. Они отказались от данного им поручения и просили, как выразился Блюм, «оказать им честь — разрешить бороться в рядах защитников Вены». Блюм заплатил за свое мужество жизнью. Когда Вена была взята, Виндишгрец распорядился предать Блюма военному суду и расстрелять — это был жест презрения по отношению к Франкфуртскому парламенту. А жалкий парламент оставил вызов без ответа и решил обоить смерть Блюма молчанием, дабы избежать «дипломатических неприятностей».

10 октября началось наступление на Вену. 16 октября двинулась армия Виндишгреца. 23-го Вена была полностью окружена. Осажденные могли бы помешать соединению сил неприятеля, если бы своевременно атаковали войска Ауэрсперга, расположившиеся лагерем перед городом. Студенческий комитет решил предпринять такую вылазку силами «Академического легиона» — вооруженных добровольцев оставшихся верными подразделений национальной гвардии и народного ополчения, — но рейхстаг отказался дать разрешение из страха совершить «незаконные действия». Предложение перейти в наступление исходило от нового заместителя главнокомандующего в Вене, генерала Бема, польского офицера и революционера, который добровольно предоставил себя в распоряжение Венского комитета обороны. Начальником Бема был австрийский демократ, бывший офицер Мессенгаузер. Мессенгаузер был талантливый поэт, но он не был способным офицером. Кроме того, он считал себя обязанным подчиниться решениям трусливого и готового капитулировать рейхстага и правительства, ведшего переговоры с неприятелем. Вскоре вся тяжесть организации обороны Вены пала на Бема. Он сделал все, что было в человеческих силах.

Только теперь, с момента, когда Бем принял командование, защита Вены в военном отношении была правильно организована, был выработан план обороны и планомерного использования имеющегося оружия и артиллерии. Тем, что Вена продержалась

так долго, она во многом обязана Бему, его военным способностям, его мужеству, его организационному таланту. Но спасти город он уже не мог.

21 октября Виндишгрец подошел к городу. В тот же день он выпустил манифест, в котором объявлял о своем намерении взять Вену и ввести осадное положение в городе. Его манифест сопровождался посланием императора Фердинанда, в котором тот также призывал Вену покориться и санкционировал все военные мероприятия, направленные против города. 22 октября последовал ультиматум: Вена должна была сдать в течение 48 часов, распустить все демократические организации, а вождей восстания, а также «отдельных, сделавшихся слишком известными лиц» выдать Виндишгрецу.

23 октября после полудня начался артиллерийский обстрел. От первых же снарядов загорелись некоторые дома и фабрики. Венцы ответили также артиллерийским огнем из захваченных в августе орудий. 23 и 24 октября войска Виндишгреца почти не сдвинулись с места. Только в ночь с 25 на 26 октября им удалось занять некоторые позиции на передовой линии обороны. 26 октября защитники Вены много раз переходили в контратаки и отеснили войска почти со всех занятых ими пунктов. Виндишгрец рассчитывал одержать победу в течение 24 часов. Однако 27 октября он был вынужден объявить короткую передышку, перегруппировать свои войска и подвести новые орудия. Затем борьба возобновилась. Несмотря на то, что численность войск Виндишгреца еще более увеличилась, ему не удалось и теперь прорвать первую линию обороны.

Кто же были защитники Вены? Кто были эти люди, которые в течение многих дней оказывали сопротивление намного превосходящей численно и лучше вооруженной армии, которые стояли насмерть на своих постах, которые сражались до последнего патрона? Тысячи неизвестных добровольцев после целого дня борьбы лишь на несколько часов оставляли свои позиции и ночью опять возвращались на них. Мориц Сметс так описывает их: «Народное ополчение состояло главным образом из бедных ремесленников, поденщиков и рабочих. Их вид мог вполне служить примером того, как трагическое и комическое могут уживаться друг с другом. На головах — студенческие фуражки, фуражки национальных гвардейцев, выгоревшие летние шляпы или поношенные цилиндры, а на ногах — сапоги, рваные башмаки, домашние туфли. Многие добровольцы были босые. Редко не было чего-либо красного на их головном уборе, было ли это перо, или кусочек ленты, или пурпурный георгин... Столь же необычным, как их костюм, было и их вооружение. Многие имели ружья, но иногда очень сомнительного качества, некоторые носили за поясом бердыши,

старые аркебузы или просто длинные ножи, а также кинжалы и пистолеты».

Эти люди, с босыми ногами, вооруженные старыми пистолетами, обороняли Вену в течение шести дней. Они ее защищали бы и дальше, если бы измена и деморализация не взорвали фронт изнутри. Положение в Вене было действительно тяжелым, всюду бушевали пожары, воды нехватало. Хлеб, молоко и другие продукты стали исчезать. Но сильнее, чем нужда, был страх перед войсками неприятеля. Люди знали, что офицеры армии Виндишгреца говорили солдатам, что если они когда-нибудь будут в Вене, то могут там разбойничать и грабить, «не щадя ни женщин, ни детей». Люди знали также, что хорватским крестьянам из армии Елачича говорили, что в Вене накоплены сказочные богатства, которые-де охраняются преступниками и убийцами и которые-де предназначены для того, чтобы вечно держать в цепях хорватский народ. Уже в первых занятых осаждающими районах Вены начались пожары, убийства, грабежи и насилия, и многие в Вене испытывали ужас при мысли о вступлении неприятельских войск в город.

И в такой обстановке раздался призыв рейхстага «начать переговоры» и предложение «просить Виндишгреца о пощаде»; попутно высказывались надежды, что «Виндишгрец, конечно, согласится пощадить жизнь и имущество населения», «разве император не обещал в своем манифесте уважать конституцию и не ограничивать прав и свободы народа?» Эти слова нашли себе отклик. Не все защитники Вены были босыми и оборванными, не все были рабочими или ремесленниками, которым нечего было терять и которых жизнь научила не верить в доброту правительства. В рядах защитников Вены продолжали сражаться части, состоящие из представителей мелкой буржуазии, тогда как богатые перешли на сторону неприятеля. В Комитете обороны и даже в студенческом комитете было мало людей, моральные силы и политическая убежденность которых скорее позволили бы им погибнуть сопротивляясь, чем пойти на капитуляцию. 29 октября к Виндишгрецу отправилась первая депутация для переговоров о сдаче. Виндишгрец не шел ни на какие соглашения. Он обещал держать своих солдат в узде (это обещание впоследствии не было выполнено), но он требовал безоговорочной капитуляции. Депутация вернулась обратно. Но начатые переговоры с неприятелем уже сильно деморализовали руководителей обороны, теперь уже многие из них выступали за капитуляцию. Некоторые все еще оказывали сопротивление, но заявление Мессенгаузера разом все решило. На одном из совещаний Мессенгаузер сообщил, что боеприпасов хватит лишь на четыре часа и что военное положение таково, что не остается другого выбора, как только сдать город. Утверждение Мессенгаузера было ложным, и он мог на него ре-

шиться только в отсутствие Бема, но часть присутствовавших дала себя обмануть, для других же это был предлог, чтобы окончить борьбу. Капитуляция была решена.

Народ, который сражался на улицах, думал иначе. Когда решение о сдаче стало известно, послышались проклятия и крики: «Долой предателей!», «Обманщики!». Сметс пишет: «Один национальный гвардеец спрашивает своего соседа: «Почему хотят сдавать город?» — «Из-за недостатка в патронах!» — «Нет, — вскричал третий, — из-за избытка измены!» Слышно было, как проходящие солдаты договаривались выстрелить друг в друга, если город сдадут. В народе слово «измена» склонялось во всех падежах и на все лады. Депутация, которая должна была сообщить Виндишгрецу о безоговорочной капитуляции, кралась точно банда воров по городу. Если бы народ ее увидел, то ни один из депутатов не остался бы живым. В ту же ночь в лагере Виндишгреца был подписан акт о сдаче города.

Но и после этого многие еще не хотели прекратить сопротивление. Во многих местах борьба продолжалась. Когда 30 октября распространился слух, что приближаются венгры, в Вене вновь началась борьба. Она утихла, когда выяснилось, что венгры дали только одно небольшое сражение и снова отступили, предоставив Вену ее собственной судьбе. Но в отдаленных местах города рабочие и студенты еще боролись, боролись до тех пор, пока подошедшие войска не разоружали или не уничтожали их.

Наступили последние часы революции. Участник этой революции поэт Морис Гартман так описывает ее конец: «Вечерние сумерки медленно опускались на землю, когда мы снова подошли к окопам. Вдруг пушки смолкли, и стало совсем тихо. Примерно через десять минут со стороны Капустного рынка появились тридцать студентов и рабочих; они побежали через окопы к площади Стефана и все время оглядывались, как будто опасались преследования. Через несколько минут появился Бехер [один из вождей радикалов] со шпагой в руке, в сопровождении небольшой кучки людей и направился туда же... Не прошло и двух минут после того, как прошел Бехер, и уже показались императорские солдаты. Впереди шло небольшое подразделение, быть может человек двенадцать, с ружьями наперевес. При этом они испуганно оглядывались направо и налево, на окна, и беспрестанно выкрикивали «дружеские приветствия». Толпа народа, которую они сразу начали окружать, молчала. Но затем случилось нечто неожиданное: как по команде, открылись сотни окон, которые в течение трех недель оставались забаррикадованными и закрытыми... и сотни рук с платками приветственно махали оттуда солдатам. «Да здравствует император!» — раздавалось оттуда. В ответ из толпы раздался пронзительный свист, мгновенно заглушивший все приветственные возгласы... Вдруг послышались

одинокими выстрелами. Это стрелял Бехер, он встретил победителей последним залпом...»

На следующий день началась расправа, учиненная реакцией. Солдаты избивали, убивали и грабили жителей. Начали действовать военные суды. Многие тысячи людей были брошены в тюрьмы, тысячи — осуждены. 24 человека из числа вождей революции были расстреляны. Среди них были Бехер и Еллинек, Роберт Блюм и Мессенгаузер, который смертью искупил свою измену. Военно-полевые суды действовали до 9 мая 1849 г.; за это время 145 человек было присуждено к смерти или к пожизненному заключению.

Рейхстаг заседал еще несколько месяцев в Кремзире. 4 марта 1849 г. по распоряжению правительства он был распущен. За несколько дней до того правительство издало свою конституцию, не позаботившись даже узнать о результатах совещаний в Кремзире.

Венгрия боролась еще в течение девяти месяцев. Австрийским и хорватским войскам под командованием Елачича, Виндишгреца и Гайнау, посланным в Венгрию, противостояла венгерская армия, в числе командиров которой был и бежавший в последний момент из Вены Бем. Австрийской армии было не под силу одной покорить Венгрию, и правительство обратилось к русскому царю за помощью. И только тогда, когда прибыло 80 тыс. русских солдат, венгерская армия капитулировала. 13 августа при Виллагосе была подписана капитуляция. Кошут бежал в Турцию, часть венгерских добровольцев последовала за ним.

Хотя Гайнау и дал обещание командованию русской армии, которое не очень хорошо себя чувствовало в своей новой роли, не применять репрессий, военные суды в Венгрии свирепствовали еще больше, чем в Вене. Было казнено 13 генералов, 230 офицеров были приговорены к смерти, но этот приговор был заменен им пожизненным заключением. Депутаты венгерского парламента и комитатов были высланы. До августа 1850 г. было казнено 167 человек. Венгрия была оккупирована.

В ноябре Фердинанд назначил премьер-министром Шварценберга. В этом правительстве, которое должно было быть правительством «твердой руки», приняли участие некоторые известные «либералы», прежде всего граф Стадион (министр внутренних дел) и некоторые представители крупной буржуазии, например руководитель триестинского «Ллойда» барон Брук (министр торговли) и член Юридическо-политического литературного общества д-р Александр Бах (министр юстиции). Либералы и крупная буржуазия Вены были вознаграждены за свою измену. 2 декабря император Фердинанд отрекся от престола. Его преемником стал восемнадцатилетний Франц Иосиф.

Глава VI

КОНЕЦ И НАЧАЛО

1849—1867 гг. Поиски компромисса

Революция была подавлена силой оружия. Все главные силы монархии — император, придворная аристократия, австрийская крупная буржуазия и запуганные средние слои населения, чешское, польское и венгерское дворянство вместе с частью буржуазных либералов этих стран — были единодушны в одном: нельзя допустить продолжения революции, она не должна закончиться «хаосом». Этот «хаос», которого в одинаковой степени боялись аристократы, такие как Виндишгрец и Шварценберг, и либералы типа Грильпарцера и Александра Баха, в условиях Австрии и Чехии означал на самом деле подъем рабочего движения и превращение рабочего класса в политическую силу; «хаос» в рамках многонационального государства означал распадение монархии на целый ряд национальных государств. И этот страх перед «хаосом» был тем единственным пунктом, который объединял всех реакционеров.

Разгром революции ничего не дал этим людям. Национальная проблема осталась неразрешенной. Покоренная Италия только и ждала момента, чтобы снова сбросить австрийское иго. Венгрия была оккупирована. Венгерская высшая аристократия, у которой революция не вызвала ни малейшего страха, не была склонна, так же как и часть венгерской буржуазии, ни к каким сделкам с короной. Они попрежнему ждали, что Венгрии дадут определенную автономию и предоставят право господствовать над славянскими народами. Но монархии еще были нужны славяне, главным образом хорваты, составлявшие значительную часть армии, на которую корона прежде всего и опиралась. И она не могла дать Венгрии хотя бы частичной автономии, так как это привело бы ее к конфликту с сильнейшей и опаснейшей буржуазией монархии — с австрийской буржуазией. Эта буржуазия, представители которой — Александр Бах, Шмерлинг, Брук и целый ряд других — своим участием в новом правительстве Франца Иосифа придавали ему вид конституционной респектабельности, требовали за это участие вознаграждения. Таким вознаграждением было господство австрийцев над неавстрийскими народами при помощи централизма, то есть господство Вены над всем габсбургским государством. Проще говоря, австрийская буржуазия рассуждала примерно так:

«если мы уже не можем одни властвовать, а революция, к сожалению, показала, что мы без помощи короны недостаточно сильны, то мы хотим, по крайней мере, быть первыми среди второстепенных и восседать на козлах монархии». Со своей стороны и корона, которая не была достаточно сильной, чтобы править одной, должна была идти прежде всего на уступки могущественной буржуазии; такой уступкой был централизм и еще целый ряд других мероприятий.

Но централизм уничтожал всякую возможность соглашения с Венгрией, так как предполагал отмену всех сделанных ей уступок, и Венгрия должна была снова стать страной с минимальными правами и свободами, такой, как она была в предмартовский период. Это означало, что венгров нужно было отстранить от всех важных постов в их собственной стране и их места предоставить австрийским чиновникам. Это означало, что немецкий язык будет государственным языком, а венское правительство — верховной властью. Короче говоря, это означало централизацию в духе Иосифа II, но без его прогрессивных устремлений. А так как Венгрия после революции гораздо меньше, чем до революции, была расположена терпеть ущемление своих интересов, то подобная политика означала военный террор, военные суды, аресты, судебные приговоры, виселицы и переполненные тюрьмы. Этот кровавый режим мог продолжаться годами и требовал постоянного пребывания в Венгрии определенной части австрийских войск.

С чехами и поляками было несколько легче. Для чехов у монархии имелся «пряник»: до тех пор, пока они будут сохранять спокойствие и поддерживать корону, она их будет защищать от включения в «Великую Германию». В качестве гарантии того, что монархия выполнит это намерение, правительство Шварценберга отозвало в 1849 г. из Франкфурта своих представителей, заявив, правда с оговорками, но вполне определенно, что связь Австрии с Германией не будет выходить за рамки, определяемые принадлежностью Австрии к свободному союзу, вроде старого союза немецких князей. Этого было достаточно, чтобы успокоить чехов, хорватов и другие народы. С поляками было еще проще. Аристократическому руководству польского национального движения пообещали оказать помощь и поддержку в их борьбе против крестьян-русин, которые составляли большинство населения. Поляки и чехи получили, кроме того, неопределенное обещание, что они «когда-нибудь» и «как-нибудь» получат право представительства в министерстве.

Всего этого было достаточно на ближайшее время. Делать же резкие повороты при данной ситуации было нельзя. До 1851 г. корона держалась исключительно смиренно. Конституция 1849 г. на первый взгляд выглядела весьма прогрессивной. Это значит, что в ней было все, что должно было бы нравиться австрийской

буржуазии, начиная с установления централизма в управлении Австрией и до ответственности министров перед (все еще будущим) выборным парламентом (который так ни разу и не выбирался). В ней были все буржуазные права, свобода преподавания и религиозная свобода — короче говоря, это была «прекрасная» конституция. Но она никогда не была претворена в жизнь. В этот период времени представители либеральной буржуазии в правительстве Александра Баха правили с помощью чрезвычайных полномочий.

Однако представители австрийской буржуазии не были такими мечтателями, чтобы удовлетвориться такой конституцией (которая к тому же еще существовала лишь на бумаге). Относительно спокойное поведение буржуазии объяснялось тем, что ей в соответствии с системой централизма (которая существовала уже не только на бумаге) предоставлялся еще целый ряд экономических льгот. То, что Брук, председатель триестинского «Ллойда», был назначен министром торговли, фактически означало уступку требованиям, по крайней мере, крупной промышленной буржуазии. В 1850 г. были уничтожены таможенные границы внутри монархии и в первую очередь таможенная граница с Венгрией, которая сделалась для австрийской буржуазии помехой для ее развития. В 1851 г. были отменены многие ограничения, касающиеся ввоза и вывоза. Железным дорогам были наконец предоставлены права и возможности — за которые они так долго боролись — скупать каменноугольные копи и разрабатывать их. Строительство железных дорог ускорилося уже в силу того, что освобождение крестьян и постепенное превращение их во владельцев земли давали возможность железнодорожным компаниям скупать землю у мелких собственников, тогда как раньше им приходилось иметь дело с более сильным дворянством. К тому же они имели теперь в своем распоряжении в большем количестве рабочую силу в лице крестьян. Увеличилось строительство пароходов и развивалось судоходство, и вполне понятно, что львиная доля этих доходов доставалась компании, в которой председательствовал Брук. Экономические мероприятия, которые дополнялись введением более современных судостроения и юстиции, проведенные министром Шмерлингом (тоже либерал), создание графом Стадионом нового, сравнительно демократического управления, открытие новых гимназий, технических учебных заведений и введение в основном неограниченной свободы преподавания — все это скоро оказало свое действие. Австрийская торговля стала развиваться: импорт, который в 1831 г. составлял 89 млн. гульденов, в 1860 г. достиг 390 млн. гульденов; экспорт с 97 млн. возрос до 380 млн. гульденов. Особенно бурно стало развиваться сельское хозяйство, что было следствием освобождения крестьян. Посевы хлебов значительно расширились. В 1887 г. они увеличились втрое по сравне-

нию с 1836 г. Цены на землю в период 1846—1866 гг. возросли вдвое, увеличились капиталовложения в сельское хозяйство. Если цифру капиталовложений в 1846 г. принять за 100, то в 1866 г. она составляла 200, а в 1880 г. — 240. Несмотря на некоторое развитие промышленности, которое еще более усилилось после 1867 г., Австрия в основном оставалась аграрной страной. Еще в 1879 г. население, занятое в различных отраслях хозяйства, распределялось следующим образом:

в сельском и лесном хозяйстве	11 000 000	человек
в горной промышленности	200 000	»
в прочих отраслях промышленности	2 100 000	»
в торговле	350 000	»
служащих	1 000 000	»

Как видно, развитие промышленности после 1849 г. не было особенно бурным.

Однако австрийская буржуазия довольствовалась и частичным удовлетворением своих требований, примирившись в какой-то степени с существованием абсолютизма. И когда в 1851 г. корона, почувствовав себя достаточно сильной, чтобы устранить даже видимую конституционную форму правления, издала так называемый Сильвестров патент (31 декабря 1851 г.) и тем самым отменила конституцию и вернула страну снова к абсолютизму, никто не шевельнулся. Буржуазия приняла Сильвестров патент равнодушно.

Может быть, это идилическое состояние, а именно относительное удовлетворение интересов австрийской буржуазии, гарантированное огромным количеством австрийских войск в остальных частях монархии, могло бы продолжаться и дальше, если бы не существовало внешней политики.

Интересы наиболее влиятельных кругов австрийской буржуазии и короны сходились в одном существенном пункте. Они в одинаковой мере были заинтересованы в расширении монархии и в росте политического влияния Австрии за границей. Францу Иосифу очень хотелось присоединить к своему государству обширные земли на Балканах, например Придунайские княжества (часть теперешней Румынии), чтобы таким образом расширить территорию своего государства, увеличить поступление налогов и поднять политический вес государства. Для Брука и его компаньонов это тоже казалось заманчивым, поскольку Дунай тогда становился «австрийской рекой» и французские, итальянские и греческие пароходные компании, конкурирующие с его компанией, не выдерживали соревнования. Корона была заинтересована в сохранении итальянских провинций, и для того чтобы устранить постоянную угрозу их отделения и присоединения к новой, независимой Италии, ослабляла или разоряла те итальянские государства, которые, как, например, Сардиния, могли явиться опорой независимой

Италии. Крупная буржуазия также хотела удержать эти провинции. Кроме того, она была очень заинтересована в том, чтобы, воспользовавшись случаем, нанести ущерб конкурирующим с ней владельцам итальянских паромных компаний, банков и железных дорог и, насколько это возможно, захватить в свои руки и итальянские коммерческие операции.

В отношении Германии дело обстояло несколько сложнее. Как корона, так и финансовые магнаты и крупные промышленники с неудовольствием следили за ростом политического и экономического влияния Пруссии, создававшим для них угрозу вытеснения их из германской экономики и отстранения от участия в германской политике. Короче говоря, как корону, так и буржуазию устраивала агрессивная, но победоносная внешняя политика. К агрессии австрийское правительство и корона, которая им повелевала, были готовы, но с победами дело обстояло сложнее.

Австрийская внешняя политика между 1854 и 1867 гг. представляла собой целую серию поражений, одно тяжелей другого, и сводилась к ряду попыток вмешаться в дипломатическую борьбу европейских сил, чтобы таким путем извлечь для себя пользу, что, впрочем, всякий раз кончалось неудачей. Началось с Крымской войны 1853 г. Между Австрией и Россией существовал тесный союз, в котором Австрия, конечно, играла роль зависимой стороны. В 1849 г. царь помог подавить венгерскую революцию, и поскольку Австрия проводила политику угнетения Венгрии, она нуждалась в русской помощи. Россия же намеревалась за счет распадающейся Турции увеличить свои владения на Балканах. При этом она натолкнулась на сопротивление Франции и Англии, которые хотели сохранить Турцию сильной, как своего рода плацдарм для своей экспансии как на Ближний, так и на Средний Восток. Австрия также хотела расширить свои владения за счет Турции. За кулисами стояли германские государства, которые все больше подпадали под влияние Пруссии и которые в данный момент пытались искусным лавированием между группировками держав и возможным посредничеством усилить свои собственные позиции.

Австрия считалась союзницей России. Когда царь в 1853 г. оккупировал Придунайские княжества, австрийский министр иностранных дел граф Буоль, совершенно бездарная личность, подчеркнул существование тесного союза между Австрией и Россией. Но когда оккупация была закончена, совершенно неожиданно Австрия предъявила царю ультиматум, в котором требовала немедленно отвести войска из Придунайских княжеств. Россия, которая тем временем объявила войну Франции и Англии, вынуждена была эвакуировать свои войска. После этого Австрия сама оккупировала эти княжества.

Такое поведение Австрии объяснялось тайными переговорами, которые Буоль вел с Францией и Англией, окончившимися заклю-

чением договора о союзе между Австрией, Францией и Англией. Буоль действовал в данном случае по совету прусского правительства, с которым Австрия заключила оборонительный союз, ставящий целью осуществление контроля над территориями, расположенными на всем протяжении Дуная. Пруссия не имела намерения войти в одну из двух группировок, но не имела ничего против того, чтобы подтолкнуть Австрию, а потом сыграть роль посредника. У Франции и Англии в течение всего времени переговоров поддерживалась уверенность, что Австрия присоединится к союзу против России, однако со стороны австрийского правительства такое обещание было лишь блефом. Вести войну она не могла. Ее казна была пуста уже в результате оккупации Придунайских княжеств, необходим был новый заем. Чтобы выставить армию, нужно было вывести войска из различных земель монархии, но внутривосточное положение было настолько критическим, что этого сделать было нельзя. Таким образом, Крымскую войну с 1853 по 1856 г. вели против России Франция, Англия, Турция, а с 1855 г. еще и Сардиния, но без Австрии.

В результате Австрия осталась вне всяких коалиций. Россия упрекала Австрию в том, что она своим неожиданным ультиматумом спутала все военные планы России и тем самым способствовала ее поражению. Франция и Англия утверждали, и не без оснований, что войны, вероятно, вообще не было бы, если бы Австрия с самого начала была на их стороне, и что война могла бы значительно раньше окончиться, если бы Австрия сражалась вместе с ними. (Англия и Франция с большим трудом выиграли войну, она им стоила больших жертв, и несколько раз они находились на грани поражения.) Победители и побежденные предполагали, что Австрия умышленно толкала их к войне, чтобы пожиться самой за счет обеих группировок, но от такого дьявольского плана Австрия была далека. Она лишь намеревалась задаром приобрести что-либо, но не думала о том, что если уж угрожать войной, то нужно быть готовой и способной эту войну вести.

На мирном конгрессе в Париже в 1856 г. и победители и побежденные отвернулись от Австрии. Придунайские княжества она должна была очистить, мечта о Дунае как об «австрийской реке» молниеносно исчезла, так как было решено восстановить свободное судоходство по Дунаю. Австро-русский союз распался, а Франция стала сближаться с Сардинией и поддерживать ее стремление создать единую Италию.

Сардиния стала центром движения за объединение Италии, государством, вокруг которого уже в 1848 г. начали группироваться национальные силы. Сардинии удалось отразить все попытки Австрии поработить ее: правительство Сардинии, король Виктор Эммануил II и премьер-министр Кавур проводили либе-

ральную и национальную политику. Кавур и император Франции Наполеон III после Парижского мира заключили союз, ставящий своей целью вытеснение Австрии из Италии и воссоединение Италии под французской эгидой. Пока Кавур и Наполеон III подыскивали удобный повод, чтобы начать войну с Австрией, Буоль выполнил за них эту задачу. Австрия предприняла карательную экспедицию против Сардинии, которую считали виновной в беспорядках в Ломбардии; в действительности же эти беспорядки были вызваны придирами и террором австрийской администрации.

Карательная экспедиция превратилась в войну Австрии с объединенными силами Сардинии и Франции, которую все население Италии рассматривало как освободительную и всячески поддерживало. Буоль, который затеял эту войну так же необдуманно, как он втянул Австрию и в антирусский союз, в последний момент упал духом и стал просить великие державы о посредничестве. Единственной страной, которая заявила о своей готовности быть посредником, была Пруссия; в качестве платы за свое посредничество Пруссия потребовала, чтобы Австрия отказалась в пользу Пруссии от руководства вооруженными силами немецких государств. Франц Иосиф на это не согласился, и война сделалась неизбежной. Сначала австрийское правительство рассчитывало, что война в Италии будет прогулкой, полагая, что Австрия живет еще во времена Радецкого. Но Радецкий умер в 1857 г., а его преемник граф Гюлай был абсолютно бездарным человеком, который получил свой пост благодаря протекции генерал-адъютанта императора, графа Грюнне. Грюнне отправил Гюлаю ободряющую телеграмму: «столько, сколько сделал старый осел Радецкий, ты тоже сделаешь», однако Гюлай после сражения при Мадженте должен был очистить всю Ломбардию и отступить под защиту крепостей. Франц Иосиф взял на себя верховное командование армией; в результате Австрия проиграла сражение при Сольферино и вторично должна была отступить. Армия сражалась неплохо, генералу Бенедекку — правда, только ему одному — даже удалось достигнуть успехов, и солдаты дрались храбро; «львы под командой осла» — говорили в Вене. Но генеральный штаб и офицерство были далеко не на высоте. Немало способствовали поражению и экономические «мелочи», на которые Франц Иосиф не считал нужным обращать внимание (начиная с 1851 г. он все чаще стал решать вопросы самовластно, не советуясь со своими министрами). Австрийская железная дорога в Ломбардии, в строительство которой были вложены и французские капиталы, незадолго до Крымской войны, была отдана правительством, испытывавшим нужду в деньгах, в залог одной французской компании. Против этого выступал Брук. Но французская компания позаботилась о том, чтобы в 1859 г. эта стратегически важная

железнодорожная линия фактически не могла быть использована австрийцами.

Итальянская кампания продемонстрировала явное дипломатическое и военное банкротство Австрии. По Цюрихскому миру Австрия потеряла почти все свои итальянские владения, за исключением Венеции.

Еще до заключения мира началось восстание во всей Италии, которое Австрия рассчитывала предотвратить своей карательной экспедицией. Незначительные, по большей части зависимые от Австрии династии повсюду свергались, и создавались национальные правительства, которые становились под защиту Сардинии. Под руководством итальянского демократа Гарибальди была создана национальная армия, которая и овладела Папской областью, Сицилией, Неаполем и Умбрией, противившимися объединению. 5 ноября 1861 г., в результате народного голосования, было образовано объединенное королевство Италия, возглавлявшееся Виктором Эммануилом, которое включало в себя почти все итальянские области. Савойя и Ницца отошли к Франции. Рим до 1870 г. оставался независимым папским владением. Венеция еще в течение шести лет находилась под властью Австрии. После поражения при Кёниггреце в 1866 г. Венеция отошла к Франции, а от Франции — к Италии. С созданием объединенной Италии роль Австрии как средиземноморской державы была закончена.

Даже старому абсолютизму до 1848 г. было бы тяжело перенести ряд таких неудач, а новый абсолютизм 1851 г. Франца Иосифа не обладал такой прочностью, какой отличался его предшественник. То был, несмотря на все крайности, еще терпимый абсолютизм, терпимый потому, что для австрийской буржуазии он был более приемлем, чем какая-либо иная форма правления, а для части населения монархии он был не настолько невыносим, чтобы ради его устранения принять на себя всю тяжесть борьбы. Однако все это имело значение лишь до тех пор, пока были успехи и не было слишком больших экономических тягот. Теперь обоих этих условий не существовало. Новый абсолютизм терпел лишь неудачи и постепенно начал превращаться в тяжелое материальное бремя. Неудачные войны расстроили государственный бюджет, налоги росли, намеревались выпустить новый заем. Государство снова начало вытягивать у промышленников и финансистов средства, которые им хотелось использовать в других целях. Субсидии, которые с 1849 г. предоставлялись, например, железнодорожному строительству, были отменены. Казалось, возвращаются времена, предшествовавшие 1848 г. Результатом было неожиданное, но совершенно определенное охлаждение в отношениях Франца Иосифа с его всеподданнейшим окружением, состоявшим из буржуазии, которое снова начало требовать конституции, парламента и ответственного министерства. Одновременно усилилась оппозиция

в Венгрии, национальное движение в которой было подавлено, но не уничтожено. В Венгрии снова начались мелкие беспорядки, происходили ежедневные стычки, нужно было посылать в Венгрию все новые войска, а венгерские части в австрийской армии были настолько ненадежны, что их вообще не решались использовать.

Корона понимала уже давно, что придет день, когда ни посылка войск, ни назначение буржуазных министров уже не помогут. Но еще ощутимей были военные поражения, потеря ряда областей и невозможность для Австрии проводить политику дальнейшего расширения своих границ, что грозило свести Австрию до уровня государства низшего ранга.

Франца Иосифа часто сравнивают с его предшественником Францем I. Франц Иосиф имел такое же отвращение к революции и народным движениям и совершенно такое же нежелание позволить своим «подданным» иметь свое мнение, как и Франц I. Но при всем своем консерватизме Франц Иосиф отличался от своего предшественника тем, что он был государем страны, в которой развивался уже промышленный капитализм, причем он понимал это. Он не мог попросту игнорировать тот процесс развития, который переживала его страна, и не считаться с мнением буржуазии, не мог дальше поступать так, как ему заблагорассудится. Франц Иосиф пришел к власти во время революции, и этого он никогда не забывал. Он понимал, что в определенные моменты необходимо было предпринимать какие-то меры, с тем чтобы предотвратить неприятные последствия для династии. В данном случае ему было ясно, что надо было что-то предпринять, чтобы смягчить кризис. Точнее говоря, надо было сделать так, чтобы монархия не должна была держать войска на значительной части своей собственной территории точно в неприятельской стране, и тогда средства, которые на это расходовались, можно было бы употребить для более важных целей. Надо было что-то сделать, чтобы Австрия не оказалась бессильной в военном отношении. Стремление «что-то сделать», разумеется, не означало, что Франц Иосиф был готов или мог действительно предпринять что-то радикальное. Но создавалась видимость, что такие решения приняты.

С 1860 г. в Австрии началась серия «конституционных экспериментов». Эксперименты эти имели между собой много общего. Все они были слишком поспешны, неясны и непродуманны — вода подходила правительству уже к самому горлу, — все они шли «сверху», вырабатывались без участия народа. Франц Иосиф поручал одному или нескольким министрам, которые казались ему способными и надежными, молниеносно, за одну ночь, подготовить такие изменения в конституции, которые могли бы в несколько месяцев «привести все в порядок». Если же дело не удавалось, а оно никогда не удавалось, он все бросал и пытался

найти решение вопроса в проведении мероприятий прямо противоположного характера.

Основные проблемы для монархии состояли в следующем: нужно было как-то умиротворить «беспокойную» Венгрию, хотя бы настолько, чтобы устранить опасность гражданской войны. Нужно было укротить недовольную австрийскую буржуазию или, если это не удастся, найти себе вместо нее другого союзника. Умиротворение же Венгрии не должно было в то же время заходить слишком далеко, до открытого предоставления ей автономии, иначе это будет выглядеть как принятие задним числом требований венгерской революции. Успокоение австрийской буржуазии также не должно заходить так далеко, чтобы из-за нее превратить в своих врагов все другие нации монархии. Наконец, замена буржуазии каким-либо другим союзником тоже не должна была привести к окончательному разрыву с ней. Как видно, это был настоящий gordiev узел, который должны были развязывать жалкие и все более часто сменяемые министры Франца Иосифа.

Первым экспериментом подобного рода был Октябрьский диплом (конституция). В августе 1860 г. к власти пришло новое министерство, и министр внутренних дел польский дворянин граф Голуховский получил задание выработать новую конституцию. То, что такое задание было поручено поляку, не являлось случайным. Новая конституция должна была знаменовать собой поворот от централизма к федерализму. Это значило, что не только центральный австрийский бюрократический аппарат будет осуществлять управление, как было до сих пор, но и представители других земель монархии, то есть не австрийцы, также будут участвовать в управлении государством. Назначение поляка должно было символизировать это положение.

Но все это была одна лишь уловка. Желая как-то умиротворить Венгрию, австрийское правительство не хотело пойти на действительные уступки, те же, на которые оно было согласно, по существу ничего не значили для Венгрии. Кроме того, к участию в управлении хотели допустить не народы монархии, а только аристократию. Франц Иосиф полагал, что с венгерским, польским, чешским и австрийским дворянством он сможет сотрудничать не хуже, чем с австрийской буржуазией, влияние которой он в данном случае хотел ослабить. Попытка эта была не совсем лишена оснований. С некоторого времени между Францем Иосифом и венгерской дворянской так называемой «старо-консервативной» партией, а также представителями чешского дворянства шли переговоры через генерала Клам-Мартинека.

Октябрьский диплом предусматривал, что созданный незадолго перед тем рейхсрат (общееимперский совет), бюрократическое учреждение, имеющее только совещательные функции, в дальнейшем будет формироваться преимущественно из представителей

провинциальных ландтагов (сеймов). Провинциальные ландтаги должны были быть восстановлены и могли самостоятельно решать только дела, не имеющие общегосударственного значения. Ландтаги эти являлись не чем иным, как старыми, уже давно отжившими провинциальными сеймами и, в качестве таковых, обеспечивали преобладание дворянства всех земель монархии, как в провинции, так и в рейхсрате. В качестве особо успокоительного средства для Венгрии должно было служить восстановление распущенного в 1849 г. венгерского сейма и восстановление особого венгерского министерства в Вене и венгерской надворной канцелярии, при замещении вакансий в которых преимущество предоставлялось бы венграм.

Октябрьский диплом никого не удовлетворил. Австрийская буржуазия протестовала, так как считала, что он направлен против нее, и успешно агитировала против конституции, которая контрабандой протаскивала господство дворян. Венгры подняли бурю протеста против конституции, которая предоставляла их стране в составе монархии примерно такие же права, как, например, Каринтии или Форарльбергу. Несмотря на все попытки монархии ослабить венгерский фронт путем отрыва дворянства, первые выборы в венгерский парламент явились своего рода демонстрацией — в него были избраны все находившиеся еще в живых депутаты парламента 1848 г. Вообще выборы в ландтаги, особенно в Австрии, стали поводом для резкого общественного протеста против Октябрьского диплома. И все же Октябрьский диплом и связанные с ним выборы в ландтаги были положительным явлением: они в какой-то мере нарушили бюрократическое оцепенение общественной жизни в Австрии и привели в движение хоть какие-то силы. Можно было снова публично обсуждать политику правительства и конституцию и требовать дальнейших реформ.

Спустя полгода корона совершила в своей политике резкий поворот — почти на 180 градусов. Голуховский ушел, новым канцлером стал австриец и бывший либерал Антон фон Шмерлинг. Он являлся автором новой конституции — Февральского патента, опубликованного 26 февраля 1861 г.

Февральский патент устанавливал форму правления, которая имела уже несколько большее сходство, чем Октябрьский диплом, с парламентарной системой современных государств. Но парламентаризм этот был парламентаризмом только для австрийцев, с небольшими лишь уступками для венгров. Рейхсрат обладал законодательной властью и состоял из двух палат — палаты господ и палаты депутатов. Уступка Венгрии заключалась в том, что обсуждение всех дел, имеющих общегосударственное значение, проводилось в расширенном составе рейхсрата при участии Венгрии, в более же узком составе рейхсрата обсуждались дела

австрийских, галицийских и чешских земель, в то время как Венгрия свои дела могла обсуждать только в своем парламенте. Признание того факта, что в монархии существуют две группы стран — австро-польско-чешская и венгерская, — и является началом дуализма.

Члены палаты депутатов должны были выбираться ландтагами. Выборы в ландтаги производились от четырех групп избирателей, четырех «курий» — от крупных землевладельцев, от городов, от торговой и промысловой палат и от сельских общин. Каждая курия посылала в ландтаг одинаковое число депутатов. Это означало, что буржуазии путем создания специальной курии — «торговой и промысловой палаты» — было во всех случаях гарантировано большинство. Кроме того, это означало, что в Чехии, где буржуазия и городское население были по преимуществу немецкого происхождения и говорили по-немецки, этой буржуазии было обеспечено большинство в сравнении с крестьянами и мелкой буржуазией чешской национальности. То же самое произошло и в Галиции, где поляки располагали нарочито созданным большинством по сравнению с русинами. Кроме того, в городах и в сельских местностях избирательные округа были так распределены, что они обеспечивали преобладание немцев. Например, в Праге депутат от чешского округа должен был получить в одиннадцать раз больше голосов, чтобы быть избранным, чем депутат от немецкого округа. Шмерлинговская «избирательная геометрия», как стали называть эту систему, позднее получила широкую известность и в Вене. В благодарность за предоставление австрийцам господствующего положения по сравнению со славянами, австрийцы должны были тактично не замечать того, что конституция, собственно, не является конституцией.

Корона и правительство могли при решении большинства вопросов не считаться с решениями рейхсрата или действовать, не дожидаясь этих решений. Что касается Венгрии, то полагали, что разделение рейхсрата на две палаты примирит ее с тем фактом, что и по Февральскому патенту она имела столь же большое или, вернее, столь же малое влияние, как и Форарльберг.

Однако Венгрия сразу же отказалась от участия в работе рейхсрата и потребовала признания конституции 1848 г. Получив отказ, венгры продолжали бойкотировать рейхсрат. Шмерлинг пытался некоторое время игнорировать венгерскую оппозицию и нашел в этом поддержку у части австрийских депутатов, пока, наконец, в Вене не осознали того, что ведь целью опубликования дипломов и патентов было разрешение венгерского кризиса, пока не поняли того, что они не достигли цели, раз кризис продолжается. Венгры не ограничивались только отказом от участия в работе рейхсрата. Они продолжали переговоры с короной, правда неофициальные, через головы австрийских министров, и

кроме того, внутри Венгрии перешли к политике, которая еще более усиливала их позиции. Эта политика заключалась в сближении со славянскими народами Венгрии, особенно с хорватами. Стронником сближения со славянами был либерал Деак, который еще в 1848 г. боролся против враждебной в отношении славян политики Кошута и осудил ее как политику самоубийства. Так как неоабсолютизм после 1849 г., несмотря на услугу, оказанную ему Елачичем, также мало считался с правами хорватов, как и других народов, и в данный момент политика Шмерлинга снова подтвердила австрийскую и антиславянскую ориентацию правительства, то Деаку удалось довольно легко склонить на свою сторону озлобленных и разочарованных славян. Таким образом, монархия потеряла свое главное орудие воздействия на Венгрию. Чехи, поняв, что февральский патент направлен к укреплению положения австрийцев в Чехии, также перешли в оппозицию и отказались от участия в работе рейхсрата. Конечно, чешская оппозиция не была столь сильной и столь наступательной, как венгерская, и поэтому не представляла для монархии такой опасности. Но Шмерлинг должен был, наконец, подумать о том, чтобы внести в страну успокоение и не создавать новых конфликтов. Постепенно и австрийская буржуазия также стала находить политику Шмерлинга не очень для себя выгодной и не заслуживающей того, чтобы ради нее поддерживать квазиконституцию. Таким образом, и буржуазия начала постепенно отворачиваться от Шмерлинга. Правительство Шмерлинга продержалось еще некоторое время и, наконец, пало в 1865 г. Вскоре после падения правительства Шмерлинга начались уже непосредственные переговоры между короной и Деаком.

Между тем австрийская буржуазия начала размышлять о своем положении и своих перспективах. Опыт последних шести лет был поучителен. Было ясно, что ни законы, ни «избирательная геометрия» не смогут надолго обеспечить господство австрийцев внутри монархии. Было также ясно, что корона уже не являлась больше надежным союзником.

Старое, революционное по своим устремлениям великогерманское движение умерло вместе с революцией 1848 г. В последующие годы австрийская буржуазия не была особенно заинтересована в установлении тесных связей с Германией. Политика короны, которая ставила своей целью сохранить влияние Австрии в Германии, не объединяясь с нею, в общем одобрялась буржуазией. Когда Франц Иосиф на предложение включить Австрию в германскую таможенную и хозяйственную систему ответил контрпредложением распространить это предложение о включении на всю монархию в целом (что должно было привести к подавляющему превосходству Австрии над немецкими государствами, почему они, и главным образом Пруссия, отказались от этого),

австрийская буржуазия выразила свое согласие с политикой короны. Она так же хорошо, как и корона, понимала, что контрпредложение было лишь замаскированной формой отказа, и выражала свое одобрение, так как боялась конкуренции немецких промышленников. Но поскольку снова начали проявляться национальные разногласия, некоторые группы австрийской буржуазии стали стремиться к сближению с Германией, правда, уже на совершенно новой, чем в 1848 г., основе.

Мысль об объединении с Германией не только собственно Австрии, но и всей Австрийской монархии, чтобы таким путем во вновь созданном государстве с 70-миллионным населением получить преобладание немецкой нации над другими народами, впервые была высказана Бруком в памятной записке, адресованной императору в 1859 г. Брук говорил там совершенно открыто, что только усиление немецкого элемента в Австрии приведет к укреплению внутреннего положения в монархии. Но все же Брук был очень осторожен. Он пояснил, что он не имеет в виду насильственной германизации ненемецких народов, но что объединение с Германией и усиление «немецкого духа» приведет к исчезновению «сепаратистских чаяний». Но Брук пошел в своих планах еще дальше: объединение с Германией даст возможность не только упрочить внутреннее положение монархии, но и предпринять экспансию на восток, вплоть до нижнего Дуная. Благодаря этому объединению «немецкий элемент» может настолько усилиться, что нетрудно будет в силу «естественного тяготения» втянуть в орбиту своего влияния небольшие государства Восточной Европы. Как можно видеть, Брук выработал определенный план сохранения монархии путем окончательного подавления национального движения, план проникновения монархии на восток. Недаром Брук представлял те круги общества, которые особенно были заинтересованы в экспансии! От этого интереса к планам Брука до проведения их в жизнь (использовав при этом и немцев, если недостаточно будет одних австрийцев) был один шаг. Записка Брука, в которой он, кроме того, резко критиковал австрийское правительство, не получила одобрения Франца Иосифа. Наоборот, эта записка благодаря ее критическому тону привела к отставке Брука. Но идея ориентации на Германию начала постепенно внедряться в сознание; она укреплялась по мере того, как углублялся кризис и становилось уже невозможно смягчить его путем конституционных экспериментов. Однако прошло еще довольно много времени, пока германская ориентация практически начала влиять на австрийскую политику.

После отставки Шмерлинга, при его преемнике, моравском аристократе Белькреди, внутренний кризис так же оставался неразрешенным, как и в 1860 г. Очевидно, нужна была еще одна

война и еще одно поражение, чтобы правительство решилось на действительные изменения в политике.

Германский союз, представляющий собой непрочную федерацию немецких княжеств с австрийским императором в качестве председателя и Австрией, не имеющей в нем сколько-нибудь серьезного влияния, был союзом только по названию. На самом деле этот союз был причиной борьбы между Австрией и Германией за господство и преобладание. Но понятие «борьба» может здесь, пожалуй, ввести в заблуждение.

Пруссия, которая за последние двадцать лет стала гораздо более развитой индустриальной страной, чем Австрия, и которая не только стремилась стать сильным государством, но и стала им, теперь боролась за присоединение к себе других немецких государств, чтобы из маленького сильного государства превратиться в великую державу. Австрия не намеревалась присоединять к себе немецкие земли, хотя среди австрийской буржуазии и имелась группа, требовавшая этого. Франц Иосиф и его министры знали, что чрезмерное укрепление немецкого элемента в монархии приведет к разрыву со славянами (вероятно, также и с венграми) и будет означать конец габсбургского государства. Все, чего Австрия, собственно, хотела, — это сохранения того положения, которое существовало уже много столетий. Она хотела сохранения зависимой от Австрии и раздробленной на мелкие княжества Германии, чтобы иметь своего рода пруд с карпами, из которого австрийское правительство, при желании могло бы вылавливать себе карпов, то есть дипломатических и военных союзников. Подобное соображение носило чисто средневековый характер. Австрия просто не рассчитала, что население немецких земель также хочет и должно стать нацией и что победит та сила, которая окажется во главе этого движения.

Большинство немецких земель предпочитало, чтобы объединение Германии произошло под эгидой какого-либо другого немецкого государства, а не Пруссии. Внутренняя политика Пруссии была, насколько это вообще было возможно, еще более реакционной, чем австрийская. Пруссия была жестока и агрессивна, она возвысилась, продавая свои военные услуги, и расширила свою территорию исключительно за счет грабительских войн. Отсталому поместному дворянству принадлежала такая значительная роль во внутренней политике, как нигде больше. И многие — в первую очередь южнонемецкие — государства охотнее объединились бы под гегемонией Австрии. Но Австрия не могла их объединить, да и не хотела этого, и только тогда они, все еще оказывая сопротивление, повернулись в сторону Пруссии. Государи многих немецких земель оказывали энергичнейшее сопротивление, потому что создание новой, единой Германии означало конец их привилегиям. Но народы их держались на этот счет дру-

гого мнения. Таким образом, Австрия располагала в Германии, конечно номинально, целым рядом союзников среди правительств немецких земель, которые на всех бундестагах и фюрстентагах шли за ней, но эти союзники выражали точку зрения, прямо противоположную общественному мнению их стран. Это обстоятельство может пролить свет на тот факт, что в решительный момент Австрия нашла себе в Германии лишь немногих союзников, в первую очередь Саксонию, а практически почти не получила ни от кого поддержки.

В 1862 г. канцлером Пруссии стал Бисмарк. Бисмарк своей основной политической задачей считал превращение Пруссии в возможно короткий срок в великую державу и намеревался осуществить это путем присоединения к ней других немецких государств. Главным препятствием на этом пути было влияние Австрии, и Бисмарк сразу же приступил к устранению этого препятствия.

Шлезвиг-голлштинская война 1864 г. дала ему для этого повод. В этой войне из-за двух княжеств — Шлезвига и Голштинии, — которую фактически вели Пруссия и Дания, а формально Германский союз и Дания, Австрия принимала участие и по окончании войны сочла для себя необходимым взять контроль над Голштинией, на которую претендовала Пруссия. Осуществление контроля, а практически и управления Голштинией противоречило всякому здравому смыслу, так как между Голштинией и Австро-Венгрией находилось пространство в сотни километров. Правда, Австрия имела намерение использовать эту страну в качестве объекта обмена, но своей недостаточно аргументированной полуаннексий она дала Пруссии хороший повод, чтобы кричать об австрийской грабительской политике, требовать ревизии и, когда это требование не было выполнено, объявить Австрии войну. Австрийская дипломатия опять попала в ловушку.

Война 1866 г. Австрии против Пруссии была трагическим фарсом. Не было такой ошибки, которую не совершили бы австрийская дипломатия и австрийское военное командование. Италия потребовала передачи ей Венеции в качестве вознаграждения за нейтралитет. Чтобы не уронить свой престиж, Италии отказали, но вскоре отдали Венецию Наполеону III в качестве платы за нейтралитет Франции, хотя Франция и не предполагала вступать в войну на стороне Пруссии. Для удержания за собой Венеции, которую все равно не могли сохранить, в Италию послали значительную часть армии, которую гораздо важнее было использовать против Пруссии. Главнокомандующего войсками в Италии Бенедекка, прекрасно знающего южные области, отправили в Чехию, несмотря на его протест, в то время как командующего войсками в Чехии эрцгерцога Альбрехта, одного из лучших генералов монархии, послали в Италию. Это делалось якобы потому,

что член императорского дома не мог командовать на таком театре военных действий, на котором он, по всей вероятности, будет разбит. В результате была одержана ненужная победа в Италии (главным образом благодаря талантливому командованию адмирала Тегетгофа и победе австрийского флота в морской битве при Лиссе) и тяжелое поражение в Чехии. Австрийцы, вместе со своими союзниками саксонцами, численно превосходили пруссаков, но они были гораздо хуже вооружены. В то время как прусская армия была вооружена игольчатыми ружьями, Австрия послала свои войска, имеющие на вооружении старые ружья, на зарядку которых требовалось гораздо больше времени. Австрийская промышленность была не в состоянии обеспечить армию современным вооружением, а кроме того, австрийский генеральный штаб принципиально был против разного рода «новшеств». В сражении при Кёниггреце австрийские войска, по выражению одного церемонного и преданного императорскому дому историка, «были, так сказать, уничтожены». Бенедек еще до сражения ясно видел создавшееся положение и телеграфировал в Вену: «Нужно немедленно заключить мир, иначе произойдет катастрофа». После того как предсказанная им катастрофа произошла, в благодарности за предупреждение он был унижительным образом уволен в отставку. Правда, та же участь постигла и победителя, адмирала Тегетгофа, который спустя несколько недель после одержанной им морской победы был отстранен от должности главнокомандующего.

Разгромленная Австрия была принуждена принять любые мирные условия. Они были относительно мягкими. Бисмарк хотел устранить австрийское влияние в Германии, а не аннексировать австрийские территории и тем самым нажить себе в Австрии врага на все последующие времена. Через Австрию вела дорога на Балканы, и прусские политики имели в отношении Австрии особые соображения.

По Пражскому миру Австрия обязалась совершенно отказаться от участия в германской политике (Германский союз вскоре был ликвидирован). Венеция была передана Италии. На Австрию была наложена контрибуция в 20 млн. талеров — по тем временам очень небольшая сумма. Часть немецких земель, которые находились в союзе с Австрией (ни одна из них, за исключением Саксонии, не принимала участия в войне), была присоединена к Пруссии, с другой частью земель Пруссия заключила сепаратные мирные договоры. Через пять лет, после Франко-прусской войны 1871 г. произошло объединение Германии под главенством Пруссии, произведенное не народом, а осуществленное в результате соглашения немецких государей. Король Пруссии стал германским императором, вместо тридцати немецких государств была создана Германская империя.

Поражение 1866 г. само по себе не нанесло Австрии слишком большого ущерба. Контрибуция не была тяжелой, Венецию и без того нельзя было удержать. Отстранение от немецкой политики рано или поздно должно было совершиться. Знакомясь с историей Австрии последних столетий, нельзя сказать, чтобы участие ее в немецкой политике приносило ей какую-либо пользу.

Корона и аристократические политики, ее окружавшие, были задеты поражением в гораздо большей степени, так как проигранная война подрывала их престиж. Австрийская буржуазия уступила короне большую долю политической власти на двух условиях: корона вместе с аристократией, которая выполняла главным образом военные и дипломатические функции в государстве, должна была вести и выигрывать войны и поддерживать порядок в стране. Оба условия не выполнялись. Войны были плохо подготовлены в дипломатическом и военном отношении и были проиграны. Экс-император Фердинанд, который после своего отречения жил в уединении, выразил мнение всей страны, когда он в 1866 г. заявил: «Так мог бы править и я». Так мог бы всякий «править», включая и буржуазию. Успокоение в стране также не наступало. Венгрия снова была накануне восстания, и страх правительства перед венгерским восстанием, в котором была заинтересована Пруссия, был одной из причин скорого заключения мира. (То, что прусские эмиссары, пытавшиеся в 1866 г. подготовить восстание в Венгрии, прежде всего обратились к жившим в Венгрии словакам и получили от них отказ, доказывает, что Пруссия разбиралась в национальном вопросе внутри монархии еще хуже, чем австрийская буржуазия. Но это было слабым утешением.) Во всяком случае Австрийская монархия, как и прежде, была неустойчива в самом своем основании; наступил самый подходящий момент, чтобы принять какие-то действительные, а не мнимые решения.

Изменения произошли в 1867 г. Они означали капитуляцию перед Венгрией. Австрия превратилась в дуалистическую монархию, состоявшую из двух государств: королевства Венгрии с Трансильванией, Фиуме с Хорвато-Славонией, получивших название Транслейтании, и Австрии с Чехией, Моравией, Силезией, Герцем, Истрией, Триестом, Далмацией, Буковиной, Крайной и Галицией. Эта часть называлась Цислейтанией¹. Император Австрии являлся в то же время и королем Венгрии. Устанавливалось три общих министерства: финансов, внешней политики и военное. Все венгерские дела решались венгерским правительством. Государственные расходы были поделены между Австрией и Венгрией в отношении 70 : 30; в течение десяти лет объединенная комиссия,

¹ Наименования «Транслейтания» и «Цислейтания» были даны потому, что монархия Габсбургов была разделена на две части по реке Лейте.—
Прим. ред.

обладающая совещательными правами, должна была участвовать в распределении расходов. Отсюда и название «Ausgleich», «ausgleichen», что означает выравнять, распределять. Таким образом, Венгрия сделалась самостоятельным государством внутри монархии.

Австрийская буржуазия и «немецкие либералы», как называли себя ее руководители, были вне себя. Корона, гарантировавшая им по Февральскому патенту привилегированное положение в монархии, теперь за их спиной, почти даже без ведома министра Белькреди, заключила соглашение с Венгрией. Чтобы успокоить австрийскую буржуазию, был сделан целый ряд политических уступок, которые предоставляли ей преимущественное право участия в политической жизни страны. Была издана новая конституция, так называемая Декабрьская конституция. Новое представительное учреждение Цислейтании — рейхсрат — получило более широкие полномочия. Давнишнее требование буржуазии о введении всеобщей воинской повинности теперь приобрело силу закона; затем последовали реформы в налоговой политике, реформа управленческого аппарата, школьная реформа и реформа брачного права — признание гражданского брака. Конкордат с католической церковью, заключенный в 1855 г. против желания буржуазии, точно так же был позднее отменен. Все эти реформы фактически отвечали интересам буржуазии. Ответственность министров устанавливалась также и перед парламентом. Однако корона так же, как и раньше, могла по собственному желанию назначать и смещать правительства, принимать решения, касающиеся внутренней политики, и оставляла за собой свободу действий в области внешнеполитических отношений. Но самая большая уступка буржуазии состояла в том, что в новом австрийском государстве управление было централизовано. «Избирательная геометрия» Шмерлинга оставалась в силе, и австрийской буржуазии, по крайней мере в австрийской части монархии, было обеспечено господствующее положение по отношению к славянским народам. В ближайший кабинет министров вместе с представителями консервативной аристократии вошли также буржуазные либералы, и поэтому он получил название «буржуазного кабинета».

Австро-венгерское соглашение («аусгляйх») должно было разрешить кризис в Австрии. Но оно было заключено слишком поздно и уже ничему не могло помочь.

Затишье перед бурей

Умиротворение, на которое рассчитывала корона после заключения соглашения, так и не наступило. Австрийская буржуазия и представляющая ее немецко-либеральная партия, несмотря на

политические уступки 1867 г., никак не могли примириться с тем, что теперь в Австрии существуют две господствующие нации. Права, полученные Венгрией, бесконечно преувеличивались, и дело представлялось так, как будто не только венгерская часть монархии (Транслейтания), но и австрийская (Цислейтания) подпали под власть венгров. Но возмущение немецкой либеральной партии продолжалось недолго. С самим соглашением они примирились сравнительно скоро; больше поводов для жалоб дали им его последствия.

Отмена принципа централизма в отношении Будапешта сказалась и в других городах и главным образом в Праге. Чешские оппозиционеры, которыми все еще руководили правые, то есть Ригер и Палацкий, не без основания задавали вопрос: «А что же будет с нами?» И далее они приводили следующие соображения: в момент, когда правительство признало права и предоставило самостоятельность землям венгерской короны, нет никаких оснований, чтобы препятствовать землям чешской короны (Чехии, Моравии и Силезии) стать независимыми, так как они в одно время с Венгрией вошли в Габсбургскую монархию. Эта аргументация была неправильна, так как она основывалась на исторических параллелях, а не на действительном соотношении сил. В Венгрии правительство имело дело с массовым движением, в которое была вовлечена вся нация и которое в любой момент могло перерасти в гражданскую войну. В Чехии движение за независимость не было столь сильным. С июня 1848 г. им руководили правые консервативные круги, которые стремились договориться с короной и сообщить ей свои требования, но ни в коем случае не собирались призывать народ к поддержке этих требований. И все же достаточно было заявления о чешских требованиях, чтобы снова закачался весь картонный домик, каким являлось умиротворение, наступившее после австро-венгерского соглашения. Немецкая либеральная партия, которая имела своих представителей в созданном после 1867 г. правительстве, так называемом «буржуазном министерстве» Ауэрсперга и Бейста, объявила чешские требования неприемлемыми, так как они, по ее словам, означали «немедленный распад монархии». Это не соответствовало действительности. Чехи хотели начать переговоры, а конечной своей целью они ставили «восстановление единства земель чешской короны» в рамках монархии. Вместо дуализма 1867 г. им рисовалось нечто вроде триализма, с чехами в качестве третьего партнера. Правые, стоящие во главе чешского движения, не имели ни малейшего намерения выйти из состава монархии, и они никогда и не допустили бы, чтобы дело дошло до серьезной борьбы. Они были бы пока вполне удовлетворены такого рода уступками, как восстановление равноправия языка, большее привлечение чехов к участию в административном управлении, открытие новых школ

и т. д. Но немецкие либералы протестовали даже против ведения переговоров, во-первых, потому, что они принципиально не желали считаться с притязаниями чехов на равноправие и, во-вторых, потому, что они опасались, может быть и не без оснований, что раз переговоры начнутся, еще неизвестно, чем они кончатся. Во время переговоров с Венгрией, которые тянулись годами, случилось так, что Франц Иосиф, после поражения 1867 г., вдруг потерял терпение и в одну ночь, не уведомив заранее австрийскую буржуазию, решился на соглашение с Венгрией. И кто мог поручиться, что и во время переговоров с чехами не произойдет того же самого?

Невозможность по сути дела что-либо решать самим и ощущение неуверенности в том, что все принятые решения не будут отменены короной, парализовали всю австрийскую политику. Ни одна группа, ни одна из образовавшихся к этому времени политических партий не чувствовала себя действительно ответственной правительственной партией, даже если она и стояла у власти. Правительство было «конституционным» только с виду, на самом же деле оно было «избрано» императором. Если ему было удобно, он мог принимать решения, не считаясь с правительством и даже вопреки ему, и вести переговоры, не осведомляя о них правительство, а в случае успешных переговоров не ставить о них правительство даже в известность. В результате такого положения министры и их партии потеряли всякий вес, а также и всякое чувство ответственности. В серьезные моменты их мнение ничего не значило, и им не оставалось ничего другого, как стараться по возможности собрать побольше козырей в своих руках, чтобы таким путем занять более сильную позицию по отношению к короне. А между тем было известно, что Франц Иосиф по внешнеполитическим причинам стремится к установлению спокойствия внутри страны. И поэтому та партия имела более благоприятные шансы, которая могла доставить ему больше всего беспокойства, так как это давало ей возможность аргументировать примерно так: «ты видишь, какой возник круговорот из-за того, что не выполняются мои требования, и можешь себе представить, что будет дальше, если и впредь они не будут выполняться, а потому будь благоразумен и уступи, а мы немедленно, в течение одной ночи, превратимся в вернейших слуг трона». Подобная политика постоянных вымогательств и постоянных «трюков» со стороны той или иной партии делалась все более и более характерной для Австрии. Она привела к тому, что позднее и правительство не рассматривало себя как подлинное правительство, и парламент не чувствовал себя законодательным органом — все находилось в оппозиции друг к другу и старались урвать для себя как можно больше. Абсолютизм привел к такому положению (виноват был и лично Франц Иосиф, который так долго жонглировал мнимой

конституцией и мнимым парламентаризмом), что уже никто не верил, что может быть создана настоящая конституция и действительная ответственность министров. Виновата была, кроме того, и буржуазия; по мере того как во второй половине XIX в. росли ее силы, а силы короны уменьшались, она могла бы прекратить эту игру и вместо подобия парламента создать настоящий парламент. Но для этого, конечно, нужно было установить соглашение с другими народами монархии, чтобы быть в состоянии дать сильный совместный отпор политике натравливания друг на друга, к которой стала прибегать корона, когда она уже не могла больше только подавлять. Но как раз этого соглашения австрийская буржуазия и не хотела.

Политика «резких поворотов» с 1867 г. стала применяться и чехами, когда они увидели, что немецкие либералы не хотят для них пойти ни на какие уступки. Чешские политические деятели ездили в Москву и Париж, чтобы царю и французским политикам рассказать о тяжелом положении чехов в монархии. Но все это было только демонстрацией; ни в Москве, ни в Париже ни о чем серьезном не договорились. В Москве — потому, что ни царь, ни чехи в действительности не были заинтересованы в панславистской политике, а в Париже — потому, что французское правительство было озабочено грозившим Франции конфликтом с Германией. Все же этого оказалось достаточно, чтобы немецкие либералы начали вопить о «государственной измене», а Франц Иосиф и консерваторы-федералисты стали подумывать о том, что для чехов надо что-нибудь сделать и тем самым пресечь повторение подобных путешествий, вредящих престижу монархии. И одного только предположения о том, что возможны переговоры, было достаточно, чтобы теперь уже немцы перешли в наступление и в 1868 г. в Чехии и Моравии устроили такие демонстрации (которые, естественно, кончились сражениями между чехами и немцами), что там ввели осадное положение. После этого равновесие в монархии опять немного нарушилось и чаша весов склонилась в сторону немецких либералов. В Далмации и Словении дело дошло до схваток между австрийцами и словенцами, а в Триесте положение осложнилось еще тем, что к сражающимся присоединились итальянцы. Наконец, расхождения между министрами, представлявшими централистскую немецко-либеральную партию, и консервативно-федералистскими министрами сделались настолько серьезными, что какое бы то ни было сотрудничество стало невозможным и «буржуазное министерство» пало.

Лучшей иллюстрацией положения правительства в Австрии и колебаний короны является смена правительств. Если взятый курс оказывался неудачным, тотчас же переходили к другому; если кабинет министров не мог преодолеть противоречий и распался, составлялся новый кабинет, противоположного напра-

вления, причем иногда это происходило просто молниеносно. Составлялись различные комбинации потому, что министры не являлись представителями определенных партий, выдвижение этих людей не выражало действительного соотношения сил в стране, а назначались они по воле императора.

За «буржуазным министерством», в котором большинство резко выступало против соглашения с чехами, последовало министерство Гогенварта, которое должно было осуществить соглашение. Гогенварт между прочим получил от Франца Иосифа, который определенно не симпатизировал политике немецких либералов, поручение по возможности дискредитировать последних. Это поручение он выполнил с помощью поистине дьявольского маневра.

Немецкие либералы, несмотря на их поведение в прошлые годы, все еще пользовались в стране известным авторитетом. Это объяснялось не тем, что они были «немецкие», а тем, что они были «либералы». Из всех известных больших партий это была когда-то единственная «левая» партия. Они выступали за отделение церкви от государства, за школьную реформу, за свободу печати и религиозную свободу, они снова требовали подлинного парламентаризма, избирательного права и демократии. То, что они свои требования отнюдь не защищали энергично, это, разумеется, тоже было известно, но в глазах общества они все еще оставались «людьми 1848 г.» (они все еще сохраняли ореол прошлого).

Министерство Гогенварта совершенно неожиданно начало проводить действительно демократические реформы. Имущественный ценз, дающий право участвовать в выборах, был снижен до 10 гульденов. Таким образом, широкие слои мелкой буржуазии, крестьяне и небольшая часть рабочих получали право выбирать (Гогенварт и сотрудничавший с ним профессор экономист Шеффле даже собирались ввести всеобщее избирательное право, но на это Франц Иосиф уже не согласился). Либералы, судя по их либеральным речам и в силу традиции, должны были бы выражать восторги, но в действительности они были возмущены. Новое, более широкое избирательное право означало решительные сдвиги в соотношении сил в Чехии и Моравии. Крупная буржуазия из числа немцев, которая до сих пор вследствие высокого имущественного ценза располагала большинством, теперь, когда право голоса получала мелкобуржуазная и крестьянская чешская масса избирателей, должны были остаться в меньшинстве. А это означало, что правительство снова должно будет пойти на уступки чехам. Со времени австро-венгерского соглашения чешские депутаты демонстративно отказывались от участия в венском райхсрате и провинциальных ландтагах. Пока они составляли меньшинство, можно было это обстоятельство игно-

рировать, но если они, наконец, получают большинство, то рано или поздно нужно будет делать им уступки.

Таким образом, Австрия стала свидетельницей того, как либеральные защитники гражданских прав повели атаку против самого элементарного гражданского права, — расширения избирательного права. Действуя сначала уговорами, полудекларациями, они, наконец, откровенно заявили, что «немцев предадут чехам». И это было началом их конца. Они разоблачили себя перед всей страной, в особенности перед неавстрийскими народами, как обманщики, которые требовали свободы и равенства до тех пор, пока это помогало осуществлению их притязаний на власть, и стали выступать за неравенство и порабощение, когда возникла опасность, что и другие народы могут что-то выиграть. Они дискредитировали не только себя, но и все австрийское буржуазное демократическое движение, к которому теперь неавстрийские народы окончательно потеряли доверие.

Избирательная реформа явилась началом упадка либералов. Как те, которые ждали от них проведения демократической политики, так и те, которые хотели, чтобы они защищали австрийские интересы, конечно, могли создать новое, более сильное и более широкое движение, представляющее их интересы. Однако это произошло уже несколько позднее.

Министерству Гогенварта, во всяком случае, удалось нанести либералам тяжелый удар, и уже на выборах в чешский ландтаг чешская и консервативная партии вместе получили большинство. В министерство Гогенварта в качестве министра просвещения вошел чех, историк Йиречек, который был освистан венскими студентами при первом же его появлении в университете. Министерство издало ряд законов, так называемые «основные статьи», в выработке которых вместе с правительством принимало участие и руководство чешской оппозицией. Основные статьи между прочим устанавливали, что дела, касающиеся Чехии, должны разрешаться в чешском ландтаге. В одновременно опубликованных законах наиболее важным пунктом был вопрос о языке. В областях, в которых немецкое население составляло более одной пятой по отношению к чешскому населению, должны были пользоваться двумя языками, и чиновники Чехии и Моравии должны были владеть обоими языками. Законы о языке вызвали взрыв негодования во всей немецкой прессе и среди немецких либеральных политиков. Снова заговорили о распаде монархии, о гибели немецкой нации «в славянском море» (наиболее «активно», как всегда в подобных случаях, проявляли себя немцы в Чехии). Одна газета, сама того не желая, раскрыла карты, когда в пылу возмущения, изображала, как чешские чиновники, которые говорят по-немецки и по-чешски, в то время как их начальники знают только немецкий язык, заполняют все учреждения и займут

все места в них. «Ужасная» перспектива, когда ум и дарование будут подчиняться «покорным» прежде чехам, привела обычно смиренных и «верных конституции» либералов в такое состояние, что они начали грозить короне чуть ли не революцией. Случавшиеся часто нарушения немногих гарантированных конституцией свобод в Австрии не вызывали с их стороны подобных угроз. Они демонстративно стали бойкотировать чешский и моравский ландтаги и рейхсрат, а когда чешское большинство — в одном и славянско-федералистское большинство — в другом продолжали спокойно заседать, они перешли к демонстрациям и уличным боям. Под нажимом своих верных, «патриотически настроенных» подданных Франц Иосиф вдруг упал духом. Министерству Гогенварта была дана отставка и образован новый кабинет из либералов и австрийских чиновников во главе с Адольфом Ауэрспергом.

Кабинет Ауэрсперга просуществовал семь лет; для Австрии это был поразительно долгий срок. Он правил при помощи полиции, военщины и репрессий (методы, которые сравнительно давно уже не применялись). В Прагу в качестве военного губернатора был направлен наиболее реакционный генерал. Чешские газеты конфисковывались, журналисты и политические деятели заключались в тюрьмы, собрания запрещались. Новое министерство продолжало дело, начатое «буржуазным министерством». Подготавливались школьная реформа и реформа юстиции, были установлены прямые выборы (которые, однако, не внесли больших изменений, так как деление избирателей на курии и «избирательная геометрия» сохранились). Политика отделения церкви от государства, начатая после отмены конкордата, вызвала недовольство среди клерикальных групп и в землях, где особенно сильно было влияние клерикалов, как, например, в Тироле.

Чехи снова перешли в оппозицию и бойкотировали рейхсрат, но теперь их оппозиция, после того как были отменены предоставленные им льготы, была более резкой и более воинственной, чем раньше. Характерно в этом смысле «политическое завещание» Палацкого, которое он опубликовал за несколько лет до своей смерти (он умер в 1876 г.). В этом завещании чешскому народу он приводит слова, сказанные им в 1848 г.: «если бы Австрия не существовала, то ее надо было бы создать». Это заявление, как он говорит дальше, он сделал в то время, когда еще верил, что австрийцы обладают чувством справедливости и преисполнены прогрессивных намерений. Но теперь они попирают ногами права чехов и строят государство, основанное на лжи и угнетении, так что его слова, сказанные в 1848 г., потеряли всякое значение.

«Политическое завещание» Палацкого еще не означало, что чехи берут курс на распад австрийской монархии и на создание своего самостоятельного государства, что произошло много

позднее. Оно означало, однако, что мысль об отделении от Австрии появилась у чехов и впервые была высказана во всеулышание.

Правительство Ауэрсперга просуществовало семь лет (с 1871 по 1878 г.) благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, благодаря поддержке, которую ему оказывала Венгрия в лице министра иностранных дел монархии — венгра Андраши. Кажущийся на первый взгляд странным факт поддержки Венгрией ее бывшего угнетателя — Австрии, и как раз в тот момент, когда Австрия проводила антиславянскую политику, объяснялся очень просто. Медовый месяц сотрудничества венгров со славянскими народами в Венгрии быстро прошел. Уже через несколько лет после австро-венгерского соглашения венгры начали проводить политику ассимиляции и принудительной мадьяризации славян, по сравнению с которой австрийская политика могла показаться либеральной. В Венгрии больше всего боялись превращения Австрии в триалистическое государство, так как венгры не без оснований полагали, что славянское государство в монархии немедленно сделается центром, к которому потянутся и славянские народы, живущие в Венгрии, что создание такого государства придаст силы их сопротивлению и сделает невозможным проведение прежней венгерской политики. Поэтому венгры были готовы поддержать всякого, кто будет препятствовать освобождению чехов, и поэтому Андраши употребил все свое влияние, чтобы свалить федералистское министерство и удержать централистское. Второй причиной долгого пребывания правительства у власти было то, что Австрия с некоторого времени стала снова проявлять активность во внешней политике и Франц Иосиф был готов разрешить беспрепятственно править любому правительству, лишь бы оно обеспечивало порядок и не препятствовало утверждению в рейхсрате военных кредитов.

Но как раз внешняя политика и привела кабинет к падению. С некоторого времени монархия снова начала принимать участие в балканской политике, на этот раз поддерживаемая Германией и Россией, с которыми она с 1872 г. была связана так называемым Союзом трех императоров. Австрия пришла к соглашению с Россией о совместных действиях в вопросе о разделе европейских владений Турции. При этом принадлежавшие до сих пор Турции провинции — Босния и Герцеговина — были обещаны Австрии. Когда в 1877 г. началась война между Россией и Турцией и эти провинции восстали против турецкого владычества, то австрийские войска их оккупировали. Россия, несмотря на состоявшееся соглашение, надеялась, что сможет удержать указанные провинции в своих руках. Но когда, после окончания войны, на Берлинском конгрессе в 1878 г. Бисмарк поддержал австрийские притязания, русскому правительству не оставалось ничего другого, как вместе

с другими державами выдать Австрии мандат на управление Боснией и Герцеговиной.

Спустя несколько лет австрийская политика на Балканах стала враждебной России, против которой главным образом и был направлен только что заключенный австро-германский союз¹. Казалось бы, что славянские народы монархии должны были бы ожесточенно бороться против подобной политики, а австрийцы и венгры всеми силами поддерживать ее. Но было наоборот. Славянские народы, особенно чехи, одобряли оккупацию, так как при этом увеличивалась численность славян в монархии и тем самым укреплялось их положение. А австрийцы возражали против оккупации по той же самой причине. Снова стали говорить об «опасности славянского наводнения». И только по этой причине либералы и централисты неожиданно перешли в оппозицию, а не потому, что они вообще отрицали войну или были против покорения других народов и оккупации чужих стран. И далее получилось так, что все правительство, включая и министра иностранных дел, почти открыто выступило против австрийской внешней политики, подняло бурю против военных кредитов и поддерживало оппозицию в рейхсрате. Открытая борьба достигла своего высшего напряжения к моменту открытия Берлинского конгресса, что создавало для министерства иностранных дел неблагоприятную ситуацию.

С точки зрения императора, который внешнюю политику рассматривал как область компетенции короны, в которую правительство не должно было вмешиваться, подобное поведение было непростительным. Он начал подыскивать себе других министров. Осуществление его желания — отделаться от немецких либералов — облегчалось тем фактом, что влияние этой партии все более уменьшалось. Немецко-либеральная партия являлась партией лишь части буржуазии, партией, которая, как и другие партии крупной буржуазии, в области экономики защищала принципы свободной конкуренции и свободного предпринимательства, без всякого вмешательства государства, обещая установить в стране всеобщее благосостояние. Однако в 1873 г. разразился тяжелый кризис, в результате которого тысячи людей потеряли свои состояния, фабрики закрывались и банки терпели банкротство, промышленники разорялись, рабочие теряли работу. Кризис, как и все такие кризисы, сопровождался раскрытием различных афер, связанных с коррупцией, скандалами, из которых многие начинались или кончались в угрожающей близости к министерству. Этот кризис помог разоблачению и без того дискредитировавших себя

---

¹ Союз между Германией и Австрией, заключенный в 1879 г., стал потом одной из основ будущей империалистической войны 1914—1918 гг. (см. И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 274—275). — *Прим. ред.*

либералов. Они уже не были больше «либеральными», они не могли, не прибегая к помощи прокуратуры и полиции, поддерживать порядок в стране, как не могли выполнить и своих обещаний относительно будущего экономического процветания. Не только мелкая буржуазия и интеллигенция, не только и без того не доверявшие либералам рабочие, но и средняя и крупная буржуазия начали постепенно подыскивать себе других защитников.

Ввиду таких обстоятельств Францу Иосифу было нетрудно снова сделать поворот в политике на 180 градусов. Ауэрсберг ушел. Но пришел консерватор граф Тааффе. Начался четырнадцатилетний период правления кабинета Тааффе, время «железного кольца» («Eiserne Ring»).

Тааффе сделал то, что не удавалось еще ни одному министру и на что, кроме него, никто при подобной ситуации не решался,— он попросту игнорировал либералов и их протесты и проводил свою политику до той поры, пока всем не стало ясно, что это можно делать безнаказанно и что немецкие либералы ни на что больше не способны, как только выражать протесты.

По инициативе Тааффе начались переговоры с чехами, которых удалось склонить к поддержке его политики. Для старого консервативного руководства чешской оппозицией бойкотирование парламента и безрезультатность этого бойкота не прошли бесследно. Возникли новые группы, новые партии, и если Ригер, князь Лобковиц и другие представители чехов в парламенте хотели удержать свои позиции, они должны были добиться каких-то успехов. В силу этого чехи стали теперь более сговорчивыми, чем раньше, и когда Тааффе сообщил им о предложении императора — открыть чешский университет, оказать помощь чешским средним учебным заведениям, уравнивать чешский язык с немецким в Чехии и Моравии, снизить имущественный ценз с 10 до 5 гульденов (что означало новое увеличение числа чешских мандатов), то они его приняли. Таким образом была разрешена основная трудность. Нужно ему большинство Тааффе добрал среди всех тех, кто годами был недоволен политикой немецко-либеральной партии. Это были клерикальные группы, опорой которых являлись католические страны, например Тироль, получившие из-за снижения избирательного ценза дополнительные голоса среди крестьян-католиков; это были также аристократы, боровшиеся с «господством бюрократии» в лице либералов, которые отнимали у них самих возможность выдвинуться, и консерваторы, которых Тааффе склонил на свою сторону уверениями, что он всегда будет лишь политическим исполнителем воли императора, так называемым «имперским министром». Поддержка короны ему, как «имперскому министру», была всегда обеспечена. Поддержку Польши легко можно было обеспечить благожелательной по отношению к польским аристократам политикой, сохранением их привилегий по

отношению к русинам и предоставлением двух-трех министерских постов.

Политика Тааффе состояла в непрерывном маневрировании. Все группы постоянно чего-то требовали, постоянно грозили выйти из коалиции и умиротворялись Тааффе при помощи маленьких уступок: тут — постройкой школы, там — почты или устройством дорог. И каждая группа, за исключением немецких либералов, которым не мешали писать и жаловаться, полагала, что с выходом из правительства она что-то потеряет, находясь же в правительстве, может кое-что выиграть, и поэтому оставалась. Цель бывших оппозиционеров была достигнута. Они теперь могли не только сидеть «на козлах монархии», но время от времени получали бразды правления в свои руки.

Теперь, так же как и раньше, возникали затруднения и трения по разным вопросам — то по поводу школы в Словении, то о замещении высших железнодорожных постов в Моравии, то по поводу постановлений о языке в Галиции, но все это были мелкие стычки, ни в какой мере не подрывавшие основ государства. Никто не был по-настоящему, вполне доволен, но это было, как выражался Тааффе, «состояние умеренного недовольства», с которым можно было мириться. Спокойствие возвратилось в Австрию, и лишь немногие задавали себе вопрос, не является ли это успокоение затишьем перед большой бурей.

Наступившее относительное политическое спокойствие было следствием изменений в экономике. Время промышленной революции миновало. Промышленный капитализм в Австрии одержал победу — правда, неполную и запоздалую, но все же победу. Развитие капитализма уже не протекало так бурно, как в первые годы, но оно и не встречало себе преград со стороны правительства. Страна преобразилась. Тысячи фабрик производили товары; машинным способом за один день вырабатывалось материи, железа и машин больше, чем люди вырабатывали прежде за целый месяц. Количество произведенных в стране товаров увеличивалось, и кое-что от создаваемого ежедневно богатства, что не оседало в банках или в новых промышленных предприятиях, оставалось в столице и в стране. Новая буржуазия создавала «свою» Вену. Время экономии, когда каждый грош пускался в оборот, прошло. Новые победители хотели продемонстрировать то, чем обладают.

Было еще одно обстоятельство, объясняющее обилие богатств и способствующее развитию духовной жизни Вены, ее величия и блеска в эти годы. Вена была столицей не только одной страны. Несмотря на все противоречия, она была сердцем целой империи, центром огромной хозяйственной системы, распространявшейся на большую часть Средней и Восточной Европы. Она была местом, куда стекались люди многих национальностей, обме-

ниваясь своими мыслями, и взаимно оказывали друг на друга влияние. Невзирая на территориальную отдаленность и на свое самобытное развитие, которое началось в отдельных странах монархии, в Вене встречались Прага и Белград, Лайбах и Будапешт, Триест и Брно. Богатства всей монархии устремлялись в Вену, здесь возникали новые крупные банки, колоссальные биржи, множество новых акционерных обществ, и отсюда капиталы вновь растекались по стране, до самых отдаленных ее уголков и за ее пределы, чуть ли не по всему Балканскому полуострову, чтобы приобрести новые владения, открыть новые источники сырья и скупить местную промышленность.

Новые партии

Руководство политикой Австрии еще находилось в руках небольшой кучки людей: императора, его министров и десятка чиновников. Но в стране развивались новые силы, и эти силы хотели сами решать судьбу своей страны. Выражением этой ситуации и явилось возникновение крупных политических партий.

В последней четверти XIX в. в Австрии образовался целый ряд политических группировок, отодвинувших на задний план или вобравших в себя старые буржуазные партии — либеральную и консервативную. Важнейшими буржуазными партиями теперь стали христианско-социальная и великогерманская партии. Но не только буржуазия имела свои политические организации, они возникли также и у восходящего рабочего класса. В этот период времени впервые на политическую арену выступила социал-демократическая партия.

Великогерманская партия

Вполне понятно, что защитниками «немецкого» курса в Австрии были те, кто считал себя представителями «государственной» нации и положению которых угрожало усиление роли славян, так же как и всякая уступка, сделанная правительством в отношении чехов. Они не могли равнодушно отнестись к изгнанию немецких либералов из правительства и их падению. Немецко-либеральная партия была партией крупной буржуазии, она была слишком замкнутой и к тому же была сильно скомпрометирована, чтобы когда-нибудь получить влияние в массах. А главное, она отпугивала от себя тем, что ради обеспечения господствующего положения немцев она открыто требовала ликвидации Габсбургской монархии и вхождения Австрии в другое государство.

Однако сохранение господствующего положения говорящих по-немецки австрийцев в прежнем его виде было теперь невозможно. Простой арифметический пример может это доказать;

в Цислейтании австрийцы, говорящие по-немецки, составляли меньшинство, и при нормальных условиях потребовалось бы лишь несколько лет, чтобы славянское большинство получило возможность влиять на управление государством.

Единственным выходом из создавшегося положения было бы присоединение, «аншлюсс» Австрии к Германии, то есть трюк, в результате которого немецкое меньшинство в Австрии превратилось бы в подавляющее большинство, с помощью которого был бы усилен немецкий элемент. Уже в 70-е годы в Австрии возник целый ряд организаций, ставящих своей задачей «защиту немецкой нации» и поддержание «великогерманских традиций». Наиболее активной из них был «Немецкий народный союз», резко выступавший даже против соглашения с Венгрией и изображавший его как «притеснение и насилие над немцами». В 1870 г. союз опубликовал свою программу, в которой говорилось, что борьба «немцев в Австрии» против притязаний других национальностей является не только борьбой за права, но и борьбой за власть. Союз требовал автономии для Галиции и присоединения Далмации к Венгрии, чтобы таким образом «восемь миллионов немцев» получили перевес над славянами в Австрии. Эта новая Австрия, в которой господствующей нацией являлись бы немцы, должна была вступить в тесный союз с Германией. В это же время возник и «Союз немецких национальностей», который имел почти такую же программу. Из этого союза, «Немецкого народного союза» и целого ряда других организаций в 1882 г. под руководством Георга Шёнерера был образован «Немецкий национальный союз».

Шёнерер, начавший свою карьеру в качестве функционера сельскохозяйственной организации в Цветле, был из числа тех политиканов-скандалистов, которые любили заканчивать политические споры при помощи кулака или кнута. Это был совершенно беззастенчивый карьерист, который для достижения своей цели был готов на любую ложь и вымогательство, невероятно тщеславный и, как выяснилось к концу его жизни, повидимому, просто ненормальный человек. Он приказывал своим сторонникам величать себя «вождем» и «спасителем», выдумал себе дворянскую родословную, которая восходила ко временам крестовых походов, а позднее выстроил себе «родовой замок» в древнегерманском стиле, наполненный рыцарским вооружением и шкурами медведей. Он между прочим вел ожесточенную борьбу против «романского летосчисления», которому он противопоставлял «германское». Свои письма Шёнерер помечал древнегерманскими названиями месяцев, как «Hornung», «Julmond» и т. п. Как позднее выяснилось, он был замешан в целом ряде афер, связанных с коррупцией. Наряду с «великогерманскими устремлениями», его политическая программа включала также «покоившийся на

национально-принципиальной основе антисемитизм» — в данном его виде нечто совершенно новое в австрийской политике, а также имела определенное антикатолическое направление. Позднее он сделался лидером направления, выступавшего за «отпадение от Рима» («Los-von-Rom-Bewegung»), так как католическая церковь, по его мнению, своим «интернационализмом», поддержкой «черно-желтых», своими тенденциями, направленными к сохранению целостности монархии, а также предпочтением, иногда оказываемым ею неавстрийским национальностям, изменила немецким интересам.

Было бы ошибочным видеть в Шёнере только политического фокусника или буяна. Это был ловкий и опытный политик, который умел находить слова и доводы, казавшиеся сотням тысяч людей отвечающими их запросам и нуждам. Несмотря на кажущееся спокойствие, наблюдавшееся в период правления Тааффе, в 80-е годы тысячи людей в Австрии начали чувствовать, что почва колеблется под их ногами. Это были мелкие промышленники, ремесленники и рантье, потерявшие свои состояния в 1873 г., во время банкротства биржи и банков, мелкие предприниматели, бессильные противостоять конкуренции фабрик и заводов. Это были немцы, главным образом из Чехии и Моравии, не выдерживавшие конкуренции растущей чешской буржуазии, немцы — собственники магазинов, по соседству с которыми чешские конкуренты открыли свою торговлю, адвокаты, потерявшие клиентов из-за их чешских коллег, и учителя, которые чувствовали себя обойденными потому, что «чехам» оказывалось предпочтение. Эти немцы — представители среднего слоя в Чехословакии и составляли большую часть последователей Шёнере. Они постоянно боялись «чешского наводнения», и они-то и придавали движению особенно резкий и агрессивно-националистический характер. Венцы не испытывали такой необходимости подбадривать себя теорией о «естественном превосходстве немецкой расы», как это практиковали немцы из Рейхенберга, Аша, Теплица и Брно.

Откровенно великогерманская политика Шёнере наложила свой отпечаток на всю политику австрийских буржуазных партий. В 1882 г. представители различных «немецких» направлений опубликовали совместную программу — так называемую «Линцскую программу». Среди подписавших эту программу, кроме Шёнере, были профессор Генрих Фридьюнг, Виктор Адлер и Пернерсторфер. «Линцская программа» примерно соответствовала программе «Немецкого народного союза», опубликованной в 1870 г., только теперь в ней ставился вопрос о передаче Венгрии не только Далмации и Галиции, но и Боснии и Герцеговины, а вхождение Австрии, Чехии и Моравии в «единое Германское государство» должно было осуществиться в результате прямой интервенции Германии.

«Линцская программа» явилась лишь началом. Очень скоро пангерманцы перестали довольствоваться только требованием «преобразования монархии», но стали совершенно откровенно заявлять: «В Австрии управляем только мы». Мечты о германской интервенции скоро превратились в требование «присоединения («аншлюсса») к Германии». С этого времени немецкие националисты и близкие к ним группы стали называть Австрию «Восточной маркой» («Ostmark»).

Союз Шёнерер — Адлер — Фридьонг оказался недолговечным. Фридьонг и Адлер, оба евреи, порвали с Шёнерером из-за его антисемитской политики. Адлер и Пернерсторфер вскоре стали лидерами социал-демократической партии. После выборов 1887 г. в парламенте и повсюду партия, возглавляемая Шёнерером, и другие буржуазные партии снова выступали единым фронтом, к которому в отдельных случаях примыкала новая — христианско-социальная партия; социал-демократическая партия в большинстве случаев выступала самостоятельно. Политика австрийских партий становилась все более откровенно «великогерманской».

Шёнерер объявил своим «отечеством» Германию, а своим политическим «вождем» — Бисмарка. Каково же было отношение «отечества» и «вождя» к их новому союзнику? Сам Бисмарк не слишком восторженно отнесся к этому союзу. Кроме того, ему был крайне антипатичен крикливый антисемитизм и политические трюки Шёнерера и его приверженцев; Бисмарк принадлежал к числу тех политиков, у которых пропаганда аншлюсса вызывала противоречивые чувства. Его политические планы прежде всего были рассчитаны на усиление Германии за счет Франции, чего, по его мнению, можно было достичь (по крайней мере) лишь при нейтралитете со стороны Англии и России. В результате же присоединения Австрии к Германии должно было возникнуть новое огромное государство, и Англия, которая все время проводила политику, направленную на поддержание принципа европейского равновесия, теперь была бы вынуждена перейти на сторону Франции. Но это было не все. Великогерманцы открыто требовали покорения Балкан с помощью «немецкого оружия и немецкого трудолюбия» и проведения политики, враждебной России, так как Россия препятствовала захвату Балкан. А основным правилом бисмарковской политики было избегать всего того, что могло бы обострить отношения с русским правительством и толкнуть Россию в противоположный лагерь, так как Германия — и это Бисмарк знал очень хорошо — не может одержать победу в войне на два фронта. Это не означало, однако, что Бисмарк был против австрийской экспансии на Балканах или против усиления антиславянского элемента в Австрии. Подобные попытки Австрии, как показал случай с Боснией и Герцеговиной, поддерживались

германским правительством. Но Бисмарку хотелось бы, чтобы была соблюдена видимость того, что Австрия действует самостоятельно и своими собственными силами. Тогда в случае успеха для Германии будет открыта дорога на Восток, а в случае неудачи Австрия одна будет нести всю ответственность.

Однако Бисмарк не был единственным, кто направлял германскую политику. Он должен был все время вести ожесточенную борьбу с представителями другого направления, которое его планомерной и осторожной тактике противопоставляло свои попытки «идти напролом» и которое, естественно, таким образом и хотело разрешить австрийский вопрос. Когда в 1890 г. Вильгельм II уволил в отставку Бисмарка и «энергичное» направление в германской политике восторжествовало, отношения между австрийскими представителями великогерманского направления и Германией стали более тесными.

Если чехи когда-либо и питали иллюзии относительно сотрудничества с австрийской буржуазией, то теперь они должны были с ними проститься. Приверженцы Шёнераера ясно и недвусмысленно заявили, что они будут препятствовать участию чехов в управлении страной, хотя бы и ценой раскола монархии. Другие австрийские партии при этом хранили молчание, а Германия дала знать, что она во всяком случае готова «когда-нибудь» и «где-нибудь» принять протянутую руку. Итак, чехам оставалось или бороться или оставить всякую надежду на успех. В результате произошло быстрое и решительное полевение чешского национального движения. Ригер и его консервативные партийные единомышленники в чешском национальном движении оказались в меньшинстве, в то время как активные и готовые к борьбе «младочехи» вместе с чешскими радикалами и аграриями составили большинство. Это изменение в соотношении сил неожиданно привело к тому, что правительство «железного кольца» потеряло свою опору.

Обострение положения в монархии отразилось не только на деятельности политических партий. В 1880 г. австрийцы основали «Немецкий школьный союз», реакционную организацию, которая получила распространение во всей монархии и которая ставила своей целью «охрану культурных интересов» немцев. В действительности же ее сторонники всеми силами боролись против открытия каждой новой чешской, словенской или хорватской школы, против каждого назначения нового учителя не немца, против права пользования каждым учебником, который не был «чисто немецким». «Школьный союз» не считал зазорным заниматься «изучением генеалогии предков», и со всей энергией протестовал против назначения учителей, имевших несчастье происходить из чешской или словенской семьи. В небольших местечках принадлежность к «Школьному союзу» и непрерывные по-

жертвования в его пользу сделались почти обязательными. В большинстве случаев к этому союзу принадлежала вся провинциальная интеллигенция: учителя, врачи, адвокаты, ветеринарные врачи. Неодобрение деятельности этого союза грозило общественным бойкотом и лишением места.

В противовес «Школьному союзу», естественно, тотчас же возник целый ряд славянских организаций, которые вскоре приобрели также воинственный характер. К ним принадлежали чешская организация «Матице школьска», словенская «Матице словенска», хорватское «Общество Кирилла и Мефодия» и итальянская «Национальная лига». Дело дошло до того, что открытие школы в каком-нибудь словенском городе или назначение деревенского школьного учителя приводили к волнениям в Брно или в Моравской Остраве и вызывали борьбу, которая грозила потрясти всю монархию.

Начало великогерманской политики создало такое положение в стране, которое до некоторой степени напоминало трагическое положение, существовавшее триста лет назад, когда Австрия и вся Европа были вовлечены в хаос Тридцатилетней войны. Как и тогда, внутренние конфликты монархии постепенно перерастали в международные, и уже стало невозможным отделить одни от других, и одни из них неизбежно приводили к взрыву других. Австрийские партии начали связывать свою судьбу с Германией. Чехи повернули в сторону Франции. Во время Пражской этнографической выставки 1891 г. и при посещении Франции в 1893 г. спортивной организацией «Сокол» происходили профранцузские демонстрации и произносились речи, в которых Франция открыто объявлялась «единственной надеждой чехов». Хорваты, словены и австрийские сербы в результате притеснения их венграми и политики насильственной мадьяризации, которую Вена безучастно наблюдала, сблизились друг с другом и все более и более стали считать своим единственным выходом создание независимой Сербии и единственным союзником — Россию.

Движение Шёнерера было недолговечным. Уже в конце XIX в. начался его спад. Это произошло не потому, что австрийская буржуазия отошла от великогерманской политики, а как раз в силу противоположной причины. По мере того как в Австрии, так же как и во всем мире, обострялись противоречия и австрийская буржуазия, как и всякая другая, ожесточенно боролась за свое господствующее положение, все буржуазные партии Австрии постепенно начали становиться великогерманскими. Шёнерер был больше не нужен, так как образовавшийся немецкий национальный клуб депутатов, а также либеральные и консервативные группы выполняли задачу не хуже Шёнерера, только с меньшими антиклерикальными и несколько более завуалированными антисемитскими выпадами. Само австрийское правительство все

больше и больше попадало в зависимость от Германии, так что такая шумная и несколько подозрительная «стенбитная машина», поддерживающая немецкую ориентацию, какой являлась партия Шёненера, оказывалась уже излишней.

Люэгер и христианско-социальная партия

Банкротство биржи в 1873 г. и последовавшие за ним финансовые катастрофы, распродажи с торгов разочаровали не только людей, которые верили в вечное процветание нового промышленного капитализма; они разоблачили перед «маленькими людьми» промышленников, банкиров, либеральных политиков, многие из которых оказались замешанными в подозрительных аферах. После 1873 г. средние слои населения — купцы, мелкие предприниматели и крестьяне стали все сильнее чувствовать гнет развивающегося капитализма. Мелкие купцы, получая кредит от банков, все больше и больше попадали в зависимость от них, все время находясь под угрозой получить отказ в кредите. Сапожники или столяры, которые в течение ряда лет были единственными на своей улице, дожили до того, что напротив их мастерских большая фирма открыла свое предприятие и, продавая товар по более низким ценам, разоряла их. Во время банкротства биржи мелкие собственники потеряли часть своего капитала, свои сбережения и теперь сделались легкой добычей более сильных. Их ненависть была направлена против этих сильных или их политических представителей, против хищнической деятельности банков и либеральных промышленников, а также против депутатов муниципальных советов и парламента. Они рассуждали так: если люди, проработав всю жизнь, теперь остались без гроша, то тут что-то не так. Тут, очевидно, была какая-то махинация — надувательство, обман, коррупция, «темные дела» больших людей. «Коррупция» стала модным словом, и тому, кто боролся с коррупцией или собирался с нею бороться, был обеспечен легкий успех.

Политическая карьера Карла Люэгера началась под лозунгом «борьбы с коррупцией», сначала в рамках партии, к которой он принадлежал (так называемое «Городское объединение либералов») и с которой он позднее вел ожесточенную борьбу. Люэгер и его коллега Мандль, с которым Люэгер позднее, когда он стал насаждать антисемитизм, также ожесточенно боролся, учредили в муниципальном совете третьего района Вены своего рода «комитет бдительности» из двух человек. Не проходило недели, чтобы Мандль и Люэгер не раскрывали какого-нибудь скандального дела с подкупом или не выступали бы с гневными речами против «темных интриг». Иногда такие дела бывали вымышленными, но чаще они были настоящими. В такое время, когда промышленники и финансисты открыто бросили лозунг «обогащайтесь», было

достаточно материала для разоблачений. Либеральная партия послужила для Люэгера лишь трамплином, и скоро весь смысл его «деятельности» стал заключаться не в создании самой организации, а в достижении тех целей, которые он перед собой ставил.

Когда возникло движение Шёнерера, то Люэгер примкнул к нему. Его особенно привлекал новый пропагандистский прием, а именно антисемитская демагогия Шёнерера. Среди промышленников и банкиров значительную часть составляли евреи, например Ротшильд, владелец крупнейшего банка в Австрии, в течение десятилетий являвшийся крупнейшим финансовым магнатом. Те, кто не хотели ссориться со всей финансовой аристократией и в первую очередь с представителями немецких банков, но были вынуждены выступать против крупного капитала, чтобы приобрести доверие «маленьких людей», нашли выход в том, что выступали не против капитала как такового, а против одного из его секторов — против еврейского крупного капитала. [Для германских крупных банков, которые искали случая укрепить свои позиции в Австрии, это также было очень выгодно. Банкирский дом Ротшильда и другие еврейские банкирские дома были издавна тесно связаны с французским банковским капиталом, и антисемитская пропаганда помогала немцам бороться с французской конкуренцией.] Известный успех антисемитской пропаганды находится в связи с тем фактом, что в Вене было гораздо больше евреев среди людей среднего достатка — адвокатов, врачей, мелких купцов, ремесленников, чем среди крупной буржуазии. «Маленькие люди» постоянно и непосредственно сталкивались с конкурентами из евреев, и вместо того чтобы направить свой гнев против действительного своего врага — крупного капитала, они направляли его против своих ближайших конкурентов-евреев — адвоката, который отнял у них клиентуру, мелкого торговца, который открыл свою лавку на их улице, врача, который отнял у них пациентов. Поэтому борьба с коррупцией в соединении с антисемитизмом сделалась особенно популярной, и Люэгер, который сам по своему происхождению и своим взглядам был очень близок к «маленьким людям», очень хорошо учел, что этим людям нужно.

В партии Шёнерера Люэгер был лишь гастролером. Движение Шёнерера не было достаточно сильным, и Люэгер предвидел, что оно не сможет долго удерживать свои позиции. Великогерманское движение, которому Шёнерер придавал откровенно агрессивный характер, вербовало своих последователей главным образом среди промышленников и торговцев, чиновников и интеллигенции Чехии и Моравии. В других частях монархии удовлетворились бы более умеренным течением. И было совсем не обязательно откровенной пропагандой аншлюсса создавать себе врагов в лице всех австрийских народов и еще менее было нужно своим язычеством и

антикатолическими демонстрациями отталкивать от себя католическое население, главным образом сельское. И, наконец, большинство австрийской буржуазии не находилось в столь тяжелом и безвыходном положении, чтобы ей мог нравиться выходящий за границы приличия тон и поведение Шённерера и его ударной группы. Поэтому многие были недовольны Шённерером, и Люэгер это учитывал.

Нужно было создать партию, которая могла бы почти всех удовлетворить, которая была бы и великогерманской и консервативной, не подчеркивая этого, которая удовлетворяла бы маленьких людей и не вредила бы большим. И Люэгер начал создавать такую партию. Он принадлежал к организации «Объединенные христиане», которая незадолго перед тем возникла в одном из районов Вены и начала постепенно распространять свое влияние в городе, а затем и по всей стране. Группа за группой, общество за обществом стали присоединяться к «Объединенным христианам»: католические союзы мастеров, церковные конгрегации, группы ремесленников, сберегательные кассы. В 1904 г. был выпущен к шестидесятилетию Люэгера специальный номер «*Neuigkeiten-Weltblattes*» с приложением, содержащим поздравления Люэгеру. Этот номер очень хорошо показывает, из кого составлялась христианско-социальная партия, основанная Люэгером в 1887 г. Среди поздравителей были члены обществ «*Herz-Jesu-Arbeiter Oratorium Fünfhaus*» *, «*Damen-Komitee des Herz-Jesu-Bundes Breitensee*» *, «*Schutz- und Hilfsverein Penzing*» *, бесконечные мужские певческие общества, юношеские общества, «Городское объединение города Вены», объединения работниц, союзы каретников, клуб венских парикмахеров, ремесленные общества, бесчисленные добровольные пожарные команды и т. д.

Австрийская буржуазия уже не принимала религии всерьез, рабочее же движение боролось с церковью и ее влиянием. Действительно верующими или, по крайней мере, условно верующими были мелкая буржуазия и крестьянство, причем религиозные чувства мелкой буржуазии менялись в зависимости от обстоятельств — чем хуже шли ее дела, тем она делалась более религиозной. Этим объясняется и то, что движение Люэгера с самого начала имело подчеркнуто христианский или, вернее, католический характер.

«Маленькие люди» были верующими, но они все же критически относились к окружающему. Им нужны были не только разоблачения темных дельцов и «стяжателей», они хотели также, чтобы им обещали установить такой справедливый порядок, при котором прежде всего ценились бы маленькие люди, не имеющие

---

* Fünfhaus, Breitensee, Penzing — названия районов в Вене.

состояния. Следовательно, нужно было выработать программу, которая была бы одновременно и «справедливой» и «консервативной».

Такую программу составил Люэгер совместно с принцем Алоисом Лихтенштейном; в ее составлении приняли участие два немецких промышленника — Фогельзанг и Ц. Мейер. В основу этой программы была положена теория, названная теорией «солидарности». Программа эта совпадала с содержанием папской энциклики «*Reipm povagim*», изданной примерно в это же время. Это была платформа новой христианско-социальной партии.

За этой «солидарностью», говоря яснее, скрывалось следующее: «Причиной всех зол является классовая борьба — безудержное стремление буржуазии к обогащению, с одной стороны, и недоверие рабочих по отношению к буржуазии — с другой. Если же буржуазия и рабочие будут держаться вместе и сообща работать, то все вопросы будут разрешены в духе согласия и христианской братской любви. Достаточно указать людям на их долг, чтобы они стали его выполнять».

Христианско-социальная партия постоянно обращалась к такому очень удобному аргументу: «жили же мирно в прежние времена, почему же не жить так и теперь?» Нередко использовалась и тоска «маленьких людей» о «старом добром времени», о том времени, когда еще не было острых капиталистических противоречий и когда-де еще для «маленьких людей» существовала возможность обогащения. Христианско-социальная партия выставила ряд очень популярных требований: защита «маленьких людей» от конкуренции крупной буржуазии, борьба с всеилием банков, контроль над их деятельностью, социальная справедливость, охрана семьи, твердая заработная плата, установленная законом продолжительность рабочего дня, контроль над монополиями и получением огромных прибылей на биржевых операциях, защита крестьян.

Новая партия быстро росла. Люэгер, ее основатель, ее неутомимый оратор и представитель сначала в венском муниципальном совете, а затем в рейхсрате, вскоре сделался одним из самых известных людей Австрии. Его популярность создавалась не только благодаря тому, что он делал, но и потому, как он делал. Он был великогерманцем, но лишь в определенных границах и именно постольку, поскольку великогерманцы выступали против чехов. Вообще он полностью принадлежал к «черно-желтым» и постоянно подчеркивал необходимость сохранения монархии в неизменном или даже более расширенном виде и пропагандировал поддержку «хороших» неавстрийских народов — румын и словаков, в противоположность «плохим» — чехам и венграм. Причиной такой, часто совершенно конкретной поддержки требований

словаков и румын отчасти являлся тот факт, что словаки и румыны¹ были католиками и были консервативны. Но главная причина заключалась в том, что национальные устремления этих народов были менее оформленными, чем у чехов, их буржуазия была гораздо слабее чешской и поэтому они, с точки зрения австрийской буржуазии, были гораздо менее опасны. Но для неискущенного наблюдателя это выглядело так: «Смотрите на Люэгера, он один из немногих, кто действительно хочет сохранения монархии. Он выступает за мир между народами, и если он среди десятка наций находит такую, которая ему нравится, то на это, в конце концов, он имеет полное право. Он не является врагом неавстрийских народов, и, возможно, его политика предотвратит большие конфликты и смягчит противоречия». И самая его античешская позиция внешне не выглядела враждебной, и его резкая борьба против равноправия чешского языка, против открытия чешских школ сопровождалась примерно такими аргументами: «Люди, сохраняйте дружественные отношения; мы понимаем, что вы выросли и хотите получить свое, но в таком большом государстве нужно быть внимательным друг к другу, не может же каждый получить все».

Этот внешне грубоватый тон выступлений Люэгера в муниципальном совете и в парламенте и составлял секрет его успеха.

В 1895 г. Люэгер был выбран бургомистром Вены. Франц Иосиф, которому политика Люэгера была менее неприятна, чем его манера выступать, отказался утвердить его назначение. Он неоднократно называл Люэгера «базарным крикуном». Однако на этот раз верные императору «маленькие люди» не согласились с его волей. Люэгер демонстративно был выбран во второй и в третий раз, пока наконец в 1897 г. Франц Иосиф не утвердил его назначение.

Период, когда Люэгер был бургомистром Вены, был периодом расцвета для его партии. Она стала самой сильной политической партией Австрии. После его смерти она несколько потеряла свое значение и на очередных выборах уступила свое место молодой социал-демократической партии.

После смерти Люэгера постепенно выяснилось, насколько мало партия «маленьких людей» в действительности была их партией. Еще при жизни Люэгера в рядах партии состояло много промышленников и банкиров, образовавших довольно сильную группу, которая, однако, держалась несколько в тени. Сам Люэгер, при всех его нападках на крупные банки, несколько не брезговал сотрудничеством с ними. А передача газового завода в Вене

---

¹ Автор имеет в виду румын, проживавших на территории Габсбургской монархии, в частности трансильванских румын, которые, как униаты, примыкали к католической церкви — *Прим. ред.*

коммунальному хозяйству имела, между прочим, своим следствием то, что немецкие крупные банки, предоставив кредиты, получали в Вене решающее влияние. Но Люэгер заботился о том, чтобы о подобных вещах лишнего не говорили. Его последователи были менее осторожны. Уже вскоре после 1910 г. христианско-социальная партия открыто стала партией средних и крупных промышленников, банкиров и крупных землевладельцев. Спустя некоторое время она объединила все силы, которые не были согласны с агрессивным характером австрийской политики и откровенной ориентацией на Германию. Но по мере того как развитие страны прогрессировало, позиция христианско-социальной партии все более приближалась к позиции других буржуазных партий. Постепенно отказались от всех требований рабочих, постепенно партия изменила своему основному лозунгу «защиты маленьких людей от крупного капитала». Сапожники и портные, крестьяне и домовладельцы в течение еще некоторого времени верили, что христианско-социальная партия является их партией, однако в действительности политика партии уже совершенно открыто защищала интересы не «маленьких людей», а «больших».

Начало рабочего движения

В годы, последовавшие за революцией 1848 г., рабочее движение развивалось медленно. После 1851 г., в период реакции, первые и еще слабые организации рабочих преследовались полицией, а их пресса подвергалась жестокой цензуре. И только после 1867 г., когда снова была введена, хотя и ограниченная, свобода печати и было предоставлено, хотя и ограниченное, право организации союзов, начался новый подъем рабочего движения. В 1867 г. было основано первое Венское рабочее просветительное общество. Общество не ставило перед собой никаких политических задач, его целью была организация лекций по общеобразовательным предметам, а также по вопросам техники, чтобы таким путем, как указывалось при открытии общества, «дать рабочим возможность улучшить свое положение». Главным же было то, что была создана рабочая организация, хотя промышленники и поддерживали ее вначале. Задача общества — дать рабочим «знания, чтобы таким путем улучшить положение рабочих», — была сформулирована нарочито неясно, с тем чтобы можно было получить разрешение полиции на его открытие. Сами же рабочие под «знаниями» понимали необходимость политически осмыслить свое социальное положение и изыскать возможности к его улучшению. Уже в первых докладах, прочитанных в обществе, были сформулированы основные требования рабочих: право организации профессиональных союзов и требование всеобщего избирательного права.

Вскоре в различных городах стали создаваться рабочие комитеты, происходили демонстрации, и комитеты начали избирать делегатов на всеобщий рабочий конгресс. Таким образом было положено начало единой организации рабочих всей страны. На пятом рабочем съезде в 1868 г. делегаты в особом манифесте высказались за объединение рабочих всей монархии. Манифест содержал требования перестройки государства на демократической основе, введения всеобщего избирательного права, «которое постепенно дало бы рабочим возможность взять производство в свои руки, вместо того чтобы довольствоваться скудной заработной платой, которой едва хватало для поддержания жизни», и уделял много внимания национальному вопросу. Делегаты высказались за создание единой организации, которая охватывала бы трудящихся всего государства, без различия национальности, и резко протестовали против «попыток реакции образовать сепаратные чешские и словенские рабочие организации». В манифесте говорилось: «Рабочий народ главного города империи — Вены сознает свой долг, который он обязан выполнить по отношению к своим братьям, рабочим отдельных частей Австрии, так как он знает, что от его поведения и его энергичного образа действий зависит судьба народов отдельных земель. Наоборот, население отдельных земель нарушит свой долг и нанесет вред делу завоевания свободы, если не свяжет себя теснейшим образом с населением Вены и не будет его во всем поддерживать...»

Далее в манифесте указывалось на то, что рынок труда не знает национальных границ. Экономические связи между странами всего мира проникают через все языковые границы, и капитал не интересуется национальной принадлежностью рабочих, когда он соединяет представителей разных национальностей в своих мастерских; среди рабочих не возникает разногласий в силу их различной национальной принадлежности. Манифест был переведен на венгерский, чешский, польский, итальянский и румынский языки и разослан во все земли монархии. В работе съезда принимали участие польские, чешские и итальянские делегаты.

Программа исходила из принципов интернационализма, принадлежности к единой семье рабочих всех национальностей, причем в ней имелась некоторая тенденция рассматривать нации и национальный вопрос как нечто отжившее.

Спустя полгода (1868 г.) на созванном конгрессе было объявлено об образовании первой рабочей партии в Австрии — социал-демократической партии и принятии ее программы. В программе говорилось: «Социал-демократическая партия ставит своей целью мирным и законным путем, исключительно силой общественного убеждения, путем создания свободного государства и введения всеобщего, прямого избирательного права достичь полного равен-

ства для всех граждан, а именно равенства в политическом отношении, в отношении же социальных вопросов — путем предоставления каждому права пользоваться плодами своего труда, осуществляемого через производственные ассоциации в рамках свободного государства».

Социал-демократическая партия выступала за право наций на самоопределение. В соответствии с этим социал-демократическая партия выставила следующие требования:

1) Неограниченное право союзов и право собраний, включая свободу коалиций; 2) полная свобода печати; 3) всеобщее и прямое избирательное право для всех представительных организаций; 4) полная свобода религии; 5) уничтожение постоянного войска и введение всеобщего народного вооружения.

Партия ставила своей задачей создать в разных частях Австрии союзы, задачей которых являлось распространение знаний среди народа.

Программа основывалась на праве народов на самоопределение, но не затрагивала отдельных национальных проблем, как, например, вопроса о языке. Делегаты держались того мнения, что установление действительной и широкой демократии даст возможность всем народам Австрии самим свободно решить эти вопросы. Через год, 11 апреля 1869 г., вышла первая социал-демократическая еженедельная газета — «Фольксштимме» («Голос народа»).

Правительство повело наступление против новой партии, запрещая проведение собраний и издание печатного органа. Ответом рабочих на запрещения была массовая демонстрация перед зданием рейхсрата, во время которой правительству была передана петиция, содержавшая в основном те же требования, которые имелись в программе социал-демократической партии. В демонстрации участвовало 20 тыс. человек. Руководители демонстрации были арестованы, предстали перед судом, состоялся так называемый «венский процесс о государственной измене» — и обвиняемые были приговорены к длительному тюремному заключению. Однако правительство все же пошло на уступки и внесло в рейхсрат проект закона о свободе объединений, который несколько позднее и был принят.

В последующие годы между молодым рабочим движением и правительством происходила своего рода малая война. Рабочие общества распускались, а спустя несколько месяцев они снова возникали под другими названиями; вместо запрещенной газеты «Фольксштимме» через некоторое время стала выходить «Фольксвилле». Постепенно рабочий класс в борьбе за повышение заработной платы, уменьшение рабочего дня и улучшение условий труда научился применять новое средство борьбы — стачку. Профессиональные объединения металлистов, каменотесов, столяров,

каменщиков, сапожников, булочников создали свои фонды для поддержки бастующих и начали выполнять роль профессиональных союзов. Против бастующих регулярно направлялись войска и жандармерия, однако многие стачки кончались успешно. Наказания, которым подвергались рабочие, часто бывали тяжелыми, все новые распоряжения правительства о ликвидации рабочих организаций создавали трудности для развития рабочего движения, но последовательной и ожесточенной кампании против него, в современном понимании этого слова, в то время еще не было. Новое движение старались скомпрометировать, как только можно, по мере сил ограничивали его деятельность, но физически уничтожать его представителей, повидимому, не собирались.

Однако причина такого сравнительно мягкого отношения правительства заключалась не в особой его гуманности, а в своеобразной внутривнутриполитической ситуации. В монархии не существовало группы достаточно сильной, которая одна могла бы господствовать в течение продолжительного времени, и поэтому каждая отдельная группа искала себе союзников. До конца правления Тааффе и после него правительство неоднократно возвращалось к мысли привлечь на свою сторону рабочий класс в качестве союзника. В некоторые определенные моменты предполагали объединиться с австрийскими рабочими против австрийской буржуазии, в другой раз стремились использовать чешских и польских рабочих в качестве «нейтрализующей силы» против чешской и польской оппозиции. Подобные соображения всегда выступали на первый план в тех случаях, когда особенно обострялись национальные конфликты и правительство попадало в исключительно тяжелое положение. Оно прибегало тогда примерно к следующему аргументам: среди рабочих национализм сравнительно менее силен и, кроме того, как явствует из программы социал-демократической партии, партия высказывается против всяких попыток раскола Австро-Венгрии. Вследствие этого, под влиянием обстоятельств, может быть, стоило бы путем расширения избирательного права привлечь социал-демократическую группу в парламент и таким образом оказать давление на австрийские буржуазные партии и, с другой стороны, с помощью буржуазных партий препятствовать проведению через парламент требований рабочих. Эти соображения и послужили причиной того, что такое определенно консервативное правительство, как, например, правительство Тааффе, снова серьезно выступало за принятие закона о всеобщем избирательном праве, который наконец в 1907 г., не встретив особо сильного сопротивления, и был принят. В отношении некоторых требований рабочих консерваторы, крупные землевладельцы проявляли известную уступчивость, так как требования девятичасового рабочего дня, охраны труда, оплаты работы в вос-

кресные дни и социального страхования задевали их гораздо меньше, чем промышленную буржуазию. Социал-демократическая партия и профессиональные союзы в общем не поддерживали требований крестьян и склонны были считать крестьян реакционной массой, с которой не стоит иметь дело. Поэтому и имели место такие факты, как это было в 80-е годы, когда под влиянием грандиозной стачки чешских горнорабочих пражские местные власти удовлетворили требования горнорабочих о введении девятичасового рабочего дня, государственного контроля по охране труда рабочих, об оплате работы по воскресным дням и страховании от несчастных случаев, однако вслед за тем запретили политические организации рабочих. Но все же в конце XIX в. борьба рабочих привела к некоторым успехам: была введена государственная инспекция на предприятиях, разработаны меры, предохраняющие рабочих от несчастных случаев, введены некоторые мероприятия, довольно близкие к социальному страхованию, а рабочий день лишь в редких случаях превышал девять часов.

Точно так же, как правительство охотно использовало рабочее движение в качестве противовеса против буржуазных партий, так и буржуазные партии в определенные моменты были не прочь усилить свои позиции за счет голосов рабочих. Клерикальная партия и позднее христианско-социальная партия пытались начиная с 1870 г. привлечь на свою сторону известные слои рабочих; особенно это относится к христианско-социальной партии, которая с самого начала очень стремилась стать массовой партией. Это приводило к тому, что клерикалы, а позднее христианско-социальная партия защищали в парламенте не только свою социальную программу, но в первое время часто поддерживали также требования, выдвинутые рабочими во время стачек, на массовых собраниях и в их петициях. Это послужило причиной большого неудовольствия со стороны правительства, которое неоднократно высказывалось по поводу того, что «клерикалы помогают социализму». Немецкие националисты, которые также хотели создать массовые организации, пытались, и довольно умело, использовать традиции 1848 г. и воспоминания рабочих о старом великогерманском движении 1848 г., чтобы тоже привлечь на свою сторону рабочих. Как Шённерер, так и Вольф старались выступать где только можно в качестве «котцов рабочих» и поэтому нередко выступали в рейхсрате с критикой всякого рода неполадок. В чешском, польском и итальянском национальных движениях имелись точно такие же тенденции обеспечить себе поддержку со стороны рабочих.

В силу этого рабочему движению Австрии в этот период времени не угрожала опасность подавления силой, как это было, например, в Германии, где Бисмарк своим законом о социалистах хотел задуть рабочее движение, или в России, где царизм обру-

шивал на рабочее движение жесточайшие репрессии — виселицы, ссылку на каторгу и пожизненное заключение в тюрьмы. Однако рабочему движению Австрии угрожала другая, быть может более серьезная опасность. Ему грозило разложение изнутри, и на это были направлены усилия всего государственного аппарата монархии, Тааффе и его консервативных и клерикальных коллег, «стыдливых» либералов, разделяющих великогерманские настроения, и откровенных великогерманцев — немецких националистов, чешских фабрикантов и польского дворянства, а также венгерской буржуазии. Южно-славянские и словацкие группировки, выступавшие против подавления рабочего движения, пытались склонить рабочих на свою сторону, разложить рабочее движение, расколоть его на национальные группы, враждующие друг с другом, и тем самым сделать рабочее движение послушным орудием «своей» буржуазии. Особенно сильным было давление, оказываемое правительством на австрийское рабочее движение, так как, осуществляя его, оно могло и дальше беспрепятственно проводить свою политику раздувания национальных противоречий. Для этого было лишь нужно, чтоб австрийское рабочее движение перестало интересоваться национальным вопросом и повлиало бы в этом направлении на рабочих других национальностей. Для этого достаточно было, чтобы рабочее движение оставалось нейтральным в национальном вопросе или, еще лучше, прямо или косвенно высказалось бы за привилегированное положение австрийцев в государстве и таким образом отпугнуло бы от себя национальные группы рабочих.

Для рабочего движения существовал только один путь, чтобы избежать опасности раскола, а именно, не отгораживаться от национальных требований неавстрийских народов монархии, а, наоборот, последовательно бороться за их права. Австрийский рабочий класс ни в коем случае не должен был допускать, чтобы у других народов монархии сложилось впечатление, будто австрийские рабочие действуют заодно со своей буржуазией в деле угнетения других национальностей. Они ни в коем случае не должны были допустить такое положение, чтобы чешские, польские, итальянские и другие рабочие пришли к мысли, что их национальные права найдут более энергичную поддержку со стороны их собственной национальной буржуазии, чем среди их австрийских братьев. Чтобы проводить последовательную политику как в социальных, так и в национальных вопросах, нужно было создать единую рабочую партию, включающую рабочих всей монархии. Не только австрийские, но также и чешские, польские и другие рабочие должны знать, что и они выбирают руководство партии, и они влияют на ее политику. Такая партия могла бы в будущем противопоставить раздробленной и разъединенной Австрии единую армию братских народов.

Период между 1870 и 1888 гг. был для австрийского рабочего движения периодом кризиса. Рабочие просветительные общества и социал-демократическая партия имели политические платформы, носящие слишком общий характер, а среди людей, возглавлявших вначале эти организации, имелось много таких, которые держались совершенно противоположного мнения о характере и ближайших задачах только что начавшейся политической борьбы. К моменту, когда партия сделалась уже серьезной силой и практически уже вела борьбу, появление различных направлений и группировок внутри партии и ожесточенная борьба между ними стали совершенно неизбежным явлением. Первое серьезное расхождение возникло по вопросу о структуре партии: должна ли партия быть единой и подчиняться единому выборному руководству, должна ли она охватывать все национальности, входящие в Цислейтанию, или она должна представлять из себя «федеративную» организацию, которая состоит из почти самостоятельных национальных групп или даже из самостоятельных местных групп и партий, как, например, венской, тирольской, штирийской, моравской, чешской, силезской? Приверженцы федерализма заявляли, что только таким путем можно избежать «диктатуры Вены», а сторонники единой партии считали, что раздробление партии на национальные группы сделает ее небоеспособной. На практике федерализм не привел бы к созданию ни тирольской партии, ни каринтийской, и в основном вопрос стоял так: единая партия всего государства или две партии — австрийская и чешская.

Второе расхождение — по вопросу о целях и методах политической борьбы — привело к глубокому расколу в партии, который в течение ряда лет почти полностью парализовал деятельность рабочего движения. Выделились две группы — умеренные и радикалы. Умеренные держались того мнения, что победой на выборах и участием в парламентской деятельности можно ликвидировать эксплуатацию и улучшить положение рабочих и в конце концов через парламентаризм прийти к социализму; поэтому они признавали лишь борьбу за всеобщее избирательное право. Радикалы же, возглавляемые Мостом, считали всякую легальную борьбу за улучшение положения рабочего класса бессмысленной. Они считали, что нужно государство как таковое разрушить, а вместо него создать свободное и не испорченное в нравственном отношении общество, которое может обойтись без государственной машины. Радикалы, называвшиеся также анархистами, требовали «прямых действий», физического уничтожения отдельных государственных деятелей, действий, которые могли немедленно привести к гражданской войне.

Оба эти направления были преодолены партией только тогда, когда рабочие, участвуя в целом ряде больших стачек, приобрели свой первый боевой опыт и когда в партию пришли люди, которые

рассматривали капитализм и связанное с ним угнетение рабочего класса не как следствие политической организации государства и злоупотребления властью со стороны отдельных лиц, а как определенную фазу в развитии общества, общественный строй, который революционным путем будет свергнут рабочими и на месте которого будет создано новое, социалистическое общество. Парламентская деятельность, как и все другие формы политической деятельности, могут, по их мнению, служить лишь одним из средств для достижения этой цели. Главная же задача партии состоит в том, чтобы добиться ясного понимания рабочими своего положения, руководить их борьбой и подготовить их к этой борьбе. Партия не должна быть ни группой заговорщиков, ни парламентской ассоциацией.

Эти люди были сторонниками научного социализма, основоположниками которого были Маркс и Энгельс, социализма, который вооружает революционеров теорией, дающей возможность анализировать общественные отношения и, на основании этого анализа, правильно ставить задачи борьбы. Наиболее известными среди руководителей рабочего движения Австрии были Виктор Адлер, а также Рудольф Покорный, Юлиус Попп, Фердинанд Лейснер и Алоис Голейн. 31 декабря 1888 г. — 1 января 1889 г. в Гайнфельде состоялся объединенный партийный съезд. Деление партии на организации, представляющие отдельные земли и отдельные национальные группы, было отменено. На партийном съезде была принята программа — так называемая «Декларация о принципах», которая устанавливала, что частная собственность на средства производства ведет к порабощению рабочего класса и все возрастающей нищете народа. Современное государство является классовым государством, которое защищает интересы только буржуазии. Развитие производительных сил приведет к необходимости и возможности уничтожения этой формы общественного строя и созданию вместо нее социалистического строя, в котором средства производства будут собственностью всего общества. Политическая подготовка рабочих для завоевания такого общественного строя и составляет истинную задачу социал-демократической партии, которая должна использовать для этого все пригодные и соответствующие правосознанию народа средства.

Было выставлено семь основных положений: социал-демократическая партия есть партия интернациональная, она отвергает привилегированное положение одних национальностей по отношению к другим так же, как не признает привилегий, связанных с происхождением и имущественным положением, и объявляет, что борьба с эксплуатацией должна быть делом рабочих всех национальностей. Партия использует все средства для распространения социалистических идей и будет выступать за устранение всех ограничений свободы выражения мнений. Не впадая в парламентские

иллюзии, партия, однако, будет выступать за предоставление всеобщего, равного и прямого избирательного права, как одного из важнейших средств агитации и организации. Далее программа содержала требования охраны труда, ограничения продолжительности рабочего дня, свободы союзов, бесплатного обучения, отделения церкви от государства и объявления религии частным делом каждого, замены постоянного войска всеобщим народным вооружением. Партийный съезд объявил, что принятие этой программы означает конец разногласиям внутри партии.

Партийный съезд в Гайнфельде явился поворотным пунктом; в результате принятых этим съездом решений социал-демократическая партия стала крепкой организацией, обладающей единой структурой и единой и определенной программой. После партийного съезда последовал организационный и политический подъем движения. С июля 1889 г. стала выходить «Арбайтер цейтунг» («Рабочая газета») — сначала дважды в месяц, а с 1895 г. ежедневно. С 1897 г. также начал выходить ежедневный чешский центральный орган «Право лиду». В 1890 г. впервые открыто и торжественно было отпраздновано Первое мая, день международной солидарности рабочих. Первомайская демонстрация проходила под лозунгом установления восьмичасового рабочего дня. В 1893 г. состоялся первый конгресс австрийских профсоюзов.

После выборов 1897 г., когда избирательный ценз снова был снижен, 14 социал-демократических депутатов были избраны в парламент. Однако в Вене на выборах победила христианско-социальная партия, а австрийское руководство социал-демократической партии — Адлер, Пернерсторфер, Шумейер и Рейман — не были избраны. В числе депутатов были: одиннадцать депутатов от Чехии и Моравии, два от Галиции и один от Граца.

Выступление на политическую арену новых сил и обострение политической борьбы были лишь отражением тех огромных сдвигов, которые происходили во всех странах.

Период империализма

В Австрии, где в XIX в. развитие промышленного капитализма сильно тормозилось, в начале XX в. началось бурное его развитие.

В 1902 г. число людей, занятых в промышленности, торговле и ремесле в Цислейтании, составляло 1,6 млн. человек. В 1912 г. это число достигло 3 млн. человек. В 1830 г. число занятых в промышленности, торговле и ремесле достигало почти 1 млн. человек, из них рабочих и служащих было лишь 400 тыс., и они работали главным образом в мелких, часто полукустарных предприятиях. Однако в начале XX в. стали повсюду возникать крупные предприятия, которые начали постепенно вытеснять мелкие. В период с 1905 по 1912 г. число крупных предприятий увеличилось больше

чем на 50%. Больше четверти всех австрийских рабочих работало на крупных предприятиях, на фабриках с числом рабочих, превышавшим 50 человек. На 39 фабриках число рабочих превышало 1000 человек.

Сумма капиталовложений в промышленность все увеличивалась. В 1830 г. вложенный в промышленность, торговлю и ремесла капитал составлял 292 млн. крон. С 1910 по 1911 г. в одни только акционерные общества был вложен капитал в десять раз больший, чем за 80 лет до того было вложено в промышленность, торговлю и ремесла вместе, а именно, 2949 млн. крон. Сумма капитала, вложенного в строительство зданий, в машины и другие материальные ценности во всех отраслях промышленности, составляла 7,5 млрд. крон, то есть увеличилась в 30 раз. Наконец, австрийский экспорт товаров в период между 1896 и 1902 гг. увеличился с 67 млн. фунтов стерлингов до 96 млн. фунтов стерлингов.

В начале XX в. во всех крупных капиталистических странах капиталы были сосредоточены в руках нескольких крупных банков. В Австрии, не считая Национального банка, было три таких банка: «Кредитанштальт» (для кредитования торговли и ремесла), «Боденкредитанштальт» и «Венское объединение банков». Четвертый — «Лендербанк» — не имел решающего влияния в самой Австрии, он контролировал большую часть производства в странах Восточной Европы. В то время как во многих европейских странах банки главным образом хозяйничали в тяжелой индустрии, в Австрии банки контролировали также и легкую промышленность и отчасти сельскохозяйственное производство. Насколько сильны были австрийские банки, явствует из того факта, что Национальный банк в 1909 г. обладал капиталом в 85 млн. фунтов стерлингов против 82 млн. фунтов стерлингов капитала Английского банка. Общая сумма австрийского банковского капитала составляла 800 млн. фунтов стерлингов.

В 1912 г. в Австрии было свыше 200 картелей, среди них цементный картель, железный картель, сахарный, керосиновый, ткацкий и много других. Экспорт австрийского капитала был также значителен. Благодаря экспорту капитала австрийский финансовый капитал получил преобладающее влияние, во-первых, в своих собственных внутренних колониях — в неавстрийских землях монархии и, кроме того, на всем Балканском полуострове.

Австрия, так же как и Франция, занимала своеобразное, двойственное положение. В экономическом отношении она была слабее, чем Англия, США и Германия, но она располагала сильной и жаждущей власти финансовой олигархией; Австрия экспортировала свой капитал и обладала известным влиянием. В определенном смысле Австрия была державой, имеющей колонии, так как отдаленные области монархии, как, например, Галиция, окончательно аннексированные в 1908 г. Босния и Герцеговина, а также часть

современной Румынии (по уровню их экономического и культурного развития стоявшие не намного выше колониальных стран), были предоставлены в распоряжение австрийского капитала точно так же, как Северная Африка находилась в распоряжении французского или Индия — английского капитала. В начале XX в. австрийские банки и промышленные фирмы, которые основывали в этих областях свои предприятия, получали здесь сырье, уголь, нефть, руду. Прибыль от этих предприятий, конечно, шла в Вену, сырье также направлялось в Австрию, а указанные страны представляли собой лишь источники сырья. Кроме того, австрийский капитал не без успеха стремился расширить сферу своего влияния на Балканах. «Кредитанштальт» и «Лендербанк» располагали решающим влиянием в Белграде, Бухаресте и Софии. Они контролировали значительную часть промышленности этих стран, большинство местных банков находилось в зависимости от австрийских банков. Нередко австрийский финансовый капитал располагал на Балканах большим влиянием, чем соперничавший с ним французский финансовый капитал. Однако австрийский финансовый капитал, занимая господствующее положение в других странах, сам попал в зависимость от более сильного капитала.

Во второй трети XIX в. в экономике Австрии главную роль играл французский капитал. В австрийские железные дороги, в австрийские каменноугольные копи, а также в штирийские чугунолитейные заводы и заводы Шкода был вложен французский капитал. Один из крупных австрийских банков, «Лендербанк», представлял интересы французского капитала. Английский капитал также располагал известным влиянием в австрийской экономике. Англо-австрийский банк, основанный в 1864 г., акционерный капитал которого вскоре увеличился втрое, представлял интересы английского капитала. Кредитный банк был также связан с крупными английскими банками. С 70-х годов XIX в. началось проникновение германского капитала в Австрию.

Значительная зависимость Австрии от иностранного капитала отчасти может быть объяснена задержкой в развитии австрийской промышленности в первой половине XIX в. С другой стороны, к этому приводил также и значительный экспорт капитала из Австрии, ее тенденция подавить в экономическом отношении те страны, которые она стремилась сделать политически зависимыми. Австрийские банки и крупные австрийские капиталисты неохотно помещали свои деньги в самой Австрии. Австрийская промышленность, несмотря на успехи, которых она достигла в последние десятилетия, все еще оставалась сравнительно отсталой, и чтобы сделать ее конкурентоспособной на мировой арене, нужно было вложить большие капиталы и долгое время дожидаться прибылей. Было гораздо выгодней поместить свои капиталы в Боснии или Румынии, Сербии или Болгарии, где можно было безнаказанно

расхищать природные богатства, где имелась дешевая рабочая сила и где крупные компании фактически могли делать все, что они хотели. Несмотря на относительный подъем австрийской промышленности, австрийские экономисты в конце XIX и в начале XX в. все еще жаловались на нежелание капиталистов вкладывать свои капиталы в Австрию и ломали голову над объяснением причин этого. Объяснение было простое: в других местах можно было получить больше прибыли. Таким образом, австрийский финансовый капитал освободил поле деятельности в Австрии и уступил его другим.

Проникновение в Австрию германского капитала началось непосредственно после Франко-прусской войны 1870—1871 гг., когда огромные суммы французских репараций потекли в Германию и правительство смогло уплатить свои долги. Благодаря этому в Австрию меньше чем за год хлынул капитал в 1,2 млрд. крон. Позднее темпы притока германского капитала несколько замедлились, но приток капитала продолжался. Это привело к тому, что главнейшие отрасли промышленности — стальная, машиностроительная, электрическая и химическая — работали на базе немецкого капитала или принадлежали германским фирмам. В металлургии это были фирмы: Бёлера, Блекмана, Круппа, Ганна, Гаардта, Вюстера, Прима, акционерное общество Маннесмана, сталелитейные заводы Вейсенфельса, Фельтена и Гуйльяма. В машиностроении — фирмы Фойта, Гарвенса, Гильперта, Вейперта, Лангена и Вольфа и многие другие. В электрической промышленности (которая почти полностью принадлежала немецким владельцам) — Сименс-Гальске, Сименс-Шукерт, АЭГ (Всеобщая электрическая компания). Точно так же обстояло дело в текстильной, стекольной, цементной промышленности и промышленности строительных материалов. Химическая промышленность была почти полностью монополизирована Германией, каучуковая промышленность в большей части принадлежала немецким фирмам или контролировалась немецким капиталом. В пищевой и бумажной промышленности влияние немецких фирм было также значительным. Одно из важнейших горнозаводских предприятий по добыче магнетита — Veitscher Magnesitwerke (Австрия была главным поставщиком магнетита в мире) — также находилось в немецких руках. Немецкий капитал контролировал часть горнозаводской промышленности Венгрии и Далмации и отчасти добычу в северночешских рудниках. Кроме того, значительная часть земельных угодий в Австрии и Венгрии — больше чем 200 тыс. га земли — находилась в руках немцев. Наконец, в 1895 г. больше чем 50 процентов австрийских финансовых обязательств за границей принадлежало германским банкам.

Наступление периода империализма сопровождалось ухудшением положения рабочего класса, связанным главным образом

с ростом безработицы и все возраставшей угрозой войны. Но это ухудшение не было повсеместным и коснулось не всех рабочих в одинаковой степени и не в одно и то же время.

Уровень жизни австрийских рабочих был значительно выше уровня жизни рабочих в неавстрийских землях монархии. Их заработная плата была выше, а цены на продукты питания были относительно более низкими. Вот несколько примеров. Возьмем сельскохозяйственных рабочих, находившихся в монархии в особо тяжелых условиях. Первая таблица показывает размеры заработной платы в различных частях монархии и, соответственно, цены на главные продукты питания. Данные по заработной плате и цены на продукты вычислены в австро-венгерской валюте — гульденах.

Районы	Дневная заработная плата в гульденах	Среднегодовые цены в гульденах			
		пшеница за 75 кг	рожь за 75 кг	картофель за 75 кг	говядина за 1 кг
Вена	1,30	7,05	6,01	2,63	0,65
Прага	1,00	6,97	6,46	1,58	0,61
Брно	0,75	6,90	6,29	2,14	0,58
Троппау	0,70	7,73	6,02	0,88	0,58
Лемберг (Львов)	0,70	5,77	4,42	1,30	0,54
Черновицы	0,60	7,83	6,03	2,18	0,47
Лайбах (Люблина)	0,80	6,68	5,92	2,60	0,51
Будапешт	1,11	8,12	7,26	2,96	0,58
Кашау	0,76	7,81	7,55	2,41	0,51
Пресбург (Братислава)	1,16	8,10	7,71	2,88	0,67

Цифры относятся к 1890 г. Они взяты из «Записок по вопросу о движении цен» (издание Министерства финансов, Вена, 1892 г.) и таблиц по статистике цен (издание Министерства финансов, Вена, 1893 г.).

Из таблицы видно, что в Вене заработная плата была значительно выше, чем в главных городах остальной части монархии; между тем цены на продукты питания в этих городах, где рабочие получали более низкую заработную плату, отнюдь не были более низкими. Наоборот: рабочий-румын из Черновиц, заработная плата которого составляла только 48 процентов заработка его венского коллеги, должен был платить за пшеницу на 1,87 гульдена больше, а за рожь на 0,02 гульдена дороже, чем рабочий Вены, в то время как уменьшение цен в его пользу на картофель достигало лишь 17 процентов, а на мясо — 20 процентов. Итак, он жил много хуже, чем рабочий Вены, который на однодневный заработок мог купить 14 кг пшеницы, в то время как рабочий Черновиц на свой заработок за ту же работу не мог купить и 6 кг. Польский рабочий в Львове, заработок которого составлял 55 процен-

тов заработка венца, платил за пшеницу только на 18 процентов меньше, за рожь — на 27 процентов, за картофель на 50 с лишним процентов и за мясо только на 17 процентов меньше. Он должен был, даже если бы он и хотел питаться так, как венский рабочий, жить все же впроголодь, на одном картофеле. На свой дневной заработок, на который венский рабочий мог купить 2 кг мяса, он мог купить лишь 1,3 кг.

Чешский рабочий в Брно, проработав день (разница в заработке рабочих Праги не столь велика; хотя и здесь рабочие оплачивались хуже, но в Праге все же имелся значительный «немецкий сектор»), не принесил домой и 58 процентов заработка своего венского коллеги. Между тем за пшеницу он платил только на 2 процента дешевле, а за рожь даже на 5 процентов дороже; за картофель лишь на 18 процентов и за мясо на 11 процентов меньше. И в то время как венский рабочий, как мы уже говорили выше, на свой дневной заработок мог купить 14 кг пшеницы или 2 кг мяса, чешскому рабочему заработанных денег хватало лишь на 8 кг пшеницы или на 1,3 кг мяса. Венгерский рабочий, живущий в Будапеште, примерно был приравнен к австрийскому, хотя зарабатывал он несколько меньше. Словацкий же рабочий в Кашау получал только 60 процентов заработка венского рабочего. Не было случая, чтобы жизненный уровень неавстрийских рабочих был выше уровня жизни австрийского рабочего, обычно же он был значительно, а часто и вдвое ниже.

Различие в положении рабочих различных земель монархии существовало не только среди рабочих сельского хозяйства. Вторая таблица показывает средний дневной заработок рабочего пищевой промышленности в 1911 г. Здесь дифференциация выступает еще наглядней, чем в первой таблице.

Города	Дневной заработок рабочего пищевой промышленности в кронах	Средние цены на продукты в кронах			
		мука	говядина	молоко	смалец
Вена	4,01	0,39	1,82	0,29	1,98
Прага	3,69	0,37	1,80	0,29	2,26
Брно	2,67	0,39	1,80	0,27	1,98
Триест	2,96	0,39	1,85	0,34	2,11
Лемберг (Львов)	1,96	0,41	1,67	0,25	1,90
Будапешт	3,15	0,32	2,00	0,21	1,90
Аграм (Загреб)	2,50	0,36	2,00	—	2,10

(Материал взят из коллективных договоров, относящихся к 1900 г., из австрийского статистического справочника 1912 г. и венгерского статистического справочника 1911 г.)

Здесь аналогичное положение выступает еще нагляднее. Несмотря на то, что заработок рабочего был повсюду гораздо

ниже, чем в Вене (на 20—30 процентов), цены на продукты питания повсюду были почти одинаковы, а в ряде мест многие товары стоили еще дороже. В Триесте, где рабочий получал менее 75 процентов заработка рабочего Вены, цены на муку были те же, что и в Вене, мясо дороже на 2,5 геллера, молоко — на 5 геллеров (что составляет 17%), смалец дороже на 13 геллеров (что составляет около 7 процентов). Это значит, что реальная заработная плата (определяемая количеством продовольствия, которое может купить рабочий за свой заработок) триестинского рабочего составляла лишь две трети реальной заработной платы венского рабочего. Рабочий Лемберга, который получал менее половины заработка венского рабочего, платил за муку на 2 геллера больше (на 5 процентов дороже), за мясо на 15 геллеров меньше (дешевле на 8 процентов), за молоко на 4 геллера меньше (14 процентов) и за смалец только на 8 геллеров меньше (4 процента), чем рабочий Вены. В наиболее тяжелом положении находились хорватские рабочие в Аграме. В то время как их заработок составлял только 62 процента заработка венского рабочего, в Аграме только мука стоила дешевле на 3 геллера, то есть на 7 процентов, а говядина, стоившая 2 кроны, была на 17,5 геллера, то есть на 9 процентов, и смалец, стоивший 2,1 кроны, на 12 геллеров, то есть на 7 процентов, дороже, чем в Вене. Это значит, что его заработок в сравнении с заработком венского рабочего фактически был еще ниже, чем это можно заключить на основании анализа цифр. Большое отличие второй статистической таблицы от первой объясняется отчасти тем, что в первой показаны цены главным образом на жизненно необходимые и более дешевые продукты питания, которые должен был покупать даже простой галицийский или словацкий рабочий (если он хотел иметь силы для дальнейшей работы), тогда как во второй таблице речь идет о более ценных продуктах питания, как, например, мясо, молоко, жиры, которые при низкой заработной плате сами по себе уже представляют известную роскошь.

Соотношение заработной платы в Вене и неавстрийских областях, бывшее особенно неблагоприятным для последних, не зависело ни от профессии, ни от квалификации рабочих. С небольшими отклонениями, повсюду наблюдалось приблизительно то же соотношение. Например, по данным австрийского статистического справочника 1912 г. среди промышленных рабочих основных профессий существовала следующая дифференциация (см. табл. на стр. 454).

Итак, заработная плата в неавстрийских областях была ниже, чем в австрийских, и даже наиболее низко оплачиваемые группы рабочих в Вене — рабочие «голодных предприятий» текстильной промышленности — получали все же больше, чем высококвалифицированные рабочие (металлисты и строители) в Лемберге. Этим сопоставлением опровергается часто и охотно приводимое утверж-

Отрасль производства	Дневной заработок в кронах в				
	Вене	Праге	Брно	Триесте	Лемберге (Львов)
Обработка металла	4,25	2,98	3,21	2,89	2,98
Производство машин, ору- дий, инструментов	5,01	4,03	3,98	4,50	3,02
Химическая промышленность	3,52	3,36	3,14	3,16	2,24
Текстильная промышлен- ность	2,92	2,41	2,38	2,11	2,30
Бумажная, кожевенная и ре- зиновая промышленность	3,46	2,91	2,72	2,91	1,46
Деревообделочная промыс- ленность и производство мелочных товаров	4,07	2,76	2,57	2,86	2,32
Шитье одежды	3,60	2,74	2,77	2,47	2,05
Строительство	4,00	3,40	2,99	3,92	2,54

дение, что «хотя рабочие в неавстрийских землях и ниже оплачиваются, но зато жизнь в этих землях стоит много дешевле и фактически их положение поэтому гораздо лучше». Это утверждение было верно лишь для австрийских средних и маленьких городов, где разница в заработной плате примерно уравнивалась подобной же разницей в ценах, но не для неавстрийских земель. Также неверно утверждение, будто неавстрийские рабочие хуже оплачивались потому, что их труд требует меньшей квалификации, меньших знаний, потому что они работают в менее развитых отраслях промышленности. Как можно видеть, разница в оплате существовала во всех отраслях промышленности.

В статистические таблицы не включены квартирная плата и расходы на одежду. Впрочем, никто не может утверждать, что польские, румынские, словацкие или хорватские рабочие жили лучше или так же, как рабочие Вены (хотя жилищные условия были тяжелы и в Вене), или что они были лучше или одинаково одеты. Это подтверждается и такими цифрами: детская смертность на 1000 человек (1903 г.) в Вене составляла 168 человек, в Будапеште — 194, в Триесте — 192. Смертность от туберкулеза на 100 000 (1903 г.) в Вене — 310, в Будапеште — 367, в Триесте — 390 человек. (Детская смертность и смертность от туберкулеза также сильно зависят от жилищных условий.)

Привилегированное положение австрийских рабочих по сравнению с неавстрийскими не ограничивалось только заработной платой. Санитарные условия, средства сообщения и т. д. в австрийских городах были лучшими, чем в неавстрийских. Возможность получить образование в Вене и вообще в Австрии была гораздо больше, в то время как польские и галицийские рабочие в большинстве случаев не имели возможности посещать школу больше

одного года или двух лет. Медицинское обслуживание и возможности культурного развития в Австрии также были несравненно выше. И в неавстрийских областях монархии говорящие по-немецки австрийские рабочие всегда могли рассчитывать на получение лучше оплачиваемых, более ответственных должностей — старших рабочих, мелких чиновников, рабочих, которым поручалось выполнение заключительных операций по выработке изделия на производстве, и, без сомнения, австрийские рабочие в монархии представляли собой то, что называлось рабочей аристократией.

Период империализма в Австрии сопровождался целым рядом перемен. Одной из них была перемена, происшедшая в национальном сознании австрийцев.

До последней трети XIX в. австрийцы, жившие в своей стране, чувствовали себя австрийцами. В период империализма начался организованный поход против проявления этого чувства принадлежности к своей нации. В школах и университетах, в литературе, в театрах, в прессе и даже в церквях понятие «Австрия» все чаще стало ассоциироваться с понятием «Германия», получили распространение такие выражения, как «совокупная история Германии», «совокупная немецкая культура» и т. п. За немногими исключениями, вся австрийская буржуазия вскоре поддалась этому влиянию, так как она видела в этом единственную для себя возможность обосновать свои политические и экономические стремления перед гражданами своей страны как законные и необходимые. А все средства, при помощи которых создается общественное мнение, — школы, пресса, искусство и литература — находились в руках буржуазии. Фактически она обладала монополией в области просвещения и использовала ее таким образом, что уже через два-три поколения в Австрии осталось немного людей, которые чувствовали бы себя австрийцами.

Конец министерства Тааффе

В конце 80-х годов стало совершенно ясно, что и министерство Тааффе не разрешит внутренних конфликтов в монархии. Выступление новых партий углубляло противоречия и лишало опоры коалиционное правительство. Старые партии быстро теряли свое значение, и вскоре только одна корона еще поддерживала Тааффе.

Но корона сама с каждым днем теряла свое влияние и силу. Когда-то Франц Иосиф одним ударом восстановил абсолютизм и на короткое время отсрочил приход к власти либеральной буржуазии. Но буржуазия, которая в результате государственного переворота и в силу политики натравливания всех против всех держалась вдали от власти, теперь выросла в такую силу, которую уже нельзя было больше сдерживать. В обстановке обострения национальных противоречий и глубоких социальных конфликтов, ослож-

нившейся опасностью новой войны, абсолютизм был бессилен. Время правления Франца Иосифа можно разделить на три периода: первый период, когда Франц Иосиф пытался править самостоятельно, кончился заключением австро-венгерского соглашения. Затем настал период, когда он с трудом и ощупью искал решение, которое дало бы ему возможность восстановить равновесие сил в стране, чтобы продолжать свое правление и уберечь свою старую империю от распада. Этот период окончился вместе с концом министерства Тааффе и последовавшим за ним коротким периодом правления Бадени. И тогда начался третий и последний период — период капитуляции. Шестьдесят лет назад австрийская буржуазия капитулировала перед короной, за что ей было обещано господство над другими народами. Теперь корона должна была пойти на уступки агрессивной и жаждавшей власти австрийской буржуазии, чтобы с ее помощью хоть немного поддержать колеблющиеся основы государства. В эти годы Франц Иосиф действовал так, как того требовали от него великогерманцы всех окрасок: сближение с Германией, союз с Германией и, наконец, падение в пропасть вслед за Германией. За австро-русско-германским союзом трех императоров 1872 г. последовало в 1879 г. заключение «оборонительного» союза между Австрией и Германией, который затем, в 1882 г., превратился в тройственный союз Германии — Австрии — Италии. Вначале Франц Иосиф предпринял сближение с Германией, рассчитывая таким образом укрепить международное положение Австрии и, может быть, для того, чтобы использовать в своих интересах своего бывшего германского противника, а также затем, чтобы успокоить великогерманскую оппозицию и купить таким образом ее поддержку во внутренней политике. Вслед за тем Франц Иосиф уже не мог изменить своей политики, так как сделался ее пленником, и каждый шаг, сделанный им в сторону дальнейшего сближения с Германией, приводил к невероятному обострению внутренних конфликтов в стране, отдалял корону от всех народов монархии и привел наконец к тому, что у него не осталось никого, кроме великогерманской буржуазии, перед которой он полностью капитулировал и в области внутренней политики. В сущности, Франц Иосиф никогда не верил в немецкий курс. Он неоднократно давал понять, что этот курс приведет к гибели государства, а в конце своей жизни он понял, что вместе с его смертью окончит свое существование и Австро-Венгрия. И несмотря на это он, желая удержать хоть некоторую долю своей былой власти, проводил такую политику, которая неизбежно должна была привести к распаду государства.

Уже в конце 80-х годов стало очевидным, что правительство Тааффе никто больше не поддерживает. Те политические группы, которые образовали коалиционное правительство и которые десять лет назад представляли собой главные силы своих стран, больше

ими не являлись и поэтому уже не располагали достаточным влиянием, чтобы поддержать Тааффе против либералов и немецких националистов. Правительство Тааффе пало в 1893 г., и обстоятельства, при которых произошло его падение, ярко характеризуют общее политическое разложение и тот тупик, в который зашел австрийский парламентаризм.

Правительство Тааффе пало в связи с внесением проекта о расширении избирательного права; во всякой другой стране этому проекту была бы обеспечена поддержка всех либеральных сил, всех выступающих за расширение влияния буржуазных демократов. Правительство внесло проект об отмене избирательного ценза и о расширении избирательного права, что должно было сделать его почти всеобщим. Против проекта поднялась настоящая буря. «Немецкие» партии заявили, что избирательная реформа направлена к тому, чтобы лишить немцев в Чехии большинства. Консерваторы боялись усиления в новом парламенте социал-демократической фракции. Поляки объявили, что они теперь «потонут в массе русинских крестьян». Когда проект правительства обсуждался в парламенте, консерваторы, немецкие либералы и польская партия объединенными усилиями повели против министерства атаку и консерватор Гогенварт, либерал Эрнст Пленер и поляк Яворский единодушно потребовали отставки Тааффе.

Правительство Тааффе пало не без тайного, но довольно энергичного «содействия» венгерского министра иностранных дел Кальноки, одного из ярых сторонников прогерманской и антиславянской внешней политики, стремившегося устранить все, что могло привести к уменьшению влияния немцев в Австрии. Новое правительство Виндишгреца в продолжение двух лет довольно безуспешно пыталось, с одной стороны, умиротворить немецкие партии, а с другой стороны, не слишком оттолкнуть от себя славян. Напряжение в стране снова начало нарастать, и в 1895 г. Франц Иосиф сделал последнюю попытку урегулировать внутреннее положение путем привлечения славян к сотрудничеству — было образовано новое правительство Бадени.

За два года до того происходил первый большой судебный процесс над участниками чешской националистической организации «Омладина». Обвиняемые в государственной измене участники «Омладины», в большинстве своем молодежь и студенты, были присуждены к длительному тюремному заключению. Бадени объявил амнистию, и некоторые из осужденных получили свободу, а также отменил осадное положение в Праге, которое было там введено. Затем он начал с того, чем Тааффе кончил, то есть с реформы избирательного права, хотя уже не столь далеко идущей. В дополнение к существовавшим куриям вводилась еще пятая — «всеобщая курия», и таким образом к 353 депутатам, избираемым от четырех привилегированных курий, прибавлялось еще 72 депу-

тата, избираемых от всего населения Австрии. Избирательная реформа сама по себе была совершенно неудовлетворительной; так, 5 тыс. землевладельцев располагали 13 мандатами, то есть бóльшим количеством мандатов, чем 5 млн. человек всего остального населения; несмотря на это, реформа являлась все же достижением для тех групп, которые выступали за демократическое избирательное право, и в особенности для молодой австрийской социал-демократии. [В «Арбайтер цейтунг» это было оценено следующим образом: «В настоящий момент, когда всеобщее избирательное право... изуродованное в результате эгоистического сопротивления правящих классов... вступает в парламент, похоронный звон раздается по всем остаткам средневековья, мешавшим прогрессу».]

В силу того, что реформа была более скромной, чем проект реформы, в свое время предложенной Тааффе, а также потому, что соотношение голосов изменилось в пользу проведения реформы, избирательный закон был принят 234 голосами против 19. Однако через несколько месяцев произошло серьезное столкновение между правительством и парламентом, и снова по чешскому вопросу.

В апреле 1897 г. Бадени издал знаменитые «постановления о языке». В главных статьях этих постановлений говорилось о равноправии чешского и немецкого языков в Чехии, Моравии и Силезии. В силу этого закона все чиновники должны были не позднее 1 июля 1901 г. овладеть обоими языками. Основная мысль этого закона была не новой, она уже содержалась во многих, изданных начиная с 1867 г. распоряжениях, которые, однако, систематически саботировались «немецкими» партиями и «немецкими» министерствами. Бадени дал понять, что на этот раз он обеспечит проведение в жизнь постановлений о языке. Постановления о языке были проведены помимо парламента. Бадени считал, и он был прав, что подобный закон никогда не прошел бы через парламент. «Рабский закон» Бадени, как его во всеуслышание называли «немецкие» партии, а также и социал-демократическая партия, вызвал такие последствия, каких, по всей вероятности, не ожидали ни сам Бадени, ни Франц Иосиф.

В Чехии и Моравии начались демонстрации протеста немецкой буржуазии и немецких студентов. Демонстрации были настолько бурными, что можно было подумать, будто одним росчерком пера немцев лишили всех их национальных прав, тогда как на самом деле лишь некоторые скромные права предоставлялись другому народу. Демонстрации были направлены не только против Бадени, но и против чехов. С головных уборов чешских буржуа и студентов срывали национальные кокарды, громили помещения чешских организаций, избивали прохожих, которые пытались протестовать против незаконных действий. Совершенно ясно, что чехи, которые никогда не отличались особой покорностью и, к тому же, держа-

лись того мнения, что постановления о языке были недостаточной для них уступкой, отвечали тем же самым. Во всех городах Чехии и Моравии ежедневно собирались толпы народа, происходили скандалы, драки; беспорядки затем перекинулись и в Австрию. Шённерер решил, что пришло его время, и начал организовывать по всей Австрии демонстрации солидарности с «притесняемыми в Чехии немцами», эти демонстрации нередко переходили в бурные и ожесточенные схватки. И в то время как постановления о языке, получившие название «крамолы Бадени», проходили по инстанциям, депутаты парламента организовали свой протест против ненавистных им законов. Образовался единый фронт немецких партий, к которому примкнули также христианско-социальная и социал-демократическая партии. «Немецкий фронт» начал устраивать обструкции, которые мешали нормальной работе парламента; он ставил себе одну-единственную цель — свалить правительство и таким образом сделать невозможным проведение ненавистных постановлений. Сначала немецкие депутаты отказались участвовать в работе парламента, и когда польские и чешские депутаты хотели продолжать заседания, то немцы стали прерывать их силой. Немецкие депутаты начинали петь, кричать, чтобы заглушить выступления ораторов, легели чернильницы, начиналась общая потасовка. Рейхсрат пришлось распустить.

Когда он вновь собрался через полгода, все повторилось с новой силой. Немецкие депутаты, иногда руководимые социал-демократами, подступали к ораторской трибуне и не давали говорить польским и чешским депутатам, а кончалось все диким побоищем между немецкими и чешскими депутатами. Когда партии, составлявшие большинство парламента (немцы были в меньшинстве, а поэтому и прибегали к обструкции), приняли постановление, что в случае необходимости буянов будут удалять из зала заседания силой, то наступил полный хаос. Появилась полиция и поодиночке стала выволакивать депутатов из зала — сначала социал-демократов, как зачинщиков, а затем и остальных. В Вене и в других крупных городах продолжались демонстрации, в которых социал-демократы выступали бок о бок со штурмовыми отрядами Шённерера. Их совместные демонстрации проходили то под лозунгами великогерманской партии, то под лозунгами социал-демократов и требовали отставки Бадени. Совершенно запуганный, Франц Йосиф наконец уступил. Бадени получил отставку, а вслед за тем были отменены и его постановления о языке. Однако с тех пор нормальная работа в парламенте стала невозможна. Преемник Бадени — Гауч отменил постановление о языке, и тогда чехи начали применять обструкцию. Гауч сделал вид, что он собирается издать новые, более умеренные постановления, но тогда вновь началась обструкция с немецкой стороны. Его преемник Клари снова солидаризовался с немцами, и если чернильницы только что

летали со скамей немецких депутатов, то теперь они полетели с чешской стороны. Австрийский рейхсрат сделался карикатурой на законодательное учреждение. В последующие годы страной фактически управляли при помощи чрезвычайных полномочий, и Франц Иосиф был прав, когда он в 1900 г. сказал: «Мы сделались посмешищем в глазах всего мира».

Для славянских партий «крамола Бадени» была концом всех их иллюзий. Она им показала, что с помощью парламентской демократии бессмысленно бороться за предоставление прав австрийским народам и что расширение избирательного права и увеличение компетенции парламента ничего не изменят в их положении. Образовавшийся блок немецких партий дал им ясно понять, что он не желает придерживаться правил «игры в парламентаризм» и скорее опрокинет самый стол, на котором играют, чем признает права других народов. Стало совершенно очевидно, что в Австрии у угнетенных наций нет союзников. Австрийские партии, начиная с правых и кончая левыми, сколотили против них крепкий фронт. Корона, от которой ждали, что она окажет давление, попросту капитулировала перед «немцами». Единственное, что они могли противопоставить попытке «немецкой господствующей нации» окончательно поработить их, — это свои собственные силы и силы своих союзников, которых они могли найти себе по ту сторону границы монархии.

Для тысяч австрийцев, которые также наивно верили в парламентскую демократию и от ее укрепления ждали мира и прогресса, «крамола Бадени» означала конец их надеждам. Буржуазная демократия сбросила с себя маску. Деятельность парламента превратилась в фарс, парламент являлся орудием в руках австрийских парламентских партий, которое они использовали постольку, поскольку оно служило их национальным интересам, и бесцеремонно отбросили и сломали, как только выяснилось, что оно могло помочь другим. Глубокое недоверие населения Австрии к парламента и его деятельности, презрение к «обезьяньему театру» и «парламентскому мошенничеству», которые до сих пор глубоко коренятся в народе, берут свое начало в период правления Бадени.

Наиболее же печальным во всем этом было то, что и социал-демократическая партия несла такую же вину и такую же ответственность за это, как и другие партии. А ведь это была та партия, которая когда-то казалась миллионам людей, испытывавшим не только социальное, но и национальное угнетение, полной противоположностью другим, враждебным им партиям и как будто давала им возможность путем соглашений и сотрудничества с сочувствующими им людьми из австрийского лагеря когда-нибудь добиться свободы и справедливости. Такое поведение социал-демократы объясняли чисто формальными причинами. По их словам, они отклонили постановления о языке потому, что эти постановления

были изданы недемократическим путем. Национальный вопрос должен был решаться не изданием законов о языке, а путем «ослабления между немецким и чешским народами» и на основе всеобщего и равного избирательного права. Может быть, сами представители социал-демократической партии и верили в свое демократическое по форме объяснение того, как они очутились рядом с ненавистником чехов, антисемитом и бисмарковским почитателем Шённерером, но чешским рабочим, ремесленникам и крестьянам из Моравии все это дело представлялось совершенно иначе. Для них это выглядело так: партия, на помощь которой они рассчитывали и которая выступала с прекрасными демократическими речами, помогла провалить закон. Но хуже всего было то, что парламент разделился на два лагеря. На одной его стороне находились чехи, а на другой — тесно спаянные их заклятые враги — немцы, которые изо дня в день проповедовали необходимость подавления чехов, и у всех на глазах в немецкий лагерь перешла социал-демократическая партия. И для людей, которые не склонны были ломать себе голову над «принципиальными» тактическими маневрами руководства этой партии, это могло выглядеть лишь так, что социал-демократическая партия принадлежит также к «немецким» партиям, то есть, что это «чужая» партия и, следовательно, нужно разорвать с Веной и создать свою, чешскую социал-демократическую партию.

Чешские социал-демократы твердо защищали позицию своей парламентской фракции. Даже в самый острый момент борьбы во времена Бадени они выступали за поддержку позиций социал-демократической партии, против разжигания ненависти между народами и за мир между ними. Но и они начали испытывать на себе влияние, идущее со стороны разочарованных масс чешского населения, начали нервничать, когда чешские буржуазные партии, ловко использовав положение, стали выставлять себя перед населением единственными и действительными его защитниками. Недоверие к австрийскому рабочему классу и мысль о разрыве с Веной стали проникать в партию и открыто проявились на партийном съезде в Вене летом 1897 г. Партийный съезд принял решение образовать в рамках социал-демократической партии самостоятельные национальные группы, которые будут объединяться только партийными съездами и общим исполнительным комитетом, а в остальном будут полностью самостоятельны. И в скором времени вместо одной социал-демократической партии появилось шесть партий: немецкая, чешская, югославская, польская, итальянская и русинская. В областях со смешанным населением вскоре образовалось по две, а иногда и по три партии и связь между ними делалась все более и более слабой. Начался процесс раскола рабочего движения.

Было ли поведение социал-демократической партии в деле Бадени тактической ошибкой? Было ли оно обусловлено неумением еще молодой и сравнительно неопытной партии сформулировать свое несогласие с недемократической формой проведения законов о языке, так чтобы никто не мог из этого сделать вывод о несогласии ее также и с содержанием закона? Или положение было серьезней, и участие партии в кампании противодействия законам о языке, которое привело социал-демократов к рискованной близости с великогерманцами, — не выражало ли оно ее действительного отношения к национальным проблемам в Австрии?

Социал-демократическая партия часто заявляла, что она не согласна с политикой национального угнетения, которую проводило Габсбургское государство. Но заявления значат очень мало, гораздо важнее действительная политика партии и те конкретные цели, которые, помимо общих установок, она себе ставила. Какова же была та национальная политика, которую социал-демократическая партия предполагала проводить в интересах рабочего класса?

Спустя два года после «крамолы Бадени» в 1899 г. в Брюнне состоялся партийный съезд. На этом съезде была выработана программа партии по национальному вопросу, в которой заявлялось, что «окончательное урегулирование национального вопроса возможно лишь в условиях действительно демократического общества, основанного на равном, всеобщем и прямом избирательном праве». Это урегулирование, в случае если партия придет к власти, будет проводиться следующим образом:

«Австрия должна превратиться в демократическое федеративное государство.

Вместо исторических коронных земель должны быть образованы разграниченные по национальному признаку самоуправляющиеся области, законодательство и управление в которых должно осуществляться национальными палатами, избранными на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права.

Все самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют единый национальный союз, который совершенно автономно решает все дела, касающиеся данной национальности.

Права национальных меньшинств будут гарантированы особым законом, изданным общевстрийским парламентом.

Мы не признаем никаких национальных преимуществ и потому отвергаем требование считать какой-либо один язык государственным; насколько необходим такой общий язык, должен решить общевстрийский парламент».

Брюннская национальная программа, как она стала затем называться, с первого взгляда может показаться прогрессивным и для всех народов приемлемым разрешением национального вопроса. Она была принята также депутатами социал-демократиче-

ских национальных групп: австрийской, чешской, русинской, итальянской, словенской и польской.

Но в программе имелся один недостаток. В самом важнейшем вопросе она была так неопределенна и так туманно сформулирована, что каждый мог толковать ее так, как хотел.

Вообще различные народы, входившие в состав Габсбургского государства, не были в беспорядке рассеяны по всей монархии, а населяли довольно определенно разграниченные и замкнутые территории. Чехи жили в Чехии и Моравии и составляли там из года в год увеличивающееся большинство населения, русины жили в Закарпатской Украине, поляки — в Галиции. Эти территории примерно совпадали с территориями старых коронных земель, и требования всех этих народов предоставления автономии в рамках их собственных территорий ни в какой мере не являлись уступкой старому, феодальному образу мышления, мечтам о «землях чешской короны» времен 1618 г. и прочим традициям, как это утверждалось во введении к Брюннской программе. Эти требования отражали совершенно правильное понимание того, что каждая нация должна обладать собственной территорией, своей собственной страной с определенными границами, чтобы иметь возможность развиваться дальше, строить свою собственную культуру, свое хозяйство и проводить свою национальную политику. Народ, если он не имеет клочка своей земли, вообще не является нацией.

Как раз этот вопрос и представлял для монархии особые трудности. Даже в те дни, когда в Вене были наиболее склонны к компромиссам, немцы, например в Чехии и Моравии, яростно боролись против всяких попыток объявить земли чешской короны или хотя бы часть их чешской национальной территорией. Они ссылались на свое собственное положение и доказывали, что Чехия и Моравия до тех пор, пока в них проживают немцы, не могут сделаться чешской территорией даже и в том случае, если немцы составляют в них меньшинство населения, так как включение их в союз чешских земель было бы в отношении немцев несправедливостью. Этими соображениями о защите своих «национальных прав» немцы обосновывали не только свое право препятствовать созданию чешского государства в рамках монархии, но и свое право господствовать над большинством чешского населения. Точно такое же положение, как в Чехии, было и в других областях монархии, только там вместо немцев, смотря по обстоятельствам, выступали венгры, поляки или хорваты.

Брюннская национальная программа явно хотела обойти молчанием главные трудности. Поэтому в ней вместо понятия «коронных земель» вводилось понятие национально разграниченных самоуправляющихся областей, которые должны были войти в «единственный национальный союз». Это были оторванные от территорий

«национальные союзы», образование которых отнимало у наций всякую возможность для дальнейшего развития.

Была неясность и в другом важном пункте. Брюннская программа принимала как само собой разумеющееся то, что Австрия будет являться наследницей старого государства, то есть, что в новый союз войдут все нации, проживающие в монархии. Но создание такого государства, проект которого дает Брюннская программа, должно начинаться не с соглашений об автономии, не с размышлений о «национально самоуправляющихся областях» и заявлений о человеческом достоинстве, а с более простого и вместе с тем более важного вопроса, а именно, с гарантии того, что никто не будут принуждать войти в новое государство и что все нации смогут сами распорядиться своей судьбой. Этот основной принцип — право наций на самоопределение вплоть до отделения от государства — в Брюнской программе отсутствует.

Это могло произойти в силу недосмотра или неясности формулировок, но действия австрийской социал-демократии в последующие годы показали, что дело тут было не в этом.

В начале XX в. появилось несколько работ, в которых «теоретики» социал-демократии разъясняли отношение партии к национальному вопросу. Важнейшими из этих сочинений были: «Борьба австрийских национальностей за создание государства» и «Немецкие рабочие и национализм» Карла Реннера и «Национальный вопрос и социал-демократия» Отто Бауэра. В этих сочинениях было ясно сказано то, о чем лишь неявно намекалось в Брюнской программе. Как Бауэр, так и Реннер исходили из предположения, что Австрийское государство будет продолжать свое существование в прежнем национальном составе, и давали понять (по их мнению это было само собой разумеющимся), что государство должно продолжать существовать в таком его виде и тогда, когда рабочий класс будет руководить его политикой или принимать участие в руководстве государством. Таким образом, ни в одной из этих работ не ставился вопрос о праве наций на самоопределение, об их праве свободно распорядиться своей судьбой. Вместо этого Бауэр предлагал проводить «национально-революционную» политику, которая дала бы возможность народам всего государства жить, пользуясь свободами в этом государстве. Средством для этого должна была служить так называемая «национально-культурная автономия».

«Национально-культурная автономия» не предусматривала ни политической, ни экономической самостоятельности народов монархии. Она должна была гарантировать нациям право самим регулировать лишь вопросы, касающиеся их культурной жизни, — вопросы языка, обучения и т. п. Для этой цели должны были быть составлены особые кадастры по национальностям, включающие всех жителей монархии, независимо от того, где они проживали.

Упомянутые в кадастрах представители каждой национальности выбирают свой национальный совет. Этот совет образует «культурно-национальный парламент», который занимается «в соответствии с имеющимися возможностями вопросами, касающимися школ, литературы, искусства, науки, академий, музеев, театров и т. п.» Эта программа помимо всего прочего предполагала, что благодаря национальным советам внутри каждого народа возникнет общность интересов, то есть общность интересов рабочих и предпринимателей, крестьян и землевладельцев. И в Австрии, которая, естественно, также должна была образовать свою курию, речь шла об общности интересов разделяющих великогерманские настроения фабрикантов и банкиров, с одной стороны, и рабочих-социалистов — с другой. Это было все, что могли сказать «теоретики» австрийского рабочего класса угнетенным народам.

«Национально-культурная автономия» в случае, если удалось бы ее осуществить, фактически ничего бы не изменила в положении народов Австрии. Народы могли бы самостоятельно решать «культурные вопросы», но австрийские и германские банки по-прежнему находились бы в привилегированном положении, а Хорватия, Словения, Чехия, Моравия, Польша все также оставались бы на положении колоний австрийского капитала и не имели бы возможности когда-нибудь с помощью законодательства или иных защитительных мероприятий развить собственную промышленность и сбросить губительный для их экономики гнет иностранного капитала. «Национально-культурная автономия» означала, например, что буржуазии в Чехии нечего было больше беспокоиться. Ибо «национальные кадастры» давали ей возможность объединить свои силы с силами австрийской буржуазии. «Национально-культурная автономия» означала, что внешняя политика, все более и более враждебная славянским народам, не будет изменена, так как внешнеполитические вопросы не входят в компетенцию «национальных советов». И, кроме того, это означало, что по-прежнему будет существовать неравенство в положении рабочих различных национальностей (например, зарплата рабочих в Галиции была на 40 % ниже зарплаты рабочих других частей монархии) и сохранится в прежнем его виде положение, когда поставленный в лучшие условия рабочий класс господствующей нации противостоит многочисленному эксплуатируемому рабочему классу полуколониальных неавстрийских народов.

«Национально-культурная автономия», которую австрийская социал-демократия предлагала угнетенным народам монархии, была намного умереннее тех прав, которые в 1867 г. корона предоставила Венгрии. Это «разрешение» национального вопроса, которое Отто Бауэр и Реннер предлагали — и не в качестве временного решения вопроса, а в качестве такого, которое, по их мнению,

могло служить основанием для совместного существования народов и в период социализма, — в действительности абсолютно ничего не разрешало.

Чем занимались люди в Австрии в начале XX века? Занимались школами, национальным театром и другими вопросами «культуры». Борьба за создание национальных школ, споры о том, на чешском или на немецком языке должна была быть написана школьная вывеска, все еще служили предметом обсуждения в парламенте и выливались в мелкие стычки, происходившие в Праге, Рейхенберге, Брюнне, Лайбахе и Триесте, но это были лишь внешние проявления более глубоких конфликтов. Главное же заключалось в том, что народы, населявшие монархию, стали совершеннолетними и требовали своего права самим управлять территорией, на которой они проживали, самим вести свое хозяйство, самим устраивать свою судьбу, если возможно — в рамках свободной федерации государств, а если невозможно, то без нее. Это требование народов не было удовлетворено, так как самая сильная и агрессивная буржуазия — австрийская буржуазия — не хотела отказаться от своего господствующего положения и от прибылей, которые она получала в Праге и в Лайбахе, Триесте и Черновицах, Лемберге и Кашау. Ради сохранения своего господствующего положения она заключила союз с Германией и была готова, если понадобится, силой удержать неавстрийские народы в подчинении. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, и в такой момент социал-демократия рекомендовала заняться лишь составлением национальных кадастров!

Государство, основанное на угнетении многих народов, долго существовать не может.

Буржуазия в определенные периоды добивалась для себя национальной независимости, но она не ставила своей задачей освобождение других наций. Это мог сделать только пролетариат. Тот общественный строй, который создается рабочим классом, основан не на получении прибылей, не на конкуренции и не на эксплуатации. Он основан на планомерном использовании природных богатств, технических возможностей страны в интересах самих работающих людей. Для рабочих социалистического государства было бы, в силу многих причин, лучше и удобней, если бы их государство было большим, включало бы в себя многие области, но их существованию нисколько не угрожало бы, если бы та или другая область захотела выйти из состава этого государства. В таком государстве, которое основано не на угнетении и целью которого не является получение прибылей, австрийские, чешские или хорватские рабочие управляли бы своим государством, которое было бы создано их общими усилиями; если в этом государстве какая-либо чешская фабрика начала бы производить больше товаров, чем австрийская, то это не являлось бы конкуренцией австрийцам,

а способствовало бы увеличению товаров, которые вырабатывались бы на благо обеих наций.

Рабочий класс являлся единственной общественной силой, которая могла вести борьбу за превращение монархии в свободную и сильную федерацию народов, которая могла победить в этой борьбе. Но борьба могла закончиться победой только в том случае, если бы австрийские и чешские, итальянские и словенские, украинские и польские рабочие, составлявшие подавляющее большинство населения монархии, сплотившись воедино, противопоставили бы свои силы и свои цели буржуазии отдельных земель монархии. Основным условием такого единения прежде всего является установление взаимопонимания. Австрийский рабочий класс, самый сильный и политически более зрелый, всем ходом истории предназначен был для руководства борьбой, но он смог бы завоевать доверие угнетенных народов только в том случае, если бы он и в национальном вопросе резко и беспощадно положил грань, отделяющую его от своей буржуазии, и совершенно определенно дал понять, что он не собирается угнетать другие народы.

Доказать это можно было только единственным способом. Австрийское рабочее движение должно было отказаться от всяких попыток прямо или косвенно насиловать волю других народов в вопросе их государственной принадлежности. Рабочий класс должен был дать понять, что с приходом его к власти будет положен конец всякому национальному угнетению и все народы монархии получают возможность свободного выбора: хотят ли они быть в составе нового рабочего государства или хотят идти своим собственным путем. Это значит, что рабочее движение центральным пунктом своей программы по национальному вопросу должно сделать требование безусловного и неограниченного права народов на самоопределение, вплоть до отделения от государства, и последовательно защищать это требование. И тогда уже сами освобожденные народы будут заинтересованы в том, чтобы по возможности большее число народов объединилось в новом рабочем государстве; однако и в этом вопросе австрийская социал-демократия не должна была допускать ни малейшего давления, а тем более протаскивания контрбандой «принципа неделимости» монархии.

И если говорят, что при соблюдении таких условий в 1918 г. монархия, вероятно, не распалась бы на части, а возродилась бы в виде новой, сильной федерации свободных в национальном и социальном отношениях народов, то это заявление не является только теоретическим умозаключением. На историческом примере доказано, что такое разрешение вопроса возможно. Такой пример являет собой Союз Советских Социалистических Республик. Партия большевиков, единая партия многонационального государства, успешно отразила все попытки своей буржуазии разложить русский рабочий класс, привить ему сознание того, что он является

рабочим классом «господствующей нации». Незадолго до начала мировой войны¹ меньшевики приняли «национально-культурную автономию» Бауэра в качестве программы по национальному вопросу. Большевики под руководством Ленина и Сталина разбили эту попытку меньшевиков расколоть рабочий класс. В своей работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин резко раскритиковал программу Бауэра и доказал, что она неизбежно приведет к расколу рабочего движения на национальные группы, к ослаблению его и станет препятствием к освобождению рабочих. Большевики без всяких оговорок высказались за принцип самоопределения народов, вплоть до их отделения. Насколько последовательно проводили они этот принцип, можно судить по такому, например, факту: в 1917 г., когда Финляндия, входившая в состав царской России, выразила желание создать независимое от России государство, то это желание без промедлений было удовлетворено советской властью, хотя в то время для молодого государства отделение Финляндии означало дополнительные затруднения в экономическом и, главным образом, в военном отношении.

Национальная политика большевиков привела к результату, предвиденному Сталиным. Рабочий класс всех народов царской России был объединен в наиболее трудный и ответственный период — период мировой войны, и рабочие вели совместную борьбу за свержение царизма и скорейшее окончание войны независимо от их принадлежности к той или иной нации.

Больше того, даже непролетарские слои среди угнетенных царизмом народов сочувствовали большевикам, потому что от них и только от них они ждали своего национального освобождения.

Объединенным силам рабочих всей Российской империи удалось свергнуть царизм и построить свое социалистическое государство, и народы, победившие в совместной борьбе, вошли в великий Союз Советских Социалистических Республик, который в настоящее время охватывает 200 миллионов человек.

Такая возможность имела и в Австрии, рабочий класс которой также мог совместной борьбой и общими усилиями добиться победы. Но случилось так, как писал Сталин, критикуя национальную политику австрийской социал-демократии. Рабочее движение монархии было раздроблено на национальные группы. После партийного съезда 1897 г., на котором произошел раскол социал-демократической партии на шесть независимых, связанных лишь общим партийным руководством национальных групп, начался все возрастающий отход их друг от друга, вплоть до того,

¹ Здесь автор допустил ошибку. Борьба В. И. Ленина и И. В. Сталина против «национально-культурной автономии» началась задолго до войны, а работа «Марксизм и национальный вопрос» была написана И. В. Сталиным в начале 1913 г. — *Прим. ред.*

что они превратились фактически в совершенно самостоятельные партии. Затем начался раскол парламентских фракций; отдельные партии стали образовывать свои национальные фракции, которые часто выступали раздельно, затем началось сближение между национальными социал-демократическими партиями и буржуазно-националистическими организациями, парламентскими клубами соответствующей национальности. Уже перед войной моравские социал-демократы объединились в «свой» национальный клуб; в течение войны это разделение «по клубам» сделалось всеобщим. Вслед за расколом партий произошел раскол и в профессиональном движении. В 1910 г. чешская социал-демократическая организация решила создать свои автономные чешские профессиональные союзы. Начиная с этого времени в чешских индустриальных областях нередко на одном предприятии было по две профессиональных организации — чешская и немецкая. Вслед за профессиональными союзами разделились потребительские общества, спортивные, певческие и т. д., то есть все организации рабочего класса.

Инициатива в стремлении отделиться почти всегда исходила от чешских социал-демократов, так как буржуазно-националистическое движение среди чехов (в особенности это относилось к вновь созданной народно-социалистической партии) было довольно левым. Оно, например, признавало стачку основным средством политической и профессиональной борьбы, что и делало для чешской социал-демократии присоединение к «своим» национальным группам более заманчивым, чем для социал-демократических групп тех наций, национально-буржуазные партии которых были консервативными или клерикальными, как, например, у словенцев или румын. Но вскоре примеру чехов последовали все партии.

Австрийская социал-демократия не сумела противопоставить этому процессу раскола ничего, кроме обвинений и нажима. Она пыталась, но безрезультатно, ссылаясь на резолюции II Интернационала, принудить чехов отказаться от раскола, объявила их сепаратистами и упрекала в измене делу рабочего движения. Безусловно, политика чешской и других партий была неправильной, так как раскол на национальные группы наносил вред всему рабочему движению и в конце концов также и им самим, но главная вина падает не на них, а на австрийскую социал-демократию, которая в качестве руководителя рабочего движения угнетенных наций должна была быть наиболее решительным и последовательным борцом за национальную свободу. Она первая заключила «союз с буржуазией». Остальные партии действовали так поневоле, и заявление чешской партии, сделанное во время раскола профессиональных союзов, о том, что политика рабочего движения определяется «в Вене и только для Вены», было отчасти правительным.

Сближение австрийской социал-демократии с австрийской буржуазией вскоре отразилось на позиции партии не только в национальном вопросе. Рабочее движение господствующей нации стало проявлять заинтересованность в сохранении монархии в том виде, как она была. Следствием этого было то, что в политических и социальных вопросах вместо революционной политики, направленной на разрушение политической системы монархии и тем самым на уничтожение всех привилегий, партия перешла к политике постепенных реформ, не подрывающих основ монархии. Среди членов партии стала распространяться теория, утверждающая, что сотрудничество с короной и с буржуазными партиями при известных обстоятельствах может быть выгодным для партии. Постепенно возник новый тип «социалистов», так называемых «королевско-кайзеровских социалистов» (k. u. k. Sozialisten), которые заверяли корону, что они ей более верны и преданы, чем буржуазные партии. Ревизионизм, отказ от социалистической революции в расчете на то, что путем реформ можно когда-нибудь «врасти в социализм», а посредством парламентаризма завоевать власть, сделался господствующей теорией среди австрийской социал-демократии. На втором объединенном партийном съезде в Вене в 1901 г. была похоронена революционная Гайнфельдская программа. В новой программе в общей форме говорилось о том, что развитие капитализма несет с собой кризисы и обнищание масс и что пролетариат должен с ними бороться. В программе указывалось далее, что развитие капитализма приведет к созданию «необходимых духовных и материальных предпосылок», которые делают ненужным и даже вредным частную собственность. Пролетариат должен осознать, что он обязан содействовать этому процессу развития и ускорять его и что переход средств производства в руки народа является целью борьбы, а захват власти — средством для достижения этой цели.

Как должен осуществиться захват власти — в новой программе не говорилось. После исключительно туманных рассуждений о правах наций, а также об ограничении свободы выражения мнений путем «духовной опеки государства и церкви, осуществляемой во всех видах», и заявлений о том, что социал-демократия борется за предоставление пролетариату возможно большего влияния во всех областях общественной жизни, программа переходила к конкретным требованиям.

Эти требования заключались в следующем: всеобщее, равное и прямое избирательное право, система пропорциональных выборов, проведение выборов в нерабочие дни, трехгодичный срок действия принятого законодательства, жалование для депутатов, прямое народное законодательство посредством права (для депутатов) внесения предложений (законопроектов), самоуправление в городах и в сельских областях. Затем следовало требование

отмены ограничений свободного выражения мнений, требование отмены законов, ограничивающих свободу передвижения, обеспечение независимости суда, создание государственной санитарной службы, признание гражданского брака, требование отделения церкви от государства, введение обязательного, бесплатного и светского обучения, требование свободы коалиций, восьмичасового рабочего дня, отдыха в воскресные дни, запрещения детского и ночного труда.

Отвлекаясь от общих заявлений и от требования восьмичасового рабочего дня, необходимо указать, что это была либеральная программа, под которой подписалась бы любая левобуржуазная партия. На партийном съезде неоднократно указывалось, что программа представляет собой шаг вправо, с чем согласился и Виктор Адлер, хотя и утверждал, что расхождения со старой левой программой носят формальный характер.

В официальном донесении полиции о партийном съезде говорилось: «...Резкая враждебность к буржуазному обществу, ортодоксальный марксизм получили в новой программе гораздо более смягченное выражение. Фатализм нищеты стал убывать, и конкретные требования пролетариата, обращенные к государству и к господствующему классу общества, являются исключительно основой деятельности политических и экономических организаций. Венский партийный съезд окончательно покончил с революционным радикализмом, содержавшимся в старой программе, и австрийские социал-демократы, сколько бы ни старались это скрыть их вожди, уже на пути к тому, чтобы примириться с системой капиталистического общества и выступать против него не более как с позиций социал-реформистской партии.

Д-р Адлер с большой настойчивостью оспаривал тот факт, что новая программа означает уступку взглядам Эдуарда Бернштейна (ревизионизму), марксисты Бебель и Каутский также делали на партийном съезде в этом смысле заявления, однако в действительности все трое, сознательно или бессознательно, находятся под влиянием Бернштейна и не могут от этого влияния освободиться. Д-р Адлер сумел в своем реферате представить теорию Бернштейна как своего рода марксистскую, так что ему легко удалось устранить недоверие собравшихся к программе».

Австрийская социал-демократия вступила на тот путь, который неизбежно должен был ее привести к августу 1914 г. Когда началась война, социал-демократия солидаризировалась с Габсбургской монархией.

На пути к Сараеву

Падение правительства Бадени было концом всех попыток разрешить внутренний кризис. За период с 1897 по 1914 г. пятнадцать раз сменялись правительства и сформировывались новые

кабинеты министров. Все эти правительства назначались Францем Иосифом, и в них входили не представители партий, а аристократы, доверенные люди короны или чиновники. Ни одно из этих правительств не пыталось даже поколебать положение «немцев» в монархии, ни одно из них не ставило перед собой никаких целей, кроме стремления «как-то удержаться у власти», ни одно ничего не достигло, да и не могло достигнуть, так как, за исключением правительства Кербера, которое находилось у власти с 1900 по 1904 г., период их нахождения у власти был настолько кратковременным, что трудно было что-либо сделать. До прихода к власти правительства Кербера управляли при помощи чрезвычайных полномочий, деятельность парламента была парализована в результате обструкции одной или нескольких национальных фракций. Кербер был единственный, кому удалось не только удержаться у кормила власти в течение пяти лет, но даже располагать в начале своего правления парламентским большинством. Позднее он, правда, также прибегнул к чрезвычайным полномочиям. Своим успехом Кербер был обязан своей исключительно разумной¹ и, для тех условий, прогрессивной экономической и социальной политике. Во время его правления была выработана система страхования по болезни и по старости, были построены важные дороги, например подвесные дороги, и приступлено к постройке канала, соединяющего Дунай с Одером.

Борьба за всеобщее избирательное право увенчалась успехом в 1907 г. Русская революция 1905 г. оказала на среднеевропейские страны такое же воздействие, как в свое время революция 1848 г. во Франции. В Вене происходили грандиозные демонстрации под лозунгом введения равного и всеобщего избирательного права; в одной из таких демонстраций участвовало до 250 тыс. человек. Рабочие организации заявили, что они, если потребуется, будут бороться за избирательное право путем всеобщей стачки.

Корона и правительство довольно быстро пошли на уступки, отчасти потому, что Франц Иосиф под давлением венгерского правительства обещал провести избирательную реформу в Венгрии, и теперь уже нельзя было, разрешив проведение реформы в одной части монархии, не разрешать проведение ее в другой. Кроме того, больше не существовало либерально-консервативного польского блока, борovéhoся против принятия закона об избирательном праве еще с времен правления Тааффе, и, наконец, корона рассчитывала усилить свои позиции с введением всеобщего избирательного права. В 1906 г. закон был предложен в парламенте, в мае того же года было образовано министерство во главе с принцем Гогенлоэ, который относился положительно к избирательной реформе, а в ноябре 1906 г. закон был, наконец, принят палатой

¹ Правильнее сказать — ловкой. — *Прим. ред.*

депутатов. Все мужское население страны, достигшее 24 лет, получило избирательное право. На выборах в 1907 г. социал-демократы завоевали второе место. Они получили 87 мандатов (первое место принадлежало христианско-социальной партии — 94 мандата), на третьем месте стояла чешская партия (83 мандата), на четвертом — немецкие националисты (80 мандатов). Австрийцы составляли в новом парламенте меньшинство — 233 человека против 283 неавстрийцев.

Однако и принятие закона о всеобщем избирательном праве не внесло больших изменений. Парламент, как и старый рейхсрат, все так же был разбит на национальные группы, правительства менялись так же часто, снова начались обструкции в парламенте и, спустя некоторое время после 1907 г., опять началось правление на основании чрезвычайных параграфов конституции. Чиновники не чувствовали себя облеченными доверием народа, а попрежнему считали себя слугами короны, административная машина кое-как еще продолжала работать, но и она начала понемногу отказываться служить, и по всей стране, особенно в Чехии, все чаще вводилось осадное положение. Тринадцатое по счету правительство, которое в 1911 г. пришло на смену кабинета Тааффе, было правительством Штюргка — Берхтольда, при котором и началась мировая война.

Уже с конца XIX в. министрами иностранных дел монархии являлись венгры. Венгерское правительство по традиции выдвигало министров для общеимперского министерства иностранных дел. Вначале это было уступкой венграм, поведение которых делалось все более независимым. Они все более стремились к тому, чтобы добиться полной самостоятельности в рамках монархии, причем отношения с остальными землями ограничить лишь наличием общего монарха; венгры все решительнее выступали за создание собственной армии под венгерским командованием. Но существование такой независимой от центрального правительства венгерской армии ослабило бы монархию в военном и дипломатическом отношении и сделало бы невозможным проведение политики, направленной на расширение страны, или сделало бы ее возможной только с согласия Венгрии. Вследствие этого пришли к чисто австрийскому решению (была соблюдена лишь видимость разрешения вопроса). Чтобы не ставить внешнюю политику в зависимость от решения вопроса о создании венгерской армии, решили сразу же передать в ведение Венгрии все вопросы, связанные с внешней политикой.

В момент, когда австрийское правительство окончательно решило перейти к пронемецкой политике внутри монархии (особенно после падения кабинета Бадени), в вопросах внешней политики оно уже вынуждено было все более явно идти на буксире у Германии. Чем меньше делалось уступок славянским народам, тем

напряженнее становилось внутреннее положение в монархии; чем большим было недовольство славян, тем менее устойчивой делалась позиция австрийцев, которые составляли меньшинство в стране. И далее, чем более ослаблялись позиции австрийцев внутри монархии, тем сильнее ощущалась необходимость в поддержке со стороны Германии, и чем большей была потребность в германской помощи, тем менее страна могла сопротивляться германским внешнеполитическим притязаниям.

Позиция Венгрии и та роль, какую она играла в австрийской внешней политике, зависели от внутреннего положения в самой Венгрии. Все национальные разногласия, которые привели Австрию к почти безвыходному положению, существовали также и в Венгрии и в еще большем масштабе. Австрийцы составляли в австрийской части монархии, в Цислейтании, меньшинство, венгры же составляли в Транслейтании еще меньшую часть населения. В начале XX в. 8 млн. венгров противостояли 18 млн. невенгерского населения. Политика венгерского правительства в отношении сербов, русин, хорватов и румын была еще более непримиримой, чем австрийская в отношении поляков, чехов, итальянцев и словен. Как раз в силу того, что венгры были в меньшинстве, они считали необходимым править с особой жесткостью, проводя политику насильственной мадьяризации. Политика мадьяризации началась вскоре после 1867 г., а когда в 1905 г. старое, до некоторой степени либеральное правительство пало и ему на смену пришло радикальное националистическое правительство во главе с сыном Кошута, то процесс мадьяризации принял еще более резкие формы. Все государственные посты и все вакансии чиновников в Будапеште, а также в румынских, хорватских или словенских землях были заняты венграми. Университеты и другие высшие учебные заведения были монополизированы венграми, так что вся интеллигенция воспитывалась в провенгерском духе. В начале столетия в Венгрии 95% чиновников были венгры, венгры же составляли 92% чиновников в учреждениях земель, 89% — врачей, 96% — судей; 80% всех издаваемых в Венгрии газет и журналов выходило на венгерском языке (в то время как трехмиллионное румынское население имело в своих руках лишь 2,5% всех издаваемых в Венгрии периодических изданий, 2 млн. словачков — 0,64%, а русины — 0,06% этих изданий). Первоначально все национальные меньшинства в Венгрии получили право иметь свои школы, однако позднее учителя, под страхом увольнения, должны были признать себя принадлежащими к венгерской нации, и вскоре венгерский язык стал единственным дозволенным языком, на котором велось обучение. Начиная с 1907 г. венгерский язык стал обязательным и для работающих на железных дорогах даже в Хорватии, с которой в течение некоторого времени обращались более мягко. Выборы 1907 г. проводились в обстановке террора

и запугиваний. Румынских, словацких и хорватских избирателей силой принуждали не принимать участия в голосовании. В некоторых местах ораторов и уполномоченных невенгерских партий по проведению выборов арестовывали и держали под арестом, пока продолжались выборы; в некоторых местах прибегали к подкупу избирателей, обещая каждому, кто будет голосовать за венгерских депутатов, напоить пивом и выдать килограмм мяса. О соблюдении тайны голосования не могло быть и речи. При таких обстоятельствах было еще чудом, что кандидаты невенгерских партий вообще оказались избранными. В 1907 г. газета «Грацер фольксблатт» описывала обстановку, в которой проходили выборы, следующим образом: «Не проходило дня, чтобы кто-нибудь из редакторов национальной прессы не приговаривался к наказаниям, вплоть до лишения свободы. В последние дни число таких приговоров сильно увеличилось. В Германштадте профессор семинарии д-р Иоганн Лупас за свою статью был приговорен к двум месяцам тюрьмы и 200 кронам штрафа. К шести месяцам тюрьмы был приговорен редактор темешварской газеты «Фольксвиллен» Рудольф Круппа за критику нового венгерского школьного закона; к восьми месяцам тюрьмы был приговорен редактор румынской газеты «Адверул» за «подстрекательство» против мадьяр; к шести месяцам тюрьмы и 500 кронам денежного штрафа приговорен журналист Михаил Шаудт за статью «Угнетение немадьярских народов». И предстоит еще множество процессов работников печати. Не проходит и дня, чтобы не было вынесено два-три приговора редакторам национальной прессы».

В результате такой политики, естественно, усилилось недовольство среди невенгерских народов, которое очень скоро привело к тому, что эти народы стали стремиться к сотрудничеству как с другими славянскими народами в самой Австрии, так и со славянскими или другими народами по ту сторону границ монархии. Молодое словацкое движение (возникшее лишь в 40-х годах XIX в.) начало сближаться с движениями сербов и чехов. Тот факт, что эта связь в течение долгого времени не была очень тесной, объясняется тем, что словацким, главным образом крестьянским, национальным движением руководили клерикальные группы, а эти группы не доверяли целиком антиклерикальному «левому» движению чехов, в котором главная роль принадлежала социал-демократам и молодой левобуржуазной партии народных социалистов. Но венгерская политика заставила побороть это недоверие, и начиная с 1907 г. чехи и словаки стали все более сближаться.

Сербы и главным образом хорваты долгое время надеялись на сближение с Венгрией. Несколько раз делались попытки и с венгерской стороны наладить сотрудничество. Во времена наследника Рудольфа, когда в Австрии пропагандировалась идея триалистического государства, хорваты рассчитывали на улучшение

своего положения. Но когда в Австрии под влиянием «немецких» партий отказались от планов создания триалистического государства, хорватам и сербам стало ясно, что от Австрии тоже нечего ждать помощи. Тогда сербы, хорваты и словены во все возрастающей степени стали связывать осуществление своих надежд с государством, которое в течение нескольких десятилетий завоевало себе самостоятельность. Этим государством была молодая Сербия. Сербия, бывшая турецкая провинция, постепенно освобождала свою территорию, район за районом, одну область за другой, пока наконец в 1878 г. она не была признана суверенным государством. Однако, по желанию Австрии (Австрия уже тогда боялась усиления Сербии), она была отделена от Черногории, которая хотела к ней присоединиться. А так как Австрия владела Боснией, Герцеговиной и санджаком Новый Базар, то Сербия оказалась с трех сторон окруженной Австрией.

Сербский король Милан Обренович IV и позднее его сын Александр подчинились влиянию Австрии, и в течение 25 лет Сербия находилась на положении зависимого от Австрии государства. Были заключены торговые соглашения, которые ставили Сербию в полную экономическую зависимость от австрийской монархии. Кроме того, в 1881 г. по секретному соглашению Милан обязался предоставить сербов, живущих в разных областях монархии, их собственной судьбе и не допускать в Сербии агитации, направленной против монархии. Само собой разумеется, что австрийские банки и австрийские промышленники (а вместе с ними и германские банки) пользовались в Сербии полной свободой. В экономическом отношении Сербия являлась не более как полуколонией Австро-Венгрии и Германии. Однако в 1903 г. произошло восстание против Обреновича, которого народ считал агентом иностранных государств. Король был убит группой молодых офицеров, а сербское Национальное собрание — Скупщина — предложило трон Петру Карагеоргиевичу, потомку первого освободителя Сербии, вождю гверильи и национального движения. Карагеоргиевич осуществил ряд демократических реформ. Впервые в Сербии были проведены демократические выборы, государственный бюджет был утвержден Национальным собранием, в армии были ликвидированы широко распространенные среди офицеров взяточничество и продажа военных должностей, и внутри страны наступило умиротворение. Сербия шла к тому, чтобы и в экономическом отношении освободиться от австрийской зависимости. Она пыталась заключить таможенный союз с Болгарией, который не был реализован из-за протеста Австрии. Когда Сербия заказала во Франции вооружение для своей новой армии, Австрия предъявила ультимативное требование, чтобы заказы на вооружение были переданы Австрии, и после того как Сербия это требование отклонила, были введены, в данном случае главным образом по настоянию Венгрии,

запретительные пошлины на основной предмет сербского экспорта — скот (главным образом свиней), что грозило упадком сербской торговле и могло привести страну к обнищанию. Эта таможенная война, так называемая «свиная война», не только привела к резкому обострению сербско-австрийских отношений, но и вызвала среди сербских крестьян, разорявшихся в результате введения запретительных пошлин, большое озлобление против Австрии.

Молодое, сравнительно демократическое Сербское государство, которое, несмотря на давление со стороны Австрии и проводимую ею политику войны на истощение, отважно защищало свою независимость, естественно, должно было обладать большой притягательной силой для угнетенных народов Австро-Венгрии, в особенности для сербов и хорватов, и воодушевлять их на борьбу. В силу этих обстоятельств Сербия сделалась главным врагом венгерских, австрийских и германских банков, а также всех немецких сторонников «захватнических походов» на восток и их австрийских союзников; последние и направили свои объединенные атаки против сербов, как главного своего врага. Начиная с 1903 г. главной целью венгерской, а вместе с тем и австрийской политики стало ослабление, а если возможно, то и полное уничтожение независимости Сербии.

В 1907 г. дело дошло до открытого столкновения. Австрия объявила, что она собирается строить железную дорогу от санджака Новый Базар (*de jure* турецкая область к югу от Боснии) до Эгейского моря, и тем самым продемонстрировала свое намерение проникнуть в глубь Балкан и утвердить там свое военное и политическое влияние. Постройка такой дороги означала окружение Сербии, однако это намерение Австрии имело и другие последствия. Впервые Австрия открыто объявила о своем желании проникнуть на территорию, где она должна была столкнуться не только с Россией, которая уже давно претендовала на проливы, но и с Англией, которая тоже давно рассматривала Грецию как свою базу в восточной части Средиземного моря. А продвижение Австрии к Эгейскому морю означало захват господствующей позиции к северу от Греции — и не только Австрией, но также и Германией, что достаточно хорошо понимали в Лондоне.

Железная дорога так и не была построена, но и одного проекта такого строительства было достаточно, чтобы вызвать обострение отношений между Австрией и Россией; аннексия же Австрией Боснии и Герцеговины довела отношения Австрии и России почти до окончательного разрыва.

Босния и Герцеговина были оккупированы Австрией с согласия других европейских великих держав. Говоря современным политическим языком, Австрия получила мандат на эти провинции, фактически же эти области все еще принадлежали Турции. Когда в 1908 г. абсолютистское правление султана Абдул-Гамида было

свергнуто участниками либерально-националистического движения, младотурками, и Турция получила конституцию, то эти провинции получили гарантированное конституцией право свободных выборов. Это значило, что Босния и Герцеговина должны были путем плебисцита решить вопрос о своем политическом статусе и о своем будущем. Результат голосования был с самого начала ясен: обе провинции были по политическим и национальным мотивам связаны с Сербией, и подавляющее большинство населения этих областей высказалось бы за присоединение к Сербии. А это означало увеличение и усиление Сербии, то есть как раз то, чего не хотело допустить австрийское правительство. В провинции были тотчас же посланы австрийские войска, австрийская армия была частично мобилизована, и правительство объявило скоропалительно созванному австрийскому парламенту и вслед за тем собравшемуся венгерскому парламенту, а также всем европейским странам о своем решении аннексировать Боснию и Герцеговину.

Боснийский кризис угрожал вылиться в военное столкновение. Сербия протестовала, и когда ее протест не приняли во внимание, то объявила мобилизацию своих войск. Русский министр иностранных дел Извольский, который знал об австрийском плане, был дезавуирован своим правительством и царем, которые считали рискованным допустить ослабление Сербии, и отказался дать согласие на аннексию. Кризис продолжался больше полугода, пока наконец не вмешалась Германия, до того державшаяся в стороне; она предъявила России ультиматум, в котором требовала отказа от поддержки Сербии. Россия, которая в то время еще не была готова к войне, должна была уступить, и Сербии не оставалось ничего другого, как признать аннексию. С этого момента стало совершенно ясно, что существует два враждебных друг другу лагеря: Россия и Сербия с одной стороны и Германия с Австрией — с другой.

После боснийского кризиса многие как внутри Австрии, так и вне ее довольно открыто обвиняли австрийское правительство в том, что оно легкомысленно ведет опасную игру, которая может привести к войне. Австрийское правительство пошло на этот риск, так как питало надежду, что «все обойдется». Однако действительное положение было значительно более серьезным. В руководящих политических и военных кругах Австрии имелись люди, которые не только не боялись войны, но стремились развязать ее. Эти круги представляли министр иностранных дел Эренталь, наследник престола Франц Фердинанд и начальник генерального штаба Конрад фон Гетцендорф. Войну, которую они чуть было не развязали, они успокаивающе именовали «превентивной войной».

Как Эренталь, так и Франц Фердинанд держались того мнения, что монархия любой ценой должна расширить свои владения на

востоке, если возможно — то до самых границ Турции. В случае, если это не удастся, она должна по крайней мере получить преобладающее влияние в странах, расположенных между Австрией и Турцией. Эренталю и Францу Фердинанду было ясно, что подобная политика должна привести к войне с Россией, и оба держались того мнения, что чем раньше начнется война, тем лучше. Конрад фон Гетцендорф, исходя из военных соображений, придерживался тех же взглядов. Он также считал необходимым расширение монархии на восток и желал разделаться с Россией как можно скорее, пока она не оправилась после поражения в русско-японской войне 1905 г. Гетцендорф еще в 1909 г. требовал начать «превентивную войну» против Сербии. Кроме того, он и Франц Фердинанд считали неизбежной войну с Италией и уже в 1908 и 1911 гг. выступали за «превентивный поход» против Италии. Их позиция была известна итальянскому правительству. Во всяком случае Франц Фердинанд не скрывал своих антиитальянских устремлений и, выступая публично, неоднократно пропагандировал «энергичный образ действий» в отношении Италии.

Франц Фердинанд был одним из немногих представителей правящей династии, которого связывали с Вильгельмом II, его коллегой и партнером по союзу, отношения более близкие, чем обычно бывают отношения, определяемые условностями. Франц Фердинанд находился в постоянной переписке с германским императором, и хотя дружба между ними с годами ослабевала, но контакт все еще был довольно тесным. И это неудивительно. Они имели много общего и оба представляли один и тот же тип монарха своего времени. Оба являлись выразителями интересов империалистов и стремились действовать в контакте с ними. В то время как их предшественники говорили об увеличении владений короны и, по существу, проводили старую династическую политику расширения государственной территории, Франц Фердинанд, так же как и Вильгельм, мыслил такими понятиями, как «сфера влияния», «экономическое проникновение», «экспорт капитала» и т. п. Оба неоднократно и откровенно заявляли, что целью государственной политики является «поддержка сильной рукой» «наступления экономики» и что объектом экспансии должны быть не просто какие-то области, а или стратегически важные территории, овладение которыми даст возможность дальнейших захватов, или области с важными полезными ископаемыми: рудой, каменным углем, нефтью, — захват которых дал бы возможность обеспечить своей промышленности господствующее положение в мире. Как Франц Фердинанд, так и Вильгельм II стремились к союзу с представителями монополистического капитала и достигли этого. Оба неоднократно подчеркивали свой интерес к промышленности, к технике и науке, оба считали особенно важной задачей развитие военной техники и создание сильного флота. Вильгельм II считал,

что обладание сильным флотом даст ему преимущество перед его английским соперником, а Франц Фердинанд рассчитывал с помощью сильного флота сделать Австрию владычицей Средиземного моря, а может быть и морского пути на Ближний Восток.

Кроме того, у Франца Фердинанда имелись еще дополнительные соображения, толкавшие его на агрессивность во внешнеполитических вопросах. Он не мог не видеть, что национальные конфликты в Австро-Венгрии рано или поздно должны привести к гибели монархии. И поэтому ему хотелось по-новому урегулировать положение внутри монархии. При этом ему рисовалось нечто вроде триалистического австро-венгро-хорватского (или хорватско-чешского) государства, которое постепенно должно было превратиться в федерацию. Это выглядело очень демократично, на самом же деле это было не так. Народы получали известные национальные и политические права, но степень самостоятельности каждого отдельного народа должна была быть меньшей, чем у венгров. Это значило, что план предусматривал уменьшение прав Венгрии; другими словами, австро-венгерское соглашение 1867 г. должно было быть частично урезано. Разумеется, Венгрия не могла отнестись спокойно к проведению подобной операции, и осуществление подобного плана могло быть достигнуто лишь в результате жестокой борьбы или даже, может быть, ценой насильственного подавления сопротивления Венгрии. Но такую борьбу монархия едва ли выдержала бы. Кроме того, для проведения в жизнь планов Франца Фердинанда необходимо было еще одно условие. Наследник трона мог проделать эксперимент с созданием триалистического государства только в том случае, если бы он был уверен в том, что создание хорватского или чешского государства внутри монархии не приведет к усилению позиций славян в Восточной Европе и что не нужно будет опасаться, что Сербия или Россия выиграют от улучшения в положении славян внутри монархии. Добровольно обе страны не откажутся от соперничества за влияние на славянские народы, и их нужно будет к этому принудить. А принудить их можно только путем их ослабления в военном или в политическом отношении. А этого можно добиться только с помощью войны. Значит, непременным условием проведения в жизнь планов внутреннего переустройства Австрии является победоносная война против Сербии и России. Но такую войну Австрия не может вести без помощи Германии. Ирония судьбы Франца Фердинанда и заключалась в том, что его планы и его стремления, как и многих других, направленные на укрепление независимого от Германии австрийского империализма, при сохранении союзнической верности ей, должны были привести к еще большей зависимости от нее. Таким образом, план, который ставил целью укрепить и спасти от распада Габсбургское государство,

еще находясь в стадии обсуждения, уже ускорял процесс, который вел к гибели это государство.

Эренталь был проводником новой, империалистической политики. Это был один из имперских министров, которые открыто перешли на сторону империалистов и сделали их цели своими целями. Но его отстранили от дел, и он вскоре умер.

Конрад фон Гетцендорф был проводником политики Франца Фердинанда и других апологетов нового австрийского империализма в армии, но политику, которую он поддерживал, он, вероятно, сам понимал не до конца. Между ним и Эренталем возникали серьезные разногласия не в отношении целей внешней политики, а в отношении ее методов. Однако его оценка международного положения совпадала с желаниями тех, кто считал, что война должна начаться в ближайшие годы, если Австрия хочет увеличить свое влияние и свой вес. А когда эта война начнется, Гетцендорф свою задачу видел в том, чтобы создать для ведения войны наиболее благоприятные условия. Но в Австрии с каждым годом нарастали внутренние конфликты и, кроме того, увеличивалась возможность тесного союза между Россией, Францией и Англией. Поэтому начиная с 1908 г. Гетцендорф начал торопить с войной и делал это так настойчиво и громогласно, что на некоторое время даже впал в немилость у гораздо более осторожного Франца Иосифа и поэтому был отстранен от дел. Однако в 1912 г. его вернули и назначили начальником генерального штаба. Его новое восхождение явилось для всей Австрии, а также и для всей Европы свидетельством того, что победы его политический курс. Конрад фон Гетцендорф во главе генерального штаба — это значило, что Австрия решилась на войну.

В этих действиях Франца Фердинанда, так же как и Гетцендорфа, определенную роль сыграло желание путем усиления Австрии избежать опеки со стороны Германии. Но чем большее влияние приобретала политика Гетцендорфа, чем более открыто шла Австрия к войне, тем яснее становилась невозможность вести эту войну без Германии. И тем в большую зависимость от Германии попадало также и командование армии, пока наконец, уже перед 1914 г., Конрад фон Гетцендорф и его штаб не сделались лишь придатком германского генерального штаба.

Австрийское министерство иностранных дел, не найдя достаточно веских оснований для аннексии Боснии, стало их изобретать. Одновременно оно поставило своей целью скомпрометировать сербов и хорватов в Венгрии, а по возможности также словен и чехов в Австрии, чтобы дать повод венгерскому правительству обрушиться на них и подавить сербское и хорватское национальные движения.

Неожиданно было объявлено о раскрытии сербо-хорватского заговора, нити которого якобы ведут свое начало из Белграда. Этот заговор ставил своей целью присоединение сербских и

хорватских областей к Сербии. Было арестовано 53 человека, главным образом сербов, которые предстали перед судом в Загребе (Аграме). Вскоре этот так называемый «Загребский процесс по обвинению в государственной измене» был разоблачен как бесстыдная провокация, сфабрикованная путем подлогов и запугиваний.

53 обвиняемым инкриминировалось участие в тайной организации «Словенский юг» («Slovenski Jug»), основанной якобы в Белграде при содействии короля, получавшей оттуда огромные суммы денег и ставившей своей целью не то отделение хорватов от Австрии, не то борьбу с Австрией, не то организацию покушений, не то распространение в монархии портретов сербского короля... В самом обвинении не было достаточной ясности. Обвинение было построено на некоторых «секретных» документах, главным образом на так называемом уставе тайной организации, который сумел раздобыть австрийский посол в Белграде. Главным свидетелем, на показаниях которого было построено все обвинение, был Настик, известный фальсификатор и неврастеник.

Все это дело можно было бы считать обыкновенной судебной комедией, если бы в самый разгар боснийского кризиса австрийское правительство не продемонстрировало свою солидарность с действиями венгерских властей. На протяжении всего кризиса Австрия не оставляла мысли начать «превентивную» войну против Сербии. И в те дни, когда решался вопрос — начать войну или нет, министр иностранных дел Эренталь передал австрийскому историку Фридьонгу (одному из подписавших Линцскую программу) целую серию документов. Эти документы были того же происхождения, что и документы, фигурировавшие на процессе, в них содержались подобные же утверждения (включая историю и о «Словенском юге» и о получении денег из Белграда) и, как было позднее установлено, они были сфабрикованы теми же лицами. Фридьонг был весьма неосторожен и сгоряча приступил к публикации документов в «Нее фрейе прессе». Позднее выяснилось, что Эренталь был в это время уверен, что война все равно начнется в ближайшие дни и что тогда уже ни один человек не станет интересоваться, подлинные ли это документы. Однако война не началась. Публикование статей Фридьонга было сразу же приостановлено, но всем стало ясно, что австрийское правительство причастно к Загребскому процессу и что оно также несет за него ответственность.

Обвиняемым грозила смертная казнь, и самый процесс велся настолько безобразно, что с самого начала было ясно, что единственной его задачей является получение «юридических оснований» для уничтожения сербо-хорватской, а может быть, также словенской и чешской национальных партий.

И процесс, вероятно, достиг бы своей цели, если бы подсудимые и все славянское движение в целом не обрели себе защитника, который превратил суд над славянами в суд над австрийским правительством. Этим защитником был Т. Г. Масарик.

Масарик выступил против Эренталя, венгерского правительства и всей клики фальсификаторов и их заказчиков. В тот момент его выступление было своевременным. Пронемецкие газеты уже начали обвинять австрийских словен в содействии заговору и намекали на причастность к нему чехов. Все было уже готово к тому, чтобы начать «антиславянскую кампанию» бóльшего масштаба, которая, вероятно, привела бы к войне.

После изучения Масариком материалов процесса и «секретных документов», на которых основывали свои обвинения Эренталь и Фридьонг, от «заговора» вообще ничего не осталось. Процесс внезапно прервали, и хотя обвиняемые были уже осуждены, их должны были освободить. Затем началось новое расследование, но ввиду «доказанной несостоятельности обвинения» дело было прекращено. Против Фридьонга хорватские депутаты австрийского парламента вместе с главным редактором «Рейхспост» Фундером возбудили дело, и он должен был перед судом признать, что не может привести никаких доказательств справедливости своих утверждений, и оправдывался лишь тем, что действовал «из хороших побуждений». В парламенте Масарик публично обвинял Эренталя и венгерских министров в подлоге, и они не были в состоянии опровергнуть это обвинение. Австрийское правительство было разоблачено перед всем миром как соучастник в организации фальсификаций и провокаций.

Боснийский кризис и «Загребский процесс о государственной измене» были шагом на пути, ведущем к пропасти. Во внутренней политике правительство добилось результата, как раз обратного тому, к которому оно стремилось. Оно стремилось было, например, оторвать все еще колеблющихся хорватов от сербов. Несмотря на все происшедшее, среди хорватов имелись еще люди, которые надеялись с помощью Австрии прийти к соглашению с Венгрией за счет сербов. Процесс в Загребе сплотил сербов, хорватов и словен еще теснее. Южнославянские народы увидели, что правительство готово всеми средствами и ценой любого преступления ослабить положение славян. Даже те, кто до сих пор не хотел сотрудничать с сербами, вынуждены были признать, что только в результате объединенных усилий всех южных славян можно найти разрешение славянского вопроса. Укрепилась солидарность между чехами и южными славянами и до известной степени также и поляками. Все они ясно осознали опасность, которая могла им угрожать в любое время.

Внешнеполитические события были еще серьезней. Отношения между Германией, с одной стороны, и Францией и Англией —

с другой, с некоторого времени делались все более напряженными. Франция и Англия уже заключили пакт о взаимной помощи, направленный против Германии. Германия форсировала строительство флота, что, безусловно, было направлено против Англии, которая ответила на это тем же; Германия претендовала на часть североафриканских колоний, что приводило к напряженной борьбе с Францией; в это же время Франция непрерывно вела пропаганду за возвращение ей Эльзас-Лотарингии. В Южной Африке, в Восточной Азии, на южных морях сталкивались английские и немецкие интересы.

Россия присоединилась к франко-английской группе держав, и ее задачей, в случае конфликта между Францией и Германией, было открытие в восточной части Западной Европы второго фронта против Германии, но сама она, не говоря об общих политических соображениях, не была заинтересована в франко-германском конфликте. Политика Австрии в отношении Сербии, ее открыто продемонстрированное намерение предпринять «марш на Балканы» и покорить славянские народы Балкан, а также поддержка, которую ей в этом оказывала Германия, — все это дало возможность сторонникам англо-французской ориентации в России дать исчерпывающее и всем понятное обоснование позиции России. Можно было теперь указывать на реальную угрозу русским интересам на Балканах со стороны Австрии и Германии и делать упор на принцип солидарности с угнетенными славянскими народами, главным образом сербами.

Для германского правительства обстановка была исключительно благоприятной. Вильгельм II имел твердое намерение начать войну с Францией в наиболее для себя удобный момент. Германский генеральный штаб знал, что Россия под давлением Англии и Франции тоже вступит в войну, и опасался, что Германии придется в одиночку вести войну на два фронта. Но если бы война одновременно началась и между Австрией и Россией, это значительно уменьшило бы для Германии опасность, грозящую с востока, и удар русских можно было бы парализовать контрударом австрийцев. Агрессивная политика Австрии являлась для германского генштаба «случаем, посланным с неба». Таким образом, в случае войны Австрия должна была таскать из огня русские каштаны для Германии, в то время как Германия сравнительно спокойно будет сражаться на западе, и если Австрия при этом в конечном счете будет разбита, то, с точки зрения ее немецкого партнера, это тоже не будет большой бедой. Тем временем на западе будут достигнуты успехи и можно будет спокойно прибрать к рукам все, что останется от Австрии. Но самым важным в настоящий момент было то, что Австрия сама, без особого дипломатического давления, просовывала свою голову в петлю.

В результате укрепления австро-немецкого союза в 1909 г. было заключено секретное военное соглашение между Австрией и Германией, по которому Австрия в случае войны обязывалась тотчас же начать наступление, чтобы дать возможность германской армии со своей стороны предпринять наступление на западе. В 1914 г. действия начались по плану, разработанному в 1909 г. Однако события стали развиваться в другом направлении, чего не могли предвидеть оба партнера.

Начиная с 1909 г. все уже знали, что большая европейская война неизбежна. Англо-германские противоречия принимали все более острые формы, германский капитал сталкивался с английским в колониях, полуколониальных странах и Европе. Англия пыталась вытеснить немецкий капитал с азиатских и с южноафриканских рынков. Германия стремилась вовлечением в свою сферу влияния Балкан и Турции и постройкой Багдадской железной дороги прервать связь Англии с Ближним и Средним Востоком и в то же время установить преобладающее влияние в Иране, с его богатейшими нефтеносными областями.

Второй узел противоречий существовал между Германией и Францией. Немецкие промышленники хотели присоединить французский железорудный бассейн в восточной Франции к германскому каменноугольному району, в то время как французские промышленники также желали присоединения богатой углем Рурской области к Франции. Обе стороны знали, что разрешение этого вопроса возможно только в результате войны, и промышленники и банкиры обеих стран жаждали этой войны. Кроме того, германские и французские экономические интересы столкнулись в Северной Африке, а австрийские и французские — на Балканах.

И, наконец, имелось еще третье противоречие. Попытка Австрии и Германии проникнуть на Балканы и оттуда в Турцию и на Ближний Восток привела к столкновению с царской Россией, которая имела те же намерения.

В 1904 г. был заключен англо-французский союз, и уже в 1905 г. состоялось первое совместное совещание генеральных штабов этих стран. В 1907 г. к англо-французскому союзу присоединилась Россия. Странам Антанты, к которым неофициально присоединилась Бельгия и позднее Япония, противостоял союз так называемых Среднеевропейских держав — Германии, Австрии, Турции, а позднее также и Болгарии.

Началась гонка вооружений. Германия и Англия соперничали в постройке все больших по тоннажу, новейшего типа военных кораблей. Также быстро росла и численность вооруженных сил. Численность французской и русской армий в мирное время достигла в 1899 г. 1,4 млн. человек, в 1907 г. она составляла 1,8 млн. человек, в 1914 г. — 2,2 млн. человек. Армии Австро-Венгрии и Германии насчитывали в 1899 г. — 950 тыс., в 1907 г. —

1,1 млн. человек и в 1914 г. — 1,3 млн. человек. Расходы на вооружение также быстро возрастали; например, в 1913 г. Германия ввела чрезвычайный военный налог в сумме 1 млрд. марок. Все это свидетельствовало о том, как близка была война; экономисты всех стран понимали, что бюджеты ни одной из стран враждующих коалиций долго не смогут выдерживать такой гонки вооружений.

В годы, предшествовавшие 1914 г., то и дело возникали международные конфликты и назревали политические кризисы, во время которых казалось, что война может начаться каждый час. Англо-франко-германский конфликт в Тунисе, который завершился грозным появлением перед Агадиром германской канонерки «Пантера», едва не начавшей морскую канонаду, Балканская война Болгарии и Сербии против Турции в 1912 г. и война между Сербией и Болгарией в 1913 г., во время которых Австрия предприняла тщетную попытку проникнуть в Салоники, создали такое положение, когда все европейские страны держали оружие наготове, чтобы выступить при первом же удобном случае. Все свидетельствовало о том, что это были последние этапы на пути к большой войне.

Внутри австрийской монархии положение было таково, что уже никто больше и не пытался что-нибудь изменить. В Венгрии почти открыто была установлена диктатура правительства. Чехия перманентно находилась на осадном положении. Парламент в Вене, правда, еще собирался, на его заседаниях дебатировали, голосовали, но это был лишь призрак парламента. Никто не обращал на него внимания, никто не ждал от него решения. Управляли при помощи чрезвычайных законов.

В июне 1914 г. в Сараеве во время инспекционной поездки был убит сербским студентом эрцгерцог Фердинанд. Австрийский генеральный штаб усмотрел в этом повод для того, чтобы окончательно разделаться с Сербией. Сербии был предъявлен ультиматум, принятие которого практически означало для Сербии отказ от суверенитета. Сербия ультиматум отклонила. Неожиданно для австрийского генерального штаба, который предполагал, что Россия не готова к войне, Россия встала на защиту Сербии и мобилизовала свои войска. Мобилизация германской армии последовала за австрийской, французская и английская мобилизация — за русской. Все страны уверяли позже, что они не хотели войны. Это верно. Все они хотели начать ее примерно на один год позднее.

28 июля 1914 г. Австрия объявила Сербии войну. 1 августа Германией была объявлена война России, а 6 августа — Австрией. 3 августа Германия объявила войну Франции и немецкие войска вторглись в нейтральную Бельгию. 4 августа началась война между Германией и Англией. Объявление войны Англией Австро-

Венгрии последовало 12 августа, Францией — Австро-Венгрии 11 августа; 23 и 27 августа Япония объявила войну Германии и Австрии. Началась последняя глава истории старой Габсбургской империи.

Мировая война

Война началась под звуки победных фанфар. На улицах Вены распевали песню о благородном рыцаре принце Евгении, и австрийскую армию, подобно войску Евгения, уже видели стоящей у ворот «града и крепости Белград». Газеты опубликовали первые сводки генерального штаба, в которых сообщалось о безостановочном наступлении императорско-королевской армии, а в кафе и на рынках столицы можно было слышать: «Самое позднее к рождеству все будет окончено». Жизнь в Вене шла своим чередом, как будто ничего не изменилось. Офицеры, посетители кафе и ресторанов, сменили форму мирного времени на походную, газеты увеличили число экстренных сообщений, а в рабочих кварталах отцы и сыновья укладывали свои рюкзаки и чемоданы и уходили на фронт. Но город так же, как и раньше, светился огнями, офицеры с дамами в широких шляпах и в боа из перьев попрежнему наполняли рестораны, фиакры проносились по центральным улицам Вены, а на рынках было еще много продуктов — овощей, мяса, птицы и фруктов, в Вене попрежнему завтракали гуляшом и пили вино или кофе со взбитыми сливками. В Шёнбрунне, как символ незыблемости монархии, все еще сидел старый кайзер, как он сидел там уже в течение 65 лет. Многие все же утверждали, что старая Австрия должна погибнуть, что старые времена ушли безвозвратно. Но не многие сознавали, что это и был уже конец.

В генеральном штабе и в правительстве настроение вовсе не было столь оптимистичным, как это старались показать. С самого начала дела пошли плохо. Несмотря на то, что австрийское правительство хотело войны и само своим ультиматумом развязало ее, Австрия оказалась к войне не подготовленной. Армия была плохо обмундирована и имела устаревшее вооружение. Многие войсковые соединения должны были отправляться на фронт, не имея походного обмундирования и, что было еще хуже, — плохо вооруженными, не имея достаточно боеприпасов. План, выработанный австрийским и германским генеральными штабами в 1909 г., по которому Австрия должна была своим наступлением на Востоке скватать русские армии, в то время как Германия будет развивать наступление на Западе, провалился с самого начала. Вместо предполагаемого наступления пришлось отступить, и германское верховное командование даже оказалось вынужденным перебросить в Австрию свои части, чтобы предотвратить грозящий прорыв фронта русскими войсками. Даже после сражения при Танненберге в Восточной Пруссии, в котором русская армия

потерпела поражение, австрийцы были вынуждены снова просить у немцев помощи.

Вслед за первоначальными успехами на Западе, после сражения на Марне (5—10 сентября 1914 г.), германское наступление было приостановлено. Началась позиционная война, связывавшая огромные людские резервы и продолжавшаяся до 1918 г.

Коалиции так называемых центральных держав (Германия, Австрия, с октября 1914 г. — Болгария и с ноября того же года — Турция) противостояли вооруженные силы Антанты — России, Сербии, Англии, Франции, Бельгии и Японии. Экономически Антанта была сильней, чем центральные державы. Антанта располагала большими ресурсами, имела в своем распоряжении больше людей и ее военно-промышленный потенциал был выше. Среднеевропейские государства могли выиграть войну лишь в том случае, если бы им удалось закончить ее очень быстро, прежде чем противная сторона успела бы мобилизовать свои военные и промышленные ресурсы. Но уже осенью 1914 г. стало ясно, что на быструю победу рассчитывать не приходится.

Австрийское наступление в Сербии было несколько успешней — австро-венгерские войска вырвались вперед и 2 декабря заняли Белград. Однако спустя 14 дней они должны были его оставить. Наступление провалилось.

Столь же серьезными, как и военные неудачи, были дипломатические поражения. До августа 1914 г., хотя и формально, существовал австро-германо-итальянский союз — так называемый *Тройственный союз*. В течение всего времени существования этого Тройственного союза отношения между двумя союзниками — Австрией и Италией — были напряженными. Австрии принадлежал ряд провинций, в первую очередь Триест и Триент, на которые претендовала Италия. Кроме того, Италия поддерживала связь с итальянскими меньшинствами, проживающими в Австрии, обращение с которыми со стороны Австрии создавало почву для частых конфликтов. Италия еще в 1902 г. заключила с Францией секретное соглашение, по которому она обязывалась в случае войны между Францией с одной стороны и Германией с Австрией — с другой оставаться нейтральной. В начале войны Италия объявила нейтралитет, который, однако, с самого начала являлся «дружественным нейтралитетом» по отношению к странам Антанты и давал возможность Франции почти полностью обнажить франко-итальянскую границу. Однако, вступив в переговоры с центральными державами, Италия объявила, что она готова их поддерживать, если Австрия очистит Триент и Триест. Германское правительство стояло за принятие этого условия. Австрия, однако, отклонила его, главным образом под давлением Венгрии. Уже через несколько месяцев после начала войны в Лондоне начались переговоры между Италией и странами Антанты, и по Лондон-

скому тайному договору Италии были обещаны Триест, Триент, Далмация и Южный Тироль. В мае 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии. Начиная с этого времени значительная и все возрастающая часть австро-венгерской армии была скована в области Изонцо (между Триестом и Венецией). Война в гористой местности, приведшая к огромным человеческим жертвам, несмотря на одиннадцать тяжелых сражений в Изонцо, так до конца войны и не привела к каким-либо определенным результатам. И здесь фронт оставался без изменений.

Румыния, которая точно так же в качестве платы за свой нейтралитет в войне против центральных держав выставила территориальные требования (она прежде всего желала получить Трансильванию), в 1916 г. вступила в войну на стороне стран Антанты. И в этом случае Германия, которая всегда была готова пойти на уступки за счет своего австрийского союзника, поддерживала румынские требования. И на этот раз переговоры потерпели неудачу главным образом из-за сопротивления Венгрии. Премьер-министр Венгрии Тисса был готов пойти на уступки трансильванским румынам в области культуры, но и это его предложение разбилось о сопротивление венгерского правительства.

В ноябре 1914 г. рухнул австрийский фронт в Галиции. Перемышль был осажден, началось наступление русских войск, достигших северной Венгрии. Австрийский генеральный штаб снова был вынужден обратиться к германскому генеральному штабу с просьбой о помощи. Совместным немецко-австрийским контрнаступлением удалось остановить наступление русских войск. Операциями на востоке и юго-востоке руководил Макензен, и австрийские полки были подкреплены немецкими соединениями. В течение 1915 г. на востоке центральные державы добились больших успехов. Снова был взят Белград, сербская армия была оттеснена к морю и разбита. Буковина, занятая русскими, была взята обратно. Русское наступление на Пруте, предпринятое в конце 1915 г. и начале 1916 г., было остановлено, и в 1916 г., после вступления в войну Румынии, центральные державы заняли Бухарест, оккупировав всю страну. Германии, действовавшей на севере, удалось занять Варшаву, Люблин, Гродно и продвинуться до Брест-Литовска.

Успехи на востоке и юго-востоке были куплены Австрией ценой полного подчинения германскому верховному командованию. Немецкие командующие армиями фактически руководили также и операциями австрийской армии, а в 1916 г. Гинденбург был официально назначен на пост главнокомандующего всеми армиями, действовавшими на пространстве от Балтийского моря и до Тарнополя. Уже в 1916 г. австрийская армия была целиком слита с германской. И неоднократно, как только у немцев появлялось подозрение, что австрийское правительство пытается начать пере-

говоры со странами Антанты (британское министерство иностранных дел одно время имело план склонить Австрию на сторону Антанты, обещая отдать ей после войны Силезию), немцы совершенно открыто заявляли, что в случае, если Австрия заключит сепаратный мир, они оккупируют всю Австрию. Если даже в этих угрозах и была доля преувеличения, то все же начиная с 1915 г. вести самостоятельную военную политику Австрии было значительно труднее, чем прежде. Империалистическая война завершила то, что было начато империалистической политикой Австрии перед войной. Австрия была слишком слаба, чтобы в XX в. самостоятельно осуществлять политику покорения других стран. В тот самый момент, когда она решила взять такой курс, она утратила самостоятельность и сделалась орудием в руках Германии.

Новый, совершенно откровенный прогерманский курс нашел еще более яркое выражение во внутренней политике. Ни одна из политических партий Австрии не выступила с протестом против войны. Христианско-социальная, немецкая национальная и либеральная партии — все они в августе 1914 г. объявили о своем безусловном согласии с политикой правительства и обязались безоговорочно поддерживать его. А так как во всей монархии только австрийцы и венгры открыто стояли за войну и так как война на стороне Германии положила конец всем попыткам лавирования между нациями и всем утверждениям, будто бы Австрия является государством также и славян, итальянцев, румын или может им стать, то австрийцы и в Цислейтании теперь открыто объявлялись господствующей нацией, являясь той силой, на которую опиралась корона и генеральный штаб, поставивший под свой контроль всю внутреннюю политику. А так как военная политика Австрии все более становилась немецкой политикой, то это неизбежно привело к тому, что позиция австрийских партий стала идентичной позиции немецких партий.

Весной 1915 г. австрийские партии, за исключением социал-демократической, выпустили манифест, который содержал все основные требования Линцской программы. Так же как и Линцская программа, манифест требовал в качестве единственной уступки неавстрийским народам включения Галиции в будущее Польское королевство (разработкой этого плана занимался и германский генеральный штаб), превращения Австрии в «единое немецкое государство» и далее — в этом вопросе манифест 1915 г. шел еще дальше Линцской программы — подчинения Сербии и включения ее в систему монархии в военном и экономическом отношении. Разница между Линцской программой 1882 г. и манифестом 1915 г. заключалась в том, что Линцская программа выражала стремления самой крайней, самой реакционной шовинистической группы великогерманцев, в то время как манифест 1915 г.

отражал требования всех австрийских буржуазных партий, начиная от левых и кончая правыми.

Австрийская социал-демократическая партия не подписала манифеста, хотя ее позиция в основном ничем не отличалась от позиций других партий. Германские социал-демократы голосовали в парламенте за военные кредиты и тем самым продемонстрировали свою солидарность с правительством Вильгельма II в вопросе о войне. Австрийская социал-демократия не была поставлена в такое «затруднительное положение» — ей не надо было голосовать за военные кредиты, так как в первые два года войны австрийский парламент вообще не созывался. Правительство хотело создать впечатление, будто вся монархия единодушна в поддержке воюющих центральных держав, а также не хотела доводить до сведения неавстрийского населения о появившейся с самого начала войны оппозиции среди чешских и югославских депутатов. Вместо того чтобы благодарить случай, который избавил их от публичного заявления о своей солидарности с Берхтольдом и Штюргком и с господами из австрийского генерального штаба, мечтающими об Австрии, простирающейся до Черного моря, а также с их немецкими коллегами, желавшими расширения Германии вплоть до Атлантического океана, австрийская социал-демократия поспешила заверить, что она не голосовала за военные кредиты не по своей вине. В статье, помещенной в «Арбайтер Цейтунг», партия заявляла о своей полной солидарности с германской социал-демократической парламентской фракцией и о своей готовности также голосовать за военные кредиты, если это понадобится. Далее, в этой же статье партия безоговорочно признавала свою принадлежность к немецкой нации, родиной которой, по мнению партии, являются Германия и Австрия. А Карл Реннер, один из лидеров партии, даже сделал такое «открытие», что война якобы содействует прогрессу и что австрийский генеральный штаб является «двигателем прогресса». И тогда же Реннер объявил, что военные успехи Австрии свидетельствуют о том, что национальные устремления неавстрийских народов изжиты. «Идея государственности» якобы победила принцип «национализма». Мысль о расколе монархии и создании национальных государств уже сделалась-де «реакционной утопией», и аргументируя тем, что народы средне-европейских государств сблизились во время совместного сидения в окопах, династия и генеральный штаб смогут теперь создать «наднациональную центральноевропейскую империю под гегемонией Германии». Если в других своих разглагольствованиях социал-демократия открыто и не приветствовала войну, то она призывала покориться неизбежному, так как силы, которыми располагает война, превосходят силы рабочего класса и сопротивление войне только вызовет ненужные жертвы. Партия обнадеживала рабочий класс относительно перспектив послевоенного времени,

Руководство профсоюзов было еще откровенней. Оно объявило, что профессиональные союзы в период войны должны помогать государству, ведущему войну. «Профессиональные союзы в такое ответственное время должны взять на себя выполнение ряда работ, освободив от них государственную администрацию. Без этой помощи профессиональных союзов, оказываемой администрацией, может случиться так, что и без того слишком обоснованные требования рабочего населения, обращенные к государственной администрации, получат еще больший вес и тогда не удовлетворить их будет для администрации очень трудно» — говорилось в воззвании профессиональных союзов, выпущенном 8 августа 1914 г.

Итак, организации рабочего класса считали своей заслугой то, что они освобождают государство, ведущее империалистическую войну, от дополнительных забот и помогают ему сэкономить деньги! Нехватало только, чтобы профессиональные союзы в подобном же манифесте посоветовали рабочим «прекратить борьбу за повышение заработной платы».

Австрийская социал-демократия, как и социал-демократические партии всего мира, еще за несколько недель до начала войны призывали рабочий класс препятствовать войне и, если потребуется, объявить всеобщую стачку. И так же как австрийские и германские социал-демократы с самого начала войны перешли на сторону своей воюющей буржуазии, точно так же капитулировали перед своей буржуазией и встали на сторону «защитников» отечества социал-демократические партии Франции, Англии и почти всех воюющих стран. Исключение составляли лишь маленькая сербская и болгарская социал-демократические фракции, которые голосовали в парламенте против военных кредитов.

В России в Государственной думе выступили большевики с демонстрацией протеста против войны и призывали рабочий класс всеми средствами бороться против войны, добиваться свержения своего правительства. Большевики были единственной большой партией, которая организованно выступила против войны. В ряде других социал-демократических партий с самого начала войны возникло левое крыло, которое квалифицировало поведение социал-демократических партий как измену делу рабочего класса и заявило, что война империалистических держав не является делом рабочих, а несколько позднее выдвинуло лозунг: «Враг находится в собственной стране». В Германии к этой оппозиции принадлежала прежде всего группа социал-демократических деятелей во главе с депутатом парламента Карлом Либкнехтом, который при повторном голосовании за военные кредиты лишь один голосовал против.

В австрийской социал-демократической партии точно так же возникла оппозиция против политики партии, которая в 1914 г. в годовом отчете венской полиции характеризовалась следующим

образом: «Поведение социал-демократической партии было до конца 1914 г. абсолютно лояльным. В целях теоретического оправдания участия социал-демократии в войне немецкая и польская партии объявили эту войну войной против царизма, в свержении которого заинтересованы также и товарищи в Западной Европе. Чешские социал-демократы послушно приспособились к обстановке. Подобно тому как и в Германии, австрийская социал-демократическая партия принимает участие в разрабатываемых в настоящее время мероприятиях по социальному обеспечению, в партийной прессе интенсивно обсуждается вопрос о снабжении продовольствием, и профессиональные союзы ревностно занимаются изысканием средств для ликвидации безработицы».

Оппозиция в австрийской социал-демократической партии возглавлялась Фридрихом Адлером, сыном Виктора Адлера. Но в то время как большевики в России и левые в Германии требовали активных выступлений против войны и против своих ведущих войну правительств, Ф. Адлер при всей его правильной оценке политики партии выступал лишь за пассивное непризнание войны. В меморандуме, обращенном к руководству немецко-австрийской социал-демократии в августе 1914 г. он писал: «Главный вопрос в настоящее время следующий: «Будем ли мы сторонниками войны? Дадим ли мы вовлечь себя в один из ее лагерей, будем ли мы подогревать военный энтузиазм или мы предоставим господствующим классам одним нести всю ответственность и будем молчать и терпеливо ждать, пока не придет время, когда пролетариат снова сможет заговорить? Для тех, кто настроен интернационально, для тех, кто дело освобождения пролетариата считает смыслом всей своей жизни, возможен лишь второй путь».

И затем в декабре 1915 г. он писал: «...В сложном комплексе причин, вызвавших мировую войну, нет ни одной, которая выражала бы интересы европейской демократии... Для нее в этой войне возможна лишь политика строгого нейтралитета».

Оппозиция Ф. Адлера была честной и по-своему смелой. Он это доказал в 1916 г., когда в знак протеста против войны и внутренней политики правительства, которое все еще управляло при помощи чрезвычайных параграфов конституции, убил одного из главных виновников, министра внутренних дел Штюргка (Ф. Адлер был приговорен судом к смертной казни, которая была заменена длительным тюремным заключением). Но оппозиция Ф. Адлера вела в тупик. «Молчаливое и упорное ожидание», «строгий нейтралитет» рабочего класса не мешали тем, кто вел войну, и практически не способствовали прекращению войны. Только борьба против своего правительства, забастовки, демонстрации и, наконец, отказ работать на войну, отказ сражаться, массовое дезертирство могли заставить буржуазию быстрее закончить войну. Но Адлер и возглавляемая им оппозиция были далеки от

подобных требований, и поэтому рабочие, которые уже с 1916 г. начали выступать за немедленное окончание войны, оказались предоставленными самим себе¹.

В области внутренней политики монархия открыто подчинилась Германии. Буржуазные партии объявили себя сторонниками военной политики, провозгласив о своей принадлежности к «немецкой нации». Социал-демократическая партия с некоторыми оговорками сделала то же самое. А те, кто и не был согласен с этой политикой, не могли предложить ничего другого взамен. Неавстрийским народам монархии, за исключением венгров, которые теперь совершенно открыто объявили себя господствующей нацией в Трансильтании, вообще не на что было надеяться. В случае австро-немецкой победы они навсегда оказались бы в подчинении у австро-немцев или венгров, которые задушили бы их национальное развитие. Единственным выходом для них была ставка на поражение в войне центральных держав, чтобы таким образом как можно скорее отделиться от Австрии.

Если лидеры национальных партий — чехов, хорватов, словен, румын и других народов — и не уяснили себе этой необходимости, то народные движения в этих странах заставили их — одних раньше, других позднее — это понять (многие из руководителей, прежде всего «вожди» чешских правых, словен и хорватов, все еще медлили и долгое время тешили себя надеждой на превращение Австрии в федеративное государство). И в то время как в Австрии в первые два года войны почти не было народных выступлений, направленных против войны, в Чехии и Моравии уже в августовские дни 1914 г. сформировалась резкая оппозиция против войны. Для чешских и словацких крестьян и рабочих война представлялась менее запутанным явлением, чем для многих из их политических деятелей. Для них это была война за чуждые интересы, «за немцев», и ради этого они должны были гибнуть, переносить голод, холод, страдания и умирать, сражаться под командованием «немцев» и ради немецких захватов стрелять в русских и сербов — их братьев славян, язык которых был им понятен и с которыми их связывали родственные чувства. И в то время как на улицах Вены распевалась песенка о «принце Евгении», в Праге, Брно и других городах монархии не слишком громко, так как было введено военное положение, но все же достаточно внятно пели «*Hej Slované*» с его запрещенными строфами, в которых говори-

---

¹ Что оппозиция Ф. Адлера была проявлением мелкобуржуазного пацифизма и паникерства, свидетельствует дальнейшая его биография. Освобожденный из тюрьмы революцией 1918 г., Ф. Адлер вступил на путь измены делу рабочего класса и помог правому руководству социал-демократии разгромить революцию. Являясь затем одним из руководителей II Интернационала, Ф. Адлер направил все свои усилия на борьбу против коммунизма, против рабочего класса. — *Прим. ред.*

лось о том, что «скоро придут русские и французы и нас освободят». В деревнях звучали слова печальной песни о красном платочке; в этой песне ясно проявилось нежелание людей умирать за Австрию. В Словакии пели грустные песни о наступивших тяжелых днях, которые принесла чуждая для них война. Когда пишешь о мировой войне и об отношении к ней чехов и словаков, то очень трудно не вспомнить талантливое антивоенное произведение чешского писателя Ярослава Гашека. Его произведение «Бравый солдат Швейк», конечно, не исторический документ, но «швейковщина», которая там описывается, то есть внутреннее сопротивление и нежелание воевать, скрываемое под видом высокого патриотизма и величайшей лояльности, действительно имелись среди населения Чехии и Моравии с самого начала войны. Но было кое-что и посерьезней, чем саботаж. Уже с первых месяцев войны чешские и словацкие солдаты начали группами переходить на сторону противника, чешские и словацкие полки отказывались подчиняться командованию. 11, 36 и 88 чешские полки, 13 и 73 словацкие полки отказались идти в наступление; они были окружены австрийскими и венгерскими войсками и расстреляны. Ежедневно военно-полевой суд выносил приговоры отдельным перебежчикам и отказавшимся повиноваться командованию, но, несмотря на это, подобные случаи все учащались. Наконец, в апреле 1915 г. знаменитый пражский 28 пехотный полк в полном составе с развернутыми знаменами и полковым оркестром впереди перешел на сторону русских. После этого случая с 28 полком чешские полки были расформированы и влиты в венгерские и австрийские соединения и «подкреплены» немецкими войсками. Но массовые переходы на сторону противника все-таки продолжались, хотя и не в столь больших масштабах.

И если австрийское правительство в своих отношениях с австрийскими партиями, включая и австрийскую социал-демократию, действовало не иначе, как надевая лайковые перчатки, то в неавстрийских областях свирепствовал террор, который, правда, был меньшим, чем проводившийся в течение этой войны в Германии, но был близок к нему. Если в Австрии первые годы почти не было случаев вынесения смертных приговоров, за исключением приговора по известному делу Фридриха Адлера и еще одного смертного приговора, вынесенного представителю австрийских левых, то в Чехии и Моравии в течение нескольких лет многие тысячи людей только на основании подозрений были без всякого суда интернированы. Часто достаточно было одного подозрения или доноса, чтобы попасть в разряд «подозрительных». Число смертных приговоров в отношении чехов и словаков достигало, по чешским данным, 5 000. В других местах их было еще больше: если в Чехии и Моравии военные власти все же действовали, считаясь в какой-то степени с общественным мнением, которое сдерживало их в из-

вестной мере, то «на окраинах» — в Галиции, Буковине, в сербских и хорватских областях монархии военные власти делали все, что им заблагорассудится. В Галиции и Буковине часто достаточно было одного подозрения в сотрудничестве с русскими или даже в наличии прорусских симпатий, для того чтобы пострадали целые семьи. Об этом свидетельствуют фотографии, получившие широкое распространение во время войны, на которых засняты императорско-королевские офицеры с папиросами в зубах рядом с виселицами, на которых качаются женщины и дети. Православные священники подозревались в том, что они «русские шпионы», и священников убивали сотнями. Депутат польской социалистической партии Дашинский заявил в 1918 г. в рейхсрате, что число казненных только в Галиции достигает 30 тыс. человек. В других областях жители целых деревень сгонялись со своих мест, а деревни сжигались, десятки тысяч славянских, румынских и итальянских политических деятелей, представителей интеллигенции и рабочих были отправлены в концентрационные лагеря в Венгрии и Штирии.

Самое ужасное, быть может, заключалось в том, что австрийские партии, включая и социал-демократическую партию, не предприняли никаких серьезных попыток сдержать распоясавшуюся военщину и потребовать прекращения убийств. Об этих делах или молчали, или смущенно поговаривали втихомолку и удовлетворялись робкими протестами, остававшимися лишь на бумаге. Ни разу не было сделано даже попыток действительно призвать австрийских рабочих на борьбу с террором. Даже когда член парламентской социал-демократической фракции итальянец Баттисти по обвинению в измене был приговорен военным судом к повешению, то и тогда руководство австрийской социал-демократической партии не выступило с решительным протестом.

Осенью 1914 г. чешское национальное движение серьезно поставило вопрос об отделении Чехии, Моравии и Силезии и о создании своего самостоятельного государства. И в то время как одна часть чешской партии, в том числе группа, возглавляемая консервативным депутатом Крамаржем, и социал-демократическая группа под руководством Шмерала все еще выступали за превращение Австрии в федеративное государство, Масарик по поручению другой части чешского национального движения выехал за границу с целью заручиться согласием стран Антанты на воссоздание после войны самостоятельного чешского государства. В 1915 г. образовался «Чешский заграничный комитет», который призывал чехов к борьбе за создание самостоятельного государства и разъяснял, что династия Габсбургов своей капитуляцией перед Гогенцоллернами фактически лишила себя престола. Одновременно в стране возникло течение за отделение чешских земель от Австрии, под названием «Maffia», руководимое чешской партией народных социалистов. В 1916 г. Национальный комитет,

образованный из представителей оппозиции, находившихся как внутри страны, так и за границей, предложил включить в новое государство словаков. В течение 1917 г. стали создаваться «легионы» чешских добровольцев, сражавшиеся в армиях стран Антанты, которые в 1917 г. на русском фронте около Зборова, действуя самостоятельно, впервые добились военных успехов. В 1918 г. в Риме состоялся конгресс представителей чешской, польской, югославской и румынской национальных групп, на котором было решено добиться совместными усилиями выхода из состава Габсбургской монархии и создания своих национальных государств. В том же году новый чехо-словацкий Национальный совет был признан выразителем воли и высшим государственным органом чехов и словаков, а вскоре затем страны Антанты объявили, что одной из их целей, которую они поставили перед собой, является создание самостоятельного чехословацкого государства. В январе 1918 г. в Праге на так называемой конференции «Трех королей» (Dreikönigstagung) чешские депутаты вместе с рядом руководящих деятелей чешской общественности объявили о создании «суверенного государства в исторических границах земель чешской короны».

Движение за независимость югославы было менее широким и развивалось медленнее, чем чешское. К началу войны существовали политические группы, в особенности среди хорватов, которые, как, например, партия дружественно относящегося к венграм Франка, спекулировали на идее улучшения положения хорватов за счет сербов и мечтали о создании хорватского государства в рамках монархии с включением в него и сербских областей. Нерешительные действия югославы объяснялись двумя причинами: во-первых, тяжелым поражением Сербии в 1914—1915 гг., которое делало иллюзорными все надежды на создание самостоятельного государства под главенством Сербии или при ее участии, и, во-вторых, существованием Лондонского секретного соглашения 1915 г., по которому Италии была обещана славянская Далмация, что дало возможность югославам сделать вывод о нежелании западных держав поддержать их требование независимости. Несмотря на это, еще в начале войны представители сербов и хорватов выехали за границу и образовали в Лондоне Югославский национальный комитет.

В то же время в югославских областях, в сербских, хорватских и словенских подразделениях в армии наблюдались случаи саботажа, шла агитация против войны и были случаи перехода на сторону стран Антанты. С самого начала войны вместе с сербами сражались словены, но эти подразделения, правда, были уничтожены в ходе боев в Сербии. Все более усиливавшиеся антивоенные выступления среди населения, на которые военное командование отвечало применением суровых репрессий, все более возра-

ставшая зависимость Австрии от германской политики и все более откровенный антиславянский курс в австрийской политике, все возрастающие военные неудачи центральных держав начиная с 1917 г. положили конец колебаниям представителей югославского национального движения. За конгрессом в Риме, на котором был заключен союз между всеми угнетенными народами монархии, в июле 1918 г. последовала конференция на Корфу, на которой представители Сербии и представители австрийских сербов, хорватов и словен решили создать объединенное самостоятельное государство — Югославию.

Румыны, национальное движение которых не было особенно сильным, на третьем году войны также начали требовать присоединения их к Румынии. Итальянцы добивались присоединения их к Италии, и начиная с момента вступления Италии в войну в итальянской армии также сражались добровольческие отряды итальянцев из Австрии. Поляки, с самого начала войны выступавшие за создание своего государства, были единственными, которые не смогли добиться восстановления его в борьбе с Габсбургской монархией. Создание польского государства, о чем германский генеральный штаб объявил в самом начале войны (что было шахматным ходом против России), зависело от хода войны. Во всяком случае Австрия предполагала новое «Польское королевство» подчинить Габсбургам.

Через два года после начала войны, в конце 1916 г., стало совершенно ясно, что центральные державы выиграть войну не могут. На всех фронтах наступило затишье. На западе германские армии готовились проводить третью зиму в грязи, в засыпанных снегом окопах Фландрии, на востоке удалось остановить наступление русских войск под командованием генерала Брусилова, но дальше не двинулись ни на шаг. На итальянском фронте австрийская армия была не в состоянии выбить Италию, самую слабую из стран Антанты, из области Изонцо. Со вступлением Румынии в войну армии центральных держав заняли Бухарест, но этот успех на общем фоне имел лишь второстепенное значение. На юге армии Антанты укрепились в Салониках и в Дарданеллах.

Уже давно прошло то время, когда Вена светилась огнями и жизнь шла так, «как будто бы ничего не случилось». Вена стала серым и холодным городом, жители были утомлены. В то время как спекулянты зарабатывали миллионы на военных поставках, на солдатских башмаках с картонными подметками, на «непромокаемых» солдатских одеялах, которые промокали и были короткими несмотря на то, что у них была «строго установленная длина» (они быстро «укорачивались» на фронте), в рабочих кварталах начался голод. В газетах печатались «рецепты», в которых расхваливались доброкачественность и питательность единственного овоща, который еще имелся, — брюквы; основными продуктами

питания были: овсяная крупа, маисовая мука и маисовые отруби. В госпиталях лежали люди с обмороженными конечностями, привезенные с Карпат и из области Изонцо, а списки убитых и пропавших без вести все увеличивались. Призыву подлежали мужчины начиная с восемнадцатилетнего возраста и до 50 лет.

-Людьми, которые за два года до того безоговорочно и не раздумывая приветствовали объявление войны, теперь постепенно овладевало беспокойство. Они спрашивали себя: «Долго ли еще? К чему все это приведет?» Среди рабочих сильных волнений пока еще не было, социал-демократическая партия все так же выступала против стачек и против движения за повышение заработной платы и на своем конгрессе в 1915 г. высказалась за безоговорочную поддержку войны. Но постепенно среди рабочих всего мира начало нарастать движение протеста против войны.

В Германии Карл Либкнехт открыто призывал народ объявить войну войне.

На конференциях в Циммервальде и в Кинтале впервые за время войны встретились социалисты всех стран и заявили: «эта война — не наша война»; они призывали народы к борьбе за немедленное заключение мира без аннексий. Австрийская социал-демократическая партия не присутствовала ни на Циммервальдской, ни на Кинтальской конференциях, но сообщения об этих конференциях, конечно, дошли и до Австрии, и люди, которые до сих пор не видели для себя иного выхода, как только терпеливо ждать мира, теперь начали размышлять.

Под влиянием этих размышлений некоторые австрийские партии начали требовать отмены чрезвычайного положения в стране и созыва парламента. Это требование было отклонено Штюргком. В ответ на это последовало покушение на Штюргка Фридриха Адлера.

Покушение Адлера было подобно удару грома. Но выстрел Адлера был лишь его личным протестом, и его поступок не указывал рабочим никакого выхода из войны; однако для всех в Австрии стало ясным, что спокойствие в стране было лишь видимым и что под покровом «гражданского мира» зрели силы сопротивления. Австрийская, а впрочем, и германская социал-демократия сначала представили покушение Ф. Адлера как действие человека психически ненормального, но рабочие не дали себя обмануть. Во время суда над Адлером происходили стачки и демонстрации протеста, а после объявления приговора в зале суда раздавались крики «ура» в честь Адлера и в честь Интернационала рабочих, и, несмотря на то, что в зале суда и на улице перед зданием производились аресты, демонстрации продолжались несколько часов подряд.

Незадолго до того, несмотря на «лозунг» профессиональных союзов «ни одной стачки», начались первые стачки. Сначала

забастовали рабочие завода, изготовлявшего военное снаряжение. Эта стачка длилась больше 14 дней, и только после частичного удовлетворения требований рабочих правительству удалось заставить их снова приступить к работе.

Возраставшее сопротивление в неавстрийских землях, увеличивавшееся недовольство в Австрии и главным образом в самой столице принудили правительство к некоторому смягчению чрезвычайного положения в стране. Был созван парламент в расчете на то, что это успокоит оппозицию, но было уже поздно. Правда, австрийские партии согласились начать «игру в парламент», полагая, что тем самым будет создана видимость, будто парламент направляет австрийскую политику, между тем как она попрежнему решалась в австрийском и главным образом в германском генеральных штабах. Снова начались серьезные дебаты по вопросам продовольствия, внутренней политики и ведения войны. Однако неавстрийские партии все в большей степени стали использовать парламент в качестве трибуны для установления связи со своими единомышленниками и с границей.

В конце 1916 г. умер Франц Иосиф. Его смерть ничего не изменила, потому что то, что делалось в Австрии и с самой Австрией, не зависело от Шёнбрунна или Гофбурга.

Трон наследовал император Карл. Война продолжалась. Надежды на победу все уменьшались. Через несколько месяцев должна была вступить в войну Америка, с ее людскими резервами и ее колоссальной промышленностью. Карл и правительство начали понимать, что монархия находится на краю пропасти, и сделали в последний момент последнюю, слабую попытку спасти себя. Через своего шурина, принца Сикста Бурбон-Пармского Карл и его новый министр иностранных дел Чернин вошли в сношения со странами Антанты и предложили им начать переговоры о сепаратном мире. Но предложение австрийского правительства имело один существенный недостаток: правительство изъявило готовность содействовать возвращению Франции Эльзас-Лотарингии, но для самой Австрийской монархии не предлагало никаких изменений ни в территориальном, ни в политическом отношении. Однако страны Антанты, хотя бы для того, чтобы удовлетворить притязания Италии, претендовали на территориальные изменения, касающиеся монархии, и поэтому переговоры окончились неудачей. Даже в самый критический момент монархия согласна была на уступки только за счет других. Поводом для демарша Сикста была записка Чернина, в которой он заявлял, что четвертую военную зиму Австрия не выдержит. Французское правительство заняло настолько недружелюбную позицию, что несколько позднее предало гласности демарш Сикста, и австрийское правительство должно было смиренно просить прощения у своего германского союзника и дать обещание подобных

маневров в дальнейшем не предпринимать. В результате указанных действий Сикста давление на Австрию и контроль над ней со стороны Германии еще более увеличились. И, кроме того, теперь весь мир знал, насколько плохи были дела в Австро-Венгрии. А чехи, югославы и другие народы тем самым получили поощрение для продолжения своей политики.

В том же духе, что и демарш Сикста, была попытка Карла разрешить национальный вопрос в Австрии. В очень неопределенной форме хорватам было предложено основать третье государство внутри монархии, то есть осуществить старые планы относительно триалистического государства. И здесь характерным было то, что Карл не предложил равноправия чехам в австрийской части монархии, а предложил его хорватам за счет ущемления прав венгров. Венгры тотчас же выступили с протестом и угрожали прекратить подвоз съестных припасов, что грозило голодом для Вены. Таким образом этот план провалился.

В апреле 1917 г. Америка вступила в войну. В военном отношении судьба центральных держав была решена. За два месяца до того произошло событие, политические последствия которого определили исход мировой войны: произошла русская революция.

В марте 1917 г. русский народ свергнул царизм и потребовал немедленного окончания войны, передачи земли крестьянам и свободы угнетенным национальностям. В течение полугода правительству Керенского удавалось продолжать войну, удерживая власть в руках буржуазии и препятствуя разделу земли между крестьянами. Однако через некоторое время руководство взяли в свои руки большевики, которые потребовали немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций, немедленного раздела — передачи земли крестьянам, создания государства рабочих и крестьян вместо буржуазного государства и национализации средств производства. Осенью большевики завоевали большинство в Советах рабочих и солдатских депутатов. В октябре (ноябре) 1917 г. в один из холодных и дождливых дней крейсер «Аврора» направил свои пушки на Зимний дворец, местопребывание правительства Керенского, в то время как вооруженные рабочие, матросы, солдаты, которые прибывали с фронта, шли на штурм Зимнего дворца. Буржуазное правительство Керенского было свергнуто. В огромном зале, где заседали Советы, Ленин объявил о решении большинства в Советах — о рождении первого в мире Социалистического государства.

Октябрьская революция принесла Австро-Венгрии и Германии передышку. Военные действия на востоке прекратились, и Советское правительство предложило всем странам, в том числе и Австрии, тотчас же начать мирные переговоры. Но Октябрьская революция поставила правительства всех воюющих стран перед огромными политическими трудностями. Она показала народам, стра-

давшим под бременем войны, что есть другой выход и что вместо того, чтобы молча и покорно ждать окончания войны, они могут собственными силами положить конец голоду и массовому уничтожению людей на поле боя. Для Австрии Октябрьская революция не прошла бесследно. Все чаще стали возникать стачки и демонстрации против войны и все громче стало раздаваться требование рабочего класса — «прекратить войну!»

В ноябре 1917 г. начались переговоры в Брест-Литовске между центральными державами и Россией. Во время переговоров германское и австрийское правительства продемонстрировали, что все их слова о справедливом мире, все их заверения в том, что центральные державы не хотят порабощения других народов, приобретения чужих территорий и обогащения за счет других народов, все их уверения о том, что они были вовлечены в войну ради защиты своей территории, были ложью.

Условия мира, предъявленные центральными державами России, были чрезвычайно тяжелыми. Они требовали отторжения Курляндии, Риги, островов на Балтийском море, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Финляндии и, самое главное, отторжения Украины, которая должна была стать «самостоятельным государством», то есть сателлитом и поставщиком хлеба для центральных держав.

Несколько позднее, в мае 1918 г., в Бухаресте был заключен мирный договор с Румынией. Румыния, стоявшая перед катастрофой, должна была очистить «только» Добруджу, но ее экономика была полностью подчинена центральным державам и «включена» в австрийскую и германскую хозяйственные системы. Австрийская делегация располагала в ходе переговоров в Брест-Литовске примерно таким же влиянием, как турецкая или болгарская; фактически переговорами руководили немцы, но Австрия, которая поручила немцам вести переговоры, несет за это такую же ответственность.

Поведение центральных держав в Брест-Литовске должно было заставить каждую мало-мальски демократическую и прогрессивную партию объявить беспощадную войну своему правительству. Рабочие всего государства ожидали, что руководство социал-демократии призовет их к борьбе.

Казалось, что такой момент действительно, наконец, наступил. Когда стало известно, что делегация центральных держав, в ответ на возражения русских против мирных условий, прервала переговоры и что вновь начались военные действия, по Австрии прокатилась волна возмущения. Рабочие в Винер-Нейштадте призывали к стачке протеста против прекращения мирных переговоров. Стачки произошли в Веллерсдорфе, Вене, затем в Триестингтале, Штирии, Верхней Австрии. Чешская социал-демократия призвала чешских рабочих к стачке, и вскоре почти на всех предприятиях остановилась работа. В городах, прежде всего в Брно и в Вене,

происходили большие уличные демонстрации. Рабочие, участники демонстраций, требовали немедленного заключения мира, отставки правительства, создания советов рабочих, освобождения политических заключенных.

Во время стачек разбрасывались листовки, призывавшие рабочих к всеобщей стачке и к вооружению. В одной из таких листовок, выпущенной оппозиционной группой радикально-левого направления, говорилось: «В Брест-Литовске графы и генералы, опирающиеся на мечи, грубо отказали нашим русским братьям в их стремлении к миру... Но народные массы не хотят победы или славы своему оружию, они хотят быстрого мира, мира любой ценой...

Русские рабочие и солдаты в жестокой классовой борьбе отстаивают не только свою собственную свободу, нет... Они пролили свою кровь за освобождение народов всей земли от страданий войны, от гнета капитализма! Рабочие всех стран, соединяйтесь под красным флагом русской революции! Мы, австрийский пролетариат, прежде всего должны спасти русскую революцию от козней нашего правительства.

Мы требуем:

Делегаты на мирную конференцию должны выбираться народом. На всех фронтах немедленно прекратить военные действия. Немедленно отменить закон о военной повинности и милитаризации заводов.

Отменить все ограничения права коалиций и все ограничения политических свобод.

Освободить Фридриха Адлера и других политических заключенных.

Не доверяйте тем «патриотически» настроенным «вождям рабочих», которые вас обманывают с первого дня войны. Не слушайте их убаюкивающих речей и будьте тверды в достижении наших целей!..

Не оставайтесь больше в стороне! Выходите из ваших мастерских! Прекратите изготовление смертоносных гранат! Поднимайтесь из рудников на дневной свет. Останавливайте ваши станки... Выбирайте советы рабочих, как это сделали в России, и пролетариат завоюет победу! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Сотни тысяч людей бастовали — бастовали, не обращая внимания на угрозы правительства и военных властей, несмотря на страх увольнения с работы или лишения пайка, невзирая на полицейские cordоны, окружавшие «ненадежные» заводы. Работницы военных заводов, которые до этого времени не имели даже понятия о рабочих организациях, подростки, которые со школьной скамьи были посланы работать на военные заводы, останавливали машины и присоединялись к бастующим. Солдаты, направлявшиеся на фронт, приветствовали рабочих: «Браво! Держитесь! Мы также говорим — хватит!»

Во всех землях монархии происходили стачки, свидетельствующие о солидарности рабочих. Словенские, мадыарские, сербские, чешские воинские части восставали и присоединялись к рабочим. В военном порту Каттаро матросы военных кораблей братались с бастующими рабочими арсенала, арестовали своих офицеров, подняли на кораблях красный флаг и выбрали Советы. В Каттаро, как и в других местах, австрийцы действовали заодно с чехами, итальянцами, словенами, венграми и хорватами; во время иенской стачки, так же как и в Каттаро, был провозглашен лозунг, объединивший всех — «мира!»

В эти январские дни 1918 г. казалось, что из голода и бедствий войны все еще может подняться новая Австрия и что все народы в братском единении смогут сбросить своих угнетателей, кончить войну и совместными усилиями создать новую, свободную Австрию, о которой уже больше столетия мечтали так называемые «мятежники» и реформаторы. И в эти дни на короткий миг показалось, что наконец австрийский рабочий класс понял, что он не имеет права господствовать над другими народами, что он не должен быть орудием в руках угнетателей, что его задачей является возглавить борьбу за общую свободу.

Но эта иллюзия длилась недолго. С первых же дней стачки вожди социал-демократии, которые препятствовали стачкам, но не могли помешать их возникновению, начали переговоры с правительством. Переговоры велись вокруг одного вопроса — как покончить со стачками.

Все свое влияние, весь свой авторитет социал-демократических «вождей» они употребили теперь на то, чтобы прекратить стачку. Целыми днями Виктор Адлер, Карл Реннер, Карл Зейц уговаривали доверенных лиц с заводов окончить стачку, обещали, что правительство снова начнет переговоры о мире и будет вести их в другом духе, обещали дать больше продовольствия, хлеба, улучшить условия работы. Наконец, им удалось добиться прекращения стачки. Левая оппозиция по отношению к социал-демократическому руководству, существовавшая в рабочем классе, была еще слишком молода и слишком слаба, не пользовалась большим влиянием и не могла надеяться на успех, выступая против авторитета старых руководителей социал-демократии. Стачка была задушена. Однако даже тогда, когда состоялось решение ее окончить, еще в течение нескольких дней рабочие многих заводов не приступали к работе.

Это был конец. Последняя возможность была не использована, сознательно устранена, с тем чтобы немного продлить существование монархии ради ведения «немецкой войны».

Ход дальнейших событий, кратко, был таков. Большое наступление весной и летом 1918 г., последние попытки военного командования удержать разваливавшийся фронт окончились неудачей.

Ранней осенью 1918 г. австрийское правительство обратилось к президенту США Вудро Вильсону с просьбой о посредничестве в заключении перемирия. Но в то время когда центральные державы вели переговоры, монархия уже начала распадаться. 16 октября австрийское правительство предложило народам монархии считать Австрию союзным государством, управляемым Национальным собранием совместно с имперским правительством. Но уже никто не обратил внимания на это предложение.

28 октября 1918 г. чешский Национальный совет в Праге принял на себя функции Временного правительства нового государства — Чехословакии.

29 октября сербы, хорваты и словены образовали новое государство — Югославию.

Польша объявила себя свободной республикой и начала переговоры со странами Антанты.

2 ноября новый венгерский премьер-министр граф Карольи объявил Венгрию независимым государством. И в то же время венгерские, чешские, словацкие, а вскоре также и австрийские войска побежали с фронта.

Отвод венгерским правительством войск с итальянского фронта разорвал линию обороны. Несмотря на то, что переговоры о перемирии уже начались, итальянцы воспользовались представившейся им возможностью, прорвали фронт и одержали свою, единственную за все время войны, победу при Витторьо Венето.

В последние дни войны руководители Советского государства Ленин и Свердлов выпустили Воззвание к рабочим всей австрийской монархии, в котором говорилось:

«...Мы твердо верим, что немецкие рабочие и солдаты Австрии не для того опрокидывают трон императора Австро-Венгрии Габсбургов, чтобы подчиниться императору Германии Гогенцоллернов, что они не для того восстали, чтобы на место старых властей поставить себе на шею Вейскирхнеров, Вольфа и др. представителей австрийской буржуазии. Мы глубоко убеждены, что поземельные румынские крестьяне, которые сбросили иго венгерских магнатов, не пойдут на службу к руссинским боярам, адвокатам и попам.

Мы глубоко убеждены: когда немецкие, чешские, кроатские, венгерские, словенские рабочие, солдаты и крестьяне возьмут власть в свои руки и довершат дело всего национального освобождения, они заключат братский союз свободных народов и объединенными силами победят капиталистов. Голодающие рабочие Вены получают хлеб от крестьян Венгрии, которым они дадут продукт своего труда. Чешские рабочие скоро увидят, что помещики и кулаки отказывают в хлебе не только немецким рабочим, но и рабочим чешским; не в союзе своей национальной буржуазии, а в союзе

пролетарий всех наций, живущих в Австрии — залог победы. Чтобы победа эта была окончательной должны объединиться рабочие всех стран для совместной борьбы против мирового капитала. Рабочие, крестьяне и солдаты Австро-Венгрии не позволят своей буржуазии запретить их в колесницу англо-американского капитала. Чешские, венгерские, немецкие буржуа, которые вчера еще пресмыкались перед Габсбургами, немецкие и венгерские буржуа, которые еще вчера лизали сапоги Гогенцоллернам теперь кричат: «да здравствует Вильсон». Американский капитал, чтобы помочь этой мошеннической проделке, обещает вам хлеб, мы же говорим Вам, немецкие, чешские, венгерские, кроатские, словенские рабочие, крестьяне и солдаты:

Американский, французский, английский капитал такой же враг рабочему классу, как капитал немецкий. Если капитал американский, английский, французский выйдет из войны победителем, то он принудит вас не только уплатить долги, накопленные вашей буржуазией, но наложит на вас громадные контрибуции. Он ведет в настоящий момент преступную войну против рабочих и крестьян России, чтобы принудить их платить долги русской буржуазии и царизма.

Такова будет помощь, которую пошлет вам американский капитал вместо обещанного хлеба. Он не мог дать хлеба итальянским рабочим, даже тогда, когда заставляли их проливать кровь за свои интересы. Помощь и хлеб могут дать вам только русские рабочие, которые взяли власть в свои руки и после года борьбы создали Красную армию и выгнали белогвардейские банды из богатых хлебом областей и будут иметь нужный нам и вам хлеб, если совместными усилиями мы не допустим победы англо-американского капитала. Мы твердо убеждены, что австрийские, венгерские пролетарии поймут, что нельзя верить фабрикантам, банкирам, генералам ни одной страны, что освобождение трудящихся масс возможно только путем международной пролетарской революции. Она победила уже в России, она идет вперед к победам в Австрии. Мы призываем вас объединиться с русскими рабочими, солдатами и крестьянами.

К нашему союзу примкнут рабочие всех стран и совместными усилиями мы закрепим победу трудящихся масс над обагренным кровью бедняков капиталом. В течение года суровой борьбы рабочие и крестьяне в России одни отстаивали власть пролетариата. Они ждали помощь от своих западно-европейских братьев, и эта помощь идет. Вы вступили на путь революции, идите по этому пути смело вперед к победе.

Да здравствует свобода народов Австрии: венгры, чехи, словены, русины!

Да здравствует Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских Депутатов в Австро-Венгрии!

Да здравствует их союз между собой и Советами России за объединенную борьбу!

От имени Совета Народных Комиссаров **В. Ульянов (Ленин)**.

От имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета **Я. Свердлов**»¹.

Этот призыв не был услышан.

Фронт разваливался. Еще до провозглашения новой Венгрии, Югославии, Польши, новой Чехословакии чешские, словацкие, хорватские войсковые соединения договаривались о единстве действий и большими и малыми группами, пешком, на телегах или по железным дорогам стали пробираться на родину. После провозглашения об образовании новых государств они стали покидать фронт тысячами и десятками тысяч человек. Покидали фронт не только венгры и чехи, хорваты и словаки, но также и австрийцы.

Распад монархии был не единственной причиной развала фронта. Солдаты не могли уже больше воевать. У них не было продовольствия и почти не было боеприпасов. На некоторых участках фронта солдаты по три-четыре дня питались одним куском хлеба, на других нехватало боеприпасов — солдатам выдавали лишь по 2—3 патрона на каждого. Раненые целыми днями лежали, не получая необходимой медицинской помощи, и не было транспорта, чтобы отправить их на родину.

На многих участках фронта пытались заставить солдат воевать под угрозой всяческих наказаний, вплоть до расстрела. Но возмущение солдат все росло. «Заключайте наконец мир» — все громче раздавалось с фронта. Уже в середине октября правительство обсуждало вопрос о мерах ликвидации «все усиливающегося мятежного настроения» на фронте. Особенно ненадежные полки хотели оттянуть с фронта и заменить их более надежными, но затем оставили эту мысль, так как вообще не было больше «надежных». Так и не смогли привести в исполнение план — вывести из Вены находившиеся там войска, которые, по словам некоторых министров, представляли собой «очаг беспорядков».

С середины октября на фронте сначала тайно, а затем и открыто стали избираться солдатские советы. Число солдат, участвовавших в выборах советов, увеличивалось, но еще большим было число просто покидавших фронт и уходивших домой.

В воззвании Государственного совета от 3 ноября положение обрисовывалось следующим образом:

«Страна в опасности!

В армии разложение. Солдаты неавстрийских полков уходят домой. Но и немецкие солдаты, невероятно измученные долгой войной, к сожалению, оставляют свои части и не думают о том,

¹ «Правда» 3 ноября 1918 г.

что демобилизация, проведенная без плана, вызовет ужасную безработицу, голод и бесчисленные бедствия и приведет к грабежам, опустошению и поджогам. Лагери военнопленных остаются без охраны, итальянцы, русские и сербы покидают лагери и наводняют страну...»

27 октября император Карл назначил последнее министерство монархии. Оно состояло из либералов и буржуазии, в него входили пацифист Генрих Ламмаш и историк Редлих. Министром социального обеспечения был Игнац Зейпель. Назначение такого министерства шло в разрез с предложением правительства народам монархии от 16 октября. Как в национальном вопросе путем уступок народам хотели в последний момент избежать распада монархии, так и теперь, во внутренней политике, назначением либеральных министров хотели в последний момент спасти династию Габсбургов и предотвратить революцию. Но и здесь также опоздали.

Уже в начале октября на заседаниях правительства открыто говорилось о возможности революции в Вене. 4 октября министр внутренних дел требовал у военного министра ввести «надежные» войска в Вену, чтобы в случае всеобщей стачки использовать их против рабочих. Но «надежных» войск снова не оказалось. Стачечное движение постепенно нарастало, и правительство было не в состоянии ему препятствовать. А бастующие рабочие Вены и больших индустриальных центров открыто заявляли о своем нежелании удовольствоваться небольшими экономическими уступками, увеличением хлебных пайков, сокращением рабочего дня. Так же как и солдаты на фронте, они требовали мира, свободы, республики, социализма. На фабриках выбирались советы рабочих. 28 октября венские фабрики и заводы прекратили работу. Тысячи солдат и рабочих вышли на улицу с лозунгами: «Да здравствует мир!», «Долой монархию!»

Начались переговоры о перемирии. 3 ноября на фронте раздались звуки барабана, означавшие сигнал: «прекратить огонь!» Орудия замолчали, люди вышли из окопов. Война кончилась.

В конце октября почти все народы вышли из состава Австрийской монархии и образовали свои собственные государства. Осталась одна Австрия. Новая Австрия по своим размерам примерно равнялась Австрии 1526 г.

Новое австрийское правительство во главе с Карлом Реннером, образовавшееся 31 октября, приняло решение провозгласить республику¹. 11 ноября император Карл отрекся от престола и поки-

---

¹ В таком изложении К. Реннер представляется как революционер и сторонник республики. Между тем Реннер и вся верхушка социал-демократии до последней минуты отстаивали интересы Габсбургской монархии. 31 октября

нул страну. 12 ноября была провозглашена Австрийская республика.

было создано правительство (Государственный совет) из тринадцати государственных секретарей, и правительство Ламмаша передало ему свои функции. О республике не упомянуто было ни в конституции 30 октября, ни в воззвании Государственного совета «К немецкому народу в Австрии», составленном Отто Бауэром и опубликованном в тот же день, несмотря на то, что в этот день в Вене состоялась крупная демонстрация рабочих и солдат с требованием провозглашения республики. Только 11 ноября, когда стало известно, что в Берлине провозглашена республика, когда стало ясно, что удержать массы от борьбы за республику невозможно, когда стало известно, что император Карл готовится опубликовать манифест, в котором он отказывается «от всякого участия в государственных делах», Реннер на заседании Государственного совета заявил о необходимости провозгласить республику. 12 ноября Временное национальное собрание провозгласило республику. — *Прим. ред.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . . . III—XX

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Глава I</i>	От пограничной области к герцогству	1
<i>Глава II</i>	Начало правления Габсбургов	22
<i>Глава III</i>	Установление абсолютизма	32
<i>Глава IV</i>	Борьба против фронды	75

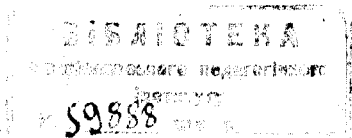
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Глава I</i>	Начало развития национальной экономики	156
<i>Глава II</i>	Возникновение национального вопроса	221
<i>Глава III</i>	Начало упадка абсолютизма	236
<i>Глава IV</i>	Эпоха революций	286
<i>Глава V</i>	1848 год	335
<i>Глава VI</i>	Конец и начало	399

ИБ ПНУС

59888

Редактор *Л. З. ПОЛЯКОВА*

Художник *Н. Н. Симагин*

Технический редактор

Е. С. Герасимова

Сдано в производство 4/VII 1952 г.
Подписано к печати 15/IX 1952 г.
А06910. Бумага 60×92¹/₁₆—16,6 б. л.
33,2 печ. л. Уч.-изд. л. 36,1.
Изд. № 6/1235. Цена 23 р. 65 к.
Зак. 1402

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.